

А.И.Андреев

ТИБЕТ

В ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОЙ,
СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ

Издательство С.-Петербургского университета
Издательство А. Терентьева «Нартанг»

Alexandre I. Andreyev

**RUSSIA AND TIBET
A HISTORY OF TSARIST,
SOVIET AND POST SOVIET
POLICY**

St. Petersburg University Press – Nartang

2006

А. И. Андреев

**ТИБЕТ В ПОЛИТИКЕ
ЦАРСКОЙ, СОВЕТСКОЙ
И ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ**

Санкт-Петербург

2006

ББК 66.4

А65

Андреев А.И.

А65 Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во А.Терентьева «Нартанг», 2006.— 464 с.

ISBN 5-288-03813-9 (Изд-во С.-Петербур. ун-та)

ISBN 5-901-94116-0 (Изд-во А.Терентьева «Нартанг»)

Исследование петербургского историка посвящено 300-летней истории российско-тибетских связей. Автор рассказывает о зарождении в XVIII в. этих связей, возникших благодаря религиозным контактам с Лхасой российских буддистов — калмыков и бурят, анализирует наиболее активные фазы политического диалога Российской империи и затем молодой Советской республики с Тибетом, подробно характеризует тибетскую политику СССР и Российской Федерации во 2-й половине XX века, после аннексии Тибета коммунистическим Китаем, а также нынешнее состояние тибетской проблемы.

Автор использует обширный фактологический материал, включая уникальные документы из архива Президента РФ и британских архивов.

Книга предназначена как для специалистов (историков, востоковедов, политологов), так и для широкой читательской публики.

ББК 66.4

ISBN 5-288-03813-9

ISBN 5-901-94116-0

© А.И. Андреев, 2006

*По своему географическому положению
Тибет представляет, с точки зрения
интересов России, весьма важное
политическое значение.*

С.Ю. Витте

*Тибет есть нечто большее, чем буфер:
Тибет есть непосредственная связь со всей
Внутренней Азией и всем монгольским миром.*

Г.В. Чичерин

*Лучше иметь врага в своей деревне,
чем далекого друга.*

*Тибетская
пословица*

Вместо предисловия

Тибет, несмотря на удаленность от российских границ, страна близкая России. Эта близость обусловлена прежде всего тем, что на территории Российской Федерации проживают народы, традиционно исповедующие ту же разновидность буддизма, что и тибетцы, и почитающие своим духовным главой тибетского Далай-ламу. Именно благодаря этим буддийским народам, главным образом калмыкам и бурятам, и завязались — ещё в начале XVIII столетия — отношения между Россией и Тибетом, носившие поначалу сугубо религиозный характер. Тибет в глазах российских буддистов был прежде всего священной землёй — «Страной Чжу» (Будды), куда они отправлялись поклониться буддийским святыням и получить благословение двух высших буддийских иерархов — Далай-ламы и Панчен-ламы. В то же время в крупнейших монастырских школах Тибета — в Гумбуме, Лавране и Дрепунге — выходцы из России получали высшее конфессиональное образование. Из Тибета в Россию, в бурятские и калмыцкие монастыри (дацаны и хурулы), привозились священные буддийские книги и сочинения тибетских ученых лам, предметы культа и драгоценные реликвии.

На рубеже XX века Россия и Тибет вступили в политический диалог, начало которому положили визиты в С.-Петербург советника XIII Далай-ламы — бурятского ламы Агвана Доржиева. Впервые в многовековой истории тибетского государства его верховный правитель обратился к западному монарху — русскому «белому царю» — в поисках покровительства и защиты от агрессивных происков другой западной державы, Англии. В результате Россия — первая из стран Запада — установила дипломатические отношения с Тибетом, учредив в 1901 г., по личному распоряжению Николая II, российское консульство в гор. Дарчендо (Дацзянлу) «для постоянных сношений Императорского правительства с высшими буддийскими властями Тибета».

История политических отношений России и Тибета сложна и противоречива, ибо эти отношения завязывались и развивались в условиях острого англо-русского соперничества в Азии, что не могло не наложить отпечатка на характер и содержание диалога С.-Петербурга и Лхасы. Это соперничество в значительной степени предопределило «тибетскую политику» царской России, которая

по существу являлась *политикой сдерживания* Англии. Сама же Россия не строила каких-либо агрессивных замыслов в отношении Тибета — уж слишком он был далек от российских рубежей, но в то же время определенно хотела, чтобы образовавшийся между российскими и британскими владениями в Центральной Азии «тибетский буфер» находился в сфере русского влияния. Важным, если не ключевым, элементом этой политики являлось признание Россией суверенных прав маньчжурских правителей Китая (Цинов) в Тибете, хотя такой сюзеренитет на исходе XIX века носил по большей части номинальный, фиктивный характер вследствие политической слабости Цинов, их неспособности осуществлять эффективный контроль над одной из своих «внешних территорий». Вступив в 1902 г. в дипломатическую дуэль с Лондоном из-за Тибета, Петербург решительно настаивал на «сохранении статус-кво» в этой стране, поскольку он позволял сдерживать до некоторой степени наступательные устремления Англии.

Английская военная интервенция в Тибет 1903–1904 гг., однако, нарушила этот хрупкий статус-кво, и последовавший затем (по окончании русско-японской войны) раздел сфер влияния в Центральной Азии между Россией и Англией привел к тому, что Тибет фактически перешёл в английскую сферу, в то время как Россия оформила свой протекторат над соседней Внешней Монголией. Русско-тибетские отношения еще более ослабели в годы индийской эмиграции Далай-ламы (1910 – 1912 гг.) и окончательно прервались накануне первой мировой войны.

Новый этап отношений между Россией и Тибетом начался уже после Октябрьской революции. Произошло это благодаря энергичным усилиям юного советского правительства, стремившегося объединить вокруг себя народы многомиллионного мусульманско-буддийского Востока, поднять их на борьбу с мировым — прежде всего британским — империализмом. Заявив о праве наций на самоопределение, большевики поддержали — по крайней мере на словах — стремление тибетского народа к независимости, признав де-факто суверенный статус Тибета, обретенный страной в 1913 г., после Синьхайской революции в Китае. Это новое сближение с Тибетом теперь уже Советской России оказалось, однако, недолгим и малопродуктивным. Потерпев неудачу в попытке привлечь Далай-ламу и правящие ламско-теократические круги Тибета на советскую сторону, Москва на рубеже 1930-х прерывает отношения

с Лхасой. Тогда же прервались и связи с Тибетом российских буддистов.

На этом, собственно говоря, заканчивается история российско-тибетских отношений. В дальнейшем, в 1930-е – 1940-е гг., СССР уже не вступал в прямой контакт с тибетским правительством и лишь наблюдал со стороны за ходом событий в Тибете и вокруг Тибета. Геополитическая ситуация в Азии радикально изменилась после окончания второй мировой войны. В 1947 г. Индия стала независимым государством, а два года спустя к власти в Китае пришли коммунисты, которые сразу же поставили вопрос о присоединении Тибета к Китайской Народной Республике в рамках реализации своей программы национального объединения Китая. В обстановке начавшейся холодной войны СССР, естественно, поддержал планы китайских коммунистов, опасаясь, что «англо-американские империалисты» могут превратить независимый Тибет в антисоветский плацдарм. В начале 1950 г., встречаясь с Мао Цзедунем, И.В. Сталин одобрил идею «мирного освобождения» Тибета и согласился предоставить Пекину советскую военную помощь для её осуществления. Это позволило Народно-освободительной армии Китая провести крупномасштабную операцию против Тибета, в результате которой последний был аннексирован Китаем и перестал существовать как самостоятельное государство.

СССР приветствовал китайскую аннексию Тибета, ибо она значительно усилила его позиции в центральноазиатском регионе и, следовательно, ослабила позиции США. Тибетский вопрос (вопрос об урегулировании китайско-тибетских отношений) казался окончательно решенным с точки зрения Пекина и Москвы, особенно после того, как Индия (считавшаяся западными державами правопреемницей Англии) признала в 1954 г. суверенитет (в данной работе этот термин используется в значении “полновластие”, “полный контроль”) Китая над Тибетом. Однако попытки китайских властей интегрировать Тибет в составе КНР натолкнулись на серьезные трудности и дали толчок массовым антикитайским выступлениям тибетцев, кульминацией которых стало Лхасское восстание 1959 г. В ходе его подавления частями НОАК десятки тысяч тибетцев бежали из своей страны в соседнюю Индию и вместе с ними Тибет покинул XIV Далай-лама — верховный светский и духовный правитель тибетского государства. С тех пор этнический Тибет является разделенной страной, существующей, фактически, в двух

государственных и постасях: с одной стороны, это находящиеся в составе КНР Тибетский автономный район (ТАР) и девять автономных тибетских округов в соседних китайских провинциях, а с другой — многотысячная тибетская диаспора в Индии, имеющая собственную администрацию, так наз. «тибетское правительство в эмиграции» в Дхарамсале во главе с Далай-ламой.

СССР сформулировал свою принципиальную позицию по тибетскому вопросу («Тибет является неотъемлемой частью Китая, и его дела находятся в исключительной компетенции китайского правительства») еще в 1950 г., и эта позиция, по сути, осталась неизменной и после распада Советского Союза, вплоть до наших дней. Вместе с тем начавшийся в годы перестройки процесс национального возрождения трех буддийских народов России (бурят, калмыков и тувинцев) привел к возобновлению традиционных религиозных и культурных связей российских буддистов с Далай-ламой и другими тибетскими буддийскими иерархами и учителями, что позволяет говорить о новом сближении России с Тибетом, но, что важно отметить при этом, Тибетом не «китайским», а «индийским», не подконтрольным Пекину. Но это сближение ставит нынешнюю российскую дипломатию в довольно трудное положение, ибо она не может позволить себе поддерживать в равной степени дружеские отношения с пекинскими лидерами и буддийским первосвященником (и одновременно главой тибетской оппозиции), которого Пекин считает раскольником и врагом китайской нации.

Предпринятое в данной работе исследование позволяет лучше понять: 1) то место, которое Тибет занимал в истории отношений российского государства со странами Азии в XVIII – XX вв., природу русского интереса к Тибету и особенный характер российско-тибетского взаимодействия, а также 2) саму тибетскую проблему, которая сохраняет актуальность для внешней политики нынешней России главным образом благодаря существующим в настоящее время контактам российских буддистов с Далай-ламой и другими представителями тибетской диаспоры в Индии. Прояснение всех этих весьма не простых вопросов кажется нам необходимым, тем более, что державы-соседи и стратегические партнеры Россия и Китай активно стремятся к обеспечению безопасности и стабильного социально-экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Тибет же с сохраняющимися в нем центробежными тенденциями как следствие проводимой китайскими властями

политики подавления национального самосознания тибетцев под лозунгом борьбы с «тибетским национализмом» — это один из очагов нестабильности в этой части Азии.

В заключение я хочу поблагодарить всех тех, кто оказывал мне содействие и помощь в моем многолетнем исследовании, прежде всего историков и тибетологов А. Маккея, П. Мехра, А. Лэмба, покойного Дж. Снеллинга, С. Бэтчелора, Дж. Брея, Д. Схиммельпенника ван дер Ойе, В. ван Шпенгена, И. Энгельхардт, К. Басс, Т. Ша-кья, Таши (представителя Далай-ламы в России), А.А. Терентьева, Ю.О. Оглаева, Ю.Н. Тихонова, О. Шишкина. Особенно я признателен ныне покойному академику Д.С. Лихачеву и историку-краеведу директору Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева А.В. Кобаку, которые помогли мне получить доступ в Архив президента Российской Федерации и познакомиться с хранящимися там материалами Политбюро ЦК по Тибету. Мне также хотелось бы выразить благодарность декану факультета социальной антропологии и одновременно заведующей кафедрой монголоведения Кембриджского университета проф. Кэролайн Хамфри. Благодаря авторитетной поддержке К. Хамфри я смог получить в 1994 г. исследовательский грант Британского Совета в Москве, позволивший мне совершить поездку в Англию для изучения английских источников по исследуемой теме.

*С.-Петербург
Июль 2005*

Введение

Историография проблемы и обзор источников

В отечественной историографии наибольшее внимание уделялось (и до сих пор уделяется) лишь одному периоду в истории российско-тибетского взаимодействия – отношениям между царской Россией и Тибетом (1898–1914). Этот период достаточно обстоятельно рассмотрен в ряде статей и монографий российских историков (В.А. Теплов, Л.Е. Берлин, А.Л. Попов, В.П. Леонтьев, А.Ф. Остальцева, Т.Л. Шаумян, Н.С. Кулешов, Е.А. Белов, А.И. Андреев)¹. Названные исследователи (за исключением Н.С. Кулешова) рассматривают русско-тибетские отношения в контексте англо-русского соперничества в Азии (Большой игры) — подход, доминирующий и в западной историографии. Первая работа по этой теме, принадлежащая историку и публицисту В.А. Теплову, появилась в 1904 г. в связи с английской интервенцией в Тибет. В ней Теплов проанализировал обстоятельства, приведшие к посылке вице-королем Индии Дж. Керзоном военно-дипломатической экспедиции в соседнюю страну, при этом он процитировал ряд дипломатичес-

1 См.: Теплов В. Английская экспедиция в Тибет // Русский вестник. 1904. Т. 290. С. 393-415, 784-831; Берлин Л.Е. Хамбо-Агван-Доржиев. (К борьбе Тибета за независимость) // Новый Восток. 1923. № 3. С. 139-156; Попов А. Россия и Тибет // Новый Восток. 1927. № 18. С. 101-119; 1928. № 20-21. С. 33-54; Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете в 1888-1919. М., 1956; Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 г.: Влияние русско-японской войны и революции 1905-1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов, 1977; Шаумян Т.Л. Тибет в международных отношениях начала XX в. М., 1977; Она же. Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2001; Shaumian T.L. Tibet: The Great Game and Tsarist Russia. New Delhi, 2000; Кулешов Н.С. Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992; Kuleshov N.S. Russia's Tibet File: The Unknown Pages in the History of Tibet's Independence. Dharamsala, 1996; Белов Е.А. Тибетская политика России (1900-1914 гг.) по русским архивным документам // Восток. 1994. № 3. С. 99-109; Он же. На заре российско-тибетских отношений // Азия и Африка сегодня. 1994. № 4. С. 64-66; Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы: Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в 1-ой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.; Самара; Прага, 1997 (гл.: За кулисами «большой игры»: секретная миссия в Лхасу Нарана Уланова. С. 9-60); Он же. Неизвестная страница из истории Большой игры: Дело о посылке русского агента в Тибет (1869-1873). // Ариаварта. СПб., 1999. № 3. С. 120-133; Он же. Визит чрезвычайного тибетского посольства в Россию в 1901 г. // Буддизм России. 2005. № 39. С. 86-93; Andreyev A. The Tsar's Generals and Tibet // Tibet and her Neighbours: A History. London, 2003. P. 167-173.

ких документов из только что опубликованной британским правительством «Синей книги», проливавших свет на сущность англо-русских разногласий из-за Тибета². Статья Теплова недвусмысленно показала, что Россия проявляет определенный интерес к Тибету и что этот интерес в большой степени обусловлен обострившимся в начале 1900-х гг. англо-русским соперничеством.

Публикации Л.Е. Берлина и А.Л. Попова появились уже в советское время и совпали с возобновлением в 1920-е гг. прервавшегося накануне мировой войны русско-тибетского диалога. Статья референта Наркоминдела Л.Е. Берлина (1923), по сути инспирированная советским дипломатическим ведомством, содержала обзор деятельности Агвана Доржиева в качестве дипломатического посредника между царской Россией и Тибетом. Этой деятельности давалась положительная оценка — Доржиев организовал русофильскую политическую группировку в Лхасе и при её посредстве в течение многих лет «удерживал Англию от захвата Тибета, сталкивая с ней конкурирующую Россию». В то же время, используя Англию против Китая, он способствовал «фактическому освобождению Тибета от многовекового китайского господства» (с. 140). Политика России в отношении Тибета рассматривалась Берлиным в целом как способ удержания Англии от захвата этой пригималайской страны и дальнейшего, крайне опасного для России, проникновения в глубь Центральной Азии. Не менее важен и другой вывод автора — о том, что Тибет после 1913 г. являлся де-факто независимым государством.

В статье историка-марксиста А.Л. Попова «Россия и Тибет» (1927–1928 гг.) русско-тибетские отношения также рассматривались под углом большой азиатской игры Англии и России. Опираясь на большое количество документальных источников из архива царского МИД, Попов впервые дал углубленный анализ этих отношений в период 1898–1907 гг. Важность его работы состоит в том, что в ней было сформулировано несколько ключевых тезисов: 1) о тесной связи тибетского вопроса с дальневосточной политикой России; 2) об отсутствии у России непосредственных интересов (коммерческих или военно-стратегических) в Тибете, что делало тибетский вопрос для России «экзотическим по преимуществу»; 3) о разграничении в 1906 г. российской диплома-

² См.: Papers Relating to Tibet, Presented to Both Houses of Parliament by Command of His Majesty. Cd. 1920. London, 1904.

тием монгольского и тибетского вопросов как относящихся соответственно к сфере интересов России (монгольский) и Англии (тибетский). Это разграничение подтолкнуло обе державы к дипломатической сделке — заключению англо-русского соглашения по Тибету 1907 г.

Интерес к тибетской теме в СССР заметно ослабел после прекращения политических контактов между Москвой и Лхасой в начале 1930-х. Новый всплеск интереса к Тибету стал наблюдаться лишь в 1950-е гг. в связи с присоединением Тибета к Китаю. В 1956 г. увидела свет монография В.П. Леонтьева «Иностранная экспансия в Тибете в 1888–1919». Эта работа, написанная под несомненным влиянием недавних тибетских событий, носила крайне политизированный характер, отражая новую позицию СССР в тибетском вопросе (признание китайского суверенитета над Тибетом). Так, Леонтьев пытался объяснить англо-русское соперничество из-за Тибета стремлением России отбить Тибет у Англии для Цинского Китая, не объясняя при этом целей и побудительных мотивов царского правительства. Вызывают возражения и некоторые другие утверждения автора, плохо или вовсе не согласующиеся с известными историческими фактами, например о том, что Далай-лама бежал в 1904 г. от англичан в Монголию для «сношения с богдыханом» (китайским императором), а не в поисках защиты у русского царя, или что англо-китайская конвенция по Тибету 1906 г. была заключена Лондоном под давлением России. Ещё более одиозно выглядит утверждение Леонтьева о том, что иностранная (прежде всего британская) экспансия принесла тибетскому народу «неисчислимые бедствия» — «десятки тысяч убитых и искалеченных, сотни тысяч умерших от голода и болезней».

Кроме монографии Леонтьева в СССР в конце 1940-х – в 1950-е гг. было опубликовано несколько книг о современном Тибете советских журналистов и переизданы основные труды известных русских путешественников (Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский, М.В. Певцов, Г.Н. Потанин, П.К. Козлов).

Советско-китайская идеологическая конфронтация в 1960-е – нач. 1980-х гг. вызвала новую волну публикаций на тибетскую тему. Это были в основном работы отечественных востоковедов (тибетологов, китаистов), а также востоковедов соцстран (В.А. Богословский, Т.Р. Рахимов, Т.Л. Шаумян, Ш. Бира, Б. Ширендыб, Д. Пурэв,

Д. Маам и др.)³, посвященные вопросам национальной политики руководства КНР, в которых содержалась необычайно резкая критика китайских властей за проводимую ими политику «насильственной ассимиляции и китаизации» неханьских народов Китая, включая тибетцев. В этот же период появились два исторических исследования — А.Ф. Остальцевой об англо-русском соглашении 1907 г. (1977) и Т.Л. Шаумян («Тибет в международных отношениях начала XX в.», 1977).

Труд Шаумян был первой отечественной монографией, посвященной непосредственно истории русско-тибетских связей. Несомненным достоинством этой работы было широкое использование автором документальных источников, прежде всего из Архива внешней политики России и Национального архива Индии, а также обширной литературы по теме, что позволило более широко и в ряде случаев по-новому рассмотреть проблему Тибета в контексте международных отношений в начале XX в. Т.Л. Шаумян, как и предшествующие исследователи, ставит во главу угла при рассмотрении политики держав англо-русское соперничество, при этом ближайшей причиной установления русско-тибетских отношений, по её мнению, явилась «активизация дальневосточной политики русского царизма». Географическое положение Тибета, его весьма протяженная общая граница с Британской Индией, активизация политики британского империализма в Гималаях и Тибете на рубеже XIX-XX вв. «определили место Тибета в международных отношениях, зависимость его от соперничества между Россией и Англией в Центральной и Средней Азии» (с. 25). Т.Л. Шаумян также отмечает важную роль А. Доржиева в русско-тибетском диалоге — его посольства в Россию в 1900–1901 гг. явились важным этапом для укрепления русско-тибетских связей, но в то же время они в значительной степени повлияли на судьбу Тибета, послужив одним из предлогов для организации по инициативе лорда Керзона вооруженного вторжения английских войск на его территорию (с. 32). Один из главных выводов Шаумян — тибетский народ в силу экономической и политической отсталости своей страны не мог осуществлять самостоятельную политику, и

3 См.: Богословский В.А. Тибетский район КНР (1949–1976). М., 1978; Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984; Рахимов Т.Р. Национализм и шовинизм – основа политики группы Мао. М, 1968; Он же. Судьба неханьских народов в КНР. М., 1981; Шаумян Т.Л. Тибет (Политические и военно-стратегические аспекты китайской аннексии). М., 1983. См. также сборники статей: Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975; Маоизм и национальный вопрос // Информационный бюллетень АН СССР ИДВ № 17. М., 1980.

поэтому его судьба зависела от изменения соотношения сил между заинтересованными иностранными державами. «Англия, Китай и Россия практически “делили” Тибет, не считаясь с действительными интересами его народа, использовали его в качестве “разменной монеты” в “торге” за получение преимуществ в наиболее выгодном для каждой из них районе Азии» (с. 194-195). Монография Т.Л. Шаумян, существенно переработанная и дополненная новыми материалами, была переиздана в 2001 г. в США в серии «Российские исследования по мировой истории и культуре» (Т. 14) под заглавием «Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом» (английский перевод этой книги, озаглавленный «Tibet. The Great Game and Tsarist Russia», увидел свет годом ранее в Индии). Новое русское издание включало в себя в виде приложения подборку 33 документов из Архива внешней политики Российской империи. К недостаткам упомянутых публикаций следует отнести ограниченное использование Т.Л. Шаумян материалов военных архивов и практическое неиспользование востоковедных и некоторых других архивных источников, в результате чего из рассказа автора выпал целый ряд эпизодов, как-то: отправка военным министром А.Н. Куропаткиным в Тибет разведывательной миссии подъясула Н. Уланова (1904), планы военно-дипломатической экспедиции в Лхасу П.К. Козлова (1903), секретная выдача царским правительством ссуды Далай-ламе (1908).

Совершенно иная трактовка политики царской России и держав в отношении Тибета дается в работах Н.С. Кулешова. В ряде публикаций на русском и английском языках в 1990-е гг., в том числе в двух монографиях «Россия и Тибет в начале XX века» (1992) и «Russia's Tibet File: The Unknown Pages in the History of Tibet's Independence» (1996), Н.С. Кулешов попытался опровергнуть ключевой тезис об англо-русском соперничестве из-за Тибета, утверждая, что Россия не стремилась к экспансии в этом районе Центральной Азии, поскольку не имела каких-либо политических, экономических или военных интересов в Тибете. Россия «оставалась совершенно пассивна в сфере взаимоотношений, как с Тибетом, так и с другими державами в связи с Тибетом»⁴. Выводя русско-тибетский диалог за рамки Большой игры, автор объясняет его возникновение стремлением русского правительства поддерживать дружеские отношения с буддийским иерархом и главой

⁴ Кулешов Н.С. Россия и Тибет... С. 245.

Тибета исключительно на религиозной основе. Представленные Кулешовым свидетельства об «отстраненности» Петербурга от тибетских проблем при ближайшем рассмотрении, однако, выглядят малоубедительно. Например, в своей монографии «Россия и Тибет в начале XX века» Кулешов пытается представить посольство А. Доржиева в Россию 1901 г. как чисто религиозную миссию, хотя имеются свидетельства, прямо указывающие на то, что целью этого посольства являлось заключение договора с царским правительством об установлении протектората России над Тибетом. Автор также не упоминает о переговорах Доржиева с военным министром в 1898–1901 гг. об оказании военной помощи Тибету, следы о которых сохранились в военных архивах, и не рассматривает проекты и конкретные акции военных периода английской интервенции в Тибет. В результате Кулешов приходит к неверному выводу о том, что «Россия, вне зависимости от того, что у неё были связаны руки событиями на Дальнем Востоке, не склонна была противодействовать осуществлению британской политики в Тибете»⁵. Особенно решительно Кулешов выступает против тезиса западной (английской) историографии о том, что Россия и Англия использовали Тибет в качестве «разменной монеты» в своем дипломатическом торге при разделе сфер влияния в Азии, оставляя без внимания, опубликованные в СССР еще в 1930-е гг. документы о переговорах в мае 1914 г. А.П. Сазонова и Дж. Бьюкенена с целью размена взаимными уступками в тибетском и афганском вопросах по принципу *quid pro quo*.

Концепция Н.С. Кулешова достаточно убедительно опровергается работами Т.Л. Шаумян, Е.А. Белова и А.И. Андреева. Особенно показательна в этом отношении статья Е.А. Белова «Тибетская политика России (1900–1914)» (1994), в которой впервые вводятся в научный оборот ряд важных документов из фонда «Миссия в Пекине» в АВПРИ. Россия, считает автор, проводила осторожную политику в отношении Тибета. Она защищала Тибет от английской агрессии, но не выступала за его отделение от Китая. Русофильская позиция Далай-ламы «являлась важным политическим фактором, который помогал России ограничить и в конечном счете остановить английскую экспансию в Тибете». Полемизируя в этой статье с Н.С. Кулешовым, Е.А. Белов справедливо отмечает, что, если бы Россия не имела собственной тибетской политики, то она едва ли

⁵ Там же. С. 72.

бы стала заключать с Англией отдельное соглашение о Тибете (англо-русская конвенция по тибетским делам 1907 г.⁶

В ряде статей автора этой книги, опубликованных по-русски и по-английски в конце 1990-х – начале 2000-х гг., приводится ряд новых, неизвестных исследователям фактов, позволяющих говорить о наличии у царской России вполне определенной «тибетской политики», которая по сути являлась *политикой сдерживания* Англии. Примером такой политики могут служить открытие русско-го консульства в Дацзянлу (пров. Сычуань) – фактически пункта для наблюдения за деятельностью англичан (1903–1904), отправка А.Н. Куропаткиным группы калмыков-разведчиков в Тибет (1904), планы посылки в Лхасу военно-дипломатической экспедиции под началом П.К. Козлова (1903), обещания А.Н. Куропаткина предоставить тибетцам военную помощь. В статье «The Tsar's Generals and Tibet», посвященной вопросам военного взаимодействия России и Тибета, делается вывод о том, что военное руководство России играло гораздо более активную роль в русско-тибетском диалоге, чем это принято считать до сих пор, хотя оно и не вынашивало каких-либо агрессивных замыслов в отношении Тибета. Данное исследование также показывает, что военные пытались проводить свою собственную линию в тибетском вопросе, отличную от линии дипломатического ведомства.

Что касается английской и индийской историографии, то русско-тибетские отношения рассматриваются в ней преимущественно в контексте англо-русского соперничества (Ф. Янгхазбенд, Ч. Белл, П. Мехра, А. Лэмб, П. Флеминг, Х. Ричардсон, П. Адди, П. Хопкёрк, Х. Хадли, А. Маккей)⁷. Общим для этих авторов является признание ключевой роли бурятского советника XIII Далай-ламы в деле установления непосредственных отношений между Тибетом и царской Россией. Доржиев убедил юного Далай-ламу, что Россия является

6 См.: Белов Е.А. Тибетская политика России (1900–1914 гг.) по русским архивным документам // Восток. 1994. № 3. С. 99, 101.

7 Younghusband F. India and Tibet. London, 1910; Bell C. Tibet Past and Present. Oxford, 1924; Idem. Portrait of a Dalai Lama: The Life and Times of the Great Thirteenth. London, 1946; Mehra P. Tibet and Russian Intrigue // Journal of the Royal Central Asian Society. 1958. Vol. 45 (1). P. 28-42; Idem. The Younghusband Expedition: An Interpretation. New Delhi, 2005 (2nd ed.); Lamb A. Some Notes on Russian Intrigue in Tibet // The Journal of the Royal Central Asian Society. 1959. Vol. 46 (1). P. 46-65; Idem. Britain and Chinese Central Asia. London, 1966; Fleming P. Bayonets to Lhasa. The First Full Account of British Invasion of Tibet in 1904. London, 1961; Richardson H.E. Tibet and its History. London, 1962; Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. London, 1990; Idem. Trespassers on the Roof of the World: The Secret Exploration of Tibet. New York; Tokyo; London, 1995 (2nd ed); Addy P. Tibet on the Imperial Chessboard: The Making of British Policy towards Lhasa, 1899-1925. Calcutta, 1985; Hundley H. Tibet's Part in the "Great Game" // History Today. 1993. Oct. P. 45-52; McKay A.C. Tibet and the British Raj: The Frontier Cadre 1904-1947. Richmond, 1997.

единственной в мире страной, способной оказать помощь Тибету против Англии. Публикации английских дипломатов (Ф. Янггазбенд, Ч. Белл) в целом отражают точку зрения правительственных кругов Британской империи, которая сводилась к тому, что деятельность Доржиева (его посольства в С.-Петербург и секретные переговоры с царским правительством) представляла серьёзную угрозу для безопасности Индии. Авторы двух специальных работ, посвященных теме русско-тибетских отношений, П. Мехра и А. Лэмб, опираясь главным образом на материалы британских архивов, пытались выяснить сущность так наз. «русской интриги» в Тибете, послужившей формальным предлогом для английской интервенции в эту страну. П. Мехра объяснял «особый» интерес России к Тибету двумя факторами: существованием традиционной религиозной связи бурятско-калмыцких буддистов с Лхасой и англофобией Николая II. Главная цель русских, по его мнению, состояла в том, чтобы создать ситуацию мнимой угрозы для англичан — уловка, на которую легко попался русофоб Дж. Керзон. А. Лэмб придерживался несколько иной точки зрения, считая, что Керзон имел достаточные основания, чтобы поверить «свидетельствам» о «русской интриге в Тибете или около Тибета», потенциально опасной для британских интересов в Индии, принимая во внимание экспансию России на Дальнем Востоке и в Монголии.

Из публикаций последних лет заслуживает внимания монография А. Маккея «Тибет и Британская Индия: Пограничные кадры, 1904–1947» (1997), посвященная деятельности чиновников политического департамента англо-индийского правительства, резидентов и торговых агентов в Сиккиме и Тибете. По мнению Маккея, русское влияние в Тибете в начале XX в. было весьма ограниченным. Настоящим врагом Британии эти чиновники считали не Россию, а Китай, пытавшийся присоединить Тибет к своим владениям. Именно Британия и Китай в течение нескольких десятилетий вели борьбу за преобладающее влияние в Тибете, при этом обе страны заявляли, что они действуют исключительно в интересах тибетцев (с. 15). Этот вывод Маккея позволяет по-новому взглянуть на Большую игру в Тибете и участие в ней России – на стороне цинского Китая.

Тема Большой игры стала особенно популярной на Западе в годы после распада СССР, когда зарубежные исследователи получили доступ к материалам российских архивов. В 2001 г. американский

историк Дженнифер Сигел опубликовала монографию «Окончание игры: Британия и Россия в последней схватке за Центральную Азию». В этом исследовании, посвященном возобновлению англо-русского соперничества в период после заключения конвенции 1907 г., автор приводит немало любопытных подробностей, относящихся к тайным переговорам А.Д. Сазонова и Дж. Бьюкенена в Петербурге весной 1914 г. Используя российские и британские архивные источники, в частности переписку статс-секретаря Э. Грея и Дж. Бьюкенена, Дж. Сигел показывает, что российский министр иностранных дел прилагал энергичные усилия, чтобы добиться выгодной для России сделки с англичанами по тибетскому и афганскому вопросам⁸, что еще раз подтверждает наличие у России вполне определенной политики в отношении Тибета.

Другой американский историк Д. Схиммельпенник ван дер Ойе в ряде статей и в монографии о русско-японской войне «Навстречу восходящему солнцу» (2001)⁹ устанавливает наличие тесной связи между имперской идеологией России («конкистадорский империализм») и её внешней политикой в период, предшествующий войне. Отдельная глава в этой книге посвящена Н.М. Пржевальскому, которого Схиммельпенник называет наиболее ярким представителем русского имперского мышления. Рассматривая проекты тибетских экспедиций Пржевальского-исследователя и разведчика 1870-х – 1880-х гг., этот автор отмечает, что они по существу служили экспансионистским целям России в Центральной Азии.

Еще одна работа, заслуживающая упоминания, это книга Дж. Снеллинга «Буддизм в России: История Агвана Доржиева, эмиссара Лхасы к царю» (Snelling J. Buddhism in Russia: The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Shaftsbury, Dorset, 1993). В ней особенно подробно освещается первая половина жизни бурятского дипломата и религиозного деятеля, в том числе его посольства к русскому двору, заложившие основу русско-тибетского сближения.

В китайской историографии тибетской теме также отводится довольно большое место, хотя трактовка в ней известных событий в Тибете в начале XX в. является в значительной степени политизированной, ориентированной на идеологические установки

⁸ Siegel J. *Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia*. London, 2002. P. 189-190.

⁹ Схиммельпенник ван дер Ойе. Свет с Востока // Родина. 1995. № 11. С. 30-333; Он же. Неизвестный Пржевальский // Ариаварта. 1997. № 1. С. 207-226; Schimmelpenninck van der Oye. *Tournament of Shadows: Russia's Great Game in Tibet // The History of Tibet*. Vol. 3. London; New York, 2003. P. 43-56; Idem. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, 2001. P. 24-41.

китайского руководства в тот или иной период истории. Так, в публикациях 1950-х гг. китайские историки делали основной акцент на агрессивных планах английских и американских империалистов в отношении Тибета, избегая употреблять термин «агрессия» применительно к тибетской политике России. Ухудшение советско-китайских отношений в последующие годы заставило их изменить свои взгляды и утверждать, что царская Россия, как и Англия, проводила экспансионистский курс в отношении западных провинций Китая и «китайского» Тибета¹⁰. Так, Ван Фуджен и Суо Венсин в изданной по-английски книге «Основные вехи тибетской истории» (1984) утверждали, что Британия, используя Тибет в качестве плацдарма, пыталась связать Индию со своей сферой влияния в долине р. Янцзы. Царская же Россия, со своей стороны, понимая стратегическую важность Тибета, стремилась аннексировать «эту область» и использовать в качестве базы для расширения агрессии в глубь южно-азиатского субконтинента (с. 120). При этом Британия преуспела больше, чем Россия, в достижении своих целей. Характерной особенностью публикаций китайских авторов является то, что они не используют китайских источников по тибетской теме, поскольку такие источники остаются строго засекреченными в архивах КНР. Столь же недоступны для историков (как китайских, так и зарубежных) и тибетские источники, хранящиеся в государственном архиве в Лхасе. Немногие рассекреченные документы из 1-го исторического архива КНР в Пекине были использованы китайским тибетологом-эмигрантом Сон Лимином в статье, посвященной экспедиции Ф. Янгхазбенда и китайской политике в отношении Тибета в 1903–1904 гг.¹¹

История советско-тибетских отношений была впервые рассмотрена в монографии А.И. Андреева «От Байкала до священной Лхасы» (1997) и в диссертации на соискание ученой степени к. и. н. «Советско-тибетские отношения, 1918–1929» (1998). Этой же теме посвящены и опубликованные на английском во 2-й половине 1990-х несколько статей того же автора, а также монография «Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy» (Советская

10 См.: Очерк агрессии английского и американского империализма в Тибете. Б. м., 1950 (на кит. яз.); Шэ Су. История агрессии Англии в Тибете в период правления династии Цин. Пекин, 1954 (кит. яз.); Новая история Китая. Пекин, 1984. Т. 1-2 (на кит. яз.); Чжоу Вэйчжоу. Очерк истории агрессии Англии и России против нашего Тибета. Шэньси, 1984 (на кит. яз.); Wang Furen, Suo Wenqing. Highlights of Tibetan History. Beijing, 1984.

11 Song Liming. The Younghusband Expedition and China's Policy Towards Tibet, 1903–1904 // Tibetan Studies: Proceedings of the 6th Seminar of the IATS, Fagernes 1992. Vol. 2. Oslo, 1994. P. 789-800.

Россия и Тибет: Крах тайной дипломатии)¹². В этом обобщающем труде советско-тибетские отношения, особенно их начальная фаза (1920–1922), рассматриваются в довольно широком контексте, с использованием материалов по советско-персидским и советско-афганским отношениям, позволяющих говорить о возобновлении в послереволюционные годы, на новом историческом витке, Большой игры в Центральной Азии. Делается вывод, что советское руководство, стремясь подорвать влияние Англии в Тибете, в течение ряда лет проводило довольно активную наступательную политику в отношении этого буферного пригималайского государства.

Среди других публикаций по данной теме следует назвать книгу калмыцкого журналиста В.Ш. Бембева «Человек из легенды» (М.; Элиста, 1991), содержащую рассказ о первой советской миссии в Лхасу в 1921–1922 г. и её руководителе калмычком партийном и государственным деятеле В.А. Хомутникове. Заслуживает также упоминания статья видного советского монголоведа-эмигранта Н.Н. Поппе «Буддисты в СССР»¹³, в которой содержатся краткие сведения о второй советской миссии 1924 г. (ошибочно датирована 1922 г.).

Работы западных тибетологов по этому периоду (Д. Макдональд, Х. Ричардсон, А. Лэмб)¹⁴ ограничиваются лишь констатацией фактов посещения Лхасы советскими делегациями и отдельными агентами в 1920-е гг. со ссылками на английские источники.

Тема «Тибет в советско-китайских и российско-китайских отношениях (конец 1940-х – 1990-е гг.)» является новой и мало изученной. Впервые она была рассмотрена в заключительной главе упомянутой монографии А.И. Андреева¹⁵ с целью показать, что после окончания Большой игры СССР не только не утратил интереса к Тибету, но и оказал действительную помощь КНР в установлении контроля над этой страной, пытался использовать тибетский вопрос для давления на Пекин в период советско-китайской конфронтации, а после распада СССР Российская Федерация в лице трех своих буддийских субъектов (Бурятия, Калмыкия, Тува) стала стре-

12 Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы... (гл.: Большевики в борьбе за Тибет. Тайные экспедиции Наркоминдела в Лхасу в 1920-е гг., с. 121-226); Andreyev A. Soviet Russia and Tibet: A Debacle of Secret Diplomacy // The Tibet Journal. 1996. Vol. XXI (3). P. 4-34; Idem. Bolshevik Intrigue in Tibet // Tibetan Studies: Proceedings of the 7th Seminar of the IATS, Graz 1995. Vol. 1. Wien, 1997. P. 7-15; Idem. Russian Buddhists in Tibet, from the End of the 19th Century – 1930 // Journal of the Royal Asiatic Society (Cambridge). Series 3. 2001. Vol. 11 (3). P. 349-362; Idem. Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy. Leiden; Boston, 2003.

13 Poppe N.N. The Buddhists in the USSR // Religion in the USSR, Munich. Series 1. 1960. № 59. P. 168-179.

14 McDonald D. Twenty Years in Tibet. London, 1932; Richardson H.E. Tibet and its History. London, 1962; Lamb A. Tibet, China and India 1914–1950: A History of Imperial Diplomacy. Hertingfordbury (U.K.), 1989.

15 Andreyev A. Soviet Russia and Tibet... P. 379-394.

миться к установлению тесных связей с тибетскими буддийскими иерархами, т. е. наметилась тенденция к возобновлению российско-тибетского диалога на сугубо религиозной основе.

Что касается зарубежной историографии, то удалось выявить только одну небольшую работу по этой теме — статью американского политолога Т. Уэрстоу «Тибет в китайско-советских отношениях» (1983)¹⁶. Её автор, опираясь в основном на западные источники, анализирует роль Тибета в политике СССР в период расцвета советско-китайских отношений (1950-е гг.) и в последовавший за ним период острых идеологических разногласий между двумя государствами (1960-е – начало 1980-х), в частности подробно рассматривает различные варианты возможного использования СССР «тибетской карты» против Пекина в будущем. По мнению Уэрстоу, СССР не играл сколько-нибудь важной роли в китайской аннексии Тибета, и не существовало международного «законного вызова притязаниям Китая», поэтому тибетцы не имели иного выбора, как принять навязанное им Пекином «Соглашение о мерах по мирному освобождению Тибета». Такой вывод является ошибочным, особенно в первой его части, ибо, как показывает данное исследование, СССР не только оказывал политическую и дипломатическую поддержку КНР в тибетском вопросе, но и принял непосредственное участие в операции против Тибета Народно-освободительной армии Китая.

В последние годы в России и за рубежом было опубликовано несколько больших монографических исследований, посвященных новейшей истории Тибета, в которых в той или иной степени затрагивается тема «Тибет в советско-китайских и российско-китайских отношениях». Из российских публикаций следует, прежде всего, упомянуть монографию А.С. Клинова «Политический статус Тибета и позиция держав (1914 г. – конец XX в.)» (Майкоп, 2000), подробно освещающую как саму тибетскую проблему, так и её преломление в политике Китая и внешнеполитических отношениях КНР с державами, включая СССР. В своём труде А.С. Клинов также вкратце характеризует начавшийся на рубеже 1990-х, в годы перестройки и «оживления активности ламаистской церкви в СССР», процесс нового сближения между Россией (буддийскими регионами РФ) и Тибетом (XIV Далай-ламой и «высшими руководителями тибетской оппозиции»). При этом он отмечает, что, хотя в 1990-е гг. представители тибетской оппозиции с молчаливого согласия руко-

¹⁶ Wersto Th. Tibet in Sino-Soviet Relations // Asian Affairs. An American Review. 1983. № 10 (3). P. 70-85.

водства стран СНГ (включая Россию) и МНР стали практически свободно вести свою деятельность на их территории, «эти государства воздерживаются от оказания активной помощи борцам за независимость Тибета и от официального признания незаконности суверенитета Китая над Тибетом»¹⁷.

Среди исследований западных тибетологов следует, прежде всего, назвать ставшие классическими монографии М. Голдстейна, А. Лэмба и В.Д. Шакабпы¹⁸. В этих работах достаточно полно освещается и наиболее драматический, заключительный период существования независимого Тибетского государства. История Тибета уже в составе КНР (до начала 1990-х) подробно рассматривается в недавно опубликованной монографии английского историка тибетского происхождения Церинга Шакья «Дракон в Снежной стране: Современная история Тибета с 1947 г.» (Shakya Ts. The Dragon in the Land of Snows. London, 1999). Основанная на большом массиве западных, китайских и тибетских источников и отличающаяся объективностью и взвешенностью в изложении и оценке тибетских событий 2-й половины XX века, монография Шакья считается лучшим на сегодняшний день исследованием по этому периоду тибетской истории. В ней, как и в монографии американского тибетолога М. Голдстейна (1989), встречаются упоминания СССР в связи с обсуждением тибетского вопроса в ООН в 1959, 1960 и 1965 гг. (вопрос об агрессии КНР против Тибета).

Представляют интерес и статьи западных исследователей о стратегической роли Тибета в пригималайском регионе и «стратегическом строительстве», развернутом коммунистическим Китаем в Тибете, и его значении для соседних государств и среднеазиатских республик СССР (О. Клабб, Д. Норбу)¹⁹.

Нельзя не упомянуть и нескольких работ, проливающих свет на подрывную деятельность спецслужб США в тибето-гималайском регионе в 1950-е – 1960-е гг. (военная помощь тибетским повстанцам)²⁰.

17 Клинов А.С. Политический статус Тибета и позиция держав (1914 г. – конец XX в.). Майкоп, 2000. С. 439-440.

18 Goldstein M. C. A History of Modern Tibet, 1913–1951. Berkeley; Los Angeles; London, 1989; Idem. On Modern Tibetan History: Moving Beyond Stereotypes // Tibet and her Neighbours. P. 217-226; Lamb A. Tibet, China and India 1914–1950: A History of Imperial Diplomacy. Hertingfordbury, 1989; Shakabpa Ts. W.D. Tibet: A Political History. New York, 1984.

19 Clubb O.E. Tibet's Strategic Position // Eastern World. 1956. Vol. 10. № 12. P. 18-19; Norbu Dawa. Strategic Development in Tibet: Implications for Its Neighbours // Asian Survey. 1979. Vol. 19. № 3. P. 245-259.

20 Grunfeld A.T. A Brief Survey of Tibetan Relations with the United States // Tibet and Her Neighbours. P. 197-205; Laird Th. Into Tibet. The CIA's First Atomic Spy and His Secret Expedition to Lhasa. New York, 2002.

Эти и другие публикации, как старые, так и новые, носят в целом вспомогательный характер, давая возможность более тщательно рассмотреть отдельные аспекты исследуемой темы.

Источниковую базу исследования по теме российско-тибетских отношений составляют как опубликованные источники, так и выявленные в отечественных и зарубежных архивах. Используемые опубликованные источники по своему происхождению и содержанию представлены несколькими видами. Это, во-первых, разнообразные дипломатические документы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) — послания XIII Далай-ламы и тибетских министров Николаю II и министру иностранных дел России (1900, 1901 и 1913 гг.), письма и докладные записки по тибетскому вопросу, переданные в МИД посланником Далай-ламы бурятским ламой Агваном Доржиевым, донесения и депеши российских представителей в Урге, Пекине и Калькутте, инструкции главы МИД послу в Лондоне, тексты различных соглашений, касающихся Тибета, заключенных Англией, Китаем, Тибетом, Монголией и Россией в период 1890–1914 гг. Эти документы проливают свет на зарождение и развитие русско-тибетского политического диалога на рубеже и в первые полтора десятилетия XX века, его изначально противоречивый характер, обусловленный обострившимся в этот период англо-русским соперничеством в Азии, позицию России по тибетскому вопросу на разных этапах этого диалога, контакты российских дипломатов с правителем Тибета. Большинство из них опубликовано в приложениях к монографиям Т.Л. Шаумян, А.В. Дамдинова, В.П. Леонтьева и Н.С. Кулешова, в сборниках архивных документов и материалов, таких как «Международные отношения в эпоху империализма» (1933–1940), «Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.» и в др. изданиях²¹.

Другую группу опубликованных источников составляют материалы из личных архивов дипломатов и высших государственных

21 Шаумян Т.Л. Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом. Приложения, №№ 1–33. С. 251–339; Дамдинов А.В. Агван Доржиев: Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ, 1999. С. 111–118; Известия МИД. 1913. Кн. 1. С. 50–53 (Депеша уполномоченного в Урге Д. С. С. Коростовца от 6 января 1913 и тибетско-монгольский договор); Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 2. Т. 19. Ч. 2. [М.; Л.], 1939; Т. 20. Ч. 1. [М.], 1939; Т. 20. Ч. 2. [М.]; Л., 1940; Серия 3. Т. 2. М.; Л., 1933; Т. 3. М.; Л., 1933; Т. 4. М.; Л., 1939; Русско-индийские отношения в 1900–1917. Сборник архивных документов и материалов. М., 1999; Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете, 1888–1919. М., 1956. С. 214–220; Кулешов Н.С. Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992. Приложение. С. 258–267.

деятелей (гр. Ю.А. Головкин, гр. Н.П. Румянцев, А.Н. Куропаткин), востоковедов (С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской) и других лиц, причастных к формированию тибетской политики России или оказывавших на неё влияние. Это — инструкции, данные гр. Ю.А. Головкину в связи с его посольством в Пекин (1805), записка о Тибете митрополита Хрисанфа, представленная министру коммерции гр. Н.П. Румянцеву (1805), дневниковые записи военного министра А.Н. Куропаткина 1903–1904 гг., в которых упоминаются «тибетские планы» Николая II с комментариями на них министра, проект научно-разведывательной экспедиции в Тибет подъясаула Н. Уланова (1903), письма и официальные отчеты о встречах с Далай-ламой в Урге (1905) и Даржилинге (1910) востоковеда-буддолога Ф.И. Щербатского, проект П.А. Бадмаева о присоединении к России Китая, Тибета и Монголии, его же памятная записка о противодействии англичанам в Тибете и письма императорам Александру III и Николаю II, а также С.Ю. Витте (1893–1905)²².

Следующая группа опубликованных источников — это свидетельства военных архивов, как-то: письмо А. Доржиева А.Н. Куропаткину от 11 октября 1900 г. в ответ на предложение военного министра подарить Тибету трофейные китайские пушки, черновики двух записок 2-го генерал-квартирмейстера генерал-майора Я.Г. Жилинского по поводу предполагаемой военно-дипломатической экспедиции П.К. Козлова в Тибет (конец 1903), отчет о деятельности русской разведки в Монголии генерал-майора Орановского, где упоминается о планах переселения Далай-ламы в Россию (1905), записка о Далай-ламе и его деятельности в Монголии подполковника Генштаба А.Д. Хитрово (1906)²³. Эти материалы свидетельствуют о достаточно активной позиции военного ведомства в тибетском вопросе, контрастирующей с весьма умеренной дипломатической линией, проводимой МИД.

22 Из бумаг графа Ю.А. Головкина. Документы о посольстве гр. Головкина в Китай. СПб., 1898; Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995. С. 290-294 («Пояснения на вопросы преосвященного Хрисанфа из путешествия его извлеченные»); Куропаткин А.Н. Дневники // Красный Архив. 1922. № 2. С. 31, 94, 101, 103; Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в 1-ой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). С.-Петербург; Самара; Прага, 1997. Приложение. Подъясаул Уланов. Проект Записки о путешествии в Тибет. С. 51-60; Щербатской Ф.И. Краткий отчет о поездке в Ургу; Из записей во время путешествия в Ургу (1905); Краткий отчет о командировке в Индию // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. С. 250-265; Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М., 1999. С. 267-274; За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925.

23 Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы... С. 19; С. 36-37; Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы. М., 1993. С. 179-229; Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности 1906 г. // Восток. 1966. № 4. С. 136-141.

Отдельную группу источников составляют описания хождений в Тибет в XVIII – начале XX в. бурятских и калмыцких паломников (Дамба-Доржи Заяев, Пурдаш Джунгруев, База-бакши Менкеджуев, Гомбожаб Цыбиков, Дамбо Ульянов)²⁴, отчеты и путевые дневники русских путешественников-исследователей Центральной Азии (Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, Н.Г. Потанин, П.К. Козлов), а также материалы мемуарно-биографического характера (тибетская, монгольская и русская автобиографии А. Доржиева и сборник документов о его деятельности в царской России и СССР из фондов Национального архива Бурятии)²⁵. В этих источниках содержатся сведения как о традиционных религиозных связях бурятских и калмыцких буддистов с Тибетом, так и о попытках властей — царского и затем советского правительств России — установить контакты с правящей верхушкой Тибета с помощью научных экспедиций Русского географического общества, прежде всего экспедиций Н.М. Пржевальского и П.К. Козлова. Путевые записки путешественников также содержат разнообразную информацию о Тибете — его природном мире, социально-политической системе, населении, правителях (в том числе о малолетнем XIII Далай-ламе и его регенте) и о крайне враждебном отношении тибетцев к иностранцам в целом, их стремлении не допустить людей из «внешних стран» в Тибет, и особенно в Лхасу, священный город-резиденцию далай-лам²⁶. Наиболее содержательный источник этой группы — автобиографическая записка на русском языке А. Доржиева (1901), проливающая свет на русофильскую деятельность последнего в 1890-е гг. при дворе Далай-ламы и его визиты в Россию – акции, фактически приведшие к переориентации Лхасы с Китая на Россию как на потенциальную державу-протектора Тибетского государства. Большой интерес представляет и отчет спут-

24 Сазыкин А.Г. Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. 1989. Вып. 26. Кн. 3. С. 117-125; Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995; Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. Ч. 1. Путь в Тибет // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987. С. 125-144; Ч. 2. У святых Тибета // Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988. С. 135-153; Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-дербетского База-бакши. СПб., 1897; Цыбиков Г. Буддист-паломник у святых Тибета // Цыбиков Г. Избранные труды в 2-х т. 2-е изд. Т. 1. Новосибирск, 1991; Ульянов Д. Предсказание Будды о Доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб., 1913.

25 [Доржиев А.]. «Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ, 1994; Доржиев Агван. Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света. Автобиография. М., 2003; Шаумян Т.Л. Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом. Приложение № 2. С. 252-259 (Автобиография Агвана Доржиева); Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993.

26 Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., 1948. С. 205-226 (глава 12); Он же: Монголия и страна тангутов. М., 1946. С. 249-273.

ника П.К. Козлова по монголо-тибетской экспедиции (1899–1901) В.Ф. Ладыгина, содержащий подробное описание торгово-сырьевых рынков Монголии, Западного Китая и Тибета и рекомендации правительству с целью завязывания выгодного для России товарообмена с Тибетом²⁷.

Что касается опубликованных иностранных источников по Тибету, то это, прежде всего, сборники документов Форин оффиса (1904–1905)²⁸. Эти документы (донесения британских дипломатов в Пекине и С.-Петербурге, меморандумы российских представителей в Лондоне, переписка главы Форин оффиса Г. Лэнсдауна с вице-королём Индии Дж. Керзоном, статс-секретарем по делам Индии Дж. Гамильтоном) дают представление о том, каким образом формировалась тибетская политика лондонского кабинета и в чем состояла суть англо-русских разногласий из-за Тибета, приведших к английской интервенции в Тибет в 1903 г. и фактическому срыву наметившегося в эти годы русско-тибетского сближения.

Важнейшую источниковую базу исследования составляют архивные документы. Их основной массив сосредоточен в семи крупнейших архивохранилищах России (в Москве и С.-Петербурге) — Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), Архив президента Российской Федерации (АПРФ), Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Российский государственный военный архив (РГВА), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ряд документов и материалов по тибетской теме был также выявлен и в других архивах, таких как Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Центральный государственный архив С.-Петербурга (ЦГА СПб.), архив С.-Петербургского филиала РАН, архив С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, архив Русского географического общества (РГО), архив Музея-квартиры П.К. Козлова, Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ), Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК), архивы министерств безопасности этих республик и управления ФСБ по С.-Петербургу и

27 Ладыгин В.Ф. Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902 гг., снаряженной ИРГО // Известия ИРГО. Т. 38. № 4. С. 371–466. (Отдельный оттиск: СПб., 1902.)

28 Great Britain. Papers Relating to Tibet, Presented to Both Houses of Parliament by Command of His Majesty. Cd. 1920, 2054, 2370. London, 1904–1905.

Ленинградской области. Кроме этого при работе над исследованием были использованы материалы двух британских архивов — Oriental & India Office Collection and Records в Лондоне и Public Record Office в Кью. Тщательное изучение архивных источников позволило, во-первых, значительно расширить уже существующую источниковую базу по теме русско-тибетских отношений (1898–1914), дополнить её рядом новых, неизвестных исследователям документов, во-вторых, реконструировать умышленно засекреченную и до сих пор утаиваемую властями историю советско-тибетских отношений (1918–1929) и, в-третьих, проанализировать два обширных периода: предысторию отношений царской России и Тибета (начало XVIII – конец XIX в.) и период после завершения советско-тибетского диалога и англо-советского соперничества в Тибете, когда СССР и затем постсоветская Россия вновь оказались вовлеченными в обсуждение тибетского вопроса (с представителями нацистской Германии в 1939–1940 гг.; с лидерами КПК и руководством КНР в 1949–1952 и середине 1990-х гг., а также с дипломатическими представителями зарубежных стран в стенах ООН в 1950-е – 1960-е гг.) и были вынуждены сформулировать свою принципиальную позицию по этому вопросу.

Анализ *предыстории русско-тибетских отношений (нач. XVIII – конец XIX в.)* базируется в основном на уже опубликованных источниках (см. выше). В ходе исследования удалось выявить ряд новых документов — это сведения о Малом Тибете (Ладаке) и пути туда из России, собранные комендантом Семипалатинской крепости (1822), доклад главы Азиатского отдела Главного штаба А.Н. Куропаткина на имя императора Александра II (1878) по поводу проекта 1-й тибетской экспедиции Н.М. Пржевальского, записка Н.М. Пржевальского, в которой приводятся доводы в пользу присоединения к России Восточного Туркестана и части Северного Тибета (1880-е гг.), отчеты и донесения в Азиатский департамент МИД ургинского консула Я.П. Шишмарева²⁹, содержащие разнообразные сведения — о контактах бурятских и монгольских буддистов с Тибетом в 1890-е гг., о XIII Далай-ламе, о деятельности в Монголии торгового дома П.А. Бадмаева, о посещении Урги чрез-

29 РГИА. Ф. 1264, оп. 1, д. 319, лл. 130-139; РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 553, л. 10; РГИА. Ф. 971, оп. 1, д. 181 (Н.М. Пржевальский. «О возможной войне с Китаем, о природных условиях, ископаемых богатствах и добыче золота в Центральной Азии», 1884–1888); АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 562, 575; Архив СПб Ф ИВ РАН. Ф. 44., оп. 1, д. 18 (копии отчетов русских консулов в Урге, Улясутае, Кобдо, Шанхае, 1862–1891), лл. 87-89 об.

вычайным посольством известного закулисного дипломата и тибетофила кн. Э.Э. Ухтомского. В этих документах нашли отражение некоторые малоизвестные или совсем неизвестные историкам факты, относящиеся к эпохе Большой игры, которые свидетельствуют о несомненном интересе к Тибету со стороны российских властей, прежде всего военного руководства, задолго до вступления двух государств в официальные отношения.

Отношения между царской Россией и Тибетом (1898–1914)

Большинство наиболее значимых дипломатических документов по истории русско-тибетских отношений сосредоточены в АВПРИ (фонды «Китайский стол», «Среднеазиатский стол», «Азиатский департамент», «Миссия в Пекине») и уже введены в научный оборот отечественными историками (А.Л. Попов, П.И. Остриков, А.Ф. Остальцева, Т.Л. Шаумян, Н.С. Кулешов, Е.А. Белов, А.В. Дамдинов). Некоторые новые документы, относящиеся к этому периоду, были выявлены в фонде «Китайский стол»: это 1) материалы о переговорах между Россией и Англией о русской границе с Монголией и западным Китаем (1907) с целью заключения соответствующего соглашения в рамках англо-русской конвенции по персидским, афганским и тибетским делам; 2) отзыв Я.П. Шишмарева на поданную А. Доржиевым в МИД в 1907 г. докладную записку о более тесном сближении России с Монголией и Тибетом, свидетельствующий о разделении российской дипломатией монгольского и тибетского вопросов (д. 744); 3) проект ответного письма Далай-ламе вице-консула в Урге А.Я. Хионина (1915), позволяющий говорить о полной утрате Россией интереса к Тибету после окончательного раздела сфер интересов и влияния России и Англии в Азии накануне первой мировой войны (д. 670).

Ряд дипломатических документов находится также в РГИА в фонде министерства финансов (ф. 560): среди них перевод монгольского текста и тибетский текст письма Далай-ламы С.Ю. Витте (1900), материалы, относящиеся к учреждению русского консульства в Дацзянлу для поддержания связи с Лхасой (1901), материалы о выдаче денежной ссуды Далай-ламе (1908), блок документов, освещающих англо-тибетские, англо-китайские и тибетско-китайские отношения и позицию России по тибетскому вопросу в 1908–1913 гг.

Совершенно новым и практически не разработанным источником по истории русско-тибетских отношений являются мате-

риалы востоковедных архивов, прежде всего переписка между востоковедами, путешественниками (С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, кн. Э.Э. Ухтомский, А.Н. Казнаков, П.К. Козлов, Б. Барадийн, Ц. Жамцарано), руководителями Императорской Академии наук и РГО (великие князья Константин Константинович, Николай Михайлович, П.П. Семенов-Тянь-Шанский) и лицами, находившимися в окружении Далай-ламы и являвшимися посредниками в его сношениях с российскими дипломатическими представителями в Монголии и Китае (А. Доржиев, Н. Дылыков, Ц. Добданов, Р. Бимбаев)³⁰. В этой переписке содержится обширная информация конфиденциального характера, прежде всего сведения о Далай-ламе, его политических взглядах, настроениях и планах в период двух его вынужденных эмиграций (1904–1912), а также о закулисной политической деятельности Доржиева с целью содействия установлению более тесных отношений между Россией и Тибетом. Два наиболее ценных документа из этой группы источников – это обнаруженная исследователем неизвестная ранее автобиографическая записка Доржиева (1904), содержащая ряд любопытных подробностей о его поездках в Россию, переговорах с царским правительством и пребывании в Лхасе в 1903–1904 гг., а также проект военно-дипломатической экспедиции в Тибет (1903), предложенный П.К. Козловым руководству Главного штаба, с целью восстановления статус-кво в Тибете, нарушенного английской военной экспедицией Ф. Янгхазбенда³¹. Важность этих документов состоит в том, что они расширяют наши представления о характере русско-тибетского диалога на его начальном этапе, показывают, что Россия не была пассивным наблюдателем во время английской интервенции в Тибет, но взвешивала возможность оказания Англии активного противодействия.

Еще одна группа новых источников — корреспонденция на тибетском языке из архивов РАН и РГИА. Среди них несколько писем Далай-ламы, тибетских министров и сановников на имя Николая II и А. Доржиева (1900, 1910–1911 гг.) и одно письмо Доржиева губернатору Гьялцена (1900)³². Представляют интерес также и сохранившиеся в русском переводе и частично по-тибетски два пись-

30 Архив СПб Ф РАН. Ф. 6, 208 (оп. 3, д. 28, 52, 170, 196, 210, 274, 685), 725; Архив РГО. Ф. 18 (оп. 3, д. 74, 211, 214, 265, 465, 505, 698); РГИА. Ф. 1072, оп. 2, д. 6.

31 Архив СПб Ф РАН. Ф. 208, оп. 1, д. 146, лл. 11-14 («Биография старшего цанит-хамбы, состоящего при Далай-ламе, Лхарамбо Авана Доржиева», б/д., написана карандашом, предположительно является автобиографией А. Доржиева); Архив РГО. Ф. 18, оп. 1, д. 40 (рукописная копия, б/д).

32 Архив СПб Ф РАН. Ф. 725, оп. 3, д. 267, 270, 273, 279; РГИА. Ф. 1102, оп. 2, д. 110, лл. 11-14.

ма и открытка нового фаворита Далай-ламы Царонга П.К. Козлову (1909–1910 гг.)³³. Письма Далай-ламы и тибетских министров содержат обращение правителей Тибета к России за помощью, в связи с вторжением в Тибет в 1910 г. карательных войск генерала Чжао Эрфена для восстановления китайского сюзеренитета над Тибетом. Об этом же говорится и в одном из писем Царонга Козлову.

Отношения между СССР и Тибетом (1918–1929)

Исследование советско-тибетских отношений существенно затруднено практически полной недоступностью основного массива источников по теме, хранящихся в АВПРФ. Недоступными для исследователей являются и материалы военных архивов. Автору этой работы удалось познакомиться лишь с немногими из документов, находящихся на открытом доступе в АВПРФ. Это, во-первых, материалы, относящиеся к деятельности полуофициальной «Тибето-Монгольской миссии» при буддийском храме в Ленинграде в начале 1930-х и, во-вторых, ряд различных по содержанию документов — письмо Г.В. Чичерина члену коллегии НКВД С.И. Аралову о финансировании советско-монгольской миссии в Тибет (1926) и его же письмо председателю Антираионозной комиссии при СНК Е.М. Ярославскому в связи с арестом в Верхнеудинске 88 бурятских лам (1927), отзыв НКВД о Б. Мухарайне, одном из участников тибетской миссии С.С. Борисова (1927), информационное письмо: «К предполагаемой поездке Банчин-Богдо» (1927). Наиболее интересные документы в первой группе — справка НКВД о А. Доржиеве (ок. 1934), где дается довольно позитивная оценка его дипломатической деятельности и личным качествам, удостоверение (мандат) Доржиева за подписью руководства НКВД (1935) и его политическое завещание (1936), в котором представитель Тибета в СССР подводит итог своей многолетней работе по сближению Тибета и России (Ф. Референтура по Китаю)³⁴. Среди документов второй группы следует, прежде всего, отметить письмо заведующего отделом информации НКВД А.А. Каллиникова о намечавшейся поездке во Внутреннюю Монголию и МНР Панчен-ламы, об отношении руководства МНРП к такому визиту, а также характеристику общеполитической ситуации на Дальнем Востоке в этот период

33 Архив РГО. Ф. 18, оп. 3, д. 465.

34 АВПРФ. Ф. 100, оп. 1, пап. 1, д. 10, лл. 1-1об.; оп. 19, пап. 19, д. 26, лл. 8-10 (письмо-завещание А. Доржиева опубликовано в кн.: Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992. С. 76-78; Он же. Буддийские ламы из Старой Деревни // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. 1993. С. 343-344; Он же. Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004. С. 195-197.

в связи с активизацией деятельности прояпонской «мукденской клики» северокитайского милитариста ген. Чжан Цзолина (Ф. Секретариат Карахана). Большой интерес представляет и письмо Г.В. Чичерина Е.М. Ярославскому, свидетельствующее о негативном отношении главы НКВД к репрессиям против буддийского духовенства Бурятии, поскольку такие акции наносят ущерб внешнеполитическим интересам СССР (Ф. ОДВ НКВД).

Характеристика *второго этапа российско-тибетского взаимодействия*, дающаяся в исследовании, опирается в основном на материалы из Архива Президента РФ и РГАСПИ, которые в большой степени компенсируют недоступные для исследователей документы из АВПрФ и позволяют достаточно подробно, объективно и достоверно реконструировать тайный диалог Москвы и Лхасы в 1920-е гг. Тибетское досье в АПрФ содержит 24 микрофильмированных документа, охватывающих период 1922–1929 гг.³⁵, в которых раскрывается подход советского правительства к тибетской проблеме и намечаются конкретные мероприятия с целью сближения двух государств. Это докладные записки в форме служебных писем секретарю Политбюро ЦК И.В. Сталину наркома иностранных дел Г.В. Чичерина и члена коллегии НКВД С.И. Аралова по поводу посылки в Тибет двух политических экспедиций (1923 и 1925–1926 гг.)³⁶. В них определяются цели и задачи этих экспедиций, формулируются их «программы», намечаются темы для обсуждения с тибетским правительством, даются оценки социально-политической обстановки в Тибете. В одной из записок приводится характеристика руководителя экспедиции 1927 г. известного государственного и партийного деятеля Калмыкии А.Ч. Чапчаева³⁷. К этой же группе документальных свидетельств относится и коллективное письмо на имя И.В. Сталина (1928) за подписью Е.М. Ярославского, П.Г. Смидовича, М.А. Трилиссера и Л.М. Карахана в связи с планами посылки в Лхасу делегации советских буддистов-обновленцев³⁸, а также докладная записка в Политбюро бывш. полпреда в МНР П.М. Никифорова (1929), призывающая активизировать советскую политику в отношении Тибета, а именно: начать торговые операции с Тибетом через китайскую провинцию Гань-

35 Архив Президента Российской Федерации (АПрФ). Ф. 3, оп. 65, д. 739 (Китай, КНР – О Тибете. 8. II. 1922 – 30. VIII. 1962). Лл. 1-91 (мкф.).

36 Там же. Лл. 17-24, 30, 62-69.

37 Там же. Лл. 73-74.

38 Там же. Лл. 81-83. Копия этого письма хранится в РГАСПИ в фонде Е.М. Ярославского (ф. 89, оп. 4, д. 171, лл. 2-4).

су³⁹, записки Ф.Э. Дзержинского, М.А. Трилиссера и Г.В. Чичерина, касающиеся научных экспедиций в Тибет П.К. Козлова и А.В. Барченко (соответственно 1923 и 1925 гг.)⁴⁰. Эти документы в своей совокупности позволяют сделать вывод, что тибетская политика СССР была теснейшим образом связана как с дальневосточной политикой, так и с политикой, проводимой Советским государством в отношении своих соседей в Центральной Азии — МНР и относительно автономных западных провинций Китая.

Другим видом документов являются инструкции и постановления советских партийных органов разных уровней. К ним относятся: «Программа деятельности монголо-тибетского отдела Азиатского бюро» (1920) и инструкция сотруднику этого отдела⁴¹; решение Секции восточных народов Сибирского областного бюро ЦК РКПб об отправке в Лхасу «секретно-рекогносцировочной экспедиции» (январь 1921)⁴², решения Политбюро ЦК по «тибетским экспедициям» НКВД (1923–1928)⁴³.

Отдельную группу источников составляют письма и записки делового характера:

– главы Дальневосточного секретариата ИККИ Б.З. Шумяцкого Г.В. Чичерину и С.И. Духовскому (заведующий Восточным отделом НКВД) по поводу организации первой советской экспедиции в Тибет (1921)⁴⁴;

– А. Доржиева на имя Чичерина, Духовского и Шумяцкого по тому же вопросу (1921)⁴⁵;

– председателя ЦИК Совета депутатов трудящихся Калмыцкого народа А.Ч. Чапчаева совместно с заведующим калмыцким отделом Наркомнаца А.М. Амур-Сананом председателю СНК В.И. Ленину с предложением о посылке к североиндийской границе, через Тибет, экспедиционного отряда калмыков-буддистов (1919)⁴⁶;

– представителя НКВД СССР в Средней Азии А. Знаменского Г.В. Чичерину (1925)⁴⁷.

39 Там же. Лл. 88-91.

40 Там же. Лл. 7-15, 57-60.

41 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 152, Д. 157, лл. 11-14.

42 Там же. Оп. 154, д. 87, л. 1-1об. (машинописная копия).

43 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 16 (постановление от 9 августа 1923 г.), л. 61, 69 (постановления от 7 и 21 января 1926 г.), л. 80 (постановление от 19 июля 1928 г.), л. 84-86 (постановления от 4, 11 и 18 октября 1928 г.).

44 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 97, л. 9, 12 (машинописная копия).

45 НАРБ. Ф. 643, д. 2, 3, 4. Некоторые из них опубликованы в сб.: Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993. С. 30-41.

46 РГАСПИ. Ф.2, оп.2, д. 183, л.1-4 (машинописная копия). На оригинале имеется резолюция В.И. Ленина.

47 Там же. Ф. 62, оп. 2, д. 245, лл. 27-29.

Наибольшую ценность для исследования представляют материалы, проливающие свет на характер и результаты советско-тибетских переговоров в период 1922–1928 гг. К ним в первую очередь относится отчет о поездке в Лхасу В.А. Хомутникова (1922), хранящийся в Национальном архиве Республики Калмыкия в Элисте⁴⁸.

Недоступность отчетов двух других политических агентов, посетивших Лхасу в 1924 и 1927 гг., сотрудника Восточного отдела НКВД С.С. Борисова и А.Ч. Чапчаева, до некоторой степени восполняется материалами из уже рассекреченных архивов. Это, прежде всего, стенограмма лекции о современном Тибете, прочитанной Борисовым (под псевдонимом Баторский) весной 1927 г. на заседании кафедры зарубежного Востока научно-исследовательской ассоциации Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) им. И.В. Сталина⁴⁹. В этой лекции Борисов довольно подробно и откровенно рассказал о своей поездке в Тибет, дал анализ политической ситуации в стране, охарактеризовал отношение рядовых тибетцев к Советской России, а также привел содержание некоторых из своих бесед с Далай-ламой и главкомом тибетской армии Царонгом. Другим важным документом является устное сообщение А.Ч. Чапчаева о его беседе с Далай-ламой по религиозным вопросам, записанное в Восточном отделе ОГПУ (1928)⁵⁰. Информация Чапчаева представляет несомненный интерес, поскольку свидетельствует о большой озабоченности Далай-ламы состоянием буддийской религии в СССР. О результатах политических переговоров Чапчаева с правителем Тибета упоминается в проекте докладной записки об организации научно-торговой экспедиции в Тибет П.М. Никифорова⁵¹.

Важным источником при изучении советско-тибетских отношений служат также аналитические обзоры «О буддийских районах» и «Военное дело в Тибете», составленные по результатам экспедиции Чапчаева в середине 1928 г. соответственно Восточным отделом ОГПУ и, предположительно, Разведуправлением Штаба РККА⁵². Первый из материалов особенно ценен тем, что там дается

48 НАРК. Ф. 150, оп. 1, д. 4а. Совр. машинописная копия. Опубликовано с некоторыми сокращениями в кн.: Бембеев В.Ш. Человек из легенды. Исторический очерк. М.; Элиста, 1991. С. 84–93.

49 РГАСПИ. Ф. 532, оп. 4, д. 343, л. 1–62 (машинописная копия с пропуском одного листа).

50 Там же. Ф. 89, оп. 4, д. 162, лл. 142–144 (машинописная копия).

51 Там же. Ф. 144, оп. 1, д. 42 (Материалы и записи по научно-торговой экспедиции в Тибет, 1929). Лл. 7–8 (машинописная копия).

52 Там же. Ф. 89, оп. 4, д. 162 («О буддийских районах»). Лл. 51–70, 73 (машинописная копия); НАРК. Р-137, оп. 1, д. 2 («Военное дело в Тибете»). Лл. 153–164 (машинописная копия).

анализ политической обстановки в дальневосточном и центрально-азиатском регионах, в странах «буддийской сферы» (Бурятия, Внешняя и Внутренняя Монголия, Тибет) по состоянию на конец 1927 г., а также содержится ряд конкретных предложений по устояновлению более тесных связей с Тибетом.

В работе были использованы и другие архивные источники, позволившие более детально разработать отдельные аспекты темы советско-тибетских отношений. Это, во-первых, судебно-следственные материалы из архивов министерств безопасности республик Бурятии и Калмыкии, управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Наиболее значимыми из них являются протоколы допросов Ш. Тепкина (главы буддийской церкви Калмыцкой автономной области) и руководителя третьей советской экспедиции в Тибет А. Ч. Чапчаева, а также показания бурятских лам по делу Д. Мункужапова (глава бурятских буддистов) и А. Доржиева⁵³. Показания Тепкина содержат сведения о поручении, данном ему Далай-ламой в 1922 г. в связи с посещением Лхасы делегацией В.А. Хомутникова, о бегстве Панчен-ламы из Тибета и попытках Доржиева установить с ним связь, о планах буддистов в 1927 и последующие годы отправить в Лхасу своего представителя и др. Чапчаев в своих показаниях рассказал об «особом задании», полученном в НКВД, — удалить из Лхасы калмыка-эмигранта З. Хаглышева, поскольку его антисоветская агитация подрывала престиж СССР среди тибетцев, а также о политических взглядах номинально возглавлявших монгольскую миссию в Тибет Гомбодчийна и Амуланга (1927 г.). В показаниях бурятских и калмыцких лам содержится информация о связях Доржиева с XIII Далай-ламой в 1920-е гг. и его попытках отправить в Лхасу своих эмиссаров после начала репрессий.

Материалы об обучении группы тибетских студентов на рабфаке Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ) в 1925–1931 гг. (списки студентов и слушателей, личные дела студентов, учебные программы, переписка администрации института с НКВД и др.) представляют собой важное свидетельство о советско-тибетском сотрудничестве в сфере образования⁵⁴ — единственный из неполитических проектов, который удалось реализовать советскому правительству.

⁵³ Архив министерства безопасности Республики Калмыкия. Д. 940-р и 422-р; Архив министерства безопасности Республики Бурятия. Д. 2217 и 2768.

⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 7222, оп. 8, д. 12, лл. 81, 97, 102-103, 175об.; оп. 9, д. 8, лл. 1-7; оп. 10, д. 7а, лл. 1, 3, 9; оп. 10, д. 10, лл. 1-5; оп. 30, д. 181, 224, 750; оп. 38с, д. 5, л. 3, 29, 39.

В личной переписке востоковедов (письма Ф.И. Щербатского С.Ф. Ольденбургу)⁵⁵ упоминаются планы Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана, относящиеся к первой советской экспедиции в Тибет, и посещение Лхасы экспедицией С.С. Борисова. Несомненный интерес представляют и проекты несостоявшихся научных экспедиций в Тибет Ф.И. Щербатского, П.К. Козлова и А.В. Барченко⁵⁶. Содержащаяся в них информация определенно указывает на то, что советские лидеры придавали политическое значение этим поездкам, поскольку авторы проектов, во всяком случае Щербатской и Козлов, намеревались вступить в контакт с Далай-ламой, с которым встречались ранее.

Дополнительным источником по теме советско-тибетских отношений послужили свидетельства устной истории: информация, полученная от одного из участников советско-монгольской миссии в Лхасу в 1927 г., ныне покойного М.Т. Бимбаева (интервьюирован автором в Элисте в апреле 1993 г.), и текст (нарратив) «Сквозь империалистическую блокаду», составленный историком, проф. Элистинского университета Ю.О. Оглаевым на основе воспоминаний участника второй советской экспедиции в Тибет Ф.В. Баханова. Оба этих материала содержат чрезвычайно ценные сведения о посещении Тибета двумя секретными советскими миссиями, встречах их членов в Лхасе с представителями тибетских правящих кругов и оппозиции, хотя в них и не приводится каких-либо подробностей дипломатических переговоров, поскольку последние происходили конфиденциально между Далай-ламой и руководителями этих миссий.

Что касается британских архивов (Oriental and India Office Collection and Records и Public Record Office), то в них наибольший интерес представляют отчеты о поездках в Лхасу «политических агентов» в Сиккиме (Political officers in Sikkim) Ч. Белла, Ф.М. Бейли и Ж.Л. Уиера. Сиккимские резиденты трижды в течение десятилетия (в 1920–1921, 1924 и 1930 гг.) посещали Лхасу с официальными визитами, в ходе которых обсуждали с Далай-ламой и его министрами главным образом вопросы индо-тибетских отношений. Их отчеты, представленные правительству Индии⁵⁷, содержат разно-

55 Архив СПб Ф РАН. Ф. 208, оп. 3, д. 685, лл. 118, 162-162 об. (автографы).

56 Архива СПб Ф РАН. Ф. 148, оп. 1, д. 97, лл. 78-87 (машинопись); архив РГО. Ф. 18, оп. 2, д. 107 (автограф); АВПРФ. Ф. 100, оп. 1, п. 1, д. 1, лл. 8-19 (черновые заметки, автограф); Ф. Референтура по Тибету, оп. 1, пор. 1, пап. 4, лл.9-10 (машинопись).

57 ОЮС: /L/P&/10/1113. Bell Ch. Lhasa Mission. Final Report, Delhi, 1921 November 29; F.M. Bailey's Report of Lhasa Mission, 1924 October 28; J.L. Weir's Report of Lhasa Mission, 1930 November 18.

образную информацию — дают оценку политической обстановке в Тибете, сообщают о реформах, проводимых Далай-ламой с английской помощью, характеризуют отношения Тибета с соседними странами — Индией, Непалом и Китаем. Сведения о СССР и её «тайных эмиссарах» в Лхасе весьма скупы и поверхностны, хотя и не лишены определенного интереса. В их основе лежат сообщения лхасских информаторов англичан, некоторые из которых кажутся вполне достоверными, поскольку были получены от хорошо осведомленных лиц проанглийской ориентации.

Помимо этих официальных отчетов в британских архивах хранятся многочисленные краткие донесения Бейли и Уиера в форме конфиденциальных писем, содержащие текущую информацию о Тибете, включая сведения о деятельности советских агентов в Лхасе.

Другим важным источником являются письма к Бейли его личного помощника Норбу Дхондупа (Norbu Dhondup), освещающие пребывание в Лхасе летом – осенью 1927 г. советско-монгольской миссии (так наз. «монгольского посольства») ⁵⁸. В этих письмах, со ссылкой на сообщения одного из конфиденентов Далай-ламы Кхенчунга, содержится довольно подробный рассказ о пребывании этой миссии в Лхасе — о реакции Далай-ламы на её приезд, о предполагаемых целях визита «красных русских», о попытках А.Ч. Чапчаева получить аудиенцию у правителя Тибета, о «секретном письме» Доржиева Далай-ламе и многое другое. Сами переговоры, однако, остались за рамками этого рассказа, поскольку состоялись после того, как Дхондуп покинул Лхасу в октябре 1927 г. Тем не менее, информация тибетского чиновника и одновременно английского агента представляет немалый интерес, поскольку существенно дополняет сведения российских источников, воссоздавая ту крайне неблагоприятную атмосферу, в которой проходил визит советско-монгольской делегации.

В архиве Public Record Office удалось выявить группу документов, ранее неизвестных исследователям. В неё входят два секретных донесения Бейли, озаглавленных «Советская деятельность в Тибете» (Soviet Activity in Tibet), от 2 сентября и 14 октября 1924 г. на имя заместителя главы Департамента по иностранным и политическим делам Латимера (С. Latimer) с приложениями (все в машинописных копиях) ⁵⁹. В этих донесениях Бейли сообщал своему

⁵⁸ OIOC: Mss Eur F 157/240.

⁵⁹ PRO: FO 371/10291.

шефу в Дели о тревоге тибетского правительства по поводу «большевистских интриг», а также о прибытии в Лхасу 1 августа 1924 г. советской делегации. В приложении содержались переводы с монгольского двух писем, врученных Далай-ламе руководителями делегации, — одно от СНК БМ АСССР, другое от представительства Калмобласти при Наркомнаце, вместе с двумя краткими сопроводительными письмами Далай-ламы Бейли. В этих письмах сообщалось об установлении в России нового политического строя, основанного на принципах равенства и братства, о предоставлении бурятам и калмыкам национальных автономий, а также права свободно исповедовать свою религию. Обнаруженные документы, несомненно, являются ценным источником, свидетельствующим о доверительности в отношениях Далай-ламы с «сиккимскими резидентами» и об определенном влиянии британской дипломатии на внешнюю политику Тибета в начале 1920-х.

Не менее интересен и «Лхасский дневник» Бейли 1924 г.⁶⁰ (В архиве ОЮС имеются два его варианта — краткий (4 стр.) и подробный (44 стр.), оба в машинописных копиях.) Дневник содержит ежедневные записи Бейли о пребывании в Лхасе между 17 июля и 16 августа, а также записи, которые он делал в пути после выезда из Лхасы, вплоть до 24 августа. В них зафиксированы все основные события визита английского дипломата — его встречи и беседы с представителями тибетских верхов, в ходе которых неоднократно затрагивалась русская тема (вопрос о большевиках и большевистской пропаганде в Тибете).

Отдельный блок документов составляют недавно рассекреченные материалы британской разведки о Н.К. Рерихе. Наиболее важные из них — это донесение в Лондон от 7 июня 1928 г. одного из сотрудников разведывательного бюро Департамента внутренних дел индийского правительства Ф. Айсмонгера, в котором содержатся сведения о лицах, находившихся в окружении Рериха в 1920-е гг. в США и Индии, индийских националистах-революционерах Д.Г. Мукерджи, Х.Г. Говиле и С. Тагоре⁶¹. Эти материалы, возможно, дают ключ к пониманию того, каким образом формировались политические взгляды Рериха и что подвигло художника-мистика на тайную поездку в Москву, а затем в Тибет во главе «посольства западных буддистов» к Далай-ламе.

60 Baily F.M. Diary of Visit to Lhasa // ОЮС. Мss Eur F 157/214a (long version); L/P&S/10/1113 (short version).

61 ОЮС. С/P&J/12/291 (1926-1934, 68 стр.).

Анализ советско-германских переговоров по индо-афгано-тибетским вопросам в 1939–1940 гг. (обсуждение разработанных нацистами антибританских диверсионных операций «Аманулла» и «Тибет») основан преимущественно на уже опубликованных немецких источниках (документы МИД Германии) и некоторых архивных документах, переданных автору немецким тибетологом И. Энгельхардт, активно разрабатывающей тему германо-тибетских связей⁶². Эти материалы позволяют говорить о том, что СССР и нацистская Германия одинаково оценивали военно-стратегическое значение территории Тибета и пригималайских буддийских государств-буферов как потенциального плацдарма для нападения на Британскую Индию.

Тема «Тибет в советско-китайских и российско-китайских отношениях в 1950–1990-е гг.» рассмотрена с привлечением всех доступных на сегодняшний день источников. Это в первую очередь опубликованные документы: 1) стенограммы переговоров И.В. Сталина с Мао Цзедунем и Чжоу Эньлаем в 1950–1952 гг., доклад делегации ЦК КПК И.В. Сталину (1949) и некоторые другие материалы⁶³ и 2) стенограмма переговоров Н.С. Хрущева с Мао Цзедунем и другими руководителями КНР в октябре 1959 г.⁶⁴ В то же время был использован ряд неопубликованных источников из архива Президента РФ (1951–1962 гг.). Это различные по содержанию документы (записки в Политбюро А.А. Громыко, В.В. Кузнецова, В. Зорина, постановления и выписки из приложений к постановлениям Президиума ЦК, инструкции делегации СССР в ООН)⁶⁵, в которых освещается позиция высшего советского партийного руководства по тибетскому вопросу, полностью совпадающая с позицией пекинских лидеров, и намечаются конкретные мероприятия с целью не допустить обсуждения этого вопроса на XIV и XVI сессиях Генеральной ассамблеи ООН. Особенно показательны в этом отношении инструкции, направленные советскому послу в КНР и дипломатическим представительствам СССР за рубежом в

62 Documents on German Foreign Policy 1918–1945, Series D (1937–1945). Vol. VIII. London, 1961–1964. Doc. №№ 60, 369, 376, 965; Werner von Hentig. Aufzeichnungen // Institut für Zeitgeschichte (Munich). ED 113/2. S. 31; донесения в германский МИД П. Кляйста (Архив МИД Германии. Политический департамент: AA. R 901, 61179).

63 Ледовский А.М. Переговоры Сталина с Мао Цзедунем в декабре 1949 – феврале 1950 // Новая и новейшая история. 1997. № 1; Он же. Стенограмма переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе – сентябре 1952 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 2; Он же. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М., 1999. С. 88–109.

64 Переговоры Н.С. Хрущева с Мао Цзедунем 31 июля – 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 1–2 (публикация В.М. Зубка).

65 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, лл. 92–158.

связи с подавлением войсками НОАК Лхасского восстания 1959 г. Что касается позиции СССР периода перестройки и позиции пост-советской России в 1990-е гг., то они предельно четко выражены в заявлениях МИД СССР и в официальных документах (совместная российско-китайская декларация 1996 г.)⁶⁶.

Китайскую точку зрения по тибетскому вопросу достаточно полно отражают опубликованный в Пекине в 1959 г. сборник документов «О тибетском вопросе» и ряд изданий на русском языке пресс-канцелярии Госсовета КНР 1990-х гг.

Точка зрения тибетского правительства в изгнании отражена в обращениях XIV Далай-ламы к мировому сообществу, его Нобелевской лекции и двух автобиографиях («Свобода в изгнании» и «Моя страна и мой народ»), в изданиях Департамента информации и международных отношений центральной тибетской администрации в Дхарамсале (на русском и английском языках)⁶⁷, а также Центра тибетской культуры и информации в Москве, являющегося неофициальным духовным представительством Далай-ламы в Российской Федерации.

Ценная информация о посещении Тибета в первой половине 1950-х гг. советскими специалистами и военными советниками содержится в устных сообщениях военного переводчика М.И. Демиденко (сведения о выборе места для строительства аэродрома под Лхасой и инспекционной поездке в Западный Тибет группы высокопоставленных офицеров НОАК и советских советников). Кроме этого автором была получена информация от переводчика Далай-ламы А.А. Терентьева (о визитах Далай-ламы в Россию в 1990-е гг. и его отношении к новой России) и от председателя Комитета по правам человека Верховного Совета РФ С.А. Ковалева (о встрече Далай-ламы с российскими парламентариями). Эти устные свидетельства позволяют говорить о том, что СССР в 1950-е гг. продолжал проявлять интерес к Тибету, ввиду стратегического положения этой страны, и оказывал некоторую помощь китайскому правительству в его усилиях интегрировать Тибет в составе КНР, а также дают представление о возобновившихся в 1990-е гг. российско-тибетских контактах в связи с начавшимся национальным (религиозно-культурным) возрождением в трех буддийских субъектах РФ (Бурятии, Калмыкии и Туве).

66 Известия. 1991. 13 июля; Дипломатический вестник. 1996. № 5. С. 18.

67 См., напр.: Тибет под властью коммунистического Китая: 50 лет. Дхарамсала, 2001.

Важным источником по всему исследуемому периоду послужила обширная мемуарно-историческая литература — книги о Тибете русских и западных путешественников XIX–XX вв., журналистов, воспоминания дипломатов, государственных деятелей (С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф, Я.П. Коростовец, О.А. Трояновский, В.М. Молотов, Н.С. Хрущев) и других лиц, автобиографии и биографии (А. Доржиев, XIII и XIV Далай-лама, Т.Ж. Норбу). В дневниковых отчетах первых английских послов в Тибет Дж. Богля и С. Тернера (1775, 1783) приводятся любопытные сведения о посещениях бурятскими и калмыцкими буддистами Лхасы, упоминаются попытки Екатерины II завязать торговые отношения с Тибетом⁶⁸. В книгах чиновников англо-индийского правительства (Ф. Янгхазбенд, Э. Тейхман, Ч. Белл, Д. Макдональд и Х. Ричардсон) содержатся сведения о контактах царской России и СССР с тибетским правительством, характеризуется политика XIII Далай-ламы в отношении России и СССР, цитируются его весьма резкие высказывания о большевиках и проводимой ими анти-религиозной политике⁶⁹.

В работе также использованы периодические издания XVIII–XX вв. — различные публикации на тибетскую тему в российских (в том числе советских и постсоветских), английских, индийских и китайских печатных органах. Эти публикации, комментируя те или иные связанные с Тибетом события, отражают широкий спектр мнений — официальную точку зрения России (СССР), Китая (КНР), Англии, США и других держав, взгляды оппозиционных правительству кругов, независимых общественных, правозащитных и иных организаций и религиозных групп, что в целом позволяет более ёмко, многосторонне и объективно раскрыть исследуемую тему.

68 An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama, in Tibet, containing a narrative of a journey through Bootan, a part of Tibet, by Captain Samuel Turner. London, 1800; Markham C.R. Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet and of the Journey of Thomas Manning to Lhasa. London, 1879.

69 Younghusband F. India and Tibet. London, 1910; Bell Ch. Tibet Past and Present. Oxford, 1924; Idem: Portrait of a Dalai Lama. The Life and Times of the Great Thirteenth. London, 1946 (repr. 1987); McDonald D. Twenty Years in Tibet. London, 1932; Richardson H.E. Tibet and its History. London, 1962.

Глава 1

Россия и Тибет в XVIII – XIX вв.

1.1. Попытки завязывания отношений с Тибетом в XVIII – начале XIX в.

Первые сведения о Тибете — огромной горной стране в центре азиатского континента, управляемой теократическими правителями, Далай-ламами, стали проникать в Россию в XVII веке в связи с попытками последней установить дипломатические и торговые отношения со своими восточными соседями — Монголией и Китаем. В русских документах того времени Тибет именовался Лабинской (т. е. Ламской) или Тангуцкой землей, или Боронталой (Барантолой), как его называли монголы (от монг. *баруун-тал* — западная земля, или земля, лежащая с правой стороны, в отличие от *зуун-тал* — восточной или левосторонней земли — Маньчжурии). Сведения эти, полученные отчасти от приезжавших в Россию монгольских послов, отчасти от русских посольских и служилых людей, ездивших с разными поручениями в Монголию и Китай, были крайне скудными. Так, Н. Г. Спафарий-Милеску — переводчик Посольского приказа, побывавший в Пекине во главе русского посольства в 1675–1678 гг., описал в своём отчете один из наиболее доступных «сухих путей» в Китай: из Астрахани, через бухарские города, Кабул и далее «через Барантола, где Далай-лама живет», до города Сучжи, откуда за месяц можно добраться до Пекина¹. В Посольском приказе, однако, уже имелся толмач «тангуцкого» (тибетского) языка — П. И. Кульвинский (1635? – ок. 1707), которого Ю. Н. Рерих и Н. П. Шастина называют лучшим монголистом XVII в. и «первым русским знатоком тибетского письма». Правда, письмом этим тогда пользовались в основном при переписке с ойратскими (джунгарскими) ханами, а не с тибетцами².

Столь малое внимание к Тибету российских правителей можно объяснить тем, что их в то время более всего интересовали сопредельные восточные государства. Поэтому и столетие спустя в изданном профессором Московского университета К. Г. Лангером «Полном географическом лексиконе» сообщалось лишь краткой строкой о соседстве Тибета с Китаем («Китай граничит на западе с Тибетской Тартарией»³). И это было, по сути, все, что русский читатель мог узнать о загадочной «стране лам» из столь авторитетного источника.

1 Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. / Сост. Н. Бантыш-Каменский. Казань, 1832. С. 526.

2 Рерих Ю. Н., Шастина Н. П. Грамота царя Петра I к Лубсан-Тайджи и её составитель // Проблемы востоковедения. 1960. № 4. С. 140–150.

3 Лангер К. Г. Полный географический лексикон, содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание всех частей света из новейших и достоверных сведений. Ч. II. М., 1791–92. С. 102.

Калмыцкие буддисты-паломники «на молитве». Фото из архива А.И. Андреева

Вместе с тем царскому правительству было хорошо известно о тесных религиозных связях калмыцких ханов и духовенства с Тибетом. Эти связи заметно усилились в эпоху правления знаменитого Аюки-хана (1672–1724). В 1690 г. Далай-лама послал Аюке ханский титул, а в 1718 г. в Калмыкию из Тибета вернулся Шукур-лама с высшим духовным саном, также пожалованным ему Далай-ламой. В результате Шукур-лама становится главой буддийского духовенства и одновременно начинает играть важную политическую роль в жизни Калмыцкого ханства. Правители России во времена Аюки пытались прибли-

зить к себе влиятельное калмыцкое духовенство и потому, естественно, стремились ограничить его контакты с Тибетом⁴.

В послепетровскую эпоху российские власти стали предпринимать определенные усилия как для сбора достоверных сведений о Тибете, так и для завязывания отношений с его правящей верхушкой, главным образом с целью установления торгового обмена между Россией и Тибетом. Для этого пытались использовать регулярно посещавшие Тибет религиозные посольства калмыцких ханов, чьи владения на нижней Волге к тому времени были окончательно присоединены к Российскому государству. Правда, ни одна из этих попыток не увенчалась успехом: сопровождавшие калмыков русские чиновники («коронный пристав» вместе с толмачом) не смогли пройти дальше Урги (столица Внешней Монголии или Халхи), отчасти из-за противодействия самих калмыцких посланцев, отчасти — пекинских властей⁵.

Кроме калмыков связь с Тибетом, хотя и не столь тесную, поддерживали и обитавшие к востоку от оз. Байкал буряты — полукочевой монголоязычный народ, перешедший в русское подданство после демаркации границы между Россией и Китаем в соответствии с Кяхтинским договором 1727 г. Своему обращению в буддизм (ламаизм) бу-

4 Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (сер. XVII – нач. XX в.). Элиста, 1995. С. 25–26.

5 Бичурин Н.Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991. С. 98–100, 103–104.

ряты были обязаны главным образом прозелитистской деятельности странствующих монгольских и тибетских лам. В 1741 г. Иркутское областное управление, переписав поименно этих лам, привело их к государственной присяге и взяло с них обязательство «под угрозой смертной казни, не только не переходить за границу, но даже ни явно, ни тайно, ни под каким предлогом сношений с заграничными людьми не иметь»⁶. После этого ламы получили разрешение проповедовать среди бурят «ламайскую веру», были освобождены от ясака и других повинностей. Одновременно власти утвердили наличное число лам (150 человек) «комплектным» и поставили во главе бурятского духовенства главного ламу селенгинских и хоринских дацанов тибетца Агвана Пунцука. Забайкальские ламы, однако, формально продолжали сохранять зависимость от духовного главы Монголии — Ургинского Хутухты (Богдо-гегена) — и по-прежнему получали посвящение в Монголии.

После смерти Агвана Пунцука в 1764 г. его место занял лама Дамба-Даржа (Доржи) Заягийн (Заяев), бурят-монгол по происхождению, обучавшийся в Тибете (в Лхасе) в 1734–1741 гг. и принявший монашеские обеты *гэцула* и *гэлуна* (*гэлونا*) лично от высших иерархов тибетской буддийской церкви Панчен-ламы и Далай-ламы. Два года спустя Канцелярия по пограничным делам утвердила Заяева в должности главного ламы «всех буддистов, обитающих на южной стороне Байкала», со званием бандидо-хамбо-ламы. По инициативе Пунцука и Заяева в 1753 г. (или около этого времени) на р. Чикой, среди кочевий бурят цонгольского рода, был построен первый деревянный храм — Цонгольский дацан, «по образцу дацана Далай-ламы». Имеются также сведения об участии Заяева в выборе места строительства Хулэн-норского (Гусиноозерского) дацана на правом берегу Гусиного озера. Этот дацан, в отличие от следовавшего тибетской культовой практике Цонгольского дацана, ориентировался на монгольскую традицию, поскольку его настоятель (*ширетьуй*) лама Жимба Ахалдайн (Агалдаев) обучался в Урге⁷. Соперничество между ламами этих двух крупнейших на то время дацанов продолжалось до 1809 г., когда звание бандидо-хамбо-ламы, по желанию большинства бурятских родовых тайшей (старейшин), перешло к настоятелю Гусиноозерского дацана. С тех пор, до начала 1930-х гг., Гусиноозерский дацан — резиденция бандидо-хамбо-ламы — являлся главным центром бурятского буддизма.

Что касается калмыков, перекочевавших в Поволжье из Западной Монголии в начале XVII в., то они в большинстве своём перешли в

6 Вашкевич В. Ламаиты в Восточной Сибири. СПб., 1885. С. 23.

7 См.: Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 43–44. См. также: Чимитдоржиев Ш.Б., Пурбуева Ц.П. Дамба-Даржа Заяев – первый Бандидо-хамбо-лама бурятских дацанов // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1995. С. 75–80.

буддизм гораздо раньше бурят и имели собственного духовного главу, носившего титул Шажин-лама. И буряты и калмыки традиционно исповедовали буддизм наиболее распространенной в Тибете и Монголии школы Гелуг («добродетельная» в переводе с тибетского), также называемой «желтошапочной» по цвету монашеских шапок. В Европе и России тибето-монгольскую разновидность буддизма обычно называли ламаизмом, а её последователей — ламаистами или ламаитами.

К концу XVII в. крупнейшими геополитическими силами в Азии являлись Россия и завоёванный маньчжурами Китай (их династия Цин правила страной в 1644–1911 гг.). Российское государство стремительно расширилось на восток, к Тихому океану; маньчжурская империя — в северо-западном направлении. В 1691 г. Цинский Китай присоединил к себе Внешнюю Монголию (Халху), а в середине следующего столетия — Джунгарское ханство и Восточный Туркестан (Синьцзян). В результате экспансии Поднебесной империи постепенно стал утрачивать свою независимость и Тибет. В 1720-е гг. Цины установили контроль над Восточным Тибетом (провинция Кам и примыкающая к оз. Кукунор область Амдо) и затем посадили своих резидентов (*амбаней*) в Лхасе, под защитой двухтысячного китайского гарнизона. Несколько раз Цины — по просьбе Лхасы — оказывали военную помощь тибетцам, как это имело место в 1718–1720 гг. (когда Тибет был захвачен джунгарами), в 1751 г. (во время антицинского восстания) и в 1792 г. (после вторжения в страну непальских гурок). В результате маньчжурские императоры стали рассматривать Тибет как подвластное им вассальное государство. Сами же тибетцы считали, что отношения между Тибетом и Китаем основываются на паритетных началах, в соответствии с соглашением, заключенным еще в XIII веке между тибетскими ламами и монгольскими правителями-чингисидами (позднее ставшими китайскими императорами Юаньской династии). Суть этого соглашения выражалась буддийской формулой *чэ-йон* (духовный наставник – милостынедатель), согласно которой тибетские ламы добровольно приняли на себя роль духовных учителей монгольских ханов, а последние роль — светских патронов или покровителей лам⁸. Подобная формула, однако, уже не действовала в эпоху военно-политической экспансии Цинов, уступив место имперской формуле межгосударственных отношений: «сюзерен – вассал». В конце XVIII века Тибет был полностью включен в состав Цинской

8 См.: Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв. // Филология и история монгольских народов. М., 1958; Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках. М., 1978; Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград, 2001. О статусе Тибета см. также: Praag (van) M.C. The Status of Tibet: History, Rights and Prospects in International Law. Boulder, Colorado, 1987.

империи на правах «внешнего владения». Значение Тибета для Цинов, по мнению Е.Л. Беспрозванных, определялось двумя его важнейшими функциями: во-первых, «буферной зоны», предохраняющей собственно Китай от иноземного вторжения (по сути, ту же функцию выполняли и покоренные маньчжурами Восточный Туркестан, Джунгария и Халха-Монголия, образовавшие, таким образом, вместе с Тибетом буферный щит на западе Китая); и, во-вторых, «центра северного буддизма», своего рода «святой земли», откуда должно было распространяться «умиротворяющее» влияние на тибетских и монгольских подданных Цинов»⁹. Тибет, как показывает исследование Е.Л. Беспрозванных, «управлялся согласно особому своду законов («Уложению») и при помощи особого правительственного органа (Лифаньюаня); маньчжурские резиденты, ранее выполнявшие функции наблюдателей, превратились в имперских наместников в Тибете. Тибетские иерархи превратились в вассалов династии Цин, со всеми присущими вассалам обязанностями». То, что сами иерархи продолжали, однако, считать себя «партнерами» цинских императоров, являлось «самообманом, призванным сохранить престиж церковного руководства в глазах тибетского населения»¹⁰.

Первым российским монархом, проявившим интерес к далекому Тибету, была Екатерина Великая. В 1767 или 1768 г., принимая бандидо-хамбо-ламу Заяева, прибывшего в Москву, наряду с представителями других конфессий, для участия в составлении нового религиозного законодательства, императрица просила его рассказать о своем хождении в Тибет. Рассказ Заяева произвел на неё столь большое впечатление, что она тут же пожелала, чтобы хамбо-лама записал его, что он и сделал, составив краткое описание своего путешествия на бурятском и тибетском языках¹¹. Заяев был осыпан милостями царицы — получил «грамоту с белой печатью, удостоверяющей его высокое звание Бандидо-хамбо-ламы», Андреевский орден с правом ношения на шее «за распространение религии в соответствии с законами Российского государства», а также ежегодное жалование в 50 рублей¹². Это дало повод бурятским ламам говорить о покровительстве русской царицы буддизму и даже объявить её земным воплощением «милосердной Цаган-Дара-Эхэ» (Белой Тары), женского божества, весьма почитаемого буддистами Севера (монголами, тибетцами и их единоверцами в России, калмыками и бурятами). С тех пор все

⁹ Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета... С. 278, 297.

¹⁰ Там же. С. 312.

¹¹ Сазыкин А.Г. Описание Тибета, составленное в 18 в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. 1989. Т. XXVI. С. 117-124.

¹² Чимитдоржиев Ш.Б., Пурбуева Ц.П. Указ. соч. С. 78; Юмсунов В. История происхождения одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 44.

русские монархи неизменно ассоциировались бурятскими и калмыцкими буддистами именно с этим божеством и именовались «великими белыми царями» (по-монгольски, Цаган-Батор-Ханами).

Имеются сведения, что Екатерина II, очевидно под влиянием рассказа Заяева, попыталась завязать отношения с Панчен-ламой, вторым после Далай-ламы правителем Тибета, резиденция которого находилась на юге страны (провинция Цзан), в монастыре Ташилхумпо. Об этом сообщает глава английского посольства ко двору IV Панчен-ламы (Таши-ламы) в 1783 г. капитан Самюэль Тернер со ссылкой на двух высокопоставленных тибетцев — регента малолетнего Панчена и его кравчего, Сайбон (Сёпён) Хамбо. По словам Тернера, Россия (при Екатерине II) «сделала несколько попыток распространить свою торговлю на внутренние области Тибета, однако нежелание тибетцев вступать в сношения с новыми иностранными державами и ревнивая бдительность китайцев препятствовали до сего времени осуществлению подобных намерений»¹³. (Этот любопытный факт, как ни странно, не нашел отражения в отечественной историографии.) Регент также рассказал англичанину, что несколько лет тому назад (т. е. в конце 1770-х) императрица, желая завязать отношения с Таранат-ламой (Ургинским Хутухтой), отправила к нему послов с письмом и богатыми дарами. «Среди этих даров, — пишет Тернер, — я видел Библию с картинками на русском языке. Таранат-лама, почитавший Таши-ламу покровителем Монгольского государства и оракулом ламской иерархии, переслал ему эти подарки вместе с письмом царицы, испрашивая его совета по столь важному вопросу. Таши-лама отнесся сдержанно к предложению русских, тем не менее, он дал согласие на ограниченные сношения, в результате чего русские торговцы стали время от времени наезжать в Харку (Халху), место пребывания Таранат-ламы, где они до сих пор ведут значительную торговлю с помощью своих агентов. Торгуют же они в основном болгарскими шкурами, которые заготавливают в соседних с Монголией областях, а также доставляют из Калмыцкой Татарии на тот же самый рынок, где все богатые и ценные меха, что русские торгуют китайцам, можно сбывать по хорошей цене»¹⁴. Топонимы Сибирь и Байкал были незнакомы тибетцам, но Тернер, пытаясь привлечь их внимание к этой части России, показал им на карте Кяхту — «пограничный пункт, где ведется оживленный торг между Китайской и Российской империями». Гораздо более осведомленным в географии оказался Сайбон Хамбо — в прошлом он со-

13 An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama, in Tibet, containing a narrative of a journey through Bootan, a part of Tibet, by Captain Samuel Turner. London, 1800. P. 272.

14 Ibid. P. 273.

вершил путешествие во Внешнюю Монголию, а оттуда в Китай, бывал и в Южной Сибири — «пересёк границы Байкальского моря и долгое время жил среди северных татар» (т. е. бурят-монголов).

В сообщении Тернера особенно любопытен тот факт, что Екатерина II в своем стремлении установить торговые отношения с Тибетом обратилась не к Далай-ламе, верховному правителю страны, а к Панчен-ламе. Объясняется это, скорее всего тем, что ей, со слов хамбо-ламы Заяева, было известно, что «святой панчен-лама» считается в Тибете «главнее далай-ламы». (Согласно буддийской догматике, панчен-ламы являются земным воплощением будды Амитабхи, в то время как в далай-ламах воплощается бодхисаттва Авалокитешвара — эманация этого будды.)

Панчен-ламы со своей стороны, как кажется, также проявляли интерес к России и её правителям. Еще 1775 г., принимая главу первого английского посольства в Тибет Джоржа Богля, III Панчен-лама осведомился у него, между прочим, о состоянии России и об отношениях между английским королем и русской императрицей (Екатериной II). Бogle ответил, что его монарх «имеет большее влияние при русском дворе, чем любой другой правитель в Европе», на что Панчен-лама с радостью заявил, что в случае возникновения войны между Россией и Китаем, он непременно — «с помощью» Ост-Индской Компании — «сделает что-нибудь для восстановления мира», поскольку именно в этом и состоит его «ламское предназначение»¹⁵.

Приведенные выше факты позволяют говорить о том, что в конце XVIII века одна из двух правящих элит в Тибете (Панчен-ламы) имела вполне определенные представления о России как о могущественной Северной державе русских царей, активно торгующей с Монголией и Китаем, источником которых являлись в основном буддисты-паломники и торговцы — монголы, калмыки и буряты. Подобными же сведениями, надо думать, располагали и правители Лхасы, Далай-ламы, контролировавшие большую часть Центрального Тибета.

В эпоху царствования Екатерины II появились и первые публикации, посвященные Тибету. Так, в 1779 г. «Академические Известия» опубликовали «Новейшее и достоверное описание Тибетского государства» англичанина Стюарта, перепечатанное в русском переводе К. Богдановича из издания трудов Лондонского королевского ученого общества¹⁶. По сути, это был рассказ о миссии Джоржа Богля к

15 Markham C.R. Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet and of the Journey of Thomas Manning to Lhasa. London, 1879. P. 166.

16 Новейшее и достоверное описание Тибетского государства, доселе европейцам столь мало известного, но столь часто ими упоминаемого, о далай-ламе, его законах и его поклонниках и пр., сообщенное в 1777 г. Г. Стюартом в письме к Лондонскому королевскому ученому обществу, а от оною изданное во 2-м томе транзакций на 1778 г. // Академические Известия. 1779. Ч. 1.

Панчен-ламе, содержащий разнообразные сведения о Тибете. Стюарт, между прочим, сообщал, что Тибет находится в зависимости от Китая и что в его столице Лхасе (Лагассе) проживают «два мандарина», с тысячью китайских воинов, как «наблюдатели» этой зависимости, при этом, правда, отмечалось, что «власть их далеко не простирается». Из рассказа Стюарта также можно было узнать о торговле тибетцев с соседними народами, что в то время, пожалуй, более всего интересовало меркантильный Петербург. Главными тибетскими товарами являлись коровьи хвосты, тибетская шерсть, из которой делались «шаулы» (т. е. шали), мускус и золотой песок («песчаное золото»), в больших количествах вывозимый из Тибета. В то же время русскому читателю не могло не польстить сообщение Стюарта, что Российская империя — это единственное в Европе государство, о котором было известно Таши-ламе: «Он имел весьма величественное понятие о её богатствах и могуществе и он слышал о последней российской войне и чрезвычайных успехах её оружия противу Римского государства (так называют они Оттоманское), но он не думал, чтобы Россия была столь обширна, как она действительно есть. Многие татары, российские подданные, приезжают в Тибет». По словам Стюарта, «Государь Петр Великий посылал в различные времена грамоты и подарки к Ламе»¹⁷ (Панчен-ламе), — еще один факт, не зафиксированный в российских исторических анналах.

Не менее содержательными были и «сообщения» о Тибете сотрудников С.-Петербургской Академии наук П.С. Палласа и Й.Ф. Хакмана, появившиеся соответственно в 1781 и 1783 гг. в издававшемся по-немецки журнале «*Neue Nordische Beytrage*»¹⁸. Интересно, что рассказ Палласа основывался исключительно на расспросных сведениях, полученных у тангутских (тибетских) лам, обитавших в Забайкалье среди селенгинских бурят-монголов, и у главы забайкальских буддистов, уже упоминавшегося нами Дамба-Даржа Заяева, с которыми он встречался во время своей большой экспедиции по России. Паллас поведал немало любопытного о жизни Тибета и Лхасы середины – второй половины XVIII века, а также дал описание традиционного караванного маршрута из Кяхты через озеро Кукунор в «Тангут» (т. е. Тибет). Правда, нельзя не отметить, что опубликованные на немецком языке, строгим готическим шрифтом, статьи Палласа и Хакмана были доступны лишь очень узкому кругу лиц, в основном из петербургской «академической» среды.

¹⁷ Новейшее и достоверное описание... С. 279.

¹⁸ Pallas P.S. Nachrichten von Tybet, aus Erzallungen tangutischer Lamen unter den Selengiskischen Mongolen // Neue Nordische Beytrage zur physikalischen und geographischen Erd und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. I. SPb., Leipzig, 1781; [Hakman J.F.] Nachrichten betreffend die Erdbeschreibung, Geschichte und natürlich Beschaffenheit von Tybet // Neue Nordische Beytrage... 1783. Bd. IV.

В начале XIX века, в то время как Россия пыталась завязать торговые отношения с азиатскими странами, прежде всего с Китаем и Индией, её правители вновь обратили свой взор к заоблачному Тибету. В июле 1805 г., отправляя в Пекин посольство графа Ю.А. Головкина, министр коммерции граф Н.П. Румянцев поручил ему среди прочего «разузнать о нраве нынешнего Далай-ламы и Кутухты, о образе поведения с ними пекинского двора, и до какой степени влияние их над умами народа опасно двору сему»¹⁹. Русский посол также должен был убедить «китайское министерство» в необходимости сопровождения караванов калмыцких паломников в Тибет русским чиновником, поскольку «по законам российским, издревле установленным, кочующие народы, России подвластные, не могут посылать вне пределов Империи кого бы то ни было из среды своего общества без коронного пристава». Со своей стороны, товарищ министра иностранных дел князь А.А. Чарторыйский в отдельной депеше Головкину указывал, что Россия еще со времен Петра Великого стремилась «водворить торг наш в Индии» через соседнюю Персию, однако этому препятствовали внутренние мятежи во владениях шаха. А потому, ныне, гораздо удобнее было бы достигнуть Индостан через Китай и Тибет: «постоянная тишина Китайского государства и правила тамошнего двора, к такому положению способствующие, обещают, кажется, лучшие успехи в достижении через Тибет до Индии»²⁰.

В том же году граф Н.П. Румянцев, узнав о том, что десятью годами ранее (в 1792 г.) греческий священник, бывший митрополит Новопатрский Хрисанф, совершил большое путешествие по странам Средней Азии (посетив в том числе Индию и Тибет), обратился к нему с рядом конкретных вопросов (Хрисанф в то время проживал в Екатеринославле). Министр коммерции желал, прежде всего, получить сведения о «гражданском устройстве» Тибета, о его основных городах, о численности населения Лхасы, а также о тибетской торговле: «Далай-лама покровительствует торговых людей приезжих? Свободно ли или под присмотром содержит их там? Позволяют ли им менять товары? Какое влияние имеют китайцы на дела приезжающих туда иностранцев в городе Лассы, или в провинциях Тибета?»

В своем ответе Н.П. Румянцеву Хрисанф сообщал: «Устройство гражданское в Тибете находится в порядке, города и селения многолюдны и изобилуют богатством. Лассы есть набогатейший красивейший во всей Индии город; жителей в нем по крайности полтора миллиона считать можно. Они занимаются знатною торговлею с Китаем,

¹⁹ Из бумаг графа Ю.А. Головкина. Документы о посольстве гр. Головкина в Китай. СПб., 1904. С. 12.

²⁰ Там же. С. 19, 20, 23. Копия с депеши кн. А.А. Чарторыйского к гр. Ю.А. Головкину, 8 июля 1805.

Индию и с мунгалами (калмыками). Далай Лама покровительствует торговых людей, если они не христиане, и таковые пользуются совершенною свободою — всякие товары менять позволяют со взятием пошлин. Китайцы никакого другого влияния на город Лассы и на все владения Тибета не имеют кроме того, какое обыкновенно между двумя соседними самодержавными государствами в мирное время бывает; слышал однакож я: (в справедливости чего утвердить не могу) якобы китайцы берут некоторую дань от Далай Ламы. Сего Далай Ламу все подвластные ему народы почитают как Бога, чему следует вся Индия и все соседние Тибету народы»²¹. Хрисанф также рассказал министру о своих встречах с малолетним Далай-ламой, но достоверность его рассказов вызывает серьезные сомнения²².

Посольство графа Ю.А. Головкина, на которое русское правительство возлагало большие надежды, не смогло, однако, добраться до Пекина. В январе 1806 г. оно было остановлено китайцами в Калгане — у Великой стены — и вынуждено было повернуть назад из-за отказа русского посла исполнить унижительный для него ритуал коленопреклонения перед образом маньчжурского императора (так называемый «коу-тоу»). Попытки завязать отношения с Тибетом в последующие годы с помощью азиатских купцов, отправлявшихся с торговыми караванами в Восточный (Китайский) Туркестан и далее в Северную Индию из «Семиполатной крепости» (Семипалатинска) — форпоста русской торговли в Средней Азии, также не имели успеха. Впрочем, купцам удалось побывать в Пенджабе, Кашмире и Малом Тибете (Ладаке) и установить дружественные отношения с их правителями. В этой связи особенно следует отметить деятельность кабульского «купца-дипломата» Мехти Рафаилова, доставившего Петербургу ценные сведения о странах, в которых он побывал, лежащих между Россией и Индией²³.

1.2. Тибет и Большая игра в Центральной Азии

В 1818 г. командующий Сибирской оборонительной линией генерал-лейтенант Г.И. Глазенап составил, по запросу Петербурга, подробную записку «о пограничных к России, и далее к Тибету, азиатских народах» с описанием пути из Семипалатинской крепости в города

21 РГИА. Ф.13, оп. 2, д. 1703, л. 11-14. Краткое описание путешествия по Азии Хрисанфа Митрополита Новопатрского с вопросами, предложенными ему г. Министром о некоторых Азиатских странах и ответами на оные, 1805 г. См. также: Вигасин А.А. Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995. С. 290-293.

22 Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 274.

23 О Мехти Рафаиллове см.: Воловников В.Г. Путешествия российского «купца-дипломата» // Российские путешественники в Индии, XIX - начало XX в. Документы и материалы. М., 1990. С. 10-80.

Тибета и Кашмира. В этой записке содержались краткие сведения о Тибете — его географии, климате, политическом устройстве, ценах на тибетские товары и о способах сообщения с этой страной. Наиболее безопасным путем из России в Тибет считалась дорога, идущая через степи Средней и Большой Киргизских орд по направлению к городу Кульдже в Восточном (Китайском) Туркестане, и оттуда, через туркестанские оазисы Аксу – Кашгар – Яркенд, прямо в Тибет. «После 25-дневного путешествия [из Яркенда],— сообщал Глазенап,— достигают урочища Нубра, при реке Шаике»²⁴ (р. Шайок — приток Инда).

Судя по этому описанию, речь в записке Глазенапа, очевидно, идет о Ладаке, т. е. Малом Тибете, лежащем на пути из Средней Азии в Кашмир. Собственно Тибет или Большой Тибет — владения Далай-лам и Панчен-лам — стал недоступным для России (впрочем, как и других стран Запада) в конце XVIII века, после того как его правители наглухо закрыли двери Снежной страны для чужестранцев—«пилинов», прежде всего европейцев. Лхаса перестала быть открытым и довольно космополитичным, по западным меркам, городом, где, как утверждает тибетский историк Дава Норбу, «монголы из Монголии и России, китайские, кашмирские и непальские мусульмане, католические миссионеры из Европы тесно общались друг с другом». Причина, по которой горная страна стала «государством-отшельником», кроется, по мнению Норбу, в агрессивной внешней политике Англии в Южной Азии, при этом он подчеркивает, что решение о недопущении иностранцев в Тибет принадлежало не китайскому императорскому двору, а Лхасе, стремившейся таким образом обеспечить «выживание» религии и политической системы Тибета (теократический строй), поддерживающей эту религию²⁵. В таком выводе, однако, можно усомниться. Известно, что по окончании непало-тибетской войны Цины провели ряд кардинальных реформ в Тибете, поскольку эта война показала, что он не в состоянии выполнять свою роль государства-буфера. В результате все контакты Тибета с иностранными государствами, как отмечает Е.Л. Беспрозванных, были поставлены под строгий контроль амбаней: «Далай-лама не мог ни принять, ни отослать каких-либо писем или подарков без санкции амбаней. Даже связи религиозного характера с пригималайскими государствами (Непалом, Бутаном, Сиккимом.— А.А.) были поставлены под надзор имперских резидентов...»²⁶.

24 РГИА. Ф. 1264, оп. 1, д. 319, лл. 130-139 об. Сведения, собранные из устных объяснений и из доставленных комендантом Семипалатным подполковником Кемпеным 2-м. Приложение к Записке о киргизкайсаках и других Азиатских народах, прибывающих на Сибирскую линию.

25 Norbu Dawa. Imperialism and Inner Asia 1775–1907: How British India and Imperial China Redefined the Status of Tibet // Ethnicity and Politics in Central Asia. New Delhi, 1992. P. 22, 25.

26 Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета... С. 294.

Таким образом, именно Цины скорее всего и явились инициаторами «закрытия» Тибета — его изоляции от остального мира почти на столетие! У тибетцев же в то время не имелось никаких серьёзных оснований опасаться европейцев. Трижды посещавшие в конце XVIII века Тибет — Ташилхумпо, но не Лхасу! — миссии генерал-губернатора Бенгалии (Богль в 1774 г., Тернер в 1781 и Пуранджур в 1765) были вполне дружественными, а предложения англичан установить торговые отношения с Тибетом также не таили в себе каких-либо агрессивных замыслов. Дава Норбу, однако, считает, что «антизападная фобия» тибетцев родилась задолго до вторжения гурок в Тибет, хотя и признает, что страхи тибетцев перед возможным захватом их страны англичанами были в то время «довольно обосновательными». Кроме того, свой главный тезис о британском империализме как причине самоизоляции Тибета Норбу подкрепляет в основном ссылками на исторические события более поздней эпохи. Запрет на посещение Тибета (далай-ламских владений) распространялся, между прочим, и на буддистов-паломников из России (бурят и калмыков), что, на наш взгляд, лишний раз говорит о том, что он не мог исходить всецело от Далай-ламы, который таким образом добровольно лишил себя одного из источников щедрых приношений. Единственные европейцы, которым, несмотря на запрет, удалось побывать в Лхасе в первой половине XIX века, — это английский врач Томас Мэннинг (1811–1812) и французские миссионеры-лазаристы Эварист Гюк и Жозеф Габэ (1846).

Основанная в 1600 г. англичанами для торговли с индийцами Ост-Индская компания к середине XIX века, как известно, подчинила себе большую часть Индостанского полуострова и стала самостоятельным государством — «наиболее могущественной коммерческой республикой, известной миру со времен разрушения Карфагена»²⁷. Объектами колониальной экспансии англичан становятся и соседние с Индостаном области — Белуджистан, Бирма, Ассам. С 1840-х гг. Рах Britanica начинает постепенно завоевывать небольшие княжества в предгорьях Гималаев, прежде находившиеся в сфере влияния Лхасы: Даржилинг (1835), Таванг (1844), Лахул и Спити (1845), Ладак (1846), Бутан (1865), Сикким (1861–90). Таким образом, владения англичан непосредственно сблизились с границами Тибета лишь в 1840–1860 гг. Вполне естественно, это вызвало определенные опасения среди правящих ламско-теократических кругов Тибета, но до реальной опасности было еще далеко.

В то время как Британская империя, силами Ост-Индской компании, с успехом вела завоевательные войны в Юго-Восточной Азии, другая не менее могущественная империя, Российская, столь же ус-

27 Цит. по: Edwards W. A History of India: From the Earliest Times to the Present Day. London, 1967. P. 193.

пешно расширяла свои границы в другой части материка. После покорения в XVI–XVII вв. полукочевых сибирских народов и выхода к Тихому океану Россия в начале XIX века благополучно присоединила к себе территорию Закавказья, оккупировав при этом все персидские провинции, расположенные севернее реки Аракс, Уссурийский край (1858), а затем, в 1860–1870-е гг., действуя еще более решительно и агрессивно, русские генералы М.Д. Скобелев, М.Г. Черняев и К.П. Кауфман совершили бросок в Среднюю Азию, где покорили Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства. Русское продвижение «на Восток», однако, на этом не остановилось: в 1881–1884 гг. Россия завоевывает туркменские степи вместе со стратегически важным оазисом Мерв и наконец в 1895 г. утверждается на Памире, этой «Крыше мира», в двух шагах от Индии. (Согласно подсчетам военного географа А.Е. Снесарева, территория России при Иване III занимала 37000 кв. км, т. е. была немногим более Австрии, но меньше Германии и Турции, а затем 15 царей и цариц приобрели в сумме к концу царствования Александра III 355000 кв. км. За 400 лет Россия увеличилась в 10 раз!)²⁸.

По мнению индийского историка П. Мехры, эти два встречных и, на первый взгляд, одинаковых потока экспансии имели, однако, одно принципиальное различие. Экспансия России не имела антибританской направленности — Россия просто завоёвывала те соседние земли, которые хотела. Британская же экспансия была определенно направлена против России. «Британия не желала для себя такие территории, как Афганистан, в который она вторглась..., равно как не проявляла она к ним интереса и ради них самих. Всё, чего хотела Британия,— это, чтобы Россия не завладела этими территориями»²⁹.

Военная экспансия царской России в Закавказье и Средней Азии существенно обострила зародившееся еще в начале XIX века англо-русское соперничество на азиатском театре, так называемую Большую игру (Great Game). (Этот термин, впервые употребленный в 1835 г. английским кавалерийским офицером Артуром Коннолли в записках о путешествии в Северную Индию, стал популярным в начале XX века главным образом благодаря романам Р. Киплинга.) Большая игра преследовала несколько целей: во-первых, приобретение новых сырьевых источников и рынков сбыта промышленных товаров; во-вторых, овладение выгодными военно-стратегическими позициями и, в-третьих, противодействие наступлению соперника, его сдерживание на том или ином направлении или рубеже военными и дипломатическими средствами, а также с помощью идеологической диверсии (про-

28 Снесарев А.Е. Военная география России. СПб., 1909. С. 8.

29 Mehra P. The Younghusband Expedition (to Lhasa). New Delhi, 2005. P. 3.

паганды). Непосредственными участниками Большой игры являлись политики, дипломаты, военные деятели, в том числе кадровые офицеры — профессиональные разведчики, а также путешественники, открыватели и исследователи новых земель, которые затем становились объектами территориальных притязаний и споров. Характерная особенность и «двигатель» Большой игры — взаимная и нередко беспочвенная подозрительность, недоверие и страхи «игроков»-соперников: Петербург страшила «угроза» англичан среднеазиатским владениям России, Лондон и Калькутту — «русская угроза» Индии.

Главными аренами или «полями» Большой игры во второй половине XIX – начале XX века служили территории Афганистана, Персии и Тибета. Хорошо известно, что поводом для 1-ой и 2-ой англо-афганских войн (в 1838–1842 и 1878–1880 гг.) послужил прием афганскими эмирами — Дост Мухаммедом и Шир-Али Ханом — русских посольств в Кабуле. Афганистан имел важное стратегическое значение как для Англии, так и для России, поскольку через его территорию пролегал кратчайший путь с Запада к границам Индии, «самой драгоценной жемчужины в британской короне». Именно поэтому Англия и Россия в начале 1870-х договорились о признании Афганистана «нейтральным поясом» или буфером, разделяющим их опасую сблизившиеся азиатские владения. Тем не менее, колониальные власти Индии делали все возможное, чтобы превратить нейтральный афганский буфер в «буфер против России». Путем подкупа нового эмира Абдуррахмана в виде ежегодно выплачиваемой ему субсидии англичанам удалось установить контроль над внешней политикой Афганистана и, фактически, превратить соседнюю страну в свой протекторат. Дальнейшее продвижение России в глубь азиатского материка, однако, едва не привело к военному столкновению империй-соперниц, как это имело место в 1885 г., когда русские войска захватили спорный Пендинский оазис на границе с Афганистаном. Овладение этим пунктом открывало русским дорогу на Герат — исторические «ворота Индии», что побудило Калькутту срочно объявить мобилизацию.

Прямые отношения между Россией и Афганистаном прервались в 1880 г. под нажимом Англии, однако царское правительство стремилось восстановить их, чтобы, как считает К.В. Симонов, «добиться права наравне с Великобританией влиять на политику афганских верхов»³⁰. Несмотря на отсутствие официального торгового договора между Россией и Афганистаном, русско-афганская торговля, осуществлявшаяся через Среднюю Азию (Бухару), медленно, но неуклонно продолжала расши-

30 Симонов К.В. Афганистан в политике великих держав и Османской империи на Среднем Востоке (1899–1918 гг.). Автореф. дис. канд. истор. наук. Воронеж, 2001. С. 14.

ряться в 70–90-е гг. XIX века³¹. В то же время в Петербурге никогда не забывали и об особой стратегической роли афганского буфера. Так, один из апологетов русской экспансии в Средней Азии, уже упоминавшийся нами А.Е. Снесарев, утверждал: «Военно-политическое значение границы [России] с Афганистаном нужно считать огромным в том смысле, что она сближает нас с Индией, главным источником богатства Англии и Ахиллесовой пятой её могущества. Через эту границу мы можем, угрожая Индии, тем самым оказывать влияние на Англию»³². Та же мысль сквозит и во всеподданнейшей записке министра иностранных дел графа М.Н. Муравьёва, составленной в 1900 г.: «России надлежит выдвинуть свою среднеазиатскую границу по направлению к северу Афганистана с целью занятия Герата как одного из важнейших стратегических пунктов для будущего нашего наступления в Индии»³³.

Оказавшись в ситуации «между молотом и наковальней», эмир Абдурахман в равной степени опасался как России, так и Англии (Британской Индии). Несмотря на получаемые из Калькутты денежную субсидию и оружие, он не испытывал доверия к англичанам и потому не допустил английского резидента в Кабул. Подобно тибетским Далай-ламам, афганский правитель закрыл двери своей страны для европейцев. По мнению американского историка Л. Адамека, чтобы удержать своих ближайших соседей от агрессии, Абдурахман довольно искусно проводил «политику среднего курса», которая покоилась на трёх «столпах»: утверждение национальной независимости, строгий изоляционизм и сохранение баланса держав³⁴.

В Персии интересы России и Англии сталкивались преимущественно в торговой и финансовой сферах. Страна была, фактически, поделена на «зоны влияния» — русскую (на севере) и английскую (на юге). Большая игра в Персии достигла своей кульминации в последние десятилетия XIX – начале XX века. Персидский шах Наср-уд-Дин, в отличие от афганского эмира, гораздо более тяготел к русским, чем к англичанам, хотя и не вполне бескорыстно. (В 1879 г. Александр III отправил в Тегеран русских инструкторов для организации казачьего полка и подарил шаху тысячу русских берданок.) Тем не менее, позиции англичан в Персии оставались достаточно сильными, благодаря двум факторам: во-первых, они контролировали Южную таможенную в портах Персидского залива и, во-вторых, имели телеграф, соединявший Лондон с Калькуттой (через Берлин, Одессу, Тифлис, Тавриз, Тегеран и Карачи). Как и Афганистан, Персия представляла собой важный

31 См.: Бабаходжаев М.А. Русско-афганские торгово-экономические связи. Ташкент, 1965. С. 74.

32 Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 26.

33 Витухновский А.Л. Из истории англо-русских отношений на Среднем Востоке в начальный период англо-бурской войны // Учен. записки Петрозаводского гос. ун-та. Петрозаводск., 1958. Вып. 1. Т. 7. С. 121.

34 См.: Adamec L.W. Afghanistan (1900–1923). A Diplomatic History. Berkeley; Los Angeles, 1967. P. 5, 17.

стратегический буфер, в силу своего соседства с Индией (в юго-восточной провинции Сейстан), что, несомненно, добавляло остроту англо-русскому соперничеству в этой стране³⁵. О видах России на Персию довольно откровенно высказался военный министр А.Н. Куропаткин, поставивший в 1900 г. следующую задачу перед русской политикой: «добиваться в конце концов протектората над всей Персией, с целью выхода к Индийскому океану и Персидскому заливу»³⁶.

Еще одной ареной Большой игры являлся обширный центрально-азиатский регион, охватывающий окраинную, западную территорию застенного Китая — Синьцзян (Восточный Туркестан) и Тибет. Синьцзян, присоединенный к Поднебесной империи в середине XVIII в., включал в себя две провинции: Джунгарию (на севере) и Кашгарию (на юге). Последняя граничила как с Русским Туркестаном (бывшее Кокандское ханство), так и с Индией (Кашмир). Геополитическая роль Синьцзяна была достаточно велика, поэтому не случайно О. Латимор назвал Синьцзян «стержнем Азии», а А.Е. Снесарев «ключом ко всей мировой политике»³⁷. Англия прилагала немалые усилия, чтобы привлечь на свою сторону Якуб-бека — правителя феодального государства Йеттышар (Семиградье), возникшего в Кашгарии в 1865 г. в результате антимаңжурского восстания уйгурских и дунганских племен, и использовать его в борьбе с Россией. Но и Россия также пыталась завязать дружеские отношения с Якуб-беком, для чего несколько раз засылала к нему послов.

Что касается Тибета, то благодаря изоляционистской политике Цинов ему успешно удавалось избегать политических контактов с западными державами и, следовательно, оставаться неуязвимым для Большой игры, практически, на протяжении всего XIX столетия. Этому во многом способствовало и то обстоятельство, что самое высокогорное в мире Тибетское плато являлось наименее исследованной частью азиатского континента, представляя собой большое белое пятно на европейских картах. В 1860–1880-е гг., однако, Страна снегов становится объектом интенсивных географических исследований. Начало им положили англичане, ставшие засылать в Тибет под видом буддийских паломников индусов-разведчиков, так называемых «пандитов» (pundits), специально обученных ведению маршрутной съемки. Их отбором и подготовкой занималась основанная англичанами

35 Об англо-русском соперничестве в Иране см.: Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Кн. 1.; Маннанов Б.С. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – нач. XX в. Ташкент, 1964; Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – нач. XX в.). Ташкент, 1975; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – нач. XX в. М., 1981; Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study in Imperialism. New Haven; London, 1968.

36 РГИА. Ф. 1622, оп. 1, д. 269, л. 62. Всеподданнейший доклад А.Н. Куропаткина, 1900.

37 Зотов О.В. «Тайная» история Синьцзяна: российский ракурс // Восток (Oriens). 2003. №1. С. 90.

в Дера-дуне (на севере Индии) Главная геодезическая служба (Great Trigonometrical Survey). Сведения, добытые этими шпионами, многократно и с немалым риском для жизни пересекавшими Тибет во всех направлениях³⁸, позволили английским топографам в короткое время составить более или менее точные карты северного соседа Индии.

Определенным стимулом для исследований англичан послужили слухи о сказочных природных богатствах Тибета, прежде всего о месторождениях золота. (Первыми о них поведали миру еще античные авторы.) И действительно, с помощью пандитов англичанам удалось обнаружить многочисленные залежи золота (и серебра) в Восточном Тибете, в бассейнах верхних течений трех великих азиатских рек — Янцзы, Меконга и Салуэна. Тибетцами они разрабатывались довольно мало из-за нежелания — вполне естественного для буддистов — тревожить живые «недра земли».

В 1870-е годы к исследованию Тибета подключилась и Россия. Русские путешественники (Н.М. Пржевальский, Г.Н. Потанин, М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Козлов и др.) составили достойную конкуренцию пандитам, при этом они во многом воспользовались результатами их работ — маршрутными съемками и отчетами, опубликованными Лондонским королевским географическим обществом. Более того, С.-Петербург пытался даже последовать примеру англичан: в 1869 г. (три года спустя после первого путешествия братьев Наин и Мани Сингхов) подполковник Генштаба П.А. Гельмерсен предложил руководству императорского Русского Географического общества (далее РГО) отправить в Тибет, под видом «ламы-богомольца», одного буряты для сбора сведений об этой стране. Совершить своё рискованное путешествие бурят должен был в составе большого посольского каравана монгольских князей и лам, отправлявшегося в Лхасу для отыскания нового перерождения недавно умершего главы буддийской церкви Монголии — VII Джебцзун-Дамба Хутухты. Обращаясь за поддержкой к вице-председателю РГО, Гельмерсен писал: «Посольство это представляет драгоценный и редкий случай проникновения в Тибет, случай, какой при нынешнем смутном состоянии Западного Китая (намек на дунганское восстание.— А.А.) едва ли скоро может представиться. <...> Возможность производства точных географических работ в Тибете блистательно доказана путешествием индусов в 1866 году, которое служит прекрасным указанием для будущих путешественников, в особенности в отношении устройства инструментов,

³⁸ Об исследованиях пандитов см.: Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. 4. М., 1985. С. 187-189; Waller D. Pundits: British Exploration of Tibet and Central Asia. Lexington, 1990.

чрезвычайно остроумно приспособленных к буддийским молитвенным приборам»³⁹.

Удалось ли Петербургу отправить в Лхасу ламу-разведчика, нам неизвестно. Однако уже вскоре в Тибете побывали первые русские путешественники — в конце 1872 г. Н.М. Пржевальский вместе со своим помощником М.А. Пыльцовым и двумя забайкальскими казаками поднялись на Тибетское нагорье, где пробыли около трех месяцев. Примечательно, что уже в ходе этой первой экспедиции Пржевальский намеревался пробраться в Лхасу, следуя маршрутом монгольских паломников, но вынужден был отказаться от своих планов по причине недостатка средств и крайне истощенного состояния вьючных животных. «Имей мы на Кукуноре 1000 лан денег, то наверное дошли бы до Лхассы», — отметил он в книге-отчете об экспедиции. Там же Пржевальский рассказал о встрече на оз. Кукунор с тибетским посланником к пекинскому двору, который уверял его, что «Далай-лама будет очень рад видеть у себя русских» и что русская экспедиция встретит «самый радушный прием в столице тибетского владыки»⁴⁰. Подобное заявление, если только оно не было простым проявлением вежливости, свидетельствует об определенном интересе и, возможно, даже симпатии к России, правда, скорее всего не самого Далай-ламы (которому в то время было 16 лет), а правившего страной от его имени регента («гьецаба»).

В последующие годы Пржевальский, при поддержке РГО и Главного штаба, совершил еще два больших путешествия по Тибету, настойчиво стремясь достигнуть его столицы. Усилия отважного путешественника, однако, оказались тщетными. В 1879 г., во время своей 3-й центральноазиатской экспедиции, отряд Пржевальского был остановлен двумя тибетскими чиновниками с конвоем неподалеку от селения Нагчу (Напчу) на самой границе далай-ламских владений, в 250 км от Запретного города. Лхасские власти отправили этих послов навстречу «царскому амбаню», чтобы разузнать о его намерениях, поскольку в Лхасе распространились слухи о том, что русские «пилины» (чужестранцы) приехали в Тибет, чтобы украсть Далай-ламу! И хотя Пржевальский заверил тибетских послов, что его экспедиция преследует чисто научные цели и не представляет опасности для тибетцев, они не согласились пропустить русских путешественников в Лхасу⁴¹. Пржевальскому, однако, путем расспроса возвращавшихся из Лхасы паломников-монголов, обитателей Цайдама, удалось собрать некоторую информацию — о Далай-ламе, его столице, о населении Тибета, а

³⁹ Андреев А.И. Неизвестная страница из истории Большой игры: Дело о посылке русского агента в Тибет (1869–1973) // Ариаварта (СПб.). 1999. №3. С. 123–124.

⁴⁰ Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. М., 1946. С. 240.

⁴¹ См.: Гавриленков В. Русский путешественник Н.М. Пржевальский. М., 1974. С. 78–81.

также о пути между Нагчу и Лхасой. Кроме того, один из цайдамцев нарисовал по его просьбе план Лхасы⁴². Все эти сведения (за исключением плана Лхасы) путешественник включил впоследствии в написанную им книгу об экспедиции (Из Зайсана через Хами в Тибет. СПб., 1883). В ней он, между прочим, дал крайне негативную характеристику тибетцам: «Из всех кочевников, виденных мною в Азии, тибетцы в нравственном отношении были наихудшие. Чуждые гостеприимства и добродушия, столь присущего монголам, не испорченным китайским влиянием, обитатели Северного Тибета, несмотря на свой пастушеский быт, могут поспорить относительно хитрости, жадности к деньгам, плутовства и лицемерия с опытными проходимцами любого европейского города»⁴³.

Говоря о теократическом правлении Тибета, Пржевальский отмечал, что все высшие должности в стране заняты духовными лицами. Сам Далай-лама — 13 й перерожденец, Тубтэн Гьяцо, которому в то время исполнилось три года — не вмешивается в государственные дела; этим занимаются его наместник (регент), носящий титул «Номун-хана» (монг. «Владыка Учения»), и выбранные им помощники, так называемые «калуны» (министры). О влиянии Цинов на лхасский двор Пржевальский сообщал, со слов своих монгольских информаторов, следующее: «Китайские резиденты, один или два, наблюдают за внешнею политикою, равно как и за далай-ламою, его собратом банчин ирембучи (Панчен-лама. — А.А.) и за высшими администраторами всего Тибета. Подчинение последнего Китаю выражается, внешним образом, в торжественном посольстве, которое однажды в три года или в пять лет посылает далай-лама в Пекин с подарками для богдо-хана. В ответ от него получает также подарки». Новый Далай-лама избирается «на конклаве» высшего духовенства Тибета «из младенцев, родившихся в день смерти прежнего первосвященника», при этом в звании своем он утверждается Цинским императором. При китайском резиденте в Лхасе «состоит несколько сот солдат»; кроме Лхасы, «китайское правительство содержит небольшие отряды в городах Шигатзе, Тингри, Гианце, в некоторых пограничных пунктах и на почтовой дороге из Лхасы в Сычуань». О тогдашнем владыке Тибета, ввиду его малолетства, Пржевальский, естественно, не мог сказать ничего определенного. Тем не менее, он сделал общее замечание, отметив марионеточный характер далай-ламского правления: «Вообще жизнь далай-ламы крайне незавидная: за каждым его шагом следят приближенные ламы, номунхан и китайские резиденты; нет возможности увернуться от подобной

42 Архив РГО. Ф. 13, оп. 1, д. 68, л. 122 об.

43 Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет. М., 1948. С. 212.

опеки, тем более юноше бесхарактерному и неразвитому, каковым, благодаря своему воспитанию, вероятно, и бывает каждый далай-лама. Если же случайно появится на далай-ламском престоле человек талантливый и энергичный, то он неминуемо будет изведен своими приближенными»⁴⁴. (Пржевальский был недалеко от истины — четверо предшественников XIII Далай-ламы умерли, или были умерщвлены, в возрасте от десяти до двадцати лет и, фактически, не правили страной. Тринадцатый же перерожденец, как мы увидим в дальнейшем, станет исключением из этой печальной традиции и сыграет ключевую роль в создании независимого Тибетского государства.)

Тибетская экспедиция Пржевальского 1879–1880 гг. была, по сути, новой попыткой Петербурга завязать отношения с Лхасой. В докладе главы Азиатского отдела Главного штаба А.Н. Куропаткина на имя императора Александра II отмечалось, что Пржевальский, помимо научных изысканий, также предполагает «произвести разведку относительно политического строя Тибета, его отношения к своим соседям, наконец, возможности завязать и упрочить наши сношения с Далай-ламою». «Политика в этом направлении,— утверждал Куропаткин,— даже при малой удаче, может открыть путь нашему влиянию через всю Внутреннюю Азию, вплоть до Гималаев»⁴⁵. Интересно, что именно в этот период военный министр Д.А. Милютин — инициатор среднеазиатских походов России — впервые попытался использовать «тибетский буфер» в качестве инструмента для политического нажима на Англию. Поводом для этого послужило неожиданное появление в начале 1878 г. английского флота в водах Мраморного моря. В своем письме управляющему Азиатским департаментом МИД М.К. Гирсу от 2 мая 1878 г. Милютин предлагал отправить в Тибет военно-дипломатическую экспедицию, чтобы, «изучив обстановку английского господства в Индии», завязать отношения с тибетцами и оказать им «политическую или нравственную поддержку» против англичан. МИД, однако, отклонил предложение Милютина, но в то же время согласился на отправку в Тибет научной экспедиции во главе с Пржевальским⁴⁶.

Говоря о русской экспансии в Средней и Центральной Азии в 1860–1880-е гг., нельзя обойти молчанием тезис о «русской угрозе» Индии, усиленно муссировавшийся в то время в правительственных кругах Англии и в английской прессе. Действительно, в XIX веке в России неоднократно составлялись проекты военного похода на Индию⁴⁷, хотя

44 Там же. С. 222.

45 РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 553, л. 10. Отчет А.Н. Куропаткина, 16 ноября 1878. См. также: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Неизвестный Пржевальский // Ариаварта. 1997. №1. С. 214, 215.

46 Попов А. От Босфора к Тихому Океану // Историк марксист. 1934. №3 (37). С. 15.

47 Краткий обзор этих проектов см. в кн.: Лебедев В.Т. На Индию. Военно-статистический и стратегический очерк. Проект будущего похода. СПб., 1898.

ни один из них не был реализован даже частично. Разыгрывая «индийскую карту», царское правительство стремилось не столько к захвату Индии, сколько к устрашению своего соперника, с целью добиться от него тех или иных уступок на европейском театре. Именно таким был индийский поход 1878 г. по проекту Скобелева, по сути, — военная демонстрация в ответ на враждебную позицию, занятую Англией по отношению к России на Берлинском конгрессе. Русские войска должны были двинуться на Индию тремя колоннами по трем основным операционным направлениям через территорию Афганистана: Гератско-Кандагарскому, Кабульскому и Памирскому (через Алайские горы, на Читрал и Кашмир). Скобелевский поход, однако, был остановлен в самом начале Берлинским трактатом. По мнению военных экспертов, впрочем, он имел весьма небольшие шансы на успех, ввиду малочисленного состава задействованных в операции сил (приблизительно около 20 тысяч человек)⁴⁸.

Роль Индии в геополитической игре России и Англии довольно четко сформулировал на рубеже XX века министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев: «Основное значение для нас Индии заключается в том, что она представляет собой наиболее уязвимый пункт Великобритании, тот чувствительный нерв её, одно прикосновение к которому в случае необходимости способно, быть может, заставить правительство королевы изменить враждебное нам настроение его политики и проявлять желаемую уступчивость во всех тех вопросах, где будут сталкиваться обоюдные интересы»⁴⁹. Эту же идею известный английский политический деятель Джорж Керзон выразил более лаконично: «Сдерживать Англию в Европе, доставляя ей хлопоты в Азии, — вот сущность русской политики»⁵⁰. Здесь будет уместным также привести мнение востоковеда и одного из наиболее авторитетных военных экспертов России того времени, А.Е. Снесарева. Чтобы объяснить природу англо-русского соперничества в Азии, Снесарев выдвинул теорию, по которой Англия, желая удержать Индию в своей власти и обезопасить все подступы к ней, стремилась окружить эту страну кольцом государств-буферов или «гласисов». Такими буферами являлись сопредельные Индии Восточная Персия, Афганистан, Памир, Кашгария и Тибет. Россия, со своей стороны, испытывала естественное тяготение к странам, окружающим Индию, «не для того, чтобы овладеть ими, а чтобы иметь возможность влиять на Индию или, буде возможно, захватить её»⁵¹. «Полуторастилетнее» соперничество Англии и России

48 Там же. С. 10, 11.

49 Витухновский А.Л. Указ. соч. С. 121.

50 Цит. по кн.: Hauner M. What is Asia to Us?: Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. London; New York, 1992 (2nd edition). P. 84.

51 Снесарев А.Е. Афганистан. М., 1921. С. 16.

Снесарев считал «главным узлом всей проблемы Среднего Востока». С точки зрения снесаревской теории, любой из среднеазиатских буфферов, будь то втиснутый между русскими и индийскими границами крошечный Вахан (афганская провинция на юге Памира) или нависший над Трансгималаями огромной глыбой Тибет, вынужден был играть одинаковую политико-стратегическую роль. В одной из своих работ Снесарев сравнил Тибет, Афганистан и Персию с «зернами, которые попались между двумя жерновами» — империями-«великанами»⁵².

Существует еще одна геополитическая теория, объясняющая русскую экспансию в Азии, ставшая довольно популярной в академических кругах Запада в последние годы, — теория английского географа начала XX века Халфорда Маккиндера. Согласно этой теории, экспансия России (как царской, так и советской) осуществлялась в пределах так называемой «Сердцевинной земли» (Heartland) евро-азиатского материка — огромной территории, простирающейся с запада на восток от р. Эльбы до Охотского моря и ограниченной на юге несколькими мощными горными цепями (Гиндукуш, Куэньлунь, Большой Хангай). Конечная цель внешней политики России, как считает один из последователей и интерпретаторов маккиндеровской теории американский историк Джон Ледонн, заключалась в достижении южной периферии «Сердцевинной земли», включавшей территории Турции, Персии, Афганистана, Китайского Туркестана и Монголии, и невозможность сделать это являлась «постоянным источником фрустрации» для её политических лидеров. Тибет же, согласно этой маккиндеровской схеме, находился вне континентальной «Сердцевины» Азии и, следовательно, вне сферы экспансии России. «Куэньлуньские горы, пустынное нагорье Тибета и расположенные позади него Гималаи, — пишет Ледонн, — явились бы серьезной преградой для русской экспансии в направлении Лхасы и Индии, даже если бы русским удалось укрепиться в Кашгарии»⁵³. Расширению России в южном направлении — «к теплomu морю» — также активно противодействовала Англия, действовавшая с территории своих индийских владений (одной из «Приморских земель» — Coastlands — по терминологии Маккиндера). А потому Ледонн даже не рассматривает возможность русской экспансии на Тибет — за пределы «Сердцевинной земли», что отчасти можно объяснить тем, что автор недостаточно знаком с историей англо-русского соперничества из-за Тибета. Таким образом, мы имеем две противоположные теории: согласно одной (А.Е. Снесарев), Тибет,

52 Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 г. СПб., 1908. С. 2.

53 LeDonne J.P. The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. New York; Oxford, 1997. P. 1, 14.

занимая буферное положение, неизбежно должен был стать, наравне с другими государствами-буферами, объектом англо-русского соперничества, вне зависимости от его географических условий; согласно другой (Х. Маккиндер, Дж. Ледонн), Тибет полностью исключался из сферы русской экспансии в силу сугубо географического фактора, а также встречной экспансии Англии. Какая из этих теорий наиболее справедлива, — вопрос, на который мы попытаемся ответить нашим исследованием.

Итак, как мы уже видели, Россия в 1870-е – 1880-е гг. пыталась завязать отношения с Лхасой, используя для этого экспедиции Н.М. Пржевальского. К той же цели стремилась и Англия, по желанию которой в текст англо-китайской конвенции, подписанной в 1876 г. в Чефу, была внесена статья, разрешавшая англичанам отправлять экспедиции «для исследования Тибета». Это был первый договор Китая со странами Запада, в котором упоминался Тибет. Начиная с 40-х гг. XIX века, после поражения в первой «опиумной войне» с Англией, некогда могущественная империя Цинов переживает состояние упадка и постепенно превращается в полуколонию западных держав. Характерные признаки деградации режима — коррупция административно-чиновничьего аппарата, расстройство финансов, военно-техническая отсталость, повсеместное опиокурение, разлагавшее китайское общество изнутри. Наиболее сильные позиции в Китае, вплоть до середины 1890-х гг., сохраняла Англия, владевшая бассейном р. Янцзы и островом Гонконг. Контроль Цинов над своими «внешними территориями», населенными преимущественно неханьскими народами (монголами, уйгурами, тибетцами и т. д.), заметно ослабел в этот период, примером чего может служить мощное антицинское уйгуро-дунганское восстание в 1864–1877 гг., охватившее ряд западных провинций Китая и приведшее к свержению местной маньчжурской власти и созданию нескольких самостоятельных государств.

Россия в эти годы пыталась проводить активную внешнюю политику на окраинах Цинской империи — в Монголии и в Синьцзяне. Пекинский и Чугучакский договоры 1860 и 1864 гг. окончательно установили границы между двумя империями на Дальнем Востоке (на Амуре и в Уссурийском крае) и на западе Китая; русским купцам была разрешена беспошлинная торговля в Монголии и Кашгарии, а в Урге учреждено русское консульство. В 1871 г. русские войска заняли Илийский (Кульджинский) край по причине царивших там беспорядков, вызванных дунганским восстанием. Россия, впрочем, вернула

Китаю захваченную территорию десять лет спустя. Сторонники «наступательной политики» России на Востоке были недовольны таким решением, а Н.М. Пржевальский даже призывал правительство начать войну с Китаем, полагая, что Россия одержит в ней легкую победу, принимая во внимание плачевное состояние маньчжурско-китайских войск. В своём проекте он намечал три основных театра военных действий: Притяньшаньский (главный), Ургинский и Амурский. Ургинскому театру отводилось второстепенное значение, но сюда, по мнению Пржевальского, впоследствии мог переместиться «центр тяжести нашей борьбы с Китаем», поскольку Ургинский район являлся «исходным пунктом» действий русской армии против Пекина⁵⁴. Одним из желательных результатов войны должна была стать аннексия приграничной части Халха-Монголии: «Приобретение прилежащей к Забайкалью северной Монголии до широты Урги и, в особенности, занятие этого города распространит наше влияние на всю Монголию вообще, тем более, что Урга считается монголами вторым, после Хлассы, священным городом и составляет местопребывание важнейшего кутухты. Затем, если в будущем англичанам вздумается забраться из Индии в Тибет, то весьма возможно, что Далай-лама перенесет резиденцию именно в Ургу к своим, наиболее усердным верующим монголам. Тогда, владея Ургою и покровительствуя живущему в ней Далай-ламе, мы можем влиять через него на весь буддийский мир»⁵⁵. (Пржевальский, как мы увидим в дальнейшем, оказался пророческим, предсказав, более чем за два десятилетия, английский поход в Тибет и бегство Далай-ламы в Ургу.)

Пржевальского, между прочим, так же как и англичан, сильно будоражили рассказы о тибетском золоте. Так, в одной из записок в Главный штаб он предлагал присоединить к России Восточный (Китайский) Туркестан, утверждая, что «если бы суждено было Восточному Туркестану, а вместе с ним и прилегающей части Тибета (здесь и далее курсив в тексте мой.— А.А.), попасть в наши руки, то, не говоря уже о новых, по всему вероятно, многочисленных и богатых месторождениях золота, которые будут тогда открыты специалистами, на имеющихся приисках в Бугулуке, Копе, Саргаке и Капсалане мы могли бы добыть огромные богатства при пособии современной техники». Подобная аннексия, кроме того, позволила бы России занять весьма выгодную стратегическую позицию: «Заняв бассейн Тарима, мы делаемся ближайшими соседями Индии через Ладак и Кашмир. Правда,

54 Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военно-ученый комитет Главного штаба, 1883. Вып. I. С. 302.

55 Там же. С. 305.

пути туда весьма трудны для войск, но все-таки возможны. При этом одно наше пребывание в столь близком соседстве будет бельмом на глазу англичан»⁵⁶.

Предложение «русского конквистадора», как называет Пржевальского американский историк Д. Схиммельпечнинк ван дер Ойе, не вызвало, однако, большого энтузиазма у руководителей военного ведомства, хорошо понимавших, что присоединение к России даже небольшой части Синьцзяна, не говоря уже о Тибете, чревато серьезной конфронтацией как с Пекином, так и с Лондоном. Тем не менее, начатые Пржевальским исследования Тибетского плато — «научные рекогносцировки», как по-военному называл их он сам, были с успехом продолжены после его смерти в 1888 г. сподвижниками и учениками (В.М. Певцовым, В.И. Роборовским, П.К. Козловым) и другими исследователями-энтузиастами. Их маршруты охватывали главным образом северную и северо-восточную части нагорья, т. е. территорию, лежащую вне собственно далай-ламских владений.

Большим подспорьем в осуществлении этой программы исследования Тибета стало учреждение в 1861 г. русского консульства в Урге. Именно здесь, в этом городе-резиденции Богдо-гегена, третьего по значимости лица в тибето-монгольской буддийской иерархии, происходило снаряжение русских экспедиций в Центральную Азию. Отсюда же в Лхасу регулярно отправлялись караваны монгольских паломников и торговцев и изредка большие посольские караваны, с помощью которых поддерживались религиозные и торговые связи между Монголией и Тибетом. Возвращаясь в Ургу, монголы приносили самые свежие новости из Тибета, которые неизбежно становились достоянием и русских дипломатов. В 1864–1911 гг. ургинское консульство возглавлял Я.П. Шишмарев — дипломат и ученый, человек необычайно энергичный, эрудированный и преданный своему делу⁵⁷. Шишмарев положил начало интенсивным исследованиям Монголии — составлению карт, изучению быта и экономики страны, её торговых рынков, пытаясь содействовать развитию русско-монгольской торговли, создал школу переводчиков при консульстве и оказывал всяческую помощь русским путешественникам. Особенно он был дружен с Н.М. Пржевальским, В.И. Роборовским и П.К. Козловым. Благодаря Шишмареву Урга к концу XIX века превратилась в один из форпостов русской

56 Пржевальский Н.М. «О возможной войне с Китаем, о природных условиях, ископаемых богатствах и добыче золота в Центральной Азии». 1884–1888 // РГИА. Ф. 971, оп. 1, д. 181, л. 18, 104.

57 О Я.П. Шишмареве см.: Андреев А.И. Я.П. Шишмарев – дипломат, путешественник, исследователь Монголии // *Mongolica*, VI. СПб., 2003; Единархова Н.Е. Русский консул в Монголии. Иркутск, 2001; Кузьмин Ю.В. Я.П. Шишмарев – генеральный консул России в Монголии: 1861–1911 // *The IAMS News Information on Mongol Studies Bulletin*. Ulaanbaatar. 1997. № 2 (20); 1998. № 1 (21).

экспансии на западной окраине Цинской империи. Шишмарев также проявлял большой интерес и к Тибету — в 1873 г., например, он составил подробное описание «посольской дороги» между Ургой и Лхасой, некогда установленной цинскими властями. Расстояние между Ургой и Лхасой Шишмарев оценивал в 3250 верст, отмечая при этом, что караваны делают по Монголии до 40 верст в день, в горах же не более 30. Таким образом, общая продолжительность путешествия, включая длительную стоянку на оз. Кукунор для отдыха и подкорма вьючных животных, составила бы около четырех месяцев⁵⁸.

В 1883–1885 г. Н.М. Пржевальский совершил 4-ю центрально-азиатскую (2-ю тибетскую) экспедицию. На этот раз, однако, он отказался от посещения Лхасы главным образом из-за опасения, что тибетцы не пропустят его отряд во владения Далай-ламы, особенно после того, как он дважды «побил» тангутов на Желтой реке во время продвижения экспедиции через Кам⁵⁹. Я.П. Шишмарев в своем отчете в Азиатский департамент МИД в 1888 г., впрочем, объяснил отказ Пржевальского отсутствием у него хорошего переводчика: «Будь умелый и ловкий переводчик, экспедиция... была бы допущена в Хлассу беспрепятственно». При этом он отмечал, что проявление в этом случае настойчивости её руководителем могло бы привести «к неприятностям» и поставило бы правительство «в положение крайне неудобное»⁶⁰.

Со своей стороны, англичане отправили в 1885 г., с разрешения Пекина, торговую миссию в Лхасу через Сикким во главе с министром финансов правительства Бенгалии Колманом Маколеем. Эта экспедиция была остановлена тибетской пограничной стражей, несмотря на китайский путевой паспорт Маколея. Английский дипломат Ч. Белл прокомментировал этот инцидент таким образом: «Китайское господство в Тибете к тому времени сильно ослабело, а тибетцы противились более тесным сношениям с Индией»⁶¹. Стремясь не допустить англичан на территорию Тибета, лхасские власти спустя два года построили укрепленный пункт в местечке Лунгтур на границе с Сиккимом, посадив там офицера с небольшим гарнизоном, что вызвало большое недовольство Калькутты. Англичане обратились с жалобой к пекинским властям, обвинив тибетцев в создании «фортификаций, направленных против Индии», и в то же время предъявили ультиматум Лха-

58 См.: Известия ИРГО. 1873. Т. IX. № 6. С. 185–191. Другой маршрут на Лхасу был описан Г.Н. Потаниным, см.: Потанин Г. Путь из Урги в Хлассу через кочевья Голуков // Известия ВСО РГО. 1893. Т. XXIV. Ч. 2. С. 38–43.

59 Дубровин Н.Ф. Н.М. Пржевальский. СПб., 1890. С. 401. Письмо Пржевальского И.Л. Фатееву, 8 августа 1884.

60 Архив СПб Ф ИВ РАН. Ф. 44, оп. 1, д. 18, л. 89 об.

61 Bell Charles, Sir. Tibet Past and Present. Delhi, 2000 (reprint). P. 59.

се, потребовав ликвидировать новую заставу в Лунгтуре. Тибетцы, однако, проявили неуступчивость, в результате чего им пришлось весной 1888 г. начать военные действия против англичан, двинувших к Лунгтуру двухтысячное войско. Как отмечает тибетский историк В.Д. Шакабпа, это был первый случай, когда «тибетцы вступили в бой с армией западной державы и потерпели тяжелое поражение»⁶².

В 1887 г. произошло еще одно важное событие — в Лхасе был публично казнен влиятельный лама-сановник, регент V Панчен-ламы Сенгчен-лама после того, как стало известно о помощи, оказанной им наиболее известному из пандитов — бенгальскому ученому и одновременно агенту англо-индийской разведслужбы Сарат Чандра Дасу. (Последний в 1879 г. тайно побывал в Шигацзе и в 1881–1882 гг. в Шигацзе и Лхасе.) По тибетскому обычаю, Сенгчен-ламу зашили в ячью шкуру и бросили в реку. Казнь Сенгчен-ламы и последовавшие за ней репрессии против других «пособников» иноземцев-англичан произвели тягостное впечатление на Калькутту, дав повод говорить о Тибете как о «нецивилизованной» стране⁶³.

Действия англичан на тибетской границе не могли не привлечь к себе внимание Петербурга. Я.П. Шишмарев в отчете в МИД, составленном накануне сражения в Лунгтуре, писал с нескрываемым беспокойством: «Англичане не замедлят присоединить к своим индийским владениям все полунезависимые от Тибета племена и распространят свое влияние на Тибет. Деньги, энергичное преследование англичанами предначертанных целей и умение их вести дело в Азии свое дело сделают. <...> *Успехи англичан в Тибете имеют большую важность для нас*»⁶⁴. Важность эта, несомненно, проистекала из характера Большой игры, побуждавшей политическое руководство России (равно как и Англии) чутко и незамедлительно реагировать на каждый наступательный шаг или, вернее, «ход» соперника. В 1888 г. Н.М. Пржевальский отправился в свою последнюю экспедицию в Тибет. «Помимо научных результатов,— писал он в экспедиционном проекте,— вероятно, можно будет собрать сведения относительно нынешних действий англичан через Сикким к Тибету и о настроении самих тибетцев»⁶⁵. Путешественник-разведчик, как известно, скоропостижно умер от брюшного тифа в самом начале экспедиции, а через два года англичане окончательно установили протекторат над Сиккимом. Произошло это после того, как вице-король Индии маркиз Г. Лэнсдаун и пекинский резидент (амбань) в Тибете Шэн Тай заключили 17 марта

62 Шакабпа Цепон В.Д. Тибет: Политическая история. СПб., 2003. С. 212.

63 McKay A. The Drowning of Lama Sengchen Kyabing: A Preliminary Inquiry from British Sources // Tibet Past and Present. Tibetan Studies I. Leiden, 2002. P. 263-280.

64 Архив СПб Ф ИВ РАН. Ф.44.Оп.1 Д.18. Л. 89-89 об.

65 Архив РГО. Ф. 13, оп. 3, д. 5, л. 7-7 об.

1890 г. в Калькутте англо-китайскую конвенцию по делам Сиккима и Тибета. Согласно этому договору, Англия получила «прямой и исключительный контроль над внутренним управлением и внешними отношениями» Сиккима и установила новую границу между Сиккимом и Тибетом. В 1893 г. этот договор был дополнен англо-китайским торговым соглашением (опять-таки заключенным без ведома Лхасы), открывавшим сиккимо-тибетскую границу для английских товаров путем учреждения английской торговой фактории в тибетском пограничном пункте Ятунг⁶⁶.

Окончательное установление англичанами протектората над Сиккимом вызвало большую тревогу среди правящих кругов Тибета, тем более что договор о Сиккиме, до того времени находившемся в вассальной зависимости от Лхасы, был подписан англичанами не с лхасским правительством, а с представителем Пекина. В глазах тибетцев эта акция выглядела как предательство их интересов пекинскими властями, хотя многие были склонны винить в случившемся не Цинов, а их представителей в Лхасе, амбаней. Так, Я.П. Шишмарев сообщал летом 1896 г. в Петербург о том, что вернувшийся из Тибета брат Ургинского Хутухты (тибетец Еши Чойнпел) привез с собой письмо Далай-ламы, в котором тот просил Хутухту довести до сведения Пекина о «тревожном положении Тибета, вызванном действиями англичан», намекая при этом на «продажность» лхасского амбана, благодаря которому англичане и получили доступ в Тибет. Письмо Далай-ламы было затем переведено на монгольский язык и передано Хутухтой ургинскому амбаню Гуй-бину для пересылки по назначению. Сам Шишмарев, однако, сильно сомневался в том, что лхасский амбань был подкуплен англичанами, справедливо полагая, что «скорее всего он руководствовался инструкциями, исходящими из Пекина»⁶⁷.

Экспансия Англии в гималайско-тибетском направлении, естественно, не могла оставить равнодушной и царскую Россию. Ответный «ход» С.-Петербурга не заставил себя долго ждать. 13 февраля 1893 г. — фактически, еще до заключения англичанами торгового соглашения по Сиккиму и Тибету — чиновник Азиатского департамента МИД, более известный как врач тибетской медицины, П.А. Бадмаев, подал императору Александру III пространную докладную записку: «О задачах русской политики на азиатском Востоке». В ней он изложил грандиозный план «мирного присоединения» к России Монголии, Тибета и Китая. Суть его состояла в следующем: Россия, пользуясь ослаблением

⁶⁶ Тексты обоих договоров см. в кн: Bell. С.Tibet Past and Present P. 282.

⁶⁷ АВПИР. Ф. Китайский стол, д. 562, л. 409-410 об. Донесение Я.П. Шишмарева главе Азиатского департамента МИД гр. Д.А. Капнисту, 10 августа 1896.

политической власти в Пекине — «упадком маньчжурской династии», начинает вести, с помощью бурятских торговцев и буддистов-паломников, активную антиманьчжурскую и одновременно прорусскую агитацию среди народов, населяющих западную окраину Срединной империи, включая Монголию и Тибет. Такая работа должна была постепенно (в течение трёх-пятилетнего периода) подготовить почву для широкого народного восстания в провинции Ганьсу, которое оттуда могло бы легко перекинуться, с одной стороны, на Монголию, а с другой — на соседнюю провинцию Сычуань и далее в Тибет. Главным на этом этапе было захватить центр ганьсуйской провинции, город Ланьчжоу, имеющий, как считал Бадмаев, большое политическое, стратегическое и торговое значение, поскольку «из этого пункта весьма удобно распространить влияние на весь Китай, Тибет и Монголию». В дальнейшем предполагалось соединить Ланьчжоу железнодорожной веткой с основной Транссибирской магистралью в Забайкалье (строительство которой началось в 1891 г.). Завершающим аккордом бадмаевского проекта должен был стать торжественный визит «избранной монгольской, тибетской и китайской знати и знатных буддийских жрецов» в С.-Петербург для того, чтобы «просить белого царя принять их в подданство»⁶⁸, акт, который позволил бы России легитимировать предпринятую аннексию. Наиболее эффективными средствами для привлечения монголов, китайцев и тибетцев к России, по мысли Бадмаева, должны были стать, во-первых, престиж — «обаяние» — русского царя на Востоке и, во-вторых, торговля. Бурятские пионеры-торговцы, полагал он, будут развозить мануфактурные и галантерейные товары, «железные изделия», огнестрельное оружие и т. д. и скупать все, что производят Монголия и Тибет полезного для Забайкалья, как-то: рогатый скот, овец, верблюдов, яков (буйволов), тарбаганов⁶⁹.

Проект Бадмаева, несмотря на всю его фантастичность и явно авантюрный характер, получил одобрение Александра III и влиятельного министра финансов С.Ю. Витте, фактически руководившего внешней политикой России. В результате Бадмаеву были отпущены из казны два миллиона рублей золотом — средства, на которые он основал в Чите торговый дом Бадмаев и К^о и развернул широкую коммерческо-пропагандистскую деятельность в Забайкалье, Монголии и Китае. Так, по ходатайству Бадмаева, Я.П. Шишмарев отвел для ургинского отделения его торгового дома «очень большое место», на котором вскоре

68 За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева (под ред. В.П. Семенникова). Л., 1925. Докладная записка П.А. Бадмаева Александру III: О задачах русской политики на Азиатском Востоке, 13 февраля 1893. Раздел: Возможность присоединения к России монголо-тибето-китайского Востока. С. 72.

69 Там же. С. 69.

были возведены различные постройки — дом для служащих, магазин, складские помещения и т.д. В то же время среди монголов и китайцев стали усиленно распространяться слухи о близком родстве Бадмаева с «белым царем», о его несметных богатствах, об участии «именитых русских людей» в его предприятии и т. п. Далее, в июне 1895 г. Бадмаев заключил с российским почтово-телеграфным ведомством контракт на перевозку почты между Кяхтой и Калганом — с этой целью на тракте между Кяхтой и Ургой были открыты девять почтовых станций (юрты и русские домики). Станции эти были затем сданы отдельным подрядчикам-бурятам, поселившимся на них с ямщиками. Это вызвало большое недовольство ургинского амбана, потребовавшего у консульства уничтожения русских почтовых станций⁷⁰.

Одной из первостепенных задач на начальном этапе реализации Бадмаевым своего проекта стала экономическая и политическая разведка территории между Монголией и Тибетом. Известно, что весной 1895 г. Бадмаев отправил в Лхасу под видом паломников небольшую группу торговых агентов-бурят. В Лхасе двое из них (Очир Жигжитов и Дугар Ванчинов) встретились со своим соплеменником, ламой Агваном Доржиевым, о котором было известно, что он проживал в Тибете уже около двадцати лет и пользовался большим влиянием при дворе Далай-ламы⁷¹. Сразу же после их возвращения Бадмаев направил Витте письмо, в котором, ссылаясь на добытые его агентами сведения, утверждал, что Англия готовится к захвату Тибета, и предлагал немедленно отправить в Лхасу вооруженный отряд численностью в 2000 человек, чтобы «помочь тибетцам удержаться». Витте, со своей стороны, обратился к царю (Николаю II) с докладной запиской, в которой подчеркивал, что он лично «придает огромное политическое значение» установлению отношений с Тибетом через посредство торгового дома П.А. Бадмаева. «До сих пор в Лхассу, насколько мне известно, еще не проникала нога европейцев. Смелый и мужественный Пржевальский, пересекший Китай по всевозможным направлениям и не знавший никаких преград своей энергии, должен был отказаться от давно лелеянной им мысли проникнуть в Лхассу, так как встретил настойчивое противодействие со стороны местных властей. Ныне же посланные Бадмаевым буряты, хотя открыто именовали себя русскими подданными, проникли в Лхассу и были там очень ласково приняты». Далее Витте просил царя о вознаграждении лхасскому покровителю бурят, ламе Агвану, при этом он откровенно высказал свое отношение

70 АВПРИ. Ф. Китайский стол, д. 562, л. 537-538 об. и 483. Донесения Я.П. Шишмарева от 7 августа и 31 января 1897.

71 РГИА. Ф. 1072, оп. 2, д. 266, л. 2. Письмо П.А. Бадмаева кн. Э.Э. Ухтомскому, 27 декабря 1895.

к Тибету, фактически сформулировал основную задачу «тибетской политики» России, как она виделась ему в то время: «По своему географическому положению Тибет представляет, с точки зрения интересов России, весьма важное политическое значение. Значение это особенно усилилось в последнее время ввиду настойчивых стремлений англичан проникнуть в эту страну и подчинить ее своему политическому и экономическому влиянию. Россия, по-моему, должна сделать все от нее зависящее, чтобы *противодействовать установлению в Тибете английского влияния*»⁷².

Такая позиция Витте вполне соответствовала тому новому внешнеполитическому курсу России, который сформировался в середине 1890-х гг. Начатое в 1891 г. строительство Транссибирской железнодорожной магистрали послужило толчком для русской экспансии на Дальнем Востоке, объектами которой становятся Корея, Маньчжурия и Китай. 22 мая 1896 — три недели спустя после подачи Витте докладной Николаю II — в Москве состоялось подписание секретного русско-китайского договора, по которому Россия получила право на проведение железной дороги через китайскую территорию прямо на Владивосток в обмен на заключение оборонительного союза с Китаем против Японии, которая незадолго до того нанесла сокрушительное поражение Поднебесной империи в японо-китайской войне (1894–1895). Этот договор был подписан с русской стороны С.Ю. Витте и министром иностранных дел князем А.Б. Лобановым-Ростовским, с китайской — чрезвычайным уполномоченным цинского императора Ли Хунчжаном. А 28 мая Россия заключила секретное соглашение с Японией по Корее (протокол Лобанова – Ямагата), превращавшее эту страну в русско-японский протекторат — при доминирующем влиянии России.

Таким образом, интерес к Тибету, проявленный Витте в связи с проектом Бадмаева, находился в тесной связи со значительно активизировавшейся в конце 1890-х дальневосточной политикой царской России, а также её политикой в отношении Китая. Сущность же последней, по словам Витте, сводилась к сохранению «цельности и неприкосновенности» Китайской империи. «России наиболее выгодно иметь около себя соседом сильный, но неподвижный Китай», полагал он, ибо «в этом заключается залог спокойствия России со стороны Востока, а следовательно, и будущего благоденствия Российской Империи»⁷³. Тибет в этом контексте, очевидно, рассматривался Витте если не как составная часть Китая, то, во всяком случае, как подвластная Китаю

⁷² За кулисами царизма. С. XXIII, XXIV. Докладная записка С.Ю. Витте Николаю II, 3 мая 1896.

⁷³ Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 1. Мн., М., 2001. С. 112.

территория. После оформления русско-китайского военного альянса Витте, однако, теряет интерес к проекту Бадмаева, поскольку у него теперь появился свой собственный — гораздо более реалистичный и перспективный — большой азиатский проект, связанный с постройкой КВЖД. Взоры Витте отныне обращены, прежде всего, к Дальнему Востоку — к Маньчжурии, Корее и Северо-Восточному Китаю. Но Витте определённо привлекали и обширные просторы застенного Западного Китая — Центральной Азии, которую он считал законной сферой русского влияния. В написанном под его диктовку Лобановым-Ростовским письме послу в Париже А.П. Моренгейму (от 11 мая 1895 г.) мы читаем: «Для наших будущих планов не менее важно поставить Китай в какую-либо зависимость от нас и не дать Англии распространить на эту страну свое влияние. Англия господствует на юге Азии, мы не собираемся её там беспокоить; однако Центральная Азия должна быть нашей не в смысле материального завоевания, а чтобы заставить ее служить нашим целям и нашим интересам»⁷⁴.

Бадмаев тем временем энергично продолжал работу по реализации своего проекта. В конце 1896 г. он обратился с запиской к царю, в которой спрашивал: вести ли ему только одну торговлю «для расширения нашего торгового-политического влияния» на Востоке, для чего требовались дополнительные средства в два миллиона рублей, или же «прямо готовить почву для окончательного присоединения к России в ближайшем будущем монголо-тибето-китайского Востока». В этой записке Бадмаев еще раз подчеркнул значение Тибета для России: «Тибет, как самое высокое плоскогорье в Азии, господствующее над азиатским материком, непременно должен находиться в руках России. Владая этим пунктом, Россия, наверное, может принудить Англию быть сговорчивой»⁷⁵.

Бадмаеву, однако, не удалось получить второй ссуды под свой проект, вероятнее всего из-за обструкции Витте, который в конце концов разглядел в бурятском коммерсанте «умного, но плутоватого афериста»⁷⁶. В результате ему пришлось прервать свою деятельность — его торговый дом вскоре разорился и был закрыт, закрылась и издаваемая Бадмаевым в Чите газета «Жизнь в Восточной окраине». Одновременно с Витте и во многом по тем же причинам отвернулся от Бадмаева и другой его высокий покровитель — кн. Э.Э. Ухтомский, редактор-издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» (с 1896), востоковед и востокофил, знаток тибетского буддизма, совершивший в 1891 г. вместе

74 Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 176.

75 За кулисами царизма. С. 108–110. Записка Бадмаева не имеет даты. Составлена предположительно в конце 1896 г., когда Бадмаев ходатайствовал о выдаче ему второй ссуды.

76 Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. С. 118.

с престолонаследником путешествие по странам Востока и с тех пор ставший, по выражению Витте, «очень приближенным» к будущему царю человеком. И все же кое-что из сделанного «аферистом» Бадмаевым принесло свои плоды — в начале 1898 г. на невских берегах неожиданно появился Агван Доржиев — фаворит и главный советник XIII Далай-ламы, лишь недавно, по достижении совершеннолетия, ставшего полновластным правителем Тибета. Этот визит, скорее всего, не был совершенно спонтанной инициативой лхасского правительства, но явился прямым следствием тайного посещения Лхасы эмиссарами Бадмаева.

Глава 2

Русско-тибетское сближение, 1898 – 1906

Агван Доржиев. С.-Петербург, ок. 1900.
Архив квартиры-музея П.К.Козлова.

2.1. Миссии А. Доржиева в Россию: начало русско-тибетского диалога

Агван Лобсан Доржиев¹, известный тибетцам под именем Лозанг Наванг (1853/54–1938), родился в семье бурята-скотовода в улусе Харашибирь Хоринского аймака, неподалеку от Верхнеудинска (совр. Улан-Удэ). Первоначальное образование получил в Ацагатском дацане, после чего недолгое время служил писарем в Хоринской Степной думе. В 19 летнем возрасте, тайком от родителей, Агван ушел в Лхасу, намереваясь поступить в знаменитую монастырскую «академию» Дрепунг, чтобы получить высшую ученую степень «лхарампа» — буддийского доктора богословия. Юноша был целеустремлен и честолюбив — он видел, каким большим почетом в его родной Бурятии пользуются ученые ламы, особенно прошедшие полный курс *цаннидского* (философского) обучения в Лхасе, и мечтал стать одним из них. Выдавая себя за монгола из Халхи (т. е. подданного китайского богдыхана, а не русского царя), Доржиев благополучно добрался до Лхасы, но вскоре (в 1874) вернулся на родину. В своей тибетской автобиографии он объясняет своё возвращение боязнью быть разоблаченным тибетцами, ибо в этом случае его почти наверняка ожидала смертная казнь². Возможно и ещё одно объяснение — поездка Доржиева могла быть связана с выполнением секретного поручения русских властей, поскольку известно, что в 1869–1870 гг. РГО и Главный штаб собирались отправить в Тибет бурята-разведчика для сбора информации об этой стране³.

Как бы то ни было, через несколько лет (ок. 1878) Доржиев вновь отправился в Лхасу, где поступил в престижный Гоман-дацан — один из факультетов Дрепунга, в котором издавна изучали буддийскую философию (так наз. *цаннид*) выходцы из Монголии

1 Об А. Доржиеве см.: Берлин Л.Е. Хамбо Агван Доржиев. (К борьбе Тибета за независимость) // Новый Восток. 1923. № 3; Зятуев Г.Н. Цанит-хамбо Агван Доржиев. Улан-Удэ, 1991; Snelling J. Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Shaftsbury, Dorset, 1993; Дамдинов А.В. Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ, 1999; Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004. См. также автобиографии А. Доржиева: тибетская автобиография: Norbu Thubten J., Martin D. Dorjiev: Memoirs of a Tibetan Diplomat // Hokke Bunka Kenkyu. 1991. №17; «Предание о кругосветном путешествии или повествование о жизни Агвана Доржиева». Улан-Удэ, 1994; монгольская автобиография: Агван Доржиев. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света. М., 2003; русская автобиография: Шаумян Т.Л. Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом. Lewiston; Queenston; Lampeter. 2001. С. 252-259; Andreyev A. An Unknown Russian Memoir by Agvan Dorjiev // Inner Asia (Cambridge). 2001. № 3. P. 27-39.

2 См.: «Предание о кругосветном путешествии...» С. 48, а также русскую автобиографию А. Доржиева в кн.: Т.Л. Шаумян Т. Л. Англия и Россия... С. 253.

3 См.: Андреев А.И. Неизвестная страница из истории Большой игры: Дело о посылке русского агента в Тибет (1869–1873) // Ариаварта. 1999. № 3.

и России. В 1888 г., прослушав полный (10-летний) курс на этом факультете, Доржиев становится ученым-богословом, обладателем заветной степени *лхарампа*. Вскоре после этого по решению высшего лхасского синклита Доржиева, как особо преуспевшего в буддийских науках, назначили одним из семи *цаншавов* — партнеров для упражнения юного Далай-ламы в традиционных философских диспутах. Благодаря своей учености, живому уму и, вероятно, также немалому личному обаянию, Доржиеву удалось расположить к себе будущего правителя Тибета, завязать с ним тесные дружеские отношения. В начале 1890-х гг. он уже фигурировал в должности *сойбуна* — прислужника, подносящего Далай-ламе чай («хранителя золотого чайника»), но фактически являлся фаворитом и главным советником Далай-ламы. Побывавший в Лхасе в это время калмыцкий вероучитель База-бакши Менкеджуев рассказывал, что еще по дороге в Тибет он услышал от монголов о влиятельном далай-ламском *сойбуне*, «бурят-Акбане», проживающем во дворце владыки, в Потале, при этом монголы отмечали, что «не выходило еще человека, который так возвысился бы в Тибете, как он»⁴.

По своим политическим взглядам Доржиев был убежденным русофилом и англофобом. В своей автобиографической записке (1901) Доржиев пишет о том, что в связи с сиккимскими событиями в правящих кругах Тибета неожиданно заговорили о необходимости прибегнуть к покровительству какого-либо сильного европейского государства, которое бы заняло место ослабевшего цинского Китая, не открывая, впрочем, окончательно двери Снежной страны Западу. Именно в это время он начал осторожно агитировать тибетских правителей в пользу союза с могущественной Северной державой «белого царя». Россия, убеждал он их, в силу своей давнишней вражды с Англией, могла бы выступить в защиту Тибета, при этом сама она не представляет какой-либо опасности, поскольку находится слишком далеко от тибетских границ. Не менее важным был и другой аргумент Доржиева: Россия является такой же религиозной страной, как и Тибет; проживающие в ней буряты и калмыки свободно исповедуют буддийскую веру, и им открыто покровительствует сам царь (в подтверждение чего Доржиев рассказывал о том, какими милостями осыпал бурятских лам цесаревич Николай Александрович при проезде через Забайкальские степи в 1891 г.). В результате, бурятскому *сойбону* удалось создать

⁴ Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-дербетского База-бакши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями (сост. А.М. Позднеев). СПб., 1897. С. 211-212.

прорусскую партию при дворе Далай-ламы, в противовес уже существовавшим там профранцузской и проанглийской группировкам. Тибетцы-франкофилы делали ставку на Францию, памятуя о словах, якобы сказанных в 1890 г. путешествовавшим по Тибету принцем Генрихом Орлеанским: «Мы, французы, можем спасти Тибет от поползновений англичан» (эти слова Доржиев приводит в своей записке). От него же в Лхасе, между прочим, узнали и о франко-русском альянсе — о том, что «Франция и Россия, заключив между собой союз, достигли величайшего в мире могущества»⁵. Что касается тибетцев-англофилов, то они полагали, что Тибету следует подружиться с англичанами, поскольку они являются его ближайшими соседями. В то же время наиболее влиятельные ламские круги не хотели разрывать сложившиеся отношения с Китаем, утверждая, что нынешний покровитель Тибета еще достаточно силен. Кроме того, ламы-китаефилы ссылались на то, что маньчжурские власти ежегодно выплачивают Далай-ламе значительную денежную субсидию и снабжают лхасские монастыри чаем.

Посещение Лхасы агентами Бадмаева, несомненно, послужило дополнительным импульсом для Доржиева и его сторонников, среди которых было немало влиятельных фигур, например наставник Далай-ламы Йондзон-римпоче (Ензон Жамба-Ринбучи) и аристократ, будущий премьер Тибета Лончен Шатра. Правда, остается вопрос, в какой степени Бадмаев посвятил Доржиева в свои планы и насколько последний принял их. Как бы то ни было, по прошествии полутора лет после визита бурят в Лхасу, достигший совершеннолетия и взявший бразды правления страной в свои руки XIII Далай-лама, вероятно, по совету Доржиева, решил положить конец изоляции Тибета и начать диалог с Западом. Для этого в 1897 г. он отправил в Европу — в С.-Петербург и Париж — своего эмиссара, Агвана Доржиева. Цель этого визита состояла в том, чтобы прозондировать почву для возможного сближения Тибета с Россией (прежде всего), а также с Францией, — шаг, который в конечном счете должен был бы привести к русскому или французскому, или же совместному русско-французскому протекторату над Тибетом.

Своё путешествие в Европу посланец Далай-ламы совершил не обычным сухопутным, а морским путем — через Индию и Китай.

⁵ См.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 253-254. В этом очерке Доржиев ошибочно датирует французскую экспедицию в Тибет 1888 г. Сопровождавший принца Г. Бонвало в своей книге о путешествии ничего не говорит о каких-либо политических заявлениях, сделанных Генрихом Орлеанским во время встречи с посланцами Лхасы. См.: Bonvalo Gabriel. De Paris au Tonkin a travers le Tibet inconnu. Paris, 1892.

По прибытии в Тяньцзин, Доржиев немедленно связался с русским консулом Старцевым, который сообщил о нем в Петербург кн. Э.Э. Ухтомскому⁶. (Ухтомский же впервые узнал о Доржиеве — «бурятском ламе Агване» — и его деятельности при лхасском дворе от Бадмаева.⁷) В Забайкалье Доржиев первым делом «разыскал и получил» высочайший подарок — «дорогие золотые часы» с царской монограммой, пожалованные ему летом 1896 г. в благодарность за услуги, оказанные агентам Бадмаева⁸. А затем в сопровождении нескольких соплеменников — главного *тайши* хоринских бурят Цедена Аюшиева, Намдака Дылыкова и Будды Рабданова — направился по транссибирской железной дороге в российскую столицу.

Политический зондаж Доржиева в Петербурге поначалу не принес сколько-нибудь ощутимых результатов. 27 февраля 1898 г. Николай II принял посланца Далай-ламы в Зимнем дворце, правда, не персонально, а в составе «депутации от бурят» (вместе с Аюшиевым, Дылыковым и Рабдановым), прибывшей для поднесения подарков императору. При этом, согласно записи в камер-фурьерском журнале, он был представлен Ухтомским как «Лама Агван-Хамбо из Лхассы»⁹. Во время этой аудиенции Доржиев, вероятно, просил царя от лица Далай-ламы об оказании помощи Тибету против англичан, в ответ на что император заявил о «необходимости представления просьбы в письменном и официальном виде»¹⁰. В своих тибетских мемуарах, написанных много лет спустя, Доржиев, впрочем, утверждал: «Когда я говорил с царем о Тибете, он сказал, что Россия поможет Тибету не попасть в руки врага. Позднее мне через Ухтомского передали, что царь сказал, что необходимо послать туда русского чиновника»¹¹. В русской же автобиографии 1901 г. Доржиев приписывает подобную инициативу не царю, а Ухтомскому — именно Ухтомский ратовал за немедленное установление дипломатических отношений между Россией и Тибетом и отправление в Лхасу «посла России». Доржиев, однако, счел предложение Ухтомского поспешным, поскольку Лхаса еще не была готова к заключению альянса с западной державой: «Только при умелом и осторожном ведении дела, после двух поездок, на

6 Берлин Л.Е. Хамбо-Агван-Доржиев. С. 142.

7 См.: РГИА. Ф. 1072, оп. 2, д. 266, л. 2. Письмо П.А. Бадмаева Э.Э. Ухтомскому, 27 декабря 1895 г.

8 РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 64, л. 1.

9 РГИА. Ф. 516, оп. 2, д. 103, л. 43 об.

10 Берлин Л.Е. Хамбо-Агван-Доржиев. С. 142.

11 Предание о кругосветном путешествии... С. 53.

третий [раз] разве [только] явится возможность склонить Тибет на сторону России»¹².

Э.Э. Ухтомский, являясь сторонником активной политики России в Азии, в особенности в странах буддийского Востока, явно торопил события. Что касается политической элиты Петербурга, то она отнеслась к визиту Доржиева весьма сдержанно. Гораздо большее внимание к посланцу Далай-ламы проявило военное ведомство. Так, его новый глава генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин (ученик Скобелева, принимавший участие в среднеазиатских походах) изъявил готовность оказать военную помощь Тибету, путем посылки в Лхасу русских инструкторов и оружия, и даже разрешил Доржиеву вступить «негласно» в переговоры по этому вопросу с калмыками — офицерами Войска Донского¹³.

Здесь необходимо отметить, что тайный визит Доржиева в Россию совпал с обострением политической ситуации на Дальнем Востоке в связи с борьбой держав за «сферы влияния» в Китае. В конце 1897 г., в ответ на захват («аренду») Германией порта Кьяо-Чао (Циндао), Россия, по инициативе нового министра иностранных дел гр. М.Н. Муравьева, — вопреки заключенному ранее оборонительному союзу с Китаем, захватывает Порт-Артур и Да-лянь-вань на Ляодунском (Квантунском) полуострове. С.Ю. Витте в своих мемуарах с негодованием назвал этот захват «актом небывалого коварства» и тем «роковым шагом», который повлек за собой все дальнейшие беды России — «несчастную» японскую войну и политические смуты¹⁴. 15/27 марта 1898 г. Ли Хунчжан и российский посланник в Пекине Д.Д. Покотиллов подписали соглашение о передаче Китаем России в аренду сроком на 25 лет этих двух портов «с соответствующей территорией и водным пространством». Россия также получила право на постройку соединительной ветки от КВЖД к Да-лянь-ваню. Со своей стороны, Англия «арендовала» порт Вэй-хай-вэй, тем самым значительно усилив свои позиции в Северном Китае.

Не менее острым было соперничество держав в периферийных областях Китая и сопредельных странах, в прошлом находившихся под китайским протекторатом. Одной из таких стран являлось буддийское королевство Сиам (совр. Таиланд), объект давнего соперничества Англии и Франции, к которому в 1890-е гг. стала про-

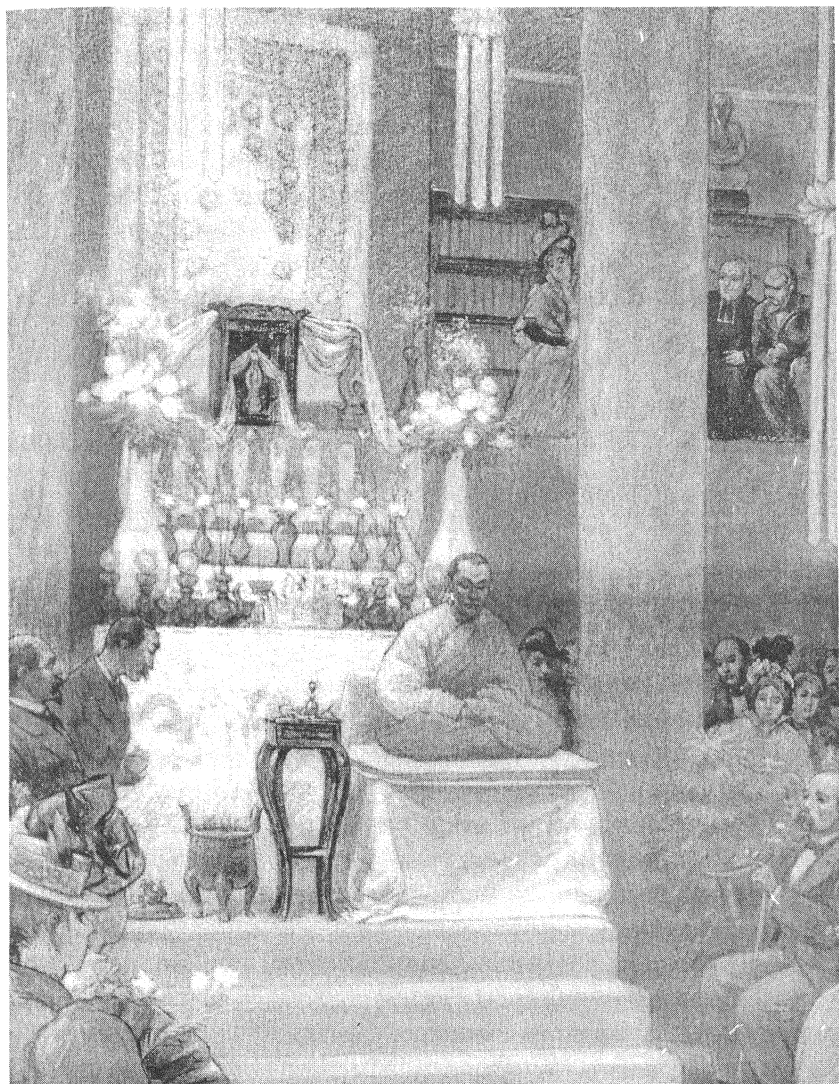
12 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 255.

13 РГВИА. Ф. 401, оп. 5/929, д. 158, л. 124. Докладная записка подьесаула 1-го Донского казачьего полка Н. Уланова управделами военно-ученого комитета Главного штаба (ВУКПШ), 17 июля 1901.

14 Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 235-236.

являть большой интерес и Россия. В 1897 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения. Поверенным в делах и генеральным консулом России в Сиаме назначили опытного дипломата А.Е. Оларовского. Петербург попытался извлечь выгоду из англо-французского антагонизма в Индокитае в связи с событиями на Дальнем Востоке, используя явное тяготение короля Сиам Чулалонгкорна к России. В начале 1898 г. Чулалонгкорн командировал в Европу принца Дамронга с целью заключения договора с Францией «при дружественном и могущественном содействии русского императора» — ситуация, весьма напоминающая инициативу Далай-ламы. В одном из своих донесений в МИД этого периода Оларовский писал, что Россия и Франция должны гарантировать «независимость Сиам»; усиление же Англии в Индокитае невыгодно для России ввиду смежности границ Индокитая с Южным Китаем, в особенности с провинцией Юннань (совр. — Юньнань), «куда мы рано или поздно должны будем вести железную дорогу от нашей сибирской границы чрез /провинции/ Ганьсу и Сычуань, и не только на Юннань, но и на Тибет» (!). Особое беспокойство генконсула вызывала южно-центральная часть Китая, ввиду её сопредельности «с нашими центральноазиатскими владениями» и другими странами, «находящимися от нас в зависимости или подлежащими сфере нашего влияния», и потому он полагал, что эту территорию никак нельзя отдавать под влияние Англии или каких-либо других, «менее нам враждебных наций». «С установлением нашего влияния в Южно-Центральном Китае и Тибете (!) и с открытием их рынков для наших товаров и их естественных богатств для нашей эксплуатации Англии нанесен будет сильный удар, так как помешает ей водвориться в означенных местах... В настоящее время, когда мы ведем самостоятельную политику в Китае, забывать о существовании Юннаня, Тибета и Сычуаня нельзя»¹⁵. Приведенные цитаты убедительно свидетельствуют о том, что на момент визита Доржиева в Россию Тибет уже был вовлечен в орбиту Большой игры — о Тибете говорили в Петербурге и его принимали в расчет в связи с дальневосточной политикой России и различными экспансионистскими проектами. Несмотря на свою труднодоступность и малую изученность, эта страна определенно привлекала к себе внимание, прежде всего своими сырьевыми ре-

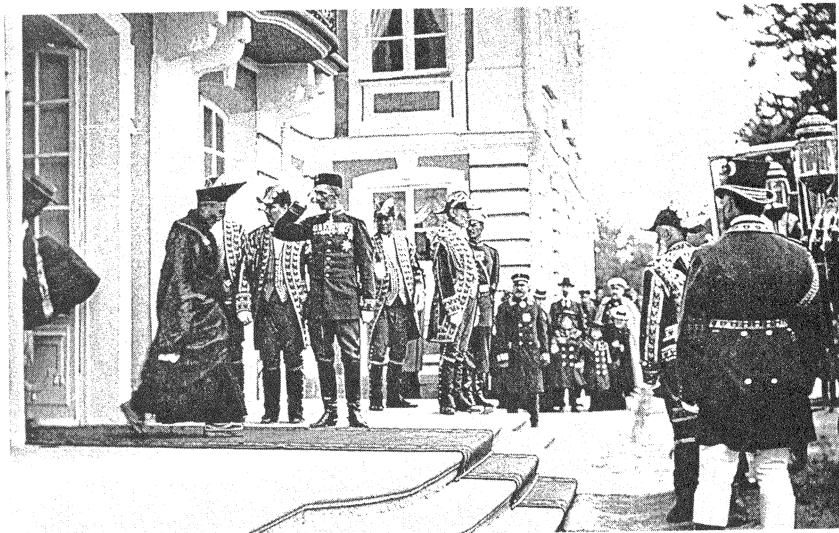
¹⁵ Россия – Сиам, 1863–1917. Документы и материалы. М., 1997. С. 126-127. Донесение А.Е. Оларовского, 1 / 13 августа 1898.

Агван Доржиев проводит богослужение в библиотеке Музея Гимэ в Париже.
Фрагмент репродукции с картины Ф. Регаме. Буддийская церемония 27 июня 1898.
Хранится в Музее Гимэ.

сурсами и рынками, а также ключевым геостратегическим положением — сопредельностью с английской и французской «зонами влияния».

По завершении переговоров в Петербурге Доржиев весной 1898 г. отправился в Калмыцкие степи, чтобы ознакомиться с

Глава тибетского посольства Агван Дор-жиев выходит из Большого Петергофского дворца после аудиенции с Николаем II 23 июня 1901. Архив А.А. Терентьева.

состоянием религии и быта калмыков. Там его встретили с большой радостью как монахи, так и миряне и сделали ему множество подношений для передачи Далай-ламе. В то же время, воспользовавшись разрешением Куропаткина, Доржиев посетил калмыков области Войска Донского (которые в большинстве своем также были буддистами), где познакомился и подружился с одним из младших офицеров – подьесаулом Нараном Улановым. С ним-то он и обсудил возможность отправки калмыков-военнослужащих в качестве военных инструкторов в Тибет¹⁶.

Вернувшись из Калмыкии, Доржиев летом того же года отправился в Париж. Там он первым делом попытался встретиться с Генрихом Орлеанским, но не смог этого сделать, ибо французское правительство, опасаясь монархической реставрации, выслало принца из страны. Поэтому Доржиеву пришлось искать новых союзников во Франции. Так, ему удалось завязать дружеские отношения с главой партии радикалов, будущим премьером Жоржем Клемансо. Но дальше этого дело не пошло. Франция, имевшая немало колониальных приобретений в Азии и Африке и находившаяся, подобно России, в состоянии острого геополитического соперничества с Англией, не желала, как и Россия, прямого столкновения с послед-

¹⁶ См. прим. 157.

ней, свидетельством чему может служить происшедший осенью 1898 г. в Восточном Судане «Фашодский конфликт». Что же касается Ж. Клемансо, то он являлся противником колониальной экспансии, и потому идея французского (или франко-русского) протектората над Тибетом, по соседству с уже принадлежавшим французам Индокитайским Союзом, не могла вызвать у него сочувствия. В то же время Клемансо проявил неожиданный интерес к буддизму и даже помог Доржиеву организовать «показательное» богослужение для буддийствующего парижского бомонда (состоялось

Далай-лама XIII на троне, нач. 1900-х.
Из кн. L.A.Waddell. Lhasa and its Mysteries.
London, 1906.

27 июня в библиотечном зале Музея восточных искусств Эмиля Гимэ). На этой службе, между прочим, присутствовало немало весьма влиятельных фигур — аристократов, дипломатов и политиков, включая самого Клемансо¹⁷, но в этом-то, вероятно, и состоял расчет Доржиева — привлечь посредством религиозного действия внимание французского общества к положению Тибета.

Аналогичным образом Доржиев действовал и в С.-Петербурге, куда вернулся после короткого вояжа по Европе¹⁸. Здесь, как и в Париже, также имелась небольшая буддийская «колония», к которой принадлежали не только традиционные буддисты, буряты и калмыки, но и необуддисты-европейцы, представители аристократических кругов и интеллигенции, с которыми Доржиеву удалось сблизиться благодаря кн. Ухтомскому. Посланец Далай-ламы также познакомился с рядом известных ученых-востоковедов, путешественников и географов, проявлявших большой интерес к Тибету. Доржиев, несомненно, попытался увлечь этих людей идеей русского протектората над Тибетом, в результате чего в начале 1900-х в околуправительственных кругах возникает своего рода тибетское лобби, открыто выражавшее свое сочувствие положению Тибета и

17 См.: Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004. С. 27-28.

18 Доржиев А. Занимательные заметки... С. 51.

призывавшее правительство к проведению более активной политики в тибетском вопросе. Главными представителями этого лобби являлись кн. Э.Э. Ухтомский, индолог С.Ф. Ольденбург, буддолог, приват-доцент С.-Петербургского университета Ф.И. Щербатской, монголист А.М. Позднеев, руководители РГО П.П. Семенов-Тян-Шанский (вице-председатель) и А.В. Григорьев (секретарь), великие князья Константин Константинович и Николай Михайлович (августейшие покровители соответственно Академии наук и РГО), путешественник П.К. Козлов и «тибетский врач» П.А. Бадмаев. Было бы неверно, однако, рассматривать этих столь разных людей как составляющих некую политическую — тибетофильскую — группировку в Петербурге, наподобие русофильской «партии» в Лхасе.

Особенно тесные связи у Доржиева установились с Русским географическим обществом, которое в это время приступило к снаряжению новой большой экспедиции в Монголию и Тибет под началом поручика П.К. Козлова и А.Н. Казнакова. Эта экспедиция имела своей конечной целью Лхасу, и Общество не без основания рассчитывало, что при содействии Доржиева русские путешественники смогут на этот раз пройти в Запретный город. Напутствуя Козлова перед дорогой, П.П. Семенов-Тян-Шанский, ссылаясь на мнение Доржиева, советовал ему проявлять сдержанность и выдержку во время контактов с тибетцами: «По мнению умного ламы, экспедиция имеет шансы достигнуть заветной цели лишь при условии большой выдержки при переговорах по этому поводу с местными властями. Настойчивость и требовательность могут произвести в Лассе только невыгодное впечатление и повредить успеху дела. <...> Помните, дорогой Петр Кузьмич, что в Ваших руках все важное дело дальнейшего развития наших отношений с Тибетом и что в этой цитадели Центральной Азии русское имя должно быть поддерживаемо не столько грозно, сколько кротко и честно»¹⁹.

Этой экспедиции Козлова, как и прежним русским экспедициям в Тибет, правительство придавало некоторое политическое значение. Лично император пожертвовал средства на её снаряжение и высказал в приватной беседе с Ухтомским пожелание, чтобы она непременно «прошла в Лхасу»²⁰. Со своей стороны, министерство финансов поручило Козлову собрать сведения о характере торговли и торговых рынках стран, которые ему предстояло посетить,

¹⁹ Архив РГО. Ф. 18, оп. 3, д. 622, л. 1, 4. Письмо П.П. Семенова-Тян-Шанского П.К. Козлову, 1 июня 1899 г. (копия); Там же. Д. 265, л. 11-12. Письмо А.Н. Казнакова П.К. Козлову, 7 июня 1898.

²⁰ Архив РГО. Ф. 18, оп. 3, д. 622, л. 20. Письмо А.Н. Казнакова П.К. Козлову, б/д, предположительно написано летом 1898.

включая Монголию, Тибет и лежащую между ними китайскую провинцию Ганьсу, а военное ведомство — провести тщательную рекогносцировку всего пути между российской и тибетской границами. О политической подоплеке экспедиции Козлова недвусмысленно говорит следующий отрывок из письма великого князя Николая Михайловича министру иностранных дел гр. М.Н. Муравьеву: «Новой экспедиции поставлена задача: обследовав по пути ближайшие к нашим границам местности Монголии, начиная от Большого Алтая через Гоби и Альпийскую страну Наньшань и не посещенную еще никем излучину верхнего течения Желтой реки, выйти в пограничную полосу Тибета и Китая. Здесь, близ границы Сычуаньской провинции Китая, снаряжаемая экспедиция найдет ту дверь в самое сердце Тибета, через которую неустанно движутся на поклонение Далай-ламе толпы ламаитов и чрез которую можно надеяться рано или поздно достигнуть Лхасы и завязать дружественные сношения с духовным главою миллионов буддистов»²¹.

Козлову, однако, не суждено было выполнить возложенную на него миссию. Остановленный пограничным тибетским кордоном в верховьях Голубой реки (Янцзы), он вынужден был повернуть обратно, не рискнув прорываться в глубь горной страны силой. Правда, пришедшие позднее (в марте 1901 г.) в лагерь экспедиции тибетские послы принесли путешественнику извинения от лица Далай-ламы и заверили его, что Тибет относится к России более дружественно, чем к Англии, и потому готов в будущем «мирно» открыть двери своей столицы «только русским»²². Несмотря на неудачу, экспедиции Козлова удалось собрать обширный материал

Путешественник, исследователь Центральной Азии П.К. Козлов (1863 – 1935). Архив Музея-квартиры П.К. Козлова.

²¹ РГИА. Ф. 948, оп. 1, д. 131, л. 1 об. Письмо вел. кн. Николая Михайловича М.Н. Муравьеву, 31 января 1899 г. (копия).

²² Архив РГО. Ф. 18, оп. 1, д. 40, л. 3. Докладная записка П.К. Козлова начальнику военно-статистического отдела Главного штаба (копия, б/д).

о состоянии торговли в Монголии, Ганьсу и Тибете, который был опубликован в «Известиях РГО» и в виде отдельной брошюры²³.

Тем временем, осенью 1898 г., Доржиев отправил в Лхасу курьера, калмыка Овше Норзунова, с письмом к Далай-ламе, с целью проинформировать его о результатах своей встречи с царем. В ответном письме, доставленном в Петербург в августе 1899 г., Далай-лама сообщал Доржиеву, что «народное мнение (в Тибете) разбилось на три партии» (китайскую, английскую и русскую), и просил его немедленно вернуться в Тибет²⁴. Дальнейшие события развивались таким образом: в сентябре того же года Доржиев экстренно выехал в Тибет для консультаций с Далай-ламой. Норзунову же он дал поручение — доставить в Лхасу из Франции несколько сот металлических чашек для Дрепунгского монастыря, заказанных им там годом ранее. Руководство РГО, зная об этой новой поездке Норзунова, снабдило его фотографическим аппаратом и набором люмьеровских пластинок. Осенью того же года в Лхасу из Петербурга отправился еще один путешественник — только что окончивший восточное отделение С.-Петербургского университета Гомбожаб Цыбиков. Его поездка, совершенная на средства РГО под видом монгольского буддиста-паломника, преследовала главным образом цель сбора информации о Центральном Тибете и Лхасе (владениях Далай-ламы), т.е. об областях, практически не исследованных прежними русскими экспедициями. Цыбиков пробыл в Тибете (в основном в Лхасе) около полутора лет (1900–1901) и доставил в Петербург ценнейшие сведения об этой пока что недоступной для европейцев горной стране, в том числе большое собрание тибетских книг и несколько десятков фотографий, отснятых фотоаппаратом, который ему также предоставило РГО. Таким образом, О. Норзунов и Г. Цыбиков стали первыми в мире фотоаппаратами Тибета и Лхасы²⁵.

Что касается самого Доржиева, то он прибыл в Лхасу в декабре 1899 г. Далай-лама встретил своего фаворита с нескрываемой радостью — «с доверием и милостью несравненно большими прежнего». В знак благодарности за оказанные Тибету услуги Доржиеву был присвоен «третий чин» (весьма высокий, согласно тибетской

23 Ладыгин В.Ф. Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902 гг. // Известия ИРГО. Т. XXXVIII. Вып. IV. С. 371–466.

24 Автобиография Агвана Доржиева, 12 июня 1901 г. Цит. по: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 255.

25 О путешествии Г. Цыбикова см.: Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Гомбожаб Цыбиков. Иркутск, 1990; Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета // Избранные труды в 2-х томах. Т. 1. Новосибирск, 1991.

табели о рангах) и звание «старшего хамбы, с правом голоса во всех делах политики и веры». От Далай-ламы Доржиев узнал, что тибетские сановники отреагировали по-разному на его сообщение из Петербурга. Одни (китаефилы) настаивали на сохранении союза с Цинами, считая, что маньчжурский император сможет защитить Тибет; другие (англофилы) полагали, что тибетцам, напротив, следует установить тесные отношения с англичанами, путем заключения с ними договора, поскольку «китайское правительство скоро падет». Третьи, русофилы, предлагали обратиться за помощью к России, мотивируя это тем, что «русские очень богаты и сильны» и в их стране «беспрепятственно процветает буддизм», и их мнение в итоге одержало верх²⁶. Чтобы еще более укрепить свой авторитет в тибетских верхах и привлечь на свою сторону рядовых тибетцев, Доржиев затем совершил подношения трем первейшим лхасским монастырям (Дрепунг, Сера и Галдан), позолотил на свои средства главные тибетские святыни (статуи Большого и Малого Чжу, т. е. Будды), раздал щедрые пожертвования монахам и устроил для них «общие чаепития». После этого (в марте 1900) Далай-лама вновь отправил Доржиева в Россию с подарками и письмом к Николаю II. Цель этой новой миссии, как считает Л.Е. Берлин, состояла в том, чтобы получить «определенный ответ от русского царя»²⁷.

Это второе путешествие Доржиев также совершил через Индию и Китай. В начале сентября он прибыл в Петербург, а оттуда совершил поездку в Крым (Ливадию), где в то время находился царский двор. 30 сентября 1900 г. в Ливадийском дворце Доржиев вновь был принят российским самодержцем — вручил ему подарки и личное послание Далай-ламы. Состоявшиеся затем переговоры с тремя ключевыми министрами — иностранных дел, военным и финансов (В.Н. Ламздорфом, А.Н. Куропаткиным и С.Ю. Витте) — оказались довольно успешными. Дипломатическое ведомство проявило заинтересованность в установлении отношений с теократическими правителями Тибета путем учреждения русского консульства в стране, что, как отмечает Т.Л. Шаумян, свидетельствовало о «некотором сдвиге в политике России в тибетском вопросе по сравнению с 1898 г.»²⁸. Правда, чтобы не возбуждать подозрений Англии и других европейских держав, решили, по совету Доржиева, создать такое представительство не в самом Тибете, а за его пределами, в

26 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 255-256; Предание о кругосветном путешествии... С. 55.

27 Берлин Л.Е. Хамбо-Агван-Доржиев. С. 142.

28 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 44.

юго-западной китайской провинции Сычуань, в городе Дацзянлу (Кандин, тиб. Дарчендо), одном из узловых пунктов пекинского торгового тракта на Лхасу. В то же время А.Н. Куропаткин обещал военную помощь Тибету, в частности, он заявил о своей готовности подарить тибетцам некоторое количество трофейных германских пушек «новейшей системы», захваченных русской армией в Пекине летом 1900 г. во время подавления боксерского восстания. Доржиев поначалу отказался от этого подарка, ввиду трудностей с транспортовкой пушек, но затем изменил свое решение, посчитав что «если окажется трудным доставить их (пушки) в центр Тибета, то для целей обороны, охраны и престижа страны эти пушки оказали бы существенную пользу»²⁹. (Можно, однако, сомневаться, что Доржиеву удалось доставить германские пушки в Тибет.) Главный же вопрос, решения которого добивался Доржиев, — вопрос об установлении Россией протектората над Тибетом остался открытым, поскольку русское правительство не желало связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к столь удаленной от её границ стране.

Вернувшись в Лхасу, Доржиев доложил о своей поездке Далай-ламе и министрам, и те «остались очень довольными» результатами его переговоров. «Прежние недоумения относительно выбора протектората, — пишет Доржиев в своей русской автобиографии, — рассеялись, и укрепилось мнение, что Тибет, в конце концов, нашел покровителя более прочного и более надежного, чем Китай»³⁰. В результате Доржиеву пришлось совершить еще одну поездку в Петербург для оформления новых отношений между Россией и Тибетом — «для заключения договора на более прочных началах». С этой целью Далай-лама отправил в Петербург посольство, состоявшее из семи человек: А. Доржиева, тибетских послов Лубсана Каинчока и Джалцана Пюнцока (в русских документах эти двое фигурируют соответственно как «второй секретарь Далай-ламы» и «окружной начальник»), бурят Галсанова и Дондукова, калмыка Норзунова (секретарь и переводчик) и слуги-тибетца Церена³¹. До России эмиссары Лхасы добирались через Непал, Индию и Цейлон, с немалыми приключениями и риском для жизни³². В Коломбо они первым делом нанесли визит в русское консульство,

29 РГВИА. Ф. 165, оп. 1, д. 5304а, лл. 7, 7 об. Письмо А. Доржиева А.Н. Куропаткину, 11 октября 1900. См. также: Андреев. А.И. От Байкала до священной Лхасы... С. 19.

30 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 257.

31 РГИА. Ф. 476, оп. 1, д. 197. О распоряжениях и расходах по случаю пребывания Тибетского посольства.

32 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... Л. 259.

где сообщили вице-консулу Шнейдеру о целях своей поездки, о чем тот немедленно довел до сведения Петербурга. (В секретной шифрограмме, отправленной 18 мая Шнейдером директору 1-го департамента МИД Н.Г. Гартвигу, говорилось: «Далай-лама шлет Доржиева и полномочных послов с грамотою, дарами Его Величеству для подписания договора»³³.) По распоряжению вице-консула тибетское посольство было принято на пароход Добровольного флота «Тамбов» и благополучно прибыло в Одессу 12 июня 1901 г. Здесь городские власти устроили посланцам Далай-ламы торжественный прием — в одесском порту их приветствовал лично градоначальник вместе с представителями города и разных ведомств, «при хоре военной музыки». Вечером того же дня в честь тибетского посольства в городском саду был «сожжен блестящий фейерверк, закончившийся изображением инициалов Далай-ламы, золотыми буквами горевших на черном фоне ночи»³⁴. Главная цель «чрезвычайного посольства» Далай-ламы была сформулирована одной из местных газет как «возможное сближение и укрепление хороших отношений с Россией», для чего посольство якобы намеревалось возбудить вопрос об учреждении в Петербурге постоянного тибетского представительства «для правильных сношений с Россией»³⁵.

Столь же радушно тибетское посольство принимали и в Петербурге, куда оно прибыло из Одессы 17 июня в сопровождении чиновника МИД А.М. Щекина. Два дня спустя к посольству «с высочайшего соизволения» прикомандировали в качестве переводчика уже знакомого нам подьесаула 1-го Донского казачьего полка Нарана Уланова — факт, свидетельствующий об определенном интересе к визиту Доржиева не только дипломатов, но и военных. В тот же день официозное «Новое время» поместило на своих страницах письмо П.А. Бадмаева, в котором отмечалось, что Россия «всеми силами стремится сохранить целостность империи Богдыхана» и потому «тибетские гости, очевидно, будут приняты радушно как подданные Богдыхана, *просящие сохранения целостности Тибета от всяких посягательств*»³⁶. По мнению Т.Л. Шаумян, эта публикация носила явно провокационный характер, имея целью «спровоцировать обострение отношений между Россией и Англией, а также оправ-

33 АВПРИ. Ф. Китайский стол, д. 1448, л. 38.

34 См.: Кульганек И.В. Утраченные дары тибетского посольства: о проезде тибетского посольства через Одессу в Санкт-Петербург в июне 1901 г. // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXII годичной конференции С.-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники, 2001. Вып. XVII. СПб., 2001. С. 196; Одесские новости. 1901. 15 июня.

35 Одесские новости. 1901. 12 июня.

36 Новое время. 1901. 19 июня. Заметка: «Тибетские гости (письмо в редакцию П.А. Бадмаева)».

дать и даже доказать необходимость и правомерность сближения России с Тибетом». В этом случае она могла быть инспирирована группировкой А.М. Безобразова («безобразовской шайкой»), к которой, как известно, примыкал в то время Бадмаев. Безобразовцы были ярыми противниками Витте и его политики, выступая с программой самой широкой экспансии на Дальнем Востоке³⁷. В другой заметке в том же номере газеты (по-видимому, также написанной Бадмаевым) говорилось об огромном «обаянии» России в Тибете, в подтверждение чего делалась ссылка на французского путешественника Бонвало, которому тибетцы якобы задавали вопрос: «Скоро ли русские возьмут нас под свою защиту?»

23 июня возглавляемое Доржиевым тибетское посольство было принято российским монархом «в торжественной аудиенции» в Большом Петергофском дворце. Доржиев вручил царю подарки Далай-ламы и его личное послание, в котором в витиевато-пафосной манере сообщалось, что правитель Тибета, «сохраняя верно-подданнические отношения к Богдыхану и не имея симпатий... к враждебным англичанам», направил к русскому царю «с подробным наказом» двух своих послов, с тем, чтобы «надлежащим образом установить стезю, по которой русские и тибетцы, соединившись в мире, пришли бы в доброе согласие»³⁸. Доржиев также нанес визиты В.Н. Ламздорфу (18 июня), С.Ю. Витте (20 июня) и А.Н. Куропаткину (2 июля), которым передал составленные в аналогичном духе письма Далай-ламы. Так, в письме Ламздорфу Далай-лама просил министра иностранных дел «преподать» двум его послам совет — «как получить спокойствие от пагубных и удручающих деяний» англичан, которые являются «великими врагами и притеснителями» Тибета³⁹. Письмо военному министру было написано почти теми же словами, с той лишь разницей, что в нем Далай-лама сообщал Куропаткину, что тибетские послы получили от него «точный и секретный наказ»⁴⁰, содержание которого, однако, не раскрывалось и, вероятно, было передано ему конфиденциально, с глазу на глаз. Встреча Доржиева с Куропаткиным состоялась на даче последнего в Териоки (совр. Репино), при этом участие в ней также приняли начальник Генштаба В.В. Сахаров и прикомандированный к посольству подъяесаул Н. Уланов. Куропаткин вновь

37 См.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 52, 36.

38 Цит. по: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 46.

39 АВПРИ. Ф. Китайский стол, д. 1448, л. 70.

40 РГВИА. Ф. 165, оп. 1, д. 5304а, л. 15.

проявил большое внимание к Доржиеву и почтил его особым доверием, позволив осмотреть фортификационные сооружения Кронштадта, главной военно-морской базы России на Балтике⁴¹.

Ответное письмо царя Далай-ламе, составленное в МИД (скорее всего Ламздорфом) и датированное 4 июля, было весьма уклончивым, поскольку русское правительство не хотело связывать себя какими-либо конкретными обязательствами в отношении Тибета. Николай II выразил удовольствие по поводу желания Далай-ламы «установить постоянные сношения между Державою Российскою и Тибетом» и сообщил, что распорядился дать «возможные по сему предмету объяснения» тибетским послам, а также, в заключение письма, заверил Далай-ламу, что «при дружественном и вполне благосклонном расположении России никакая опасность не будет угрожать Тибету в дальнейшей судьбе его»⁴². Эта весьма расплывчатая формулировка, разумеется, не означала готовности России установить протекторат над Тибетом или выступить в защиту Тибета в случае военной агрессии англичан, однако Доржиев истолковал её именно в таком, желательном для тибетцев, смысле — заблуждение, имевшее для Лхасы роковые последствия. В тибетской автобиографии Доржиева мы читаем: «Результатом этой встречи /с царем/ явились документы, написанные золотыми буквами, утверждавшие отношения между Россией и Тибетом»⁴³. Еще более определенно об этом говорится в недавно обнаруженной в одном из петербургских архивов неизвестной ранее русской автобиографии Доржиева: «Государь Император, принимая Посольство весьма любезно и милостиво, удостоил такового вручением грамоты о согласии Его Величества на *покровительство и защиту Тибета*. Грамота эта была увезена в Лхассу двумя делегатами тибетцами, а сам Хамбо Доржиев остался на родине»⁴⁴.

В опубликованных после революции на Западе мемуарах русского дипломата И.Я. Коростовца содержится немало любопытных

41 Там же. Л. 10. Телеграмма Доржиева Куропаткину от 7 июля 1901, в которой он благодарит военного министра «за любезный прием и за право осмотра Кронштадта».

42 АВПРИ. Ф. Китайский стол, д. 1448, л. 100. Русский текст письма Николая II Далай-ламе. Петергоф, 4 июля 1901.

43 Предания о кругосветном путешествии... С. 57.

44 Архив СПбФ РАН. Ф. 208 (личный фонд С.Ф. Ольденбурга), оп. 1, д. 146. «Биография ст. Цанит хамбы, состоящего при Далай-ламе, Лхарамбо Агвана Доржиева» (6/д., лл. 11-15). Л. 13 об. Автором этого текста, написанного карандашом на плохом русском языке, предположительно, является сам Доржиев, рассказывающий о своей жизни от 3-го лица. Рассказ этот заканчивается вторжением в Тибет экспедиции Ф. Янгхазбенда в 1904 г. и бегством Далай-ламы из Лхасы в сопровождении небольшой свиты приближенных, куда входил и «цанит-хамбо Доржиев». Текст этой неизвестной автобиографии опубликован по-английски, см.: Andreyev A. An Unknown Russian Memoir by Agvan Dorjiev // Inner Asia. 2001. №3. P. 27-39.

подробностей, относящихся к посольству А. Доржиева 1901 г. Так, например, Коростовец сообщает о том, что Доржиев предложил царскому правительству заключить русско-тибетский договор — проект такого договора даже обсуждался в Особом совещании, но был отвергнут, поскольку не сулил реальной выгоды и мог привести к конфликту с Англией. «Проект этот, между прочим, не имел сколько-нибудь существенной основы,— поясняет Коростовец,— и сводился к интригам против английского соперничества под лозунгом “поддержки буддизма”». Доржиеву все же удалось расположить к себе некоторых влиятельных политиков и, прежде всего, самого царя, известного своими востокофильскими взглядами: «Говорил он (Доржиев) с большим авторитетом и знанием дела и необычайно понравился царю, несмотря на свои фантастические планы, которым не суждено было осуществиться и которые предполагали русский поход через Гималаи для освобождения угнетенного народа». Судя по его поведению и «вкрадчивым манерам», Доржиева «вполне можно было принять за католического священника, если бы не выдававшие его происхождения раскосые монгольские глаза и широкие скулы». В целом же Коростовец оценивал довольно негативно закулисную деятельность бурятского посланца Далай-ламы, с его «примитивными политическими идеями и азиатскими интригами», которые в действительности «не были опасными и едва заслуживали внимания английских дипломатов»⁴⁵. Тем не менее, широко освещаемый в прессе визит Доржиева⁴⁶ вызвал беспокойство и недоумение у британского посла в России сэра Чарльза Скотта, который обратился за разъяснениями к гр. В.Н. Ламздорфу. Министр иностранных дел, однако, заверил Скотта, что этот визит, названный газетчиками «чрезвычайным посольством Далай-ламы», в действительности не имеет какого-либо политического или дипломатического характера и подобен религиозным посольствам, отправляемым римским папой в зарубежные страны. То есть Ламздорф пытался представить Доржиева в виде далай-ламского легата, для чего даже пересказал Скотту вполне безобидное содержание доставленного ему письма буддийского первосвященника⁴⁷.

45 Korostovetz I.Y. Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik. Berlin & Leipzig, 1926. С. 208; Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской Республики. (Краткая история Монголии с особым учётом новейшего времени.) Улан-Батор, 2004. С. 289-290.

46 См.: Новое время. 1901. 20, 21, 22, 24, 27 июня, 3, 5, 10, 11, 12, 18, 19 июля; Правительственный вестник. 1901. 24 июня.

47 Younghusband F. India and Tibet. London, 1910. P. 69.

Посольство Доржиева 1901 г. явилось кульминацией его челночной дипломатической деятельности, приведшей к русско-тибетскому сближению. Петербург, несмотря на свои колебания, пошел навстречу пожеланиям Лхасы — правда, не так далеко, как ей этого хотелось. Российское правительство согласилось установить официальные отношения с Тибетом, для чего в конце 1901 г. учредило консульство («политическое агентство») в Дацзянлу (Кандине) в Сычуани «с целью установления непосредственных и постоянных сношений Императорского Правительства с высшими буддийскими властями Тибета»⁴⁸. Такое решение было принято во исполнение «высочайшей воли», поскольку Николай II вскоре после приёма Доржиева распорядился «удовлетворить ходатайство Тибетского посольства»⁴⁹, против чего не возражали ни В.Н. Ламздорф, ни С.Ю. Витте. Правда, Ламздорф, сообщая министру финансов о принятом решении, указывал, что консульство может быть учреждено в Дацзянлу «только по особому соглашению с Китайским Правительством», поскольку этот пункт не принадлежит к числу городов, открытых для иностранной торговли⁵⁰. Витте, однако, не придавал этой оговорке никакого значения. В результате Государственный Совет под председательством гр. Д.М. Сольского утвердил в общем собрании 5 ноября 1901 г. штат нового консульства в составе трех человек (консул, секретарь и драгоман) и ассигновал на его содержание ежегодно (с 1 января 1902 г.) 18 тысяч 525 рублей из средств государственного казначейства⁵¹. Во главе консульства министерство иностранных дел поставило конфидента Доржиева бывшего сотрудника канцелярии генконсула в Урге бурята Будду Рабданова (побывавшего ранее в Дацзянлу и Сычуани с экспедициями Г.Н. Потанина), секретарем был назначен также бурят Цыдыпов, а драгоманом — хараегур Лубсан (еще один участник потанинских экспедиций)⁵². Связь с Петербургом Рабданов должен был поддерживать через российского посланника в Пекине П.М. Лессара и ургинского генконсула Я.П. Шишмарева. Консульство в Дацзянлу, однако, удалось открыть лишь полтора года спустя (осенью 1903),

48 АВПРИ. Ф. Китайский стол, д. 1449, л. 1.

49 РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 64, л. 5. Письмо В.Н. Ламздорфа С.Ю. Витте от 18 июля 1901 г.

50 Там же. Л. 6.

51 Там же. Лл. 9-10 об.

52 О Б. Рабданове см.: Пубаев Р.Е. Дневники путешествия Будды Рабданова в Восточный Тибет (1903-1904) // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1983; Махакова А.С.-Д., Балданов С.С. Из истории жизни Будды Рабданова // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1995. С. 93-98 (Труды Бурятского института общественных наук СО РАН. Серия философия, социология, история. Вып. 2.)

из-за различных бюрократических проволочек, при этом оно фактически выполняло функции секретного наблюдательного пункта за деятельностью англичан и французов в Сычуани и Тибете.

Другой важный вопрос, обсуждавшийся Доржиевым в Петербурге в 1901 г., но окончательно так и не решенный, — это вопрос о военной помощи Тибету. Речь, как уже говорилось, шла о предоставлении Лхасе русских инструкторов и оружия, для укрепления обороноспособности страны на случай войны с Англией. По свидетельству Н. Уланова, Доржиеву удалось договориться с А.Н. Куропаткиным о том, что весной 1902 г. тибетцы пошлют в Петербург новое посольство «с ходатайством отправить в Тибет, для образования своего войска, офицеров и солдат из буддистов калмыков и бурят»⁵³. Тогда же появился и первый кандидат в инструкторы — сам Уланов, обратившийся 14 июля в Военно-ученый комитет (ВУК) Главного штаба с просьбой о «прикомандировании» его к офицерской кавалерийской школе для прохождения необходимой подготовки. В своем прошении он, между прочим, отметил, что близкое общение с тибетским посольством в течение трех недель помогло ему понять истинное намерение Далай-ламы: «Тибет долее замкнутым оставаться не может вследствие современного наступательного движения европейцев внутрь страны; сделаться жертвою соседнего государства не желает, а Китай теперь доказал свою несостоятельность к самообороне и тем более не способен к защите другого государства. Поэтому-то Тибет и тяготеет к России, главным образом вследствие большого числа живущих в ней буддистов»⁵⁴. Ходатайство Уланова было поддержано лично начальником Главного штаба В.В. Сахаровым, о чем свидетельствует его резолюция на заявлении: «Снести с Штабом Ген. Инспектора кавалерии, указывая цель прикомандирования, оговорив, что *это может нам понадобится для целей политических*».

11 ноября 1901 г. Доржиев нанес еще один визит военному министру, на этот раз на его петербургской квартире. А две недели спустя военно-статистический отдел Главного штаба подготовил «Справку о Тибете». Наиболее интересные для нас места в этом документе, составленном начальником отдела, полковником Генштаба С.А. Ворониным, — это сведения о китайско-тибетских отношениях и о вооруженных силах Тибета. Говоря о «зависимости Тибета от Китая», Воронин указывал, что китайские резиденты (амбани)

53 РГВИА. Ф. 401, оп. 5/929, д. 158, л. 124. Докладная записка Н. Уланова управляющему делами ВУК Главного штаба, 14 июля 1901.

54 Там же.

не вмешиваются во внутреннее управление страной и следят главным образом за внешними сношениями Тибета. Договоры Далай-ламы с иностранными державами, чтобы получить силу, должны быть скреплены подписями амбаней, которые, как утверждал Воронин, подчинены «не непосредственно Пекину, но губернатору провинции Сычуань». Каждые три года Далай-лама отправляет в Пекин посольство с подарками для Богдыхана, взамен которых также получает подарки от последнего, но «значительно более ценные». Кроме того, пекинское правительство ежегодно посылает Далай-ламе 5000 унций золота «в виде жалованья». Что касается вооруженных сил Тибета, то Воронин, опираясь, по-видимому, на сведения Доржиева, оценивал их численность в мирное время в девять с половиной тысяч человек — 3000 тибетской милиции, 2000 телохранителей Далай-ламы и 4500 китайских войск «зеленого знамени»⁵⁵. Боевая подготовка тибетских и китайских войск была одинаково слабой — как те, так и другие не обучались европейскому строю, не имели понятия о современной тактике и очень плохо стреляли. Вооружение тибетской милиции состояло из кремневых и фитильных ружей, железных сабель и пик. Китайские же войска имели винтовки европейских образцов. Тибетские войска в основном располагались мелкими отрядами вдоль границы с Индией для охраны горных перевалов, а китайские были сосредоточены в укрепленном лагере севернее Лхасы (гарнизон, охраняющий амбаней) и во втором по значению населенном пункте Тибета — Шигацзе (во владениях Панчен-ламы). Кроме того, более или менее крупные китайские гарнизоны охраняли дорогу из Лхасы в Дацзянлу — основной путь, соединявший Китай и Тибет.

В том же разделе документа приводился весьма любопытный факт — английское правительство, стремясь не допустить поставок современного оружия в Тибет, недавно конфисковало «заказанные для Тибета в Европе орудия»⁵⁶. Значит ли это, что направлявшийся из Франции в Лхасу и задержанный английскими властями в Калькутте весной 1900 г. О. Норзунов вез с собой не только металлические чашки, но и партию стрелкового оружия — естественно напрашивающийся вопрос, на который мы не можем дать ответа. Несомненно, однако, что Тибет остро нуждался в современном западном вооружении и что именно это обстоятельство и побудило

⁵⁵ В войска «зеленого знамени» в империи Цинов набирались рекруты из покоренных народов (китайцы, дунгане, сибинцы, солоны и т.д.).

⁵⁶ РГВИА. Ф. 447, оп. 1, д. 53, л. 54, 54 об.

Доржиева вступить в переговоры с военным министром России. В этой связи следует несколько подробнее остановиться на вопросе о «русском оружии» в Лхасе, активно муссировавшемся англо-индийскими властями в период, непосредственно предшествовавший экспедиции Ф. Янгхазбенда (1902–1904).

Главное «свидетельство» о посылке Россией оружия тибетцам — это сообщение японского монаха Экая Кавагучи, проживавшего в Лхасе в 1901–1902 гг. Согласно его рассказу, из России в столицу Тибета двумя караванами (в конце 1901 г. и в начале 1902 г.) было доставлено большое количество «легкого огнестрельного оружия, патронов и других интересных предметов». Об этом японцу по секрету сообщил один тибетский офицер, не скрывавший радости, что «теперь впервые Тибет в достаточной степени вооружен, чтобы отразить любое нападение Англии»⁵⁷. Кавагучи утверждает, что он лично осмотрел несколько образцов «русских ружей» — это были берданки с американским клеймом на стволе, «не вполне пригодные для стрельбы». Сообщение Кавагучи никогда не принималось всерьез ни западными, ни отечественными исследователями по той причине, что если бы у тибетцев имелось русское, или вообще западное, оружие, то они наверняка бы использовали его против англичан во время похода Янгхазбенда. Известно, что после сражения в Гуру весной 1904 г. англичане обнаружили на поле боя множество фитильных ружей и только две русские винтовки с клеймом тульского оружейного завода. Еще одно возражение ученых — это то, что упоминаемые японцем ружья якобы имели американское клеймо: «совершенно неясно, — пишет Н.С. Кулешов, — каким образом сделанные в США ружья могли попасть в Тибет, но стоит отметить, что они были американскими, а не русскими»⁵⁸. В целом же Кулешов считает сообщения о «русском оружии» в Тибете не более чем «мифом», сфабрикованным англичанами.

Вопрос этот, однако, далеко не так прост, как может показаться на первый взгляд. Хорошо известно, что в конце XIX – начале XX века в царской армии происходила замена берданок трехлинейными магазинными винтовками образца 1891 г., при этом огромное количество устаревшего оружия обращалось в лом или продавалось за границу. Среди этого оружия, вероятно, была и та первая партия винтовок Бердана, закупленных Россией в 1870-е гг. непос-

57 Kawaguchi Ekai, *Shramana. Three Years in Tibet*. Benares; London, 1909. P. 505-506.

58 Kuleshov N.S. *Russia's Tibet File...* P. XIX, XX.

редственно в США. Поэтому Куропаткину, в принципе, ничего не стоило сделать еще один широкий жест, подарив тибетцам, скажем, несколько сотен берданок. Доржиев мог получить это оружие в одном из забайкальских arsenалов и затем переправить с монгольским караваном в Тибет. Технически подобная операция не представляла большой сложности, при этом формально военное ведомство оставалось в стороне, тем более, если берданки имели американскую маркировку. Другой вопрос — почему полученные из России берданки не были использованы тибетцами против англичан, но здесь возможны различные объяснения. Так, сам Янгхазбенд считал, что эти ружья (американские берданки) «пришли в совершенную негодность из-за небрежного обращения с ними»⁵⁹. Возможно, это произошло из-за их неправильного хранения в лхасском arsenале в условиях сурового тибетского климата. Кажущийся невероятным Кулешову и другим исследователям рассказ Кавагучи находит косвенное подтверждение в советских источниках. В 1927 г. один из сотрудников восточного отдела НКВД, эксперт по монголо-тибетским делам С.С. Борисов, в лекции о современном Тибете утверждал, что царское правительство, стремясь не допустить вторжения Англии в Тибет, предприняло некоторые меры — отправило тибетцам через Монголию «кое-какую заваль в виде берданок». Правда, добавляет Борисов, эта акция «не имела систематического характера и носила больше провокационный характер»⁶⁰.

Стоит также отметить, что в начале 1900-х гг. Россия продавала немало стрелкового оружия за рубеж, в том числе в восточные страны (Персия, Китай, Сиам, Абиссиния). Кроме того, оружие дарилось дружественным России восточным монархам. Аналогичный подарок вполне мог быть сделан и тибетскому Далай-ламе в 1901 г. по завершении переговоров с Доржиевым. Однако это не более чем гипотеза, ибо в архивах Главного артиллерийского управления (ГАУ), ведавшего выдачей оружия, и военного министерства царской России отсутствуют какие-либо сведения о посылке русского оружия в Тибет.

Итак, в 1900–1901 гг. под влиянием двух миссий Доржиева между Россией и Тибетом завязались непосредственные отношения, в которых был заинтересован не только Тибет, но и Россия. Но в

⁵⁹ Younghusband F. *India and Tibet*. London, 1910. P. 320.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 532, оп. 4, д. 343, л. 43. См. также: Andreyev A. *The Tsar's General's and Tibet: Apropos of some "white spots" in the history of Russo-Tibetan relations // Tibet and her Neighbours: A History*. London, 2003.

чем, собственно, состоял интерес последней к Тибету? Почему царь и его министры (В.Н. Ламздорф, С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткин) пошли навстречу пожеланиям Далай-ламы, согласившись учредить русское консульство «для сношений с Тибетом» и даже оказать ему некоторую военную помощь? Советский историк А. Попов утверждал в конце 1920-х гг., что тибетский вопрос, в отличие от персидского и афганского вопросов, «непосредственно не затрагивал ни интересов русского капитала, ни интересов русского генерального штаба» и потому «имел значение вопроса экзотического по преимуществу»⁶¹. С таким выводом соглашается и современный индийский историк П. Мехра, считающий, что интерес России к Тибету «в лучшем случае» можно считать «экзотическим» и лежащая в его основе цель состояла в том, чтобы создать «ситуацию» — видимость угрозы англичанам⁶². Следовательно, интерес к Тибету у России все-таки имелся, но он был порожден не какими-то конкретными экспансионистскими планами, будь то русских капиталистов или генералов (проект П.А. Бадмаева в данном случае является исключением), а самим характером Большой азиатской игры. Поэтому, как справедливо отмечает тот же А. Попов, тибетский вопрос, возникший «в качестве конфликтного вопроса международной политики в период, когда англо-русское соперничество было уже на ущербе», продержался на исторической сцене недолго и получил «типичное империалистическое разрешение»⁶³.

Значение Тибета для России определялось преимущественно географическим положением этого горного государства, играющего одновременно роль буфера и природного щита, прикрывающего с севера индийские владения Англии. Тибет, наряду с Афганистаном и Восточной Персией, представлял собой один из «ближайших подступов» к Индии, и в этом состояло его важнейшее геостратегическое, или «политико-стратегическое» (по терминологии А.Е. Снесарева), значение в эпоху Большой игры. В то же время Тибет являлся буддийской метрополией и «священной землей», а, поскольку в России проживали исповедовавшие буддизм народы, это делало необходимым для российских правителей поддержание дружественных отношений с тибетскими буддийскими иерархами. Иными словами, Тибет был нужен России только как дружественный ей буфер, и именно таковым он стал на рубеже XX в. благодаря

61 Попов А. Россия и Тибет // Новый Восток. 1927. № 18. С. 102.

62 Mehra P. Tibet and Russian Intrigue // Journal of Royal Central Asian Society. 1958. № 45 (1). P. 37.

63 Попов А. Россия и Тибет // Новый Восток. 1927. № 18. С. 102.

XIII Далай-ламе и его главному советнику-русофилу А. Доржиеву. Проникновение же англичан в Тибет и тем более установление английского протектората над Тибетом, по сиккимскому сценарию, превращало эту страну в антирусский буфер, ибо в этом случае Англия могла бы оказывать через подвластного ей Далай-ламу и тибетское духовенство влияние на бурятско-калмыцких буддистов в пределах России и через мусульманское население в соседнем южном Синьцзяне на мусульманские народы в Русском Туркестане. Но это означало прямую угрозу интересам России в центральноазиатском регионе, и именно поэтому Петербург счел необходимым откликнуться на обращенный к нему призыв Далай-ламы.

Надо сказать, однако, что Россия на протяжении всего XIX века относилась к связям бурятско-калмыцких буддистов с главным религиозным центром в Тибете довольно безразлично и не только не пыталась облегчить им доступ в Лхасу, а, напротив, даже затрудняла его. Так, Г. Цыбиков отмечал, что «русскоподданные буряты» с давних пор ходили в Тибет тайно, «опасаясь стеснений со стороны русской администрации», и в Лхасу приходили под подложными именами халхаских монголов»⁶⁴. Ситуация, однако, в корне изменилась после начала сближения России и Тибета. Петербург стал проявлять большее внимание к духовным нуждам своих подданных-буддистов, а Далай-лама, исходя из своей новой политической ориентации, отменил запрет на посещение Тибета для буддистов из России. По свидетельству того же Цыбикова, в 1900 г. в Лхасе существовала небольшая русская колония, состоявшая из 47 бурят (42 из них обучались в монастыре Дрепунг, а остальные — в Гандане и Сера) и одного калмыка⁶⁵. Э. Кавагучи, со своей стороны, оценивал число бурятско-калмыцких учащихся в Лхасе в 200 человек⁶⁶. Таким образом, Россия в начале 1900-х, благодаря бурятам и калмыкам, получила весьма удобный, и главное, совершенно легальный канал связи с Тибетом, открывавший перед ней большие, хотя еще и не вполне осознаваемые, возможности. Одной из таких возможностей была торговля с Тибетом.

В.Ф. Ладыгин (участник монголо-камской экспедиции П.К. Козлова, собиравший сведения о торговых рынках в Монголии, Ганьсу и Тибете) весьма высоко оценивал перспективы русской торговли

64 Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 2. О центральном Тибете. С. 26. См. также: Andreyev A. Russian Buddhists in Tibet, from the end of the nineteenth century – 1930 // *Journal of the Royal Asiatic Society. Series 3. Vol. II. Part 3. November 2001.* P. 349-362.

65 Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 1. С. 106; Т. 2. С. 12.

66 См.: Rupen R.A. *Mongols of the 20th Century.* Bloomington, 1964. P. 109.

с Тибетом и предлагал, в частности, использовать бурят-паломников в качестве коммивояжеров. Его идея была сродни замыслу Бадмаева — идущие на поклонение в Лхасу буряты могли бы доставлять туда русские товары, для чего необходимо учредить одно-два русских консульства или «торгово-политических агентства» на ближайших подступах к Тибету — в центре Ганьсу и в Сычуани (в г. Дацзянлу), через которые проходят главные караванные пути в Лхасу. Эти агентства стали бы выполнять роль промежуточных торговых баз, снабжая бурят всеми необходимыми товарами. (В Ганьсу уже существовали иностранные мануфактурные склады.) При этом Ладыгина ничуть не смущало огромное расстояние между Россией и Тибетом; напротив, он утверждал, что Тибет в действительности гораздо «ближе» и доступнее для России, чем для Индии, отделенной от него одним только Гималайским хребтом, поскольку последний чрезвычайно труднопроходим для англо-индийских торговых караванов. Более всего Ладыгина беспокоило то, что главная масса богатств сопредельной с Россией Монголии — золото, серебро и другие ценности, сосредоточенные в руках монгольского ламства — уходит в Тибет, а оттуда «уплывает» в Индию, где попадает к англичанам⁶⁷. Что касается английской торговли, то англичане, по сведениям Ладыгина, несмотря на торговое соглашение 1893 г., не могут сами проникнуть в Тибет из Индии, поэтому они нанимают агентов — китайцев, уроженцев провинции Гуандун, которые трижды в году ездят из Лхасы в Даржилинг за английскими товарами и распродают их в Лхасе, Шигацзе и «вообще среди населения собственного Тибета». Каждый «привоз» четырех агентов английских коммерсантов превышает сумму в полтора миллиона рупий. Эти агенты привозят из Тибета в Индию главным образом золото и серебро, огромное количество которого стекается в Лхасу отовсюду с богомольцами. Русские консулы или агенты в Сычуани (Дацзянлу) и Ганьсу, полагал Ладыгин, легко могли бы приобрести друзей среди местных лам и гэгэнов (наиболее почитаемых лам-перерожденцев), а через них и друзей в Лхасе, которые стали бы помогать им в защите интересов отправляющихся туда бурят-богомольцев и торговцев. «Тибет, следовательно, для нас чрезвычайно интересен, — заключал Ладыгин в своем отчете, — но воспользоваться выгодами торговли с ним мы можем лишь после учреждения своей торговой и административной базы — все в той же Ганьсу, пока нас не пус-

67 Ладыгин В.Ф. Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902 гг., снаряженной ИРГО в Центральную Азию. СПб., 1902. С. 72–73.

тят в самую Лхасу... Устройством же русских консульств и торговых агентств по линии Су-чжоу – Лань-чжоу – Сун-пан – Да-цзян-лу (Ганьсу и Сычуань) Россия окончательно утвердит своё влияние в Центральной Азии, научное завоевание которой начато и продолжается исключительно русскими силами и на русские деньги»⁶⁸.

С.Ю. Витте отнесся к подобным соображениям довольно скептически. Свое мнение он высказал, в частности, в отзыве на проект об учреждении кафедры тибетской словесности в Восточном институте во Владивостоке, представленном в министерство народного просвещения. (Преподавание тибетского языка в институте предполагалось поручить его лучшему знатоку в России Г.Ц. Цыбикову.) В случае открытия Тибета для иностранцев, полагал Витте, «практические выгоды из этого извлекут одни англичане в силу самого географического положения; для нас же конкуренция с англичанами в области коммерческой в Тибете едва ли возможна»⁶⁹. Такие же отрицательные отзывы дали монголист В.Л. Котвич и новый российский посланник в Пекине Д.Д. Покотиллов. В.Л. Котвич, говоря о перспективах русско-тибетского сближения, в частности, отмечал: «Трудно судить о большой готовности в настоящее время Тибета открыть свои двери кому бы то ни было по факту прибытия посольства Агвана Доржиева. Даже факт учреждения, по просьбе этого посольства, русского консульства для сношений с Тибетом не может здесь играть никакой роли, т. к. это консульство будет находиться в Да-цзян-лу на территории собственно Китая, значительно восточнее Батана, где с давних пор проживают французские миссионеры. Таким образом, непосредственные отношения с Тибетом нам едва ли удастся установить и, по-видимому, придется по-прежнему всецело полагаться в этом деле на наших же бурят и, быть может, калмыков»⁷⁰.

Аргументы С.Ю. Витте и В.Л. Котвича отражают скептицизм российских политических и отчасти востоковедных кругов в отношении возможности завязывания более тесных и прочных связей между Россией и Тибетом на торгово-экономической основе. Торговля с Тибетом, ввиду значительной удаленности этой страны, по их мнению, не сулила сколько-нибудь реальных выгод России, особенно в контексте англо-русского соперничества. В то же время в русском обществе — в придворных кругах, в военном ведомстве

68 Там же. С. 84.

69 РГИА. Ф. 565, оп. 8, д. 29725, лл. 9 об., 19. Отзывы С.Ю. Витте от 6 сентября 1902 и 21 июля 1903.

70 Там же. Л.6 об. Отзыв В.Л. Котвича от 19 августа 1902.

и среди тех же востоковедов — было немало и оптимистов, тех, кто разделял взгляды Н.М. Пржевальского, П.А. Бадмаева и В.Ф. Ладыгина, людей, знавших о Центральной Азии и Тибете не понаслышке или из книг, в отличие от столичных чиновников и кабинетных ученых. (В своих мемуарах С.Ю. Витте признавался, что «в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды»⁷¹,— мнение, в полной мере применимое и к Тибету.) Но если Тибет не привлекал Россию экономически, то он определенно стал интересен ей политически после предпринятых Далай-ламой шагов к сближению.

Здесь необходимо отметить, что тибетские посольства Доржиева пришлось на период активизации внешней политики России в Центральной Азии и на Дальнем Востоке в связи с англо-бурской войной (1899–1902). Россия попыталась воспользоваться «затруднениями» Англии на юге Африки, дабы извлечь из них «возможные политические выгоды». Правда, большинство проектов откровенно аннексионистского характера, как-то: захват портов в Черном и Средиземном морях, в Персидском заливе и на юге Кореи или выдвигание среднеазиатской границы по направлению к Северному Афганистану «с целью занятия Герата», были отвергнуты царской дипломатией как нереальные и дорогостоящие⁷². В то же время М.Н. Муравьев и В.Н. Ламздорф соглашались с тем, что следует предпринять некоторые меры «в целях ограждения наших первостепенных интересов» — главным образом в Оттоманской империи, Персии и Афганистане. Так, во всеподданнейшем докладе в январе 1900 г. Муравьев выдвинул ряд внешнеполитических задач ближайшего будущего, одна из которых гласила: «Заявить английскому правительству о решении нашем восстановить непосредственные сношения с Афганистаном, что должно послужить первым шагом к более тесному, в интересах наших в Средней Азии, сближению с этой областью»⁷³. Он также поддержал начатое в 1899 г. военным министерством «приведение в состояние боевой готовности» войск Туркестанского округа и Закаспийской области. По сути, это была новая военная демонстрация в направлении Индии под видом «проверки провозоспособности» Мургабской железной дороги. (Построенная годом ранее между Мервом и Кушкинским

71 Витте С.Ю. Воспоминания. Мемуары. Т. 1. С. 110.

72 См.: Витухновский А.Л. Указ. соч. С. 121 и далее; Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 45.

73 Красный архив. 1926. № 5 (18). С. 16.

постом по инициативе А.Н. Куропаткина, дорога эта имела важное военно-стратегическое значение.) Далее, в 1900 г. русская армия оккупировала соседнюю Маньчжурию под предлогом восстановления там порядка, нарушенного боксерским восстанием, и охраны принадлежащих России железнодорожных линий.

В этом контексте неожиданный возникший у Петербурга, под влиянием двух посольств Доржиева, интерес к Тибету кажется вполне закономерным. Но правящая элита России еще не знала, каким образом использовать благоприятную для неё тибетскую ситуацию, она еще не имела какой-то конкретной программы действий, а потому действовала неуверенно и зачастую спонтанно, лишь реагируя на те или иные внешние события. Главным же для неё на этом этапе, как и в начале 1890-х, оставалась поставленная Витте задача — противодействовать установлению английского протектората над Тибетом. Именно в свете этой задачи и следует рассматривать предпринятые русским правительством шаги по установлению более тесных связей с «буддийскими властями» Тибета.

2.2. Английская военная экспедиция в Тибет (1903-1904) и её последствия

В 1899 г. новым вице-королем Индии стал лорд Джордж Натаниел Керзон, известный политик, востоковед и путешественник, прекрасный знаток Ближнего Востока, Средней и Центральной Азии. Керзон, как известно, являлся одним из идеологов и исполнителей «наступательного курса» (forward policy) Англии в этом обширном регионе и ярким русофобом, что во многом определило характер англо-тибетских отношений в период его шестилетнего правления и в конечном счете привело Большую игру к неизбежной развязке — дипломатическому эндшпилю.

Став вице-королем, Керзон прежде всего занялся укреплением наиболее уязвимой северо-западной границы Индии, которую он считал «ахиллесовой пятой» Британской империи. «Безопасность Индии должна быть главной целью нашей политики» — этот тезис стал политическим кредо Керзона. В не меньшей степени озабоченность нового вице-короля вызывали и северо-восточные рубежи, протянувшиеся от Памира до Непала. Здесь, как и в случае с афганским буфером, непосредственную угрозу британскому вла-

дычеству, по мнению Керзона, представляла все та же Россия, стремительно расширявшаяся «в индийском направлении».

По странному стечению обстоятельств в 1898 г., еще не зная о первом визите Доржиева в Россию, английская и англо-индийская пресса неожиданно заговорила о необходимости присоединения Тибета к Британской Индии, в ответ на «русские завоевания» в Центральной Азии. Автор одной из заметок, появившейся в газете *Englishman*, майор индийской медицинской службы Остин Уодделл призывал свое правительство безотлагательно аннексировать южную часть Тибета, вместе с Лхасой и долиной р. Брахмапутры (Цангпо). Этим шагом, утверждал Уодделл, «мы не только предупредим возможность территориальных захватов со стороны России между нашими владениями в Индии, Бирме и Китае, но и укрепим наше положение на всем материке Азии, т. к. окажется возможным сомкнуть все наши владения от Персидского залива и Индийского океана до берегов Великого океана». Кроме того, приобретение Тибета сулило «огромные торговые преимущества»⁷⁴. Свое предложение Уодделл обосновывал вполне в империалистическом духе: Поднебесная империя, ввиду крайней политической слабости, близка к крушению, что ведет к яростному соперничеству европейских держав «в захвате обломков этой руины». Следовательно, Тибет, находящийся в вассальной зависимости от Китая, неизбежно должен стать «ареной соперничества между Россией и Англией». В подтверждение этого тезиса, Уодделл ссылаясь на то, что русские уже посылают в Тибет свои обычные «научные экспедиции»⁷⁵.

Тем временем, пока Лхаса налаживала с помощью Доржиева контакты с Петербургом, Керзон, со своей стороны, также предпринял шаги к завязыванию непосредственных отношений с правителем Тибета. Дважды (11 августа 1900 и 8 июня 1901) он обращался с письмами к Далай-ламе, предлагая начать переговоры для урегулирования спорных пограничных и торговых вопросов, ввиду упорного непризнания тибетцами новой границы с Сиккимом и невыполнения статей торгового соглашения 1893 г., но ответа на эти письма не последовало. Узнав о первом посольстве Доржиева в Россию из заметки в газете *Journal de Saint Petersburg*⁷⁶, Керзон поначалу не придавал этому значения. Слишком уж невероятным казался сам факт отправки тибетскими ламами-ксенофобами «от-

74 См.: Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909. С. 73.

75 Там же. С. 74.

76 *Journal de Saint Petersburg* 1900. 2 / 15 октября.

крытой миссии» в Европу. Однако многочисленные публикации в русской прессе о втором — «чрезвычайном» — посольстве посланца Далай-ламы заставили Керзона поверить в невозможное. Вести из Петербурга сильно нервировали индийского вице-короля и правительство в Калькутте; беспокойство испытывало и военное министерство (War Office) в Лондоне, опасавшееся, что «русские интриги с Далай-ламой» могут оказать негативное влияние на ситуацию в малых пригималайских государствах, тесно связанных с Тибетом (Непал, Сикким, Бутан). По мнению его главы, лорда Робертса, опасность того, что русские могли бы использовать Тибет — теперь или в ближайшем будущем — в качестве базы для военных операций против Индии, была невелика. Гораздо более пугала другая возможность: установив, «по крайней мере, номинальный протекторат над Тибетом», Россия могла бы начать рекрутировать в свою армию непальских гурок, составляющих костяк англо-индийских вооруженных сил, а это было бы «настоящей трагедией»⁷⁷.

Что касается Керзона, то для него русский протекторат над Тибетом представлял собой не столько военную, сколько «политическую угрозу». В своем письме статс-секретарю по делам Индии лорду Гамильтону от 11 июня 1901 г. он писал: «Мы не можем помешать России захватить Монголию и Китайский Туркестан, хотя и можем несколько задержать захват последнего. Но я считаю, что мы можем и обязаны не допустить русского протектората над Тибетом. Если мы не выясним, что происходит в Лхасе, мы получим такой протекторат в самом недалеком будущем... Если Россия достигнет границ Непала, эта страна превратится во второй Афганистан. Тибет, а не Непал, должен стать буфером между нами и Россией»⁷⁸. Неудачные попытки Керзона установить связь с Далай-ламой подтолкнули вице-короля к более решительным действиям. В июне 1902 г. на тибето-сиккимскую границу отправился политический резидент в Сиккиме Клод Уайт, которому было поручено вступить в переговоры с тибетцами. Узнав о миссии Уайта, встревоженный амбань Ю Ган немедленно отправил письмо Керзону, в котором высказал недоумение по поводу того, что индийское правительство не поставило его в известность о своем шаге, тогда как в прошлом, когда возникали какие-либо вопросы, требующие совместного решения двух стран, оно заблаговременно информировало его об

⁷⁷ Lamb A. Some Notes on Russian Intrigue in Tibet // Journal of the Royal Central Asian Society. 1959. Vol. 46 (1). Jan. P. 51-52.

⁷⁸ Ibid. P. 52.

этом, и дал понять, что самовольное прибытие Уайта на тибетскую границу может быть «неправильно истолковано тибетцами». Вслед за письмом амбань послал на границу своего помощника Хо Кванси и одновременно просил Далай-ламу делегировать тибетского представителя для переговоров с Уайтом. Кроме того, Ю Ган телеграфировал о случившемся в Палату внешних сношений (Вайубу) в Пекине: в своей телеграмме он просил сообщить ему о вопросах, подлежащих обсуждению, а также указал на то, что английские войска ни под каким предлогом не должны переходить тибетскую границу, поскольку это может спровоцировать военный конфликт. В результате 22 августа Вайубу обратилась к британскому полномочному министру в Пекине сэру Эрнесту Сатоу с просьбой «инструктировать» Уайта, с тем чтобы он не предпринимал никаких действий до прибытия заместителя амбаня, которому было поручено мирно обсудить с английской миссией все вопросы. Две недели спустя Сатоу ответил китайскому дипломатическому ведомству, что цель Уайта состоит в том, чтобы «добиться реализации договорных прав в уголке Сиккима (имеются в виду пастбищные земли в Гьягонге.— А.А.), оккупированном тибетцами, которые с самого начала уклонялись от выполнения своих обязательств, в соответствии с конвенцией 1890 г. и торговыми правилами 1893 г.». При этом Сатоу выразил надежду, что переговоры Уайта, Хо Кванси и тибетского представителя «устранят прошлые недоразумения и обеспечат добрые отношения (между Тибетом и Индией) в будущем». Однако, когда вице-амбань прибыл на границу, он не застал там Уайта, который к тому времени вернулся, очевидно по распоряжению Калькутты, в свою резидентуру в Гангтоке (столица Сиккима)⁷⁹.

Миссия Уайта — еще одна неудачная попытка англичан вступить в переговоры с Лхасой, чтобы добиться от тибетцев выполнения договорных актов 1890 и 1893 гг., соглашений, не подписанных ими и потому не признанных. По мнению китайского историка Сон Лимина, эта миссия «во многих смыслах» явилась «прелюдией» военной экспедиции Янгхазбенда год спустя: впервые после заключения упомянутых договоров англичане появились на тибетской границе с вооруженным эскортом, не поставив о том в известность лхасского амбаня, — акция, которую Сон Лимин рассматривает как

79 Song Liming. The Younghusband Expedition and China's Policy Towards Tibet (1903–1904) // Tibetan Studies: Proceedings of the 6th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Fagernes 1992. Vol. 2. Oslo, 1994.

проявление «новой — наступательной — политики нового вице-короля Индии»⁸⁰.

Тибетская ситуация — категорический отказ Далай-ламы от переговоров с англо-индийским правительством — вызывала досаду и раздражение не только у Керзона. Китайское правительство также было недовольно «высокомерным» поведением тибетцев. Во время частной беседы с Э. Сатоу принц Цин признался, что власти Китая подумывают о том, каким образом усилить положение лхасского амбана, с тем чтобы «приструнить тибетцев», поскольку они крайне невежественны и плохо управляемы и Китай «может попасть в беду из-за них». В результате 2 декабря 1902 г. маньчжурский император назначил нового амбана в Лхасу, которому было предписано немедленно отправиться в Тибет и начать обсуждение спорных вопросов с англичанами. В то же время Пекин информировал о сделанном назначении английское правительство, прося его дать указания Уайту вступить в переговоры с новым амбаном, с тем чтобы «устранить все прошлые недоразумения и тем самым добиться скорого решения тибетского вопроса»⁸¹. Таким образом, благодаря инициативе Керзона возникла новая ситуация: англо-индийские власти хотели во что бы то ни стало добиться от Лхасы выполнения статей англо-китайской конвенции по Сиккиму и Тибету 1890 г. и дополняющих её торговых правил, для чего было необходимо проведение прямых переговоров с тибетцами; китайское правительство, со своей стороны, желало участвовать в таких переговорах в качестве посредника между Индией и Тибетом (подчеркнем — *посредника*, а не стороны, репрезентирующей тибетское правительство, как это имело место во время англо-китайских переговоров в начале 1890-х). Тем временем в эту ситуацию, отражающую несомненное усиление позиции Лондона и, соответственно, ослабление позиции Пекина в тибетском вопросе, неожиданно вмешался «русский фактор», как следствие вовлечения Тибета в Большую игру.

Летом 1902 г. пекинская газета «Чайна Таймс» опубликовала текст «тайного русско-китайского договора о Тибете», что еще более укрепило подозрения Керзона в отношении «русской интриги» в этой стране,— отметим, далеко не беспочвенные, как об этом свидетельствуют переговоры Доржиева с царским правительством. Согласно этому мнимому договору, Китай согласился пере-

80 Ibid. P. 789.

81 Song Liming. The Younghusband Expedition... P. 790.

дать России «все свои интересы, привилегии и выгоды» в Тибете, включая право на разработку полезных ископаемых и постройку железных дорог, в обмен на поддержку и помощь России «в деле охранения целости Китайской империи». «В случае возникновения внутри Китая каких-либо смут, с которыми само китайское правительство не было бы в состоянии справиться,— говорилось в договоре,— Россия займется их подавлением». Еще одним важным пунктом было якобы переданное Китаем России право «назначать правительственных лиц в Тибете» и «управлять тибетскими делами», хотя при этом и делалась оговорка, что Китай будет иметь право «назначать в Тибет консулов»⁸².

Публикация в «Чайна Таймс» только подлила масло в огонь. Э. Сатоу переслал в Лондон вырезку из пекинской газеты с текстом «русско-китайского договора», при этом он отметил в своей депеше в Форин оффис от 5 августа, что сам он не верит в существование подобного документа⁸³. Тем не менее, английское правительство не скрывало своей глубокой озабоченности. 1 сентября глава Форин оффиса маркиз Г. Лэнсдаун инструктировал британского посланника в Пекине (Э. Сатоу): «Следует предостеречь Китайское Правительство от заключения какого бы то ни было соглашения подобного рода; и Вам следует также намекнуть ему, что Правительство Его Величества в этом случае, несомненно, будет вынуждено принять меры к ограждению интересов Великобритании»⁸⁴.

Но и Петербург также имел повод для серьезного беспокойства: 11 октября русский поверенный в делах в Лондоне барон Гревениц заявил Форин оффису о том, что русское правительство получило из Пекина сведения о посылке английских войск в Тибет якобы для охраны строящейся там железной дороги. Подобные меры при настоящем тревожном положении дел в Китае, отметил Гревениц, представляют опасность, поскольку могут вызвать возобновление боксерской смуты. На это сотрудник дипломатического ведомства Т. Сандерсон ответил, что ему ничего не известно о строительстве железной дороги в Тибете и что такой проект по существу представляет огромные технические трудности. Поводом для слухов, по мнению Сандерсона, вероятно, послужило восстановление пог-

82 Papers Relating to Tibet, Presented to Both Houses of Parliament by Command of His Majesty. (Cd. 1920), London, 1904. P. 140-141 (№ 49). Отрывок из газеты China Times. 1902. July 18. См. также: Теплов В. Английская экспедиция в Тибет // Русский вестник. 1904. Т. 290. Апрель. С. 796.

83 Papers Relating to Tibet... P. 140.

84 Ibid. P. 141.

раничных столбов на тибето-сиккимской границе английскими офицерами с эскортом, так как тибетцы «имеют обыкновение их опрокидывать»⁸⁵. Гревениц, по всей видимости, остался удовлетворенным таким ответом, вполне правдоподобным на первый взгляд, поскольку инциденты с передвижением или «опрокидыванием» тибетцами пограничных столбов действительно неоднократно имели место в прошлом. Два с половиной месяца спустя (31 декабря) Гревениц вновь посетил Форин оффис, на этот раз в связи со слухом, что англичане будто бы собираются послать военную экспедицию в Тибет. Слух этот скорее всего был порожден реальным фактом — неудавшейся миссией Уайта, однако маркиз Лэнсдаун заверил Гревеница, что он не имеет под собой никаких оснований.

Вскоре после этой встречи статс-секретарь по делам Индии Гамильтон получил обширное послание Керзона от 8 января 1903 г. Смысл его сводился к следующему: действия России представляют угрозу для британских интересов в Тибете, свидетельством чего является слух о тайном русско-китайском договоре. Единственный способ предотвратить опасность — это взять на себя инициативу и, воспользовавшись нынешним предложением Китая, провести прямые переговоры с тибетскими властями, но не на тибето-сиккимской границе, а в Лхасе. «Только этим путем,— говорилось в письме,— мы можем выйти из нынешнего бесславного для нас положения... и разрушить стену тибетской апатии и обструкции... Мы смотрим на так называемое созеренство Китая над Тибетом как на политическое притворство, поддерживаемое потому, что оно удобно для обеих сторон». Переговоры с тибетцами должны охватить «весь вопрос о наших будущих отношениях — торговых и иных — с Тибетом» и завершиться назначением постоянного британского представителя в Лхасе. Керзон также настаивал на том, чтобы английскую миссию сопровождал вооруженный эскорт, «достаточно сильный, чтобы преодолеть сопротивление, которое ему могло бы быть оказано по пути»⁸⁶.

Идея посылки военно-дипломатической миссии в Тибет созрела у Керзона в конце 1902 г. под влиянием слухов о тайном русско-китайском договоре о Тибете. Вице-король нисколько не сомневался в существовании такого договора, или, по крайней мере, устной договоренности, и потому считал своим долгом «расстроить эту

85 Ibid. P. 146 (№ 58).

86 Цит. по: Теплов В. Английская экспедиция в Тибет. С. 799.

маленькую интригу (России), пока ещё есть время». Впервые Керзон изложил свой план вчерне в письме Гамильтону от 13 ноября 1902 г., где он назвал подобную экспедицию «миссией мира» (pacific mission), с целью заключения договора о дружбе и торговле с тибетским правительством⁸⁷. Предложение Керзона, однако, не получило одобрения у английского правительства, которое не желало активно вмешиваться в тибетские дела, ибо это было чревато обострением отношений с Петербургом и Пекином. Тем не менее, в Лондоне хорошо понимали, что следует предпринять какие-то шаги для решения тибетской проблемы. Лично Гамильтон соглашался в принципе с доводами Керзона о необходимости посылки английской миссии в Лхасу, однако считал, что следует найти «хороший международный предлог» для оправдания её в глазах общественности. Статс-секретарь более всего опасался, что подобная миссия, выступая под прикрытием сильного военного эскорта, не сможет беспрепятственно дойти до Лхасы и почти наверняка натолкнётся на военное сопротивление тибетцев. Но новый военный конфликт с Тибетом совсем не входил в планы английского правительства. Лондонский кабинет также возражал против планов Керзона полностью устранить китайскую сторону от переговоров с тибетцами.

Тем временем, пока Керзон настойчиво добивался от Лондона согласия на осуществление своей «превентивной акции», в недрах царской дипломатии активно выработывался новый подход к довольно щекотливому для неё тибетскому вопросу. В конце 1902 г. министерство иностранных дел подготовило проект учреждения консульства в Дацзянлу для непосредственных сношений с Тибетом. Во всеподданнейшей записке Ламздорфа от 8 ноября говорилось, что МИД «идет навстречу обнаружившемуся в Тибете благоприятному России течению, чтобы, по мере возможности, поддержать оное, дабы *со временем воспользоваться им в наших интересах*»⁸⁸. Далее, 18 января 1903 г. Ламздорф направил телеграмму новому российскому послу в Лондоне гр. А.К. Бенкендорфу, в которой, ссылаясь на «вновь полученные» им сведения, подтвердил факт продвижения английских войск к Тибету и просил посла «самым решительным образом» объяснить по этому поводу с Лэнсдауном, предупредив его, что в случае осуществления Англией агрессивных планов

87 Lamb A. Some Notes on Russian Intrigue in Tibet. P. 60, 61.

88 Попов А. Россия и Тибет // Новый Восток. 1927. № 18. С. 105.

в отношении Тибета «Россия не преминет принять, со своей стороны, серьезные меры к ограждению своих интересов»⁸⁹. В результате 2 февраля первый секретарь русского посольства Поклевский-Козелл вручил Форин оффису особый меморандум по тибетскому вопросу, в котором эти «интересы» были обозначены более четко. В нем русское правительство, выражая беспокойство по поводу полученных им «новых сведений» о продвижении английских войск по долине Чумби в северном направлении, заявляло: «Большое значение, которое Императорский Кабинет придает устранению любых поводов для беспорядков в Китае, заставляет его рассматривать подобную экспедицию в Тибет как меру, способную создать весьма опасную ситуацию, которая могла бы в этом случае побудить Императорское Правительство принять меры к защите своих интересов в этих странах» (т. е. в Китае и Тибете)⁹⁰.

Жесткое, почти угрожающее по тону, заявление МИД шокировало Лондон, и потому Бенкендорф во время последующих встреч с Лэнсдауном (11 и 18 февраля) попытался несколько ослабить его значение, заявив, что меморандум следует рассматривать не как официальную ноту, а как «простую заметку, заключающую в себе сущность телеграммы, полученной русским посольством». У России нет никаких замыслов в отношении Тибета, и слухи о русско-китайском договоре не имеют под собой никаких оснований. Со своей стороны, Лэнсдаун решительно отрицал сообщение о посылке английских войск в Тибет и даже представил посольству письменное подтверждение — краткий объяснительный меморандум в ответ на «запрос» Поклевского-Козелла⁹¹. Ситуация вокруг Тибета определенно начинала накаляться, и царская дипломатия, признававшая и одновременно отрицавшая наличие у России интересов в этой стране, чувствовала себя крайне неловко.

Дипломатическая дуэль Лондона и Петербурга достигла своей кульминации весной 1903 г. 24 марта Лэнсдаун пригласил Бенкендорфа в Форин оффис, где с тревогой сообщил ему о «возобновившихся слухах» о русско-китайском договоре. Поскольку такие слухи вызывали «серьезные опасения» у англичан, Лэнсдаун просил русское правительство официально подтвердить сделанное ранее (18 февраля) Бенкендорфом заявление — ответить прямо и без обиняков: «существует или нет тайный договор между Россией и

89 Там же. С. 107.

90 Papers Relating to Tibet... P. 178 (№ 68).

91 Ibid. P.180-181 (№ 72), 186 (№ 81).

Тибетом»⁹². Столь категоричный ответ, по-видимому, требовался Лондону для того, чтобы принять окончательное решение по проекту Керзона. В результате 8 апреля Бенкендорф передал Лэнсдауну на словах содержание письма Ламздорфа, в котором говорилось, что Россия «не заключала конвенции по поводу Тибета ни с самим Тибетом, ни с Китаем, ни с кем-либо еще», а также, что русское правительство «не имеет в этой стране никаких агентов и не имеет никакого намерения посылать туда своих агентов или миссии». При этом Бенкендорф добавил, что, «хотя русское правительство не имеет каких бы то ни было замыслов на Тибет, оно не сможет остаться равнодушным к какому-либо серьезному нарушению статус-кво в этой стране. Подобное нарушение может сделать для России необходимым приступить к охране своих интересов в Азии, но даже и в таком случае она не желает вмешиваться в тибетские дела, поскольку русская политика “ne viserait le Thibet en aucun cas” (не имеет каких-либо видов на Тибет), и будет вынуждена принять меры в другом месте». Бенкендорф также заявил, что Россия «рассматривает Тибет как часть Китайской империи, в сохранении целостности которой она заинтересована»⁹³.

Таким образом, в депеше Ламздорфа от 8 апреля 1903 г. впервые достаточно отчетливо была сформулирована тибетская политика России, покоившаяся на двух основных принципах — невмешательства в тибетские дела и сохранения статус-кво в Тибете, т. е. положения, при котором Тибет должен был оставаться в составе единого Китайского государства — вне сферы английского влияния. Фактически, это было продолжением курса, намеченного С.Ю. Витте еще в середине 1890-х. И хотя в Петербурге — так же как в Лондоне и Калькутте — понимали, что сюзеренитет Китая над Тибетом носит чисто номинальный, фиктивный характер, глава МИД настаивал на сохранении этой фикции, поскольку она позволяла сдерживать до некоторой степени наступательные устремления Англии.

Основная задача России на этом этапе состояла в том, чтобы удержать Англию от вторжения в Тибет. Судя по заявлениям русских дипломатов в Лондоне, царское правительство не сомневалось в агрессивных намерениях своего соперника и было готово предпринять ответные меры в случае отправки Англией военной экспедиции в эту страну. Однако, как убедительно показывает переписка

92 Papers Relating to Tibet... P.186 (№ 81).

93 Ibid .. P. 187 (№ 83).

Гамильтона и Керзона, Англия в действительности не стремилась аннексировать Тибет или превратить его в свой протекторат, подобно пригималайским княжествам-лимитрофам, хотя и, безусловно, рассматривала тибетский буфер как законную сферу английских интересов (торговых и политических) в силу сопредельности территорий Тибета и Индии. Лондонский кабинет придерживался довольно умеренной линии в тибетском вопросе и не сочувствовал крайне амбициозным планам индийского вице-короля, особенно его идее учреждения в Лхасе постоянного английского представительства. Гамильтон был вполне доволен заявлением Ламздорфа, переданным ему Бенкендорфом. В своей депеше Керзону от 8 апреля статс-секретарь писал: «Эти объяснения (посла) являются вполне удовлетворительными... Главным поводом для отправки миссии с вооруженным отрядом в Лхасу служили опасения, что Россия опередила нас. Теперь такие опасения рассеялись»⁹⁴.

Спустя некоторое время после встречи Лэнсдауна с российским послом, английское правительство разрешило Керзону отправить дипломатическую миссию в Тибет, с условием, однако, что переговоры с тибетцами, при участии представителя Китая, будут проходить не в Лхасе, а на тибето-сиккимской границе, в местечке Камбадзонг. Возглавить эту миссию предстояло путешественнику и дипломату, в недавнем прошлом резиденту в индийском княжестве Индор, полковнику Френсису Янгхазбенду⁹⁵. Помогать ему в переговорах должны были К. Уайт (резидент в Сиккиме) и капитан В. О'Коннор (начальник эскорта и переводчик). «Можно подумать,— комментировал это решение Лондона историк и публицист В.А. Теплов,— что английские власти только и дожидались, что официального удостоверения, что не существует никакого соглашения (между Россией и Тибетом), которое хотя несколько охраняло бы Тибет и с которым необходимо было бы считаться»⁹⁶.

Основная — официально декларированная — цель английской миссии, как уже отмечалось, состояла в заключении нового торгового соглашения с Лхасой, ввиду непризнания тибетцами конвенции 1890 г., и урегулировании индо-тибетских пограничных раз-

94 Цит. по: Mehra P. *The Younghusband Expedition (to Lhasa): An Interpretation*. New Delhi, 2005. P. 192.

95 Об экспедиции Янгхазбенда см.: Younghusband F. *India and Tibet*. London, 1910; Fleming P. *Bayonets to Lhasa*. London, 1961; Mehra P. *The Younghusband Expedition (to Lhasa): An Interpretation*. London, 1968 (2nd ed.: New Delhi, 2005); Verrier A. *Francis Younghusband and the Great Game*. London, 1991; French P. *Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer*. London, 1994; Allen C. *Duel in the Snows: The True Story of the Younghusband Mission to Lhasa*. London, 2004.

96 Теплов В. Указ. соч. С. 805.

ногласий. В то же время у миссии была и другая, неафишируемая, цель — расстроить «русскую интригу» в Тибете, т. е. наметившееся в результате посольств Доржиева в Россию русско-тибетское сближение. Керзон, очевидно, рассчитывал, что англо-тибетский договор упразднит уже существующие договоренности, или даже договор, Тибета с Россией.

Янгхазбенд выехал из Даржилинга 19 июня и прибыл в Камбадзонг месяц спустя. Тибетское правительство, со своей стороны, отправило на переговоры первого секретаря Лозанга Тринлея и генерала (*дапона*) Царонга. Что касается китайской стороны, то её представлял амбань в Шигацзе Хо Куанси (поскольку назначенный Пекином новый лхасский амбань еще не прибыл в Тибет). Посланцы Лхасы (Тринлей и Царонг), однако, с самого начала категорически отказались вести переговоры с англичанами на тибетской территории, настаивая на их перенесении в Гьягонг, на территорию Сиккима. Объяснялось это тем, что Национальное собрание Тибета, Цонгду (орган, состоявший из настоятелей трех лхасских монастырей и глав правительственных учреждений), дало им строгий наказ: ни под каким предлогом не допускать английскую миссию в Тибет, ибо англичане — враги буддийской религии и их целью является расширение своих владений за счет соседних государств. Если Англия действительно хочет вести переговоры с тибетцами, то она должна согласиться на их проведение в Гьягонге.

Таким образом, едва начавшись, переговоры зашли в тупик. Янгхазбенд пробыл в Камбадзонге около трех месяцев — время, которое он употребил главным образом на написание подробного отчета о «русском проникновении» в Тибет, пытаясь найти подтверждение слухам о русском оружии и инструкторах в Лхасе. Поводом для таких слухов, возможно, отчасти послужили рассказы Доржиева о его переговорах с «белым царем», внушившие тибетцам уверенность, что русские непременно придут на помощь Тибету в случае военного конфликта с англичанами. По сведениям Л.Е. Берлина, сам Доржиев, вернувшись в Лхасу в середине 1903 г., принял на себя руководство тибетскими финансами. Он изобрел машину с водяным двигателем и с помощью собранных в стране кузнецов организовал чеканку монеты. В то же время он занимался и вопросами обороны — реконструировал старые китайские ружья⁹⁷. Обе

97 Берлин Л.Е. Хамбо-Агван-Доржиев. С. 144.

эти инициативы Доржиева, безусловно, можно рассматривать как первые шаги по пути модернизации Тибета.

Провал переговоров в Камбадзонге подтолкнул Керзона к более решительным действиям. Вице-король стал добиваться от английского правительства разрешения на продвижение миссии Янгхазбенда в глубь тибетской территории до пункта Гьянцзе. И такую санкцию он, в конце концов, получил 1 октября лично от премьер-министра Англии лорда Артура Балфура. Вместе с тем, новый статс-секретарь по делам Индии Джон Бродрик призвал Керзона (в телеграмме от 6 ноября) к проявлению сдержанности — продвижение миссии не должно было привести к оккупации Тибета или «постоянному вмешательству» в тибетские дела в какой бы то ни было форме, ибо единственной целью миссии являлось «получение сатисфакции», и, как только тибетцы уплатят «репарацию», она должна была немедленно покинуть Тибет. Правительство Её Величества, указывал Бродрик, считает подобную акцию необходимой, однако оно «не готово к учреждению постоянной (английской) миссии в Тибете»⁹⁸.

Таким образом, торгово-дипломатическая миссия Янгхазбенда превратилась в конце 1903 г. в военную экспедицию. В это время в Лхасе уже полным ходом шли приготовления к новой «войне» с англичанами. Цонгду (Национальное собрание) и Кашаг (Кабинет министров) провели ряд совместных заседаний, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации. Кашаг настаивал на мирном разрешении конфликта, поскольку понимал, что тибетцы не имеют достаточных сил, чтобы участвовать в военной кампании. К сторонникам этой линии принадлежал и А. Доржиев, призывавший тибетцев подписать мирный договор с англичанами. Цонгду же стояло на ультратрапятистических позициях, считая, что тибетцы должны «сражаться до последнего солдата»⁹⁹. Такая точка зрения в конечном счете возобладала в правящих кругах Тибета, в результате чего четверо министров — *калонов* (Шатра, Шолканг, Хорканг и Чангкым) — фактически весь кабинет — были арестованы за неповиновение Далай-ламе и за то, что они имели сношения с иностранцами (англичанами). (Любопытно, что калон Шатра считался до этого русофилом, а сами англичане видели в нем своего врага.) Под подозрением оказался и Доржиев, но открыто высту-

⁹⁸ Papers Relating to Tibet... P. 294 (№ 132). См. также: Mehra P. The Younghusband Expedition... (2nd ed.). P. 229-230.

⁹⁹ Шакабла В.Д. Тибет: Политическая история. С. 219-220.

пить против фаворита Далай-ламы лхасские ультрапатриоты не решились¹⁰⁰.

Санкция английского правительства на отправку военной экспедиции в Тибет привела к возникновению новой, весьма опасной ситуации на «тибетском поле» Большой игры, ибо этим шагом Лондон открыто бросал вызов Петербургу. Поэтому уже 7 ноября (на другой день после того, как Д. Бродрик уведомил о принятом решении Керзона) Лэнсдаун встретился с Бенкендорфом и попытался вновь убедить его в отсутствии у Англии каких-либо агрессивных замыслов. Экспедицию Янгхазбенда, пояснил он русскому послу, не следует рассматривать как намерение Англии присоединить или постоянным образом занять тибетскую территорию: на эту меру следует смотреть лишь как на средство добиться удовлетворения («сатисфакции») за оскорбительный для английских властей образ действия тибетцев. То есть глава Форин оффиса, фактически, повторил аргумент, содержащийся в телеграмме Бродрика Керзону. Эти объяснения, однако, не удовлетворили Петербург — несколько дней спустя Бенкендорф посетил Лэнсдауна и выразил ему озабоченность русского правительства в связи с сообщениями о том, что отряд Янгхазбенда готовится двинуться в Тибет. Россия, заявил он, «не может удержаться от ощущения, что вторжение британских военных сил на тибетскую территорию направлено к тому, чтобы внести большую смуту в положение дел в Центральной Азии». Лэнсдаун, разумеется, не согласился с этим и вновь выдвинул тезис о «вызывающем поведении» тибетцев: они уклонились от исполнения лежащих на них по договору 1890 г. обязательств и отказались вести переговоры с англичанами. Кроме того, они убили варварским образом двух британских (сиккимских) подданных в Тибете (в Шигацзе) и увели используемый для перевозки грузов английской «комиссии» (т. е. экспедиции) скот. Все это, по мнению Лэнсдауна, давало право англичанам требовать от тибетцев «сатисфакции». В то же время министр дал понять Бенкендорфу, что Россия не вправе выдвигать какие-либо претензии к действиям Англии в Тибете, напомнив ему о русских захватах в Маньчжурии, Туркестане и Персии¹⁰¹.

Месяц спустя Лондон получил новый тревожный сигнал от Керзона, подтверждавший его худшие подозрения в отношении «русской интриги» в Тибете: ссылаясь на информацию Янгхазбен-

100 См.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 67.

101 См.: Теплов В. Указ. соч. С. 806-807.

да, полученную из разных, независимых друг от друга источников, вице-король сообщал, что тибетцы рассчитывают на русскую поддержку и что в Тибет ввезено русское оружие. В то же время Керзон подтвердил факт присутствия в Лхасе Доржиева, который по возвращении из Петербурга якобы передал тибетцам обещание России поддержать их, и что тибетцы верят, что подобная поддержка будет им оказана¹⁰². Эти известия, очевидно, относились к более раннему периоду (лето 1903 г.), так как сам Доржиев в письме Будде Рабданову от 4 января 1904 г. отмечал, что тибетцы относятся к помощи России скептически, но Далай-лама «стоит неизменно»¹⁰³.

Англо-индийское правительство также поставило в известность и китайскую сторону о новом маршруте экспедиции Янгхазбенда. 8 ноября Керзон уведомил лхасского амбаня Ю Гана, что, поскольку тот не смог убедить тибетцев действовать «более благоразумно» и сам не прибыл в Камбадзонг для встречи английских делегатов, правительство Индии не имеет иного выбора, как перенести переговоры в другое, более подходящее для этого место. В результате Ю Ган вновь просил Далай-ламу делегировать высокого тибетского представителя для переговоров с англичанами. В то же время он обратился в Пекин к императору, прося его ускорить приезд в Лхасу нового амбаня Ю Тая, а также в Палату внешних сношений (Вайубу) с просьбой вступить в контакт с британским правительством, чтобы остановить движение отряда Янгхазбенда. Обе эти просьбы были выполнены, но не достигли своей цели. Что касается Далай-ламы, то он вновь отказался от переговоров с англичанами, по-видимому, все еще надеясь на помощь России.

В декабре 1903 г. Ф. Янгхазбенд с двухтысячным военным эскортом под командованием бригадного генерала Д. Макдональда пересек перевал Джелеп-па на границе с Сиккимом и двинулся в глубь тибетской территории. Встревоженный этим император Китая приказал Ю Гану лично отправиться на границу и начать переговоры с англичанами и в то же время «оказать воздействие» на несговорчивых тибетцев. Но из этого также ничего не вышло, поскольку тибетские чиновники отказались предоставить амбаню необходимый транспорт и фактически блокировали его в Лхасе. Поэтому Ю Ган решил более не настаивать на отправке тибетцами своих представителей на границу, что могло бы спровоцировать конфликт между Китаем и Тибетом. В своих донесениях в Пекин

¹⁰² Там же. С. 807-808.

¹⁰³ Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 67.

он сообщал, что война тибетцев с англичанами неизбежна и что Далай-лама и его правительство не изменят своей позиции «до тех пор, пока тибетские войска не будут разбиты». Лишь в этом случае лхасские правители согласятся заключить мир с англичанами¹⁰⁴. Прибывший в феврале 1904 г. в Лхасу новый амбань Ю Тай принял еще одну попытку убедить Янгхазбенда и Далай-ламу провести переговоры на границе, но, как и его предшественник Ю Ган, потерпел неудачу. Все это позволяет говорить о том, что китайское правительство стремилось избежать обострения отношений с Англией из-за Тибета и прилагало определенные усилия, чтобы добиться мирного урегулирования англо-тибетского конфликта. Не обладая достаточной военной силой, Пекин, по всей видимости, рассчитывал с помощью англичан и их нового договора с тибетцами укрепить свой сюзеренитет над Тибетом.

Что касается России, то её внимание в описываемый период было всецело приковано к Дальнему Востоку, где назревало военное столкновение с Японией (война началась через два с небольшим месяца после начала военного похода Янгхазбенда). Ухудшению общеполитической обстановки в регионе способствовали два фактора: образование в 1902 г. англо-японского альянса, фактически направленного против России, и срыв царским правительством подписанного весной того же года с Китаем соглашения об эвакуации русских войск из Маньчжурии, поскольку ему не хотелось терять контроля над последней. Таким образом, Англия и Россия поменялись местами: окончание войны с бурами избавило английский империализм от связывающих его затруднений, в то время как руки русских империалистов оказались связанными событиями на Дальнем Востоке (в Корее и Маньчжурии). Россия не могла проводить активной политики в Центральной Азии и тем более в Тибете, как это имело место в 1900–1901 гг., чем не преминул воспользоваться её главный соперник на азиатском театре. Английская интервенция в Тибет, по существу, явилась ответом на захват Россией Маньчжурии. К такому выводу склонялись наиболее осведомленные русские дипломаты «на местах» — генконсул в Бомбее В.О. Клемм и новый посланник в Пекине П.М. Лессар. В своей телеграмме в Петербург в середине декабря 1903 г. Лессар подчеркивал два момента, определявших неблагоприятно складывавшуюся для России конъюнктуру в тибетском вопросе: отвлече-

104 Song Liming. *The Younghusband Expedition...* P. 793.

ние русских сил на Дальний Восток и невозможность в связи с тем для России достигнуть «общности действий с Китаем». «Таким образом,— заключал он,— предпринятое нами занятие Маньчжурии может иметь решающее значение для судьбы Тибета и в большей или меньшей степени отозваться на относительном положении обеих держав в Персидском заливе, Сеистане и пр.»¹⁰⁵.

Решение лондонского кабинета об отправке военной экспедиции в Тибет застало царскую дипломатию врасплох, и на первых порах ей пришлось удовлетвориться новыми заверениями Лондона, что экспедиция Янгхазбенда не приведет к оккупации Тибета и учреждению постоянного английского представительства в стране. Гораздо более энергичной была реакция военного ведомства на нарушение англичанами статус-кво в Тибете. Известно, что в январе 1904 г. А.Н. Куропаткин отправил в Лхасу — с личной санкции царя — группу калмыков-разведчиков во главе с подьесаулом Нараном Улановым. В то же время Главный штаб взвешивал возможность посылки в Тибет более солидной военно-дипломатической экспедиции во главе с капитаном П.К. Козловым — факт, совершенно неизвестный современным исследователям. Обе эти акции заслуживают более подробного рассмотрения.

В марте 1903 г. Н. Уланов, закончивший к тому времени курс в Офицерской кавалерийской школе в Петербурге и младший класс Николаевской академии Генштаба, составил проект собственной экспедиции в Тибет. Её главная цель формулировалась им как «изыскание нового пути» из России в Тибет — через Среднюю Азию. При этом предполагалось тщательно изучить два маршрута: Кульджа — Лхаса и Шигацзе — Яркенд, связывавших Тибет с Китайским Туркестаном. «Последний путь,— писал Уланов в своём проекте,— помимо торгово-промышленного значения, мог бы иметь политико-стратегическое значение как проходящий параллельно границам: английской, непальской, опять английской, вплоть до нашего Туркестанского военного округа». Этот второй маршрут — от Шигацзе на юге Тибета в направлении оз. Бага-Хамар-Нур через Хотан и Яркенд и далее на Ташкент — Уланов предполагал исследовать на обратном пути. Он также собирался произвести маршрутную съёмку в Центральном Тибете с целью её последующей стыковки со съёмкой северо-восточной части страны, выполненной Козло-

¹⁰⁵ Попов А. Россия и Тибет // Новый Восток. 1927. № 18. С. 108. Секр. телеграмма Лессара из Пекина от 17 декабря 1903.

Н.Э. Уланов. Рис. худ. Н.В. Юдина с фото нач. 1900-х гг. Архив А.А. Терентьева

вым и Казнаковым. Кроме того, Уланов хотел собрать сведения о золотых приисках в Центральном Тибете, их местонахождении, способах добычи золота и т. д. (В преамбуле своего проекта он, между прочим, отметил, что тибетское слитковое золото, привезенное посольством Доржиева и обмененное на рубли на петербургском монетном дворе, исключительно высокого качества.) Участниками экспедиции Уланова должны были стать «буддисты инородцы-военные» — буряты и калмыки, которые, по его мнению, в силу своих этнических и религиозных связей с «туземцами» могли

бы «оказать значительную услугу» научному исследованию Центральной Азии, а также способствовать решению задач большой государственной важности в отношении финансовом («открытие новых торговых рынков») и политико-стратегическом («обеспечение нашего положения в Средней Азии») ¹⁰⁶.

Подав свой проект в РГО, Уланов продолжил подготовку к экспедиции в Тибет на геодезическом отделении Академии Генштаба. Тем временем (в середине ноября 1903 г.) после того, как в русских газетах появились первые сообщения об экспедиции Янгхазбенда, П.К. Козлов подал докладную записку начальнику военно-статистического отдела Главного штаба. В ней он указывал, что за действиями Англии, формально мотивируемыми её торговыми интересами, кроются куда более агрессивные планы, осуществление которых нарушило бы интересы «других народов, развивающих свою деятельность во Внутреннем Китае». Главная же опасность, по мнению Козлова, состояла в том, что Англия, добившись «торгового и дипломатического преобладания» в Тибете, смогла бы привлечь на свою сторону «влиятельных членов правящих кругов»,

¹⁰⁶ СПФ РАН. Ф. 208, оп. 1, д. 151, лл. 2-10 об. Уланов. Проект записки о путешествии в Тибет, 30 мая 1903. См.: Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы... С. 51-60.

а это немедленно бы отразилось на политике тибетского правительства на всем пространстве Азии, населенном буддистами. А посему «необходимо настоять, чтобы Россия в равной мере с Англией участвовала в установлении там (в Тибете. — А.А.) своего дипломатического представительства и чтобы страна перестала быть запретной как для богомольцев России, так и для её товаров» (!). Для этого, по мнению Козлова, следовало отправить в Лхасу экспедиционный отряд, который с помощью дипломатических переговоров, или «соответственными действиями», склонил бы тибетское правительство к уступчивости, «руководствуясь примером Англии»¹⁰⁷. Возглавить такой отряд намеревался он сам.

Вскоре Козлов получил возможность изложить свой план лично императору, будучи приглашенным в Зимний дворец на торжественный обед по случаю Георгиевского праздника (26 ноября / 9 декабря). А затем проект тибетской экспедиции был доложен военному министру. В целом, надо отметить, что Главный штаб не разделял воинственного настроения Козлова и потому отнесся довольно сдержанно к его предложениям, как о том свидетельствуют инструкции 2-го генерал-квартирмейстера генерал-майора Я.Г. Жилинского составителю доклада, начальнику статистического отдела С.А. Воронину: «Если цель (экспедиции) дипломатическая, в смысле открытия Тибета русским богомольцам и товарам, то для посылки её необходимо сделать сношение с МИДом, и лицу, поставленному во главе её, должны быть даны соответствующие полномочия. На экспедицию, казалось бы, нельзя возлагать поручения содействовать действиям против англичан, хотя бы и советами, т. к. это могло бы повлечь за собой затруднения с Англией». Основная задача — «руководящая идея» — подобной миссии была сформулирована Жилинским следующим образом: «Экспедиция должна добиться для русских тех же привилегий, каких добивается Англия своей экспедицией, но избегать во что бы то ни стало конфликта с Англией»¹⁰⁸.

Посылка в Лхасу отряда казаков во главе с Козловым, несомненно, могла привести к военному столкновению с англичанами, поэтому Куропаткин предпочел не рисковать и отправить сперва на разведку Н. Уланова вместе с небольшой группой калмыков-паломников, возглавляемой буддийским священником, штатным *гелюном* Потаповской станицы области Войска Донского Данбо

¹⁰⁷ Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы... С. 57.

¹⁰⁸ Архив РГО. Ф. 18, оп. 1, д. 40 (копия, б/д), л. 3 об., 4.

Ульяновым. 5 декабря Уланов представил Куропаткину краткий проект своей экспедиции. Её основная задача сводилась исключительно к разведывательной цели — «сбору сведений о Тибете». В то же время Уланов предполагал сделать маршрутную съёмку главного отрезка пути между Кульджой в Китайском Туркестане (где находилось русское консульство) и Лхасой, представлявшего собой традиционный маршрут алтайских калмыков-буддистов¹⁰⁹. Таким образом, ему пришлось отказаться от планов большой научной экспедиции ради более насущных задач российской внешней политики. 3 января 1904 г. Куропаткин доложил царю о предполагаемой поездке Уланова в Тибет — «разузнать, что там делается, и особенно, что там делают англичане». Николай II, как свидетельствует запись в дневнике военного министра, «соизволил, чтобы это была частная поездка на свой страх и риск». При этом он приказал посоветовать Уланову «разжечь там тибетцев против англичан», но о таком приказании ничего не говорить Ламздорфу¹¹⁰.

Оба приведенных факта — отправка А.Н. Куропаткиным Уланова на разведку в Тибет и обсуждение руководством Главного штаба проекта военно-дипломатической миссии Козлова — определенно говорят о намерениях России оказать противодействие английской интервенции в Тибет с целью восстановления баланса сил в этом стратегически важном регионе. Поэтому вывод Н.С. Кулешова о том, что «Россия, вне зависимости от того, что у неё были связаны руки событиями на Дальнем Востоке, не склонна была противодействовать осуществлению британской политики в Тибете...», следует признать неверным¹¹¹. В то же время по мере того, как отряд Янгхазбенда продолжал своё движение в направлении к Гьянцзе, Петербург — по подсказке Парижа — сделал попытку договориться с Лондоном по тибетскому вопросу. Непосредственным поводом для переговоров послужило обращение английского правительства к России в связи с необходимостью получить её согласие на издание так называемого «хедивиального декрета» — дополнения к англо-французской декларации от 8 апреля 1904 г., касавшегося кассы египетского долга. (Россия, наряду с другими державами, принимала участие в международном финансовом контроле над Египтом.) В результате произошла дипломатическая сделка: Россия согласилась поддержать «хедивиальный декрет» в обмен на га-

109 Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы... С. 37-38.

110 Куропаткин А.Н. Дневники // Красный Архив. 1922. № 2. С. 101.

111 Кулешов Н.С. Россия и Тибет... С. 72.

рантии («твердые заверения») лондонского кабинета о сохранении статус-кво в Тибете¹¹². 10 мая Лэнсдаун передал Бенкендорфу текст меморандума, в котором излагалась суть телеграммы английского правительства от 6 ноября 1903 г., а именно, говорилось о намерении Англии не оккупировать Тибет и, по получении надлежащего удовлетворения, отозвать свои войска из страны. Правда, при этом отмечалось, что образ действия англичан в Тибете будет зависеть от «поведения самих тибетцев», поэтому правительство «не может ручаться, что в будущем не будет никаких отклонений от той политики, которой оно придерживается в настоящий момент»¹¹³, — оговорка, которая, по сути дела, сводила на нет данные Лондоном обещания. А день спустя (11 мая) Бенкендорф передал Форин оффису согласие императорского правительства на приведение в силу «хедивиального декрета». В ответ на это Лэнсдаун еще раз заверил русского посла, что «правительство его королевского величества... одобряя движение миссии полковника Янгхазбенда по направлению к Гьянцзе, утверждает вместе с тем, что подобный шаг отнюдь не направлен к оккупации Тибета и вмешательству в его внутренние дела». А также, «дополнительно», что оно не стремится к учреждению постоянной миссии в Тибете и что «выставленные им... требования касаются лишь установления льгот для торговли в этой стране...»¹¹⁴.

Таким образом, в начале 1904 г. в тибетской политике России наметились две противоположные линии: с одной стороны, русское правительство стремилось не допустить оккупации Тибета англичанами, что делало необходимым оказание какого-то противодействия английской интервенции, а с другой — желало прийти к полюбовному соглашению с Англией в Тибете, что можно рассматривать как первый шаг к англо-русскому сближению при французском посредничестве, приведшему в дальнейшем к оформлению англо-франко-русского альянса (Антанты).

Тем временем события на тибетском театре развивались совсем не так, как этого хотелось Лондону или Калькутте. Продвижение экспедиции Янгхазбенда к Гьянцзе встретило активное сопротивление тибетцев и привело к ряду вооруженных столкновений, чего так опасалось английское правительство. Наиболь-

¹¹² Более подробно об этой сделке см.: Попов А. Россия и Тибет // Новый Восток. 1927. № 18. С. 113-119; Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 102-107.

¹¹³ Цит по: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 104.

¹¹⁴ Цит по: Попов А. Россия и Тибет // Новый Восток. 1927. № 18. С. 118-119.

шую известность получило сражение вблизи деревушки Гуру (31 марта), в ходе которого отряд Макдональда скопил пулеметным и ружейным огнем несколько сот тибетских воинов, преградивших ему путь. (Это позорное для англичан сражение вошло в историю под названием «бойни у Гуру».) Переговоры с тибетцами в Гьянцзе также не привели к каким-либо результатам, поскольку посланные Далай-ламой делегаты отказались подчиниться требованию Янгхазбенда эвакуировать тибетские войска из города. В результате Янгхазбенд — с разрешения Лондона — двинул свой отряд на Лхасу, которой благополучно достиг 3 августа. К своему разочарованию, однако, он не обнаружил там ни русских инструкторов-казаков, ни русского оружия, ни самого правителя Тибета. Узнав о приближении англичан к Лхасе, Далай-лама с небольшой свитой приближенных (среди которых был и Доржиев) ночью 13 (26) июля тайно бежал во Внешнюю Монголию — проступок, за который он вскоре был низложен китайским императором. (Править страной вместо него, согласно императорскому указу, должен был Панчен-лама.) В отсутствие Далай-ламы ведение переговоров с английской миссией по решению Национального собрания (Цонгду) взял на себя регент Ти-Римпоче, у которого находилась далай-ламская государственная печать, и представители трех главных лхасских монастырей. Эти переговоры завершились подписанием 7 сентября двустороннего англо-тибетского соглашения, так называемой Лхасской конвенции. По этому договору тибетское правительство приняло на себя ряд обязательств, главными из которых были — соблюдать англо-китайскую конвенцию 1890 г., признавать границу между Сиккимом и Тибетом, установленную этой конвенцией, а также немедленно открыть рынки в Гьянцзе, Гартоке и Ятунге, «к которым британские и тибетские подданные будут иметь право свободного доступа». Кроме этого, «в порядке удовлетворения за нарушение договорных обязательств» оно должно было уплатить контрибуцию в размере 500 тысяч фунтов стерлингов. Британское правительство также получило право продолжить оккупацию долины Чумби — до полной выплаты контрибуции и пока «рынки не станут эффективно функционировать». Наконец, отдельным пунктом договора (ст. IX) устанавливался британский контроль над внешней политикой Тибета: тибетскому правительству запрещалось — «без предварительного согласия британского правительства» — уступать, продавать, сдавать в аренду и т. д. какому-либо

часть тибетской территории «какой бы то ни было иностранной державе», допускать иностранное вмешательство в тибетские дела, в том числе присутствие в Тибете «представителя или агента какой-либо иностранной державы», предоставлять иностранцам концессии на железные дороги, шоссе, телеграф, разработку руд и пр. Таким образом, Лхасская конвенция, фактически, превратила Тибет в английский протекторат.

Участовавший в переговорах с китайской стороны и охотно сотрудничавший с англичанами амбань Ю Тай не поставил своей подписи под договором, поскольку для этого требовалась санкция императора. 13 сентября он получил депешу из Вайубу, запрещающую ему подписывать англо-тибетскую конвенцию по той причине, что она «лишала Китай суверенитета над Тибетом». Несколько дней спустя Ю Тай получил еще одну телеграмму из Пекина, в которой говорилось, что договор о Тибете должен быть заключен непосредственно между китайским и английским правительствами, как это имело место в 1890 и 1893 гг. Янгхазбенд, однако, уклонился от переговоров с Ю Таем, посчитав их излишними, и 23 сентября покинул Лхасу. Комментируя инструкцию Пекина своему лхасскому резиденту, Сон Лимин отмечает, что Керзон, по-видимому, не понял «китайской позиции», так как он заявил, что «соглашение является в высшей степени удовлетворительным для Китая, ибо полностью признаёт его сюзеренитет над Тибетом»¹¹⁵. Т.Л. Шаумян также считает, что английское правительство признавало сюзеренные права Китая в Тибете — об этом говорит тот факт, что амбань принимал самое активное участие на всех стадиях англо-тибетских переговоров и после подписания конвенции продолжал оставаться в Лхасе и пользоваться своими правами и привилегиями, из чего можно сделать вывод, что «Китай не включался в понятие “иностранная держава”». Отсутствие же подписи китайского представителя под Лхасской конвенцией Шаумян объясняет тем, что «вопрос о статусе Тибета полностью еще не был решен — английские власти должны были еще прийти к какому-то соглашению с Китаем по тибетскому вопросу»¹¹⁶. Как показывает исследование Сон Лимина, китайское правительство хотело, чтобы конвенция была заключена, прежде всего, между Англией и Китаем. Являясь вассалом Китая, Тибет, с точки зрения Пекина, был неправомочен

115 Song Liming. *The Younghusband Expedition...* P. 795, 799 (n.59).

116 Шаумян Т.Л. *Англия и Россия...* С. 114-115.

самостоятельно заключать международный договор с иностранной державой, и потому тибетские подписи, вернее печати (далай-ламская, трех лхасских монастырей и Национального собрания), под договором не имели юридической силы, что ставило под сомнение легитимность англо-тибетской конвенции. Это, впрочем, хорошо понимали и британские дипломаты. «Конвенция не была окончательной,— писал Чарльз Белл в книге «Тибет вчера и сегодня»,— поскольку не было получено согласия Китая, чей сюзеренитет над Тибетом мы признавали. Необходимые переговоры с этой державой должны были быть проведены после возвращения экспедиции на британскую территорию»¹¹⁷.

Главный вывод, который делает Сон Лимин в своей работе, посвященной экспедиции Янгхазбенда,— это то, что политика Китая в отношении Тибета в этот период была по существу «миролюбивой политикой». Китайское правительство пыталось, насколько могло, с одной стороны, убедить тибетцев в необходимости вступить в переговоры с англичанами и, с другой — уговорить английское правительство не посылать свои войска в Тибет, с тем чтобы избежать там военных действий и сохранить мир. В отличие от «наступательной» и «агрессивной» политики Керзона, шедшей вразрез с внешнеполитическим курсом Британской империи, политика Китая являлась «оборонительной и консервативной» и вполне согласовывалась с установками «китайской имперской внешней политики». В то же время Сон Лимин отмечает, что лхасские амбани (Ю Ган и Ю Тай) пытались извлечь максимальную выгоду из англо-тибетского конфликта. Они желали, чтобы англичане нанесли сокрушительное поражение тибетцам и тем самым преподали им урок. Подобное желание отвечало целям традиционной китайской политики «использования варваров для управления варварами» (*и и чжи и*). Приведа — руками англичан — тибетцев к повиновению, амбани, очевидно, рассчитывали укрепить свою власть и, следовательно, власть центрального правительства в Тибете. И хотя, пишет Сон Лимин, у нас нет доказательств, что император или Вайбу разделяли взгляды амбаней или соглашались с ними, хорошо известно, что после разгрома тибетцев у Гуру «они (пекинские власти) стали проявлять гораздо меньшую активность в своих усилиях остановить продвижение экспедиции Янгхазбенда»¹¹⁸. Сам

117 Bell Ch. *Tibet Past and Present*. P. 69.

118 Song Liming. *The Younghusband Expedition...* P. 795, 796.

Янгхазбенд до некоторой степени также содействовал намерениям китайцев, — находясь в Лхасе, он, например, заявил тибетцам, что Великобритания и Китай «действуют сообща», и его присутствие заметно усилило влияние амбаней в Тибете.

В России английская агрессия в отношении Тибета вызвала всеобщее осуждение, при этом особенно резкой была критика востокофильских кругов. На тибетский поход Янгхазбенда откликнулись большими и весьма эмоциональными статьями С.Ф. Ольденбург, В.А. Теплов и несколько позднее П.К. Козлов, а Э.Э. Ухтомский даже опубликовал целую книгу¹¹⁹. Говоря о причинах английской экспедиции, авторы, естественно, не могли не коснуться весьма щекотливой темы русско-тибетских отношений, в частности посещения России посольствами Доржиева. «Англия ошибается, полагая, что у России нет политических интересов в Тибете», — утверждал Ольденбург в рецензии на опубликованный английским правительством сборник документов, относящихся к экспедиции Янгхазбенда (так называемая «Синяя книга»). Керзон забыл, что Тибет посещается постоянно «поклонниками Далай-ламы с севера» и что это «один из крупнейших источников тибетских доходов, настолько важный для Тибета, что он никогда не согласится на закрытие тибетской границы для этих паломников». А с этими паломниками в Тибет постоянно будет притекать «чрезвычайно опасный элемент», с точки зрения Керзона, что делает бессмысленной его акцию. Признавая, что англичане имеют «самые серьезные права на постоянные, беспрепятственные сношения с Тибетом», по причине близости Индии к Тибету, Ольденбург в то же время указывал, что «и Англия не может и не должна забывать, что Россия, с её бурятами и калмыками и прилегающей к ней Монголией, (также) имеет серьезные интересы в Тибете и что она везде может поддержать их там». Его статья, впрочем, заканчивалась на довольно миролюбивой ноте, подчеркивалась необходимость «дружеского соглашения обеих держав» в тибетском вопросе, «при взаимном признании интересов обеих», отчего «обе они и Тибет могут только выиграть»¹²⁰. Э.Э. Ухтомский (книга которого была написана в самом начале похода Янгхазбенда), со своей стороны, более всего опасал-

119 См.: Ольденбург С.Ф. Новейшая литература о Тибете: Papers relating to Tibet. Сарат Чандра Дас // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. 356. Отд. II. С. 129-168; Он же: Англо-индийский поход в Тибет 1904 г. // Там же. 1905. Ч. 360. Отд. II. С. 197-227; Ч. 361. Отд. II. — С. 134-150; Теплов В. Английская экспедиция в Тибет // Русский вестник. 1904. Т. 290; Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма: К походу англичан в Тибет. СПб., 1904; Козлов П.К. Английская экспедиция в Тибет // Исторический вестник. 1907. № 5.

120 Ольденбург С.Ф. Новейшая литература о Тибете... С. 168.

Панчен-лама XIII, фото нач. XX в.

ся, что индийские сипаи, «как фанатики-иноверцы», разграбят и разрушат сокровенные ламаистские святилища с их драгоценными алтарями и библиотеками. В то же время он не скрывал досады из-за того, что англичане опередили русских в Тибете: «Мы опоздали со своим... стремлением войти в более интимное общение с царством Далай-ламы». Однако Ухтомский, как и Ольденбург, не считал победу англичан окончательной. Основываясь на буддийских пророчествах, он высказывал надежду, что в будущем один из двух великих лам-перерожден-

цев — Далай-лама или Панчен-лама — переродится «в сфере русского влияния», ибо ещё в середине 1880-х гг. тибетские ламы искали новое перерождение Панчен-ламы по Монголии и в Забайкалье. «Будь мы дальновиднее, — пишет Ухтомский, — ничего лучшего нельзя было бы и желать». А потому «Англия может лишь территориально обладать ламаистским миром, духовно покорить и приблизить его к себе удастся лишь тем, кто не подымет разрушающей длани на святыни буддизма»¹²¹.

Экспедиция Янгхазбенда, несмотря на то, что Керзон добился с её помощью своей главной цели — связать Тибет прочными узами с Индией и отчасти цели побочной — устранить там русское влияние, создала серьезные проблемы как для английского правительства, так и для англо-индийских колониальных властей. В более далекой перспективе она причинила немалый политический ущерб британским интересам в регионе, дестабилизировав обстановку в Тибете и во внутренней (буддийской) Азии в целом и вызвав всеобщий всплеск антибританских настроений (особенно в России). Наиболее негативное последствие английской интервенции — бегство Далай-ламы из Тибета, в результате чего в стране образовался весьма опасный «вакуум власти». По мнению П. Мехры,

¹²¹ Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма... С. 115, 128.

экспедиция была «политической катастрофой», хотя сам Керзон и считал её высшим достижением своего правления. Несколько иной точки зрения придерживается другой классик современной тибетской историографии А. Лэмб, считающий, что британская миссия в Лхасу «в конечном счете... проложила путь к возникновению независимого Тибета при правлении XIII Далай-ламы»¹²². Однако не следует забывать, что, прежде чем Тибет добился независимости (в 1913 г.), ему пришлось пройти через еще более суровые испытания – китайскую карательную экспедицию (1910–1912), которую многие исследователи рассматривают как прямое следствие экспедиции Янгхазбенда. Так, американский тибетолог М. Голдстейн считает, что, хотя британская политика в 1904–1906 гг. и привела к установлению прямых отношений между Индией и Тибетом и английскому присутствию в стране, всё же вторжение англичан в Тибет, поскольку оно не было подкреплено политическими мерами, оказалось «пирровой победой», подтолкнув Китай к активной аннексионистской политике в отношении Тибета¹²³.

И действительно, в ближайшие годы Лондону пришлось отказаться почти от всех «достижений» экспедиции Янгхазбенда. Так, уже при ратификации англо-тибетского договора в ноябре 1904 г. в его текст были внесены некоторые поправки: сумма контрибуции уменьшена втрое, а срок оккупации долины Чумби сокращен до трех лет. Т.Л. Шаумян видит в этом определенную уступку со стороны английского правительства России, а также свидетельство того, что отношения между Лондоном и Калькуттой в тот период носили «характер хронического разногласия» (выражение Бенкендорфа)¹²⁴. И с этим нельзя не согласиться, ибо, внося поправки в конвенцию, Лондонский кабинет, несомненно, пытался несколько ослабить негативное впечатление от предпринятой Керзоном и Янгхазбендом агрессии в глазах мировой, и в том числе российской, общественности. В дальнейшем Англия заключила с Китаем новые договоры по тибетским делам (конвенция 1906 г. и торговое соглашение 1908 г.), в которых признала сюзеренные права Пекина, обязалась не аннексировать тибетской территории и не вмешиваться во внутреннее управление Тибетом, оговорив лишь свое присутствие в пунктах, где ранее были учреждены английские торговые агентства — в Ятунге (у Сиккимской границы), Гартоке в Западном

122 Lamb A. *Tibet, China & India 1914-1950: A History of Imperial Diplomacy*. Hertford, Hertfordshire, 1989. P. 63.

123 Goldstein M.C. *A History of Modern Tibet, 1913-1951*. Berkeley; Los Angeles; London, 1989. P. 46.

124 Шаумян Т.Л. *Англия и Россия...* С. 116.

Тибете и Гьянцзе (на пути между Ятунгом и Лхасой). Кроме этого, Калькутта с разрешения китайского правительства соединила Гьянцзе телеграфным проводом с Индией.

Тем не менее, британским дипломатам не удалось избежать новых острых объяснений с Петербургом, воспринявшим Лхасскую конвенцию, вполне естественно, как нарушение Англией принятых на себя обязательств «не оккупировать тибетской территории и не вмешиваться во внутреннее управление страной», зафиксированных в особом меморандуме Форин оффиса. В результате Лэнсдауну пришлось убеждать русского дипломатического представителя в Лондоне (С.Д. Сазонова), что речь в договоре идет не об оккупации, а всего лишь о «временном занятии территории, находящейся далеко от центра Тибета», и потому у русского правительства не должно быть оснований для беспокойства. На замечание же Сазонова, что статья IX конвенции нарушает статус-кво в Тибете, Лэнсдаун ответил, что запрет на сношение иностранных государств с Тибетом распространяется и на Англию, которая, согласно конвенции, получила лишь некоторые привилегии в торговле. В этой связи английский министр просил русского дипломата довести до сведения русского правительства, что Англия «не намерена изыскивать поводы к уклонению от принятых на себя обязательств» и что в новых договорных отношениях по Тибету Англия останется верной духу данных России обещаний¹²⁵. И все же, несмотря на эти заверения главы Форин оффиса, сам факт заключения англо-тибетского договора означал изменение статус-кво в Тибете: конвенция, фактически, устраняла Россию с «тибетского поля» Большой игры и превращала Тибет в законную сферу английского влияния. Правда, в руках России все еще оставался «сильный козырь» — Далай-лама.

2.3. Пребывание Далай-ламы в Монголии

Бежавший (по совету Доржиева) во Внешнюю Монголию, в расчете на помощь и покровительство России, буддийский первосвященник прибыл со своим караваном в Ургу в середине ноября 1904 г. Это событие явилось полной неожиданностью для русской дипломатии. Не зная, как реагировать на него, В.Н. Ламздорф, еще

¹²⁵ Там же. С. 115.

до прибытия тибетского каравана, запросил мнение посланника в Пекине Лессара. В своем ответе министру от 6 ноября Лессар посоветовал на первых порах, учитывая ситуацию на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, «занять выжидательную позицию»: не предпринимать никаких действий, которые могли бы нарушить спокойствие в Монголии и вызвать подозрение китайских властей («если Китай увидит, что Далай-лама пользуется поддержкой императорского правительства, то его постигнет участь его предшественников»), и в то же время проявить должное уважение к Далай-ламе как главе буддийской церкви. Однако в том случае, если бы Далай-лама навлек на себя неудовольствие Китая и ему стала бы угрожать какая-либо опасность, то ради спасения его следовало бы «предложить ему гостеприимство в России». Более того, в случае признания Далай-ламы духовным главою всеми монголами, а также буддистами Китая, Тибета и Индии, Лессар предлагал образовать на территории России «общий центр могущественной религии», несмотря на сопряженные с этим значительные затраты. Далай-лама, по мнению посланника, также мог бы оказаться полезным для создания прорусской «партии» в Монголии, — но это только на более позднем этапе, «когда выяснится превосходство наших сил над японскими»¹²⁶. Таким образом, подход России к «вопросу о Далай-ламе» с самого начала был отмечен двойственностью: с одной стороны, Петербург не хотел проявлять какой-либо активности в отношении первосвященника, чтобы не раздражать Пекин, а с другой — рассчитывал при необходимости воспользоваться его услугами — как в религиозных, так и политических целях.

Появление Далай-ламы в Монголии, вблизи русской границы, вызвало крайнее недовольство китайского правительства. Хорошо понимая, что это может привести к наплыву буддистов-паломников из России в Ургу и к укреплению русско-тибетских связей, а следовательно, к дальнейшему ослаблению власти Цинов в Тибете, Пекин через ургинского амбана Ян Чжи потребовал, чтобы первосвященник переехал в город Синин, который находился неподалеку от Ланьчжоу, на «посольской дороге» из Урги в Лхасу. Этому же желал и монгольский Хутухта (Богдо-гэгэн), опасавшийся ослабления своего собственного престижа и сокращения приношений верующих в результате водворения Далай-ламы в Урге. (Всё так и произошло в действительности.) Однако подобное решение Пекина не устраива-

¹²⁶ Там же. С. 123-125.

Российское генконсульство в Урге. фото нач. 1900-х гг.
Архив РГО

ло ни самого Далай-ламу, бежавшего в столицу Монголии для переговоров с русским правительством, ни русское правительство, в руках которого таким образом неожиданно оказались главные нити тибетской интриги. К счастью, вскоре было найдено компромиссное решение — китайские власти разрешили Далай-ламе перезимовать в Урге, но весной он должен

был отправиться вместе с амбанем Ян Чжи в Синин «без малейшего промедления или задержки».

Обосновавшись в Урге, Далай-лама через Доржиева установил тесные контакты с русским консульством. Недовольный требованиями Пекина, он сообщил в декабре 1904 г. генконсулу В.Ф. Любе (заменил находившегося в отпуске Я.П. Шишмарева), что предпочел бы отправиться в Тибет вместо Синина, и, вместе с тем, напомнил, что приехал в Монголию «исключительно для того, чтобы воспользоваться советами и помощью России... и без совета русского правительства ничего не предпримет»¹²⁷. Тем временем МИД телеграфировало Лессару «соображения» Шишмарева, как эксперта, наиболее сведущего в монгольских делах, по поводу «прибытия Далай-ламы в Ургу и будущих наших отношений к этому событию». Шишмарев же считал нежелательным «слишком тесные сношения» с Далай-ламой, оказание ему поддержки с русской стороны и тем более его переселение в Россию, поскольку это возбудило бы «подозрительность и недоброжелательность Китая, с которым ныне необходимо поддерживать возможно хорошие отношения». В этой ситуации, по его мнению, более предпочтительным было

127 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 128.

бы «удаление Далай-ламы из Урги и вообще дальше от пределов России и переселение его ближе к Китаю и Тибету, с получением субсидии от русского правительства, дабы при его посредстве влиять на отдаленные монгольские районы». Оставаясь же в Урге или в каком-либо монгольском монастыре, например на реках Селенге или Орхоне, «Далай-лама утратит влияние среди ламаитов в Тибете и лишится материального обеспечения». Поводом же для его удаления из Урги могло бы стать «неудобство» пребывания Далай-ламы в приграничной области, вблизи значительного буддийского населения, проживающего в России¹²⁸.

К началу 1905 г. позиция русской дипломатии в «вопросе о Далай-ламе» становится более определенной: МИД хочет, чтобы первосвященник оставался в Урге — до тех пор, пока не прояснится положение России в русско-японской войне. Там оно сможет консультировать правителя Тибета с помощью русских представителей в Монголии, а значит и контролировать его шаги, и в то же время получать от его приближенных необходимую информацию о положении дел в Тибете. Что же касается самого Далай-ламы, то он, под влиянием Доржиева, как и прежде, связывал надежды на разрешение тибетского кризиса исключительно с Россией. А потому, когда в январе 1905 г. прибывшая в Ургу делегация тибетского духовенства пыталась уговорить его вернуться в Тибет и искать помощи у Германии и Франции, ввиду уклончивости России, он решительно заявил, что «не поедет в Лхасу, пока не получит из Пекина благоприятного ответа, а ждать помощи будет только от России»¹²⁹.

С наступлением весны Далай-лама начал проявлять заметную активность: он строит планы поездки в Петербург для встречи с царем и просит генконсула выяснить, может ли русское правительство «дать заверения в том, что Россия открыто перед всеми державами примет Тибет под защиту от Англии и Китая»¹³⁰. Этот шаг был сделан им для успокоения («смягчения») сильной тибетской оппозиции в своём окружении — сановников, которые выступали против его выезда из Тибета, утверждая, что Россия, в её нынешнем положении, не сможет оказать Тибету реальной помощи, и теперь, когда их прогноз подтвердился, возложили всю вину за случившееся на Доржиева. Эти же тибетцы-оппозиционеры были против

128 АВПРИ. Ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1454, лл. 83-84 об. Секр. телеграмма Н.Г. Гартвига П.М. Лессару.

129 Попов А. Россия и Тибет // Новый Восток. 1928. № 20-21. С. 36.

130 Там же. С. 37. См. также: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 263-265. Секр. телеграмма в МИД В.Ф. Любы, 14 апреля 1905.

визита Далай-ламы в Петербург, считая, что предварительно туда следует послать тибетского представителя для выяснения вопроса о «форме» русского покровительства. Далай-ламе пришлось согласиться с ними, и он отправил ранней весной в Россию — в Забайкалье — своего преданного бурятского советника: там Доржиев должен был ожидать разрешения МИД на поездку в Петербург. Сообщая в МИД о просьбе Далай-ламы, В.Ф. Люба отмечал: «Доржиев, передавая мне это новое ходатайство, объяснил его желанием Далай-ламы доказать тибетцам, что, отдаваясь под покровительство России, он спасает не только себя лично, но и Тибет»¹³¹. С отъездом Доржиева его место «секретаря» при Далай-ламе занял бурятский зайсан Найдак Дылыков, через которого в дальнейшем будут осуществляться все контакты тибетского иерарха с различными российскими представителями.

Выжидательная, с оглядкой на Пекин и Лондон, и откровенно конъюнктурная политика МИД в отношении Далай-ламы имела немало критиков в России, особенно среди сторонников продолжения русской экспансии в Центральной Азии. Так, в конце апреля петербургская газета «Рассвет» (выходила под редакцией Э.Э. Ухтомского) откликнулась на слухи о скором отъезде первосвященника из Урги следующим комментарием: «Бедный скиталец по Азии, воплощенное божество северного буддийского мира, изгнанник из Тибета, куда по нашему же недосмотру вторглись англичане, тщетно стучался в наши двери за все эти последние месяцы, тщетно пытался поддержать с Россией те связи, уповать на которые его обнадежило наше же МИД после миссий А. Доржиева, тщетно пытался выбраться из тисков зорко за ним присматривавшей китайской администрации. <...> Тяжко и горько это видеть приверженцам разумного русского поступательного движения в далекой Азии»¹³². Недовольные были и среди российского генералитета — хорошо известно, что наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев ратовал за переселение Далай-ламы в Россию, и его точку зрения разделяли и некоторые другие влиятельные генералы. Характерна в этой связи реакция главнокомандующего маньчжурскими армиями генерала Н.П. Линевича на решение МИД удалить Далай-ламу из Урги, выраженная в его телеграмме наместнику от 22 апреля: «Мы упускаем, может быть, навсегда случай получить возможность влиять в наших политических целях на

¹³¹ Там же. Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С.264

¹³² Рассвет. 1905. 28 апреля / 11 мая.

весь религиозный мир Монголии и, напротив того, восстанавливая религиозный центр в Лхассе, находящийся под непосредственным влиянием англичан, передаем это оружие в их руки»¹³³.

Не остались безучастными к судьбе Далай-ламы и петербургские востоковеды. В начале 1905 г. они устроили «частное совещание», участие в котором приняли С.Ф. Ольденбург, А.В. Григорьев, В.Л. Котвич, Ф.И. Щербатской, А.Д. Руднев, а также ургинский консул Я.П. Шишмарев и П.К. Козлов. Все, в общем, согласились с мнением Ольденбурга, что появление Далай-ламы в Урге, в соседстве с Россией, представляет собой уникальный «исторический момент», который в будущем может не повториться, и потому его следует «так или иначе использовать». В результате решили установить прямой контакт с Далай-ламой, отправив к нему известного путешественника и исследователя Тибета П.К. Козлова — для приветствования первосвященника и поднесения ему подарков от имени РГО за «гостеприимство», оказанное монголо-камской экспедиции общества в 1899–1901 гг. В то же время Козлову предстояло выяснить, какого рода помощь Далай-лама ожидает от России: «чем могла бы быть полезной Россия по отношению к Тибету»¹³⁴. Востоковеды также горячо поддержали идею Козлова о необходимости предоставления Далай-ламе, в случае его возвращения в Тибет, русского конвоя из казаков-ламаистов. Подобная инициатива была одобрена Главным штабом и заместником Е.И. Алексеевым, которому Козлов, накануне отъезда из Петербурга, направил проект о «конвое при Далай-ламе». Своё согласие также дало и руководство МИД, 5 апреля Козлов доложил о предстоящей поездке императору, после чего выехал в Монголию.

Одновременно с Козловым в Ургу по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии¹³⁵ отправились также буддолог Ф.И. Щербатской и его ученик, студент С.-Петербургского университета бурят по происхождению Бадзар Барадийн. Их поездка преследовала чисто научные цели — изучение быта буддийских монастырей Монголии и Тибета, и оба они, естественно, вступили в контакт с Далай-ламой и другими тибетцами из его свиты.

Период с мая по август 1905 г. оказался решающим в судьбе Далай-ламы. Визит в Ургу (в конце мая) нового российского пос-

¹³³ Цит. по кн.: Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы. М., 1993. С. 219.

¹³⁴ Архив РГО. Ф. 18, оп. 1, д. 153, л. 1. Козлов П.К. Дневник по поездке в Монголию (1905).

¹³⁵ Об этой организации см.: Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 390 (прим. 14).

ланника в Пекине Д.Д. Покотилова вселял определенные надежды. Покотиллов передал первосвященнику подарок Николая II (бриллиантовый перстень с портретом царя) и обещал ему, от лица российского самодержца, помощь («Государь Император всею душою сочувствует владыке Тибета и по возможности будет стараться в пользу его дела»¹³⁶). Затем на другой день (1 июня) Козлов приветствовал Далай-ламу от имени РГО и подтвердил обещание МИД о конвое. Далай-лама не скрывал своей радости, особенно из-за того, что конвой наполовину будет состоять из казаков-ламаистов. В заключение он заявил своему русскому гостю, что теперь будет дожидаться от императора ответа «на свои вопросы», и если ответ будет положительным, то отправится в Тибет, а если нет, то останется в Монголии. То есть Далай-лама все еще ожидал отклика на своё обращение к Петербургу, хотя бы в виде чисто декларативного заявления о том, что Россия готова взять Тибет под свою защиту.

Идея русского конвоя при Далай-ламе получила поддержку Покотилова, однако МИД (в начале июня) неожиданно выступило против, сославшись на то, что англичане «формально» отказались от «продиктованного» ими в Лхасе договора, а это означает, что Далай-лама может спокойно вернуться на родину¹³⁷. Для Козлова решение МИД означало, что Россия бросает несчастного владыку Тибета на произвол судьбы, предавая его в руки коварных англичан и продажных китайских чиновников. Но в то же время это было и крушение его собственных планов — побывать в Центральном Тибете и Лхасе. По возвращении в Петербург он передал императору (25 августа) личное послание Далай-ламы, содержащее его новые ходатайства и предложения. Прежде всего, Далай-лама просил оказать содействие намерениям тибетского правительства — «стремиться к тому, чтобы европейские державы признали независимость Тибета на правах и началах самостоятельного государства». Он также предлагал, чтобы в дальнейшем Россия и её заграничные представительства поддерживали с ним связь через четырех его «поверенных» из числа «единоверцев-бурят» — в Лхасе, Дацзянлу, Пекине и Урге (это предложение предварительно одобрили Д.Д. Покотиллов и В.Ф. Люба). Собственно же в России (С.-Петербурге) он оставлял в качестве своего представителя («поверенного в делах») Агвана Доржиева и просил оказывать

¹³⁶ Козлов П.К. Дневник по поездке в Монголию. Л. 6 об. Встреча Покотилова с Далай-ламой состоялась 31 мая 1905.

¹³⁷ Там же. Л. 12.

ему «соответствующее доверие и внимание». Далее, Далай-лама заявлял, что «тибетское правительство не будет препятствовать поездкам русских в Тибет с научными и коммерческими целями, а, напротив, будет оказывать им полное содействие и гостеприимство». Наконец, он обращался к императору с еще одной просьбой — о разрешении ему вместо официального конвоя (отменного МИД) взять с собой в Лхасу небольшой отряд бурят-казаков, численностью в 25 человек, во главе со старшим урядником. Содержание такого отряда Далай-лама соглашался принять на счет собственной казны, но просил, чтобы время пребывания в Тибете было зачтено бурятам за действительную военную службу¹³⁸. В своём дневнике Козлов поясняет — речь идет о «негласном эскорте», поскольку буряты отправятся в Тибет под видом паломников. Но главное — это то, что урядник должен будет выполнять назначение военного инструктора¹³⁹. Таким образом, очевидно желание Далай-ламы, во-первых, создать из преданных ему бурят-единоверцев свою личную гвардию и, во-вторых, приступить с русской помощью к модернизации тибетской армии. Вместе с этими просьбами Далай-лама послал в Петербург с Козловым в качестве подарка императору два своих карандашных портрета, нарисованных художником из Троицкосавска Н.Д. Кожевниковым. При этом он просил передать царю, что «никогда не давал срисовывать с себя портрета» и никогда не фотографировался, из чего можно заключить, что поступок Далай-ламы – совершенно исключителен и является выражением его особенного благоволения к русскому царю.

Предложения Далай-ламы были удовлетворены Петербургом лишь частично. МИД согласилось иметь особых представителей для сношений с Далай-ламой, прежде всего в Петербурге (Агван Доржиев) и Пекине (Бадмажапов), и также не возражало против научных поездок русских исследователей в Тибет. Отклонив просьбу о конвое при Далай-ламе (даже в виде «тайного эскорта» бурят-паломников), министерство разрешило Козлову отправиться в путешествие в горный Тибет (но не в Лхасу!), правда, поставив условием, что он совершит его самостоятельно, отдельно от Далай-ламы. В то же время желание Далай-ламы о том, чтобы Россия, совместно с другими европейскими державами, открыто признала

¹³⁸ Архив Музея-квартиры П.К. Козлова. Ф. 1, оп. 3, д. 7 / 58, л. 1 об. (копия).

¹³⁹ Козлов П.К. Дневник по поездке в Монголию. Л. 28.

Один из портретов Далай-Ламы, нарисованный Н.Д. Кожевниковым. 1905 г. Архив СПб. Ф РАН

мер, что мог бы «привести под власть России все народы Центральной Азии», ибо «кто хозяин в Монголии, тот будет рано или поздно хозяином во всей Азии»¹⁴⁰.

Эта деятельность Далай-ламы в критический период русско-японской войны не встретила, однако, сочувствия в Петербурге. По донесениям русской разведки, в Монголии, в середине 1905 г., под непосредственным влиянием Далай-ламы, началось сильное национальное движение — Далай-лама с единомышленниками монгольскими князьями, хутухтами и гегенами «бесповоротно решили отделиться от Китая в самостоятельное союзное государство, совершив эту операцию под покровительством и поддержкою России, избежав при этом кровопролития»¹⁴¹. В этой ситуации Петербург, опасаясь возможной смуты в Монголии, решил удалить Далай-ламу подальше от русской границы и начал готовить для этого необходимую почву: Покотилову в Пекине было поручено добиться от китайских властей гарантий безопасности Далай-ламы в случае его возвращения в Тибет. Слухи же о «кассировании» Англией Лхасской конвенции и ведущихся в Калькутте переговорах с целью за-

140 Белов Е.А. Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности 1906 года // Восток. 1966. № 4. С. 138.

141 Там же.

Тибет независимым государством, было явно неприемлемым, ибо шло вразрез с проводимым Россией курсом на сохранение целостности Китая. Следуя своей традиционной политике в Китае, Петербург стремился примирить «своенравного» Далай-ламу с Пекином и не сочувствовал его сепаратистским настроениям — объединиться с монголами в единое государство под русским протекторатом. Далай-лама же, находясь в Урге, развил бурную деятельность в этом направлении, используя открытое тяготение к нему монгольских князей. Так, он сделал ряд громких заявлений, напри-

ключения нового, справедливого англо-китайского договора о Тибете внушали надежду на скорое разрешение тибетского кризиса.

К концу своего пребывания в Урге Далай-лама начал испытывать определенное разочарование действиями русских властей. По отзыву кяхтинского пограничного комиссара А.Д. Хитрово (который встречался с первосвященником по поручению наместника), со стороны русского консульства Далай-лама встретил «любезное, но чрезвычайно сдержанное отношение», отчего у Далай-ламы и его приближенных «сложилось убеждение, что консул в Урге тяготится сношениями и под всякими предложениями отстраняется от них»¹⁴². Во время беседы с Хитрово Далай-лама осторожно намекнул на «отсутствие солидарности в действиях русских правительственных органов», что ставит его в «страшно затруднительное и неопределенное положение»¹⁴³. И действительно, в действиях учреждений и лиц, причастных в той или иной степени к решению весьма щекотливого вопроса о Далай-ламе, отсутствовали согласованность и взаимопонимание. Ключевые решения принимало министерство иностранных дел, полагаясь, прежде всего, на информацию и мнения своих представителей «на местах» (генконсул в Урге, посланники в Пекине и Лондоне). Это была умеренная и крайне осторожная линия, сводившаяся в конечном счете к необходимости примирить Далай-ламу с Цинами и вернуть в Тибет, сохранив при этом с ним прежние доверительные и дружеские отношения. В отличие от МИД представители военных кругов — как в Петербурге, так и на восточных окраинах империи (на Дальнем Востоке и в Забайкалье) — занимали гораздо более активную позицию, стремясь максимально использовать «ситуацию Далай-ламы». Они поддерживали идею переселения Далай-ламы в Россию, соглашались предоставить ему конвой из бурят-казаков и относились весьма сочувственно к планам Далай-ламы создать независимое «союзное» монголо-тибетское государство под эгидою России. Подобные взгляды во многом разделяли и ученые-востоковеды, сторонники более тесных контактов между Россией и Тибетом (С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, П.К. Козлов и др.). Несомненное влияние на тибетскую политику России оказывал и сам царь, продолжавший проявлять живой интерес к Тибету. В то же время, будучи вовлеченным в сложнейшую дипломатическую игру с Лондоном и

142 Там же. С. 137.

143 Там же. С. 138-139.

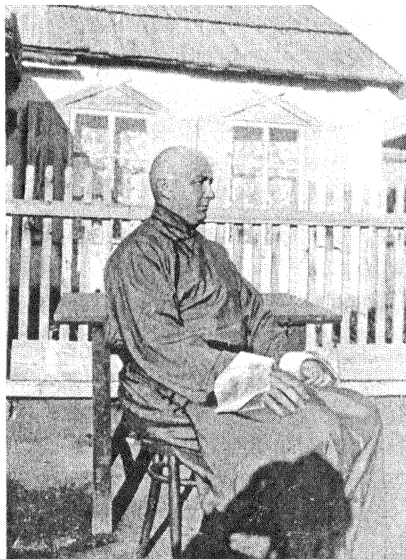
Пекином, Петербург также должен был прислушиваться к мнениям Форин оффиса и Вайубу и согласовывать свою линию с ними. Отсюда проистекали известные колебания МИД и непоследовательность в принятии решений, как это имело место, например, в принципиально важном для Далай-ламы вопросе о конвое. В то же время русские чиновники «на местах» иногда проявляли неподобающую самостоятельность, действовали «по обстоятельствам». Так, вопреки решению МИД, В.Ф. Люба в середине июля дал Далай-ламе от себя лично разрешение иметь конвой из бурят-казаков¹⁴⁴.

Несмотря на своё разочарование действиями Петербурга, Далай-лама все же продолжал оставаться русофилом и надеялся на то, что Россия, по окончании войны с Японией, сможет более активно заняться тибетскими делами. Он даже предложил русскому правительству своё посредничество в переговорах с японцами, но Петербург ответил на это вежливым отказом. Исчерпав возможности добиться реальной помощи от русских властей, Далай-лама в конце августа покинул Ургу и переехал, по приглашению монгольского князя Хандацинвана, в монастырь Ванкурень (Хандацинван), находящийся в северо-западном углу Халхи, в 300 км от Кяхты.

Подводя итог десятимесячному пребыванию Далай-ламы в Урге, следует сказать, что, хотя он и не добился своей главной цели — активной русской помощи против Англии и признания Россией независимости Тибета, этот период не был для него попусту потерянным временем. Тесно общаясь с русскими дипломатами, чиновниками, представителями ламаистского духовенства, военными и учеными, он смог составить себе некоторое представление о России, её административной системе, быте и культуре. Но и русские, со своей стороны, смогли лучше узнать правителя Тибета и составить о нем мнение. А.Д. Хитрово называет Далай-ламу «изумительно выдающейся личностью»; человек «высокообразованный, с прирожденным умом, несокрушимой упорной энергией и закаленным здоровьем», он поглощен «исключительно упорной, настойчивой, чисто политической деятельностью»¹⁴⁵. В этой связи нельзя не отметить особой роли Ф.И. Щербатского как первого западного учителя Далай-ламы. Их беседы касались в основном вопросов современной мировой политики, более всего интересовавших первосвященника, как-то: группировки и значение великих держав, их интерес к Тибету и т. д. У Далай-ламы, сообщал Щербатской, до

144 Архив СПб Ф РАН. Ф. 725, оп. 1, д. 129. Дневник Ф.И. Щербатского. Запись от 12 июля 1905.
145 Белов Е.А. Записка подполковника Генерального штаба Хитрово... С. 139, 140.

того времени были лишь «полумифические представления» о географии и астрономии, заимствованные из санскритской литературы. «Мне пришлось кратко изложить ему на тибетском литературном языке европейские представления о физической и политической географии, а также перевести все названия на картах учебного атласа Петри». Кроме того, Щербатский переводил для Далай-ламы, по его просьбе, все сообщения англо-китайских газет, касающиеся тибетского вопроса, а также написал от его имени по-английски письмо американскому ученому

Ф.И. Щербатский в Урге. Лето 1905 г.
Архив РГО

и дипломату (посланнику в Китае) В. Рокхиллю, в котором просил о содействии США в возвращении тибетского лидера на родину¹⁴⁶. Столь же дружеские отношения завязались у Далай-ламы и с П.К. Козловым. С последним он был особенно обходителен и любезен, поскольку видел в нем не столько представителя российских военных и научных кругов, сколько личного посланника императора, человека близкого ко двору, способного повлиять своим мнением на тибетскую политику России.

Не менее горячее участие в судьбе Далай-ламы и Тибета принял и акад. С.Ф. Ольденбург, один из наиболее активных членов «тибетского лобби» в Петербурге. Узнав об отъезде Далай-ламы из Урги, Ольденбург обратился с письмом к великому князю Константину Константиновичу (президенту Академии наук), в котором довольно резко высказался против принятого МИД решения — «предать Далай-ламу Англии и Китаю». «Для того, кто знает, что в 1901 г. Далай-ламе было дано за подписью Государя Императора уверение в том, что Россия будет отстаивать Тибет, — писал Ольденбург, — невыносимо больно то решение, которое принимается теперь, потому что им затронута честь России, то, что для нас дороже всего на свете. Сознывая вероятную бесполезность этого шага, я все же

¹⁴⁶ Щербатский Ф.И. Краткий отчет о поездке в Ургу (1905) // Восток – Запад: Исследования, переводы, публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 252; Дневник Ф.И. Щербатского. Запись от 22 июня 1905.

хочу отписать гр. Ламздорфу, как русский человек близко знакомый с делом. Боюсь, что англичане ловко обошли гр. Бенкендорфа, который, судя по его прежним действиям, очень плохо осведомлен. <...> МИД требует возвращения Далай-ламы в Лхасу, обещая ему тогда содействие. Это горькая ирония, потому что в Лхасе теперь Россия бессильна!»¹⁴⁷.

Еще один востоковед, силою обстоятельств вовлеченный в сложную международную интригу вокруг Далай-ламы,— Бадзар Барадийн. В середине октября он прибыл из Урги в Ванкурень и находился в свите Далай-ламы до начала марта 1906, после чего отправился вслед за буддийским иерархом в Восточный Тибет, в Амдо. По просьбе первосвященника, Барадийн занимался в Ванкурене переводом тибетских государственных документов, относящихся к вопросу о «юридической зависимости Тибета от Китая», поскольку Далай-лама хотел доказать русским властям законность своей светской власти над Тибетом. «Тяготение нынешнего Далай-ламы и его партии к России,— писал в своём дневнике Барадийн,— имеет скорее исключительный характер, чем явление, имеющее более глубокие исторические корни». Тибетский народ не имеет никакого понятия ни о Европе, ни о России, «кроме дикого суеверного представления о европейцах вообще как о неведомых варварах с того света». Даже представители «высшего класса» до сих пор не видят различия между русскими, англичанами и другими европейскими народами. В своей ориентации на Россию Далай-лама мог ссылаться только на пророчество Будды Шакьямуни о том, что его религия будет распространяться на Север¹⁴⁸.

Переехав в Ванкурень, Далай-лама не утратил связи с русским правительством: последнее продолжало выступать в роли посредника между ним и китайской администрацией и консультировало его через своих представителей в Урге и Пекине (Люба, Кузьминский, Покотилев). В целом, надо сказать, что, подписав мирный договор с Японией (5 сентября 1905), Россия вновь стала проявлять некоторое внимание к Тибету, но это и понятно, ибо вопрос о дальнейшей судьбе Далай-ламы всё ещё оставался открытым. В конце сентября Пекин предпринял новую попытку удалить буддийского иерарха из Внешней Монголии, стремясь таким образом вырвать

147 Архив СПФ РАН. Ф. 6, оп. 1 (1905), д. 27, л. 64 об., 65. Письмо С.Ф. Ольденбурга вел. кн. Константину Константиновичу, 28 сентября 1905.

148 Хижняк О.С. Б.Б. Барадийн о Далай-ламе XIII Тубтене Гьяцо (по материалам дневника путешествия 1905–1907 гг.) // Труды Государственного Музея истории С.-Петербурга. 1998. Вып. 3. С. 134–135.

его из сферы русского влияния. Этому активно добивались главные «гонители» Далай-ламы в Урге — монгольский Хутухта и амбань Ян Чжи. Однако Далай-лама отказался подчиниться требованию Пекина — он не хотел возвращаться в оккупированный англичанами Тибет и просил русское консульство направить к нему своего сотрудника. В результате Покотилову пришлось вступить в переговоры с Вайубу и добиться от Пекина согласия на то, чтобы Далай-лама остался на зимовку в Ванкурене. Таким образом, русская дипломатия, не желая того, вновь оказалась втянутой в тибетские дела. Выступая защитницей Далай-ламы перед Пекином (в глазах тибетцев), она, тем не менее, не изменила своей принципиальной позиции, настаивая на возвращении Далай-ламы в Тибет.

Тем временем прибывший осенью 1905 г. в Петербург в качестве «посланца» Далай-ламы Доржиев передал в МИД докладную записку о положении Тибета в связи с вооруженным вторжением англичан. Доржиев охарактеризовал это положение как «безвыходное»: Тибет лишен законного правительства, и вместе с тем Далай-лама не может вернуться на родину по причине продолжающейся оккупации страны англичанами. Тибетцы, утверждал Доржиев (имея в виду, очевидно, «партию Далай-ламы»), считают всяческое сближение с Англией «нежелательным» и «весьма вредным» для интересов Тибета, так как «образ действия» Англии в Индии и других азиатских странах «не внушает доверия и уважения к ней». Доржиев далее отмечал противоречивый характер британской политики: с одной стороны, Англия «признала сюзеренитет Китая над Тибетом», а с другой — заключила договор с представителями тибетского правительства, что ставит страну в «неопределенное положение». Поэтому тибетцы ищут защиты у России и других великих держав, желая добиться «окончательного признания за ними самостоятельности и независимости». В то же время они готовы предоставить всем державам, имеющим интерес в Тибете, право иметь своих представителей «при Далай-ламе» в Лхасе, чтобы тем самым облегчить сношения Тибета с державами «по торговым и иным делам». В заключение Доржиев выдвинул два основных условия, при которых Далай-лама смог бы вернуться в Лхасу: во-первых, из Лхасы должен быть удален («отозван») нынешний китайский резидент (амбань), имеющий слишком большую власть в Тибете, и, во-вторых, англо-тибетский договор (Лхасская конвенция) должен быть расторгнут и вместо него заключен новый договор «с согласия и ведома Далай-ламы как

Верховного Правителя страны». В случае же своего возвращения в Тибет, Далай-лама желал бы получить русский конвой — ибо, несмотря на обещание Китая обеспечить ему безопасность при обратном путешествии, он «не доверяет китайцам»¹⁴⁹.

Неделю спустя (25 сентября) Доржиев был приглашен в 1-й департамент МИД для беседы по поводу «настоящего положения» Далай-ламы, в ходе которой ему вновь указали, что «основную целью» первосвященника должно быть возвращение в Лхасу. Продолжительное отсутствие его лишь содействует усилению власти китайцев, с одной стороны, и, с другой стороны, «облегчает возможность всяких происков англичан», в то время как личный престиж и авторитет Далай-ламы ослабевают. Предложение Доржиева «возобновить наши представления в пользу Тибета» и назначить официального русского представителя, который бы отправился в Лхасу вместе с Далай-ламой, в МИД отклонили на том основании, что «всякое явное покровительство или посредничество России было бы на деле вредно самому Далай-ламе, давши повод видеть в нем ставленника России». В то же время министерство не возражало против того, чтобы затребовать у Лондона «некоторые дополнительные гарантии» в качестве необходимого предварительного условия возвращения Далай-ламы в Лхасу. Доржиев в принципе согласился с соображениями МИД, обещав представить их на рассмотрение главы Тибета, и лишь просил о том, чтобы обещания, данные ранее Великобританией и Китаем русскому правительству, были «в письменной форме точно повторены» Далай-ламе¹⁵⁰.

В результате 7 февраля 1906 г. Ламздорф направил Далай-ламе через Доржиева письмо, в котором повторялись заверения, данные Англией и Китаем России относительно Тибета. Так, он процитировал заявление Лэнсдауна от 20 мая 1904 г., в котором, в частности, говорилось, что, «пока никакая Держава не будет стремиться вмешаться в дела Тибета, Великобританское Правительство не делает попыток ни к присоединению этой страны, ни к установлению над ней протектората, ни к вмешательству в её внутреннее управление». Эти уверения своего коллеги Ламздорф охарактеризовал как имеющие «вполне положительный и определенный характер» и служащие в известной мере «гарантией сохранения Тибетом политической независимости». Затем министр привел данное князем

149 Цит. по кн.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 266-267. Письмо Доржиева в МИД, 16 сентября 1905.
150 Там же. С. 268.

Цином Покотилову от лица китайского правительства обещание командировать сильный военный отряд для охраны и сопровождения Далай-ламы, а также его слова, что Далай-ламе «не должно беспокоиться и сомневаться о своей судьбе». Такое заявление китайского правительства, резюмировал Ламздорф, «налагает на него нравственное обязательство соблюдать данное обещание и служит, по мнению МИД, вполне достаточным обеспечением Вашей безопасности в продолжение обратного следования Вашего Преосвященства в Тибет»¹⁵¹.

Две недели спустя (22 февраля 1906) Доржиев был принят в аудиенции императором, которому передал слова тибетского владыки о его «неизменной преданности и благодарности (царю) за постоянное благосклонное внимание к делам Далай-ламы и Тибета». Предполагая вскоре, по совету русского правительства, вернуться в Тибет, Далай-лама устами Доржиева заверил российского монарха, что он «принял меры», чтобы русские исследователи и путешественники «встречали в Тибете самый радушный приём». В ответном слове Николай II отметил, что ему всегда дороги интересы миллионов его подданных буддистов — «паствы Его Святейшества», равно и интересы Тибета. «Пусть мне верят, что я и со мною Россия всегда готовы помочь Тибету настолько, насколько располагаем средствами и силами, и, я надеюсь, через некоторое время мы окажем Его Святейшеству еще более сильную и желательную для Тибета помощь»¹⁵². Царь также рекомендовал Далай-ламе «во всех делах пользоваться услугами» российского посланника в Пекине Д.Д. Покотилова.

Надо сказать, что обещания царя не были простыми словами вежливости. Вскоре после этой аудиенции (в начале марта) Доржиев передал в Главный штаб новое ходатайство о конвое для Далай-ламы — шаг вполне логичный, поскольку вопрос о возвращении последнего в Лхасу на тот момент казался уже решенным. Доржиев, в частности, просил: увеличить численность конвоя до 30 человек (с тем, чтобы транспорт для конвоя был принят на счет Далай-ламы, а его продовольствие — на счет русского правительства); выдать денежное пособие конвоирам на продовольствие и, наконец, продать Далай-ламе некоторое количество ручного огнестрельного оружия (револьверов) для обеспечения его безопасности в пути, причем лучший из револьверов для самого первосвященни-

¹⁵¹ Архив СПФ РАН. Ф. 208, оп. 1, д. 146, л. 9-10. Письмо МИД Далай-ламе, копия.

¹⁵² Цит. по кн.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 157-158.

ка¹⁵³. Передавая содержание просьбы Доржиева в Главное артиллерийское управление (ГАУ), Главное управление казачьих войск сочло необходимым напомнить последнему, что император ранее поддержал проект о назначении Далай-ламе конвоя, приведя его резолюцию на телеграмме в МИД управляющего ургинским консульством: «Следует помочь конвоем». В результате 12 марта последовало «высочайшее соизволение» — согласие императора удовлетворить просьбу посланца Далай-ламы. Некоторое время спустя Доржиев обратился в Главное управление Генштаба (ГУГШ) с новой просьбой — о безвозмездном отпуске ста трехлинейных винтовок с патронами «для вооружения свиты Далай-ламы, сопровождающей его из Монголии в Лхасу». Начальник Генштаба Ф.Ф. Палицын согласился удовлетворить такое ходатайство, при этом в своем письме новому военному министру А.Ф. Редигеру он отметил: «Поверенный Далай-ламы полагает крайне необходимым для тибетцев возможно полное ознакомление с современным ручным оружием ввиду предстоящего перевооружения тибетских войск»¹⁵⁴. Сделка, однако, не состоялась из-за вмешательства МИД, которое заявило, что считает исполнение ходатайства Доржиева нежелательным «по соображениям политического характера»¹⁵⁵.

Приведенные факты свидетельствуют не только об активности Доржиева, стремившегося воспользоваться благоприятной ситуацией (данными ему царем обещаниями), чтобы добиться осуществления планов Далай-ламы, а по сути, своих собственных планов, но и определенной активности военных кругов России в «деле Далай-ламы», что прежде всего объяснялось желанием военных укрепить с помощью Далай-ламы русское влияние в соседней Монголии. Известно, например, что в конце 1905 г. в Ванкурень был отправлен отряд из 20 бурят-казаков во главе с офицером, а затем туда же тайно прибыл посланный Хитрово чиновник Кострицкий с конвоем из пяти нижних чинов (под видом паломников), сопровождавшим монгольскую депутацию из Джеримского сейма к Далай-ламе (самому Хитрово МИД категорически запретил такую поездку). Еще один любопытный факт — один из тибетцев в свите Далай-ламы, Наванг Дазанг Дамдул (в будущем он станет главнокомандующим тибетской армии и одним из главных реформаторов Тибета, известным под именем Царонга Шапе), по сообщению его

153 Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВ и ВС, С. Петербург). Ф. 6, оп. 8/2, д. 149, л. 26.

154 Там же. Л. 39. Письмо Ф.Ф. Палицына А.Ф. Редигеру от 25 апреля 1906.

155 Там же. Л. 41. Ответ из МИД на отношение ГАУ последовал 5 мая 1906.

сына Д.Н. Царонга, прошел в течение двух месяцев «русскую военную подготовку» в Ванкурене¹⁵⁶, вероятно, под руководством находившихся при Далай-ламе бурят-казаков. (Речь в данном случае, скорее всего, идет об обучении тибетца строю и стрельбе.) Но этот факт позволяет предположить, что, возможно, и другие тибетцы из свиты Далай-ламы прошли подобную военную подготовку.

В начале 1906 г. в Петербург вернулись два участника секретной «калмыцкой миссии» в Тибет, отправленной А.Н. Куропаткиным: Данбо Ульянов и Лиджи Шарапов. Что касается её руководителя Нарана Уланова, то он погиб в самом начале путешествия (умер от горной болезни), и его место во главе отряда занял вероучитель (*бакша*) Ульянов. Он-то и привел калмыков в Лхасу в мае 1905 г. В своём отчете военному министерству, Д. Ульянов сообщал, что они пробыли в Лхасе около трех месяцев — совершили поклонение буддийским святыням и наиболее почитаемым тибетским ламам-перерожденцам, как того требует обычай, а также приобрели полное собрание канонических буддийских текстов (Ганджур и Данджур) для музея Александра III (ныне Российский этнографический музей). В то же время Ульянов, по собственной инициативе, занялся просвещением тибетцев, распространяя среди них заранее отпечатанную ксилографическим способом «брошюру», озаглавленную «Посол истинной мудрости, разыскивающий Северную Шамбалу в четырех странах света». По сути, это был перевод на тибетский язык одного из разделов «крестного календаря» за 1904 г. под рубрикой «Важнейшие государства земного шара и их правители», сделанный с целью рассеять невежество тибетцев, не видевших разницы между русскими и англичанами. К этому переводу Ульянов добавил религиозные рассуждения на тему о том, что Россия — это и есть блаженная «Счастливая страна» северных буддистов (Северная Шамбала), где в будущем «по сказанию должен воплотиться Будда». Отпечатав в одной из монастырских типографий в Лхасе несколько тысяч (!) экземпляров своего сочинения, Ульянов роздал его ученым ламам, а также правителям Тибета, в частности регенту Три Римпоче (подписавшему Лхасскую конвенцию) и калону (министру) Царонгу, которые остались ею очень довольны. Кроме этого, калмыцкий бакша подал регенту пространный письменный «доклад», содержащий теолого-генеалогическое

¹⁵⁶ Tsarong Dundul Namgyal. In the Service of His Country. The Biography of Dasang Damdul Tzarong Commander General of Tibet. New York, 2000. P. 20.

исследование с целью доказать, что родоначальник династии Романовых царь Михаил Романович и нынешний император Китая — близкие родственники: в одном из прошлых рождений (восемь веков тому назад) они были тибетскими купцами-братьями. Этим своим выводом автор доклада недвусмысленно давал понять регенту, что Тибету следует искать покровительства только России и Китая, а никак не Англии, страны, глубоко враждебной буддизму, тем более что большая часть соседней Индии населена мусульманами¹⁵⁷. Таким образом, мы имеем любопытное свидетельство о том, что летом 1905 г., в то время как Петербург пытался всячески отстраниться от активного вовлечения в тибетские дела, калмыцкие буддисты во главе с Ульяновым занимались прорусской агитацией в Лхасе, укрепляя пошатнувшееся там, вследствие похода Янгхазбенда, влияние России. Примечателен также и тот факт, что в июне 1906 г. «С.-Петербургские ведомости» предали гласности путевые записки Ульянова. Произошло это как раз в тот момент, когда в Петербурге начались англо-русские переговоры по Тибету, что наводит на мысль о целенаправленной акции издателя газеты и убежденного сторонника русско-тибетского сближения кн. Э.Э. Ухтомского¹⁵⁸. (Впоследствии Ульянову удалось опубликовать книгу о своем тайном путешествии в Тибет вместе с упомянутым выше генеалогическим трактатом, приурочив публикацию к 300 летию дома Романовых¹⁵⁹.)

Поворотным пунктом в разрешении тибетского кризиса, вызванного английской интервенцией в Тибет, стало заключение Англией нового договора с Китаем о Тибете (подписан в Пекине 27 апреля 1906), который, по сути, являлся смягченным вариантом Лхасской конвенции. Этому событию предшествовали радикальные перемены в английской политике, вызванные приходом к власти в конце 1905 г. лейбористской партии: лейбористы отправили в отставку Керзона и взяли курс на сближение с Россией и устранение англо-русских разногласий в Азии с целью ликвидации главных очагов напряженности в регионе. Согласно новому договору, британское правительство обязалось не аннексировать тибетской территории и не вмешиваться во внутреннее управление Тибетом;

157 РГИА. Ф. 447, оп.1, д. 77, лл. 57-59. Отчет Д. Ульянова военному министру, 5 апреля 1906 г. См. также: Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы... С. 43-47.

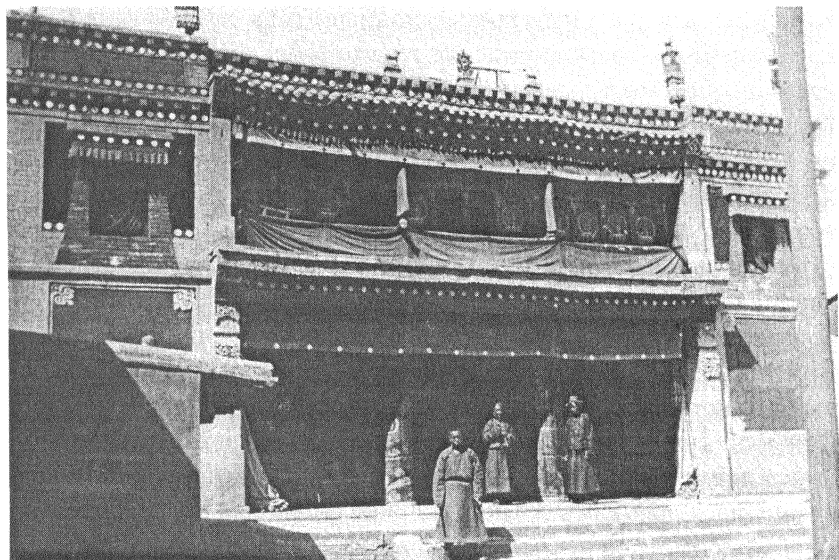
158 С.-Петербургские ведомости. 1906. 1 июня.

159 Данбо Ульянов. Предсказание Будды о Доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904-1905 гг. СПб., 1913.

Китаю были возвращены концессионные права, хотя Англия выговорила себе право на проведение телеграфных линий от индийской границы к своим торговым рынкам в Тибете. Заключив договор с Китаем о Тибете, без участия тибетского правительства, англичане, по словам Ч. Белла, повторили «старую ошибку», что в дальнейшем дало повод для законных претензий Лхасы¹⁶⁰. В то же время этот договор значительно упростил задачу Лондона на переговорах с русским правительством по тибетским делам, начавшихся месяц спустя в Петербурге.

В середине апреля 1906 г. — за две недели до подписания в Пекине нового англо-китайского договора — Покотиллов вновь обсуждал с чиновником Вайубу Лян Фаном вопрос о Далай-ламе. Лян Фан сообщил российскому посланнику, что китайское правительство в принципе не изменило своего взгляда о желательности возвращения Далай-ламы в Тибет, однако хотело бы предварительно выяснить «настроение умов» в Тибете, опасаясь, что прибытие первосвященника могло бы вызвать в стране политические волнения. С этой целью оно назначило нового резидента в Лхасу. То есть Пекин, ещё недавно энергично добивавшийся «водворения» своего Далай-ламы в Тибет, заметно смягчил свою позицию и уже не настаивал на его немедленном возвращении. Посетившие Далай-ламу в июне в халхаском монастыре Заин-кюре (куда он переехал из Ванкюреня) китайские послы Бодису и Дашау говорили с ним в явно примирительных тонах. Сам же маньчжурский император в письме тибетскому владыке, доставленном этими послами, выражал свою обеспокоенность судьбой последнего и сообщал о том, что послам было поручено выяснить «дальнейшие желания Далай-ламы». В своём ответе посланцам Пекина Далай-лама заявил, что считает «последние осложнения» в Тибете «не столько произволом Индийского правительства», сколько результатом политики китайских амбаней, «действующих исключительно в пользу Англии, страны единственно враждебной Тибету». Кроме того, правительство Китая «не обращало сколько-нибудь серьёзного внимания» на его многочисленные ходатайства, относясь слишком безучастно к Тибету, хотя во всех своих обращениях к трону он «уповал на милости и защиту Богдыхана и продолжал оставаться в Монголии лишь в ожидании таких милостей». В то же время Далай-лама попытался разузнать у послов о содержании

¹⁶⁰ Bell Ch. Tibet Past and Present. P. 88.

Монастырь Гумбум. Лавран Далай-ламы. Фото П.К. Козлова.

недавно подписанного в Пекине англо-китайского договора — то, чего не смог сделать по его просьбе Покотилов и что, фактически, удерживало его от принятия окончательного решения о возвращении в Тибет. Послы, однако, дали весьма уклончивый и неконкретный ответ, уверяя Далай-ламу лишь в том, что ему теперь «опасаться нечего» и что «тибетский вопрос улажен недавно состоявшимся соглашением Китая с Англией»¹⁶¹. Таким образом, можно говорить об определенном сдвиге в отношениях Далай-ламы к Пекину, которые, как и отношения Пекина к нему, становятся более примирительными после заключения англо-китайской конвенции. Но именно к этому и призывали Далай-ламу русские дипломаты, недовольные его слишком непримиримой позицией по отношению к китайским властям.

В июле 1906 г. Далай-лама, следуя советам курирующих его русских дипломатов, покинул Заин-куре и после короткой остановки в ставке Саин-нойон хана перебрался в монастырь Гумбум в Амдо, т. е. окончательно оставил Халху. О своём выезде из Монголии он просил ургинское консульство довести до сведения русского царя — сообщить ему, что «он по-прежнему неизменно предан

¹⁶¹ Архив СПФ РАН. Ф. 208, оп. 3, д. 196, лл. 7 об., 9 и 9 об. Письмо Добданова Ольденбургу из Заин-куре, 13 июня 1906.

России и не обратится ни к кому другому за советом и помощью»¹⁶². Он также просил оставить «на тибетской службе» бурят Бадмажапова, Бимбаева, Добданова и Галсанова и послать вслед за ним в Гумбум «одного опытного человека», желательно Дылыкова, «с тремя или четырьмя рассыльными казаками» для сношения с Россией. Однако против этого возражал новый министр иностранных дел А.П. Извольский, — ссылаясь на начавшиеся переговоры между Россией и Англией, он заявил, что в этой ситуации непосредственные официальные сношения с Далай-ламой, или же сношения с ним через лиц, состоящих на русской государственной службе, являются недопустимыми. В то же время он считал возможным общение Далай-ламы с русскоподданными-буддистами, а также, в случае необходимости, с посланником в Пекине Покотиловым. В результате к концу 1906 г. МИД полностью ликвидировал русскую политическую агентуру при Далай-ламе и закрыл, фактически, несуществующее консульство в Дацзянлу. Впрочем, дипломатическое ведомство сохранило за Доржиевым в Петербурге его особый статус «посланца Далай-ламы».

Таким образом, завершилась важная глава в истории русско-тибетских отношений — период наиболее активного взаимодействия Петербурга и Лхасы, на заключительном, как казалось многим тогда, этапе Большой игры.

¹⁶² Цит. по кн.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 169.

Глава 3

Англо-русское размежевание в Азии и тибетский вопрос, 1906 – 1914

«Карта, показывающая положение Тибета относительно России, Индии и Китая» из кн.:
L.A.Waddell. Lhasa and its Mysteries. London, 1906.

3.1. Англо-русская конвенция 1907 г. и её влияние на тибетскую политику России

Потерпев сокрушительное поражение в войне с Японией, Россия не могла продолжать прежний экспансионистский курс на Дальнем Востоке и в Азии вообще. Это сделало жизненно необходимым соглашение по азиатским вопросам с её главным соперником на континенте. К такому шагу царскую дипломатию подталкивала и новая расстановка сил на европейской политической сцене, где, в результате ослабления царизма, необычайно возрос удельный вес недавней союзницы России Германии. В мае 1906 г. новым министром иностранных дел стал А.П. Извольский — сторонник англо-русского сближения. По мнению Извольского, «исход военной кампании и создавшееся отчасти благодаря ему крайне тяжелое внутреннее положение в стране доказали невозможность продолжения традиционной внешней политики», и в этой связи 1905 год явился «поворотным пунктом» в истории отношений России и Англии. «На очереди стояла настоящая необходимость обеспечить безопасность России на всем громадном протяжении её дальневосточных окраин вплоть до её европейских границ, путем выработки целого ряда соглашений. Среди них, бесспорно, важнейшим являлось соглашение с Англией»¹.

Англия и Россия приступили к переговорам по всем спорным азиатским вопросам в начале 1906 г., при этом тибетский вопрос был одним из наиболее острых. В предыдущей главе уже говорилось, что русское правительство (МИД), принимая те или иные решения по «делу Далай-ламы» в период его первой эмиграции, в большой степени ориентировалось на мнения лондонского кабинета. Так, оно перестало настаивать на скорейшем «воворении» Далай-ламы в Лхасу, поскольку против этого возражал Форин оффис, опасавшийся, что возвращение враждебно настроенного к англичанам буддийского иерарха может спровоцировать антибританские выступления в стране. Подобные же «волнения» могло вызвать и появление в Лхасе русского военного отряда, в качестве конвоя Далай-ламы, не говоря уже о том, что лондонский кабинет воспринял бы эту акцию как удар по «английскому престижу» в

¹ Цит. по кн.: Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 г. Влияние русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов, 1977. С. 170–171.

Тибете и, очевидно, принял бы соответствующие меры, а это могло бы повлечь за собой серьезный конфликт с Англией. Руководствуясь этими соображениями, МИД, как мы помним, отклонил в мае 1906 г. поддержанный Главным штабом и лично императором проект Доржиева о конвое при Далай-ламе. По той же причине дипломатическое ведомство выступило и против посылки в Лхасу русского чиновника (Дылыкова). Однако, идя навстречу пожеланиям Лондона, Петербург ставил себя в весьма двусмысленное положение в глазах «врага англичан» Далай-ламы и его окружения. Более того, запрет на поездку Дылыкова в Тибет фактически означал, что Россия утрачивает прямые контакты с Далай-ламой. Обеспокоенный этой возможностью Покотилов писал в МИД 24 апреля / 7 мая 1906: «Отказ от посылки Дылыкова в Тибет (о чем, как уже говорилось, просил Далай-лама), который последовал бы немедленно за запрещением нашему конвою переходить границу Тибета, был бы истолкован Далай-ламой как полный разрыв сношений с ним с нашей стороны и заставил бы первосвященника или отказаться от поездки в Тибет или побудил бы его до возвращения туда отдаться всецело на волю англичанам»². Совершенно очевидно, что к началу лета русская дипломатия подошла к такой точке, когда она уже более не могла проводить свою прежнюю уклончиво-выжидательную линию в тибетском вопросе без серьезного ущерба для русских интересов в Центральной Азии.

Официальные переговоры с Англией начались после того, как новый английский посол в Петербурге Артур Никольсон передал в МИД (24 мая / 7 июня) проект договора о Тибете. Он состоял из пяти основных пунктов и одного дополнительного:

1) признание сюзеренитета Китая над Тибетом, территориальная неприкосновенность последнего и невмешательство в его внутренние дела;

2) признание особой (в силу её географического положения) заинтересованности Великобритании в том, чтобы «внешние сношения Тибета не нарушались никакою другою державой»;

3) отсутствие дипломатических представительств держав в Лхасе;

4) отказ держав от всякой концессионной политики в Тибете;

5) неприкосновенность доходов Тибета.

² Цит. по кн.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 175.

Наконец, дополнительный пункт гласил, что русские должностные лица не могут пребывать в Лхасе «ни в каком качестве»³. Вместе с проектом будущего договора Никольсон также передал Извольскому текст только что подписанной англо-китайской конвенции о Тибете.

Тщательно рассмотрев эти предложения, Извольский подал (30 мая) докладную записку императору, в которой изложил свои взгляды по тибетскому вопросу. В самом её начале он сформулировал «ближайшую» и единственную, с его точки зрения, на тот момент цель тибетской политики России: «ограждение в пределах возможности обособленности Тибета, дабы предотвратить поглощение его Англией». После краткого экскурса в историю англо-тибетских отношений, Извольский вынужден был признать, что «Англия имеет в Тибете такие права и преимущества, с которыми нельзя не считаться, не говоря уже о том, что страна эта граничит с Индийскими владениями»⁴. Россия же не может «выставить эквивалента подобным данным» — её единственным аргументом являются религиозные интересы, и помимо них, «никаких средств воздействия на Тибет мы не имеем». Единственная возможность влиять на Тибет связывалась в последние годы с тяготением к России нынешнего Далай-ламы, который стремится при русской поддержке добиться для Тибета «полной самостоятельности», не принимая при этом во внимание всех происшедших за последнее время событий. Однако, по мнению министра, строить расчеты на будущее «на такой почве» нельзя: «зависимость политики от личности — слишком шаткое основание вообще, а в вопросе тибетском в особенности», учитывая тот факт, что тибетские Далай-ламы «никогда не умирали естественной смертью и всегда быстро сходили со сцены, служа лишь игрушкой в руках правящего на деле страной высшего местного духовенства». Если же нынешнего главу Тибета и буддийского мира постигнет такая участь, что «более, чем вероятно», в Лхасе могли бы восторжествовать «иные течения», совершенно чуждые России. А потому, делал вывод Извольский, было бы «весьма ценным» заключить соглашение, «связывающее свободу действий англичан», и такое соглашение могло бы послужить «фундаментом» для будущих взаимных отношений России и Англии в тибетском вопросе.

3 Попов А. Россия и Тибет // Новый Восток. 1928. № 20-21. С. 51; Остальцева А.Ф. Указ. соч. С. 225-226.

4 Цит. по кн.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 269-270.

В целом Извольский отнёсся одобрительно к предложенному Англией проекту договора. В то же время он сделал несколько замечаний, в частности, по второму и дополнительному пунктам, в которых непосредственно затрагивались интересы России. Говоря о «внешних сношениях» Тибета, англичане, по его мнению, скорее всего, имели в виду «сношения Далай-ламы с Россией». Эти сношения, напомнил царю Извольский, начались в 1898 г. с приезда Доржиева в Петербург и продолжались с тех пор непрерывно, в результате чего русское правительство «поспешило» учредить особое консульство в Дацзянлу. Несмотря на предпринятые меры с целью законспирировать эту акцию — Рабданов в действительности консульства не открывал и жил в этом пункте «в качестве простого паломника», — сведения о его поездке просочились в Англию и возбудили там общественное мнение против России. Впрочем, беспокойство Англии по поводу сношений России с Далай-ламой министр признал «вполне естественным» и потому в принципе не возражал против стремления английского правительства «заключить их в известные рамки», иными словами, ограничить. Что же касается признания Россией преимущественных интересов Англии в Тибете, основанных на географическом факторе, то, поскольку оно представляет «существенную важность» для англичан, России следовало бы воспользоваться этим обстоятельством, чтобы со своей стороны «добиться известных выгод, хотя бы и в иной сфере наших действий»⁵.

Единственное серьезное возражение Извольского вызвал дополнительный пункт, запрещавший посещение Тибета русскими официальными лицами. Такой запрет он счел несправедливым, так как англичане, согласно своему договору с тибетцами, получили право иметь агентов на открытых ими торговых рынках в стране и, кроме того, одному из них (тому, который находится в Гьянцзе) разрешалось при необходимости посещать Лхасу. Он также отметил, что подобное ограничение не должно распространяться на ученые экспедиции, «исследования которых носят высшие цели», не связанные с политикой. В заключение Извольский подчеркнул, что сделанный Англией шаг ясно и определенно свидетельствует о её полной готовности идти на соглашение с Россией и потому русское правительство должно отнестись к делу с такою же прямоотой и откровенностью и, оставив в стороне всякие мелкие политические

5 Цит. по кн.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 269-270.

расчеты, «взглянуть широко» на вопрос о сближении с Англией, имеющий столь важное государственное значение. С этой точки зрения «тибетское дело» могло бы явиться тем «пробным камнем», который даст возможность обнаружить «искренность обоюдных намерений»⁶.

В ходе встречи Извольского с Никольсоном также обсуждались вопросы о возвращении Далай-ламы в Тибет и отчасти о положении дел в Монголии, в равной степени волновавшие как МИД, так и Форин оффис. Российский министр иностранных дел, стараясь придерживаться линии, намеченной его предшественником гр. В.Н. Ламздорфом, подтвердил вполне искренно «успокоительные уверения» последнего о полном отсутствии у российского правительства намерения вмешиваться во внутренние дела Тибета, прибавив к этому, что с российской стороны приняты все меры, чтобы добровольно вызвавшиеся сопровождать Далай-ламу буряты «ни в коем случае не переходили границы Тибета». «Единственное наше желание,— сказал Извольский в заключение,— это, чтобы в Тибете как можно скорее был восстановлен нормальный порядок, ибо этого требуют религиозные интересы многих тысяч наших подданных бурят»⁷.

Ознакомившись с запиской Извольского, Николай II полностью согласился с высказанными в ней соображениями и разрешил министру начать переговоры с английским послом. Однако до того, как эти переговоры начались, Извольский посчитал необходимым запросить мнение по существу сделанных англичанами предложений посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, а также ученых-востоковедов — «знатоков тибетского вопроса». Что касается первого, то он отнесся к идее переговоров довольно скептически, полагая, что любое соглашение с Англией по тибетскому вопросу в настоящее время явится лишь «уступкой с нашей стороны в угоду Англии» и потому весь вопрос сводится лишь к тому, насколько выгодные компенсации Англия сможет предоставить России за её «уступчивость» в тибетских делах. Россия могла бы использовать в своих интересах возвращение Далай-ламы в Тибет, «в смысле создания в его лице в Тибете активного противовеса английскому влиянию», ибо англофобские «наклонности» первосвященника позволяют рассчитывать, что он явился бы в этом деле «надежным оружием

6 Там же. С. 273.

7 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 275. Проект письма гр. Бенкендорфу в Лондон, 3 июня 1906.

в наших руках». Однако Покотилов был готов поступиться такой возможностью ради «общего соглашения с Англией». Так, например, в своей телеграмме Извольскому от 5 / 18 июня он писал, что «мы могли бы даже... обещать Англии подействовать на Далай-ламу в смысле задержания его возвращения в Тибет»⁸. Таким образом, еще не начав переговоры, царская дипломатия уже склонялась к тому, чтобы отказаться, за соответствующую компенсацию, от своего главного и, пожалуй, единственного преимущества над англичанами в «тибетской игре» – от влияния на Далай-ламу. Такую компенсацию она, очевидно, рассчитывала получить в двух других вопросах, подлежавших обсуждению с тем же Никольсоном, — персидском и афганском.

Сообщая в Лондон гр. Бенкендорфу о первых двух встречах с английским послом, Извольский отмечал, что английское правительство «поставило вопрос о Тибете весьма широким и примирительным образом». Сущность его плана заключается в том, чтобы «возвратить Тибет под сюзеренитет Китая и установить до известной степени между Россией и Англией то, что называется *un protocol de désintéressement*». Такую постановку вопроса Извольский признал желательной и выгодной для России: английские предложения были «в общем» приемлемыми, за исключением двух пунктов (2-го и дополнительного), которые следовало или вовсе исключить или отредактировать в духе высказанных Никольсону пожеланий, а именно, Англия должна признать, что у России также имеются интересы в отношении Тибета, вытекающие из религиозной связи значительного числа русских подданных буддистов с «главою Тибетского государства». Эта связь дает повод «к сношениям с Далай-ламой, причем сношения эти отнюдь не имеют политического характера и не составляют вмешательства во внутренние дела Тибета». Что же касается дополнительного пункта, то Извольский считал, что необходимо будет оговорить, что в нем не имеется в виду «препятствовать деятельности наших ученых экспедиций»⁹.

Английские предложения подверглись тщательному обсуждению на Особом совещании при министерстве иностранных дел (состоялось 6 / 19 июня) с участием группы востоковедов (П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Д.М. Позднеев, Я.П. Шишмарев, С.Ф. Ольденбург, П.К. Козлов). Совещание приняло без возражений пункты 1,

8 Там же. С. 276.

9 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 276-277.

3, 4, и 5-й, но высказало несогласие с пунктами 2-м и дополнительным, поскольку они позволяли Англии установить односторонний контроль над внешней политикой Тибета. Участники совещания также отказались от идеи добиваться возвращения Далай-ламы в свою лхасскую резиденцию и признали необходимым договориться с англичанами о месте его постоянного пребывания на оз. Куку-нор (в монастыре Гумбум). В то же время востоковеды требовали свободы доступа в Тибет (Лхасу) русских научных экспедиций¹⁰.

В ходе переговоров с Никольсоном летом 1906 г. Извольскому удалось добиться реализации основных решений совещания, в том числе о беспрепятственном посещении Лхасы забайкальскими бурятами-паломниками, наравне с индийскими буддистами, «исключительно на религиозной почве». Министр остался доволен достигнутой договоренностью, поскольку она обеспечивала сохранение религиозной связи между Россией и Тибетом, и считал это своей победой. Что же касается вопроса о научных экспедициях, то он потерял своё значение, так как обе стороны договорились не посылать своих представителей в Лхасу. Тем не менее, Извольский и Никольсон решили обменяться нотами при заключении договора, в которых Россия и Англия взаимно приняли бы на себя обязательство не допускать в Тибет в течение трех лет «какой-либо научной экспедиции, кроме как по предварительному соглашению». По истечении этого срока оба правительства должны были обсудить вопрос о желательности принятия «дальнейших мер» в отношении научных экспедиций в Тибет, если возникнет необходимость¹¹.

В процессе редактирования текста договора Извольский также поднял новый вопрос — о сроке оккупации англичанами долины Чумби, стремясь тем самым связать Англию обязательством перед русским правительством. В результате договорились, что британское правительство подтвердит своё обещание оставить эту территорию по уплате тибетцами трех ежегодных взносов контрибуции в два с половиной миллиона рупий (в соответствии с Декларацией, приложенной к ратифицированной Лхасской конвенции) и что если этого по какой-либо причине не произойдет, то российское и британское правительства «войдут в дружеский обмен взглядами по сему предмету». (Подобное заявление составило отдельное приложение к договору.)

¹⁰ Остальцева А.Ф. Указ. соч. С. 226.

¹¹ Там же. С. 227, 290-291.

В целом Извольскому и Никольсону удалось довольно легко и быстро прийти к соглашению по тибетским делам. В то же время, признав «преимущественные интересы» Англии в Тибете, Петербург стремился активизировать свою монгольскую политику, использовать русофильские настроения Далай-ламы и его влияние на монголов — во Внешней, Внутренней и Южной Монголии (Кукунорский округ). В письме Покотилу от 28 сентября (ст. стиль) Извольский поставил перед посланником новую задачу: «отграничить в будущем тибетские дела от монгольских и в сфере последних — если не добиваться прямо, то, по крайней мере, не отказываться от тех услуг, которые может нам оказать Далай-лама благодаря своему обаянию среди монголов и бурят». Причина подобной перемены в отношении к Далай-ламе — активная колонизационная политика Китая в Монголии и деятельность японцев, проникавших всё глубже в области застенного Китая, что представляло определенную угрозу для безопасности пограничной полосы Сибирского военного округа. Поэтому, рассуждал Извольский, если китайцы пытаются, в сугубо политических целях, принудить Далай-ламу вернуться в Лхасу, то мы (Россия) впредь должны воздерживаться от участия в этом деле, поскольку, находясь в Гумбуме и поддерживая тесную связь с Монголией, первосвященник мог бы оказаться полезным России. Излагая этот план в письме Бенкендорфу, Извольский просил его при встрече с новым английским министром иностранных дел сэром Э. Греем дать ему понять, что, пока Далай-лама находится вне пределов Тибета и поддерживает тесные связи с монгольскими князьями, равно как и с нашими подданными буддистами, Россия не может оставить его деятельность без всякого контроля и, следовательно, не может не принимать «исходящих от него сообщений», иными словами, российскому правительству необходимо поддерживать с ним отношения, но только «в области чисто монгольских дел». При этом оно не намерено содействовать стремлению китайских властей вернуть Далай-ламу в Лхасу и не станет вмешиваться прямым или косвенным образом «в тибетские дела»¹². В этом разделении Петербургом монгольского и тибетского вопросов, в преддверии заключения соглашения с Лондоном, легко увидеть зародыш будущего раздела «буддийского мира» Центральной Азии: Монголия должна перейти в сферу влияния России, а Тибет — Англии.

12 Цит. по кн.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 278-279. Секретное письмо Извольского российскому послу в Лондоне, 16 октября 1906 г.

В этой связи необходимо отметить, что после окончания войны с Японией правящие круги России стали проявлять повышенное внимание к ситуации в соседней Монголии. В 1906–1907 гг. Я.П. Шишмарев, объехав по заданию правительства всю Халху, чтобы выяснить степень политической симпатии к России монгольского населения, особенно монгольских князей, пришел к неутешительному выводу: «политического влияния на Монголию мы не имеем, симпатии (монголов) к нам, с падением престижа (России), пали... экономическое влияние на Монголию совершенно упало, и собственно русской торговли (в стране) в полном смысле слова нет»¹³. В результате Петербург был вынужден принять ряд неотложных мер военно-политического и торгово-экономического характера с целью укрепления позиций России в соседней стране и противодействия влиянию Китая и Японии. Именно под таким углом и следует рассматривать стремление России завязать более тесные отношения с монгольскими князьями «на почве экономических интересов» и высшими буддийскими иерархами-соперниками, Ургинским Хутухтой и Далай-ламой.

В конце августа, на завершающей стадии переговоров, Извольский также запросил мнение и. о. начальника Генштаба Ф.Ф. Палицына относительно англо-русского соглашения. В письме к нему он повторил в основном доводы, изложенные в записке императору, подчеркивая отсутствие у России «непосредственных интересов в Тибете». Палицын в своем ответе в принципе согласился со взглядами министра иностранных дел: «Тибетское дело... наименее затрагивает наши существенные интересы; вопрос тибетский является почти единственным, которым мы... можем воспользоваться, при взаимном обмене интересов и уступок, с выгодой для себя». Однако, признавая, что Россия «прямых пограничных и военных интересов в Тибете не имеет», Палицын указал на то, что исторически у России сложились «некоторые нравственные интересы» относительно Тибета, заключающиеся в том, что все буддийское население Центральной Азии, в том числе и живущее в «наших пределах» и в Монголии, «смотрит на Россию как на отдаленную покровительницу тибетских первосвященников в противовес Англии». И хотя такой нравственный интерес и может показаться «призрачным», тем не менее, «он существует, с ним необходимо считаться». Поэтому отказ России от прямых сношений с Далай-ламой, несомненно,

¹³ Архив СПФ ИВ РАН. Ф. 44, оп. 1, д. 203 (Материалы к монгольскому вопросу, 1904–1912), л. 33.

произвел бы в ламаистском мире «большое потрясение и впечатление» с непредсказуемыми последствиями. Подобная уступка Англии допустима лишь в обмен на что-либо «реальное и действительно для нас выгодное». В целом, Палицын остался недоволен английскими предложениями, поскольку, принимая их, придется отказаться «от наших нравственных интересов в Тибете в обмен на такие обещания Англии, которые ею уже даны Китаю»¹⁴. Однако, как уже отмечалось выше, Извольскому удалось в ходе переговоров с Никольсоном отстоять право на сношение российских буддистов с Далай-ламой и тем самым спасти престиж и «лицо» России — дальше же этого он идти не мог и, скорее всего, не хотел.

В отличие от «пробного» тибетского вопроса, обсуждение англо-русских разногласий в Персии и Афганистане было намного более острым и потребовало значительно большего времени, при этом персидский и афганский вопросы оказались до некоторой степени взаимосвязанными. Англия добивалась согласия России на включение стратегически важной области Сеистана в британскую зону, — Россия же в обмен на эту уступку потребовала, чтобы Англия отказалась от строительства железной дороги в Афганистане. Российская сторона также хотела отмены всех ограничений на торговлю с Афганистаном, с тем чтобы пользоваться в этой стране теми же правами, что и англичане. Однако в этом случае, кроме согласия Англии, требовалось также и «соизволение» афганского эмира, на что справедливо указывал Петербургу Лондон.

Весной 1907 г. Извольский попытался включить в круг обсуждаемых с Англией вопросов и весьма злободневный «монгольский вопрос»: обеспечение безопасности сухопутной границы России с Монголией и Западным Китаем. Во время встречи с новым главой Форин оффиса сэром Э. Греем Бенкендорф подчеркнул особую важность Внешней Монголии для России и встретил понимание с английской стороны. В результате в МИД была выработана следующая формула: «Великобританское и Русское правительства, взаимно обязавшись уважать целость и независимость Китая и будучи одушевлены искренним желанием сохранить мирное развитие и порядок на всем протяжении своих границ с Китаем, взаимно обязуются поддерживать друг друга в целях обеспечения мира и безопасности на вышесказанных своих границах»¹⁵. Покотилов,

14 Цит. по кн.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 182.

15 АВПРИ. Ф. Китайский стол, д. 743, лл. 6, 6 об. (секр. телеграмма Покотилова № 239 от 17 марта 1907).

чьё мнение запросили в этой связи, однако, выступил против заключения какого-либо соглашения с Англией по вопросу о российских границах с Китаем в Монголии, полагая, что «это связало бы до некоторой степени нашу свободу действий, в случае возникновения для нас необходимости произвести давление на Китай»¹⁶. Имеются сведения, что Извольский предложил также включить в договор статью, гласившую, что оба правительства выражают желание, чтобы «существующая административная система в Монголии осталась неизменной»¹⁷. Однако в дальнейшем вопрос о Монголии сошёл с повестки дня — Петербург предпочел решить этот вопрос не с Англией, а её союзницей на Дальнем Востоке Японией, постольку, поскольку последняя представляла гораздо большую опасность для России в Монголии. В результате в секретном приложении к подписанному 30 июля русско-японскому соглашению (договор Извольского – Мотоно) Япония признала «особые интересы» России во Внешней Монголии и обязалась воздерживаться от вмешательства в монгольские дела, которое могло бы нанести ущерб этим интересам.

Вскоре после этого (18/31 августа 1907 г.) Извольский и Никольсон подписали в Петербурге англо-русскую конвенцию по делам Персии, Афганистана и Тибета. Согласно этому договору, территория Персии была разделена на три зоны: северную, южную (соответственно русская и английская сферы влияния) и нейтральную. Афганистан Россия признала буферным государством, находящимся вне сферы её влияния, и обязалась не посылать туда своих торговых агентов. В рамках же соглашения, касающегося непосредственно Тибета, обе стороны признали сюзеренные права Китая над Тибетом, обязались взаимно уважать территориальную целостность Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление. Они также обязались сноситься с властями Тибета только через китайское правительство и не посылать своих представителей в Лхасу. При этом, однако, была сделана одна важная оговорка: английским коммерческим агентам позволялось, в соответствии с Лхасской конвенцией 1904 г., подтвержденной англо-китайским договором от 27 апреля 1906 г., напрямую общаться с тибетскими властями. Вместе с тем, буддисты — «как русские, так и британские подданные» — получили право «входить

¹⁶ Там же. Лл. 5, 5 об. Секр. телеграмма Д.Д. Покотилова.

¹⁷ Baabar. *Twentieth Century Mongolia*. Cambridge, 1999. P. 123.

в непосредственные сношения на почве исключительно религиозной» с Далай-ламой и другими буддийскими иерархами Тибета. В Приложении к соглашению содержалось заявление британского правительства относительно вывода своих войск из долины Чумби. В тот же день Извольский и Никольсон также обменялись нотами, в которых Россия и Англия взаимно обязались не посылать в течение трех лет научных экспедиций в Тибет¹⁸.

Англо-русская конвенция была в целом воспринята с удовлетворением политическими кругами в обеих странах как «справедливый компромисс» и «дальнейшая гарантия европейского мира». Тем не менее, как в Англии, так и в России нашлось немало критиков соглашения, тех, кто считал, что другая сторона получила большие выгоды в результате сделки. Так, бывший вице-король Индии лорд Керзон был особенно недоволен персидским договором, полагая, что конвенция «отдает все, что мы завоевали в течение многих лет» — прежде всего колесные дороги и ряд городов в Персии. Столь же критически он отозвался и о тибетской части соглашения: «Тибет стал вновь тем, чем он уже перестал быть, — провинцией, находящейся под защитой Китая»¹⁹. Отвечая на критику оппонентов, глава Форин оффиса Э. Грей, однако, отрицал серьезность сделанных России уступок: «По этому договору мы ничего не потеряли, — говорил он в парламенте, — что не было потеряно раньше. Все, чем мы пожертвовали в Персии, — это некоторыми возможностями в торговле. В Тибете и Афганистане мы не жертвовали ничем»²⁰. Что касается противников соглашения в России, то они были, прежде всего, недовольны его ограничительными афганскими и тибетскими статьями. Впрочем, официальное «Новое время», хотя и признавало, что Россия потеряла свободу действий в Тибете, не слишком огорчалось из-за этого, поскольку договор обеспечивал главное: «противовес для английских захватов — все, чего могла желать самая смелая политика России в Тибете»²¹.

Вопреки ожиданиям Лондона и Петербурга, англо-русская конвенция не смогла положить конец Большой игре, хотя и оказала на неё, особенно в первые годы, сильное сдерживающее влияние. «Открытая враждебность» соперников уступила место «деклари-

18 Русский текст конвенции с приложением и нотами опубликованы в: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 391–394; Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 120–122; Шаумян Т.Л. Англия и Россия... Приложения. С. 288–291.

19 Остальцева А.Ф. Указ. соч. С. 235.

20 Там же. С. 235–236.

21 Новое время. 1907. 13 / 26 сентября.

рованному консенсусу», — отмечает Дж. Сигел в недавно опубликованной монографии, посвященной судьбе конвенции, — «но это была всё та же Большая игра»²². Впрочем, следует признать, что возобновившееся в последующие годы англо-русское соперничество мало затронуло Тибет. Основная борьба развернулась в Персии, где Россия и Англия, в равной степени заявившие о своих притязаниях на «нейтральную зону», оказались на грани лобового столкновения.

Англо-русская конвенция 1907 г., с помощью которой Англия и Россия стремились устранить свои разногласия на азиатском театре и которая в конечном счете привела к созданию тройственной англо-франко-русской Антанты, в то же время явилась и определенным водоразделом в истории русско-тибетских отношений. Тибетские дела отступают для Петербурга на второй план, а на первый постепенно выдвигается соседняя Монголия, приобретающая все большее геополитическое и экономическое значение. Осенью того же года в МИД были переданы две докладные записки: Я.П. Шишмарева (24 октября) — о положении дел в Монголии, и Агвана Доржиева (20 ноября) — о более тесном сближении России с Монголией и Тибетом. Авторы записок призывали правительство принять неотложные меры для укрепления русского влияния в соседней стране, прежде всего с помощью торговли. С этой целью ургинский консул предложил создать в России специальное акционерное общество «на солидных началах», а Доржиев — «частный торгово-промышленный дом», деятельность которого охватила бы «неразрывную сеть» всю Монголию и Тибет. В целом проект Доржиева с его акцентом на необходимости совершить «культурно-экономическое мирное завоевание» этих буддийских стран весьма напоминал бадмаевский проект: основная контора торгового дома, по его замыслу, должна была находиться либо на русско-монгольской границе, в Кяхте, либо в Урге, филиалы же — по всей территории Монголии, Тибета, Китая и самой России (в Тибете непосредственно в Лхасе и Ташилхумпо, а также на «северной дороге» паломников — в Гумбуме, Лабране, Цайдаме, Нагчу)²³. Пайщиками торгового дома могли стать монголы, тибетцы, буряты, калмыки и их объединения («товарищества»), монастыри, улусы, хошуны и «прочие юридические лица», независимо от величины вложенного пая. Наряду с

22 Siegel Jennifer. Endgame. Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. London; New York, 2002. P. XVIII.

23 См.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... Приложения. С. 293.

развитием русской и местной («национальной») торговли, Доржиев также рекомендовал правительству «насаждать здоровую культуру и просвещение» среди монголов и тибетцев, правда, с одной существенной оговоркой: «не насилуя их национальных, религиозных и бытовых особенностей». (В этом он принципиально отличался от Бадмаева, действовавшего под лозунгом «самодержавие, православие, народность».) Более конкретно, он предлагал открывать общеобразовательные школы в приграничной области (например, в Троицкосавске), а также специальные учебные заведения (горное, промышленное, педагогическое и другие). В то же время следовало развивать и издательское дело — издание по доступной цене учебной и популярной литературы на монгольском и тибетском языках. «Таковыми просветительно-культурными мерами, — писал Доржиев, — можно со временем достигнуть того, что монголы и тибетцы будут смотреть на Россию как на источник здоровой культуры и просвещения, как на своё *идейное отечество*»²⁴.

Одним из поводов для написания Доржиевым своей записки, несомненно, послужила англо-русская конвенция, которую он вскользь упоминает во вступительной части²⁵. Однако его попытка вновь пробудить интерес России к Тибету была явно несвоевременной и потому не могла встретить сочувствия у руководства МИД. Ознакомившись с предложениями Доржиева, Извольский отметил на полях записки: «Россия заинтересована непосредственно в Монгольских делах и может преследовать там культурные и промышленно-торговые задачи. Что касается Тибета, то при настоящем положении вещей мы лишены практических возможностей воздействовать на него в смысле пожеланий Доржиева. К тому же это едва ли отвечает нашим прямым интересам и принятым обязательствам»²⁶.

Еще один шаг Доржиева с целью сближения России с Монголией и Тибетом — строительство в Петербурге буддийского храма. Впервые о строительстве такого храма в столице заговорили летом 1898 г., во время его первого визита в Петербург, но осуществить эту затею тогда не удалось. 22 ноября 1907 г. столичные буддисты-калмыки направили в Департамент духовных дел иностранных исповеданий официальную петицию, очевидно инспи-

24 Там же. С. 295.

25 См.: Там же. С. 292.

26 АВПРИ. Ф. Китайский стол, д. 744, л. 47.

рированную посланцем Далай-ламы²⁷. Их ходатайство, однако, было отклонено департаментом²⁸. Весной того же года Доржиев совершил поездку в Китай для встречи с Далай-ламой, который к тому времени перебрался из Гумбума в главный буддийский монастырь Китая Утай Шань (в провинции Шаньси, недалеко от Пекина). По возвращении в Петербург он обратился в МИД с просьбой разрешить ему построить небольшую буддийскую модельню с конфессиональной школой и общежитием (т. е., фактически, монастырь-дацан) для нужд местной бурятско-калмыцкой колонии, сославшись при этом на соответствующее пожелание Далай-ламы. Этот шаг Доржиева, при всей его религиозно-просветительской направленности, имел под собой тонкий политический расчет: вести о строительстве в столице Российской империи буддийского храма-монастыря, проникнув на Восток, могли бы усилить прорусские настроения среди верующей массы монголов и тибетцев и тем самым косвенно способствовать сближению Монголии и Тибета с Россией.

Извольский отнесся к подобной просьбе вполне сочувственно. В своем письме от 12 июня на имя министра внутренних дел П.А. Столыпина он подчеркнул, что сохранение дружественных отношений с Далай-ламой «имеет для нас существенное значение как с точки зрения политических интересов наших в Китае, так и в смысле возможности использовать в благоприятную сторону его влияние на наших подданных ламаистского исповедания»²⁹. Столыпин согласился с мнением министра иностранных дел, и несколько позднее инициатива Далай-ламы и Доржиева была также одобрена и лично императором, который заверил Доржиева во время аудиенции в начале 1909 г., что «буддисты в России могут чувствовать себя как под крылом могучего орла»³⁰. В результате весной того же года Доржиев приобрел участок земли на окраине города (в Старой Деревне) и спешно приступил к строительству. Любопытно, что выбранное для постройки храма место находилось как раз напротив аристократического Елагина острова, где располагалась загородная царская резиденция (Елагинский дворец), что позволило Доржиеву пустить слух среди забайкальских бурят о том, что царь

27 См.: Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992. С. 65-66; Он же. Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004. С. 23, 33.

28 См.: Андреев А.И. Храм Будды... С. 34.

29 Там же. С. 35.

30 Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. С. 14.

«очень сочувствует ламаизму» и повелел построить «великолепный дацан» рядом со своим дворцом³¹.

От Доржиева русское правительство узнало последние новости о Далай-ламе — о его намерении поехать в Пекин по приглашению императора Китая для переговоров с сюзереном, что вселяло надежду на скорое и окончательное разрешение затянувшегося тибетского кризиса. Далай-лама приехал в Утай Шань в начале марта 1908 г. и пробыл там около пяти месяцев, прежде чем отправиться в китайскую столицу. Здесь надо сказать, что под влиянием англо-русской конвенции его политические взгляды стали постепенно меняться, — довольно неожиданно он начинает искать сближения с Англией и другими западными державами. Так, в январе 1908 г. Далай-лама послал приветственное письмо британскому посланнику в Пекине сэру Джону Джордану. Доставивший его курьер передал Джордану на словах, что «Далай-лама желает теперь иметь дружеские отношения с Индией» — недавний конфликт между Индией и Тибетом он считает недоразумением, интригой «своих подчиненных»; и в то же время он «хочет объявить о независимости Тибета»³². Тот же эмиссар первосвященника посетил российскую и другие западные миссии в Пекине, что выглядело как попытка наведения мостов с Западом. Но и Запад начал проявлять интерес к Далай-ламе — в Утай Шане его навестили американский посланник в Китае В. Рокхилл (это был первый официальный контакт между правительством США и Тибетом) и К. Маннергейм, совершавший по заданию российского Главного штаба разведывательную поездку по Китаю³³. (Главная цель экспедиции Маннергейма состояла в том, чтобы ознакомиться с современным состоянием Китая, особенно районов, примыкающих к русским границам, где, по сведениям Главного штаба, происходила реорганизация китайской армии по японскому образцу.³⁴) В целом, образ действий Далай-ламы в годы его первой эмиграции можно было бы назвать тактикой выжидания и лавирования — единственно возможной в ситуации, когда Китай пытался восстановить свой сюзеренитет над Тибетом, Англия постепенно сдавала завоеванные ею в стране позиции, а Россия находилась в положении стороннего наблюдателя. 8 февра-

31 Термен А.И. Среди бурят Иркутской и Забайкальской области. Очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 107.

32 Bell Ch. Portrait of a Dalai Lama: The Life and Times of the Great Thirteenth. London, 1987. P. 80.

33 Mannerheim C.G. Across Asia from West to East in 1906–1908. Helsinki, 1940. Vol. II. P. 693.

34 РГВИА. Ф. 2000, оп. 1, д. 1567, л. 2. Всеподанный доклад по ГУГШ, 13 июня 1906.

ля 1908 г. долина Чумби была эвакуирована англичанами, после уплаты Пекином (в счет тибетского правительства) последней, третьей части контрибуции. А 20 апреля лхасский амбань Чжан Иньтан подписал с англо-индийским правительством в Калькутте новый договор – «Правила о торговле с Тибетом», позволивший Пекину усилить свой контроль над владениями Далай-ламы. Вернувшийся в Китай летом того же года А. Доржиев сообщал в письме Б.Б. Барадийну в Петербург: «Договор, заключенный в Калькутте Джанжун амбанем, вручает все права Тибета Китаю. Этот договор ныне уже утвержден. По-видимому, хотят обратить Тибет в китайскую провинцию. <...> Наш посланник не может прилагать в этом деле больших усилий»³⁵.

Действительно, Китай попытался извлечь максимальную выгоду из договоров с англичанами, равно как и англо-русской конвенции, хотя сам факт её заключения вызвал немалое раздражение в Пекине. Маньчжурские власти постепенно переходят к наступательной политике – прежде всего в Восточном Тибете (Каме), пытаясь поначалу распространить китайский административный контроль на мелкие полунезависимые княжества, расположенные в тибето-китайской (камо-сычуаньской) пограничной области. Уже в 1904–1905 г. правители Сычуани подчинили своей власти тибетские княжества Чала, Литан и Батан, входившие в состав «Пяти владений хоров» (Хорсеканга). Это повлекло за собой ряд антиманьчжурских выступлений в Каме, которые были жестоко подавлены оккупантами. В ходе карательных экспедиций было разграблено и разрушено несколько монастырей, в том числе и крупнейший в Каме батанский; многие тибетские должностные лица, светские и духовные, арестованы и казнены. Особой жестокостью прославился сычуаньский военачальник Чжао Эрфень, которому тибетцы дали прозвище «мясник Чжао». Принято считать, что китайская экспансия в Каме в 1904–1911 г. являлась ответом на вторжение англичан в Тибет, — Китай, фактически, стремился к созданию особой пограничной провинции Сикан для защиты своих западных рубежей³⁶. Однако эта экспансия имела конечной целью собственно Тибет — превращение далай-ламских владений в подвластную Цинам китайскую провинцию, где маньчжурский резидент и его

³⁵ Архив СПФ РАН. Ф. 208, оп. 3, д. 28, л. 43. Письмо Доржиева Б.Б. Барадийну из Пекина от 21 октября 1908.

³⁶ См.: Sperling E. The Chinese Venture in K'am; 1904–1911, and the Role of Chao Erh-feng // The Tibet Journal. 1976. Vol.1 (2). P.13; Stoddard H. Le mediant de l'Amdo. Paris, 1985. P. 23.

помощники будут исполнять административную власть, а Далай-лама — заниматься исключительно духовными делами. Ключевую роль в реализации такого плана предстояло сыграть Чжао Эрфеню: 22 августа 1906 г. его назначили верховным комиссаром пограничных провинций (огромной территории от Кукунора до Юньнани), а в начале 1908 г. он стал одновременно и маньчжурским резидентом в Лхасе. Тучи над Тибетом всё более сгущались. Эту новую, весьма неприятную для Лондона и Калькутты ситуацию Ч. Белл охарактеризовал такими словами: «Китай теперь имел все карты в своих руках. Тибет, сломленный духом и безоружный, находился в его власти. Британия же лишила себя возможности помочь слабой стороне»³⁷.

Говоря о китайской экспансии в отношении Тибета в этот период, правда, не следует забывать о попытках модернизации страны маньчжурскими властями (лхасскими амбанями). В 1907–1908 гг., как отмечает Т.Л. Шаумян, амбань Лен Юй (предшественник Чжао Эрфеня) провел целый ряд реформ — в Тибете были открыты училища китайского и тибетского языков, началось распространение мелкой медной монеты китайской чеканки, в открытых для международной торговли Ятунге и Гартоке учреждена китайская таможенная администрация. В 1907 г. предполагалось провести перепись населения в Тибете, увеличить численность регулярной армии, намечалось также строительство дорог, увеличение площади культивируемых земель и многое другое³⁸. Однако реформы осуществлялись зачастую силовыми методами, они шли вразрез с традиционным укладом тибетцев и потому вызывали большое недовольство населения (например, обязательное ношение чиновниками китайской одежды). Весной 1909 г. русский дипломатический представитель в Индии сообщал с тревогой в МИД, что «за последнее время Китаю удалось восстановить свой сюзеренитет над Тибетом благодаря, по объяснению англо-индийской прессы, полному пренебрежению со стороны англичан выгодами, законно приобретенными в силу экспедиции Янгхазбенда»³⁹.

Тем временем находившийся в Утай Шане Далай-лама неожиданно вновь привлек к себе внимание Петербурга. В начале июля 1908 г. он обратился к русскому поверенному в делах в Пекине Б.К. Арсеньеву (заменил скоропостижно умершего Д.Д. Покоти-

37 Bell Ch. *Tibet Past and Present*. P. 91.

38 См.: Шаумян Т.Л. *Англия и Россия...* С. 194-195.

39 Там же. С. 196.

лова) с просьбой о выдаче ему ссуды в размере 110 000 серебряных лан (1 лан приблизительно равнялся двум рублям) сроком на полгода для покрытия расходов по предстоящей поездке в Пекин. А.И. Извольский, сообщая об этом министру финансов В.Н. Кокцову, отметил, что со своей стороны считает удовлетворение просьбы первосвященника «весьма желательным» с политической точки зрения⁴⁰. Некоторое время спустя (26 июля) министр иностранных дел обратился в Совет министров, возглавляемый П.А. Столыпиным, с аргументированным обоснованием необходимости выдачи Далай-ламе просимой ссуды. Извольский напомнил Совету, что, покинув Тибет в 1904 г., Далай-лама проживал с тех пор в различных буддийских монастырях; он утратил своё прежнее положение в стране, но его духовный авторитет, как среди тибетцев, так и вообще ламаистов, в том числе и русских, остался «непоколебленным». Поддержание хороших отношений с главою буддистов является весьма важным как с точки зрения русских интересов в Китае, так и в целях возможного влияния на российских подданных буддистов в Сибири. О характере прежних сношений с Далай-ламой Извольский отозвался весьма положительно: «МИД продолжал после выезда Далай-ламы из Тибета поддерживать с ним негласные отношения, носившие самый дружественный отпечаток. Далай-лама неоднократно обращался к нам за советом по главнейшим вопросам политики, предупреждал о своих намерениях, подносил дары Его Величеству чрез специально уполномоченное лицо и т. п. Мы приобрели таким путём доверие Его Святейшества и можем рассчитывать, в случае возвращения его в Тибет, на доброжелательное к нам отношение с его стороны»⁴¹. При этом глава дипломатического ведомства, помня о недавно заключенном договоре с Англией о Тибете, счел необходимым заверить Совет, что российское правительство «не питает никаких замыслов, несовместных с духом соглашения, и не намерено отступать от принятых на себя обязательств». Неоказание же Россией помощи Далай-ламе, по мнению Извольского, могло бы побудить тибетского правителя обратиться к японцам, «уже обхаживавшим его», и последние наверняка использовали бы это обстоятельство в ущерб России, в особенности в Монголии, «где у нас теперь имеются преобладающие интересы»⁴².

40 РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 406, л. 1. Записка Извольского Кокцову от 11 июля 1908.

41 Там же. Л. 10.

42 Там же. Лл. 11-12.

Приведенные Извольским доводы, очевидно, убедили членов Совета министров и его председателя А.А. Столыпина, после чего (10 августа) последовала санкция императора. Ссуду Далай-ламе было решено предоставить под письменное обязательство, выданное от имени постоянного совета при буддийском иерархе («Намканг») и за печатью этого совета, под 6,5 % годовых, при этом гарантом сделки выступило российское правительство. Передача денег состоялась в августе того же года с соблюдением строжайшей секретности — в ночное время серебро из пекинского отделения Русско-Китайского банка переправили уполномоченному Далай-ламе. Формально ссуда была отнесена на отдельный счет Императорской Российской миссии «Building Account T» «ввиду желательности сохранить настоящее дело в полной тайне от китайцев»⁴³.

В середине сентября Далай-лама прибыл в Пекин, где маньчжурские власти устроили ему торжественную встречу. Первосвященника поселили в монастыре Сихуан, некогда построенном на севере Пекина для Пятого Великого Далай-ламы. Однако сама аудиенция у императора Гуансюя и вдовствующей матери-императрицы Цы Си сильно отличалась от приема, которого был в свое время удостоен Пятый Великий перерожденец: Далай-ламе, в отличие от его предшественника, пришлось совершить унижительный обряд коленапоклонения («коу-тоу») перед императрицей, в знак признания своего вассального положения. Цины вернули правителю Тибета гонорифический далай-ламский титул (отобранный у него после самовольного отъезда из Лхасы): «Великий, Благой, Самосуший Будда», правда, с добавлением «Верный и Покорный», и повелели ему вернуться в Тибет. Переговоры Далай-ламы с императором не состоялись, — последний скоропостижно скончался, а вслед за ним и его мать. Обсуждать же положение Тибета с регентом Далай-лама не захотел. Тем не менее, он остался в Пекине еще на некоторое время для участия в траурных торжествах.

Находясь в китайской столице, Далай-лама снова попытался завязать отношения с великими державами (Англия, Франция, Германия, США, Япония). Он вновь встретился с американским дипломатом и путешественником В. Рокхиллом и впервые лично с английским посланником Дж. Джорданом, которому подтвердил своё желание установить дружественные отношения с правительством Индии. Далай-лама открыто декларировал своё намерение

⁴³ Там же. Л. 28. Телеграмма Арсеньева из Пекина.

открыть Тибет Западу: так, он обсуждал с представителем датского телеграфного агентства возможность проведения телеграфа от Тибета к русской границе (эта идея была впервые высказана им еще в Урге Козлову) и одобрил предложение германского посланника построить железную дорогу к Тибету⁴⁴. (В 1903 г. Германия приобрела у Турции концессию на строительство Багдадской железной дороги, чтобы связать Босфор с Персидским заливом, и намеревалась продолжить её в сторону Индии.)

27 ноября Далай-лама обратился с новой просьбой к русскому правительству — о выдаче ему второй ссуды в размере 250 тысяч лан. И вновь его желание вызвало сочувственный отклик у министра иностранных дел. В письме Столыпину Извольский особо отметил следующий факт: «Далай-лама долго сопротивлялся унижительным требованиям китайского этикета, но вследствие советов нашего посланника в Пекине, доказывавшего ему необходимость избегать шагов, могущих вызвать неудовольствие Китая и положить конец самостоятельности Тибета, подчинился предъявленным к нему требованиям и тем самым подтвердил дружественное отношение своё к русскому правительству и упование на нравственную поддержку России в случае необходимости». Это обстоятельство, а также согласие Далай-ламы последовать советам представителя России в Китае относительно возвращения в Тибет, считал Извольский, побуждают нас выдать ему просимую ссуду, необходимую для раздачи подарков перед отъездом из Пекина и на само путешествие в Лхасу. «Оказание помощи Первосвященнику, — добавил он в заключение, — тем более желательно в настоящее время, что, вследствие смерти Императора и Вдовствующей Императрицы, нельзя пока предвидеть, какую форму примут отношения Первосвященника к новому Правительству»⁴⁵. Совет министров согласился выдать Далай-ламе дополнительную ссуду, правда, не 250, а только 40 тысяч лан, при этом министерство финансов высказало сомнение, что Далай-лама сможет полностью вернуть России обе ссуды (и эти опасения, действительно, подтвердились). Второй заём был совершен под 8 % годовых и обеспечен частным имуществом Далай-ламы, что, по мнению Извольского, отнимало у сделки политический характер, превращая её в коммерческую операцию. Обеспе-

44 См.: Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993. С. 32; Архив СПФ РАН. Ф. 208, оп. 3, д. 28, л. 43. Письмо Доржиева Б.Б. Барадийну, 21 октября 1908.

45 РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 406, лл. 49-50.

чение же займа государственным имуществом Тибета явилось бы нарушением англо-русского соглашения⁴⁶.

Секретная переписка МИД с министерством финансов свидетельствует, что половину новой ссуды (110 тысяч из 250) Далай-лама предполагал использовать для погашения первого долга, а еще 50 тысяч – перевести в Волжко-Камский банк в Петербурге на строительство буддийского храма⁴⁷. Все переговоры о второй ссуде осуществлялись через находившегося в Пекине Доржиева. В целом оба займа Далай-ламы производят впечатление какой-то хитроумной интриги, затеянной не столько им самим, сколько его энергичным и вездесущим бурятским советником. Прежде всего, возникает вопрос: действительно ли Далай-лама нуждался в денежных средствах, принимая во внимание те огромные приношения («мандал»), которые он получил от буддийских паломников в Монголии и Китае? Любопытно, что последняя ссуда, фактически, не была выдана Далай-ламе, так как в декабре он спешно покинул Пекин и направился в Тибет, повинувшись указу Богдыхана. Перед отъездом он заявил российской миссии, что поручил монгольскому князю Хандацинвану передавать Русско-Китайскому банку все суммы, которые будут поступать для него из Монголии⁴⁸.

Что касается Доржиева, то он столь же поспешно отправился обратно в Россию. В уже упоминавшемся письме Б. Барадийну из Пекина Доржиев, между прочим, сообщил, что намерен привезти с собой в Петербург «тибетцев-учащихся» и просил подыскать ему квартиру, в которой он мог бы поселиться вместе с ними. Это говорит о том, что советник Далай-ламы не оставил своего плана «русско-монголо-тибетского сближения», в котором, как мы помним, важное место отводилось обучению монголов и тибетцев в русских учебных заведениях. Мы не знаем, удалось ли Доржиеву привезти тибетцев в Россию. В одном из документов из архива министерства финансов говорится, что с Доржиевым в Россию отправился только один человек – молодой тибетский врач («эмчи-лама»), который намеревался заняться изучением медицины в Петербурге⁴⁹. В то же время известно, что еще осенью 1905 г. Доржиев привез с собой из Забайкалья говорящего по-русски молодого тибетца Тугдена (Тубдена) Намхая, который затем поступил в Уральское горное

46 Там же. Л. 40, 48 (письмо Извольского Столыпину, 29 ноября 1908).

47 Там же. Л. 71.

48 Там же. Л. 80.

49 Там же. Л. 71.

училище. Таким образом, Тугден Намхай стал первым тибетским студентом в России и вообще на Западе! Отметим здесь также, что по российским законам того времени в училище могли быть приняты только граждане России, поэтому для тибетца сделали исключение, тем более что о его зачислении ходатайствовали перед царем лично В.Н. Ламздорф и министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев. Последний, в частности, мотивировал свою просьбу внешнеполитическими соображениями — необходимостью «сближения и укрепления дружественных отношений с Тибетом»⁵⁰. Закончил ли этот тибетец русское училище, неизвестно, но мы знаем, что Доржиев использовал его в качестве курьера для связи с Далай-ламой, по крайней мере, дважды — в 1908 и 1910 гг.⁵¹

Покинув Пекин, Далай-лама, как уже говорилось, отправился в Тибет. Однако, если его выезд был довольно поспешным, то само путешествие растянулось почти на целый год. Получив сведения о действиях китайцев в Каме, Далай-лама явно не торопился возвращаться домой. В начале 1909 г. в монастыре Гумбум произошло его новое свидание с П.К. Козловым, который в это время заканчивал свою вторую большую экспедицию по Центральной Азии. Эта встреча искренне обрадовала обоих — Далай-лама вновь настойчиво приглашал Козлова в Лхасу, для научных исследований, но также, очевидно, и в расчете на то, что состоящий из казаков его отряд произведет соответствующий эффект в тибетской столице и окажет сдерживающее влияние на маньчжурского резидента. За две недели, проведенные в Гумбуме (с 22 февраля по 8 марта), Козлов еще более сблизился с Далай-ламой и в то же время подружился с одним из его приближенных, уже упоминавшимся нами молодым тибетцем Намганом (Дазанг Дамдул), которого он обучил фотографии. С удивлением Козлов отметил, что у Далай-ламы за годы странствий появился большой интерес к Западу. В его обстановке можно было увидеть всевозможные европейские предметы: бинокли, фотографические аппараты, образцы современного оружия и т. д. Беседуя с Козловым, он расспрашивал его о европейских новостях, проявляя некоторую осведомленность в этом отношении. Но больше всего Далай-лама и на этот раз говорил о России, «восхищаясь её техникой, машинами, инструментами, а равно вооружением русской армии, начиная от револьвера системы «Наган»

50 РГИА. Ф. 40, оп. 2, д. 121, лл. 124-124 об. Всеподданнейший доклад В.И. Тимирязева, 19 ноября 1905.

51 Архив СПФ РАН. Ф. 208, оп. 3, д. 196, л. 15 (письмо А. Доржиева Ольденбургу, 16 марта 1908); Русское слово. 1910. 30 декабря (заметка: «Поездка Далай-ламы в Петербург»).

до крепостных или морских дальнобойных орудий собственного производства». Прощаясь со своим гостем, Далай-лама высказал надежду, что «Россия будет поддерживать с Тибетом лучшие дружеские отношения и впредь также будет присылать ко мне своих путешественников-исследователей...»⁵².

По возвращении в Петербург Козлов получил два послания от Намгана — из Цайдама и из монастыря Раден (к северу от Лхасы). Особенно любопытно второе письмо (от 18 октября 1909 г.), в котором приближенный Далай-ламы сообщал своему русскому другу об отправке в Тибет из Сычуани «одного полка китайских войск», якобы для охраны страны, и о том, что этот полк, вероятно, будет размещен на тибетской границе. Судя по письму, это известие вызвало сильное беспокойство Далай-ламы, находившегося на подступах к Лхасе. Намган просил Козлова принять меры к недопущению китайских войск в Тибет, заручившись «согласием Хамбо Доржиева». В то же время в его письме содержалась еще одна просьба — прислать ему русские войсковые учебники и уставы, необходимые для обучения тибетских новобранцев. (Этим занимался в окрестностях Радена сам Намган, очевидно, используя приобретенные в Монголии, под руководством русских казаков, военные навыки.⁵³)

Подводя итог почти пятилетним странствиям Далай-ламы по Монголии, Северо-Восточному Тибету и Китаю, В. ван Шпенген отмечает, что они пошли на пользу верховному правителю Тибета, позволив ему «лучше понять сложную игру мировой политики». Со временем он «приобрел вполне адекватное представление об уязвимом положении Тибета среди великих держав»⁵⁴. Вместе с тем Далай-лама пережил большое разочарование — его надежды на то, что «покровительствующая буддизму» Россия выступит в защиту Тибета, не оправдались. В результате, не получив ожидаемой помощи от Петербурга и униженный Пекином, он вынужден был обратиться к третьей силе, той самой, которая послужила причиной его бегства из Лхасы, — к Англии.

52 Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М., 1948. С. 277.

53 Архив РГО. Ф. 18, оп. 3, д. 465, лл. 1 об., 2. Оба письма Намгана сохранились лишь в русском переводе.

54 Spengen Wan, van. Tibetan Border Worlds. A Geohistorical Analysis of Trade and Traders. London; New York, 2000. P. 39.

3.2. Тибетский вопрос в англо-русских отношениях в предвоенные годы

По возвращении в Лхасу в декабре 1909 г. Далай-ламе вскоре вновь пришлось покинуть свою столицу вследствие военной интервенции Китая. Произошло это в феврале 1910 г. незадолго до того, как передовые отряды китайских войск под командованием полковника Чунг Ина вошли в Лхасу. Эти войска были отправлены в Тибет Чжао Эрфенем под формальным предлогом охраны иностранных — английских — рынков в стране, в действительности же для того, чтобы привести Тибет в подчинение маньчжурским властям. На этот раз, однако, Далай-лама бежал не в сторону России, а в соседнюю Индию.

Тибетская армия, практически, не оказала сопротивления китайским войскам, ибо таково было распоряжение Далай-ламы, пытавшегося избежать конфронтации с Китаем. Узнав, что тибетский лидер бежал из Лхасы, амбань Лен Юй немедленно выслал за ним погоню, но небольшому отряду тибетских воинов, во главе с Дазанг Дамдулом, удалось задержать китайцев на переправе Чаксам через реку Цангпо (Брахмапутра), что позволило Далай-ламе благополучно перейти тибето-сиккимскую границу. Вместе с правителем Тибета бежали и шесть его главных министров, прихватив с собой государственные печати. Во время перехода через долину Чумби Далай-лама отправил письмо торговому агенту в Ятунге Д. Макдональду, и таким образом англо-индийское правительство узнало о случившемся. После некоторых колебаний было принято решение предоставить Далай-ламе политическое убежище, поселив его на окраине Даржилинга и обеспечив всем необходимым. Что касается реакции Лондона, то статс-секретарь по делам Индии лорд Морли рекомендовал калькуттскому правительству соблюдать строгий нейтралитет в китайско-тибетском конфликте. В то же время Англия не могла не воспользоваться представившейся возможностью для укрепления своей «дружбы с Тибетом»⁵⁵.

Сразу же по прибытии Далай-ламы в Даржилинг состоялась его первая встреча с Беллом, проходившая с глазу на глаз. (Белл свободно владел тибетским языком, хорошо знал тибетские обычаи и этикет, что, естественно, располагало к нему тибетцев.) Далай-

⁵⁵ Bell Ch. Tibet Past and Present. P. 110.

лама сразу же заявил Беллу, что китайский император обещал ему в Пекине не ограничивать его, далай-ламской, власти и статуса и не подвергать гонениям тибетское население. Эти обещания ныне нарушены, и в скором времени Китай, возможно, также станет заявлять свои притязания и на Индию. При последующих встречах Далай-лама и его министры попытались убедить английского дипломата в том, что Тибет вовсе не находится под сюзеренитетом Китая, приводя самые различные доводы. Они также отказывались признать англо-китайскую конвенцию 1906 г., поскольку она не была согласована с Тибетом и не была подписана тибетским представителем⁵⁶.

В марте 1910 г. Далай-лама совершил поездку в Калькутту, где имел встречу с новым вице-королем Индии лордом Минто. Правитель Индии, действуя в соответствии с полученными из Лондона инструкциями, дал ему понять, что Англия не может оказать помощь Тибету, сославшись на англо-русскую конвенцию, запрещавшую Англии, наравне с Россией, вмешиваться в тибетские дела. Тем временем китайское правительство вновь низложило Далай-ламу: в императорском указе от 12 (25) февраля против него были выдвинуты многочисленные обвинения – говорилось, например, о том, что он «возгордился», сделался «расточительным» и «распущенным», противился распоряжениям властей и наконец «тайно скрылся», когда «сычуаньские войска вступили в Тибет исключительно для водворения там порядка и для охраны открытых для торговли городов». А посему лхасским резидентам предписывалось – принять меры к отысканию среди «божественно одаренных мальчиков» нового перерождения Далай-ламы⁵⁷.

В то же время, чтобы рассеять опасения Лондона и Калькутты, Пекин официально уведомил английского посланника, что китайское правительство не намерено изменять административную систему Тибета и не собирается превращать Тибет в свою провинцию, что явилось бы нарушением ранее подписанных с Англией соглашений. В действительности, однако, власть в Тибете, после бегства Далай-ламы и его министров, перешла в руки лхасского амбана Лен Юя и главнокомандующего китайскими войсками Чунг Ина. Лхаса и Центральный Тибет были полностью оккупированы китайскими войсками. Впрочем, новые хозяева Лхасы чувствовали

⁵⁶ Ibid. P. 111.

⁵⁷ РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 64, лл. 52-53.

себя не слишком уверенно, — уже вскоре Лен Юй призвал Далай-ламу вернуться в Лхасу, пообещав восстановить его в законных правах. Такое возвращение, если бы оно состоялось, несомненно, придало бы легитимность новому режиму и вместе с тем сделало бы буддийского иерарха заложником Китая.

Понимая, что он не может рассчитывать на английскую помощь, Далай-лама, словно маятник, вновь качнулся в русскую сторону. Уже летом 1910 г. он попытался связаться с российской миссией в Пекине, куда отправил одного из своих приближенных. Этот тибетец, в частности, сообщил поверенному в делах в Китае М.С. Щекину как об обстоятельствах бегства Далай-ламы из Лхасы, так и о его нынешнем положении: в Даржилинге он находится под «очень строгим надзором» англичан, тем не менее, англичане относятся к нему «крайне предупредительно» и предлагают своё содействие в сношениях с Китаем, но он питает к ним недоверие и желал бы получить совет от России, а потому просит прислать к нему «доверенное лицо»⁵⁸. Щекин, однако, оставил просьбу Далай-ламы без последствий. Российская дипломатия не желала вмешиваться в тибетскую ситуацию, по тем же самым причинам, что и британская дипломатия.

Постепенно Далай-лама приходит к пониманию того, что Англия и Россия, будучи связанными взаимными договорными обязательствами, порознь не в состоянии оказать помощь Тибету, и только согласованные, совместные действия обеих великих держав могут остановить китайскую агрессию. После того как англо-индийское правительство вторично отвергло его просьбу о помощи — отказ, повергший тибетского правителя и его министров в состояние шока, — у Далай-ламы неожиданно появилась мысль о посещении Лондона и Петербурга для переговоров с английским королём и русским царем об установлении совместного англо-русского протектората над Тибетом. Такую идею, возможно, подсказал ему Доржиев, с которым он продолжал, втайне от англичан, поддерживать связь. В декабре 1910 г. Далай-лама начал зондировать почву — просил российского генконсула в Калькутте Б.К. Арсеньева выяснить, как русское правительство отнеслось бы к его приезду в Петербург, который он собирается посетить после поездки в Лондон. Полученный Арсеньевым из МИДа ответ был неутешительным: русское правительство, хотя и готово принять Далай-ламу в России, но

58 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 304-306. Делеша М.С. Щекина Извольскому, 5 июля 1910.

считает такой визит крайне нежелательным ввиду существующего соглашения с Англией. Поэтому консулу рекомендовалось «вежливо отклонить» просьбу Далай-ламы⁵⁹.

Сведения о планах Далай-ламы, благодаря Доржиеву, стали достоянием российской общественности. Так, в конце декабря газета «Русское слово» сообщила, что посещение Далай-ламой Лондона, а затем Парижа и Петербурга «считается делом решенным». «Со стороны русской дипломатии все это время Далай-лама находил искреннее участие, и его судьба интересовала русское правительство, которое охотно согласилось бы на его приезд в Петербург», — авторитетно утверждал корреспондент газеты. Говоря о действиях Китая в Тибете, он привёл официальную точку зрения Пекина: «Китайское правительство желает сохранить статус-кво в Тибете, но оно не может допустить, чтобы высшее духовное лицо, каковым является Далай-лама, играло политическую роль и забывало те вассальные отношения, которые существуют давно между Пекином и Лхассой»⁶⁰.

В конце 1910 г. Далай-ламу в Даржилинге посетил проф. Ф.И. Щербатской, находившийся в то время в научной командировке в Индии. Встреча эта состоялась в присутствии Ч. Белла, выступавшего в роли переводчика и одновременно представителя англо-индийского правительства. Беседуя с первосвященником, Щербатской старался не касаться политических вопросов: он сообщил ему только о ходе постройки буддийского храма в Петербурге и затем перевел разговор на научные темы. Однако на другой день ученого тайно посетил один из приближенных Далай-ламы, который просил его от имени своего владыки довести до сведения русского правительства, что «преданность Его Святейшества остается неизменною и что чувства его разделяются тибетским народом». Кроме того, Щербатскому было сообщено, что первосвященник в настоящее время хлопочет о разрешении отправиться в Калькутту и затем в Лондон, откуда он намеревается проследовать в С.-Петербург⁶¹.

В своих письмах в Петербург Щербатской отмечал незавидное положение тибетского правителя, похожее на «положение военнопленного, хотя и окруженного некоторым внешним почетом»: дом

⁵⁹ Там же. С. 230.

⁶⁰ Русское слово. 1910. 30 декабря. Заметка «Поездка Далай-ламы в Петербург».

⁶¹ Русско-индийские отношения в 1900–1917. Сборник архивных документов и материалов. М., 1999. С. 268. Донесение Б.К. Арсеньева министру иностранных дел о свидании Щербатского с Далай-ламой.

его охраняется «двойным кордоном», сообщение с ним по почте или телеграфу невозможно, не имеет он и свободы передвижения. «По моему настоянию,— писал Щербатской в отчете о поездке,— состоящие при Далай-ламе министры составили записку о всем том, что за последнее время было совершено китайскими властями в нарушение тибетской автономии. Записка эта... перечисляет то, в чем Далай-лама видит нарушение своих прав и что принудило его искать спасение в бегстве и прибегнуть к покровительству Англии и России»⁶².

Несмотря на бдительный контроль англичан, Далай-ламе удалось передать Щербатскому несколько писем в Петербург, в том числе два послания русскому царю. Эти письма были довольно эмоциональными. «После установления отношений между Россией и Тибетом,— писал Николаю II Далай-лама,— мы сделали всё возможное, чтобы, следуя совету Вашего Величества, улучшить отношения между Тибетом и Китаем. Однако ныне Китай посягнул на свободу Тибета и лишил законного Владыку и его подданных возможности жить в мире». Далай-лама далее заявлял о своём желании посетить Петербург («Ваш Дворец»), чтобы изложить царю «положение дел». При этом он отмечал, что английское правительство и вице-король Индии, хотя и проявляют интерес к тибетским делам, не в силах помочь Тибету. «Несмотря на наши настойчивые призывы о помощи, нам дали ясно понять, что никакая существенная помощь невозможна по причине соглашения между Россией и Англией». Вице-король также не позволил Далай-ламе отправить в Лондон своё посольство. Ситуация же в Тибете тем временем продолжает ухудшаться день ото дня из-за насильственной оккупации страны Китаем, что чревато полным уничтожением тибетской религии и государства, так что от Тибета скоро «останется лишь одно название». «Посему,— заключал первосвященник,— мы взываем к Вашему Двору и просим снестись с Китайским Правительством и разъяснить ему содержание соглашения между Россией и Англией, с тем чтобы тибетская религия и государственное устройство могли быть восстановлены». «Если будет удобно,— добавлял он,— то действуйте совместно с Английским Правительством»⁶³.

62 Там же. С. 273. Неопубликованная часть отчета Ф.И. Щербатского о его поездке в Индию, 1912; СПФ РАН. Ф. 148, оп. 1, д. 60, лл. 79-81. Письмо Щербатского В.В. Радлову из Даржилинга, 26 октября / 8 ноября 1910.

63 РГИА. Ф. 1102, оп. 2, д. 110, лл. 13-14. Письмо Далай-ламы Николаю II на тибетском языке, б/д, копия. Перевод на английский Ц. Шакия, с английского на русский - А.И. Андреева.

О чем, собственно говоря, просил Далай-лама российского монарха? Английский историк Ц. Шакья в своих комментариях к письму отмечает, что Далай-лама «признавал, что агрессия Китая в отношении Тибета была отчасти порождена страхом перед западными державами, стремившимися утвердиться в Тибете». Поэтому он призывал царя «рассеять опасения китайцев», указав им на то, что англо-русское соглашение запрещает как России, так и Англии вмешиваться во внутреннее управление Тибетом⁶⁴.

В начале 1911 г., по возвращении в Петербург, Ф.И. Щербатской передал в МИД докладную записку «О необходимости установления с Далай-ламой прямых дипломатических отношений». Такая необходимость, по мнению Щербатского, диктовалась сложившейся вокруг Далай-ламы ситуацией: китайское правительство просит его через лхасского амбана возвратиться в Тибет, обещая вернуть ему прежнее звание и восстановить «автономию Тибета», однако Далай-лама ставит условием своего возвращения присутствие при нем представителей России и Англии, неважно, как они будут называться – консулами, агентами по религиозным делам, путешественниками, учеными или как-то иначе. «Он справедливо полагает, что одного присутствия при нем представителей России и Англии будет достаточно, чтобы китайцы отказались по отношению к нему от своих типичных приемов управления, так что личная его безопасность будет более или менее обеспечена»⁶⁵. Поэтому Щербатской предлагал отправить в Тибет, через Даржилинг, научную экспедицию, полагая, что англичане не станут против этого возражать, ибо трехлетний запрет на подобные экспедиции, наложенный англо-русским договором, уже истек. Более того, ряд английских авторитетных политиков, в том числе генерал Ф. Янгхазбенд, прямо требует «совместной поддержки Далай-ламы Англией и Россией». В своей записке ученый-буддолог приводил и другие доводы в пользу предложенной им акции: Далай-лама является «очень важным фактором» не только в Тибете, но и в Монголии, особенно в сопредельной с Забайкальем Халхе, и потому совершенное игнорирование его с нашей стороны недопустимо. Тем более что Далай-лама убедительно доказал свою приверженность России, и его чувства следовало бы «оберегать и лелеять как зеницу ока», ввиду

64 Этот комментарий содержится в личном письме Ц. Шакья А.И. Андрееву.

65 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 308-309. Записка Ф.И. Щербатского датирована 31 марта 1911.

«возможного и вероятного столкновения России с Китайской Империей в будущем»⁶⁶.

Возглавить новую русскую экспедицию в Тибет намеревался П.К. Козлов. Помимо научной цели — исследования наименее изученного Центрального Тибета, экспедиция должна была иметь и цель сугубо политическую — содействовать «водворению» Далай-ламы в Лхасу⁶⁷. Идея Козлова, предварительно согласованная с Доржиевым, состояла в следующем: Россия посылает в Тибет, через Даржилинг или обычным маршрутом через Центральную Азию, небольшой экспедиционный отряд (естественно, с конвоем из забайкальских казаков), а Англия, со своей стороны, «эскортирует» Далай-ламу в Лхасу. Там обе экспедиции встречаются, и Далай-лама, таким образом, оказывается под двойной англо-русской защитой, гарантирующей ему безопасность. Генштаб в принципе одобрил проект П.К. Козлова⁶⁸, после чего (19 мая) он был доложен министром финансов гр. В.Н. Коковцовым Николаю II и получил одобрение императора. Путешественник также познакомил со своими планами английское посольство в Петербурге, где к ним отнеслись вполне сочувственно. И всё же этим планам не суждено было осуществиться опять-таки из-за противодействия МИД⁶⁹.

Тем временем А. Доржиев продолжал получать полные отчаяния послания из Даржилинга от Далай-ламы и его министров, призывавшие его убедить русское правительство выступить в защиту Тибета. «В интересах нашего Государства и Дхармы сделайте все возможное, чтобы встретиться с Русским Царем и заручиться его поддержкой для нашей пользы», — говорилось в одном из них⁷⁰. И Доржиев действительно предпринимал энергичные усилия в этом направлении, но добиться новой аудиенции у императора ему не удалось. В МИД же он встречал холодное равнодушие, ибо царская дипломатия не желала проявлять какой-либо активности в тибетском вопросе, ссылаясь на статьи англо-русского соглашения. Видя, что дело не двигается с места, Далай-лама просил Доржиева срочно

66 Там же. С. 309-310.

67 Архив Музея-квартиры П.К. Козлова. Ф. 1, оп. 6, д. 145/282. Письмо Козлова Е.В. Пушкаревой (будущей жене) от 12 апреля 1911.

68 Там же. Д. 132/269. Письмо П.К. Козлова Е.В. Пушкаревой от 21 марта 1911.

69 Там же. Д. 235/360. Письмо Козлова Е.В. Пушкаревой от 4 августа 1911.

70 РГИА. Ф. 1102, оп. 2, д. 110, л. 11. В том же деле содержится ещё одно послание Далай-ламы Доржиеву: «Цан-шаву. Недавно я отправил Тубдена Намгьяла в Бомбей с тем, чтобы он отослал через итальянское посольство письмо Русскому Царю и письмо вам, которое, я надеюсь, вы получили и выполнили то, о чем мы писали вам. Если вы ещё не сделали этого, то сделайте без промедления и уведомите нас об этом. Сделайте все возможное для восстановления независимости Тибета» (л. 12). Перевод с тибетского на английский Циренга Гьятсо, с английского на русский — А.И. Андреева.

выехать к нему для консультации в Даржилинг. В этой связи Доржиев в конце 1911 г. нанес визит новому министру иностранных дел С.Д. Сазонову (сменил в 1910 г. Извольского), которого просил дать ему «указания» относительно внешней политики Тибета и сообщить о взглядах русского правительства на тибетский вопрос «в целом». В своём ответе Сазонов сформулировал сущность нового подхода российской дипломатии к тибетскому вопросу:

«Императорское Правительство в виду отдаленности Тибета не признает наличности там сколько-нибудь крупных политических и экономических интересов России. Существующие интересы чисто религиозного характера касаются лишь русских подданных буддистов. Интересы же Англии в Тибете по преимуществу политические и экономические. Исходя из этих положений, внешняя политика Тибета должна покоиться на началах дружелюбия и мира к Англии. Тибет может входить с Англией в различные соглашения политического и экономического характера. Прежнее благожелательное отношение России к Тибету сохраняется. В религиозных делах Тибет найдет в России живейшую поддержку»⁷¹.

Эта предельно четкая формулировка свидетельствовала о дальнейшем, вполне сознательном, отходе России от тех позиций, которые она занимала в тибетском вопросе в 1906–1907 гг., и её желании передать свободу действий в Тибете в руки Англии. По мнению Т.Л. Шаумян, русская дипломатия «не только отказалась от оказания помощи Тибету и свела все существовавшие уже более десятилетия вполне определенные отношения лишь к чисто религиозным, но и продемонстрировала готовность отступить от выполнения условий англо-русского соглашения 1907 г. по Тибету... в пользу Англии, признав её преимущественные права в Тибете»⁷². Доржиев не мог не заметить этой перемены в позиции МИД. В своей докладной записке на имя Сазонова от 10 декабря 1911 г. он, признавая на словах справедливость правительственной точки зрения, пытался побудить министра к проведению более активной политики в отношении Тибета. У тибетцев, писал Доржиев, уже давно сложилось представление о России как о защитнице Тибета «от алчных соседей», и это представление окружено «мистическим ореолом». В то же время они испытывают враждебность к англичанам — к этому их подтолкнули хорошо известные события, как-то:

71 АВПРИ. Ф. Китайский стол, д. 1458, л. 290. Записка А. Доржиева в МИД от 10 декабря 1911. Копия этой записки хранится в архиве Музея-квартиры П.К. Козлова (Ф. 1, оп. 3, д. 15/73).

72 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 232.

англо-бурская война, экспедиция Янгхазбенда, волнения в Индии. Свою нынешнюю задачу в Тибете, в свете новых установок МИД, Доржиев понимает как совместное с Далай-ламой «окулирование» (т. е. привитие) тибетцам чуждых им взглядов и чувств, убеждение их в необходимости лояльного отношения к англичанам. Но это весьма трудная задача — даже огромный авторитет первосвященника не в силах «совершенно нейтрализовать народные массы». Тибетцы могут прийти к «опасному предположению», что Россия «предоставила Тибет на полный произвол Англии», и это может усилить их антибританские настроения, чем, в свою очередь, мог бы воспользоваться Китай. Единственный способ избежать политических осложнений, по мнению Доржиева, это установление совместного англо-русского покровительства над Тибетом, основанного на том или ином договорном акте. «Присутствие в Лхасе представителей России и Англии вселило бы в тибетцев убеждение, что им нечего бояться насильственных мер [со стороны Китая] и что под покровительством двух великих держав тибетцы, наконец, могут предаться мирному устройству своих внутренних дел»⁷³.

Однако совместный англо-русский протекторат над Тибетом был не нужен ни России, ни тем более Англии после происшедшего раздела сфер влияния в Азии. Далай-лама же и Доржиев настойчиво цеплялись за идею подобного протектората как за спасительную соломинку, понимая, что Тибет может сохранить свою государственность только при наличии сильных западных держав-покровителей, таких как Россия и Англия. Впрочем, глава МИД счел возможным, дабы не ронять престиж России, направить к Далай-ламе в начале 1912 г. вице-консула в Калькутте Л.Х. Ревелиоти для выражения «нравственной поддержки» Тибету. Русский дипломат передал первосвященнику письмо Николая II — ответ на его послания, доставленные в Петербург Щербатским, — в котором говорилось о «неизменной благожелательности» к нему царя, выражалась надежда на то, что судьба его переменится к лучшему, и давался совет «следовать политике доброго согласия с великобританским правительством по тибетским делам»⁷⁴. Далай-лама сообщил Ревелиоти о своих ближайших планах — переехать из Даржилинга в Калимпонг, ибо там более здоровый климат и, кроме того, Калимпонг находится ближе к Лхасе. На вопрос дипломата, как скоро он собирается

73 АВПРИ. Ф. Кит. стол, д. 1458, л. 291.

74 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 233.

вернуться в Лхасу, Далай-лама ответил, что без посторонней помощи ему будет трудно это сделать: «Будь у моего народа оружие, ему не стоило бы больших усилий отстоять свою независимость при поддержке России и Англии»⁷⁵. Сообщая в МИД о своей встрече с первосвященником, Ревелиоти отметил: «Если Его Святейшеству удастся в ближайшем будущем водвориться в Лхасе, опираясь на единодушную поддержку тибетцев, которым не так уж трудно будет скупить у деморализованных китайских войск оружие и изгнать китайцев из своей страны, то вопрос о дальнейшем международном положении Тибета может быть разрешен только путем воздействия на китайское правительство. Для нас, смею думать, было бы крайне полезным в предвидении будущего поддерживать надежду далеко не чуждого нам народа на наше попечение о нём»⁷⁶.

Между тем ситуация в Тибете продолжала оставаться крайне напряженной. В конце 1911 г. начались волнения среди солдат китайских гарнизонов в Лхасе, Шигацзе, Гьянцзе и других местах, недовольных неуплатой им жалованья. Солдаты обвинили амбаня Лен Юя в присвоении их денег, захватили казну резидента, а его самого заключили в тюрьму. Вместе с тем всё более нарастало сопротивление оккупантам со стороны местного населения. После переезда Далай-ламы из Даржилинга в Калимпонг (в феврале 1912) в Лхасе по его приказу тибетские сановники Норбу Тимон и Чампа Тэндар тайно сформировали военный департамент для руководства операциями против существенно ослабленных и деморализованных китайских частей. Командовать тибетскими войсками был назначен герой Чаксамского сражения Дасанг Дадул. «К тому времени, — пишет В.Д. Шакабпа, — китайская военная диктатура в Лхасе утратила свою силу и действовала неэффективно. Китайские солдаты продавали своё оружие и боеприпасы тибетским торговцам. Чампа Тэндар и Тимон субсидировали торговцев для покупки китайского огнестрельного оружия, когда тайно набирали тибетских солдат»⁷⁷.

Но был еще один фактор, ускоривший разрешение тибетского кризиса, — Синьхайская революция в Китае. Начавшись в конце 1911 г. (год «синьхай») Учаньским восстанием, она привела к свержению Цинской династии и установлению республиканского

75 Цит. по: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 315, 316. См. также: Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ). Серия 2. Т. XIX. Ч. 2. М., 1939. С. 193-197. Документ № 544.

76 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 318, 319.

77 Шакабпа В.Д. Тибет: Политическая история. СПб., 2003. С. 253, 255.

строю в стране. Это событие стало поворотным в судьбе тибетского и монгольского народов.

Движение за отделение от Китая и создание суверенного монгольского государства, при содействии России, началось в Халха-Монголии ещё в конце XIX века и продолжало неуклонно нарастать в последующие годы. Главной причиной недовольства монголов, как уже отмечалось выше, была колониционная политика маньчжурской администрации. В июле 1911 г. на тайном совещании халхаских князей и лам в Урге было принято решение «порвать все отношения с Китаем и обратиться к России с просьбой о покровительстве»⁷⁸. В результате летом того же года в Петербург была направлена монгольская депутация во главе с князем Ханда-Дорчжи, доставившая личное послание Ургинского Хутухты Николаю II. Приезд этой миссии способствовал выработке основных положений российской политики в отношении Внешней Монголии, при этом наметились два различных подхода в решении монгольского вопроса. С одной стороны, С.Д. Сазонов, помощник министра А.А. Нератов и управляющий делами по Дальнему Востоку Г.А. Казаков выступали за создание автономного Монгольского государства, суверенного в своей внутренней политике, но входящего в состав Китая. С другой стороны, министр финансов В.Н. Коковцов и директор канцелярии министерства финансов В.Н. Львов считали, что Россия должна проводить более активную политику в Монголии – создавать там крупные промышленные предприятия, торгово-промышленные банки, строить дороги, школы и т. д. Подобные взгляды разделяла и часть высшего руководства военного министерства и Главного штаба. Так, А.Н. Куропаткин ратовал за присоединение Внешней Монголии к России на правах автономии с целью обеспечения безопасности российских рубежей, так как такая аннексия позволила бы передвинуть линию русской границы с Китаем к непроходимой пустыне Гоби. Верх в борьбе этих двух ориентаций в монгольской политике одержала компромиссная позиция Сазонова. В результате Особое совещание по делам Дальнего Востока от 17 августа 1911 г. приняло решение: не выступая активно в монгольском вопросе и не принимая на себя обязательств «силою оружия отстаивать отделение Монголии от Китая, выступить посредником между ними и поддержать дипломатическим путем

78 Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. С. 45.

стремление монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзереном (т. е. Китаем.— А.А.)»⁷⁹. Окончательная монгольская программа, принятая российским правительством, включала в себя два основных пункта:

- 1) поддержка дипломатическими средствами Халха-Монголии, но в рамках широкой автономии, без полного разрыва с Китаем, и
- 2) посредничество между Внешней Монголией и Китаем, активное противодействие последнему в его военной и колониационной политике в Монголии⁸⁰.

Несмотря на рекомендации Петербурга, халхаские князья и представители духовенства 18 ноября (1 декабря) 1911 г. провозгласили независимость Внешней Монголии. Амбань Сандо и китайские войска бежали из Урги, после чего 16 (29) декабря Богдо-геген был торжественно возведен на престол в качестве светского правителя Монголии, акт, знаменовавший собой создание Монгольского теократического государства. Россия, естественно, не могла остаться в стороне от этих событий. Уже в конце 1911 г. она попыталась реализовать свою монгольскую программу, предложив правительству Китая заключить при посредничестве России договор с провозгласившей независимость Внешней Монголией. Не получив отклика на своё предложение, Петербург в сентябре 1912 г. отправил в Ургу опытного дипломата, бывшего посланника в Пекине И.Я. Коростовца, который 3 ноября заключил с министрами Богдо-гегена двусторонний договор. Этим соглашением царское правительство, фактически, установило протекторат над автономной Внешней Монголией. Россия обязалась оказывать Монголии помощь в сохранении установленного ею строя, не допускать на территорию Монголии китайские войска и препятствовать её колонизации «в принципе». Монгольское правительство, в свою очередь, предоставило России целый ряд прав и привилегий, которыми не пользовались представители других держав, как-то: «свободно проживать, заниматься торговлей, промышленными и иными делами» в Монголии, покупать или арендовать земельные участки, приобретать концессии для эксплуатации горных и лесных богатств и т. д.⁸¹ (Основы этого договора были подтверждены в соглашении 1913 г. и затем окончательно закреплены в Кяхтинском тройном русско-китайско-монгольском акте 1915 г.) В своих мемуарах ба-

⁷⁹ Там же. С. 46-47.

⁸⁰ Там же. С. 47.

⁸¹ Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 51, 83.

рон Б.Э. Нольде (управлявший в те годы юрисконсультской частью МИД) писал: «На русской границе, от Алтая до Маньчжурии, место Китая заняли монголы, все будущее которых, политическое и культурное, было в руках России. Цель была достигнута без резких и непоправимых конфликтов, бесшумно и без всякого намека на политическую авантюру»⁸².

События в Тибете тем временем достигли своей кульминации. Лишившись подкреплений и провианта, лхасский гарнизон был вынужден капитулировать. 21 августа (3 сентября) 1912 г. прибывший из Пекина личный посланник временного президента Китайской Республики генерала Юань Шикая Ян Фен подписал с тибетцами договор о перемирии. Согласно этому договору, амбану было позволено остаться в Лхасе, сохранив при себе небольшую личную охрану (200 солдат); все остальные китайские войска должны были сдать оружие и амуницию и возвратиться в Китай через территорию Индии. Таким образом, завершилась почти трехлетняя китайская интервенция в Тибете.

Свержение Цинской династии, по мнению В.А. Богословского, означало «автоматическое исчезновение» сложившейся между Китаем и Тибетом системы отношений (вассалитета) и, следовательно, «юридических, правовых основ зависимости Тибета и его нахождения в составе Китая»⁸³. Однако новые республиканские власти Китая смотрели на ситуацию иначе. В апреле 1912 г. Юань Шикай издал декрет, который провозгласил Китай государством равноправных рас (национальностей), отменил понятие «зависимые территории» (к каковым относились Монголия и Тибет), приравняв их к провинциям. Позднее (12/25 июля) в Пекине был учрежден особый Комитет по делам Монголии и Тибета — шаг, означавший, что центральное правительство намерено сохранить свой контроль над Монголией и Тибетом. Сообщая об этом в Петербург, русский дипломат в Пекине В.Н. Крупенский отмечал, что «вводимой мерой китайское правительство еще раз подчеркивает как своё нежелание считаться с выставленными отложившимися от Китая частями Монголии требованиями, так и своё твердое намерение видеть в них неразрывные части Китая, управляемые центральным правительством на общих основаниях»⁸⁴. Как и другие китайские провинции, Монголия и Тибет должны были делегировать своих представителей в

82 Нольде Б.Э. Далекое и близкое. Париж, 1930. С. 76.

83 Богословский В.А. Политика XIII Далай-ламы в Тибете. М., 2002. С. 11.

84 РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 64, л. 84. Делепеша Крупенского от 14 июля 1912.

нижнюю палату будущего парламента: 27 депутатов от Монголии, 3 от Кукунора (провинция Цинхай) и 10 от Тибета.

В целом политика Юань Шикая в отношении Тибета в этот ранний период Китайской Республики мало чем отличалась от политики Цинов накануне крушения Поднебесной империи. 21 апреля 1912 г. генерал издал декрет, согласно которому Тибет должен был быть преобразован в одну из провинций Китая. А затем, летом того же года, губернаторы Сычуани и Юньнани отправили военную экспедицию в Восточный Тибет для восстановления там китайской администрации. Эта акция заставила Далай-ламу обратиться за помощью к англичанам, которые откликнулись на его призыв, отправив в Кам для урегулирования этого нового конфликта бывшего начальника полиции Даржилинга сиккимца по происхождению Ладен Ла. В то же время Юань Шикай предпринял шаги, чтобы наладить отношения с Далай-ламой. Так, он направил тибетскому лидеру в августе телеграмму, в которой выразил «сожаление» по поводу нанесенных ему оскорблений маньчжурскими властями, а также заявил, что восстанавливает его титулы, которых он был лишен после отъезда в Индию. Далай-лама ответил на это, что не просил китайское правительство даровать ему какие-либо титулы и намерен впредь самостоятельно управлять Тибетским государством как его светский и духовный правитель. Это заявление было воспринято тибетцами как декларация независимости Тибета⁸⁵. Юань Шикай, однако, проигнорировал подобную декларацию. 28 октября он издал декрет, согласно которому Далай-ламе прощались его прошлые «промахи» и возвращался высокий титул («Верный, Покорный... Самосуций Будда») в надежде, что он «сможет поддержать буддийскую религию и оказать помощь Республике»⁸⁶.

Англия с большой тревогой следила за развитием событий в Тибете и за действиями новых китайских властей, пытавшихся лишить страну самоуправления. 17 августа 1912 г. Дж. Джордан направил ноту правительству Китая, в которой в ультимативной форме потребовал соблюдения договоров, определяющих статус Тибета. В ноте, в частности, говорилось, что 1) Британское правительство, признавая сюзеренные права Китая в Тибете, вместе с тем выступает против вмешательства Китая во внутренние дела Тибета, так как это противоречит ст. 1 конвенции 1906 г.; 2) Президент должен отменить свой декрет от 21 апреля 1912 г., который приравнива-

85 См.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 233-234; Богословский В.А. Политика XIII Далай-ламы... С. 12.

86 Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 59.

ет Тибет к китайским провинциям; 3) Китай может иметь в Лхасе своего представителя в качестве советника тибетского правительства по иностранным делам, однако число войск при нем должно быть строго ограничено. Заканчивалась нота призывом к Китаю заключить письменное соглашение по этим пунктам в качестве условия признания Великобританией правительства Китайской Республики⁸⁷. Препровождая копию этой ноты в МИД, российский поверенный в делах в Лондоне Н. Эттер отмечал, что лондонский кабинет «счел нужным прибегнуть к этой мере воздействия, или скорее предупреждения, вследствие общего образа действия китайцев, клонящегося, вопреки условиям соглашений, к постепенному расширению их сюзеренных прав над Тибетом»⁸⁸.

Новая позиция Англии в вопросе о статусе Тибета была сформулирована в начале 1912 г. после детальной проработки этого вопроса Форин оффисом совместно с Департаментом по делам Индии (India Office) и сводилась к трем основным пунктам: 1) Китай имеет сюзеренные (а не суверенные!) права над Тибетом. Это означает, что китайцы могут иметь своего представителя (амбаня) в Лхасе, но они не должны вмешиваться во внутреннее управление Тибетом. 2) В Тибете не должны размещаться китайские войска кроме небольшого («церемониального») эскорта при амбане. 3) В Тибете не должны находиться китайские гражданские власти кроме амбана. Таким образом, как отмечает А. Лэмб, Тибет становился «чем-то вроде одного из самоуправляемых членов Британского Содружества, при этом амбань, подобно генерал-губернатору, должен был выполнять чисто церемониальные функции»⁸⁹. На основе этой новой «формулы» Тибета Джорданом, фактически, и была составлена нота от 17 августа, которую Лэмб называет «одним из важнейших документов в истории отношений Британии с Тибетом»⁹⁰.

Незадолго до этого демарша британской дипломатии лондонский официоз «Times» опубликовал статью под заголовком «Будущее Тибета». В ней говорилось, что в Тибете за последнее время создалась «новая ситуация», которая делает неотложным для Великобритании пересмотр её «взаимоотношений с этой беспокойной страной», и содержался призыв активизировать английскую

87 Lamb A. The McMahon Line. A Study in the Relations between India, China and Tibet. 1904–1914. Vol. 2. London, 1966. P. 434–436, 604–605 (текст ноты Джордана). См. также: Остриков П.И. Империалистическая политика Англии в Китае в 1900–1914 гг. М., 1978. С. 205.

88 См.: МОЭИ. Сер. 2. Т. XX. Ч. 2. М., 1940. С. 95.

89 Lamb A. The McMahon Line... Vol. 2. P. 433–434.

90 Ibid. P. 435.

политику в отношении Тибета. «Какое бы направление ни приняла наша политика, ясно одно, что мы должны сейчас настаивать на том, чтобы китайское вмешательство в будущем могло иметь место только в определенных, строго установленных пределах. Мы имеем все основания добиваться, чтобы Тибет никогда больше не был лишен дважды отвоеванной им автономии»⁹¹.

А. Лэмб также отмечает, что в 1912 г. сложилась «чрезвычайно сложная ситуация». Англия признала, что Китай имеет «законную власть» над Тибетом. Более того, согласно англо-русской конвенции 1907 г., она обязалась «сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства». Таким образом, хотя Китай фактически утратил свой контроль над Центральным Тибетом (несмотря на то, что там еще оставались контингенты неэвакуированных китайских войск), англичане, в силу ранее принятых на себя обязательств, не имели права вступать в прямые переговоры с Далай-ламой без участия китайской стороны. «Признание Великобританией полной независимости Тибета, — пишет Лэмб, — казавшееся привлекательным некоторой части чиновников в аппарате индийского правительства, исключалось статьями англо-русской конвенции 1907 г.». В то же самое время Лондон не мог игнорировать «новую ситуацию», возникшую к северу от гималайской границы, поэтому «следовало предпринять какие-то шаги во имя будущих отношений между Далай-ламой (ставшим теперь другом англичан) и индийским правительством»⁹².

Действительно, двухлетнее пребывание в Индии помирило Далай-ламу с его прежними врагами. Этому во многом способствовало дружеское общение владыки Тибета с приставленным к нему сиккимским резидентом (political officer in Sikkim) Чарльзом Беллом. Под руководством Белла Далай-лама продолжил изучение западной политической системы, начатое в Урге. В книге воспоминаний сам Белл рассказывал об этом так: «Я часто показывал ему (Далай-ламе) карты разных континентов, с тибетскими названиями наиболее важных мест. <...> Его особенно интересовали Великие Державы, и он узнал все, что мог, о королях и разных странах мира. <...> В Индии он наблюдал британские методы правления и сравнивал их с китайскими методами в Тибете и Китае. Главных министров (Далай-ламы), естественно, интересовали источники

91 Цит. по: МОЭИ. Сер. 2. Т. XX. Ч. 2. М., 1940. С. 96. Примечание 1 к документу № 567.

92 Lamb A. Tibet, China & India... P. 10.

доходов Непала, Сиккима, Куч Бихара и других известных им государств. Они особенно отмечали, что индийские княжества, которым английские власти обеспечили безопасность и предоставили свободу в их внутреннем управлении, находятся в идеальном положении. Они вздыхали и говорили: “Вот каким мы хотели бы видеть Тибет”»⁹³.

Что касается России, то она, в годы второй эмиграции Далай-ламы, находилась в положении стороннего наблюдателя, получая всю информацию о китайских и тибетских событиях от своих дипломатических представителей в Китае и Индии. 21 августа 1912 г. генконсул в Калькутте К.Д. Набоков направил большую депешу С.Д. Сазонову, в которой дал оценку политике Китая и Англии в Тибете и в то же время высказал некоторые собственные соображения относительно будущей тибетской политики России. Англия, по мнению Набокова, «хочет вернуть Тибет к status quo ante миссии Янгхазбенда», т. е. к положению, при котором Тибет, фактически, являлся автономным государством, при сохранении номинального сюзеренитета Китая. Набоков, однако, считал невозможным осуществление на практике компромисса — совместного пребывания в Лхасе Далай-ламы, облеченного полнотой власти в качестве духовного главы, и амбана как представителя фиктивного сюзеренитета Китая. Сам Далай-лама, его постоянные колебания и нерешительность, вызывали у русского дипломата явное раздражение: «он далеко не сильный человек... нет решительно никаких указаний, что события последнего времени хоть сколько-нибудь управлялись им; это точно раззолоченная пешка, которою играет всяк, кто и как захочет»⁹⁴. В этой связи Набоков упомянул об отправленном Далай-ламой письме Юань Шикаю «с изъявлением своей покорности и преданности». Говоря о русской политике в тибетском вопросе, он склонялся к мысли о желательности заключения нового договора с Англией: «настало, казалось бы, время нам окончательно сговориться с Англией и, быть может, путем признания за нею преимущественных интересов в Тибете достигнуть удовлетворения более насущных политических выгод в других областях, где наши интересы соприкасаются с английскими»⁹⁵. В письме Сазонову от 27 декабря 1912 г. Набоков констатировал значительное укрепление позиций Англии в Тибете: своим пребыванием в Индии и всем

⁹³ Bell Ch. Portrait of a Dalai Lama... P. 136, 137.

⁹⁴ РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 64, лл. 89 об., 90.

⁹⁵ Там же. Л. 90 об.

дальнейшим своим поведением первосвященник «дал англичанам в руки столько оружия, что в этой игре им выигрыш обеспечен». Англия, по мнению Набокова, «не хочет упустить случая сохранить la haut main (фр. контроль.— А.А.) над тем, что происходит в Тибете», и обстоятельства складываются для неё «весьма благоприятно». О том, что англичане активизировали свою тибетскую политику, определенно свидетельствовала нота Форин оффиса от 17 августа, ибо они «не стали бы выдвигать китайские войска... ради прекрасных глаз Далай-ламы». А потому, «если бы возник вопрос о пересмотре нашего с Англией соглашения, наше признание за ней права проникновения в Тибет носило бы теперь характер не вынужденного признания факта, а добровольной уступки, ценою которой мы вправе были бы требовать соответствующих «компенсаций» там, где они нам нужнее, т. е. на Афганской границе. <...> Мне кажется, что если мы упустим настоящий благоприятный момент для одновременного пересмотра афганских и тибетских статей соглашения, мы проиграем в Тибете и ничего не добьемся от Англии в Афганистане»⁹⁶.

Идеи, высказанные Набоковым, во многом разделялись Сазоновым, особенно мысль о возможной ревизии англо-русской конвенции: предоставление англичанам большей свободы действий в Тибете с целью получения соответствующей компенсации в афганском вопросе. («В Афганистане конвенция 1907 г.,— писал Набоков,— нам не на радость, и мы вряд ли долго будем терпеть нынешнее положение всегда».)

В сентябре 1912 г. Сазонов (который, как и его предшественник Извольский, был убежденным сторонником англо-русского сближения) совершил поездку в Англию, где был встречен с необыкновенным радушием. Король Георг V заверил российского министра иностранных дел в своем искреннем расположении к России и твердом желании поддерживать между нею и Англией «самые близкие отношения, основанные на взаимном доверии и понимании обоюдных интересов»⁹⁷. Во время бесед со статс-секретарем по иностранным делам Э. Греем Сазонов затронул положение дел в странах Центральноазиатского региона, где англо-русские разногласия, казалось, были раз и навсегда устранены конвенцией 1907 г. Особенно много Сазонов и Грей говорили о Персии в связи с

⁹⁶ Там же. Лл. 110, 110 об.

⁹⁷ МОЭИ. Сер. 2. Т. XX. Ч. 2. С. 457. Документ № 1034: Приложение к докладной записке С.Д. Сазонова Николаю II.

нестабильностью внутреннего положения в стране после отречения шаха Мохаммеда-Али. Грей был категорически против восставления на престоле бывшего шаха, союзника и протектора России. Сазонов, со своей стороны, высказал мысль, что рано или поздно России и Англии, вероятно, придется заняться пересмотром своих взаимных отношений к «нейтральной зоне», в смысле сведения её на нет, т. к. «при нынешнем положении доступ в неё открыт всем, и она не защищена от посягательств третьих сторон», имея в виду, прежде всего, Германию. Грей в принципе с этим согласился. Говоря об Афганистане, Сазонов пожаловался на неблагоприятное положение на русско-афганской границе из-за отказа эмира допустить «непосредственные сношения» между русскими и афганскими пограничными властями, в соответствии с англо-русской конвенцией. Грей и присутствовавший при беседе статс-секретарь по делам Индии лорд А. Кроу согласились со справедливостью жалоб Сазонова, заверив его, что приложат усилия, чтобы путем переговоров с эмиром достигнуть улучшения положения, «хотя эмир Хабибулла плохо слушается голоса Англии». Такое же взаимопонимание сторон обнаружилось и при обсуждении тибетского вопроса. Грей вновь заверил своего российского коллегу, что Англия не имеет никаких видов на Тибет и не стремится к изменению существующих между Англией и Россией договоренностей в отношении этой страны. В то же время, сославшись на ноту Форин оффиса китайскому правительству (17 августа), Грей заявил, что Англия считает недопустимым проникновение в Тибет значительных китайских вооруженных сил, а потому, если бы Китай попытался, несмотря на сделанное ему «предостережение», все же послать свои войска в Тибет, Англии пришлось бы отправить военную экспедицию в долину Чумби, чтобы помешать этому. Однако, добавил он, лондонский кабинет не примет подобного решения, предварительно не предупредив о нем русское правительство⁹⁸.

Примечательно, что, говоря о Тибете, Грей упомянул о деятельности России в Монголии, при этом он провел параллель между ней и положением Англии в Тибете. Сазонов, однако, отказался признать «сходство между этими двумя вопросами», указав на то, что в случае Тибета Англия связана по отношению к России «известными соглашениями», тогда как Россия «не имеет никаких подобных обязательств по отношению к Англии касательно Монголии»,

⁹⁸ Там же. С. 461.

где, к тому же, у англичан нет ни политических, ни экономических интересов. Тем не менее, ради поддержания установившихся дружественных отношений с Англией, он счел необходимым «доверительно ознакомить» Грея «в самых общих чертах и лишь для личного осведомления» о характере ургинской миссии Коростовца.

Заключение русско-монгольского договора в ноябре 1912 г., несомненно, оказало влияние на позицию МИД в тибетском вопросе. В середине декабря Сазонов сообщал в секретной телеграмме российскому послу в Лондоне Бенкендорфу: «Мы считали бы для нас выгодным заключение между английским правительством и Далай-ламой непосредственного соглашения, поскольку оно не нарушало бы нашей конвенции с Англией о Тибете, т. к. таковое соглашение устанавливало бы по отношению Китайского правительства параллелизм между нашим положением в монгольском вопросе и положением Англии в вопросе Тибета»⁹⁹. Таким образом, на исходе 1912 г. российская дипломатия стала проявлять очевидное желание устраниваться от обременительных для неё тибетских дел, путем предоставления Англии большей или даже полной свободы действий в Тибете, но хотела получить за это определенную компенсацию, предпочтительно в афганском вопросе. Однако реализация такого плана требовала пересмотра англо-русской конвенции, по крайней мере в её тибетской и афганской частях. В то же время Петербург давал понять Лондону, что он не будет возражать против заключения Англией сепаратного соглашения с Тибетом, аналогичного русско-монгольскому договору, при формальном сохранении базовых положений тибетской конвенции. Но в договоре и конвенции имелось одно существенное различие: Англия и Россия в своём соглашении по Тибету признали китайский сюзеренитет над последним, в то время как в русско-монгольском договоре 1912 г. отсутствовало какое-либо упоминание о сюзеренитете Китая над Внешней Монголией. Протесты Пекина, однако, заставили Россию формально признать таковой, дабы избежать обострения отношений с Китаем. В конце 1912 г. правительство Юань Шикая предложило царскому правительству заключить соглашение по Внешней Монголии, для чего передало Петербургу свой проект такого соглашения. В результате между Россией и Китаем начались переговоры, приведшие к подписанию 5 ноября 1913 г. в Пекине Декларации о Внешней Монголии. Согласно этой деклара-

99 РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 64, л. 104. Телеграмма Сазонова Бенкендорфу от 16 декабря 1912.

Первая служба в буддийском храме в С.-Петербурге по случаю 300-летия Дома Романовых, 21 февраля 1913.

Портал храма украшен флагами России, Тибета и Монголии.

Стоят в 1-м ряду слева направо: П.К. Козлов (3-й), А. Доржиев (6-й), Бандидо Хамба-лама Итигелов (7-й), члены монгольской делегации Ханда-Ван Дорж (8-й), Сайн-Ноён Хан (9-й).
Архив РГО.

ции, Россия признала сюзеренитет Китая над Внешней Монголией, а китайское правительство – автономию Внешней Монголии и обязалось не содержать там гражданских и военных властей и не проводить колонизацию. В то же время Китай признал все статьи русско-монгольского договора и протокола от 3 ноября 1912 г.¹⁰⁰ Последовавшее через два с половиной года (в мае 1915) Кяхтинское тройное русско-китайско-монгольское соглашение об Автономной Внешней Монголии подтвердило сюзеренитет Китая над Халхой: Россия и Китай взаимно признали Внешнюю Монголию «частью китайской территории».

В то время как в МИД выработывался новый подход к тибетскому вопросу, прокладывая путь к закулисной сделке с Англией, Агван Доржиев продолжал предпринимать усилия, чтобы привлечь Россию к разрешению тибетского кризиса в рамках своего утопичного проекта англо-русского протектората над Тибетом. В начале 1912 г. он отправился в Тибет для консультаций с Далай-ламой, с которым встретился в местечке Пхари (Пари-дзонг) в долине Чумби, куда Далай-лама незадолго до этого прибыл из Калимпонга. (По другой версии, их встреча произошла не в Пхари, а в самом Калимпонге.) Далай-лама подтвердил дипломатические полномочия Доржиева как «посредника в сношениях Тибета с Россией», снабдил его письмом и подарками для подношения императору, а также

¹⁰⁰ См.: Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 54-55.

«инструкциями» для ведения переговоров с министром иностранных дел. Доржиеву предстояло выяснить, «окончательно ли Россия отказалась от всяких сношений с Тибетом и от прав, подтвержденных англо-русским соглашением 1907 г., или же и впредь будет в той или иной форме эти сношения и права поддерживать»¹⁰¹. Далай-лама также передал Доржиеву 50 тысяч серебряных лан, предназначенных для завершения строительства буддийского храма в Петербурге.

На обратном пути в Россию Доржиев ненадолго остановился в Урге, где, выступая в качестве полномочного представителя Тибета, подписал с монгольским правительством 29 декабря 1912 г. (11 января 1913 г.) монголо-тибетский договор о дружбе и взаимопомощи. В этом, на первый взгляд, политически довольно безобидном соглашении правители Тибета и Монголии, Далай-лама и Чжебзун-дамба, взаимно признавали независимость Монгольского и Тибетского государств. Другие статьи договора содержали ряд деклараций общего характера — о взаимной помощи двух народов «в случае внутренней и внешней опасности», о взаимном покровительстве монголов тибетцам, а тибетцев монголам, проезжающим через территории соответственно Монголии и Тибета и т. п.¹⁰² Тибето-монгольский договор, несомненно, преследовал цель создания духовного и политического союза между Тибетом и Монголией, но в то же время с его помощью Доржиев, зная о недавно заключенном русско-монгольском договоре, вероятно, стремился также привлечь российскую дипломатию к решению тибетского вопроса в случае новых англо-китайских переговоров по Тибету.

Пересылая текст договора в МИД, российский уполномоченный в Урге И.Я. Коростовец, однако, счел необходимым отметить в сопроводительной депеше, что соглашение «не представляет политического значения и не заслуживает названия международного акта» ввиду «неправоспособности сторон», хотя оно все же не лишено «некоторой симптоматичности», являясь «протестом против навязываемого как Тибету, так и Монголии китайского суверенитета». С точки зрения российских интересов, сближение Монголии с Тибетом, полагал Коростовец, «скорее выгодно, ибо может послужить полезным предостережением чрезмерному честолюбию и

101 Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 323 (А. Доржиев. Памятная записка о положении Тибета).

102 Известия МИД. СПб. 1913., Т. 2. С. 51-53.

самонадеянности Республиканского Правительства /Китая/ и даже побудить его к сговорчивости»¹⁰³.

Столь же хитроумной была и другая затея Доржиева — побудить Россию к оказанию военной помощи Тибету. Сразу же по приезде в Троицкосавск 5 /18 января 1913 г. он подал записку генерал-губернатору Забайкальской области, в которой рассказал о своём путешествии в Тибет. Из этой записки мы узнаем ряд любопытных фактов, например, что в пути Доржиева сопровождали, в качестве охраны, три буряты-казака из Забайкальского казачьего войска (Ц. Ганжуров, Б. Будаев и Б. Мункуев). Вместе с ними, присоединившись в Калимпонге к свите Далай-ламы, он совершил поездку в Лхасу, где стал свидетелем заключения перемирия между воюющими сторонами и провозглашения Далай-ламы светским правителем Тибета, который затем «объявил свою независимость». Однако главное в записке Доржиева — это уведомление властей о том, что он, по настоянию Далай-ламы и тибетского правительства, озабоченных укреплением военной мощи Тибета, оставил трех сопровождавших его казаков в Лхасе «в качестве негласных инструкторов для обучения тибетского войска». В такой просьбе, поясняет Доржиев, я не мог отказать «ввиду самых приятных и симпатизирующих отношений тибетцев к России». Сообщая об этом забайкальскому военному начальству, Доржиев просил его разрешить «негласное пребывание казаков в Тибете», заверяя о принятых мерах предосторожности: «пребывание казаков в Лхасе среди тибетцев находится под большим секретом и не подлежит огласке», к тому же буряты-казаки свободно владеют монгольским языком и по своей одежде и манерам не отличаются от монголов и тибетцев¹⁰⁴.

В связи с поездкой Доржиева в Тибет, заслуживает упоминания ещё один любопытный факт. Вместе с Доржиевым в Петербург (в феврале 1913 г.) прибыли 15 тибетских юношей для обучения в российских учебных заведениях¹⁰⁵. Из западных источников мы знаем, что в том же 1913 г. Далай-лама отправил четырех молодых тибетцев в Англию для изучения западных наук (геологии, электротехники, топографии и военного дела), более всего необходимых для модернизации Тибета¹⁰⁶. Что же касается приехавших

103 Там же. С. 52.

104 РГВИА. Ф. 2000, оп. 1, д. 7668, лл. 58, 58 об.

105 Кулешов Н.С. Россия и Тибет... С. 214.

106 Tsarong Dundul Namgyal. Op. cit. P. 50; Шакабпа В.Д. Указ. соч. С. 264.

А. Доржиев в своей квартире при буддийском храме после возвращения из Тибета в 1913 г. Стоящий рядом с ним мальчик предположительно является одним из группы тибетских юношей, привезенных Доржиевым в Петербург для обучения в российских учебных заведениях. Центральный государственный архив кинофотодокументов, далее ЦГАКФФД.

в Россию тибетцев, то об их дальнейшей судьбе нам, практически, ничего не известно. Имеется лишь краткое сообщение П.К.Козлова о том, что они умерли «прежде времени», якобы «от тоски по родине»¹⁰⁷. Впрочем, ностальгия едва ли могла послужить причиной смерти всей группы тибетцев.

Усилия Доржиева с целью сближения России с Монголией и Тибетом, однако, оказались тщетными. Заявив о своих преимущественных интересах во Внешней Монголии, Россия стремилась избежать активного вмешательства в тибетские дела, поэтому МИД не признал монголо-тибетского договора, составившись на «неправомочность» подписавших его сторон, о чем поставил в известность английского посла в Петербурге Дж.

Бьюкенена. Сазонов также отказался принять Доржиева как полномочного представителя Тибета. (Еще в то время, когда Доржиев находился в Урге, Сазонов просил Коростовца объяснить посланцу Далай-ламы, что по конвенции 1907 г. Россия обязалась не входить в непосредственные дипломатические отношения с Тибетом, а потому министерство иностранных дел не может принять его «в качестве официального представителя Тибетского Правительства»¹⁰⁸.)

Столкнувшись с обструкцией МИД, Доржиев был вынужден передать посланные Далай-ламой на имя Николая II два письма (одно сугубо политического характера, а другое — по религиозно-культурным вопросам) и вместе с ними свою собственную записку «по тибетскому вопросу» не Сазонову, а председателю Совмина В.Н. Коковцову. Находясь в Урге, Доржиев составил еще одну за-

¹⁰⁷ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 365. Запись от 19 ноября 1924.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 64, л. 106. Секретная телеграмма Сазонова Коростовцу, 22 декабря 1912.

писку («Памятная записка о положении Тибета» от 11 февраля 1913 г.), которую направил лично министру иностранных дел через ургинское генконсульство. В своём политическом послании царю Далай-лама сообщал, что тибетский народ имеет великое желание обнародовать «состоявшееся... провозглашение Тибета независимым государством и избрание Нас Царем Тибета». При этом, однако, он высказывал серьезные опасения в связи с «желанием англичан», чтобы Тибет «остался под властью Китая», считая, что это позволит последнему вмешиваться в тибетские дела и таким образом может «свести на нет все достигнутое нами путем кровавой борьбы». Именно по этой причине им и был отправлен в Россию Агван Доржиев «для испрошения советов и милостивого решения» русского царя по следующим вопросам: 1) о посредничестве России в установлении дружеских отношений между Тибетом и Англией, а также о покровительстве и признании Россией, совместно с Англией, независимости Тибета; 2) о посылке дипломатических представителей России и Англии в Лхасу; если же таковая посылка окажется невозможной по причине англо-русского соглашения, Далай-лама просил Россию вступить в переговоры с Англией или другими великими державами, чтобы урегулировать «создавшееся положение вещей», не соответствующее этому соглашению, и «установить новые гарантии неприкосновенности и нейтралитета Тибета»; 3) о продаже Тибету оружия и предоставлении военных инструкторов; в случае отказа Далай-лама просил разрешить тибетцам провозить оружие через территорию России; 4) об увеличении займа, заключенного в пекинском отделении Русско-Азиатского банка, до 1 миллиона рублей (т. е. 500 тысяч серебряных лан); и, наконец, 5) о легализации положения «тибетского уполномоченно» Агвана Доржиева¹⁰⁹.

Со своей стороны, Доржиев в записке на имя Сазонова кратко изложил ход тибетских событий после посылки Китаем своих войск в Тибет. Во время борьбы тибетцев с китайцами, отмечал он, англичане «оставались немymi свидетелями и ничем, фактически, тибетцам не помогли». Однако, когда тибетцы одержали победу, английская дипломатия обратилась к китайскому правительству с «очень важной нотой», протестуя против посылки китайских войск в Тибет. Фактически, Тибет в настоящее время, утверждал

109 АВПРИ. Ф. Китайский стол, д. 1480, лл. 64-65; РГИА. Ф. 821, оп. 150, д. 430. Текст письма Далай-ламы был частично опубликован в газете «Голос Москвы» 3 марта 1913.

Доржиев, «совершенно вышел из-под власти Китая, и английское правительство такому положению не только сочувствует, но и оказывает весьма действенную поддержку», которая выражается главным образом в том, что правительство Индии «с большой готовностью эвакуирует из Тибета всех китайцев и не пропускает туда никого». В целом же английское правительство относится положительно к идее «самостоятельности Тибета», при формальном сохранении «китайского сюзеренитета». Более того, тот факт, что англичане не пропускают в Тибет оружие, свидетельствует о том, что они, очевидно, «решили взять защиту Тибета в свои руки». Подобное «утверждение» английского влияния в Тибете, по мнению Доржиева, не исключает в то же время «свободы сношений» Тибета с Россией, и настоящий момент является особенно благоприятным для «урегулирования» таких сношений. «В интересах России и Англии, — писал он в заключении записки, — найти форму, в которой эти сношения могли бы осуществляться, не возбуждая подозрительности англичан... Не может быть /ни/ малейшего сомнения, что англичане приложат теперь усилия к развитию сношений Тибета с внешним миром, так как в этом заинтересована их торговля. Было бы крайне обидно и ненормально, если бы в силу какого-то недоразумения доступ в Тибет оставался затрудненным лишь для одних подданных русского царя»¹¹⁰.

В записке «по тибетскому вопросу» Доржиев изложил своё понимание идеи совместного русско-английского протектората над Тибетом: «самостоятельный Тибет» заключает дружественное соглашение с Россией и Англией и предоставляет им преимущественные перед другими державами права в торговле. Со своей стороны, Россия и Англия оказывают тибетцам помощь с целью не допустить проникновения китайских войск в Тибет, путем отправки военных инструкторов и оружия (последнее ввозится только из России). Россия получает право разрабатывать «горные богатства» Тибета; русские и английские банкиры открывают в Тибете отделения своих банков, и т. д. ¹¹¹ Таким, очевидно, рисовался Доржиеву и Далай-ламе новый англо-русский договор по Тибету, который должен был заменить конвенцию 1907 г.

6 апреля В.Н. Коковцов передал переводы двух писем Далай-ламы и копии записок Доржиева Сазонову, прося его заключения

110 См.: Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 322-325.

111 Там же. С. 241.

по затронутым в них вопросам. В своем ответе Коковцову от 25 апреля Сазонов вновь подчеркнул отсутствие у России каких-либо существенных интересов в Тибете: «Наши интересы в Тибете весьма ограничены и основываются исключительно на факте принадлежности русских калмыков и бурят к ламайской религии, главою которой является Далай-лама. Однако отдаленность Тибета и трудность сообщения между этой страной и Россией никогда не позволяли установлению тесной связи между нашими ламаистами и Тибетским Первосвященником». Но и эту историческую связь российских подданных-буддистов, по мнению Сазонова, не следовало поощрять: «Не в наших интересах, конечно, было бы благоприятствовать установлению этой связи, которая могла бы лишь повести к возникновению сепаратистских стремлений среди наших подданных буддийской религии». В противоположность России, рассуждал далее Сазонов, Англия в своих индийских владениях граничит с Тибетом, ведет с ним торговлю и заключила ряд договоров как с самим Тибетом, так и с китайским правительством по поводу Тибета. В 1907 г. английское правительство заключило особое соглашение с Россией, смысл которого сводится «к признанию Тибета китайской территорией» и к отказу со стороны как России, так и Англии от попыток включить эту территорию в сферу своего исключительного влияния. «Таким образом, не поступаясь никакими серьёзными русскими интересами, мы положили предел укоренению англичан в Тибете. Пересмотр этого соглашения в том направлении, которого желает г. Доржиев, явно невозможен. Англичане могли бы согласиться на пересмотр лишь в виде расширения своего влияния в Тибете и дальнейшего стеснения нам возможности получать там влияние». Сазонов, впрочем, допускал возможность пересмотра англо-русской конвенции, но только в том случае, если бы англичане «пошли на предоставление нам компенсаций в других областях». Однако инициатива переговоров «в этом смысле», полагал он, должна быть «предоставлена» англичанам. В конце письма Сазонов уведомил Коковцова о том, что эти его соображения были доложены царю и им одобрены¹¹².

Идея англо-русского протектората над Тибетом являлась в равной степени неприемлемой и для британской дипломатии. Ещё в конце 1912 г. Набоков сообщил в МИД, со ссылкой на индийскую газету «Пионер» (Pioneer), что «английское правительство не мо-

112 РГИА. Ф. 560, оп. 28, д. 64, л. 118, 118 об., 119.

жет допустить совместного протектората», ибо «судьба Тибета зависит от будущего соглашения между Лондонским кабинетом и Пекином»¹¹³.

В мае – июне 1913 г. состоялся обмен меморандумами между Лондоном и Петербургом, свидетельствующий об их одинаковом подходе к тибетскому вопросу. Английское правительство заявило, что считает наилучшей политикой по отношению к Тибету «начало международного невмешательства в его внутренние дела». Русское правительство присоединилось к такому взгляду «как вытекающему из духа и смысла соглашения 1907 г., которое является одним из основных актов, определяющих положение названной страны»¹¹⁴. В том же 1913 г. МИД России и Форин Оффис столь же единодушно заявили о своем непризнании монголо-тибетского договора, заключенного в Урге Доржиевым.

3.3. Независимость Тибета и Симльская конференция

Далай-лама вернулся в Лхасу в начале января 1913 г., а 6 февраля, в первый день тибетского нового года и главного тибетского праздника монлам, он обратился к своим подданным с декларацией, которую тибетцы считают официальным провозглашением независимости Тибета¹¹⁵. К этому времени китайский амбань Лен Юй со своим гарнизоном уже покинул Лхасу (это произошло 11 декабря 1912 г.), и вместе с амбанем исчез и формальный символ китайского сюзеренитета.

Объявление независимости Тибета потребовало от Далай-ламы решения ряда неотложных задач, таких как улучшение системы государственного управления, реорганизация армии, а также урегулирование дипломатических отношений с пекинскими властями. Особенно остро стоял вопрос военной реформы, ввиду сохранявшейся угрозы нового китайского вторжения. В 1913–1914 гг. Далай-лама приступил к созданию регулярной тибетской армии, во главе которой он поставил своего нового фаворита, 27-летнего Дасанга Дадула Царонга. (Женившись на старшей дочери бывшего минис-

113 Там же. Л. 106. Секретная телеграмма Набокова от 22 декабря 1912 / 4 января 1913 со ссылкой на сообщение «Пионера» от 22 декабря 1912.

114 Там же. Л. 122. Нота британского правительства датирована 15 мая 1913; русское правительство ответило на нее своей нотой от 14 июня 1913.

115 Текст декларации приводится в кн.: Шакабпа В.Д. Указ. соч. С. 260-262.

Тибетские офицеры во главе с Намганом (Дасанг Дадул Царонг), будущим главнокомандующим тибетскими войсками (в центре).

Архив музея-квартиры П.К. Козлова.

Военное обучение тибетцев.

Фото 1913 – 1914 гг.

Архив музея-квартиры П.К. Козлова.

тра (калона) Царонга, казненного за сотрудничество с китайцами, Дасанг Дадул взял себе родовое имя этого старого тибетского аристократа и получил, таким образом, его поместья и привилегии. Далай-лама также присвоил Царонгу высокий титул *дзаса* и впоследствии назначил военным министром.) Первым делом Царонг увеличил численность армии на одну тысячу человек. Военная подготовка рядового состава была поручена иностранным инструкторам и велась в четырех вновь сформированных полках по китайско-монгольской, японской, русской и английской системам. (Обучением русского полка занимался монгол Тенпе Гьелцен, оставшихся в Лхасе.) Спустя два года в Лхасе прошел показательный смотр войск — в результате Далай-лама отдал предпочтение английской системе, которая с того времени и была введена в тибетской армии. В 1914 г. англичане безвозмездно поставили тибетцам пять тысяч винтовок (старого образца «Ли Метфорд» и нового «Ли Энфилд») и полмиллиона патронов к ним. В то же время представитель Далай-ламы просил русского генконсула в Урге о продаже Тибету одной тысячи винтовок для защиты страны от возможных посягательств со стороны Китая, но тот отказал ему, посоветовав обратиться к английскому правительству через посредство индий-

ских властей¹¹⁶. Этот факт, вероятно, еще раз дал понять Далай-ламе, что он не может больше рассчитывать на помощь далекой и инертной России и что поэтому ему следует искать опору в гораздо более отзывчивой к нуждам Тибета и уже совсем не опасной Англии в лице соседней Индии.

Помимо реорганизации армии, Далай-лама весьма успешно осуществил и ряд других мероприятий с целью модернизации Тибета. Так, в стране приступили к печатанию бумажных денег (тибетские ассигнации первоначально изготавливались вручную) и позднее перешли к чеканке собственной монеты. Несколько позднее (в середине 1920 х) обучавшийся электротехнике в Регби в Англии Ригзин Ринганг смонтировал две небольшие гидроэлектростанции — одну в окрестностях Лхасы для электрификации летнего дворца Далай-ламы, Норбулингки, и ряда других зданий, а другую в долине Чумби на юге страны для обслуживания нового монетного двора.

Несмотря на удаление с тибетской территории китайских чиновников и войск и провозглашение независимости Тибетского государства, статус Тибета, с юридической точки зрения, оставался неопределенным и спорным, ввиду того, что правительство Юань Шикая продолжало рассматривать Тибет как китайскую провинцию. Это сделало необходимым и неизбежным переговоры между Лхасой и Пекином, при посредничестве участия британской дипломатии. Английское правительство подталкивало Пекин к таким переговорам, опасаясь нового вторжения китайских войск в Тибет. Китайцы же поначалу заявили, что не хотят нового соглашения по Тибету, так как соглашения 1906 и 1908 гг. остаются в силе и обеспечивают все законные британские интересы, однако затем (30 января 1913 г.) министерство иностранных дел (Вайубу) информировало Джордана, что китайское правительство согласно принять участие в переговорах, на условиях, изложенных в ноте Форин оффиса от 17 августа 1912 г.

Тройственная англо-тибето-китайская конференция открылась в Симле (на севере Индии) 13 октября 1913 г. и продолжалась до конца апреля 1914 г. Её главная цель состояла в урегулировании тибето-китайских отношений и определении границы между Восточным Тибетом и Китаем. Великобританию на конференции представлял Генри Макмагон (глава департамента иностранных дел ин-

¹¹⁶ См.: Берлин Л.Е. Англия и Тибет // Новый Восток. 1922. № 2. С. 363.

дийского правительства) и Чарльз Белл, Китай — Ивань (Ифань) Чэн, Тибет — премьер-министр Лончен Шатра (Шада). Далай-лама пытался привлечь к участию в конференции и российское правительство, для чего обратился с письмом к последнему, однако это послание, переправленное Набоковым в Петербург в начале января, Сазонов оставил без ответа¹¹⁷. Имеются также сведения, что Далай-лама пригласил на конференцию и Агвана Доржиева¹¹⁸, но тому не удалось приехать в Симулу, по всей видимости, из-за противодействия МИД.

С самого начала переговоров стало ясно, что тибетская и китайская стороны стоят на диаметрально противоположных позициях. Тибетцы хотели, чтобы Китай признал Тибет независимым государством, а Далай-ламу его мирским и духовным правителем; они заявили, что не признают англо-китайскую конвенцию 1906 г., подтверждавшую сюзеренитет Китая над Тибетом, поскольку представители Тибета не участвовали в её выработке; в состав Тибета должны быть включены все территории, населенные тибетцами, — на северо-востоке до Кукунора и на востоке до Дацзянлу, к тому времени находившиеся под властью китайцев. Китайцы, со своей стороны, требовали, чтобы новый договор четко определил статус Тибета как составной части Китайской Республики, при этом, однако, они обещали не превращать страну в провинцию при условии, что Англия не будет аннексировать Тибет полностью или частично. Они также настаивали на пребывании в Тибете представителя Китая (амбаня), который контролировал бы все военные и внешние дела. Вместе с амбанем должны находиться 2600 солдат (1000 в Лхасе, остальные в других местах). Восточный Тибет должен остаться под управлением китайских властей, и таким образом граница собственно Тибета должна проходить в районе Гьямдо (примерно в 200 км восточнее Лхасы)¹¹⁹.

Чтобы примирить требования тибетской и китайской делегаций, Г.Макмагон предложил компромиссный вариант, который затем и был положен в основу нового соглашения, так называемой Симльской конвенции. Он предусматривал деление территории, населенной тибетцами, на Внешний Тибет (под контролем лхасской администрации) и Внутренний Тибет (включавший Кукунорскую область и восточную часть страны, прилегающую к Китаю),

117 МОЭИ. Сер. III. Т.2. С. 161. Докладная записка Сазонова Николаю II, 18 марта 1914.

118 См.: Берлин Л.Е. Хамбо-Агван-Доржиев // Новый Восток. 1923. № 3. С. 153.

119 Богословский В.А. Политика XIII Далай-ламы... С. 15, 16.

при этом первый получал автономный статус. В ст. 2 говорилось, что «правительства Великобритании и Китая, признавая сюзеренитет Китая над Тибетом и автономию Внешнего Тибета, обязуются уважать территориальную неприкосновенность этой страны и воздерживаться от вмешательства в управление Внешнего Тибета (включая выборы и возведение в сан Далай-ламы), которое должно остаться в руках Тибета». Китайское правительство также обязалось не обращать Тибет в китайскую провинцию, не посылать туда гражданских или военных должностных лиц и не создавать китайских поселений в этой стране. Тем не менее, оно сохранило за собой право иметь в Лхасе «высокое должностное лицо» (т. е. амбана) с соответствующим конвоем, численность которого, однако, не должна превышать 300 человек. Великобританское правительство, со своей стороны, обязалось не аннексировать Тибет или какую-либо его часть. Согласно ст. 8, британскому агенту в Гьянцзе разрешалось посещать Лхасу со своим конвоем по мере надобности для консультаций с тибетским правительством относительно вопросов, вытекающих из Лхасской конвенции 1904 г. Симльская конвенция также предоставляла Великобритании режим наибольшего благоприятствования в торговле с Тибетом; торговые правила 1893 и 1908 гг. аннулировались и подлежали замене новыми после соответствующих переговоров между тибетским и китайским правительствами¹²⁰.

В апреле 1914 г. стороны парафировали Симльское соглашение, однако оно не вступило в силу по той причине, что китайское правительство и парламент отказались его ратифицировать, признав неудовлетворительным проведенное разграничение Внешнего и Внутреннего Тибета. В результате британский и тибетский представители подписали 3 июля совместную декларацию, в которой заявили о признании парафированной конвенции обязательной для правительств Великобритании и Тибета, что, впрочем, не сделало соглашение «работающим». Одновременно англичане и тибетцы заключили между собой новый торговый договор «Правила англо-тибетской торговли». Кроме этого они достигли договоренности по еще одному очень важному для них вопросу — о демаркации индо-тибетской границы в Ассамских Гималаях восточнее Бутана (так наз. «линия Макмагона»). Этот договор, однако, вызвал недо-

120 Русский текст Симльской конвенции см.: Кулешов Н.С. Россия и Тибет... С. 265-267; Шаумян Т.Л. Англия и Россия... С. 334-336.

вольство в Лхасе, поскольку в соответствии с ним часть исконно тибетской территории с городом и монастырем Таван, площадью около 2000 кв. миль, отходила к индийским владениям. (Несмотря на договор, Таван фактически продолжал оставаться под юрисдикцией тибетских властей.)

Таким образом, главная цель симльских переговоров не была достигнута: Тибет продолжал настаивать на своей полной независимости, в то время как Китай по-прежнему считал территорию Тибета неотъемлемой частью Китайской Республики. В выигрыше были лишь англичане, заключившие выгодное торговое соглашение с тибетцами. По мнению американского тибетолога М. Голдстейна, Англия в действительности не была заинтересована в «независимом» Тибете, поскольку его создание могло привести к значительным международным осложнениям и к ухудшению англо-китайских и англо-русских отношений. Британские интересы более всего удовлетворял статус Тибета как «самоуправляющегося доминиона, находящегося номинально под властью Китая, но с ограниченным китайским влиянием, и фактически не имеющего связи с европейскими странами». Эта позиция англичан сводилась к формуле: «символическое подчинение Тибета Китаю, при широкой автономии, под бдительным надзором Великобритании»¹²¹. Британской дипломатии, однако, не удалось её реализовать, что поставило Тибет перед возможностью новой вооруженной интервенции Китая.

После начала мировой войны тибетский вопрос отошел на второй план в британской внешней политике. Формально Лондон продолжал заявлять о своем невмешательстве во внутренние дела Тибета, ссылаясь на англо-русскую конвенцию 1907 г. Поэтому он не дал согласия своему сиккимскому резиденту Ч. Беллу на поездку в Лхасу, куда его настойчиво приглашал Далай-лама. Делийское правительство также отклонило в 1915 г. просьбу Царонга о новых поставках английского оружия тибетской армии, но согласилось поставить Лхасе дополнительно небольшое количество боеприпасов (патронов).

Россия проявляла большой интерес к переговорам в Симле и Дели (куда они позднее переместились), но долгое время не могла получить никакой информации об их ходе. Российский генконсул Набоков, впрочем, считал их малопродуктивными и обреченными на провал: «Вся эта дипломатическая канитель, — сообщал он в

¹²¹ Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 74.

Петербург весной 1914 г.— предпринята с исключительной целью развязать руки англичанам в Тибете. Чего бы китаец и тибетец в Дели ни подписали... ясно, что ни мифическое тибетское, ни мало-надежное, когда речь идет о верности договорам, китайское правительство не будут соблюдать никаких договорных статей, для них невыгодных, не будучи принуждены силою. Иными словами, англичане через некоторое время почтут себя вынужденными принимать «зависящие меры» для охраны святости международных соглашений, нарушаемых Тибетом, а им только этого и нужно»¹²². Целью англичан, по мнению Набокова, являлось осуществление «в полном объеме» своей идеи протектората над Тибетом. В этой связи генконсула особенно беспокоили попытки англо-индийских властей ограничить доступ в Тибет через территорию Индии буддийским паломникам из России, поскольку этим нарушался принцип свободы непосредственных сношений русских подданных буддистов с Далай-ламой и другими буддийскими иерархами Тибета, гарантированный им англо-русской конвенцией. Набоков считал, что Россия должна решительно отстаивать этот принцип, и предлагал «более удачную и определенную» редакцию данной статьи для включения в будущее новое англо-русское соглашение: «Русские буддисты имеют право беспрепятственно следовать в Тибет через Индию для непосредственных сношений на исключительно религиозной почве с Далай-ламой и другими представителями буддизма в Тибете, причем о таковой чисто религиозной цели их проникновения в Тибет перед индийским правительством свидетельствует русский консульский представитель»¹²³. Это требование российской дипломатия могла бы использовать для давления на англичан, при одновременной ревизии тибетской и афганской частей англо-русской конвенции: «Если мы намерены при кажущемся мне неизбежным пересмотре отжившего соглашения 1907 г. настоять на указанном выше принципе, то это было бы достижимо лишь в связи с нашим соглашением об Афганистане. Нет для англичан большего пугала, чем указание на фактическую возможность для России в каждую минуту собственными силами, без посредства индийского секретаря по иностранным делам, заставить эмира афганского уважать наши интересы. Одного этого указания было бы достаточно, чтобы побудить англичан к сговор-

122 МОЭИ. Сер. III. Т. 2. С. 318. Прим.2. Донесение Набокова товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову от 3 / 16 апреля 1914.

123 Там же. С. 319.

чивости по вопросу о свободе доступа наших паломников в Тибет»¹²⁴.

Ф о р м у л и р у я ключевые положения Симльской конвенции, англичане хорошо понимали, что некоторые из них идут вразрез с положениями конвенции 1907 г. Это делало неизбежной ревизию послед-

Государственный герб Тибета

ней, по крайней мере частичную, что давало России право требовать от Англии компенсации или уступок в вопросах, «более тибетского затрагивающих русские интересы»¹²⁵. В начале мая 1914 г., по завершении переговоров в Дели, британский посол в России сэр Джорж Бьюкенен передал С.Д. Сазонову на одобрение русского правительства выработанный и уже парафированный текст Симльской конвенции от 27 апреля 1914 г., а также ряд других документов (проект новых торговых правил, записку Г. Макмагона относительно пограничной линии и карту, показывающую границы Внешнего и Внутреннего Тибета). При рассмотрении проекта соглашения Сазонов высказал послу ряд замечаний; так, он отметил, что ст. 6 и 8 (дававшие право Англии на посылку своего торгового агента в Лхасу и на получение концессий в Тибете) противоречат англо-русской конвенции и тем самым делают необходимым пересмотр последней. Что касается ст. 10, то она предоставляет английскому правительству право решающего голоса при возникновении разногласий между Тибетом и Китаем и таким образом ставит Тибет «под особое покровительство Англии». Это дало повод Сазонову заметить, что, если английское правительство желает пересмотра соглашения 1907 г. в части, касающейся Тибета, то тем самым открывается возможность одновременного пересмотра и других частей этого соглашения, например относящихся

¹²⁴ Там же. С. 320.

¹²⁵ Там же. С. 161. Докладная записка Сазонова Николаю II от 18 марта 1914.

к Афганистану. В результате 17 мая Бьюкенен передал в МИД ноту английского правительства, в которой последнее выражало свою готовность исключить из проектируемого тройственного договора ст. 10 (заменяв её «обычным постановлением о руководящем значении английского текста»), а также не пользоваться выговариваемыми по 6-й и 8-й статьям конвенции правами до соглашения по этому поводу с российским правительством¹²⁶.

Американский историк Дженнифер Сигел в своей монографии «Окончание Игры: Британия и Россия в последней схватке за Центральную Азию» (2002), ссылаясь на переписку Бьюкенена с Греем, описывает энергичные усилия Сазонова с целью заключения с англичанами дипломатической сделки «Тибет на Афганистан» (*Tibet for Afghanistan quid pro quo*). Так, во время беседы с Бьюкененом 17 мая Сазонов сразу же заявил, что ему лично все равно, что англичане сделают с Тибетом, однако общественное мнение в России осудит его, если он не получит какой-либо компенсации от англичан. В частности, он потребовал, чтобы Англия, в обмен на согласие России на посылку английских торговых агентов в Тибет, позволила России аналогичным образом посылать своих агентов в Афганистан, страну, где Россия имеет гораздо большие экономические интересы, чем Англия в Тибете. Если же Англия потребует изменения статус-кво в Тибете, Россия будет настаивать на соответствующем изменении статус-кво в Афганистане. Бьюкенен был сильно разочарован «недружественным подходом» российского министра иностранных дел, заметив, что Россия требует строгого соблюдения буквы закона, «только когда ей это выгодно»: так, военная оккупация Северной Персии двенадцатитысячной русской армией и настойчивые притязания России на территорию Азербайджана посредством приобретения там земельных участков являются явным нарушением конвенции 1907 г., однако Англия готова закрыть глаза на подобное нарушение «во имя духа англо-русского сближения». Заявление Бьюкенена несколько охладило пыл Сазонова. Уже на другой день он заявил, что не станет препятствовать заключению тройственной конвенции, при условии, что её содержание не будет обнародовано, вновь сославшись на мнение российской общественности, с которым он вынужден считаться. Тем не менее, Сазонов продолжал настаивать на получении Россией «равных прав» в Афганистане в том случае, если вмешательство Англии в

126 МОЭИ. Серия III. Т. 3. С. 142. Докладная записка А.А. Нератова Николаю II, 17 / 30 мая 1914.

тибетские дела расширятся и потребует постоянного присутствия её агента в Лхасе¹²⁷.

Наконец, 19 мая, Сазонов сделал «последнее предложение» Бьюкенену — он заявил, что согласится на посещение английским торговым агентом Лхасы, если Англия и Россия обменяются нотами, гарантирующими, что такой агент не будет посылаться без предварительного согласия России. Вместе с тем он потребовал компенсации — английское правительство должно направить ноту российскому правительству с заявлением о том, что оно не будет поддерживать просьб своих подданных о концессиях на ирригационные работы или на железные дороги, как и их притязаний на преимущественные права в отношении торговых и промышленных предприятий в Северном Афганистане. Англия в принципе согласилась с требованиями Сазонова и предложила, со своей стороны, чтобы обе страны (Англия и Россия) выступили с совместной декларацией по Афганистану, в которой содержалось бы упомянутое положение о концессиях, а также заявление, что Афганистан находится вне сферы влияния России. Кроме этого, английское правительство хотело, чтобы в декларацию был включен абзац, определяющий границы Северного Афганистана таким образом, чтобы Россия не могла претендовать на область вблизи Герата и хребет Гиндукуша к западу от Навака¹²⁸.

26 мая / 8 июня Дж. Бьюкенен передал А.А. Нератову (товарищ министра) записку, извещавшую МИД о том, что английское правительство согласно внести изменения в ст. 6, 8 и 10 «в желательном для императорского правительства смысле». При этом прилагался текст новой редакции ст. 6 и 8, а также совместное заявление английского и российского правительств по Афганистану. Предполагалось, что оба правительства обменяются официальными нотами, которые будут опубликованы одновременно с подписанием Симльской конвенции, в которых возьмут на себя обязательства не домогаться концессий в Тибете, и отдельно английское правительство сделает заявление о том, что не будет посылать своего представителя в Гьянцзе. В то же время российское правительство в секретной ноте должно было дать Великобритании разрешение на приобретение концессий в Тибете и на посылку агентов в Лхасу. Очевидной компенсацией России за подобную уступку являлось

127 Siegel J. *Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia*. London; New York, 2002. P. 189-190.
128 Ibid. P. 190.

спроектированное англичанами заявление двух держав по Афганистану, в том смысле, как об этом ранее договорились Сазонов и Бьюкенен, при этом текст такого заявления (приводившийся в записке Бьюкенена) также должен быть опубликован одновременно с конвенцией и другими нотами¹²⁹.

Сазонова, однако, не удовлетворило определение англичанами зоны Северного Афганистана: во время новой встречи с Бьюкененом, состоявшейся несколько дней спустя, он потребовал дополнительно включить в эту территорию реку Хари Руд. Кроме этого, Сазонов предложил заключить официальное соглашение между Англией и Россией по вопросам строительства железных дорог и ирригационных сооружений в северной зоне и также высказал желание, чтобы в текст конвенции был внесен пункт, дающий русским буддистам право въезжать в Тибет через Индию¹³⁰. Эти новые условия, выдвинутые российским министром иностранных дел, оказались совершенно неприемлемыми для англичан: первые два из них, как отмечает Дж. Сигел, могли напугать эмира, поскольку явно свидетельствовали о планах раздела Афганистана по образцу Персии, а последнее, – поскольку оно облегчало доступ в Тибет и Индию российским гражданам «с сомнительными намерениями». По мнению статс-секретаря по делам Индии маркиза А. Кроу, опасения Сазонова, что он приносит в жертву русские интересы, не получая взамен ничего, были необоснованными: в действительности подобные страхи должно было бы испытывать британское, а не русское правительство¹³¹.

Неумеренные амбиции Сазонова привели к тому, что сделка «Тибет на Афганистан» сорвалась в самый последний момент. А полтора месяца спустя началась мировая война, и тибетский вопрос окончательно сошёл с повестки дня российской и европейской дипломатии.

Последний официальный контакт между царской Россией и Тибетом состоялся в конце 1915 г. Прибывший в Ургу тибетский чиновник Чжамбал Чоинжур передал генконсулу А.Я. Хионину письмо Далай-ламы, в котором тот в характерной для восточного правителя витиеватой манере сообщал о вполне благополучном состоянии дел в Тибете. Хионин в своем ответе, предварительно согласованном с С.Д. Сазоновым, выразил удовлетворение по это-

129 МОЭИ. Серия III. Т. 3. С. 212-213. Записка Бьюкенена на имя Нератова, 26 мая / 8 июня 1914.

130 Siegel J. Endgame... P. 190-191.

131 Ibid.

му поводу, отметив, что объясняет подобный успех проводимой Далай-ламой политикой «доброе согласие с союзным Императорскому Российскому Правительству Великобританским Правительством»¹³².

Мир в Тибете, однако, сохранялся недолго. Во второй половине 1917 г. вновь начались военные действия между тибетцами и китайцами на камо-сычуаньской границе. Тибетским войскам удалось значительно продвинуться в глубь китайской территории и занять ряд населенных пунктов к востоку по верхнему течению Янцзы. Принято считать, что своей победе тибетцы были обязаны, прежде всего, своей новой армии, обученной английскими инструкторами и вооруженной английским стрелковым оружием. Конфликт удалось урегулировать год спустя при умелом посредничестве английского консульского чиновника в Дацзянлу Эрика Тейхмана. Успехи правительственных войск в Восточном Тибете, как отмечает В.А. Богословский, имели не только чисто военно-стратегическое значение; благодаря им «резко возросла роль армии в общественной и политической жизни Тибета; она становилась главной опорой XIII Далай-ламы». Возрос и авторитет самого XIII Далай-ламы не только как духовного главы, но и как светского правителя (чего не было со времен «Великого Пятого» Далай-ламы), его уверенность в своих силах и возможностях. «Он почувствовал, что может более уверенно, чем прежде, проводить собственную, независимую политику»¹³³.

132 АВПРИ. Ф. Китайский стол, д. 670, л. 2-3. Письмо А.Я. Хионина Далай-ламе датировано 7 ноября 1915.

133 Богословский В.А. Политика XIII Далай-ламы... С. 22.

Глава 4

Советская Россия в поисках сближения с Тибетом, 1918 – 1925

Ленин и Восток. Заставка из журнала «Новый Восток»
худ. В.С. Орлов. 1924.

4.1. Революция в России и Тибет

Тибет впервые попал в поле зрения большевиков в годы первой мировой войны. В.И. Ленин, занимаясь в эмиграции (в 1915–1916 гг.) изысканиями в области политической экономии, натолкнулся в западных источниках на упоминание о договорах, заключенных Россией в начале XX века с Китаем и Англией по Тибету. Эти сведения не вызвали у него ни малейшего сомнения — так, он считал вполне достоверной информацию о несуществующем русско-китайском договоре о Тибете 1902 г. («признание Китаем протектората России над Тибетом») и уступке Россией Тибета Англии вследствие заключения конвенции 1907 г. Это дало Ленину повод утверждать, что «царизм и все реакционеры России <...> хотят одного — побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.)»¹. В том же ключе рассуждал позднее и глава Наркомата иностранных дел Г.В. Чичерин, охарактеризовавший договор 1907 г. как «дело рук англо-русского металлургического империализма, подчинившее Тибет Англии»². Но, как мы уже видели, англо-русская конвенция не столько развязывала, сколько связывала руки английским империалистам.

После прихода к власти большевики почти сразу же демонстративно аннулировали все «грабительские» договоры, заключенные царским и Временным правительствами России с Англией и другими державами в эпоху империалистического раздела мира. В их числе оказалась и англо-русская конвенция 1907 г. Подобный шаг являлся частью пропагандистской кампании большевиков по упразднению «тайной дипломатии», хотя текст конвенции, обнародованный (в начале 1918 г.) Наркоминделом среди других «секретных договоров», в свое время публиковался в русских газетах³.

Осенью 1918 г. «Известия» впервые поместили на своих страницах небольшую заметку о Тибете, что определенно может служить свидетельством интереса к этой стране со стороны руководства новой России. В ней говорилось о борьбе, якобы начатой тибетцами, по примеру своих соседей, индийцев, против «иностранных поработителей», — пользуясь ослаблением китайской власти, Тибет, «эта забытая всеми страна», поднял «знамя восстания за самоопределение». По утверждению автора заметки, тибетцы вдруг

1 Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е. Т.28 («Тетради по империализму»). М., 1962. С. 492; Т.30 («О сепаратном мире»). С. 188.

2 Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 96.

3 См., напр.: Новое время. 1907. 13 (26) сентября.

вспомнили о том, что в 1914 г. они заключили договор с англичанами, гарантировавший им независимость⁴, — очевидный намек на Симильскую конвенцию.

Заметка в «Известиях» — типичный пример ранней революционно-пропагандистской публицистики большевиков. В действительности же на момент ее появления никакого восстания в Тибете против англичан не происходило, хотя, как уже говорилось, в 1917–1918 гг. имел место вооруженный конфликт на границе между Камом и Сычуанью. Но большевики едва ли могли знать о событиях в далекой Сычуани, да и речь в «Известиях» шла о борьбе тибетцев не с китайцами, а с англичанами. Вообще же, судя по упомянутой публикации, большевики имели довольно смутные представления о политической ситуации в Тибете, как, впрочем, и в других странах «пробуждающейся Азии». Однако им хотелось верить, что под влиянием русской революции повсюду на Востоке, а значит и в Тибете, началось мощное национально-освободительное движение.

Довольно неожиданное появление заметки о Тибете в «Известиях» было все же вызвано вполне конкретным событием — возвращением на политическую сцену Агвана Доржиева. Произошло это при весьма необычных обстоятельствах. Летом 1918 г. Доржиев был арестован ЧК под Саратовом, на пути из Калмыцких степей в Забайкалье, по подозрению в попытке вывоза ценностей за пределы Советской России (это были средства, собранные им среди калмыков на строительство общежития при буддийском храме в Петрограде), помещен в Бутырскую тюрьму, а затем неожиданно освобожден, как кажется, при содействии Г. В. Чичерина⁵. Условием освобождения «тибетского дипломата», по-видимому, стало его согласие сотрудничать с советским дипломатическим ведомством. Привлечь Доржиева к такому сотрудничеству было не трудно, поскольку он всегда выступал за сближение между Россией и Тибетом. Перед руководителями НКВД Г. В. Чичериным и Л. М. Караханом (заместителем наркома), таким образом, открылась заманчивая перспектива — завязать через Доржиева дружеские связи с Далай-ламой и другими правителями Тибета, что позволило бы Советам закрепиться в этой буддийской метрополии, в самом центре Азиатского континента. Оттуда, с тибетской территории, можно было

4 См.: Алек А. В Индии и Тибете // Известия. 1918. 27 сентября.

5 Намек на это содержится в тибетской автобиографии А. Доржиева: Dorjiev: Memorirs of a Tibetan diplomat //Hokke Bunka Kenkyu. 1991, № 17. Март. P. 44. В русском переводе: «Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева. — Улан-Удэ, 1994. С. 69.

Г.В. Чичерин и Л.М. Карахан. Нач. 1920-хх гг. Из кн. В. Генис. Красная Персия. М., 2000.

бы приступить к осаде главной цитадели британского империализма в Азии — Индии и в то же время продвинуть социальную революцию в другие страны буддийского Востока. Именно по этой причине, надо думать, Тибет и привлек к себе внимание НКИД.

Вскоре после освобождения Доржиева, 19 октября 1918 г., состоялось заседание Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (находился в ведении НКИД), на котором его председатель академик С.Ф. Ольденбург выступил с проектом двух экспедиций — в Восточный Туркестан и Кашмир, под его собственным руководством, и в Тибет, под началом профессора Ф. И. Щербатского и при участии профессора Б. Я. Владимирцова. Обе экспедиции, хотя перед ними формально ставились чисто научные задачи, в то же время должны были служить политическим целям большевиков. Так, в проекте тибетской экспедиции говорилось, что она должна сосредоточить свои усилия на исследовании центральной части страны в области Лхасы и Ташилхумпо⁶ — двух главных религиозных и политических центров Тибета, где находились резиденции Далай-ламы и Панчен-ламы. Тот факт, что Щербатский был близко знаком с Далай-ламой, давал Наркоминделу возможность вступить в контакт с правителем Тибета и попытаться восстановить прерванные между двумя странами отношения.

6 Архив СПб Ф РАН. Ф. 148, оп. 1, д. 97, л. 84. Проект экспедиции Ф.И. Щербатского в Тибет.

Экспедиционный проект Щербатского был поддержан Л. М. Караханом и Г. В. Чичериным, но его осуществлению помешала гражданская война, отрезавшая европейскую Россию от Восточной Сибири и Монголии, где обычно начинались русские экспедиции в Тибет. Тем не менее, в НКВД продолжали проявлять интерес к Тибету. Так, летом 1919 г. советскому дипломатическому ведомству удалось заполучить весьма ценную информацию — списки всех тибетских правительственных учреждений, префектур, заводов, арсеналов, монастырей, с полным указанием их штатов, а также списки гражданских чиновников и высших представителей духовенства. Эти документы были доставлены в Москву каким-то буддийским паломником, вероятно при содействии Доржиева, и по просьбе Л. М. Карахана переведены Щербатским на русский язык⁷. Кто был информатором НКВД, мы не знаем, но очевидно, этот человек имел доступ к правительственной документации и, возможно, даже находился в ближайшем окружении Далай-ламы. При всей ценности этой информации, она, однако, не давала представления о конкретной ситуации в Тибете — о главных политических группировках в стране, расстановке классовых сил, настроении народных масс и т. п., что более всего интересовало советское руководство.

В том же 1919 г. в Наркоминделе рассматривался еще один проект экспедиции в Тибет. На этот раз инициатива принадлежала двум высокопоставленным калмыкам-большевикам: А. Ч. Чапчаеву (председатель ЦИК Совета депутатов трудящихся калмыцкого народа) и А. М. Амур-Санану (заведующий калмыцким отделом Наркомата по делам национальностей). 26 мая 1919 г. издававшаяся Наркомнацем газета «Жизнь национальностей» опубликовала статью Амур-Санана «Ключи Востока». В ней калмыцкий революционер предлагал использовать калмыков для распространения «идеи власти Советов» на Востоке, среди многомиллионных монголо-буддийских племен, близких им по крови, религии и языку. Проживавшие на огромной территории между Байкалом и Тибетским нагорьем, они «могли бы охотнее откликнуться на призыв своих братьев-калмыков, чем на призывы чуждых им наций и религий». Для связи с ними существовал древний «монголо-буддийский путь», начинавшийся в калмыцких степях и проходивший

7 Архив СПб Ф РАН. Ф. 208, оп. 3, д. 685, лл. 164-165 об. Письмо Щербатского С. Ф. Ольденбургу, не датировано (судя по содержанию, было написано ранней осенью 1919).

через Алтай, Монголию, Тибет и далее в Индию. Таким образом, «в сферу влияния Советской власти» попала бы не только Монголия, но и связанный с ней тесными религиозными узами Тибет. В свое время, напоминая читателям Амур-Санан, Россия уже пыталась установить связь с Тибетом с помощью бурятских и калмыцких буддистов. В новых же условиях, «когда весь Восток просыпается», русским буддистам будет намного легче достичь запретной страны, чем европейцам. Оттуда буддисты-агитаторы без труда смогли бы проникнуть в индийские владения Англии: «Тибет же непосредственно соприкасается с Индией; вот каким образом последняя могла бы установить связь с очагом мировой революции, Россией». Осуществить эту крайне важную политическую задачу предстояло калмыцкой интеллигенции, с помощью «таких известных политических деятелей Востока», как хамбо Агван Доржиев.

Через некоторое время (13 июля 1919) «Жизнь национальностей» опубликовала еще одну заметку на ту же тему, озаглавленную «Монголия как ворота буддийского Востока». Её автор Ойратский (псевдоним А.Ч. Чапчаева) призывал советское правительство ориентироваться в своей восточной политике не только на мусульманство, но, в равной мере, и на «буддийский мир» и рсточал похвалы А. Доржиеву. В этой связи следует отметить, что в первые послереволюционные годы советская дипломатия проявляла наибольшую активность на ближне- и среднеазиатском направлениях, пытаясь завязать дружеские отношения с лидерами сопредельных мусульманских стран — Турции, Персии и Афганистана. Это было не случайно, ибо через Персию и Афганистан пролегал самый короткий путь в Индию, и потому идеологи мировой революции считали эти три страны, Индию, Персию и Афганистан, наиболее уязвимыми местами («ахиллесовыми пятнами») для ударов по Англии на Востоке. Так, еще осенью 1918 г. К.М. Трояновский (создатель «Союза освобождения Востока») предложил программу Восточной революции, ключевая роль в которой отводилась Персии. Находясь в центре мусульманского мира, Персия, по его замыслу, должна была стать «мостом», соединяющим мусульман Русского Туркестана с исламистским движением в Индии. «Наша ближайшая задача, — утверждал Трояновский, — заключается в том, чтобы поднять восстание в Персии и расчистить почву дальше на Восток, в Индию, в Китай, в твердыню империалистов Англии, Америки и Японии. Революция в Персии должна стать сиг-

Карта пути в Индию через Афганистан.
Из журнала
«Новый Восток» (1924)

налом для ряда революций на всем огромном пространстве Азии и отчасти в Африке...»⁸. А осенью 1919 г. председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий предложил создать в только что освобожденном от армий Колчака и воссоединенном с Советской Россией Туркестане военную базу и «штаб Азиатской революции», откуда можно было бы нанести удар по Индии через территорию Афганистана⁹.

За публикациями Амур-Санана и Чапчаева последовал практический шаг. 14 июля 1919 г. В. И. Ленину была передана их докладная записка, с предложением немедленно послать вооруженный отряд к северо-восточной границе Индии, через Монголию и Тибет. Внезапное появление такого отряда «на буддийском участке ее пограничной линии», там, где Индия прикрыта цепочкой буферов — Бутаном, Сиккимом и Непалом, — вызвало бы переполох среди англо-индийских властей, чье внимание в то время было всецело приковано к границе с Афганистаном, в связи с недавно начавшейся третьей англо-афганской войной. Внешне отряд должен был напоминать караван мирных буддийских паломников. С ним, по мнению калмыков, следовало отправить некоторое количество стрелкового оружия (револьверов, винтовок, пулеметов) и боеприпасов для раздачи местному населению. В дальнейшем предполагалось наладить регулярные поставки оружия в этот регион, что фактически превратило бы пограничный «буддийский участок»

⁸ Трояновский К.М. Восток и революция: Попытка построения новой политической программы для туземных стран Востока — Индии, Персии и Китая. М., 1918. С. 41-47.

⁹ The Trotsky Papers, 1917–1922. Vol. I. The Hague, 1971. P. 624, 672. Идея использования Афганистана в качестве плацдарма для броска на Индию появилась еще весной 1919 г. См.: Известия. 1919. 11 мая («Необходимо через Туркестан войти в соприкосновение с Афганистаном и тем нанести решительный удар в самое чувствительное место Англии»), 11 ноября.

в плацдарм для военных операций в глубь Юго-Восточной Азии. «Здесь прямой путь в наиболее революционно настроенную провинцию Индии — Бенгалию; Бирма же и Сиам,— писали Амур-Санан и Чапчаев,— дают возможность проникнуть сухим путем еще глубже в тыл английским колониальным владениям, даже в пределах Индо-Китая»¹⁰. Собственно Тибету, равно как и Монголии, в этих планах отводилась второстепенная роль, хотя калмыцкие деятели и подчеркивали важность распространения революционных идей среди монголов и тибетцев с целью «приобщения этих народов к мировой революции».

Письмо калмыцких революционеров вызвало интерес у Ленина, который без промедления (16 июля) переправил его через Оргбюро ЦК Чичерину с указанием начать «подгот[овительные] мероприятия»¹¹. Однако НКВД в условиях гражданской войны не сумел оперативно снарядить и отправить к индийской границе летучий отряд буддистов-агитаторов летом 1919 г. Тем не менее, Тибет продолжал привлекать к себе внимание Москвы. Так, советское правительство довольно резко реагировало на англо-китайские переговоры по Тибету, проходившие в Пекине во второй половине 1919 г.: «Сейчас радио принесло нам сообщение, что на очередь поставлен вопрос о независимости Тибета,— писали «Известия».— Между Китаем и Англией ведутся переговоры о “даровании Китаем Тибету автономии, при условии сохранения суверенитета Китая”. Нет сомнения, что в постановке этого вопроса замешана английская дипломатия, которая, стремясь оградить подступ к Индии, плетет свою дипломатическую паутину, в которой должны в конечном счете запутаться и Китай, и Тибет. Но для нас ясно, что вопрос этот связывается еще и с желанием монголо-тибетских народов получить право на национальное самоопределение»¹².

Летом 1920-го, когда гражданская война подходила к концу, на стол Чичерина лег еще один проект — «научно-пропагандистской экспедиции» в Тибет, принадлежавший литератору, парапсихологу и оккультисту А.В. Барченко¹³. Экспедиция Барченко ставила своей целью «исследование Центральной Азии и установление связи с населяющими ее племенами», хотя в действительности Барченко намеревался установить контакты с центром «доисторической

10 РГАСПИ. Ф. 2, оп. 2, д. 183, л. 27.

11 Там же. Записка В.И. Ленина в Оргбюро ЦК. Л. 1

12 Известия. 1919. 15 ноября.

13 АВВРФ. Ф. 100, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 8.

культуры» в Тибете — легендарной Шамбалой северных буддистов. Арестованный в 1937 г., он так рассказывал об этом следователю: «В своей мистической самонадеянности я полагал, что ключ к решению социальных проблем находится в Шамбале-Агарте, в этом конспиративном восточном очаге, где сохраняются остатки знаний, опыта того общества, которое находилось на более высокой стадии социального и материально-технического развития, чем современные общества. А поскольку это так, необходимо выяснить пути в Шамбалу и установить с нею связь»¹⁴. Принять участие в столь необычном путешествии изъявили желание моржки Балтийского флота, посещавшие лекции Барченко в Петрограде, — большевики И.Я. Гринев и С.С. Белаш. Но и эта поездка не состоялась, скорее всего по той же причине, что и планировавшиеся ранее НКВД другие экспедиции в Тибет.

Между тем в Петрограде в конце 1919 г. неожиданно произошел инцидент, поставивший под угрозу «тибетские планы» большевиков, — разгром буддийского храма. Виновицей происшествия оказалась расквартированная в соседнем доме красноармейская часть. Из храма были похищены многие ценные культовые предметы, некоторые из которых являлись личными подарками Далай-ламы. Полному уничтожению подверглись библиотека тибетских и монгольских книг, а также обширный дипломатический архив Доржиева. Узнавший об этом Доржиев осенью 1920 г. срочно приехал из Калмыкии в Петроград. Потрясенный случившимся, 1 октября он направил гневное письмо заведующему отделом Востока НКВД Я.Д. Янсону. В нем Доржиев писал, что разгром и надругательство над Петроградским буддийским храмом, являющимся общебуддийской святыней, находящейся под особым покровительством Далай-ламы, будут иметь, несомненно и определенно, отрицательное значение для укрепления налаживающихся связей между Советроссией и буддийским Востоком¹⁵. 4 октября 1920 г. его заявление НКВД переслал председателю Петросовета Г.Е. Зиновьеву, при этом в сопроводительной записке Л.М. Карахан и Я.Д. Янсон выразили свою озабоченность по поводу случившегося — «факт его (храма. — А.А.) разрушения преступен не только по отношению

14 Барченко С.А. Время собирать камни: Вступительная статья // А.В. Барченко. Из мрака. М., 1991. С. 16. О жизни и деятельности А.В. Барченко см.: Андреев А.И. Окультист Страны Советов: Тайна доктора Барченко. М., 2004.

15 См.: Андреев А.И. Из истории петербургского буддийского храма // Минувшее. Париж, 1990. Т.9. С. 404.

к исторической ценности, но подорвет всякое доверие буддистов к Советской России, если до их слуха дойдет известие о гибели храма»¹⁶. Расследование инцидента, предпринятое петроградским ЧК, не дало никаких результатов. Впрочем, руководство НКВД, со своей стороны, обещало Доржиеву помощь в восстановлении «общеебuddийской святыни» и действительно выделило на это некоторые средства. Насколько можно судить, сведения о разгроме Петроградского «дацана» все-таки дошли до Далай-ламы, хотя, вероятно, и не сразу, через бурятских и калмыцких лам, но о его реакции нам ничего не известно.

4.2. Рекогносцировочная экспедиция В.А. Хомутникова, 1921 – 1922

Весной 1920 г. в тибетской политике Англии наметились важные перемены. Продолжавшиеся с лета 1919 г. в Пекине переговоры по «тибетскому вопросу» между главой британской миссии Джоном Джорданом и министром иностранных дел Китая Чен Лу окончательно зашли в тупик. Между тем (в начале 1920 г.) в Лхасу прибыла китайская делегация из соседней провинции Ганьсу, что вызвало большое беспокойство у Лондона, опасавшегося, что за спиной ганьсуйцев стоит Пекин, стремящийся к сепаратному соглашению с тибетцами. Это побудило британское правительство активизировать свою политику в отношении Тибета, результатом чего стало согласие нового руководителя Форин оффиса лорда Керзона на посещение Лхасы «сиккимским резидентом» Ч. Беллом, который к тому времени получил новое приглашение Далай-ламы. Керзон полагал, что Англия может больше не считаться с конвенцией 1907 г., запрещавшей подобные визиты как английским, так и русским представителям, поскольку ее аннулировали большевики. В то же время Лондон по-прежнему относился отрицательно к идее создания постоянного английского представительства в Лхасе, поскольку такой шаг дал бы повод Пекину добиваться посылки своего резидента в тибетскую столицу.

Основная задача миссии Белла состояла в укреплении дружественных отношений с Далай-ламой и его министрами, восстановлении несколько пошатнувшегося в годы мировой войны доверия

¹⁶ Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004. С. 102.

тибетских верхов к англо-индийскому правительству. В то же время в Дели хотели с помощью Белла разузнать о результатах Ганьсуйской миссии. Британский представитель прибыл в Лхасу 17 ноября 1920 г. и находился там 11 месяцев (до 11 октября 1921 г.). После Ф. Янгхазбенда Белл стал первым английским дипломатом, посетившим недоступную для европейцев столицу Тибета.

Далай-лама и члены его правительства встретили Белла необычайно радушно. Свободно владевший тибетским языком и прекрасно знавший тибетские обычаи и этикет, он не мог не импонировать тибетцам. Долгие часы «сиккимский резидент» проводил в частных дружеских беседах с особенно симпатизировавшим ему Далай-ламой, о чем впоследствии рассказал на страницах написанной им биографии XIII Далай-ламы¹⁷. Тем не менее, приезд английского дипломата вызвал в начале 1921 г. стихийный протест со стороны наиболее консервативно настроенных ламских кругов, в основном монахов крупнейшего монастыря Дрепунг. Ламы связывали визит британского представителя с планами увеличения тибетской армии (Царонг хотел довести ее численность до 15 тысяч), что побудило их выступить против «новых военных» во время празднования тибетского Нового года (так наз. Монлам). Далай-ламе, однако, удалось усмирить недовольных лам, хотя обстановка в Лхасе продолжала оставаться напряженной.

Основным результатом миссии Белла стала устная договоренность с тибетским правительством (но не формальный договор) о предоставлении Тибету английской помощи в модернизации страны. Эта помощь включала в себя: обучение (инструктаж) рядового и командного состава тибетской армии, проведение телеграфной линии от Гьянцзе до Лхасы, разведку полезных ископаемых и устройство двух школ в Гьянцзе и Лхасе. Наиболее важный вопрос — о поставке Лхасе оружия решился незадолго до отъезда «сиккимского резидента». Делийские власти, очевидно под влиянием меморандума Керзона от 26 августа, подведшего черту под провалившимися англо-китайскими переговорами, согласились продать тибетцам 10 горных орудий, 20 пулеметов, 10 тысяч винтовок образца «Ли Энфилд» и один миллион патронов к ним, правда, при одном обязательном условии, что английское оружие будет использовано тибетцами исключительно в целях самообороны и поддержания внутреннего порядка в стране.

17 Bell Ch. Portrait of a Dalai Lama: The Life and Times of the Great Thirteenth. London, 1987.

Суммируя результаты своей миссии, Белл докладывал правительству Индии: «Доверие тибетского правительства к нам совершенно восстановлено. Его чувства по отношению к нам, вероятно, никогда не были столь дружественными, как теперь. Политика, которую я предложил для регулирования наших будущих взаимоотношений с Тибетом, была принята в ее полном объеме. Увеличилась вероятность того, что Китай приступит к обсуждению трехстороннего договора с Британией и Тибетом. Одним словом, можно без преувеличения говорить, что тибетский вопрос урегулирован настолько, насколько это вообще возможно в настоящее время. Это урегулирование останется в силе на протяжении нескольких лет и будет в значительной степени способствовать нашим интересам, а также интересам Тибета, и затем, в самом подлинном смысле, вышшим интересам Китая»¹⁸.

Но была еще одна сторона, советская, чьи интересы в Тибете Белл, естественно, не учитывал, уверенный, что большевикам не удастся вовлечь Лхасу в свою политическую орбиту. В интервью лондонскому корреспонденту «Дейли Телеграф» от 17 января 1922 г. он решительно отверг мысль, что большевизм уже проник в Тибет, как сообщалось в некоторых западных печатных органах, давая понять, что он рассматривает Тибет как «грозное государство-буфер между Индией и русским большевизмом». «Принципы большевизма совершенно противны характеру тибетцев»,— утверждал он. И хотя большевизм, несомненно, уже проник в Северную Монголию, едва ли можно думать, что монголы в восторге от него. Во всяком случае, «в Тибет он не придет никогда»¹⁹.

Прогноз английского дипломата, однако, не сбывся. Осенью 1920 г. Наркоминдел, почти одновременно с Форин оффисом, перешел к практической реализации собственных планов в отношении Тибета. В сентябре-октябре этого года, во время посещения Москвы группой монгольских революционеров (Чойбалсан, Сухе-Батор, Данзан, Бодо и др.), в стенах НКВД вновь рассматривался вопрос о тибетской экспедиции. Участие в обсуждении приняли также

18 Oriental and India Office Collection and Records (OIOC). L/P&S/10/1113. P. 212. Отрывок из полного отчета Белла правительству Индии (Final Report of C. Bell submitted to the Government of India in the Foreign and Political Department, Delhi, 29 November 1921).

19 Sir C. Bell's Mission. Satisfactory Results // The Daily Telegraph. 1922. January 17. P. 9. В более ранней публикации в лондонском «Таймсе» (Tibet Tired of Seclusion. Ready to Open Country // The Times. 1921. October 31) со ссылкой на сообщение Белла говорилось, что «тибетцы стремятся открыть свою страну влиянию современной цивилизации и торговли в виде образования и железных дорог и желают заключить полуофициальный договор с Великобританией, поскольку они обеспокоены приближением к Тибету через Китайский Туркестан большевистских эмиссаров».

А. Доржиев, А.М. Амур-Санан и Эльбек-Доржи Ринчино — один из активистов бурятского национального движения, секретарь монголо-тибетского отдела Секции восточных народов (Секвостнара) Сибирского облбюро ЦК РКПб²⁰. То, что руководство Наркоминдела сочло необходимым согласовывать свои планы с монгольскими гостями, объяснялось, во-первых, тем, что экспедицию предполагалось снаряжать в Урге, идти ей предстояло в составе и под прикрытием каравана монгольских торговцев и паломников, что обеспечивало некоторую безопасность. Во-вторых, «тибетский вопрос» теснейшим образом соприкасался с «монгольским вопросом» с точки зрения перспектив Восточной революции: как Тибет, так и Монголия являлись отсталыми, феодальными, ламско-теократическими государствами; обе страны в недалеком прошлом находились под властью Китая и в то же время служили объектами экономической и политической экспансии империалистических держав, обе ныне открыто выражали стремление к национальной независимости. Первой на путь революционных преобразований предстояло вступить Монголии, которая в дальнейшем должна была стать передатчиком коммунистических идей в глубь Азиатского континента. Именно таким путем революция могла прийти в пока что недоступный советскому влиянию Тибет.

В ходе совещаний в НКВД был сформулирован подход Советского государства к «тибетскому вопросу», который основывался на следующих принципиальных положениях:

1. Установление связи РСФСР с Тибетом чрезвычайно важно и необходимо.

2. Отсутствие надлежащей информации о внутреннем и внешнем положении Тибета за последние 3–4 года и особая острота тибетского вопроса в связи с зарождением революционного движения в Индии и вообще в Азии диктуют советской дипломатии особую осторожность при подходе к тибетскому вопросу, неразрывно связанному с другими дальневосточными вопросами.

3. Для окончательного выяснения вопроса и намечения практических путей разрешения тибетской проблемы необходимо командировать в Тибет небольшую секретно-рекогносцировочную экспедицию. По прибытии в Тибет и выяснении положения и в случае положительного отношения Тибета к России один из чле-

20 О Э.-Д. Ринчино см.: Санжиев Г.Д., Найдаков В.Ц. Эльбек-Доржи Ринчино // Национально-освободительное движение бурятского народа. Улан-Удэ, 1989. С. 47-54.

нов экспедиции должен пробраться в Афганистан и оттуда сообщить результаты экспедиции по радио в Москву, где по получении сведений Наркоминдел должен приступить к организации новой и более солидной экспедиции, вернее миссии в Тибет²¹.

Для снаряжения первой, сугубо разведывательной, экспедиции НКВД выделил весьма скромные средства: 6200 рублей серебром, 200 аршин парчи (на подарки Далай-ламе и тибетским сановникам) и несколько единиц оружия «для самообороны» (4 винтовки-карабина и 1 автоматическое ружье). Маршрут экспедиции намечался через Ургу. Составление подробной инструкции для ее участников возложили на Э.-Д. Ринчино и А. Доржиева.

Детали этой экспедиции также обсуждались с авторитетным востоковедом (ставшим в 1918 г. академиком РАН) Ф.И. Щербатским, которого Наркоминдел первоначально прочил на роль её руководителя. Однако от этой идеи вскоре отказались, отдав предпочтение предложенной Ринчино кандидатуре бурята Сандана Жамбалона, в недавнем прошлом еще одного участника национального движения в Бурятии. Щербатского же вместо Тибета решили отправить в Западную Европу с не менее ответственным поручением — принять участие в проходивших в то время в Лондоне англо-советских переговорах, которые возглавлял нарком внешней торговли Л.Б. Красин. В то же время Российская Академия наук поручила Щербатскому взять на себя труд по восстановлению контактов с западноевропейскими академиями, прервавшихся в годы гражданской войны.

Подготовка «рекогносцировочной» экспедиции в Тибет началась вскоре после отъезда из Москвы монгольской делегации. 15 января 1921 г. в Иркутске состоялось заседание президиума Секции восточных народов совместно с коллегией одного из её отделов — монголо-тибетского, представленного Э.-Д. Ринчино и С. Жамбаломом. На этом заседании Ринчино проинформировал руководство Секвостнара о планируемой Наркоминделом тибетской экспедиции. В ходе последовавшего затем обсуждения в эти планы были внесены некоторые коррективы. Так, намеченный маршрут экспедиции через Ургу был признан «опасным», ввиду проникновения в Монголию с советской территории «белобанд Унгерна», и потому решили наметить для отряда другой путь, в обход Урги. В то же время

21 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 87, лл. 1-1 об. (Протокол заседания президиума Секции восточных народов Сибирского областного бюро ЦК РКПб совместно с коллегией монголо-тибетского отдела секции, от 15 января 1921 г.)

средства на снаряжение экспедиции, выделенные НКИД (деньги и оружие), посчитали явно недостаточными. Поэтому руководство Секвостнара постановило отпустить экспедиции дополнительно 8000 рублей серебром (правда, поскольку Секция реально такой суммой не располагала, то решили занять её в недавно созданном «валютном фонде» Монгольской народной революционной партии (далее МНРП), с последующей компенсацией из «валютных сумм» монголо-тибетского отдела Секвостнара)²².

Монголо-тибетский отдел (Монтиботдел) возник летом 1920 г., в связи с приездом в Россию делегации монгольских революционеров, как одно из четырёх основных подразделений Секвостнара, наряду с японским, китайским и корейским отделами. Его создание преследовало цель сближения революционной России с Монголией и Тибетом «на почве взаимных экономических выгод и политико-экономической помощи». Конкретная практическая работа отдела велась в трех направлениях: 1) агитационном («с целью пробуждения революционно-политического самосознания монгольского и тибетского народов»); 2) организационном («установление связи, создание партий и революционно-политических течений в среде указанных народов») и 3) просветительно-издательском («борьба с автократическими тенденциями и клерикализмом путем выпуска и распространения революционной и популярной общенаучной литературы»)²³.

Что касается непосредственно Тибета, то главной задачей отдела на первых порах было организовать сбор достоверной информации, чтобы постоянно находиться «в курсе событий и настроений» в стране и вести там «организационно-агитационную работу». Для этого предполагалось отправить в Лхасу специально обученного агента, предпочтительно тибетца. С этой целью Монтиботдел планировал открыть в Иркутске особые курсы «для подготовки революционных работников в Монголии и Тибете». Тем временем, в сентябре 1920, Э.-Д. Ринчино отправил в Монголию одного из своих сотрудников с особым заданием — для сбора информации о Тибете, прежде всего о его отношениях с Англией и Китаем, политических настроениях тибетских масс, проявлении иностранного влияния и т. д., а также для подыскания среди проживающих в Урге тибетцев «лиц, которые по своим политическим настроениям мог-

²² Там же. Л. 1 об.

²³ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 152, д. 157, л. 11 (Программа деятельности монголо-тибетского отдела Азиатского бюро).

ли бы быть использованы отделом для работы в качестве переводчиков, как в Иркутске, так и в Урге, а также могли бы быть посланы для агитации в Тибет»²⁴.

После переговоров Монгольской делегации с руководством НКВД в Москве одной из основных задач Монтиботдела становится организация тибетской экспедиции. Другая не менее важная задача — издание пропагандистской и другой литературы на тибетском языке²⁵. К этой работе иркутские коммунисты решили привлечь известного тибетолога Г. Цыбикова, книга которого о совершенном им в начале века тайном путешествии в Тибет вышла в свет в 1919 г.²⁶ По возвращении из Тибета Г. Цыбиков преподавал монгольский язык в Восточном институте во Владивостоке и в Иркутском университете; в годы революции и гражданской войны активно занимался общественно-политической деятельностью — сотрудничал с Бурнацкомом, органом самоуправления забайкальских бурят, занимал должность комиссара-тайши Агинского аймака.

В начале февраля 1921 г. Секция восточных народов была преобразована в Дальневосточный секретариат (ДВС) Исполкома Коминтерна, который отныне становится главным штабом по руководству всей коммунистической и революционной работой в странах Восточной и Центральной Азии — Китае, Японии, Корее, Монголии и Тибете. Эту реорганизацию осуществил большевик-подпольщик, член Сибоблбюро ЦК РКПб Б.З. Шумяцкий²⁷, только что назначенный уполномоченным Коминтерна и одновременно НКВД на Дальнем Востоке. Шумяцкий сохранил прежнюю организационную структуру Секвостнара, так что дальнейшая подготовка тибетской экспедиции продолжалась Монтиботделом уже в рамках ДВС, под непосредственным контролем Москвы (Г.В. Чичерина) и его собственным. Этой работе, однако, неожиданно помешал барон Унгерн, чьи отряды, как уже говорилось, вторглись осенью 1920 г. во Внешнюю Монголию с целью ее освобождения, по просьбе Ургинского Хутухты, от китайских войск (оккупировавших страну в 1919). 4 февраля 1921 г. Унгерн взял Ургу. Но уже через несколько месяцев Красная Армия, совместно с частями Монгольской народной революционной армии (МНРА), наскоро сформированными и

24 Там же. Д. 3, л. 11.

25 РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 9, л. 2. Протокол № 2 заседания коллегии монголо-тибетского отдела Секции восточных народов Сибирского отдела Бюро при ЦК РКПб.

26 Цыбиков Г. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.

27 О нем см.: Багаев Б. Борис Шумяцкий. Красноярск, 1974.

обученными советскими инструкторами-калмыками, начала освободительный поход против «белого барона», завершившийся его полным разгромом.

Несколько ранее (в начале марта 1921 г.) еще не оформившаяся, нелегальная организация монгольских революционеров — Монгольская народно-революционная партия — провела в Кяхте свой учредительный съезд, официально провозгласивший создание МНРП. Это событие, как известно, имело огромное значение для будущего Монголии. Примечательно, что в принятой на съезде первой Программе МНРП, разработанной под руководством ДВС и Монтиботдела, говорилось вскользь и о Тибете как об отсталой стране, в которой, так же как и в Монголии, «господствует еще натуральное хозяйство и не изжиты еще старые традиции». Поэтому «трудящимся этих стран (т. е. Монголии и Тибета) следует стремиться... к освобождению от власти кучки феодалов и установлению демократической формы правления»²⁸. В другом месте Программы формулировалась ближайшая задача монгольских и тибетских трудящихся — «захват государственной власти в свои руки и установление правления, принятого народным собранием» и «отражающего интересы большинства населения»²⁹. Таким образом, народные революции в Монголии и Тибете должны были произойти по единому коминтерновскому сценарию.

Сразу после съезда, действуя по инструкциям Коминтерна, МНРП приступила к подготовке народной революции в Монголии. 13 марта в г. Троицкосавске под руководством партии формируется Временное народное правительство Монголии, наряду с уже существующим в Урге центральным правительством Богдо-гегена, оказавшимся в руках Унгерна. Перед этим правительством на объединенном совещании МНРП ставится первоочередная задача — «освободить нашу страну от китайских милитаристов, очистить ее... от русских белогвардейских отрядов и от всех прочих вооруженных банд... обеспечить тесную связь между монгольским народом и дружественными народами соседних государств (т. е. РСФСР и ДВР.— А.А.)... созвать Великий Хурал из народных представителей Монголии для избрания постоянного правительства и принятия основных законов»³⁰.

28 Цит. по: Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. М.; Улан-Батор, 1978. С. 110-111.

29 Там же. С. 111.

30 Роль и значение помощи международного коммунистического движения... С. 118, 119.

В этой экстренной ситуации руководству ДВС и Монтиботдела, естественно, пришлось переключиться на монгольские дела. Однако в начале июня 1921 г. планы тибетской экспедиции снова выходят на первый план, после того как Доржиев получил письмо из Лхасы с важной информацией о Тибете — то ли от кого-то из его старых тибетских друзей, то ли даже от самого Далай-ламы. Об этом письме Доржиев тотчас сообщил Б.З. Шумяцкому и затем спешно выехал в Москву для информирования Наркоминдела и получения дальнейших инструкций. Но главная цель его поездки состояла в том, чтобы поторопить Центр с отправкой тибетской экспедиции. 6 или 7 июля — в канун решающих боев советско-монгольских частей с Унгерном за Ургу — Доржиев посетил НКВД, где передал докладную записку заведующему отделом Востока С.И. Духовскому. В ней, в частности, он сообщал, что по полученным им сведениям «Далай Лама и его приближенные остаются при старом своем мнении, и не может быть ни малейшего сомнения в их готовности к возобновлению дружественных отношений с Россией, тем более, когда им станет известна платформа Советской власти и светлые принципы, проводимые ею в жизнь, защиты мелких угнетенных народностей»³¹. Далее Доржиев предлагал следующую схему экспедиции — сперва в Лхасу «морским путем» (т. е. через Индию) следует отправить курьера — донского калмыка Сандже Бакбушева (того, кто привез ему «сведения от Далай Ламы»). Он должен будет сообщить тибетским властям о намерениях Москвы, с тем чтобы они могли подготовиться к приему советских представителей — «сговориться и посоветаться, тогда вылилось бы в определенную форму теперешнее отношение Тибета к России». Следом за Бакбушевым, по получении от него известий, должен был выступить основной отряд экспедиции, состоящий не более чем из 10 человек, во главе с бурятским ламой Дава Ямпилковым. «Этот человек вполне надежный и сведущий, несколько раз ездивший в Тибет через Центральную Азию, получивший образование в Тибете, и он известен по моей рекомендации Далай Ламе как человек, знающий русский и тибетский языки»³², — писал Доржиев. Начальником конвоя — фактически руководителем экспедиции — планировался сотрудник Монтиботдела бурят Лупсан Цивано, кандидатура которого была предложена Э.-Д. Ринчино вместо С. Жамбалона.

31 Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993. С. 30.

32 Там же. С. 31.

«Цивано — человек вполне надежный. Забайкальский казак, старый служака, прослужил с самого начала в частях Красной Армии. Он человек бывалый, стойкий и закаленный», — сообщал Доржиев. Третьим ключевым участником экспедиции, наряду с Ямпилоном и Цивано, должен был стать бурят Даши Сампилон, которому предстояло вести путевые записи и вообще выполнять «всю научную часть работы экспедиции». (Агроном по специальности, Сампилон был еще одним активным работником бурятских национальных органов самоуправления. После Февральской революции он являлся представителем Бурнацкома в Петрограде, был членом исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. С ноября 1918 исполнял должность председателя Бурятской народной думы.)³³ Остальным участникам тибетской экспедиции отводилась скромная роль обслуживающего персонала («конвоиров»).

Цели экспедиции Доржиев формулировал так: «выяснение внутреннего положения Тибета, точное установление взаимоотношений соседних с Тибетом стран, особенно Англии, выяснение, насколько велико влияние английских и других дипломатических интриганов в Тибете»³⁴. Складывается впечатление, что Доржиев знал о миссии Ч. Белла в Лхасу. Акция Лондона, надо думать, вызвала большое беспокойство в Наркоминделе и послужила дополнительным стимулом для отправки советской экспедиции. Таким образом, эмиссарам Москвы предстояло провести предварительную политическую разведку в Лхасе и подготовить почву для будущих официальных переговоров между советским и тибетским правительствами.

В качестве подарка Далай-ламе НКВД собирался первоначально послать радиотелеграфный аппарат, при этом предполагалось, что обслуживать его будут советские телеграфисты. Доржиев, однако, был против посылки большого аппарата, «ибо пока неизвестен пункт, где может быть поставлена радиостанция, и также неизвестно настроение тибетского народа и насколько отсутствуют в массе англофильские течения». По его мнению, сначала следовало договориться с правительством Тибета о месте установки станции. Поэтому он предложил подарить Далай-ламе маленькое радиоприемное устройство. В то же время он отмечал, что установление телеграфной связи между Россией и Тибетом является вопросом первосте-

33 О нем см.: Национальное движение в Бурятии. Документы и материалы. Улан-Удэ, 1994. С. 196-197.

34 Страницы из жизни Агвана Доржиева... С. 31.

пенной важности. Далай-лама вполне осознает необходимость такой связи и в прошлом уже вел переговоры с датским телеграфным агентством в Пекине о проведении телеграфного провода в Россию³⁵.

Доржиев также не советовал НКВД посылать в Тибет кинематографичес-

Калмыцкие военные инструкторы В.А. Хомутников (крайний справа) и Б.Х. Кануков. Урга, нач. 1920-х. Фото из Нац. архива Республики калмыкия.

кий аппарат, поскольку «публичная демонстрация картин даст повод к распространению всевозможных перетолков об экспедиции и может обострить отношения с Англией». По его мнению, следовало сперва дождаться «благоприятных сведений» из Лхасы, а затем приступить к снаряжению «второй большой экспедиции», с которой можно было бы отправить радиостанцию, кинематограф и... «возможное количество оружия для тибетской армии».

Практически одновременно с Доржиевым — 6 июля 1921 г. — свой проект тибетской экспедиции подал Чичерину и Шумяцкий, приехавший в Москву для участия в 3-м конгрессе Коминтерна. Поднимался ли вопрос о поездке в Лхасу на заседании Политбюро ЦК, состоявшемся 6–7 июля, мы не знаем; во всяком случае, в повестке дня этого заседания в качестве отдельного пункта он не значится. Предложения Шумяцкого, очевидно, и легли в основу окончательного сценария экспедиции. Так, в Наркоминделе отказались от предварительной посылки в Лхасу курьера-калмыка Бакбушева, отклонили кандидатуру «начальника конвоя» Цивано, а «ориенталиста» Сампилона решили поставить во главе второй, основной, экспедиции. На должность «политкома» экспедиции — её фактического руководителя — утвердили донского калмыка-коммуниста, одного из военных инструкторов при монгольской армии, В.А. Хомутникова (конспиративное имя Василий Кикеев) (1891–1945)³⁶.

³⁵ Там же. С. 32.

³⁶ О нем см.: Бембеев В.Ш. Человек из легенды. Москва; Элиста, 1991.

Решающую роль в этом выборе, возможно, сыграл тот факт, что земляк Хомутникова, донской калмык Шарап Тепкин, находился в это время при лхасском дворе, исполняя должность личного секретаря Далай-ламы. Поэтому, инструктируя Хомутникова накануне поездки, представитель НКВД РСФСР при советских воинских частях в Монголии, В.И. Юдин, советовал ему по приезде в Лхасу сразу же связаться с Тепкиным, который мог бы устроить встречу с Далай-ламой и быть на ней переводчиком³⁷.

О тибетских планах НКВД, разумеется, знал и В.И. Ленин. Об этом свидетельствует, например, известный ученый-монголист, ныне покойный С.Д. Дылыков (внучатый племянник А. Доржиева), сообщающий о встрече Ильича с Доржиевым, состоявшейся в Кремле, по-видимому, летом 1921 г., накануне экспедиции (сам Дылыков ошибочно датирует её 1922 г.) «В 1922 г. Агван Доржиев был принят Лениным, который очень интересовался его мнением по национальному строительству и вопросам религии у бурят и калмыков и о их связях с буддистами Монголии и Тибета. Ленин подробно расспрашивал его о возможности организации экспедиции паломников из бурят и калмыков в Тибет с целью ознакомления с современным положением в стране, настроениями Далай-ламы и его окружения, о роли англичан и китайцев, взаимоотношениях Тибета с Индией. Поездку самого Агвана Доржиева в Тибет в то время Ленин считал делом рискованным, учитывая позицию Англии относительно его персоны»³⁸.

Встречался Доржиев дважды и с председателем ВЦИК М.И. Калининым. Их беседы, по воспоминанию С.Д. Дылыкова, касались в основном будущего национального устройства Бурятии и роли религии в жизни бурятских буддистов. «Что касается религии,— пишет он,— Агван Доржиев добивался, чтобы в разделе проекта Конституции о свободе совести и вероисповедания сохранилась первоначальная формулировка о допущении религиозной и антирелигиозной пропаганды». М.И. Калинин, однако, с точкой зрения Доржиева не согласился. (Эти встречи состоялись, скорее всего, в 1922 г., во время разработки проекта первой Конституции СССР.)

Какое место тибетская инициатива Г.В. Чичерина занимала среди других внешнеполитических акций НКВД того времени? 1921 год, как известно, ознаменовался большими успехами восточной

37 Там же. С. 82.

38 Дылыков С.Д. Страницы жизни // Altaica IV. Сборник статей и материалов. М., 2000. С. 37.

политики большевиков. Советская Россия подписала дружественные договоры с Персией (26 февраля), Афганистаном (28 февраля), кемалистской Турцией (16 марта), что, несомненно, нанесло сильный удар по позициям Англии на Ближнем и Среднем Востоке. Особенно важным был договор с Афганистаном, ввиду того, что эта соседняя страна рассматривалась политическим руководством России помимо прочего как база или «коридор» для поддержки революции в Индии. Поэтому его заключение преследовало двойную цель: с одной стороны, упрочение дружественных отношений между двумя государствами, а с другой — недопущение сближения Афганистана с Англией, или иначе «ограждение действительной независимости Афганистана», как об этом говорилось в преамбуле договора. Однако за дружбу с молодым и амбициозным эмиром Амануллой Москве пришлось заплатить немалую цену. Согласно секретному приложению к договору, Россия обязалась предоставить Афганистану ежегодную субсидию в размере 1 млн. рублей золотом, 5000 винтовок, 12 аэропланов, восемь зенитных орудий. Кроме этого, предусматривалось создание в Афганистане школы авиации, постройка завода бездымного пороха (кордита), оборудование телеграфной линии Кушка – Кабул, предоставление в распоряжение афганского правительства российских специалистов³⁹. Но и Россия получила от договора определенные выгоды. Так, он позволял ей открыть пять консульств РСФСР на территории Афганистана, два из которых (в Кандагаре и Газни) находились вблизи границы с Индией. Это вызвало настоящую панику в Лондоне и немедленное контрвоздействие на эмира с целью срыва ратификации советско-афганского договора и заключения собственного соглашения с Афганистаном⁴⁰.

В том же году (16 марта) Москва заключила торговое соглашение с Англией, означавшее фактическое признание ведущей капиталистической державой Советского государства. Это была крупная победа советской дипломатии. Важным положением этого документа было взаимно взятое на себя обеими сторонами обязательство воздерживаться от всякого враждебного действия и пропаганды друг против друга. В частности, советское правительство обязалось воз-

39 См.: Третьякова О.Д. Политические и экономические отношения Советского государства с Афганистаном в 1919–1929 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. Владимир, 1996. С. 13.

40 См.: Панин С.Б. Значение советско-афганского договора 1921 г. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность. Доклады международной конференции, 12–15 октября 1995. Москва; Иркутск, 1995. С. 61–64.

Слева направо в 1-м ряду: Б.Х. Кануков, М.Т. Бимбаев, О. Чойбалин. Фото из НАРК.

держиваться от подстрекательств военным, дипломатическим или каким-либо иным способом какого-либо из народов Азии к действиям, враждебным британским интересам или Британской империи, в особенности в Индии и в Афганистане. Англия, со своей стороны, обязалась не вести пропаганды в государствах, которые прежде входили в состав Российской империи.

Во второй половине 1921 г. советская дипломатия сосредоточила свои усилия на дальневосточном и центральноазиатском направлениях. В центре внимания Москвы оказался Китай и его бывшие «внешние территории» — Монголия, Синьцзян и Тибет. Так, представительство НКВД в Средней Азии отправило в августе из Ташкента в Урумчи дипагента Казанского для заключения торгового соглашения с синьцзянским военным губернатором («*дучзюном*»). (Дипломатические отношения с Западным Китаем были фактически установлены годом ранее путем учреждения в Кульдже и Алма-Ате соответственно советского и китайского торгпредств, с присвоением им консульских функций.) А осенью 1921 г. в Пекин была направлена миссия во главе с А.К. Пайкесом для переговоров об установлении дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем. В то же время делались попытки завязать контакты и с вождем Синьхайской революции, основателем партии

Гоминьдан Сунь Ятсеном, провозглашенным чрезвычайным президентом Южного Китая. С этой целью весной 1922 г. Пайкес отправил в Кантон члена ДВС С.А. Далина. Наконец, в октябре 1921 г. в Москву прибыла чрезвычайная монгольская миссия, которая 5 ноября подписала договор о дружбе с советским правительством. В этом контексте секретная Тибетская экспедиция НКВД и Коминтерна являлась продолжением активной советской политики в регионе и одновременно революционной экспансии большевиков, направленной на подрыв ключевых позиций своего главного противника, Англии.

Экспедиция Ямпилова – Хомутникова выступила из Урги 13 сентября 1921 г. Её маленький отряд, двигавшийся на 12 верблюдах, присоединился к большому каравану монгольских и тибетских паломников и торговцев, направлявшемуся в Лхасу. Кроме уже названных двух руководителей, участие в поездке приняли еще шестеро калмыков и один бурят. До Лхасы, однако, дошли не все. Во время перехода через высокогорную местность Сартын (в Наньшане) тяжело заболел и умер лама Ямпиллов.

Советская экспедиция достигла столицы Тибета 9 апреля 1922 г., т. е. она находилась в пути более 7 месяцев, а не полтора-два, как первоначально рассчитывал Шумяцкий. Не вполне оправдались и другие ожидания Москвы. Так, Далай-лама встретил эмиссаров «красных русских», как тибетцы называли большевиков, без особой симпатии, довольно настороженно. Аудиенция состоялась на следующий же день в зимнем дворце правителя — Потале, в присутствии его калмыцкого секретаря-переводчика Шарара Тепкина. После традиционного приветствия Хомутников преподнес Далай-ламе подарки от имени советского правительства (100 аршин парчи, четверо золотых часов, серебряный сервиз, радиотелеграфный аппарат) и вручил письмо за подписью Л.М. Карахана. Во время этой первой встречи вопросы в основном задавал Далай-лама — жив ли и чем занимается Доржиев, как новые власти России обращаются с калмыцким духовенством и хурулами (монастырями), какова судьба Николая II и его семьи, какие цели преследуют Советы и как относятся к имущим классам и т. д. В своих ответах Хомутников, разумеется, попытался представить национальную и религиозную политику большевиков в выгодном свете, в частности он заявил,

что «если царское правительство стесняло развитие национального самоопределения калмыков и бурят и распространение буддизма, то Советы в этом отношении дали самую широкую свободу. Ими допущено образование самостоятельных автономных областей — бурятской и калмыцкой, где ламы могут свободно распространять своё учение и строить храмы». Что касается Доржиева, то он жив и здоров, «объезжает каждый год все буддийские храмы в пределах Советов и в своей деятельности Советским Правительством нисколько не стеснен». Говоря о революции в России, советский эмиссар отметил, что русский народ сверг с престола царя и конфисковал «все имущество буржуев» в пользу государства. «Советы,— пояснил он,— преследуют ту цель, чтобы больше не было войн, чтобы на земле создалось братство и равенство народов и наций без различия религий и т. д.»⁴¹.

На другой день В.А. Хомутников встречался с тибетскими министрами («калонами») в летней резиденции правителя Тибета, Норбулинке. На ней присутствовали Далай-лама, его могущественный фаворит, главнокомандующий тибетской армии и одновременно министр финансов Царонг, а также первый министр, по-видимому Лончен Шолкхан, хотя Хомутников в своём отчете и не называет его имени. И на этот раз беседа началась довольно напряженно. Царонг заявил, что имеет достоверные сведения из Константинополя от калмыков-эмигрантов, согласно которым «калмыцкие хурулы сожжены красными, и все наши единоверцы-калмыки ими ограблены и убиты». Такие сведения содержались в письме, посланном Далай-ламе в 1921 г. руководителями «Буддийского союза» — организации, созданной калмыцкими беженцами в Константинополе. В нем калмыки рассказывали о драматических событиях гражданской войны в России — в том духе, как об этом говорил Царонг — и просили оказать им помощь, в частности разрешить всем желающим переселиться в Тибет. Позднее (предположительно в начале 1922 г.) одному из авторов этого письма калмыцкому бакши Замбо Хаглышеву (Халдинову) удалось, при помощи англичан, въехать в Тибет через Индию и обосноваться в Лхасе. Именно Хаглышев и стал источником крайне негативной информации о Советской России для тибетцев⁴². В результате Хомутникову пришлось вновь опровергать слухи

41 Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 150, оп. 1, д. 4а. Отчет В.А. Хомутникова в НКВД («Доклад о поездке в Тибет»), 28 октября 1922 г., машинописная копия на 19 листах. Лл. 4, 5.

42 Архив Министерства безопасности Республики Калмыкия (далее АМБРК). Р-940, лл. 165, 252, 269 (показания Ф.М. Хохлова от 11 мая 1931 и И.С. Шолханова от 26 сентября 1929).

о творящихся в России бесчинствах и насилии над буддийским духовенством, столь напугавшие тибетское правительство⁴³.

Позитивная информация В.А. Хомутникова была тут же подкреплена письмами Л.М. Карахана и Агвана Доржиева, зачитанными Тепкиным, что, произвело на тибетцев «большое впечатление». В результате напряженность спала, и беседа перешла в более спокойное и деловое русло. Тибетские министры осведомились у своего русского гостя, насколько сильна Советская Россия и может ли она оказать помощь Тибету «в смысле сохранения его неприкосновенности от покушений других государств». Хомутников, естественно, постарался уверить тибетцев в том, что нынешняя Россия — очень сильное государство, ибо сумела победить всех своих врагов в гражданской войне, что она стоит на страже интересов «всех малых народов и наций, стремится завязать с ними как можно более тесные связи и защитить их [от] всяких нападений со стороны кого бы то ни было» и «поэтому тибетский народ вполне может рассчитывать на помощь и поддержку со стороны Советской России»⁴⁴. Тогда министры заявили, что страна нуждается в мастерах по производству пороха, патронов и снарядов, так как англичане, согласившись поставлять тибетцам оружие, отказываются предоставить им таких специалистов, особенно мастеров по изготовлению пороха (кордита). Кроме этого, они просили прислать им радиотелеграфистов для работы на аппарате, подаренном Москвой. Хомутников, конечно же, обещал, что такие специалисты будут направлены Советской Россией в Лхасу. «Как Далай-лама, так и оба министра,— говорится далее в его отчете,— были очень довольны беседой. Особенную радость они выразили по поводу получения радиотелеграфного аппарата, сказав, что это драгоценный подарок, и отдали приказание тотчас спрятать его, чтобы не узнали англичане».

Советская экспедиция находилась в Лхасе чуть более трех недель. За это время Хомутников еще несколько раз встречался с Далай-ламой, «по его приглашению», и с его двумя министрами, Царонгом и Лонченом. «Все они чрезвычайно интересовались положением дел в Советской России, а также отношениями последней с другими странами и обращались ко мне с подробными расспросами. Насколько мог, я удовлетворял этот интерес»⁴⁵. Особенно большое впечатление рассказы Хомутникова произвели на престарелого тибетского пре-

43 НАРК. Ф. 150, оп. 1, д. 4а, л. 6.

44 Там же. Л. 6, 7.

45 Там же. Л. 7, 8.

мьера Лончена Шолкхана. Бывший русофил и противник Англии, Лончен открыто проявлял «большую симпатию к России». При прощании он сказал Хомутникову: «Раньше мы дружили с русскими; думаю, что и теперь сможем возобновить старые отношения, если будут позволять условия и обстоятельства»⁴⁶.

О Царонге, слывшим заядлым англофилом, Хомутников также отзывался весьма положительно: «Ко мне [он] отнесся очень хорошо: много раз приглашал к себе и всегда охотно беседовал на разные темы. Очень интересуется Советской Россией и Красной Армией»⁴⁷. Любопытна и характеристика, которую Хомутников дает Далай-ламе: «Сам Далай-Лама относится в данное время к Англии дружелюбно, вследствие того, что англичане доставляют оружие для войны с Китаем. К последнему отношению его определенно враждебное. Среди лам и народной массы Далай-Лама пользуется большой симпатией, хотя есть у него среди них противники. Так, в 1921 г., в связи с приездом в Лхасу английского представителя Белла, монахи двух монастырей, сторонники китайской ориентации, пытались устроить против правительства восстание. Однако руководители восстания были арестованы и по сие время сидят в тюрьме»⁴⁸.

Что касается Красной России, то владыка Тибета испытывал к ней явно двойственные чувства. С одной стороны, его пугали рассказы о гонениях большевиков на «желтую веру». Незадолго до приезда экспедиции он получил письмо от Ургинского Хутухты, в котором тот писал, что Советы, уничтожив свои храмы и священные книги, добрались, наконец, и до Монголии и при содействии Монгольской революционной партии сместили его с престола. В результате Далай-лама распорядился, по просьбе Хутухты, служить в тибетских храмах особые молебны об уничтожении врагов буддийской веры. С другой стороны, под влиянием бесед с Хомутниковым его отношение к «красным русским» стало заметно меняться. Так, Хомутников отмечал, что после получения положительной информации из России Далай-лама распорядился отменить эти молебны. А во время прощальной аудиенции, состоявшейся 29 апреля, он неожиданно признался: «Мне желательно установить добрососедские отношения с Россией, ибо, хотя мы с Англией официально находимся в мирных отношениях, фактически она стремится подчинить нас себе. С этой целью она держит на нашей территории свои войска,

46 Там же. Л. 10, 11.

47 Там же. Л. 11.

48 Там же. Л. 9.

что является для нас весьма неблагоприятным и совершенно нежелательным»⁴⁹.

Речь, по-видимому, идет о небольшом военном эскорте при торговом агенте в Гьянцзе, главной английской фактории в Тибете. Есть, однако, основания, заставляющие сомневаться в искренности подобного заявления Далай-ламы, особенно после визита Ч. Белла. Во всяком случае, он не собирался радикально менять своей проанглийской ориентации, а потому отклонил предложение Хомутникова послать официальное тибетское посольство в Москву. «В данный момент сделать это невозможно, ибо, если узнают англичане, могут быть плохие последствия для нас». Вместо посольства Далай-лама решил направить своего представителя Шарапа Тепкина, которому поручалось передать его устный ответ советскому правительству и вручить несколько писем Доржиеву, с тем чтобы последний довел их содержание до сведения руководителей страны. Тепкину также надлежало оказывать помощь Доржиеву, ввиду его преклонного возраста, и в случае смерти заменить его⁵⁰. Сам Тепкин так рассказывал о данном ему поручении: «В связи с возвращением экспедиции в Россию, я был вызван Далай-Ламой, который предложил мне выехать вместе с ней к Хамбо Агвану Доржиеву, [чтобы] информировать его о положении в Тибете; одновременно с этим дал поручение информировать его, Далай-Ламу, о происходящих событиях в России и положении и жизни духовенства»⁵¹. Таким образом, Далай-лама, очевидно, решил проверить с помощью своего «русского» секретаря достоверность сообщений Хомутникова и Доржиева.

Экспедиция Хомутникова покинула Лхасу 1 мая 1922 г. Обратив в Россию она возвращалась другим, более коротким сухопутно-морским путем, через Индию и Китай. По дороге заехали в монастырь Ташилхумпо («Даши-лин») в Южном Тибете, чтобы получить благословение Панчен-ламы, однако в переговоры с ним не вступали, поскольку Панчен находился «в оппозиции к Далай-ламе» и к тому же «являлся сторонником англичан». В Ургу экспедиция вернулась в начале августа.

Свой отчет о поездке в Тибет Хомутников подал в НКВД 28 октября 1922 г. В нем содержались разнообразные и довольно подробные сведения о Тибете, его правящей верхушке, о политических

49 Там же. Л. 10.

50 Там же. Лл. 9, 10.

51 АМБРК. Р-940, л. 9. (Протокол допроса Ш. Тепкина от 20 июня 1931 г.).

взглядах Далай-ламы и его министров, об отношениях страны с Китаем и Англией, её армии, хозяйственной жизни (скотоводстве, земледелии, торговых промыслах). Правда, приводимые руководителем экспедиции факты в ряде случаев не соответствовали действительности. Это, прежде всего, относится к его сообщениям о миссии Белла и об англичанах в Тибете в целом. Так, Хомутников утверждал, по-видимому со слов своих информаторов в Лхасе, что Белл якобы просил Далай-ламу допустить в Лхасу официального представителя Англии, а также договорился с тибетцами о передаче англичанам в аренду «территории на северо-западе и юго-востоке от Лхасы». Эта информация, однако, не подтверждается данными британских дипломатических архивов. Ничего не говорят официальные источники и о постройке англичанами лесопильного завода в местности Домула (?) около индийской границы. Некоторые сомнения вызывает также и сообщение Хомутникова о военном присутствии Англии в Тибете — о том, что «в Гьяндзе живут шесть англичан и три сиккимца при Военном училище и стоит один взвод англичан на телеграфной станции для охраны»⁵². Достоверно известно, что в Гьянцзе в 1922 г. находился британский торговый агент Дэвид Макдональд, который был наполовину сиккимцем. В качестве охраны он имел военный эскорт, состоявший приблизительно из 75 индийских сипаев, под командованием капитана Эрика Паркера. Это был единственный английский военный офицер во всем Тибете. (!) Кроме того, в Гьянцзе проживали офицер индийской медицинской службы Бо Церинг, сиккимец по происхождению, и еще несколько англичан, в основном технический персонал (двое из них в звании сержантов, например, обслуживали телеграф). Что касается военного училища, то, строго говоря, в Гьянцзе его никогда не существовало. Военным обучением тибетцев заведовал командующий эскортом при торговом агенте⁵³. Данные Хомутникова об оружии, которое англичане обещали поставить тибетцам (20 тыс. винтовок, восемь горных орудий, 10 пулеметов и пять бомбометов)⁵⁴ также сильно завышены. В целом, информация калмыцкого разведчика, особенно та ее часть, которая была получена из вторых рук, являлась мало достоверной. В Москве же, судя по всему, результатами экспедиции остались довольны, о чем свиде-

52 Там же. Л. 15.

53 Эти сведения были сообщены автору в письме английским историком А. Маккеем.

54 НАРК. Ф.150, оп.1, д. 4а, л. 12.

тельствует награждение её руководителя Кикеева-Хомутникова 2 февраля 1925 г. орденом Красного Знамени⁵⁵.

Главный итог поездки Хомутникова — это восстановление отношений между Россией и Тибетом. В ходе переговоров в Лхасе выявился большой интерес к Советской России со стороны Далай-ламы и его ключевых министров и желание вступить с нею в дружественный диалог. Однако, стремясь к новому сближению, как Россия, так и Тибет, естественно, преследовали свои собственные цели: Москве был нужен Тибет в качестве плацдарма для нанесения удара по британскому империализму в Индии, Лхаса же нуждалась в военной помощи России для обеспечения своего суверенитета — независимости от Китая, не помышляя при этом о разрыве отношений с англичанами.

4.3. Миссия С.С.Борисова – Б.В. Вампилона, 1923 – 1925

Воодушевленный результатами первой тибетской экспедиции, Чичерин сделал следующий шаг в сторону сближения с Тибетом. В конце 1922 г. при буддийском храме в Петрограде было учреждено, очевидно с санкции наркома, неофициальное представительство Тибета в РСФСР, так называемая «Тибетская миссия», во главе с Агваном Доржиевым. Создавая такое представительство, Чичерин, возможно, рассчитывал произвести впечатление

Буддийский храм в Петрограде – резиденция Тибетской миссии А. Доржиева. Фото нач. 1920-х. ЦГАКФФД

на Далай-ламу — показать ему, что новая Россия — первое в мире государство, признавшее независимый Тибет и установившее с ним дипломатические отношения. В то же время большевики, по понятным причинам, не хотели афишировать факт учреждения Тибетской миссии, и потому сведения о ней не попали ни в одно

⁵⁵ Бембеев В.Ш. Указ. соч. С. 94.

из советских справочных изданий тех лет. Фактически, Доржиев фигурировал в роли «представителя Тибета в РСФСР» уже с конца 1920 г., когда НКВД выдал ему соответствующий мандат за подписью Л.М. Карахана⁵⁶. О существовании Тибетской миссии в Петрограде свидетельствует ряд документов Петрогубисполкома, согласно которым во владение миссии была передана вся храмовая усадьба вместе с участком земли, на котором она располагалась⁵⁷. Тогда же Доржиев учредил при храме еще одно представительство — «Монгольскую миссию».

О практической деятельности Тибетской и Монгольской миссий А. Доржиева известно очень немного. Насколько можно судить, эти миссии были теснейшим образом связаны с основанным осенью 1920 г. в Петрограде Институтом живых восточных языков (ПИЖВЯ), содействуя процессу обучения выходцев из стран буддийского Востока (Бурятия, Монголия, Танну-Тува, Калмыкия и Тибет). С этой целью большой четырехэтажный жилой дом при буддийском храме в Старой Деревне был превращен Доржиевым в студенческое общежитие. Сама идея использования жилых домов при храме в качестве общежитий или интернатов для восточных студентов возникла у Доржиева еще в 1918 г., но её осуществлению в то время помешала гражданская война. Летом 1921 г. Доржиев вновь поднял перед Наркоминделом вопрос о создании в Петрограде «особой базы» для подготовки кадров («практических деятелей») для строительства «новой жизни» на буддийских окраинах России, в Монголии и Тибете. «Налицо уже имеются национальные правительства Тибета и Монголии, — писал Доржиев в Восточный отдел НКВД, — которым наряду с упорной борьбой за существование приходится взять на себя труд полного переустройства основ старой жизни. А труд этот — весьма тяжелый, так как требуется большой кадр сведущих деятелей на всех поприщах — политическом, общественном, педагогическом, промышленном, техническом, торговом и т. п., между тем таких деятелей, при крайней отсталости монголов и тибетцев в культурном отношении, почти не имеется». То, что такая база должна быть создана именно в Петрограде,

56 См.: Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993. С. 100. Мандат датирован 22 октября 1920 г.

57 Архив СПФ РАН. Ф. 780, оп. 1, д. 47. («План дворового места, принадлежащего Тибетской миссии, находящегося в Новодеревенском районе по Благовещенской ул. №№ 13 и 15 и по Липовой аллее № 4», подписан архитектором С.С. Кричинским, руководившим реставрационными работами в буддийском храме в 1921–1923 гг.). Копия, выполнена на кальке, б/д. См. также: ЦГА СПб. Ф. 1000, оп. 7, д. 49, л. 155. Письмо Л.М. Карахана в Петрогубисполком от 18 июня 1923.

А. Доржиев с группой востоковедов на балконе буддистского храма, 1925. Слева направо: Б.Я. Владимирцов, П.И. Воробьев (ректор ЛИЖВЯ), проф. И.Н. Бороздин, А. Доржиев, акад. В.М. Алексеев, лама Очиров. Архив М.В. Баньковской

Доржиев мотивировал тем, что здесь находится «единственный в Западной Европе настоящий буддийский храм» и это обстоятельство может послужить важным стимулом для населения буддийских стран⁵⁸. НКИД счел возможным пойти навстречу пожеланиям «тибетского представителя», поскольку они вполне согласовывались с его собственными планами.

Помощниками Доржиева по управлению делами Тибетской и Монгольской миссий стали бывший бурятский лама Бадма Очиров и Шарап Тепкин, кандидатуры которых были одобрены Наркоминделом. Оба они в то же время (в 1922–1925 гг.) занимались преподаванием монгольского и тибетского языков на монгольском разряде ПИЖВЯ. Осенью того же 1922 г. в Восточном институте появился первый тибетский студент — двадцатидвухлетний бывший лама Сонон-Доржи, вероятно прибывший в Россию вместе с экспедицией Хомутникова. Тибетца тут же зачислили слушателем на двухгодичное монголо-тибетское подготовительное отделение. В начале 1923 г., однако, Сонон-Доржи вынужден был прервать занятия по состоянию здоровья, а полгода спустя он скорострительно умер⁵⁹.

⁵⁸ Страницы из жизни Агвана Доржиева... С. 34-36 (докладная записка А. Доржиева в НКИД, 18 июля 1921).

⁵⁹ ЦГА СПб. Ф. 7222, оп. 4, д. 3, л. 42.

Осенью 1922 г. произошло еще одно важное событие, о котором нельзя не упомянуть, говоря о советско-тибетском диалоге. 15 октября в Ацагатском дацане под Верхнеудинском (совр. Улан-Удэ) состоялся 1-й духовный съезд («собор») буддистов двух Бурят-Монгольских автономных областей ДВР и РСФСР, положивший начало обновленческому реформированию бурятской буддийской церкви. Созванный по инициативе Бандидо-Хамбо-ламы Цыремпилова и бывших деятелей Бурнацкома, собор ставил своей целью «обновить жизнь лам и хувараков (послушников), сделать непротиворечащей с государственным строем страны и жизнью широких трудовых масс, [и] через это добиться долгого и благочестивого существования драгоценной религии Бурхан Будды на пользу живых существ»⁶⁰. Аналогичное движение началось затем и в Калмыкии. Буддийское обновленчество было сродни обновленчеству православному, поставившему своей задачей «примирение церкви с революцией и революционной государственностью», говоря словами одного из его теоретиков Б.В. Титлинова⁶¹. По существу, речь шла о создании буддийской церкви, лояльной новому политическому строю. В то же время с помощью реформ лидеры обновленчества (А. Доржиев и Ш. Тепкин) надеялись преодолеть общий упадок буддийской веры («бурханай шажан»), уже явно обозначившийся на рубеже XX века, и обеспечить ей выживание в новых условиях, когда государственной идеологией становится научное марксистско-ленинское учение. Именно этим объясняется стремление обновленцев поднять общеобразовательный уровень духовенства и модернизировать религиозную проповедь. Но особенно решительно буддийские реформаторы выступали против «бытовых» пороков ламства, таких как стяжательство, шарлатанство, занятие контрабандной торговлей и т. п., дискредитирующих «святое учение Будды» в глазах верующей массы и вызывающих острую критику советских органов власти. Итогом Ацагатского собора стало принятие двух основополагающих документов — «Положение об управлении духовными делами буддистов Сибири» и «Устав внутренней жизни монашествующих в буддийских хидах Сибири», в первом из которых устанавливалась новая система административного управления бурятской буддийской («буддо-ламаистской») церкви, а во втором — правила внутреннего распорядка

60 Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства. Улан-Удэ, 1964. С. 61.

61 Там же. С. 77.

монастырей (хидов) и правила жизни монашеской общины⁶². Обновленческие реформы, однако, вызвали сильное противодействие со стороны значительного числа дацанских лам, что привело к расколу буддийского духовенства и соответственно верующих в Бурятии и Калмыкии. Острое соперничество, а по сути, непримиримая борьба между сторонниками и противниками реформ, ламами-обновленцами и ламами-«консерваторами», продолжалась в течение всего десятилетия и неизбежно оказывала влияние на политический диалог Москвы и Лхасы. Советское партийное руководство, в центре и на местах, оказывало некоторую поддержку лояльным режиму обновленцам во главе с Доржиевым и Тепкиным, считая их течение относительно прогрессивным (постольку, поскольку обновленчество подрывало организационное единство буддийского духовенства), и откровенно использовало обновленцев в качестве инструмента политического влияния на правящие теократические круги Тибета.

Об Ацагатском соборе и его решениях, имевших судьбоносное значение для буддизма в России, А. Доржиев немедленно сообщил Далай-ламе, как об этом свидетельствует его тибетская автобиография. В том же письме он коснулся и животрепещущего вопроса о том, какая из западных держав должна стать новым «покровителем» Тибета. По сути, речь шла о выборе между Великобританией и Советской Россией. «Британцы, хотя они и кажутся очень кроткими в настоящий момент,— писал Доржиев,— с течением времени растратят свои силы и останутся ни с чем. Как и в случае Индии, существует очень большая опасность попасться на их уловки. Люди [же] нового правительства [России] постоянно говорят, что они защитят слабые народы от угнетения иноземцев, и они действительно помогают некоторым. Они не стремятся к обладанию землей, капиталом или [чужим] трудом, и такая система правления действительно существует». Доржиев, однако, сомневался в устойчивости нового строя в России и потому уклонился от прямого ответа на вопрос, стоит ли Далай-ламе заключать дружественный договор с советским правительством. «Что касается моего мнения, то я имею довольно смутные представления о будущем, и я не знаю, к лучшему или худшему обернутся дела. Вы должны решить сами, заключать соглашение или нет»⁶³.

62 Там же. С. 63-72.

63 Norbu Thubten J. Dorjiev: Memoirs of a Tibetan Diplomat // Hokke Bunka Kenkyu. 1991, №17. P. 47-48.

Сергей Степанович Борисов – глава советской дипломатической миссии в Тибет в 1923–1925 гг. Фото из Российского государственного архива социальной и политической истории (РГАСПИ)

активистов национального движения в Бурятии, член Иркутского отдела Бурнацкома и бурятского училищного совета (1917–1918)⁶⁵. (Вампилон, по-видимому, заменил Д. Сампилон, который в это время находился в Монголии.) В состав экспедиции были также включены Д. Молонов, Ф.В. Баханов, Б. Мухарайн (все буряты), бурятские ламы Жигме-Доржи (Бардуев), Зодбо и Ендон (в качестве переводчиков и посыльных), а также небольшая группа калмыков-буддистов.

Решение об ассигновании средств на вторую тибетскую экспедицию было принято Политбюро ЦК 8 февраля 1922 г.⁶⁶ А в конце года (вскоре после возвращения Хомутникова) Чичерин отправил в Тибет к Далай-ламе курьера С. Бакбушева. В то же время он дал согласие на посылку в Тибет научной экспедиции П.К. Козлова, рассчитывая, что она косвенно сможет содействовать укреплению советско-тибетских связей.

64 Сведения о С.С. Борисове взяты из регистрационного бланка к его партбилету образца 1936 г. (хранится в РГАСПИ).

65 О Б. Вампилове см.: Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ, 1994. С. 195.

66 РГАСПИ. Ф.17, оп. 84, д. 331, л. 62.

А тем временем НКВД уже приступил к подготовке новой экспедиции в Тибет. Возглавить её предстояло Сергею Степановичу Борисову (1889–1937) — одному из активных сотрудников Секвостнара и ДВС Коминтерна, где он некоторое время заведовал монголо-тибетским отделом. С конца 1921 г. Борисов работал заместителем уполномоченного НКВД в Монголии, а в мае 1922 г. его перевели в Москву, где зачислили на должность консультанта НКВД⁶⁴. Ближайшим помощником Борисова должен был стать иркутянин Баярто Вампилон — Баяртон Владимирович Вампилун (Вампилов) (1887–1937), — один из

4 августа 1923 г. нарком направил письмо в Политбюро (лично И.В. Сталину), в котором изложил план новой тибетской экспедиции. В нем он отметил, что этой экспедиции предстоит «оформить связи Советского Правительства с Тибетом»⁶⁷, очевидно, намекая на заключение двустороннего соглашения, и она также должна будет доставить Далай-ламе ряд подарков «технического характера», чрезвычайно его интересующих⁶⁸. Оценивая обстановку в Тибете, Чичерин ссылаясь, в основном, на данные рекогносцировочной поездки В.А. Хомутникова: «Положение стало более серьезным и требует от нас большей активности ввиду наступательных действий английского империализма в Тибете. В настоящее время Англия занимает часть тибетской территории и имеет там главного уполномоченного Тейхмана. При этом Англия поддерживает программу некоторых тибетских вельмож о создании независимого Великого Тибета с присоединением к его территории части соседних китайских провинций». Особенно большие опасения внушали Чичерину англо-китайские переговоры в Пекине летом 1922 г., во время которых Англия якобы предъявила Китаю ряд требований, таких как «формальное признание автономии Тибета с отказом Китая от права иметь в Тибете свои войска и пересмотр границ Тибета». Расстановку классовых сил в стране он охарактеризовал таким образом: в Тибете имеется небольшая англофильская группировка, к которой в основном принадлежит «кучка реакционных продажных вельмож», однако подавляющее большинство ламства и народные массы «ненавидят Англию». Глава «прогрессивной партии» и главком Тибета Царонг «хочет ориентироваться на Россию». Сам Далай-лама также стал «обнаруживать к нам большое тяготение, как только наша первая экспедиция рассеяла ложные представления о Советской Республике».

Основную задачу тибетской экспедиции Чичерин сформулировал как «установление постоянных дружественных отношений с Тибетским Правительством». В то же время у экспедиции имелась и другая, не менее важная, задача — «борьба против английской экспансии». Суть её состояла в «разоблачении английских интриг и воздействии на Далай-ламу в целях недопущения английских войск в Тибет», но эта работа должна проводиться «только устно и со всеми предосторожностями»⁶⁹. В этой связи Чичерин напомнил

67 Архив Президента РФ (далее АПРФ). Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 17.

68 Там же. Л. 2.

69 Там же. Л. 18.

Сталину о недавно (8 мая 1923 г.) направленной Керзоном ноте советскому правительству с обвинением его в ведении антибританской пропаганды на Востоке, прежде всего в Афганистане и Персии, в нарушении условий соглашения 1921 г. Поэтому экспедиции следовало проявлять крайнюю осторожность, чтобы не дать Керзону повода для новых «ультиматумов».

Оценка тибетской ситуации Чичериным, однако, во многом не соответствовала действительности. Англия отнюдь не стремилась к захвату или аннексии Тибета, будь то частичной или полной, равно как и не поощряла территориального расширения владений Далай-ламы за счет соседних китайских провинций, то есть не являлась сторонницей создания Великого Тибета. Столь же мало привлекала её и идея установления формального протектората над Лхасой. Подобная откровенно империалистическая экспансия была чревата для Лондона серьезными осложнениями с Пекином и, к тому же, наверняка вызвала бы резко негативную международную реакцию. Но, с другой стороны, англичан также не устраивал и полностью независимый Тибет, прежде всего из-за опасения, что их основные соперники в Азии, большевики, могли бы превратить его в плацдарм для революционного наступления на Индию. Гораздо более приемлемой для Уайтхолла в 1920-е гг. являлась формула Симльской конвенции: «символическое подчинение Тибета Китаю при сохранении широкой автономии, под бдительным присмотром Великобритании»⁷⁰. Что касается англо-китайских переговоров, которые так встревожили Чичерина, то известно, что 13 сентября 1922 года британский посланник в Пекине сэр Б. Алстон имел беседу с китайским министром иностранных дел доктором Веллингтоном Ку, в ходе которой вновь поднял тибетский вопрос. Алстон призвал Китай возобновить переговоры по Тибету, однако Ку, несмотря на заверения, данные год назад, что Китай вернется к обсуждению тибетской проблемы по окончании Вашингтонской конференции, вновь заявил о неготовности китайской стороны к таким переговорам. Никаких «требований» к Пекину британским дипломатом выдвинуто не было⁷¹.

В том же письме Чичерина к Сталину содержалась конкретная программа предстоящей тибетской экспедиции. Ее первым и наиболее важным пунктом был вопрос о возможном создании официаль-

70 Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 74.

71 Lamb A. Tibet, China and India, 1914–1950. P. 130–131.

ного советского представительства в Лхасе. Необходимость такого шага остро ощущалась советской дипломатией ввиду удаленности Тибета и невозможности пока что поддерживать прямую связь с его правителями, прежде всего с Далай-ламой. К такому шагу подталкивало также и тревожное сообщение Хомутникова о намерениях англичан послать в Лхасу своего представителя. Правда, Чичерин делал при этом существенную оговорку — стремиться к созданию советского представительства в Тибете надо лишь в том случае, «если окажется, что английское представительство там уже создано». Поэтому он предлагал дать главе экспедиции Борису мандат на официальное представительство от РСФСР *условно*, для предъявления его лишь в том случае, если в Лхасе окажется официальный английский представитель. В противном случае, связь с Далай-ламой должна осуществляться посредством «какого-нибудь преданного нам монгола, бурята или калмыка, который может находиться в Лхасе в качестве благочестивого пилигрима». Для прикрытия Борису и Вампилову следовало также дать «мандаты религиозного характера от буддийского населения СССР и местные мандаты от Бурятской Автономной Республики и Калмыцкой Автономной Области». Такие мандаты, пояснял Чичерин, дадут Далай-ламе возможность «отводить английские протесты» (пункт 2)⁷².

Вторым по важности вопросом был вопрос о китайско-тибетском урегулировании (пункт 3). В формулировке Чичерина он звучал так: «В вопросе о взаимоотношениях Тибета с Китаем мы должны занять примирительную позицию и указывать на необходимость соглашения между Тибетом и Китаем. Тов. Борисов должен будет нащупать осторожно, можем ли мы предложить свое посредничество. Разоблачение английской интриги при этом должно происходить с величайшей осторожностью. Если с тибетской стороны будет предложено обеспечить неприкосновенность Тибета англо-русским или англо-русско-тибетским соглашением, надо стремиться привлечь к этому соглашению и Китай на *почве федеративной программы*»⁷³.

Неопределенный статус Тибета ввиду неурегулированности китайско-тибетских отношений, несомненно, создавал немалые сложности для Москвы, которая весной 1922 г. вела переговоры одновременно с Пекином и с Лхасой. Но столь же трудным для

72 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 19.

73 Там же.

советских руководителей был и вопрос о статусе Внешней Монголии, ставший камнем преткновения на китайско-советских переговорах в 1922–1924 гг. Монголы, как и тибетцы, заявляли о своей полной независимости от Китая, в то время как центральное пекинское правительство, несмотря на то, что реально его власть распространялась на очень незначительную территорию по причине гражданской войны в стране, упорно продолжало рассматривать Внешнюю Монголию, равно как и Тибет, неотъемлемыми частями Китайской Республики. Той же точки зрения, по сути, придерживалось и революционное правительство Южного Китая в Кантоне во главе с Сунь Ятсеном. В Наркоминделе в этот период существовало два различных подхода к монгольскому вопросу. Так, Г.В. Чичерин настаивал на монгольской автономии, исходя из ленинского принципа самоопределения наций, а А.А. Иоффе предлагал уступить Внешнюю Монголию Китаю в интересах китайской, а следовательно, и мировой революции. В итоге взяла верх конъюнктурно-революционная «линия» Иоффе, и в текст китайско-советского договора, подписанного 31 мая 1924 г., вошла статья, в которой советское правительство признало Внешнюю Монголию составной частью Китайской Республики и заявило о своем уважении суверенитета Китая над ней. К весне 1925 г. по требованию Пекина из Монголии были выведены все советские войска.

Что касается вопроса о Тибете, то в Кремле, конечно же, хорошо понимали, что решить его с тибетцами напрямую, в обход англичан, едва ли удастся. Но в любом случае к переговорам обязательно следовало привлечь китайскую сторону — хотя бы в лице представителей марионеточного центрального правительства Цао Куня — У Пейфу. Это была принципиальная позиция Москвы, вытекавшая из её общего видения перспектив национально-освободительного движения в Китае, возглавляемого народно-демократической партией Гоминьдан д-ра Сунь Ятсена. Так, в рекомендациях вождю Синьхайской революции в связи с предстоящей коренной реорганизацией Гоминьдана руководство Коминтерна в резолюции от 28 ноября 1923 г. довольно четко сформулировало свой подход к решению национального вопроса в Китае: «Партия гоминьдан должна открыто выставить принцип самоопределения народностей, населяющих Китай, что после победоносной революции в Китае против иностранного империализма, отечественного феодализма и милитаризма может воплотиться в образовании свободной фе-

деративной республики Китая, состоящей из народностей бывшей китайской империи»⁷⁴. Вскоре после этого Чичерин направил письмо Сунь Ятсену, в котором также настойчиво рекомендовал поставить во главу угла национальной политики партии Гоминьдан принцип самоопределения наций. «Вся китайская нация должна ясно видеть разницу между Гоминьданом, народной массовой партией, с одной стороны, и милитаристской диктатурой в различных частях Китая — с другой. Братские народы, как, например, монгольский, тибетский и различные народности Западного Китая, должны ясно увидеть, что Гоминьдан поддерживает их право на самоопределение»⁷⁵.

Под влиянием Москвы Сунь Ятсен включил в манифест своей обновленной партии, принятый на ее организационном съезде в Кантоне в феврале 1924 г., пункт о признании права на самоопределение всех народов, проживающих в пределах страны, в котором также говорилось о том, что после победы национальной революции будет создан свободный и объединенный Китай на основе добровольного союза этих народов⁷⁶. (В этом съезде, кстати, приняли участие и представители трех «внешних территорий» Китая — Монголии, Синьцзяна и Тибета.) Таким образом, советская формула «независимого Тибета» основывалась на двух фундаментальных принципах ленинской национальной политики — самоопределения наций и федерализма, что в конечном счете (после победы китайской революции) должно было привести к созданию «тибетской автономии» в составе федеративной Китайской Республики, по примеру советской федерации. Полная независимость или автономия Тибета, на которой настаивала Лхаса, не могла приветствоваться Москвой, полагавшей, что это служило бы интересам Англии. (Референт НКВД Л.Е. Берлин писал в журнале «Новый Восток» в 1922 г., что требование «полной независимости Тибета от Китая», выдвинутое тибетским представителем на Симльской конференции, соответствовало английским желаниям: «Англичане были, без сомнения, заинтересованы в изоляции Тибета от Китая с тем, чтобы впоследствии прибрать его к своим рукам»⁷⁷).

74 Коммунистический интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986. С. 43 (документ № 13).

75 Ермашев И. Сунь Ят-сен. М., 1964. С. 270. Письмо Г.В. Чичерина Сунь Ятсену от 6 декабря 1923.

76 Sun Yat-sen. The Teachings of Sun Yat-sen. Selections from his writings. London, 1945. P. 96.

77 Берлин Л.Е. Англия и Тибет // Новый Восток. 1922. № 2. С. 362.

Третий пункт тибетской программы Чичерина весьма любопытен также и тем, что указывал на определенный сдвиг в подходе советской дипломатии к тибетскому вопросу, выразившийся в ее готовности пойти на компромисс с англичанами, что весьма напоминало ситуацию, предшествовавшую подписанию англо-русского соглашения 1907 г. Общественное мнение в Великобритании в 1923 г. все более склонялось в пользу восстановления нормальных отношений с Советской Россией. Эти новые веяния, чутко улавливаемые Москвой, очевидно, и побудили Чичерина, в преддверии грядущего признания де-юре Великобританией СССР, задуматься об устранении тибетского очага напряженности в Азии. Но каким представлял себе нарком возможное четырехстороннее англо-русско-китайско-тибетское соглашение, трудно сказать. После же того, как лейбористское правительство Р. Макдональда официально признало СССР, в Лондоне в апреле 1924 г. состоялась англо-советская конференция по урегулированию спорных вопросов, разделявших обе страны. На ней британская делегация, в частности, высказала пожелание обновить ряд утративших силу двусторонних договоров, некогда заключенных Англией с царским правительством России, в том числе и конвенцию 1907 г. Договоренности в отношении Персии и Афганистана англичане, безусловно, считали утратившими силу и были согласны аннулировать. Что же касается Тибета, то здесь им представлялось желательным заключить новое соглашение с русскими⁷⁸.

В Москве советское руководство, как кажется, также склонялось к необходимости мирного соглашения с Англией относительно тех регионов, где соперничество СССР с главной империалистической державой приняло наиболее острые формы. Глава британской миссии в Москве Р.М. Ходжсон после встречи с Чичериным 24 февраля 1924 г. сообщал: «Я заключил из одного или двух замечаний, сделанных г. Чичериным, что он собирается внести предложение с целью определения зон, в которых возможно столкновение русских и британских интересов. Он упомянул более конкретно в этой связи Китай, но, несомненно, имел в виду также Центральную Азию и Персию»⁷⁹. К таким конфликтным зонам глава НКВД, очевидно, причислял и Тибет, как об этом свидетельствуют инструкции, данные С.С. Борису на кануне его поездки в Лхасу. Однако до переговоров с англичанами по Тибету дело так и не дошло.

⁷⁸ ОИОС: L/P&S/10/1108. P. 176-177.

⁷⁹ ОИОС: L/P&S/10/1108. P. 186.

Другие пункты тибетской программы Чичерина касались в основном советской помощи Лхасе, и здесь обнаруживается поразительное сходство предложений наркома с английскими инициативами. Так, Чичерин считал желательным, во-первых, посылку в Тибет военных инструкторов — бурят и калмыков «при условии, что Тибетское правительство возьмет на себя расходы по их проезду и содержанию»; во-вторых, продажу за наличные тибетскому правительству оружия и военного снаряжения (пулеметов, легких горных и зенитных орудий, взрывчатых веществ и т. д.), при этом он полагал, что Далай-лама будет охотнее покупать оружие «у нас», чем у Англии; в-третьих, привлечение в советские учебные заведения тибетской молодежи и, наконец, в-четвертых, содействие проникновению в Тибет промышленного и торгового капитала стран, не представляющих опасности для независимости Тибета (очевидно, СССР и МНР)⁸⁰.

Здесь необходимо отметить, что с окончанием дипломатической блокады Советской России в 1921 г. борьба большевиков с английским империализмом на Востоке вступает в новую фазу и все более переносится из идеологической сферы в экономическую. В декабре 1922 г. в Москве была создана Российско-Восточная торговая палата (РВТП) для содействия экономическим связям Советской России с восточными странами — Персией, Турцией, Афганистаном, Монголией и Японией — «на почве торгово-промышленных интересов». В результате в 1923–1924 гг. значительно оживилась внешняя торговля СССР, и руководство палаты начало поговаривать о необходимости ее расширения на ряд других стран — Грецию, Египет, Палестину. Выступая 15 февраля 1924 г. на годичном заседании палаты, Г.В. Чичерин так охарактеризовал ее задачи: «Вначале наши дружественные отношения со странами Востока имели исключительно политическое содержание, когда и Советская Россия, и восточные государства боролись за политическую независимость против общего врага — мирового империализма. Теперь стоит более длительная задача — развитие своих производительных сил и отвоевание или защита своей экономической независимости»⁸¹. Определенный интерес у Чичерина вызывало и развитие торговли с Тибетом и другими буддийскими странами Азии, как с точки зрения товарообмена, так и возможности получения доступа к их сырьевым рынкам. Так, в одном из своих писем в Политбю-

⁸⁰ АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, лл. 19–20.

⁸¹ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 7. С. 114.

ро еще в 1922 г. Чичерин писал, что получение из этих стран сырья, в частности продуктов скотоводства, имеет очень большое значение для всего советского торгового баланса. «Нашу роль торговых посредников между буддийскими народами Азии и Европы мы не выполним как следует без дружественных связей с Лхасой»⁸².

Практически одновременно с дипломатической миссией Борисова в Тибет предполагалось отправить и научную экспедицию под руководством П.К. Козлова, которую организовало Русское географическое общество. Свои планы путешественник согласовал в НКВД с Караханом в конце 1922 г., а затем они были утверждены советским правительством. 27 февраля 1923 г. Совнарком постановил: «1. Признать своевременной и целесообразной экспедицию РГО в Монголию и Тибет... 2. Принять расходы экспедиции на средства правительства»⁸³. На том же заседании СНК дал поручение НКВД — «рассмотреть совместно с Козловым вопрос о подарках Далай-ламе и его свите»⁸⁴. В результате Козлову отпустили из государственной казны 100 тысяч рублей золотом и еще отдельно четыре тысячи на подарки Далай-ламе. Кроме этого были заготовлены «экстраординарные» правительственные подарки (многочисленные предметы из драгметаллов), лично выбранные Козловым в Гохране, при участии Наркоминдела. Начало экспедиции планировалось на лето 1923 г. НКВД, насколько известно, не давал Козлову каких-либо поручений, хотя, несомненно, и рассчитывал на определенные политические дивиденды от посещения советской научной экспедицией Лхасы, зная о давнишней дружбе её руководителя с Далай-ламой и особенно с Царонгом — правой рукой правителя Тибета, с которым он впервые познакомился в 1909 г. в монастыре Гумбум. В том же 1923 г. журнал «Новый Восток» поместил рецензию на только что опубликованную книгу Козлова «Тибет и Далай-лама», автор которой недвусмысленно намекал на его предстоящую экспедицию как средство дальнейшего сближения СССР и Тибета: «Необходимо, чтобы чувство дружбы тибетского народа к России не ослабевало, а наоборот, крепили русско-тибетские экономические и политические связи. Лучшим способом для достижения плодотворных результатов в этом отношении может служить

82 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 3. Письмо Г.В. Чичерина в Политбюро от 6 февраля 1922 г.

83 Архив РГО. Ф. 18, оп. 2, д. 111, л. 14. Более подробно о монголо-тибетской экспедиции П.К. Козлова см.: Андреев А.И., Юсупова Т.И. История не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74.

84 Архив РГО. Ф.18.Оп.2.. Д. 107, л. 2.

русская научная экспедиция в Тибет. Она подготовит почву и для командирования затем торговой миссии. Так, путем научного исследования и коммерческих связей окрепнут и политические взаимоотношения». Примечательно, что Далай-лама в этой рецензии характеризовался весьма положительно как «редкий человек, обладающий большим умом, философским образованием и искренней преданностью дружественной и соседней Тибету России»⁸⁵.

Экспедиция Козлова в Тибет, однако, не состоялась по причине доноса в ГПУ на её руководителя, в котором тот обвинялся в антисоветских настроениях. Крайне встревоженные этими сведениями Ф.Э. Дзержинский и Г.В. Чичерин немедленно обратились в Политбюро, которое тут же заблокировало экспедицию и позднее приняло решение о её расформировании⁸⁶.

Тем временем предложенный Г.В. Чичериным проект тибетской экспедиции был утвержден Политбюро 9 августа 1923 г., при этом её финансирование возлагалось на Совет труда и обороны (СТО). Согласно новой смете, стоимость экспедиции оценивалась в 71 тыс. руб. серебром. Эта сумма включала в основном расходы на снаряжение каравана, его передвижение из Урги в Лхасу и обратно (из расчёта 10–12 месяцев на дорогу), а также на шестимесячное пребывание делегации в тибетской столице. В смете также имелась особая графа: «Подарки Далай-ламе и его министрам и приближенным, князьям и гегенам, с которыми придется иметь дело в Лхасе и по пути туда, а также мелкие подарки живущим в Тибете ламам, бурятам и калмыкам в качестве платы за информацию и агентурную работу». На эти цели Борису было отпущено четыре тыс. золотых рублей.⁸⁷

Неделю спустя в Москве неожиданно появился Бакбушев с вестями из Лхасы, что побудило Чичерина внести некоторые коррективы в свой проект, а именно — отказаться от планов создания советского дипломатического представительства в Лхасе. В своем письме Сталину от 18 августа 1918 г. он писал, что предварительно ездивший в Лхасу лама Бакбушев привез письмо Далай-ламы от 5 мая с. г. «с чрезвычайно дружественными заверениями, с выражением удовольствия по поводу предоставления автономии бурятам и калмыкам и установления в “рабочем государстве” действитель-

85 Ф.Ф.А. [Рецензия на книгу П.К. Козлова «Тибет и Далай-лама»] // Новый Восток. 1922. № 2. С. 662-663.

86 Более подробно об этом см.: Андреев А.И. Почему русского путешественника не пустили в Лхасу // Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы... С. 101-103.

87 АВПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 28-29.

ной свободы распространения учения Будды и с выражением глубокой радости по поводу внутренних и внешних успехов нашей политики; в этом письме Далай-лама пишет мне, что в настоящее время в Лхасе совершенно нет представителей Англии и иных государств и что если в Лхасе будет представительство или экспедиция России, то Англия и другие государства поспешат сделать то же самое, и им трудно будет отказать. Поэтому Далай-лама просит найти какой-либо иной мудрый способ установления связи и развития прежней дружбы между обеими странами. Это вполне покрывает дальнейшие пункты инструкции, принятой Политбюро. Т. Борисов и его спутники ввиду этого совершат эту экспедицию в качестве “паломников”»⁸⁸.

Экспедиция Борисова выступила из Урги в конце января 1924 г., по сведениям Ф.В. Баханова⁸⁹. Уже находясь в пути, Борисов узнал сенсационную новость — о бегстве из Тибета в Китай в конце 1923 г. Панчен-ламы. Главной причиной бегства было недовольство Панчена новой фискальной политикой Далай-ламы, ущемлявшей интересы крупных тибетских землевладельцев, в том числе и его собственные. На пути в Пекин Панчен-лама остановился в амдоском монастыре Лавран, куда затем пришел со своим караваном и Борисов. Имеются сведения, что Борисов встречался с Панченом в Лавране и даже вел с ним переговоры⁹⁰.

Другим источником информации для Москвы о бегстве Панчен-ламы стал Агван Доржиев. По сообщению Ш. Тепкина, едва Доржиеву стало известно о местонахождении Панчен-ламы и его планах поездки в Пекин по приглашению генерала У Пейфу — главы чилийской группировки милитаристов, под чьим контролем находилось тогда центральное пекинское правительство,— он спешно выехал из Урги ему навстречу, однако разминувшись с ним в пути. Проехав до самого Пекина и так и не встретив Панчен-ламу, Доржиев все же счел необходимым оставить для него письмо, в котором призывал Панчена помириться с Далай-ламой, и затем вернулся в Ургу⁹¹. Трудно представить себе, чтобы Доржиев мог совершить столь важную в политическом отношении поездку без ведома советских властей, исключительно по собственной инициативе. Но в таком случае следует предположить, что и письмо Доржие-

88 АПРФ. Там же. Л. 30. Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину, 18 августа 1923 г.

89 Баханов Ф.В. Сквозь империалистическую блокаду. Рукопись. Личный архив Ю.О. Оглаева.

90 Архив СПФ РАН. Ф. 208, оп. 3, д. 685, л. 118 и об. Письмо Ф.И. Щербатского к С.Ф. Ольденбургу, 23 августа 1924 г.

91 АМБРК. Р-940. Л. 53 (сообщение Ш. Тепкина).

ва к Панчену также было согласовано с кем-то из представителей НКИД в Монголии.

Прибыв в Лхасу (1 августа 1924 г.), Борисов узнал еще одну важную новость — о том, что в тибетской столице находится английская миссия «сиккимского резидента» Ф.М. Бейли (занимал эту должность после Ч. Белла с 1921 по 1928 г.). Бейли был хорошо известен ГПУ и советской военной разведке по своим «похождениям» в Ташкенте в годы гражданской войны⁹². В Лхасу он прибыл по приглашению тибетского правительства 17 июля 1924 г. и находился там до 16 августа.

Поводом для визита Бейли в Лхасу послужила, прежде всего, та тревожная ситуация, которая сложилась в Тибете после бегства Панчен-ламы. Англичане серьезно опасались, что он может отправиться в «красную» Ургу, в поисках защиты от лхасских притеснителей у Хутухты (Богдо-гегена), для чего действительно имелись некоторые основания, или даже у большевиков. С другой стороны, Бейли хотел установить более тесные контакты с тибетскими властями и узнать, как проходят начатые с английской помощью реформы. То, что он увидел, не слишком впечатляло, хотя по тибетским меркам нововведения выглядели достаточно внушительно. Летом 1922 г. англичане протянули телеграфный провод из Гьянцзе в Лхасу, соединив, таким образом, тибетскую столицу с Индией, а через нее с остальным миром. После этого руководивший работами специалист Бенгальского телеграфного управления В. Кинг проложил телефонный кабель между Норбулинкой и Поталой (дворцами Далай-ламы) и зданием правительства (Кашагом). В том же 1922 г. (с апреля по сентябрь) английский геолог Г. Хейден занимался разведкой полезных ископаемых в Тибете, результаты которой, однако, оказались весьма скромными. Несколько ранее (в декабре 1921 г.) в Гьянцзе возобновилось обучение рядового состава тибетской армии, в то время как в Кветте и Шилонге в Индии началась подготовка небольшой группы молодых тибетских офицеров. В 1923–1924 гг. англичане поставили Тибету четыре горных орудия и более 1000 снарядов для них. Наконец, в 1924 г. в Гьянцзе открылась английская школа, которую возглавил Френк Ладлоу, а в Лхасе под руководством сиккимца из Даржилинга Ладен Ла была организована полицейская служба.

⁹² См.: Bailey F.M. Mission to Tashkent. London, 1946; Swinson A. Beyond the Frontiers: The Biography of Colonel F.M. Bailey, Explorer and Special Agent. London, 1971.

Отряд С.С. Борисова был встречен тибетцами с «некоторыми почестями», как и подобает официальной правительственной делегации⁹³. На следующий же день (2 августа) состоялась аудиенция с Далай-ламой в Норбулинке, которая началась по обычаю с поднесения ему подарков. (По сообщению Ф.В. Баханова, это были фарфоровые вазы, золотые кубки, серебряные блюда и многое другое⁹⁴.) Вместе с подарками Борисов, фигурировавший под конспиративным именем Церендоржи, вручил правителю Тибета два официальных письма — от ЦИК (за подписью М.И. Калинина) и от правительства СССР. Подарки и письма были приняты «благодарно». Кроме визита к Далай-ламе, советская делегация во время пребывания в Лхасе также посетила новый монетный двор и арсенал в сопровождении Царонга, занимавшего, как и прежде, два поста одновременно — военного министра и министра финансов. Царонг любезно продемонстрировал своим гостям процесс изготовления тибетской пятизарядной винтовки по образцу русской трехлинейки.

Несмотря на внешнее дружелюбие Далай-ламы и его министров, переговоры Борисова с ними оказались трудными и не привели к подписанию какого-либо соглашения, на что рассчитывала Москва. Подробности этих переговоров до сих пор остаются неизвестными. Единственный источник, проливающий на них некоторый свет, это лекция о современном Тибете, прочитанная С.С. Борисовым (Баторским) в мае 1927 г. на кафедре зарубежного Востока в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сталина (КУТВ)⁹⁵. В этой лекции Борисов охарактеризовал положение в Тибете как крайне сложное и нестабильное ввиду нарастающего трения между англофильской военной «кликкой» — молодыми тибетскими офицерами, прошедшими подготовку в Индии, во главе с военминим Царонгом, и консервативным ламством. Разрыв с Китаем обусловил экономическую переориентацию Тибета на Индию, в результате чего в стране стала формироваться национальная буржуазия в лице военных-англофилов, основательно потеснившая лам, как в торговой области, так и в деле управления государством. Сам Далай-лама, по мнению Борисова, держался «политики сидения между двумя стульями», осторожно лавируя между дву-

93 MacDonald David. *Twenty Years in Tibet*. London, 1932. P. 99.

94 Баханов Ф.В. Сквозь империалистическую блокаду. Рукопись.

95 РГАСПИ. Ф. 532, оп. 4, д. 343. Стенограмма лекции «Современный Тибет», прочитанной Баторским (псевдоним С.С. Борисова) 12 и 26 мая 1927 г., 62 л. Машинопись.

мя основными политическими группировками — клерикальной и военной. В этих условиях роль ламства как силы, «организующей массы» и противостоящей военной клике Царонга, оценивалась Борисовым положительно. Особенно он выделял мелкое, рядовое ламство, тесно связанное с русской (бурято-монгольской) колонией в Дрепунге, среди которого имелось немало русофилов — «сторонников обращения к революционной России» постольку, поскольку последняя по-прежнему считалась антиподом Англии. Что касается официальных кругов, то их отношение к новой России было двойственным и колеблющимся. Так, Далай-лама признавал большое значение России как «фактора международной политики», но в то же время давал понять, что сомневается в «устойчивости» её нового режима и потому, прежде чем устанавливать официальные отношения с советским правительством, хотел бы еще подождать некоторое время, «чтобы посмотреть, не будет ли какого-нибудь сюрприза в этой области»⁹⁶.

Говоря о «главе англофилов», Царонге, Борисов отмечал его «искреннее расположение» к русским, с которыми ему прежде доводилось встречаться в Монголии. Царонг сразу же дал понять своему советскому гостю, что проанглийская политика Тибета является вынужденной, ибо англичане — ближайшие соседи тибетцев. Именно поэтому Тибет не решается обратиться официально к России за помощью. (Царонг, вероятно, забыл, что двумя годами ранее он уже обращался к Хомутникову с просьбой послать в Тибет советских военных спецов.) В целом же военный министр показался Борисову человеком «новой формации» — здравомыслящим и прагматичным, таким, с которым всегда можно найти общий язык. Пристальное внимание Борисова к Царонгу легко объяснимо, ведь Царонг — фаворит и правая рука Далай-ламы — играл в то время ключевую роль на лхасской политической сцене. Именно Царонг руководил всеми реформами в стране, что позволяло Далай-ламе оставаться в тени, не афишируя свои проанглийские симпатии. В частных разговорах Борисов и Царонг обсуждали самые различные темы, при этом выяснилось, что Царонг относится крайне отрицательно к советской идеологии, большевизму. По его словам, большевики — «это люди, у которых нет нормального отношения, нормального подхода к вещам, которые подходят ко всему со своей меркой, шиворот-навыворот». Особенно его возмущало обнародо-

⁹⁶ Там же. Л. 43.

вание большевиками тайных договоров, из чего он заключал, что большевики — «народ неблагонадежный». Проникновение большевизма в Тибет, по мнению Царонга, могло бы иметь крайне негативные последствия, поскольку у власти в Тибете стоят имущие люди, к каковым он относил и себя, большевики же в своей политике ориентируются на людей неимущих⁹⁷.

Что касается простых тибетцев, то они также имели весьма «своеобразные» представления о Советской России. Так, революция и гражданская война в стране — борьба между «красными» и «белыми» — воспринимались ими как своего рода религиозный конфликт, подобный тому, что некогда имел место в самом Тибете между «красношапочной» и «желтошапочной» буддийскими школами. В то же время они имели информацию о более поздних событиях — о признании советского правительства западными державами, о национальной политике большевиков, о НЭПе. В результате, как утверждал Борисов, у тибетцев стал формироваться положительный образ Советской России. Правда, большие споры среди них вызывала советская политика в Монголии — одни говорили, что «красные» помогли монголам освободиться от китайского владычества, другие — что «красные» преследуют монгольское ламство.

История с бегством Панчен-ламы в интерпретации Борисова выглядела так: англо-индийское правительство прежде ориентировалось на Панчена, чьи владения лежат на границе с Индией. Однако, поскольку в своей индийской политике английские власти стали проводить в последнее время линию на поддержку национальной буржуазии, то и в Тибете они сделали ставку на созданную ими там военную группу. Поэтому англичане «выдали» своего прежнего друга Панчен-ламу тибетцам и «Далай-Лама провел его ликвидацию»⁹⁸. (О своей тайной встрече с Панченем на пути в Лхасу Борисов не обмолвился ни словом.)

В то же время Борисов довольно откровенно высказался о целях советской политики в Тибете: «Для нас противодействие английскому вторжению, закрепление нашего влияния разными путями в Тибете, конечно, стимулируется, прежде всего, тем моментом, что Тибет находится по соседству с Индией, что, по существу, он является заключительным звеном той нашей линии соприкосновения с

97 Там же. Лл. 44, 45.

98 Там же. Л. 35

Англией, которая начинается с Турции и кончается в Китае. Иметь в этом звене известную базу для *идеологического проникновения в Индию*, конечно, в нашей практике взаимоотношений с Англией является большим плюсом»⁹⁹ Говоря о ближайших перспективах в Тибете, советский дипломат особо отмечал «народные настроения» в связи с разложением ламства, а также крайне тяжелое положение народных масс, толкающее их на путь политической борьбы. Отсюда делался вывод о необходимости какого-нибудь «развязывающего момента», который, фактически, уже имеется в виде конфликта между ламством и военной группировкой и оказывает свое влияние на тибетские массы. «Дело только за тем, чтобы эти настроения пошли по определенному руслу, получили определенное выражение и программу, пошли по революционному руслу»¹⁰⁰.

Основную надежду на перемены в Тибете Борисов, однако, связывал не с социальными конфликтами внутри Тибета, порожденными конфронтацией «военной клики» Царонга и ламских кругов, а с китайской революцией. «Задачей нашей и наиболее сознательных элементов среди тибетцев, которые рекрутируются из среды ламства, задачей ближайшего времени является установление определенного организационно-политического контакта с китайским революционным движением; это единственный, естественный, рациональный, подсказываемый всей обстановкой выход»¹⁰¹.

Со стороны Гоминьдана и некоторых китайских военных лидеров, наподобие знаменитого «христианского генерала» Фэн Юйсяна (Фына), по словам Борисова, уже делались попытки установить подобного рода контакт с Тибетом, правда, успеха они пока что не имели. (Примыкавший в прошлом к чилийской милитаристской группировке Фэн Юйсян¹⁰² совершил в октябре 1924 г. переворот в Пекине, свергнув антинародное правительство Цао Куня – У Пейфу, после чего преобразовал свои войска в «народные армии» (Гоминьчун) и вступил в Гоминьдан. Именно на Фэн Юйсяна Москва стала делать основную ставку в военно-стратегической борьбе в Китае после смерти в начале 1925 г. Сунь Ятсена.) Эту неудачу

99 Там же. Лл. 50-51.

100 Там же. Л. 47.

101 Там же.

102 О Фэн Юйсяне см.: Sheridan J.F. Chinese Warlords. The Career of Feng Yu-hsiang. Stanford, 1966; Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии Гоминьдана. М., 1990; Хохлов А.Н. Фэн Юйсян в Москве и его вступление в Гоминьдан (неизвестные страницы биографии китайского военного лидера) // 26-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1995.

Борисов объяснял, прежде всего, отсутствием у Гоминьдана собственной национальной политики — «определенной практической программы или платформы для совместной работы всех окраин». «Суновская формула» единения пяти народностей Китая являлась по сути «централистской» и потому вызывала неприятие у монголов и других народов, стремившихся к национальной независимости. Эту формулу следовало заменить другой, более реалистичной, которая бы учитывала центробежные настроения окраин и которую можно было бы положить в основу «определенного политического соглашения». Такой формулой, по мнению Борисова, являлась ленинская «формула самоопределения народностей», однако требовалось наполнить её «реальным содержанием» и «декларировать соответствующим образом». Фэн Юйсян пытался найти подход к тибетцам, вел с ними переговоры, говорил о планах объединении пяти народностей, однако эти шаги не привели к каким-либо конкретным результатам¹⁰³.

Советская делегация пробыла в Лхасе около трех месяцев и вернулась в Москву в мае 1925 г. Основная причина неудачных переговоров с Далай-ламой состояла, насколько можно судить, не в каких-то дипломатических промахах С.С. Борисова, но в умелом контрвоздействии на Далай-ламу и тибетских министров гораздо более опытного дипломата и разведчика майора Ф.М. Бейли. Последний неоднократно указывал Далай-ламе и калонам на опасность «большевистской интриги» в Тибете, и в конечном счете ему удалось, как кажется, расстроить советско-тибетские переговоры. В своем отчете англо-индийским властям сам Бейли указывает, что в период его визита в Лхасу Далай-ламу и тибетское правительство более всего волновали два вопроса — бегство Панчен-ламы и «большевистская интрига» в Тибете, при этом некоторые из влиятельных тибетцев определенно усматривали между ними связь. Так, во время беседы с «сиккимским резидентом» накануне приезда советской делегации (27 июля) Далай-лама признался, что он весьма обеспокоен «большевистскими интригами» и боится, что его старый друг, Доржиев, изменил ему и сделался «красным». Бейли, однако, не удалось обнаружить в Лхасе следов присутствия большевистских агентов, «сведения» о которых имелись у британской разведки. Тем не менее, под несомненным влиянием Бейли Далай-лама и тибетский кабинет (Кашаг) стали крайне подозрительными и к момен-

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 532, оп. 4, д. 343, л. 47-48.

ту его отъезда приняли решение впредь не допускать «путешественников с севера» в Лхасу¹⁰⁴. Наибольшие опасения правителям Тибета внушал монастырь Дрепунг, где проживало большое число не-тибетцев — монголов, калмыков, бурят и выходцев с китайской границы. Многие из них были настроены прокитайски. Именно монахи одной из монастырских школ — Лозелинга-дацана устроили большую антиправительственную демонстрацию в 1921 г. во время визита в Лхасу Ч. Белла, требуя освобождения двух своих собратьев — дацанских казначеев, арестованных в 1910–1912 гг. за пособничество китайским оккупационным властям.

21 августа Далай-лама отправил Бейли, который к тому времени уже покинул Лхасу, оригиналы двух писем, переданных ему Борисовым и Вампилоном, одно — от бурят-монгольского правительства за подписью М.Н. Ербанова, а другое — от представительства Калмобласти при Наркомнаце в Москве, вместе с их переводами на тибетский язык, что, конечно же, было далеко не дружественным шагом с его стороны по отношению к советским эмиссарам. Очевидно, это и были те «мандаты на представительство» от БМ АССР и КАО, о которых писал Сталину Чичерин. В обоих письмах Борисов и Вампилон (Церинг Доржи и Баярту) назывались «паломниками», имевшими поручение ознакомить Далай-ламу с состоянием дел его единоверцев в России. Их авторы откровенно восхваляли новую власть, при которой буряты и калмыки «ведут мирную и счастливую жизнь» в своих землях, получив право на самоуправление и свободное исповедание буддийской религии, чего они были лишены при «плохом» царском правительстве¹⁰⁵. Далай-лама, однако, имел основания сильно сомневаться в правдивости подобных заявлений. Рассказам Борисова и Вампилона и той позитивной информации об СССР, которая содержалась в письмах НКВД и Доржиева, явно противоречили свидетельства Замбо Халдинова и тех монголов и тибетцев, которые побывали в Монголии и России. Одним из них был тибетский лама-перерожденец Тагрин-Геген, проживавший около семи лет среди агинских бурят, занимаясь сбором пожертвований для дрепунгского Гюман-дацана. В 1922 г. агинская аймачная милиция арестовала тибетца, конфисковав все его имущество, в том числе собранные им «ценности». Тагрин-Гегена, од-

104 Public Record Office. FO 371. 10291. P. 67.

105 Ibid. Letter from F.M. Bailey to C. Latimer, Deputy Secretary to the Government of India. 2 September 1924. P. 71-73 (перевод на английский язык двух писем, переданных Борисовым и Вампилоном Далай-ламе от СНК БМ АССР и Калмыцкого представительства при Наркомнаце, приложен к письму Бейли Латимеру).

нако, вскоре освободили, после чего он вернулся в Лхасу. Считая, что Тагрин-Геген может дать тибетцам «невыгодную информацию» о Советской России, Доржиев еще весной 1923 г. обратился к Чичерину с просьбой взыскать с виновных хотя бы часть вещей Тагрин-Гегена и отослать их ему в Лхасу с экспедицией Борисова¹⁰⁶.

Инцидент с Тагрин-Гегеном, как и предполагал Доржиев, имел определенно негативный резонанс в Лхасе, о чем свидетельствует отчет Бейли индийскому правительству. Согласно этому отчету, Тагрин-Геген рассказал тибетцам, что был арестован большевиками и содержался в заключении в течение семи дней. Обращались с ним очень плохо и освободили лишь после вмешательства путешественника Козлова. «В целом,— пишет Бейли,— он (Тагрин-Геген) дал тибетцам очень неблагоприятное описание большевистской России, которое ничуть не смягчают слабые извинения [большевиков], содержащиеся в [их] письме Далай-ламе, из которых следует, что после проведенного дознания в течение одного-двух дней ему вернули его имущество и выдали паспорт»¹⁰⁷.

Таким образом, другой причиной неудачи миссии Борисова следует считать репрессивную внутреннюю политику СССР. Проникшие в Лхасу сведения о буддийских гонениях в «красной России» и Монголии — арестах лам и конфискации их личного и монастырского имущества — не могли не вызвать у тибетцев враждебного отношения к «красным порядкам» большевиков. Предвидя такое развитие событий, Доржиев в упомянутом выше письме Чичерину счел необходимым указать на важность религиозного фактора в деле завязывания дружественных отношений с Тибетом. «Советской России,— писал он,— придется считаться с господствующим положением буддийской церкви в стране (т. е. Тибете.— А.А.) и так или иначе установить с ней первоначальный контакт, ибо других путей для официального сношения с Тибетом нет. Таким образом, успех советской политики в восточных странах, и, в частности, в Тибете, будет зависеть от того, насколько Советская Россия сумеет подойти к обычаям, нравам и религии культурно отсталых народов этих стран»¹⁰⁸.

Несмотря на то, что визит советской делегации в Лхасу не привел к заключению каких-либо договоров с тибетским правительством

106 РГАСПИ. Ф. 89, оп. 4, д. 162, лл. 4, 5. Докладная записка А. Доржиева в НКВД, 6 мая 1923. Машинописная копия.

107 Ю возвращении Тагрин-Гегена в Лхасу см. письмо Бейли Латимеру из Гангтока от 14 октября 1924 г.: Public Record Office. FO 371. 10291. P. 56.

108 РГАСПИ. Ф. 89, оп. 4, д. 162, л. 4.

твом, в том же 1924 г. появились первые робкие плоды советско-тибетского сближения. В феврале в Ургу из Лхасы прибыл некто Жамба Тогмат, которого Доржиев называет «дипкурьером от Далай Ламы». Он доставил письмо Доржиеву, в котором глава Тибета писал о желательности «командирования» группы молодых тибетцев в Россию для ознакомления с техникой порохового и ружейного дела¹⁰⁹. Доржиев незамедлительно проинформировал об этом председателя СНК БМ АССР М.Н. Ербанова, и тот заверил его, что «ЦИК и СНК Бурреспублики окажут всемерное содействие, и по согласованию вопроса с НКВД и РВС СССР незамедлительно будут приняты меры к практическому осуществлению просьбы Далай-Ламы»¹¹⁰. Тем временем четверо тибетских юношей (Агван Чинраб Бальджерги, Чойндон Гелеги, Ванчук Дорже и Сонам-Даши Аце) были приняты в только что открывшийся в Верхнеудинске Бурятский педагогический техникум. Через год, при содействии Наркоминдела, их отправили в Ленинград, где зачислили (осенью 1925) на двухлетнее Монголо-тибетское подготовительное отделение ЛИЖВЯ. Но уже в 1926 г. один из тибетцев (Бальджерги) был вынужден покинуть институт по болезни, а еще через год за ним последовал и Гелеги, отчисленный за неуспеваемость¹¹¹. (Правда, в том же 1927 г. по рекомендации А.Доржиева на его место приняли уроженца Лхасы Гындын Тубдена.) Таким образом, к началу 1928 г. в институте остались три тибетца (Ацэ, Дорже и Тубден), которые и продолжили свое обучение на монгольском секторе Рабфака северных народностей — Северного факультета ЛИЖВЯ. По имеющимся сведениям, для тибетцев в институте был организован «спец. класс» по изучению «порохового дела», просуществовавший, по крайней мере, до конца 1928 г.¹¹² Известно также, что кроме ЛИЖВЯ (ЛВИ) несколько тибетцев в конце 1920-х обучались и в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) им. Сталина в Москве¹¹³.

109 РГАСПИ. Ф. 17, оп. 84, д. 715, л. 12. Письмо А. Доржиева председателю СНК БМ АССР М.Н. Ербанову от 18 февраля 1924 г.

110 Там же. Л. 11.

111 О судьбе этих тибетцев см.: Andreyev A. *Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy*. Leiden; Boston, 2003. P. 207-213.

112 Об этом свидетельствует письмо в ЛИЖВЯ из ОДВ НКВД от 2 ноября 1928 г. ЦГА СПб. Ф. 7222, оп. 38-с, д. 5, л. 39.

113 См.: РГАСПИ. Ф. 532, оп. 1, д. 245, 246.

Глава 5

Кризис в советско-тибетских отношениях, 1926 – 1929

А.Доржиев в Бурятии, сер. 1920-х гг.
Архив Музея истории Бурятии, Улан-Удэ

5.1. Советско-монгольское посольство, 1926 – 1928

Весной 1925 г., вскоре после возвращения в Москву экспедиции Борисова – Вампилона, в Лхасе произошли события, глубоко взволновавшие англо-индийское правительство. Далай-лама неожиданно обрушил репрессии на группу молодых офицеров-англофилов, заподозренных в антиправительственном заговоре. Часть виновных понизили в звании, других отправили в отставку, а майор Педма Чандра был убит при попытке к бегству из Лхасы. Сам Царонг, который в это время находился в Индии, также попал в опалу. По возвращении в Лхасу он узнал о своем смещении с поста главкома. (Царонг, впрочем, сохранил свое место в правительстве Тибета, Кашаге.) Всё случившееся, однако, не следует сводить исключительно к конфликту между Далай-ламой и «новыми военными». В основе драматических событий в Тибете лежало давно уже зревшее недовольство наиболее консервативной части ламства проводимыми в стране реформами. Особую ненависть у монахов вызывала лхасская полиция, доставлявшая им немало беспокойств. Многие из влиятельных лам заявляли, что западные нововведения наносят непоправимый ущерб духовным ценностям самобытной тибетской культуры, и Далай-лама, конечно же, не мог не считаться с их мнением. Так, один из критиков, Донирчеммо Арагапо, открыто выступил против Царонга в связи с инцидентом в Лхасе весной 1924 г., когда во время уличной стычки военные убили двух полицейских. Прибывший на место преступления Царонг распорядился сурово наказать виновных — в результате одному из них отрубили ухо, а другому — руку, и он вскоре скончался. Донирчеммо использовал этот инцидент, чтобы обвинить Царонга в самоуправстве и пренебрежении к государственным органам правосудия. В этой ситуации Далай-лама встал на сторону лам, к тому же до него дошли слухи о заговоре военных во главе с Царонгом и Ладен Ла¹.

Английский историк А. Маккей предполагает, что идея переворота в Лхасе принадлежала Бейли, который действовал исключительно по собственной инициативе, без ведома английских или англо-индийских властей. Сиккимский резидент хотел отобрать у Далай-ламы светскую власть и передать её в руки энергичного и

¹ См.: Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 123-125.

прогрессивного Царонга. Главной причиной заговора, по мнению Маккея, скорее всего, послужили «серьезные попытки нового коммунистического правительства России утвердить свое влияние в Лхасе»². Таким образом, Бейли, следуя примеру архирусофоба лорда Керзона, очевидно, пытался расстроить «русскую интригу» в Тибете, пока она не зашла слишком далеко. Захват власти военными должен был произойти до начала его официального визита, однако Царонг не решился пойти на открытую измену и отступил в решающий момент. На существование заговора тибетских офицеров указывает ряд косвенных улик; отсутствие же прямых доказательств Маккей объясняет тем, что Бейли, будучи опытным разведчиком, держал все нити заговора в своих руках и, когда он провалился, сумел вовремя «спрятать концы в воду». Гипотеза Маккея, безусловно, представляется интересной, хотя, конечно, не может не смущать полное отсутствие документальных свидетельств. Впрочем, следует иметь в виду, что материалы в индийских архивах, относящиеся к лхасскому кризису 1924–1925 гг., остаются засекреченными, на что указывает сам английский историк.

Новая конфронтация клерикальной и военной группировок имела далеко идущие последствия для Тибета — постепенное сворачивание начатых реформ и заметное охлаждение в отношениях Далай-ламы с англо-индийским правительством. В 1925 г. состав лхасской полиции сократился вчетверо, с 400 до 100 человек; в 1926 г. закрылась школа в Гьянцзе, а в 1927 г. тибетские власти запретили английским автомобилям курсировать между Гьянцзе и Пхари, по проложенному ранее британцами шоссе.

Советская пресса отреагировала на события в Лхасе довольно эмоционально. В середине августа 1925 г. «Известия» опубликовали статью Г.В. Чичерина под заголовком «Новый успех Востока», в которой рассказывалось о «взрыве» национально-освободительного движения в Тибете и о «разгроме англофильской клики». Статья Чичерина служила, разумеется, пропагандистским целям, и потому в ней немало ошибок и явных передержек — следствие его англофобии, впрочем, незаметных читателю, неискушенному в хитросплетениях тибетской политики. Так, нарком явно сгущал краски, утверждая, что Тибет под влиянием англичан и их ставленников внутри страны начал превращаться в «нечто, напоминаю-

² McKay A. Tibet and the British Raj. The Frontier Cadre 1904–1947. London, 1997. P. 112. См. также McKay A. Tibet 1924: A very British Coup Attempt? // JRAS. 1997. Series 3. Vol. 3 (3). P. 422.

щее английский протекторат», или что Царонг стал «фактическим диктатором Тибета», подчинившим себе Далай-ламу и все тибетское правительство. Полемизируя с Ч. Беллом, утверждавшим, что Тибет нужен англичанам главным образом как буфер или барьер с северной стороны Индии, Чичерин заявлял, что Тибет «есть нечто большее, чем буфер»: Тибет — это «непосредственная связь со всей внутренней Азией и всем монгольским миром»; он имеет «доминирующее положение над древней основной дорогой народов, идущей от Китая к нашей Семиреченской области и разделяющей северные и южные пустыни», и, таким образом, «основные внутренние артерии, проходящие через Азию, могут оказаться под влиянием того, кто господствует в Тибете»³. В таком заявлении, однако, не трудно увидеть аналогичный советский интерес к Тибету.

Новости о «перевороте» в Лхасе не могли не обрадовать советское руководство, ибо разгром «англофильской клики» означал, что «английская политика постепенного внедрения» в Тибет потерпела крах, а это позволяло Москве активизировать свою собственную тибетскую политику. Главная задача НКВД в 1925 г., как и двумя годами ранее, состояла в том, чтобы сделать советское присутствие в Тибете постоянным. Однако добиться этого было не просто, особенно после того, как Далай-лама отклонил предложение об учреждении официального представительства СССР в Лхасе. Тогда у Чичерина появился весьма хитроумный план — создать в Тибете неофициальное — конспиративное — советское представительство под видом полпредства МНР. Организация такого учреждения была поручена новому советскому полпреду и одновременно торгпреду в МНР П.М. Никифорову⁴.

В своих инструкциях послу перед его отъездом в Улан-Батор Чичерин подчеркнул, что Монголия играет очень важную роль в советской политике на Дальнем Востоке и является «самым серьезным аванпостом наступления революционных идей в Тибет и Китайскую Индию (Индокитай.— А.А.)»⁵. Что касается взаимоотношений Тибета с Китаем, то Чичерин советовал Никифорову придерживаться в этом вопросе «монголо-китайской формулы», сущ-

3 Чичерин Г.В. Новый успех Востока // Известия. 1925. 12 августа. Перепечатана в кн.: Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 443-447. См. также: Красная Звезда. 1925. 2 августа (заметка «Конфликт между Тибетом и Англией»). Источником информации Чичерина о событиях в Лхасе, возможно, послужила заметка в «Дейли Телеграф». См.: Daily Telegraph. 1925. July 31 (Civil War in Tibet: Modernism v. Lamaism).

4 РГАСПИ. Ф. 144, оп. 1, д. 7 (личный дневник П.М. Никифорова), л. 4 об. Запись от 2 августа 1925.

5 Там же. Л. 7 об. Запись от 13 августа 1925.

ность которой он выразил в следующих словах: «Мы формально декларируем автономную самостоятельность Монгольской республики, под протекторатом Китая, но практически ведем там такую работу, чтобы по внутреннему политическому и экономическому строительству Монголия приближалась к советским формам»⁶. То есть советские лидеры, очевидно, поддерживали идею автономного тибетского государства в рамках обновленной Китайской Республики, построенной на федеративных началах, подобно СССР. «Путей тибетской политики,— записал после встречи с наркомом в своём рабочем дневнике Никифоров,— он (Чичерин) не намечал, только на мой вопрос, должен ли Тибет находиться к Китаю в таком же политическом отношении, как и Монголия, он ответил, что такое положение нужно сохранить, потому что оно уже фактически существует»⁷.

Параллельно с учреждением в Лхасе советско-монгольского представительства Никифорову также было поручено создать в Ша-Чжоу (провинция Ганьсу) советское торговое агентство в качестве промежуточного пункта между Монголией и Тибетом, наладить «уртонную» (почтово-ямскую) связь между Юмбейсе (на границе Гоби) и Нагчу (главная тибетская застава перед въездом в Лхасу), а также содействовать увеличению числа тибетских учащихся в СССР⁸. Идея создания линии почтовых станций (по-монгольски «уртонов») принадлежала Доржиеву, при этом, согласно предложенному им проекту, советская сторона должна была взять на себя треть расходов по обслуживанию монголо-тибетского почтового тракта⁹.

О необходимости проведения более активной политики в отношении Тибета говорил и представитель НКВД СССР в Средней Азии А.А. Знаменский. 13 августа он обратился к Чичерину с письмом по поводу недавних событий в Тибете, в котором предложил собственную программу мероприятий: во-первых, «проверить ход тибетских событий, определить отношение к ним Панчен-ламы» (через советские представительства в Пекине, Улан-Баторе и Кашгаре), во-вторых, организовать регулярную засылку в Тибет паломников и торговцев (из монголов, бурят и калмыков), которые могли бы «вести наблюдение над Тибетом», и, в-третьих, «прорабо-

6 РГАСПИ. Ф. 144, оп. 1, д. 7 (личный дневник П.М. Никифорова), л. 4 об. Запись от 2 августа 1925.

7 Там же. Л. 7 об. Запись от 13 августа 1925.

8 Там же. Л. 3. Запись от 12 июля 1925.

9 Там же. Л. 7 об. Запись от 13 августа 1925.

тать вопрос о посылке научной экспедиции в Центральную Азию, захватывая важнейшие участки по индо-кашгарской границе, тибетским областям и т. д.», при этом, однако, «не следуя примеру путешественника П.К. Козлова»¹⁰.

Роль Внешней Монголии как революционного «аванпоста» в Центральной Азии, несомненно, возросла в середине 1920-х гг. в связи с намерением СССР активизировать свою политику на тибетском направлении. После прихода к власти в Улан-Баторе МНРП и начала строительства в стране новой государственности по «советскому образцу» в Москве начали увязывать монгольский и тибетский вопросы в некий единый узел, единый «монголо-тибетский вопрос». Об этом свидетельствует целый ряд публикаций, относящихся к этому периоду. Так, А.Д. Каллиников прямо говорит о влиянии монгольской революции «на пробуждение национально-освободительных сил» в других странах Восточной и Центральной Азии, в том числе и в Тибете. «Последние события в Тибете, приведшие к разгрому англофильской клики, сделавшей когда-то запретную страну фактической колонией Британской Империи, и переходу власти в руки националистов,— утверждает он,— были, несомненно, в числе других фактов подготовлены идейным влиянием победоносной Монгольской революции»¹¹. Еще более определенно об этом говорит В.Д. Виленский-Сибиряков, проводящий четкую параллель между историческими судьбами Монголии и Тибета. Обе страны в прошлом находились в двойной зависимости — от Китая (сюзеренитет) и от соседей-империалистов — России и Англии, навязавших им (соответственно Монголии и Тибету) свой протекторат. Заключенный же в 1912 г. договор между Монголией и Тибетом «о взаимной поддержке и защите своих национальных интересов» был аннулирован тибетским правительством «под давлением Англии». Но таким было положение до начала мировой революции. Теперь же, «когда волна её докатилась до Монголии и Тибета, в последних вновь начинается движение в пользу самостоятельности. Вновь обнаруживается и растет тесная связь между Тибетом и Монголией. Обе страны живут одной религией, получают одинаковое духовное воспитание, одинаково ищут самостоятельности, одинаково малокультурны, одинаково оторваны от высококультурных стран и великих путей, одинаково тяго-

10 РГАСПИ. Ф. 62, оп. 2, д. 245, лл. 27-29.

11 Каллиников А. Революционная Монголия. М., 1925. С. 118.

тятся зависимостью от Китая, одинаково тяготея протекторатом «добрых друзей». И вполне понятно, заключает Виленский, что монголы и тибетцы сейчас пытаются создать объединение «всех монголов в одно монгольское государство между Китаем и Россией и всех тибетцев — в одно тибетское государство между Индией и Китаем»¹². Виленский, впрочем, сомневался в возможности создания «единого монголо-тибетского государства», хотя «теоретически» для этого и имелись основания. Гораздо более реальной, принимая во внимание международную обстановку в Центральной Азии, казалась другая перспектива — что Монголия и Тибет, уже в ближайшем будущем, «пойдут своими самостоятельными дорогами в утверждении своей государственности»¹³. В то же время автор давал недвусмысленно понять, что притязание китайцев на владычество над монголами и тибетцами является всего лишь «исторической условностью» — эта страница истории уже перевернута, и едва ли Китаю удастся вернуть прошлое¹⁴.

В этих попытках теоретически обосновать неизбежность сближения — политико-экономического и культурного — Монголии и Тибета в контексте «начавшейся мировой революции» нетрудно усмотреть принципиальное различие подходов советской и царской дипломатии. Последняя, как мы помним, не связывала, а разделяла монгольский и тибетский вопросы исходя из насущных геополитических задач России: Монголия — сфера русских интересов, а Тибет — английских. Большевики же в рамках своей революционно-глобалистской программы, напротив, стремились перебросить мост из Монголии в Тибет, намечая, таким образом, один из путей, по которому могла бы пойти мировая революция на Востоке — с периферии буддийского мира в его метрополию в центре азиатского материка. Готовясь к новому раунду переговоров с Лхасой, советское руководство, очевидно, не сомневалось, что разрыв Далай-ламы с англичанами неизбежно подтолкнет его в противоположную сторону, к Монголии и России, как это уже имело место в начале века.

По приезде в Ургу в сентябре 1925 г. П.М. Никифоров немедленно приступил к согласованию планов НКВД с членами монгольского правительства — предсовмином Церен Доржи (Церендорж), мининделом Гева Бальжиром и вскоре заменившим его на этом

¹² Виленский (Сибиряков) В. Современная Монголия. М., 1925. С. 49.

¹³ Там же. С. 50.

¹⁴ Там же. С. 50-51

посту Дорликчжапом. В начале октября вопрос об отправке в Тибет монгольского полпредства был рассмотрен в ЦИК МНРП, который поддержал инициативу Москвы. «Хотя больших дел в Лхасе у монголов нет, но иметь там [нашего] представителя необходимо», — доверительно сообщил Церен Доржи Никифорову¹⁵.

18 декабря 1925 г. управделами и член коллегии НКВД С.И. Арапов, очевидно по поручению Г.В. Чичерина, направил в Политбюро докладную записку с изложением проекта новой тибетской экспедиции. В ней, в частности, говорилось, что, в соответствии с создавшейся в Тибете политической обстановкой и результатами, достигнутыми первой тибетской экспедицией, НКВД считает необходимым и своевременным поставить вопрос об отправке в ближайшем времени в Лхасу *неофициального представительства СССР под видом представительства МНР*¹⁶. Такое представительство, «номинально возглавляемое монголом», утвержденным монгольским правительством, указывалось в записке, «фактически будет руководиться нашим советником».

Главной задачей советско-монгольского представительства должно было стать создание столь необходимого Москве канала оперативной двусторонней связи с Лхасой — «организация более правильной, быстрой и постоянной информации нас о Тибете», через «передаточно-наблюдательный пункт» — советское консульство, которое предполагалось открыть в Лань-чжоу-фу (вместо первоначально намеченного Ша-Чжоу), в центре провинции Ганьсу, вблизи от границы с Северо-Восточным Тибетом. О стратегической важности этого города в свое время говорил еще Бадмаев, предлагавший соединить Лань-чжоу-фу железной дорогой с основной транссибирской магистралью. В то же время для связи с Тибетом планировалось также использовать и «различные другие средства», в том числе бурятско-калмыцких лам, паломников и торговцев. К другим задачам представительства относились:

– распространение «правильных сведений» среди тибетцев о СССР и МНР, международном положении и, особо, о проводимой англичанами политике в отношении Тибета;

– консультирование Далай-ламы и возглавляемой им «руссофильской (национальной) группы» по вопросам «текущей общей и экономической политики»; содействие росту и укреплению этой группы;

15 РГАСПИ. Ф. 144, оп. 1, д. 7, л. 15. Запись от 8 октября 1925.

16 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 62.

– «выяснение отношений между Тибетом и МНР» и подготовка к заключению между ними дружественного договора, по образцу соглашения 1912 г.;

– организация снабжения тибетской армии «арт. имуществом» и военными инструкторами (монголами, калмыками и бурятами), отправка тибетской молодежи в учебные заведения СССР и МНР для военной и общей подготовки; улучшение и устройство местных предприятий военной промышленности; привлечение Тибета к участию в выставке культуры буддийского Востока в СССР;

– экономическое исследование Тибета, выяснение потребностей тибетского рынка и организация экспортно-импортных торговых операций между Тибетом и СССР и МНР «с целью вытеснения товаров английского производства»;

– выяснение состояния и характера «буддийского движения» в Индии, возможности установления с ним связи в целях «укрепления позиции Тибета в его национально-освободительной борьбе и использования полунезависимых государств между Индией и Тибетом в качестве буферных образований или союзников»¹⁷.

Большинство этих задач были не новыми и уже стояли в «программе» экспедиции Борисова. Но, в отличие от 1924 г., очевидно стремление советской дипломатии использовать «монгольскую карту» в новой Большой игре с Англией в Центральной Азии. Так, для отправки представительства МНР в Тибет Аралов выдвинул ряд формальных предлогов, связанных с религиозными, торгово-экономическими и другими нуждами монгольского населения, как-то: необходимость урегулирования некоторых церковно-имущественных дел, защита интересов монгольской колонии в Тибете (а также бурятско-калмыцкой колонии из СССР), поддержание и развитие монгольско-тибетских торговых и культурных связей и, наконец, «представительство религиозной части населения», подобно представительству Далай-ламы в Улан-Баторе, и поддержание и развитие «исторической взаимной дружбы, обусловленной общностью интересов единоплеменных и единоверных Тибета и Монголии»¹⁸.

Здесь надо отметить, что традиционные тесные религиозные, культурные и торговые связи между Монголией и Тибетом заметно ослабли в начале 1920-х, после того как в Монголии произош-

17 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, лл. 62-63.

18 Там же. Лл. 63-64.

ла «народная революция». Так, тибетские торговцы были недовольны новыми таможенными сборами, установленными правительством МНР, в результате чего ввоз тибетских товаров в Монголию резко сократился. Тем не менее, в Улан-Баторе по-прежнему проживала довольно большая тибетская колония, а также находился духовный представитель Далай-ламы, так называемый «донир».

В записке Аралова также давалась крайне негативная оценка английской политике в Тибете, с упором на действия англичан в последние годы (последние миссии Белла). «Современные отношения Тибета с Англией определяются обострением конфликта между англофильской военной кликой, связанной с верхушками дворянской знати, и ламством, выступающим под национальными лозунгами и потому ведущим за собой массы, а также особенным усилением среди ламства и масс антибританских настроений». Опираясь на свои «охранные отряды» в Тибете, утверждал Аралов, Англия добивается от тибетского правительства передачи ей инструктирования и контроля над тибетской армией, получает телеграфную и лесную концессии, побуждает тибетские власти закрыть караванные торговые пути из Китая и воспретить въезд в Тибет китайцам, овладевает тибетским рынком, создает из продажных тибетских чиновников и знати англофильскую политическую группу, организует жандармерию для подавления антианглийских выступлений и контроля над политической жизнью страны и т. д. Отсюда делался вывод: «Пока Англия не захватила важнейшие командные позиции в Тибете, необходимо противопоставить её агрессии все наши реальные возможности» — прежде всего, незамедлительно отправить в Тибет «неофициальное представительство СССР». При этом Аралов выражал уверенность, что советские эмиссары будут иметь гораздо более благоприятные возможности

Духовный представитель (донир) Далай-ламы в Урге, сер. 1920-х.

Архив музея-квартиры П.К.Козлова

для работы в Тибете, чем англичане или китайцы. Отношение же Тибета к СССР — более позитивное по сравнению с отношением к царской России — «укрепляется и должно [еще более] укрепиться в дальнейшем». Этому способствуют такие «факты», как: восставление буддийского храма в Ленинграде, недавно состоявшиеся буддийские съезды в Калмыкии и Бурятии, религиозная и национальная политика СССР, престиж Советской страны на Востоке, но особенно характер отношений Советского Союза с Монголией как «лучший факт, подтверждающий отсутствие в политике СССР корыстных и агрессивных целей и, напротив, готовность оказать действительную помощь». Укреплению советско-тибетских отношений, несомненно, будут также способствовать намеченные на будущее созыв общепобуддийского собора в СССР, «который должен дать положительную оценку советской власти и обратиться с политическим воззванием к народам буддийских стран», и выставка «культур буддийского Востока» в Ленинграде, «которая должна установить первые культурные связи СССР с буддийскими странами»¹⁹.

То, что НКВД пытался использовать в своих целях религиозные съезды калмыцких и бурятских буддистов, не должно удивлять. Так, например, состоявшийся в сентябре 1925 г. калмыцкий съезд проходил при активном участии А. Доржиева и Ш. Тепкина. Открылся он информационным докладом о «политике Советской власти по отношению к буддийской религии и верующему калмыцкому народу», с которым выступил председательствующий на съезде «представитель Тибетского правительства» Доржиев. В своем выступлении он дал высокую оценку этой политике, показывающей на деле многомиллионным «массам Востока», что только при советском строе «их вероисповедание гарантировано от всевозможных преследований». В результате была принята резолюция, в которой делегаты съезда признали религиозную политику советской власти «вполне отвечающей религиозным потребностям калмыцкого народа» и приветствовали «первый в мире Союз Советских Социалистических Республик в лице председателя ЦИК Калинина, наркоминдела Чичерина и КалмЦИКа». Съезд также единодушно избрал Ш. Тепкина главой буддийской церкви Калмыкии (Ламой калмыцкого народа) и выбрал делегатов на первый Всесоюзный духовный собор в Москве. В конце съезда выступил *гелонг* (монах, имеющий высшее посвящение) Наран Бакбушев (брат Сандже Бак-

¹⁹ Там же. Лл. 64-65.

бушева), один из участников экспедиции С.С. Борисова, с докладом «об антисоветской работе бакши Большедербетовского улуса, убежавшего за границу с белыми Замбо Хаглышева». В ходе его обсуждения А. Доржиев обратился к съезду с предложением — «в корне пресечь провокации Хаглышева путем командирования от имени данного съезда к Далай-ламе делегатов». (В принятом по этому вопросу постановлении съезда говорилось: «Поручить Центральному Духовному совету обратиться в КалмЦИК и ВЦИК, в частности в Наркоминдел, с ходатайством об откомандировании от имени духовенства делегации к Далай-ламе с целью опровержения провокации Хаглышева, причем [одним из] делегатов персонально избрать Багбушева, а остальных поручить наметить Духовному совету совместно с КалмЦИКом»²⁰.)

В конце декабря 1925 г. в Верхнеудинске прошел аналогичный съезд («собор») бурятских буддистов, на котором опять-таки доминировали обновленцы во главе с А. Доржиевым. Съезд открылся 22 декабря — фактически уже после подачи Араловым своей записки в Политбюро, в которой он назван *ante factum* «состоявшимся», наряду с калмыцким съездом, — и в тот же день в газете «Бурят-Монгольская правда» было опубликовано постановление ЦИК и СНК БМАССР № 221 от 17 декабря о введении в Буреспублике декрета СНК РСФСР об отделении церкви от государства и школы от церкви. Необходимость принятия такого документа диктовалась тем обстоятельством, что соответствующий декрет советского правительства от 23 января 1918 г., фактически, не был осуществлен в Бурятии по причине запоздалой советизации этого края. Согласно постановлению бурятского руководства, все храмы и культовое имущество, находившиеся в фактическом пользовании буддийского духовенства, объявлялись народным достоянием, т. е. национализировались. В дальнейшем они могли использоваться служителями культа (ламами) лишь по соглашению с группами и обществами верующих, получивших право безвозмездного пользования ими (т. е. верующие должны были нанимать необходимый штат лам для совершения религиозных ритуалов). Другим принципиальным положением было введение возрастного ценза для учащихся монастырских школ — запрет принимать «в коллективы лам», обучать «религиозному культу» и посвящать в духовное звание лиц, не достигших 18-летнего возраста. Это был

20 НАРК. Р-3, оп. 2, д. 508а, лл. 122-125.

серьёзный удар по существующей буддийской традиции и практике, согласно которым религиозное обучение «хувараков» (послушников), под руководством дацанских лам, начиналось обычно в возрасте 7–10 лет. Еще одним важным пунктом было снятие с регистрации (хотя и не ликвидация) Положения и Устава обновленческой буддийской общины, принятых Ацагатским собором в 1922 г., в связи с их несоответствием декрету об отделении церкви от государства. Таким образом, главной задачей 2-го Всебурятского собора буддистов стали разработка и утверждение новой редакции этих основополагающих документов. Съезд также избрал новый состав Центрального Духовного совета (ЦДС) — главного распорядительного органа обновленческой буддийской церкви Бурятии, и нового бандидо-хамбо-ламу, которым стал сподвижник А. Доржиева Данжа Мункужапов²¹. По завершении съезда его участники направили Далай-ламе послание («приветственный адрес») с краткой информацией о 2-м соборе и просьбой «оказывать благоволение и помощь Бурят-Монгольской Церкви в деле её возрождения и обновления на основе заветов Учителя Будды»²².

Весной того же 1925 г. Доржиев передал Г.В. Чичерину докладную записку, посвященную религиозной политике Советского государства. В ней в довольно резкой форме он поднял ряд наиболее острых для буддистов вопросов, таких как введение возрастного ценза для хувараков, преследование лам-медиков, призыв монахов на военную службу, антирелигиозная пропаганда. Наибольшую тревогу у Доржиева вызывал закон, запрещавший бурятам и калмыкам отдавать своих несовершеннолетних детей в монастырские школы. Уничтожение института буддийских учеников-послушников (хуварачества), считал он, ведет к подрыву основ буддийской конфессии, нарушая преемственность в передаче вероучения от учителя к ученикам. «При существовании этого закона торжественно декларированная Советским Правительством свобода вероисповедания по отношению к буддизму превращается в простую фикцию», — указывал Доржиев.

Большое место в письме Доржиева отводилось также критике официальной антирелигиозной пропаганды. Методы, которыми она осуществлялась, оскорбляли чувства верующих бурят и калмыков, но еще больший вред эта пропаганда, по его мнению,

21 См.: Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства. С. 108–116.

22 НАРБ. Ф. 1, оп. 1, д. 657, лл. 242–244. См. также: лл. 135–136 (1-я редакция адреса).

наносила внешней политике и международному престижу СССР, давая повод враждебно настроенной части ламства говорить о гонениях на буддизм в Советской России. Всё это сводило на нет ту позитивную информацию о новой России, которую распространяли ламы-обновленцы в Монголии и Тибете, и в конечном счете подрывало доверие к нему, Доржиеву, Далай-ламы и его приближенных, завоеванное в свое время с таким трудом. Подчеркивая свои заслуги перед НКВД — «работу на пользу сближения Тибета с Россией», он, в частности, отмечал: «После Октябрьской революции, как только вышел из Бутырской тюрьмы, несмотря на мои преклонные годы и на тяжелые условия, в которых находилась Советская республика, окруженная тесным кольцом враждебных ей сил, я с удвоенной энергией начал работать в пользу этого дела, которому я посвятил всю свою жизнь. За эти годы почти не было ни одного каравана и ни одного паломника, с которыми я не направлял бы в Тибет и отдельные углы Монголии письма и информацию о положении дел в Советской России. При этом всегда указывал Далай-ламе и другим высокопоставленным лицам буддийской иерархии о том, что Россия, провозгласив принципы свободы в новой жизни, не только деятельно проводит их в жизнь у себя, но несет знамя свободы всем угнетенным народам мира, в особенности народам Востока. Но наряду с моей информацией туда проникала обратная информация, в корне расходящаяся с моей. Она исходила и исходит от отдельных бурятских и калмыцких лам, собственными глазами видевших у себя на родине похороны богов и другие эффектные сцены, коими обычно в СССР сопровождается антирелигиозная пропаганда. Подобная информация за последнее время особенно усиливается антирелигиозной пропагандой среди бурят и калмыков».

Критикуя религиозную политику большевиков, Доржиев, однако, оставался лояльным режиму и потому заверял наркома, что готов и в будущем, если потребуется, оказывать ему любую помощь в «тибетской работе», хотя уже и не имеет «прежнего порыва, воодушевления и горячей веры». В заключение Доржиев просил Чичерина «настоятельно и в последний раз» обратить внимание партийно-правительственных «учреждений» на положение буддийской конфессии, с целью побудить их принять следующие меры: 1) издать новый декрет, гарантирующий свободное поступление в монастырские школы лиц моложе 18-летнего возраста; 2) сделать

распоряжение о том, чтобы изучение и практическое применение тибетской медицины в Бурреспублике и Калмыцкой АО не преследовалось законом; 3) освободить бурятско-калмыцкое духовенство от несения воинской повинности; 4) изменить содержание антирелигиозной пропаганды среди калмыков и бурят, «если почему-либо её нельзя хотя бы временно прекратить»²³.

Письмо Доржиева едва ли могло оставить равнодушным Г.В. Чичерина. Будучи «кабинетным» чиновником, день и ночь проводившим в здании НКВД на Кузнецком мосту, он был оторван от реалий повседневной жизни и плохо представлял себе, что происходило на «религиозном фронте» в Бурят-Монголии и Калмыкии. Тем не менее, нарком, как свидетельствует его переписка с Л.М. Караханом в 1920-е гг., реагировал довольно остро на многие перегибы «текущей политики» большевиков, такие как чистка Наркоминдела, политические процессы над священниками, эсерами и т. п., ввиду явного ущерба, наносимого этими акциями государственным интересам СССР²⁴. Однако Чичерин не принадлежал к узкому кругу руководства большевистской партии — он не являлся членом Политбюро, и лишь в 1925 г. впервые был введен Сталиным в состав ЦК РКПб — и потому не мог серьезно влиять на проводимый партией внутривластный курс. Все же Чичерин, как кажется, считал необходимым как-то отреагировать на «демарш» Доржиева. В начале мая ленинградская «Красная газета» опубликовала большую статью, посвященную Доржиеву, под заголовком «Тибетский Бисмарк», автором которой, предположительно, являлся референт Дальневосточного отдела НКВД Л.Е. Берлин. В ней рассказывалось о жизни «тибетского дипломата» и давалась весьма положительная оценка его политической деятельности, правда не в СССР, а в царской России. «Хамбо Агван Доржиев сыграл очень крупную роль в борьбе за независимость Тибета», — утверждал автор статьи. Результатом его работы в области внешней политики, которой он посвятил большую часть жизни, «явилось фактическое освобождение Тибета от Китая и длительная задержка Англии в деле захвата Тибета»²⁵. Едва ли можно сомневаться, что этой публикацией, скорее всего инспирированной самим Чичериным, НКВД откровенно

23 НАРБ. Ф. 1, оп. 1, д. 657, лл. 15-17. Письмо А. Доржиева Г.В. Чичерину, 24 апреля 1925.

24 Соколов В.В. Неизвестный Г.В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 8.

25 Тибетский Бисмарк. (К приезду Хамбо Агвана Доржиева) // Красная газета. 1925. 4 мая (веч. вып.). Содержание этой статьи во многом созвучно написанному ранее Л.Е. Берлиным биографическому очерку «Хамбо Агван Доржиев: К борьбе Тибета за независимость», см.: Новый Восток. 1923. № 3.

стремился польстить Доржиеву, задобрить его, ибо по-прежнему нуждался в его услугах.

Проект Г.В. Чичерина – С.И. Аралова об отправке в Лхасу советско-монгольской миссии — «неофициального представительства СССР под видом представительства МНР» — был рассмотрен и утвержден Политбюро 21 января 1926 г. На содержание полпредства с советской стороны выделялось 20 тысяч рублей²⁶. Главой миссии (формально в должности советника при монгольском после) по предложению Чичерина назначили А.Ч. Чапчаева, закончившего незадолго до этого курсы марксизма-ленинизма при Комакадемии. Выбор

наркома был одобрен лично Сталиным (и это несмотря на то, что ЦК двумя годами ранее выразил свое недоверие Чапчаеву, освободив его с поста председателя ЦИК КАО за проявленный в работе «национальный уклон»²⁷). В ходе инструктажа в НКВД Чапчаев, помимо утвержденных Политбюро официальных заданий, получил еще одно довольно деликатное поручение — постараться «выдворить Хаглышева из Тибета»²⁸. Кроме Чапчаева Москва включила в состав монгольского посольства еще нескольких человек — бурятского ламу Жигме-Доржи Бардуева (спутника С.С. Борисова), в качестве переводчика тибетского и монгольского языков, и двух калмыков, бывших инструкторов Монгольской народно-революционной армии — Шагдура Лундукова и Матцака Бимбаева, в должности охранников. Последний, впрочем, имел особое задание, полученное от начальника Разведупра Штаба РККА Я.К. Берзина, очевидно связанное с проведением военной разведки на территории Тибета²⁹.

А.Ч. Чапчаев – фактический глава Монгольского правительства в Лхасу, 1926–1928.

Архив А.И. Андреева.

26 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 70. Выписка из протокола № 5 заседания Политбюро от 21 января 1926, пункт 6 («О Тибете»), докладывал Г.В. Чичерин.

27 Наберухин А.Н. Араши Чапчаев. Элиста, 1990. С. 32-33.

28 АМБ РК. Д. 422-р, л. 122 (протокол допроса А.Ч. Чапчаева от 28 сентября 1937 г.).

29 Интервью с М.Т. Бимбаевым. Элиста. 1993. Апрель.

5 февраля Чичерин направил новую записку Сталину, в которой подчеркивал важность возложенной на Чапчаева миссии: «Вопрос стоит чрезвычайно серьезный, и мы не можем без громадного вреда для себя рисковать новым возвращением английского господства в Лхасе. По существу, там Монгольское представительство, в котором негласно будет наш советник — калмык т. Чапчаев, будет весьма действенным оружием для воспрепятствования англичанам снова завладеть правительством Тибета и оттуда устраивать нам неприятности во всех буддийских странах»³⁰.

Со своей стороны, МИД МНР назначил главу представительства («элчин сайда») и его секретаря. Ими стали некие Гомбодчийн и Амуланг. О первом, со слов Бимбаева, известно, что он имел княжеский титул «гуна» и слыл очень набожным человеком. По-видимому, таковой была его официальная легенда, поскольку П.К. Козлов, встречавшийся в сентябре 1926 г. с монгольским «полпредом» в Улан-Баторе, сообщает, что он на самом деле был бурятом, имевшим весьма слабое представление о Тибете³¹. По своим политическим взглядам оба они, и Гомбодчийн, и Амуланг, являлись китаефилами и сторонниками реставрации теократического правления во Внешней Монголии, упраздненного в 1924 г. после смерти монгольского Хутухты. Об остальных участниках делегации нам, практически, ничего не известно, кроме того, что их было около восьми человек.

Организация новой тибетской экспедиции растянулась на много месяцев, по причине бюрократических проволочек, вызванных её «сверхсметным» финансированием, к немалому неудовольствию Чичерина. А тем временем П.М. Никифоров в Улан-Баторе занимался решением сложнейшего вопроса организации регулярной связи с Тибетом, от которого, фактически, зависело будущее советско-тибетских отношений. Наряду с торговым агентством (и одновременно консульством) в Лань-чжоу-фу в Наркоминделе наметили еще два промежуточных «наблюдательно-передаточных» пункта — один на границе Гоби, в небольшом хошуне Юмбейсе (между Улан-Батором и Лань-чжоу-фу), а другой в Цайдаме, на границе Тибетского нагорья. Таким образом, маршрут Юмбейсе – Лань-чжоу-фу – Цайдам должен был стать той большой «уртонной линией», которой предстояло связать Монголию с Тибетом, в соответствии с проектом

30 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, лл. 78-79. Записка Чичерина Сталину, 5 февраля 1926 г. (копии В.М. Молотову и К.В. Гею).

31 Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб, 2003. С. 946. Запись от 15 сентября 1926.

Слева направо: А.М. Соловьев (секретарь советского посольства в МНР), П.М. Никифоров (полпред и глава торгпредства СССР), П.К. Козлов, Никифорова (жена П.М. Никифорова). Урга, 1926. Архив квартиры-музея П.К. Козлова.

А. Доржиева. Рекогносцировка первой части этого маршрута на автомобилях — через всю Монголию до северного подножия Наньшаня — была произведена еще летом 1925 г. предшественником Никифорова А.Н. Васильевым совместно с П.К. Козловым³². Пока же, при отсутствии уртонной службы, предполагалось, что «монгольское посольство» во время пребывания в Лхасе будет поддерживать связь с Центром телеграфно-курьерским способом, через советские консульства в Лань-чжоу-фу и Калгане³³.

Позднее (в январе 1926) Никифоров с помощью сотрудника торгпредства Б.И. Меркулова провел новое обследование маршрута Юмбейсе – Цайдам с целью выяснения возможности его проходимости на верблюдах и автомобилях. Выяснилось, что сообщение между Монголией и Тибетом обычно поддерживается на верблюдах в период от осени до весны, а в остальное время оно невозможно. Что касается автомобилей, то они, из-за встречающихся по дороге многочисленных болот и рек, могут использоваться только зимой. Существовало и еще одно препятствие — в 300 км к югу от Юмбейсе в гористой местности Манджинсан, через которую про-

32 Там же. С. 516. Запись от 5 июня 1926.

33 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 69 (Штат – смета Монгольского представительства, § 4: Путевые расходы).

Члены Монгольского посольства в Тибет 1926–1928 гг., Урга, осень 1926. Сидят (слева направо): А.Я. Климов (военно-политический советник в Калгане), Гомбодчийн (номинальный глава посольства), Б.Н. Мельников (сотрудник восточного отдела НКВД СССР), А. Ч. Чапчаев; стоят: М.Т. Бимбаев, Амуланг (?).
Государственный архив Российской Федерации.

ходил основной караванный путь в Тибет, хозяйничали бандитские шайки — остатки «войска» ликвидированного в 1923 г. Государственной военной охраной МНР знаменитого «ламы-разбойника» Джа-ламы³⁴. Миновать их поселение не представлялось возможным, и потому Меркулов полагал, что до очищения Манджинсана от шаек бандитов дорога на Тибет будет все время находиться под их угрозой³⁵.

Далее, летом 1926 г. Никифоров отправил на разведку в Цайдам бывшего участника миссии С.С. Борисова Булата Мухарайна. В путешествии он находился около года и добыл весьма ценные сведения о торговых рынках между Кукунором и Цайдамом. Эти сведения, очевидно, были нужны Никифорову для создания торгового агентства в Цайдаме, но он также, по-видимому, хотел исследовать кукунорско-цайдамский маршрут с целью использования его в дальнейшем для связи с Тибетом³⁶.

34 О Джа-ламе см.: Ломакина И.И. Голова Джа-Ламы. Улан-Удэ; С.-Петербург, 1993; Даревская Е.М. Материалы П. Садецки-Доббс о Джа-ламе // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность. (Доклады международной конференции). Москва; Иркутск, 1995; Кануков Х.Б. Конец Джа-ламы // Кануков Х.Б. Избранные статьи, речи и выступления (1918–1927). Элиста, 1973. С. 30–38.

35 РГАСПИ. Ф. 144, оп. 1, д. 173 (О хошуне Юмбейсе). Доклад Меркулова Никифорову от 23 марта 1926.

36 Цыбиков Г.Ц. Дневник поездки в Улан-Батор 1927 г. // Цыбиков Г.Ц.. Избранные труды в 2-х томах. Т. 2. Новосибирск, 1991. С. 126–127. Запись от 30 апреля 1927.

Согласно первоначальным планам Москвы, советско-монгольская миссия должна была выехать из Улан-Батора в августе 1926 г., однако её отъезд задержался до глубокой осени. Возможно, это было связано с тем, что в партийно-правительственных кругах Монголии в это время обсуждался весьма щекотливый вопрос о преемнике Богдо-гегена, в связи с неожиданным появлением на р. Иро младенца, опознанного ламами как девятое перерождение Богдо. (Несмотря на закон об отделении церкви от государства, принятый в МНР в том же году, лица высшего духовного звания — хутухты и хубилганы — продолжали оставаться в ведении государственных властей, по причине сильного влияния религии и ламства в стране.) В результате 5-й съезд МНРП (состоялся 26 сентября – 4 октября), учитывая «религиозность масс», решил обратиться к Далай-ламе за санкцией на отыскание и объявление нового перерождения Богдо-гегена³⁷. А месяц спустя 3-й Великий Хурулдан принял постановление: от приглашения 9-го Хутухты временно воздержаться и запросить по этому вопросу мнение Далай-ламы. На том же съезде обсуждался и вопрос о заключении дружественного монголо-тибетского договора, в связи с отправкой «монгольского посольства» в Лхасу.

Советско-монгольская миссия выехала из Улан-Батора в конце октября 1926 г. и прибыла в Лхасу в мае 1927 г. Там она сразу же столкнулась с непредвиденными трудностями. Так, Далай-лама, узнав, что это не религиозное посольство (за которое оно выдало себя, чтобы въехать в тибетскую столицу), а делегация «красных монголов», не пожелал вести с нею какие-либо переговоры и в дальнейшем всячески уклонялся от любых контактов с «большевистскими эмиссарами». Своим приближенным Далай-лама также настрого запретил встречаться с членами «монгольского посольства». В целом его отношение к посланцам народной Монголии было крайне подозрительным и вовсе лишенным той дружественной симпатии, на которую не без основания рассчитывала Москва, как об этом свидетельствуют многие документы британских архивов. Из них мы, в частности, узнаем, что за руководителями миссии — Гомбодчийном (Гомбо Еше), Амулангом и Чапчаевым (Цепаг Доржи) велась постоянная слежка³⁸. Дом, в котором разместилось посольство, — двухэтажный каменный особняк в центре Лхасы, так называемый «Дом Китьепа», охранялся нарядом полицейских,

37 См.: Очерки истории МНРП. 3-е изд. Улан-Батор, 1987. С. 125.

38 Oriental and India Office Collection (OIOC): Mss Eur F 157 / 240. Письма Н. Дхондупа Ф.М. Бейли, 6 и 10 августа 1927 г.

которые являлись тайными осведомителями Далай-ламы. По признанию Бимбаева, всякий раз, когда он и Чапчаев отправлялись по каким-либо делам в город, за ними по пятам следовал тибетский «охранник»³⁹.

Англичане, со своей стороны, проявляли не меньшее внимание к «советским агентам». Ф.М. Бейли, как только до него дошли слухи о прибытии в Лхасу «красной» монгольской делегации, немедленно отправил туда из Гартока своего личного помощника Норбу Дхондупа, поручив ему убедить Далай-ламу выпроводить «русскую миссию» из Тибета. Далай-лама, однако, не последовал совету Бейли, что объяснялось несколькими причинами. Во-первых, нежеланием нанести обиду монахам крупнейшего в Тибете Дрепунгского монастыря, давно уже фрондировавшего с лхасскими властями, тем более что в одной из его школ (Гоман-дацане) обучалось большинство выходцев из Халха-Монголии, Бурятии и Калмыкии. Во-вторых, опасением, что монгольское правительство могло бы ответить на такой шаг репрессиями против проживавших в Монголии тибетцев. И, в-третьих, боязнью потерять свои сбережения (около 200 тысяч рупий), хранившиеся в созданном им в Урге в 1905 г. «тибетском банке»⁴⁰.

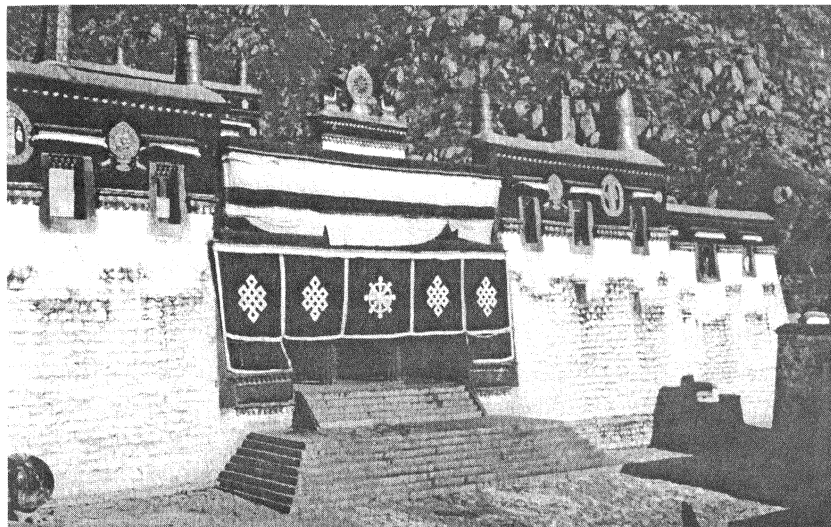
Норбу Дхондуп находился в Лхасе до октября 1927 г. и все это время он регулярно снабжал своего английского шефа разнообразной информацией о «большевистской миссии». Так, из его писем к Бейли⁴¹ мы узнаем, что Чапчаеву очень долго не удавалось добиться частной аудиенции у Далай-ламы. Устроить ее обещал Кушо Кхенчунг — «тибетский торговый агент» в Гьянцзе, доверенное лицо Далай-ламы, но Чапчаев сразу же заподозрил его в связях с англичанами и потому отказался от этого посредничества. Неприемлемым условием для калмыка стало то, что Кхенчунг намеревался выступить в роли переводчика на переговорах. Тогда Чапчаев попробовал найти подступ к правителю Тибета через лиц из его ближайшего окружения, но и в этом он потерпел неудачу. Прошло много месяцев, прежде чем Далай-лама милостиво согласился принять Чапчаева для деловой беседы. Произошло это уже после отъезда Н. Дхондупа, по-видимому в октябре 1927 г. А 9 декабря «монгольское посольство» покинуло Лхасу⁴².

39 Интервью с М.Т. Бимбаевым. Элиста. 1993. Апрель.

40 ОЮС: L/P&S/10/1113. P. 84. (Note on the Soviet Agent in Lhasa.)

41 ОЮС: Mss Eur F 157 / 240.

42 Эта дата называется в письме нового тибетского премьер-министра Ябши Лангдун Кунга Ф.М. Бейли, датированном 10 января 1928 г. См.: ОЮС: L/P&S/11/277.

Гоман-дацан в Дрепунгском монастыре. Совр. вид. Фото А. Андре (Германия, 1995).

Результаты беседы Чапчаева с Далай-ламой оказались неутешительными как для советской, так и для монгольской стороны. Далай-лама отказался от обмена дипломатическими представителями между Тибетом и МНР (то, чего больше всего хотела Москва) и не проявил интереса к идее заключения дружественного договора между обеими странами. Таким образом, главная цель миссии не была достигнута. Единственное, что удалось Чапчаеву, это решить вопрос о торговле. Далай-лама заверил его, что не станет возражать против торговых операций СССР в Тибете при условии, однако, что они будут осуществляться «неофициально». В то же время имеются сведения, что Далай-лама послал в Москву с Чапчаевым письмо Доржиеву, якобы для советского правительства, в котором заявлял о своих дружеских чувствах по отношению к СССР и МНР и задним числом выражал готовность заключить договор о закупке оружия и пороха у России, а также о создании промежуточных почтовых станций между МНР и Тибетом⁴³. Возможно, своим письмом он просто хотел несколько сгладить то негативное впечатление, которое могло создаться у советских руководителей после рассказов Чапчаева о его не слишком любезном приеме в Лхасе.

⁴³ Об этом письме говорится в аналитической записке ОГПУ «О буддийских районах» (1928), см.: РГАС-ПИ. Ф. 89, оп. 4, д. 162, лл. 59-60.

Чем объяснить неуспех миссии Гомбодчийна – Чапчаева? Ведь по прогнозам НКВД ситуация в Тибете должна была благоприятствовать советским планам. Однако ожидания Москвы не оправдались. К тому моменту, когда советско-монгольская миссия прибыла в Лхасу, в правящих кругах Тибета произошли большие перемены. В начале 1926 г. скончался престарелый премьер-министр Лончен Шолкхан, считавшийся «тайным русофилом», что, возможно, отчасти было правдой. На этом посту его сменил 27-летний племянник Далай-ламы Лончен Ябши Лангдун Кун. В 1926 г. умер и глава антивоенной политической группировки Донирченмо Арагапо (именно он двумя годами ранее и побудил Далай-ламу обрушиться на англофильскую «военную клику» Царонга). В то же время на лхасской политической сцене появилась новая влиятельная фигура — некто Лунгшар, главный казначей и чиновник 4-го ранга, ставший в одночасье новым фаворитом Далай-ламы. Падение англофила Царонга и возвышение китаефила и англофоба (по сведениям англичан) Лунгшара привели к изменению политической атмосферы в Тибете, что, прежде всего, отразилось на характере англо-тибетских отношений. Влияние Лунгшара, полагали в Дели, несомненно, будет «работать» скорее против, нежели в пользу Англии, поэтому полковнику Бейли было предписано тщательно следить за всеми его шагами. Бейли, впрочем, считал, что Тибет стал «не менее дружественным», но определенно «более независимым» от англичан, вследствие распада Китая⁴⁴. Что касается Далай-ламы, то он, по наблюдениям Бейли, сделался более автократичным и мало прислушивался к мнению своих главных министров. В прежние времена требующие разрешения государственные вопросы ставились Кашагом (кабинетом министров) перед премьером, который затем докладывал их с надлежащими рекомендациями Далай-ламе. Теперь же этот обычай перестал соблюдаться, и Далай-лама принимал решения, советуясь исключительно со своим фаворитом Лунгшаром. Единственный вопрос, который он не обсуждал с последним, касался советско-тибетских отношений («большевистских миссий» в Тибет).

Донесения советской военной разведки в начале 1926 г. свидетельствовали, однако, об утрате англичанами своих позиций в Тибете и «переориентации» Далай-ламы с Англии на Китай⁴⁵. Строго

44 ОИОС: L/P&S/10/1088. Tibet: Internal Affairs. Письмо Бейли сэру Денису Брею, министру иностранных дел в правительстве Индии, 9 июня 1927.

45 РГВА. Ф. 25895, оп. 1, д. 832, л. 80. (Раздел: Внешняя обстановка в Западном Китае, начало 1926.)

говоря, последнее утверждение не соответствовало действительности, поскольку определенное потепление в тибетско-китайских отношениях наметилось лишь в начале 1930-х гг. при нанкинском правительстве Чан Кайши. Хотя надо признать, что во второй половине 1920-х значительно усилились китаефильские настроения среди тибетского ламства — не только высшего, но и рядового, недовольного отсутствием Панчен-ламы и стремившегося вернуть его во что бы то ни стало в Тибет. Таким образом, основной причиной неудачи «монгольского посольства» скорее всего был синдром «красной опасности». Особенно большие опасения тибетцам внушали успехи китайской революции, постепенно приближавшейся к границам Синьцзяна и Восточного Тибета. Так, Норбу Дхондуп в письме к Бейли от 1 сентября 1927 г. писал: «Далай Лама неожиданно позвал меня вчера. Он сказал, что получил информацию о девятнадцати большевистских агентах (имеется в виду монгольская миссия. — А.А.). Он выражал беспокойство и говорил: Фэн Юйсян, китайский командир, являющийся другом красных русских, одерживает победу и он может объединиться с красными русскими и создать неприятности для Тибета»⁴⁶.

Находившийся в фаворе у Москвы Фэн Юйсян, однако, лишился советской поддержки летом 1927 г., после того как совершил «предательство», перейдя на сторону Чан Кайши, в лагерь «гоминьдановской контрреволюции». На момент прихода экспедиции Чапчаева в Лхасу его северо-западная армия прочно контролировала территории провинций Шэньси, Ганьсу и Западной Хэнани. В ближайшем будущем ожидалось ее дальнейшее продвижение на запад, в направлении Синьцзяна и Тибета. Годом ранее (в марте–апреле 1926) Фэн Юйсян, направляясь в Москву для консультаций с советским руководством, останавливался в Улан-Баторе, где встречался с П.М. Никифоровым. В то время он вынашивал планы объединения провинций, занятых его армиями, и отделения их от Центрального Китая. Никифоров, однако, не одобрял идеи «отделения провинций» и создания отдельного правительства Фэн Юйсяна, поскольку Англия могла бы усмотреть в этом «нашу агрессию на Западный Китай и, пользуясь создавшимся положением, усилить свою агрессию на Тибет, что осложнило бы нашу политику в Тибете, которую мы полагаем проводить»⁴⁷. Такая точка зрения полпреда, очевидно,

46 ОЮС: Мss Eur F 157 / 240. Письмо Норбу Дхондупа Ф.М. Бейли из Лхасы от 1 сентября 1927.

47 РГАСПИ. Ф. 144, оп. 1, д. 173, л. 200. Письмо Никифорова генконсалу в Калгане Фесенко. Черновик. Б/д. По содержанию письмо можно датировать июнем – июлем 1926 г.

отражала позицию Г.В. Чичерина. Тем не менее, Москва была заинтересована в наведении мостов между Фэн Юйсяном и лхасским правительством. Так, тот же Никифоров в своем приветственном послании «вождю Народно-революционной армии» Фэн Юйсяну 11 февраля 1927 г. указывал на желательность «сговориться» с тибетцами о границе. «Это успокоило бы их и создало бы на Вашем фланге и [в] тылу спокойную обстановку, что для вас крайне необходимо»⁴⁸.

Другим источником особого беспокойства для Далай-ламы являлась религиозная политика Москвы. В начале сентября 1927 г. он получил перевод заметки из газеты «Бурят-Монгол Унэн» (Бурят-Монгольская правда) о суде в поселке Агинском над 88 ламами, руководителями и участниками так называемого Борзинского движения⁴⁹. Суть этого движения состояла в том, что ламы Цугольского и Агинского дацанов в Читинской области агитировали своих соплеменников, бурят, проживавших на территории Бурят-Монгольской АССР, за переселение в Борзинский уезд в Читинской области, мотивируя это тем, что как «нац.меньшинство» они не будут испытывать там национального и религиозного угнетения. Согласно Норбу Дхондупу, заметка из бурятской газеты произвела отрицательное впечатление на Далай-ламу и членов Кашага. Но и Чичерин в Москве был немало раздражен, узнав о суде над бурятскими ламами, хорошо понимая, что это событие может отразиться на отношениях СССР со странами буддийского Востока. 4 августа 1927 г. он обратился с письмом к председателю Антирелигиозной комиссии ЦК ВКПб Е.М. Ярославскому, в котором писал: «Для меня явилось полной неожиданностью, что проведены массовая национализация буддийских монастырей и массовые аресты лам. Это может иметь весьма неприятные последствия для нашей дальневосточной политики, и, в частности, для нашей монгольской политики. Мне казалось бы в высшей степени важным присматриваться внимательнее к этим фактам и выяснить, вполне ли правильна наша линия»⁵⁰.

Некоторое время спустя (предположительно в сентябре 1927 г.) Далай-лама неожиданно получил секретное письмо от Агвана Доржиева, доставленное из Улан-Батора тибетским торговцем. «Я старый человек и скоро умру,— писал в нем Доржиев.— Монголия — не мирная страна, какой она была прежде. Правительство

48 Там же. Д. 40, л. 30.

49 Бурят-монгольская правда. 1927. 10 июня и 23 июля. Заметки «88 лам под судом» и «Дело о 88 ламах».

50 АВПРФ. Фонд ОДВ НКВД, оп. 1, пор. 35, пап. 4, л. 14.

настроено крайне враждебно против религии и монахов, и с этим ничего нельзя поделать. Прошу Вас, избегайте общения с людьми [монгольской] миссии. Я был вынужден написать письмо Вашему Святейшеству под их диктовку, которое эти агенты большевиков взяли с собой, но я прошу не придавать значения этому письму»⁵¹. Далай-лама показал письмо Доржиева Кхенчунгу, который затем пересказал его содержание Норбу Дхондупу, а тот, в свою очередь, Бейли⁵². Далай-лама и Кхенчунг, как кажется, были очень довольны, получив от Доржиева столь откровенное послание, разительно отличавшееся от его письма «под диктовку», в котором он расточал похвалы монгольскому правительству и советовал принять предложения его делегатов. Именно это секретное послание Доржиева, по-видимому, и предрешило отрицательный исход переговоров Далай-ламы с Чапчаевым.

Во время их беседы с глазу на глаз, по сообщению калмыка, владыка Тибета дважды заводил речь о гонениях на буддийскую религию в СССР, утверждая, что он «об этом имеет самые точные сведения». О своей озабоченности судьбой российских буддистов он просил довести до сведения советского правительства, в частности Чичерина, давая понять, что подобное «обстоятельство» должно быть «устранено» в интересах дружбы между Россией и Тибетом⁵³. Особую тревогу буддийского первосвященника вызывал закон, запрещающий бурятам и калмыкам отдавать своих несовершеннолетних детей в монастырские школы. Чапчаев, конечно же, отрицал существование такого закона, еще не зная, что состоявшийся в Москве в январе 1927 г. Всесоюзный Буддийский собор, созданный по инициативе обновленцев, утвердил 18-летний возрастной ценз для приема в «хувараки» (буддийские послушники). По возвращении в Москву Чапчаев, естественно, довел пожелание Далай-ламы до сведения советских руководителей. Так, летом 1928 г. в ходе «собеседования» в Восточном отделе ОГПУ по результатам его поездки в Тибет он прямо заявил: «Для того чтобы наладить хорошие отношения с Тибетом, нужно... отменить или несколько смягчить закон об ограничении возрастной нормы приема в *хувараки*, конечно, если исходить из интересов нашей большой, международной политики, а не внутренних интересов. Без этого на Буддийский

51 ОЮС: L/P&S/11/277. Отрывок из конфиденциального письма Ф.М. Бейли правительству Индии, от 26 сентября 1927.

52 ОЮС: Mss Eur F 157 / 240. Письмо Норбу Дхондупа Ф.М. Бейли от 17 сентября 1927. г.

53 РГАСПИ. Ф. 89, оп. 4, д. 162, л. 142.

М.Т. Бимбаев – участник Монгольского посольства с супругой. Элиста, 1993. Фото А.И. Андреева.

Восток, особенно на Тибет, хоть не смотри. Тем более что Далай-Лама мне говорил, что “китайцы и англичане его протекторат в религиозных делах над буддистами признают, а Россия, считающаяся более близкой к Тибету еще не признала”⁵⁴.

Несмотря на безрезультатность официальных переговоров с Далай-ламой, семимесячное пребывание мон-

гольского посольства в Лхасе не прошло впустую. Во всяком случае, его советские участники приложили немало усилий, чтобы выполнить остальные, «неофициальные» пункты своей тибетской программы. Судя по рассказам Бимбаева, он и Чапчаев много общались с тибетцами. Особенно часто они посещали дом одного молодого любителя фотографии, где собирались лица, симпатизировавшие Советской России. Костяк кружка лхасских русофилов составляли торговцы. Примечательно, что тибетцы-русофилы, по сообщению М.Т.Бимбаева, в большинстве своем являлись сторонниками Панчен-ламы, и, следовательно, можно предположить, что они, в той или иной степени, находились в оппозиции к Далай-ламе. Отдельные визиты члены миссии нанесли тибетским министрам и другим высокопоставленным чиновникам, которые охотно шли на контакт с «красными русскими». Сам Бимбаев объяснял это тем, что принимавшие их чиновники были «падки до подарков», которые обычно делались им в таких случаях⁵⁵. Эти встречи скорее всего состоялись уже после аудиенции Чапчаева у Далай-ламы, на заключительном этапе миссии.

⁵⁴ Там же. Л. 143

⁵⁵ Интервью с М.Т. Бимбаевым. Элиста. 1993. Апрель.

Встречались они и с соплеменниками-калмыками, учащимися монастырских школ-дацанов, среди которых большинство составляли астраханские калмыки. (По оценке Чапчаева, всего в Тибете в то время проживало около 30–40 калмыцких и 60–70 бурятских лам.) Посещение монастырей, впрочем, было сопряжено с некоторыми трудностями. По заведенному обычаю, гостям следовало заказать ламам молебен, сделать общее приношение монашеской общине, затем устроить обед для служивших лам. Все это требовало немалых расходов. Представляет интерес и сообщение Чапчаева о том, что тибетские власти относились с большим подозрением к ламам-выходцам из России — их письма перлюстрировались и вообще за ними велась слежка, поскольку отдельные ламы были «настроены против Далай-ламы»⁵⁶.

Во время поездки в Дрепунгский монастырь, сразу же по приезде в Лхасу, Чапчаев познакомился с калмыком Замбо Хаглышевым. Довольно неожиданно Хаглышев обратился к нему с просьбой — помочь вернуться на родину в Калмыкию. Чапчаев, помня о данном ему в НКВД поручении, согласился снабдить Хаглышева рекомендательным письмом в советское посольство в Пекине, при условии, однако, что он передаст ему всю свою переписку с Ч. Беллом. В результате состоявшейся сделки Хаглышев вручил Чапчаеву письма Белла, после чего покинул Лхасу. О дальнейшей его судьбе известно следующее: несмотря на рекомендации Чапчаева, Хаглышеву не удалось получить советскую визу, но в Тибет он уже не вернулся, а остался в Пекине. Продолжал переписываться как с Беллом, так и с Бейли и в то же время не оставлял надежд на возвращение на родину. Из этой переписки мы узнаем, например, что Бейли материально помогал Хаглышеву, который сильно бедствовал в китайской столице. Последние известия о калмыке относятся к началу 1937 г., когда он проживал в пекинском монастыре Юн Хэ-гун⁵⁷.

Не менее успешно справился со своим «секретным заданием» и М.Т. Бимбаев, собравший весьма ценные сведения о тибетской армии и ее вооружении. В Лхасе ему удалось установить контакт с Царонгом и, по всей видимости, также с новым главнокомандующим Догпа Томба. По признанию Бимбаева, он дважды присутствовал на учебных стрельбах, много фотографировал, однако ему не удалось побывать ни на одном из трех оружейных заводов в ок-

56 РГАСПИ. Ф. 89, оп. 4, д. 162, л. 142.

57 ОЮС: Мss Eur F 157 / 251. Письма З. Хаглышева Ф.М. Бейли из Пекина, 1933–1937; написаны по-тибетски, вместе с переводами на английский язык.

рестностях Лхасы. Наибольший интерес у него вызвал завод, расположенный у перевала Голан-дабан на севере Лхасы, оснащенный европейским оборудованием. Здесь же производилась и чеканка тибетской монеты. (По-видимому, имеется в виду новый арсенал и одновременно монетный двор в Доте.) Сведения об этом и двух других оружейных заводах Бимбаев смог получить по возвращении в Улан-Батор от тибетского «торгпреда» Далай-ламы Нандигла. В частности, Нандигла сообщил ему, что тибетские заводы ныне производят винтовки по образцу русского кавалерийского карабина, ибо он имеет наиболее простую конструкцию, доступную для воспроизведения местными оружейными мастерами. Скопировать же английскую винтовку им пока не удастся, ввиду сложности её конструкции. Из новейших «достижений» тибетской военной промышленности Бимбаев также особо отметил изготовление десяти мортир, на испытаниях которых он лично присутствовал⁵⁸.

5.2. «Посольство западных буддистов» Н.К. Рериха, 1927 – 1928

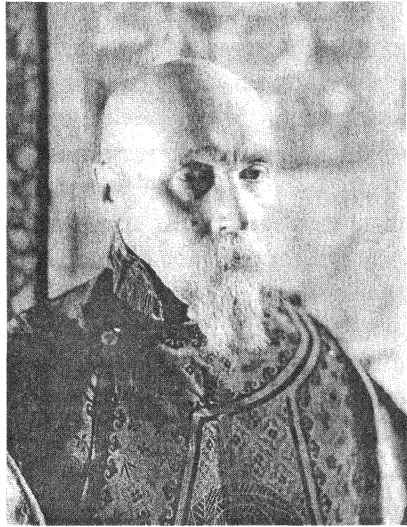
В середине апреля 1927 г., когда караван Гомбодчийна – Чапчаева приближался к Лхасе, в том же направлении выступила еще одна экспедиция, возглавляемая художником-эмигрантом Н.К. Рерихом. О последней до сих пор принято говорить преимущественно как о научно-художественной экспедиции, хотя по существу это была религиозно-политическая миссия — «посольство западных буддистов к главе буддистов Востока», как называл её сам Рерих. Главная цель «посольства», по словам одного из участников К.Н. Рябинина, состояла в том, чтобы добиться от Далай-ламы согласия на «воссоединение восточных и западных буддистов» под эгидой Лхасы⁵⁹. В ходе торжественной аудиенции Рерих намеревался вручить Далай-ламе грамоту, содержащую его предложения, и вместе с ней преподнести специально заготовленный драгоценный «Орден Будды Всепобеждающего». В случае успеха миссии, т. е. согласия Далай-ламы стать единым главой буддистов Востока и Запада, он также предполагал сделать богатые пожертвования на дела веры трем главным лхас-

58 НАРК. Р-137, оп. 1, д. 2 Аналитическая записка: «Военное дело в Тибете. По данным к концу 1927 года», лл. 8-10 (160-162).

59 Рябинин К.Н. Развенчанный Тибет. Подлинные дневники экспедиции Н.К. Рериха 1928 г. «Амрита-Урал», 1996. С. 349.

ским монастырям — Дрепунгу, Сера и Гандану.

Идея подобного посольства родилась у Н.К. Рериха в начале 1920-х, вскоре после его эмиграции с семьёй в США. Вернее, её внушили или подсказали ему некие «махатмы» — гималайские учителя, но не прямо, а через его жену Е.И. Рерих, которая, как рассказывают, общалась с «махатмами» оккультными методами (посредством спиритических сеансов и телепатически). Цель же «махатм», насколько можно судить, состояла в создании нового миропорядка в Азии путем реализации идеи «мировой общины», которая отныне

Н.К. Рерих – «посол западных буддистов» накануне своей тибетской миссии. Архив музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке.

становится краеугольным понятием в учении Н.К. Рериха. Будучи теософом и оккультистом, Рерих ничуть не сомневался в существовании «махатм» и в том, что получаемые от них послания содержат некую высшую, эзотерическую мудрость. Те же «махатмы», между прочим, «сообщили» Рериху, что в одном из прошлых рождений он был 5-м Великим Далай-ламой⁶⁰, и именно это обстоятельство скорее всего и подвигло художника и мистика выступить в роли главы западных буддистов. Хотя, строго говоря, Рерих и крошечная группа его сподвижников в Нью-Йорке, по сути, являлись не буддистами, а последователями теософского учения.

Задуманное Н.К. Рерихом путешествие в Лхасу, как показывает исследование В.А. Росова, было частью его «Великого плана» (опять же инспирированного «махатмами») с целью объединения буддийских народов Азии «именем Грядущего Будды Майтреи» и создания Монголо-Сибирского государства — «Священного Союза Востока» — на территории от Алтая до Гобийской пустыни, при поддержке и покровительстве СССР⁶¹. Известно, что Рерих, как и многие другие представители русской творческой интеллигенции,

⁶⁰ Фоздик З.Г. Мои Учителя. Встреча с Рерихом. (По страницам дневников 1922–1934 гг.). М., 1998. С. 77, 143 (записи за 29 июля и 21 декабря 1922).

⁶¹ Росов В.А. Николай Рерих Вестник Звенигорода. Кн. 1: Великий План. СПб., 2002.

поначалу был настроен крайне враждебно по отношению к Советской власти, однако под влиянием «махатм» он в 1922–1923 гг. отбросил свой антибольшевизм и повернулся лицом к красной «Московии». Отныне всё, что делают Советы, вызывает у него не возмущение и протест, но искреннее сочувствие и энтузиазм. Но это и понятно, ибо осуществить задуманное без содействия большевистской России было невыносимо, тем более что Рерих собирался начать строительство своей «Новой страны» с приобретения у советского правительства сельскохозяйственных и горнопромышленных концессий на юге Алтая.

Кто в действительности стоял за спиной Н.К. Рериха и подвиг его на столь грандиозное и вместе с тем утопическое предприятие, иначе говоря, кто скрывается под масками рериховских «махатм» (если, конечно, считать, что созданный Е.П. Блаватской «миф о махатмах» имеет под собой какую-то реальность)? Американский исследователь Пол Джонсон в книге «Разоблачённые Мастера: Мадам Блаватская и миф о Великом Белом Братстве» пытается идентифицировать личности «тайных покровителей Блаватской» и называет имена возможных прототипов её главных учителей — махатм Кут Хуми и Мории. Это Тхакар Сингх Сандханвалия (основатель сикхской реформаторской организации «Сингх Сабха» в Амритсаре, тесно связанной с Теософским обществом Е.П. Блаватской) и кашмирский махараджа Ранбир Сингх⁶². Что касается собственно рериховских учителей — а это все те же Кут Хуми и Мория, — то тема эта является, практически, неисследованной, хотя для неё уже имеется некоторый материал. Так, по сведениям недавно рассекреченных материалов британской разведки, пристально следившей за всеми передвижениями семьи Рерихов, в окружении художника в 1920-е гг. постоянно находились индийские националисты-революционеры, например Дхан Гопал Мукерджи, член сикхской революционной партии «Гхадр» в США, близко знакомый с известным коминтерновцем М. Роем, Хари Говинд Говил (оба читали лекции в созданном Рерихом в Нью-Йорке Международном центре искусств «Корона Мунди»), Сумендра Натх Тагор (обучал Рериха индийской живописи в Калькутте)⁶³. Вполне можно предположить, что от этих и каких-то других деятелей индийского национально-освобо-

62 Johnson Paul K. *The Masters Revealed. Madame Blavatsky and the Myth of the Great White Lodge*. State University of New York Press, 1994. P. 5-6.

63 OIOC C/P & J/12/291. P. 27, 30. Донесение сотрудника разведслужбы правительства Индии (Intelligence Bureau, Home Department) Ф. Аймонгера. Симла, 7 июня 1928.

дительного движения и исходил изначальный импульс «великого переустройства Азии». Большое влияние на Рериха, несомненно, оказали и активно распространявшиеся тибетскими ламами (прежде всего последователями бежавшего из Тибета Панчен-ламы) буддийские пророчества о скором пришествии в мир будды Майтреи со своим воинством с целью сокрушить силы зла и восстановить на земле счастливое царство Шамбалы. Но главным для Рериха-мистика всё же были загадочные послания-инструкции облечённых «высшим» авторитетом «махатм», под влиянием которых он искренне уверовал в свою избранность, в свою историческую миссию — в то, что ему предназначено «свыше» стать «спасителем» азиатских народов, земным «царём Шамбалы» (!). Несколько забегаая вперёд, отметим, что встречавшийся с Н.К. Рерихом в Пекине в конце 1920-х (скорее всего накануне его тибетской экспедиции) востоковед и сотрудник советского полпредства в Китае Б.И. Панкратов вспоминал впоследствии: «Художник хотел въехать в Тибет как 25-й князь Шамбалы, о котором говорили, что он придёт с севера, принесёт спасение всему миру и станет царём света. Носил он по этому случаю парадное ламское одеяние»⁶⁴.

В 1923 г. Н.К. Рерих, его жена и старший сын (Ю.Н. Рерих) отправились в Индию, намереваясь совершить оттуда большую экспедицию по древним оазисам Центральной Азии. Поселились они в небольшом городке Даржилинг в предгорьях Гималаев в доме, где некогда жил XIII Далай-лама. Год спустя Рерих неожиданно вернулся в Европу и Америку. В Берлине он посетил советское представительство, где имел долгую беседу с полпредом Н.Н. Крестинским и его секретарем Г.А. Астаховым. Об этом визите Крестинский немедленно сообщил Г.В. Чичерину, отметив в своём донесении, что посетивший его художник Рерих «настроен совершенно советски и как-то буддийско-коммунистически». У него «очень хорошие отношения с индусами и особенно с тибетцами», с которыми он объясняется при помощи своего сына-востоковеда (Ю.Н. Рериха), и он «осторожно агитирует там (на севере Индии. — А.А.) за Совроссию, обещает через своих американских корреспондентов (Лихтмана и Бородина) присылать нам оттуда информацию»⁶⁵.

Сообщение Крестинского весьма заинтересовало Чичерина. В ответном письме полпреду от 31 марта 1925 г. он настоятельно

64 Крель Ю.Л. Борис Иванович Панкратов (Зарисовка к портрету учителя) // Страны и народы Востока. 1989. Вып. XXVI. С. 90.

65 АВПРФ. Ф. 04, оп. 13, п. 87, д. 50117, л. 13а. Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину, 2 мая 1925.

просил «не упустить того полубуддиста-полукоммуниста, о котором Вы мне в свое время писали... У нас до сих пор не было такого серьезного мостика в эти столь важные центры. Ни в каком случае не надо потерять эту возможность»⁶⁶.

По возвращении в Индию Рерих, однако, исчез из поля зрения Москвы почти на целый год. В апреле 1926 г. его экспедиция достигла Урумчи, столицы Синьцзяна. Здесь Рерих незамедлительно вступил в контакт с дипломатическим представителем СССР — генконсулом А.Е. Быстровым, которому раскрыл свои сокровенные планы — о том, что он собирается ехать в Москву для переговоров с советскими вождями, а оттуда через Монголию в Тибет, вместе с Таши-ламой (Панчен-ламой). Рерих также сообщил Быстрову о своей тайной связи с «махатмами» — он часто получает от них «директивы» и теперь везет их послания на имя Чичерина и Сталина. Задачей «махатм», по словам Рериха, является «объединение буддизма с коммунизмом» и создание «Великого Восточного Союза Республик». Среди тибетцев и индийских буддистов, пояснил он, ходит «поверье» о том, что освобождение их от иностранного ига придет именно из России, «от красных», — из северной красной Шамбалы. С этой целью Рерих собирался «вытащить» Панчен-ламу во Внешнюю Монголию, чтобы оттуда вместе «двинуться духовным шествием для освобождения Тибета от ига англичан»⁶⁷.

В начале июня Рерих вместе с семьёй прибыл в Москву. Встретившись с Чичериным (13 июня), художник передал ему свою программу «буддийской революции» из девяти пунктов. Учение Будды, говорилось в ней, есть «революционное движение», Майтрея — это «символ коммунизма». Миллионы буддистов в Азии могут быть привлечены немедленно к «мировому движению в поддержку идеалов Общины». «Союз буддизма и ленинизма» потрясет Европу. Поводом же для выступления буддийских народов является «отъезд Таши-ламы из Тибета». А посему советское правительство должно предпринять немедленные действия, «полностью учитывающая местные условия и пророчества Азии»⁶⁸.

Выступая в качестве посланца Гималайского братства «махатм», Рерих также передал Чичерину ларец со священной землей с места рождения Будды, якобы посланной «махатмами» на могилу свое-

66 Там же. Л. 14.

67 АВПРФ. Ф. 0304, оп. 1, п. 4, д. 30, л. 76. Дневник № 4. Генеральному консульству СССР в Урумчах. Апрель 1926 г. (рабочий дневник А.Е. Быстрова), запись от 19 апреля 1926.

68 См.: Росов В.А. Указ. соч. Т.1. С. 145.

го собрата, «Махатмы Ленина», и два послания тех же «махатм» — одно московским коммунистам, а другое лично наркому. Их авторы (скорее всего сами Рерихи, судя по стилистике писем) приветствовали все свершения большевиков, направленные на уничтожение старого мира, «во имя эволюции Общины», и обращались с конкретным предложением — если СССР признает буддизм «учением коммунизма», то общины Востока, насчитывающие сотни миллионов буддистов, окажут ему «деятельную помощь», дадут «необходимую мощь неожиданности»⁶⁹.

Идеологически сомнительный и откровенно авантюристичный план Рериха едва ли мог понравиться советскому руководству, особенно архиосторожному Чичерину, и тем более летом 1926 г., когда НКВД готовил к отправке в Тибет свою собственную миссию. Впрочем, нарком не усомнился в реальности существования гималайских «махатм». В своём письме секретарю ЦК ВКП(б) В.М. Молотову после встречи с художником он сообщал: «Там (в Северной Индии.— А.А.) имеются буддийские общины, отвергающие официальный ламаизм и стоящие на точке зрения первоначального учения Будды с его примитивным потребительским коммунизмом. Это способствует их симпатиям к коммунистической программе и к СССР»⁷⁰. Официального ответа на предложение «махатм», однако, он не дал, да и едва ли можно было ожидать, что Чичерин или кто-нибудь другой из советских вождей согласится признать буддизм «учением коммунизма», хотя бы на словах. Правда, некоторый интерес к планам Рериха проявил начальник иностранного отдела ОГПУ М.А. Трилиссер⁷¹, чьё ведомство занималось внешней разведкой, но дальше этого, как кажется, дело не пошло. В то же время Рериху удалось вполне успешно завершить переговоры с Главконцесесскомом (начатые еще в 1925 г. его американскими представителями Луисом Хоршем и Морисом Лихтманом) и получить концессию на разработку полезных ископаемых на Алтае в районе горы Белуха.

Находясь в Москве, Рерих, по всей видимости, обсуждал с Чичериным и Трилиссером свои тибетские планы, прежде всего довольно щекотливый в политическом отношении вопрос о возможном возвращении в Тибет Панчен-ламы. С одной стороны, такое

69 Там же. С. 180.

70 Там же. С. 149.

71 См.: Фоздик З. В Москве и на Алтае с Рерихами (из дневника 1926 г.) // Рериховский вестник. Вып. 4. 1992. С. 34-35.

возвращение было весьма желательным, поскольку контролировавший северо-восток Китая генерал Чжан Цзолин и стоявшая за его спиной милитаристская Япония стремились использовать Панчен-ламу для расширения своего влияния во Внутренней и Внешней Монголии (МНР), что представляло косвенную угрозу для СССР. Но, с другой стороны, поскольку разногласия Далай-ламы и Панчен-ламы не были урегулированы, самовольное возвращение последнего вместе с хорошо вооруженным отрядом сподвижников могло спровоцировать столкновение между сторонниками двух высших перерожденцев в Тибете (национальной и китаефильской группировками) с совершенно непредсказуемыми последствиями. Чичерин, конечно же, более всего опасался английского вторжения в Тибет в случае возникновения там беспорядков и смуты, что в конечном счете могло привести к аннексии Тибета Англией.

Прибыв осенью 1926 г. в Монголию, Рерих немедленно приступил к организации своей тибетской экспедиции, вернее «посольства», при этом он пытался подключить к своим планам монгольское правительство. Имеются сведения, что руководство МНРП обсуждало в конце 1926 г. возможность приглашения Панчен-ламы в Монголию и предоставления ему в стране временного убежища — идея, за которую особенно ратовал Цыбен Жамцарано (бурят-эмигрант, возглавлявший в 1920-е гг. Ученый комитет в правительстве МНР). Однако от неё вскоре отказались, посчитав, что «мир и дружба с Далай-ламой, стоящим у власти в Тибете, для Монголии гораздо важнее, чем дружба с не имеющим власти изгнанником Банчен-Богдо»⁷². В декабре того же года П.М. Никифоров писал из Улан-Батора Чичерину: «Надо полагать, что дальнейшее пребывание Богдо в Китае может иметь для нашей политики во Внутренней и даже Внешней Монголии нежелательные последствия: Панчен-Богдо может быть легко использован Японией в своих интересах... Считаю, что его необходимо возможно скорее изъять из обихода японской и английской политики совершенно... Негласный представитель Далай-ламы в Улан-Баторе намекнул мне, что очень плохо, если Панчен Богдо не сумеет скоро вернуться в Тибет, что ему в Китае очень тяжело и что он сам хочет вернуться, но ему в этом мешают китайцы. Я полагаю, что, может быть, нам пора вмешаться в это дело в смысле содействия

72 АВПРФ. Ф. Секретариат Л.М. Карахана, оп. 10, пор. 178, пап. 32, л. 140.

Урга, осень 1926 г. 1-й ряд (стоят), слева направо: Ю.Н. Рерих, Е.В. Козлова, Ц. Жамцарано (глава Учкома МНР), Н.Н. Поппе; сидят: Н.К. Рерих и П.К. Козлов; нижний ряд (крайний слева) Гомбодчийн. Архив музея-квартиры П.К. Козлова.

возвращению Панчена Богдо в Тибет и, если нужно, то помочь ему бежать из Китая»⁷³. Свой замысел Никифоров непосредственно увязывал с планами Рериха, хотя и не вполне был уверен в политической лояльности последнего.

Какой ответ Никифорову дал Чичерин, неизвестно. Мы знаем только, что попытки Рериха объединиться с Панчен-ламой не увенчались успехом, несмотря на то, что Панчен действительно помышлял о возвращении в Тибет и даже предпринял для этого некоторые шаги. В результате Рериху пришлось внести коррективы в свою тибетскую программу. Поскольку «поход» Панчен-ламы на Лхасу явно задерживался (хотя и не отменялся в принципе), он делает главной задачей своей миссии переговоры с Далай-ламой о воссоединении восточных и западных буддистов⁷⁴. Но зачем Рериху такое «воссоединение»? Ведь еще недавно он относился к Лхасе и царящим там порядкам крайне негативно и даже собирался низвергать буддийского первосвященника-англофила — с помощью Панчен-ламы. Вероятнее всего, Рерих хотел побудить Далай-ламу к реформированию тибетского буддизма (ламаизма) в том духе, как это происходило в 1920-е гг. в СССР (в Бурятии и Калмыкии) под

73 Росов В.А. Указ. соч. С. 62. Письмо П.М. Никифорова Г.В. Чичерину, 6 декабря 1926.

74 См.: Рябинин К.Е. Указ. соч. С. 349.

руководством Агвана Доржиева, что опять-таки должно было бы привести к сближению буддизма и коммунизма. В случае его отказа Рерих собирался провозгласить себя главой западных буддистов — западным Далай-ламой. Можно, однако, сильно сомневаться в достоверности сообщения о том, что посетившие Даржилинг в 1924 г. «высокопоставленные» тибетские ламы «опознали» Рериха воплощением 5-го Великого Далай-ламы⁷⁵.

Посольство Рериха к XIII Далай-ламе, как известно, потерпело фиаско. Тибетские власти, получив от Бейли сообщение о том, что из Урги в сторону Лхасы движется караван американского художника, который в действительности является «красным русским»⁷⁶, перепугались и немедленно блокировали рериховскую экспедицию на подступах к священному городу. Любопытнее всего, однако, было то, что «посольский» караван Н.К. Рериха вез партию русского оружия для Далай-ламы, закупленного тибетским представителем в Урге (дониром) у советского полпредства в Монголии (!) при посредничестве Ю.Н. Рериха, как об этом свидетельствует секретное донесение монгольского резидента ОГПУ Я.Г. Блюмкина⁷⁷. Британская разведка, как кажется, знала или, по крайней мере, догадывалась об амбициозном плане Рериха — его намерении провозгласить себя Далай-ламой⁷⁸ — и потому решительно вмешалась в ситуацию, чтобы расстроить новую интригу Москвы.

Главные итоги беспрецедентной «буддийской миссии» Н.К. Рериха — это полное разочарование художника-мистика в Тибете как духовной метрополии северного буддизма и в то же время не меньшее разочарование в коммунистической «Московии», не принявшей высшего руководства «махатм», и, как следствие, разрыв контактов с советскими вождями. В 1929 г. Рерих утратил свои концессионные права в СССР, однако не отказался от идеи строительства «Новой страны». Правда, теперь для осуществления «Великого плана» он будет искать покровительства и поддержки другой великой державы Запада — Соединенных Штатов Америки⁷⁹.

75 См.: Сидоров В.М. Семь дней в Гималаях // На вершинах. М., 1988. С. 244-245.

76 ОЮС: L/P & C/10/1145. Об обстоятельствах задержания каравана Н.К. Рериха говорится в письме тибетских министров Бейли от 16 октября 1928.

77 См.: Защитим наследие Рерихов. Документы, публикации в прессе, очерки / Под ред. Л.В. Шапошниковой. Т. 1. М., 2001. С. 559.

78 См.: Сидоров В.М. Указ. соч. С. 245.

79 См.: Росов В.А. Николай Рерих Вестник Звенигорода. Кн. 2: Новая Страна. СПб., 2004.

5.3. Последние попытки установления отношений с Тибетом

Неудача, постигшая в 1927 г. обе тибетские миссии — А.Ч. Чапчаева и Н.К. Рериха — ничуть не обескуражила советских руководителей. В следующем году Москва наметила еще одну акцию по оказанию воздействия на несговорчивого Далай-ламу, с помощью лояльных режиму лам-обновленцев, последователей реформаторского движения бурятского и калмыцкого духовенства. Составленная из них делегация под руководством главы бурятской буддийской церкви бандидо-хамбо-ламы Данжи Мункужапова намеревалась отправиться в Лхасу в октябре 1928 г., после проведения очередных буддийских соборов в Калмыкии (в июле) и в Бурят-Монголии (в августе), имея на руках соответствующие их постановления. Идея посещения Лхасы советской религиозной миссией, по сути, принадлежала самим буддистам — лидерам обновленцев Доржиеву и Тепкину, впервые высказавшим ее еще в начале 1927 г. в связи с состоявшимся в Москве 1-м Всесоюзным Буддийским собором. Правда, оба они, втайне от советских властей, связывали с этим визитом совсем иные надежды — рассказать Далай-ламе о начавшемся «нажиге» советской власти на религию. НКИД дал согласие на посылку делегации в Тибет, после чего среди буддистов Бурятии и Калмоласти началась большая подготовительная работа (собирались средства на поездку, была закуплена парча для подарков и т. д.)⁸⁰. Этот факт показывает, что обновленцы перестали быть послушными исполнителями замыслов Москвы и пытались установить свой собственный канал связи с Лхасой, по примеру лам-консерваторов.

Решение о посылке буддийской делегации в Лхасу, принятое 27 февраля 1928 г. антирелигиозной комиссией ЦК ВКП(б), возглавляемой Е.М. Ярославским, произошло еще до возвращения Чапчаева в Москву. Четыре месяца спустя (29 июня) группа советских руководителей — Е.М. Ярославский, П.Г. Смидович, М.А. Трилиссер и Л.М. Карахан — направила письмо генеральному секретарю ВКП(б) И.В. Сталину, в котором информировала его о намеченной поездке буддистов в Тибет и запрашивала на ее организацию необходимые средства (50 тысяч рублей). Основная цель этой новой «тибетской

⁸⁰ АМБ РК. Д. 940-р, л. 54.

экспедиции» формулировалась как «контрвоздействие на Лхасу через буддистов-обновленцев, возглавляемых Доржиевым», для устранения последствий «систематической отрицательной обработки» тибетского религиозного центра «реакционным» бурятско-калмыцким ламством⁸¹. Обновленцам предстояло убедить Далай-ламу в том, что буддисты в СССР не испытывают каких-либо притеснений со стороны властей, на что постоянно жаловались посещавшие Лхасу ламы-консерваторы — противники церковных реформ. «Необходимость установления более крепкой связи обновленческого движения среди наших буддистов с Далай-Ламой, именно с целью подкрепления обновленцев авторитетом последнего, — говорилось в письме, — диктуется еще и тем обстоятельством, что в Мукдене, в сфере японского воздействия, последнее время живет бежавший из Тибета антагонист Далай-Ламы, Банчен-Богдо, первое после Далай-Ламы лицо в буддийском мире по значению. Китайская реакция в лице Чжан-Цзолиновской клики и японцы успешно используют имя Банчена во Внутренней Монголии, а также все время пытаются завязать через него связи с ламством Внешней Монголии и СССР. Теперь эта последняя работа, конечно, еще более усилится, в связи с чем нужно поспешить с принятием соответствующих контрмер»⁸². В состав делегации предполагалось также включить несколько представителей НКВД и ОГПУ для контроля за рациональным использованием средств и для проведения в Тибете политической разведки⁸³.

Решение о посылке буддийской делегации в Тибет было утверждено Политбюро 19 июля 1928 г.⁸⁴ Летом того же года, очевидно в связи с предстоящей поездкой в Лхасу делегации советских буддистов, Восточный отдел ОГПУ составил аналитическую записку «О буддийских районах». В ней давалась оценка политической ситуации в странах буддийского Востока — в Бурятии, МНР (Внешней Монголии), Внутренней Монголии и Тибете. Основной акцент в записке делался на опасности, которую представляет для СССР и МНР консолидация всех контрреволюционных элементов на территории Внутренней Монголии, при активной поддержке Японии и ее ставленника в Северном Китае, генерала Чжан Цзолина⁸⁵.

81 РГАСПИ. Ф. 89, оп. 4, д. 171, л. 2.

82 Там же. Л. 3.

83 Там же. Л. 4.

84 Там же. Ф. 17, оп. 3, д. 696. Протокол № 34 заседания Политбюро ЦК от 19 июля 1928.

85 Там же. Ф. 89, оп. 4, д. 162. «О Буддийских районах», копия, машинопись, б/д. (лл. 51-72). Л. 53.

Здесь необходимо отметить, что обострение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке, приведшее летом 1929 г. к вооруженному конфликту на КВЖД, внушало большое беспокойство советскому руководству. Еще в декабре 1927 г., выступая на XV съезде партии, И.В. Сталин заявил, что одним из основных факторов международного положения является «усиление интервенционистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны»⁸⁶. Рост военной опасности, хотя и явно преувеличенный Сталиным, побудил ОГПУ, так же как и штаб РККА, приступить в эти годы к разработке подготовительных мероприятий на случай войны на восточных границах СССР, прежде всего в отношении таких стран, как Персия и Афганистан, где столкновение с англичанами казалось неизбежным⁸⁷. Подобные же мероприятия, по-видимому, разрабатывались и в отношении Тибета. Так, в составленной по результатам экспедиции Чапчаева аналитиками Разведупра записке «Военное дело в Тибете» (предположительно, летом 1928 г.) рассматривалась возможность действия «европейских войск» на Тибетском плато с северного направления. «Переход через горы с севера легче, [чем переход через Гималаи с юга], хотя воду и корм для верблюдов там можно находить во всякое время года, — утверждал автор записки. — Крутизна карнизов, скал и ущелий на юге и востоке много больше, чем на севере. Запад Тибета, пожалуй, является не менее трудным для доступа, чем юг и юго-восток. По мнению источника (очевидно, М.Т. Бимбаева. — А.А.), войска, сосредоточенные к северу от Тибета, могли бы двигаться крупной массой и, вероятно, достигли бы столицы без сопротивления»⁸⁸. Подобный вывод наводит на мысль о том, что командование Красной Армии определенно рассматривало возможность ведения в Тибете военных операций силами армейских подразделений, проникших в страну с северного направления, но в этом случае речь могла идти либо о советско-монгольских частях, либо о национально-революционных армиях Фэн Юйсяна и генералов-гоминьдановцев, оснащенных европейским (советским) оружием и руководимых советскими инструкторами.

86 Сталин И.В. Политический отчет ЦК XV съезду ВКПб. 3 декабря 1927 г. // Сочинения. Т. 10. М., 1949. С. 287.

87 РГВА. Ф. 25895, оп. 1, д. 666. Оперативный план действий войск Среднеазиатского военного округа в случае возникновения войны с Персией и Афганистаном. 31 января 1928. Лл. 1-94. См. также: Агабеков Г.С. ЧК за работой. М., 1992. С. 149, 150, 167.

88 НАРК Р-137. Оп. 1, д. 2, л. 164 (раздел «Оценка тибетского театра»).

Восточный отдел ОГПУ в своей записке также уделял большое внимание Тибету. Анализируя политическую ситуацию в стране, составитель записки помощник начальника Восточного отдела Х.С. Петросьян отмечал, что «основные слои населения и ламства настроены против англичан». Недавние события в Лхасе (разгром англофилов) указывали, с его точки зрения, на «начало решительного отмежевания Далай-ламы и его сторонников от влияния англичан». В то же время Петросьян констатировал изменения в отношениях Далай-ламы и большинства тибетского населения к СССР и МНР: «Большие сдвиги в отношении к СССР наблюдаются в настоящее время в связи с разгромом... англофильской военной группировки. Насколько Далай-лама благоприятно относится к СССР и МНР, видно из его писем на имя хамбо Агван Доржиева, в которых он выражает согласие на заключение договора о предоставлении им (тибетцам.— А.А.) оружия и пороха, о создании промежуточных [почтовых] станций между МНР и Тибетом и выражает свое удовлетворение по поводу непритеснения буддийской религии в СССР»⁸⁹.

Письма Далай-ламы Доржиеву (адресованные, фактически, советскому правительству), посланные с Чапчаевым в конце 1927 г., очевидно, ввели в заблуждение и в большой степени дезориентировали советское руководство. В действительности, СССР вызывал у Далай-ламы и его окружения отнюдь не симпатии, но откровенный страх. Подобное заблуждение, однако, позволило Петросьяну далее сделать следующий прогноз: «Учитывая заинтересованность Англии в Тибете, нужно предположить, что усиление симпатий Тибета к СССР может повести к усилению агрессивности англичан в Тибете, вплоть до возможной постановки вопроса об аннексировании его — в этом отношении усиленная обработка англичанами Панчен Богдо — противопоставление его Далай-ламе, говорит за некоторую вероятность английского плана аннексирования Тибета»⁹⁰.

Отношение самой Москвы к Панчен-ламе на этот момент можно характеризовать как неопределенное и колеблющееся. С одной стороны, имелся ряд фактов, таких как отказ Панчена от участия в паназиатской конференции, в съездах князей Внешней Монголии и в то же время его «исключительное внимание к советскому представителю в Китае», позволявших ОГПУ утверждать, что Пан-

89 РГАСПИ. Ф. 89, оп. 4, д. 162, лл. 59-60.

90 Там же. Л. 60.

чен не является англофилом, а, напротив, настроен просоветски и лишь условия, в которые он поставлен, «не дают ему возможности декларировать свое отношение к СССР». С другой стороны, ОГПУ располагало сведениями, что Панчен-лама собирался совершить поездку в Долоннор, находившийся неподалеку от границы с МНР. Эти сведения вызывали определенную тревогу, поскольку на границе против Долоннора проживали «реакционные монгольские князья», такие как Югодзер Хутухта, и «реакционное ламство», которые, как полагал Петросьян, попытались бы использовать его приезд «для усиления борьбы с МНР, а через нее и с нами»⁹¹.

В заключительной части записки содержались предложения ОГПУ конкретно по каждой из буддийских стран. В отношении Тибета главной задачей, как и два года назад, являлось установление «постоянной связи с Далай-ламой», для чего предполагалось «учредить» при нем «неофициального информатора» из числа участников буддийской делегации или же послать в Лхасу «специального человека» — инструктора по пороховому делу⁹². Петросьяном намечались и другие мероприятия с целью сближения СССР и Тибета, которые в основном повторяли пункты тибетской программы А.Ч. Чапчаева, такие как учреждение советского представительства (торгагентства) в Лань-чжоу-фу, обучение тибетской молодежи в советских учебных заведениях, создание цепочки почтовых станций от Юмбейсе до Лхасы. В отдельном разделе давались рекомендации относительно Панчен-ламы. Здесь ОГПУ в первую очередь считало необходимым выявить отношение высокого буддийского иерарха к СССР. Для этого, по мнению Петросьяна, к свите Панчена следовало приставить осведомителя — одного из просоветски настроенных авторитетных монгольских лам или князей⁹³.

Советской разведке действительно удалось внедрить такого осведомителя в окружение Панчен-ламы. Это был опытный разведчик-монгол, бывший лама, в прошлом не раз выполнявший подобные поручения, которые ему давал лично Сухэ-Батор. «Этот отважный разведчик,— пишет Э.К. Колбнев,— смог добиться того, что панчен-богдо назначил его руководителем центра по осуществлению связи с [его] эмиссарами, нелегально работавшими на территории Монголии. В результате было налажено регулярное получение ценнейшей достоверной информации, позволявшей разработать и

91 Там же. Л. 62.

92 Там же. Л. 69.

93 Там же.

осуществить целую серию острых оперативных мероприятий по развалу и ликвидации выпестованной японцами организации панчен-богдо»⁹⁴. Каких-либо подробностей этих операций Колбенов, разумеется, не приводит.

Осенью 1928 г., на заключительном этапе формирования буддийской делегации и подготовки ее к отъезду, у СТО (Совет труда и обороны), однако, неожиданно возникли трудности с финансированием поездки, о чем заместитель председателя этой организации Я.Э. Рудзутак довел до сведения Политбюро⁹⁵. В результате было принято решение отложить поездку делегации в Тибет на неопределенный срок⁹⁶, по крайней мере до весны 1929 г. Представителям же буддистов (Доржиеву и Тепкину) пересмотр решения объяснили внешними обстоятельствами — чумой в Монголии и волнениями в Китае, делавшими опасным проезд делегации по территории этих стран. Но, возможно, главная причина была в другом — НКВД и ОГПУ, в конце концов, стало известно о «двойной игре» Доржиева и Тепкина. Такой поворот событий, однако, не устраивал лидеров обновленцев, являвшихся одновременно и официально признанными представителями Тибета в СССР. Получив отрицательный ответ из НКВД, Доржиев предпринял в конце 1928 г. шаги к отправке в Тибет нелегально трех калмыков, первоначально включенных в состав буддийской делегации (Ч. Очиров, А. Санджиев и Б. Амулангов), которым поручалось проинформировать Далай-ламу о действительном положении советских буддистов. Но монгольские власти арестовали эмиссаров Доржиева еще до того, как они покинули Улан-Батор.

Несмотря на эту неудачу, Доржиев и Тепкин спустя некоторое время опять обратились в НКВД к Л.М. Карахану, ходатайствуя о разрешении послать в Тибет, по крайней мере, одного представителя советских буддистов. Карахан, однако, их просьбу отклонил, мотивируя это «нецелесообразностью» посылки такого агента зимой⁹⁷. В дальнейшем, в 1929–1930 гг., Доржиев и Тепкин неоднократно обращались в НКВД с той же просьбой, но всякий раз, под тем или иным предлогом, получали отказ. Не добились они удовлетворительного ответа и на свое ходатайство во ВЦИК о пересмотре

94 [Колбенов Э.К.]. Первые зарубежные партнеры // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2 (1917–1933 гг.). М., 1996. С. 266.

95 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 87. Записка Я.Э. Рудзутака в Политбюро, 29 октября 1928.

96 РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 709. Протокол № 47 заседания Политбюро ЦК от 18 октября 1928.

97 АМБ РК. Д. 940-р, л. 55.

«возрастной нормы» для хувакаков (подавалось дважды — летом 1928 г. и в январе 1929 г.). По всей видимости, в Москве, в конце концов, оставили идею «воздействия» на Далай-ламу через лам-обновленцев, тем более что само обновленческое движение, практически, сошло на нет на рубеже 1930-х.

Отказавшись от посылки к Далай-ламе буддийской делегации или, по крайней мере, одного делегата от лам-обновленцев, Москва тем временем отправила в Лхасу своего человека. По сведениям британской разведки, осенью 1928 г. в столице Тибета появился новый советский агент — бурят по имени По-ло-те⁹⁸, также известный среди лхассцев под прозвищами «бурятский нойон» и «толстый монгол». Речь, по-видимому, идет о Булате Мухарайне. Известно, что в конце 1927 г. ВО ОГПУ запросил его характеристику у Отдела Дальнего Востока НКВД. С.С. Борисов в своём отзыве охарактеризовал Мухарайна довольно положительно, как человека политически лояльного, толкового и общительного — он хорошо умеет налаживать «дружеские отношения» и «импонировать» монголам и тибетцам своим знанием «азиатского этикета», быта и языка. Единственным отрицательным свойством бурята являлась склонность изображать из себя «нойона» (большого человека, начальника), но этот «минус», по мнению Борисова, мог бы в известной обстановке явиться «плюсом»⁹⁹. Таким образом, вполне возможно, что именно ОГПУ и отправило Мухарайна в Тибет под видом торгового агента, воспользовавшись тем, что Далай-лама разрешил СССР заниматься торговлей на территории Тибета. Если верить британской разведке, то Мухарайн пробыл в Лхасе до 21 февраля 1930 г., т. е. почти полтора года. О результатах его поездки нам ничего не известно. Согласно донесениям сиккимского резидента Дж.Л. Уиера, По-ло-те неоднократно встречался с Далай-ламой и, как кажется, сумел произвести на него благоприятное впечатление. Он также нанес ряд визитов тибетским сановникам, но особенно часто По-ло-те видели в Дрепунгском монастыре, где проживал его помощник, монгол по имени Цультим¹⁰⁰. Одним из главных информаторов Уиера являлся Хан Сахиб Файзула, глава ладакских торговцев в Лхасе, с которым Мухарайн, очевидно, также свел знакомство.

98 ОЮС: L/P&S/11/277. Конфиденциальное письмо «сиккимского резидента» Дж. Уиера индийскому правительству от 6 ноября 1929 г. См. также: L/P&S/10/1113. P. 84-85 (Note on the Soviet Agent in Lhasa).

99 АВПРФ. Фонд «Референтура по Монголии» (0111), оп. 8, пор. 52, пап. 122, л. 105.

100 ОЮС: L/P&S/10/1113. P. 84-88.

Слева направо: А. Доржиев, Д. Норбоев, Ш. Тепкин, 1931. Архив А.А. Терентьева.

К организации этой поездки, вероятно, был также причастен и П.М. Никифоров, использовавший Мухарайна ранее для обследования торговых рынков Кукунора и Цайдама. Успех советской политики в Тибете сам Никифоров напрямую связывал, прежде всего, с развитием взаимовыгодных торгово-экономических отношений между двумя странами. В 1929 г., уже в качестве председателя Госплана в Средней Азии, он задумал организовать научно-торговую экспедицию в Тибет для обследования сырьевых, преимущественно шерстяных, районов в северо-западной и центральной части страны (шерсть была основной статьёй тибетского экспорта). Кроме этого экспедиции предстояло заняться поиском доступных автомобильных путей между Западным Китаем и Лхасой, географическим и геологическим обследованием малоизученных областей Тибета, а также «наброской» возможных воздушных путей в Тибет¹⁰¹. (Идея воздушного сообщения между Улан-Батором и Лхасой особенно занимала в эти годы П.К. Козлова.) Все прежние русские научные экспедиции в Тибет, включая экспедиции Пржевальского, Цыбикова и Козлова, Никифоров оценивал довольно негативно, поскольку, с его точки зрения, они не уделяли достаточного внимания экономике страны. «Единственно правильной и реальной связью нашей с Тибетом, — писал Никифоров в проекте докладной

101 РГАСПИ. Ф. 144, оп. 1, д. 42, л. 5 об. П.М. Никифоров. Материалы и записи по научно-торговой экспедиции в Тибет.

записки по организации экспедиции,— может служить установление неофициальной, на первых порах, торговой связи с тибетским рынком, т. е. необходимо под фирмой частных лиц, купцов, начать проникновение с нашими товарами на тибетский рынок. На основании заявления Далай Ламы нашему агенту Чапчаеву нужно полагать, что наши торговые операции встретят в Тибете со стороны тибетского правительства благоприятное отношение...»¹⁰². СССР, по мнению Никифорова, мог бы экспортировать из Тибета прежде всего различные виды сырья — шерсть, ячью кожу и волосы, тибетские мерлушки и в большом количестве пушнину таких животных, как сурок, тигр, волк, лисица, леопард, дикая кошка, рысь, а также лучшие «сорта» золота индийского национального банка¹⁰³. Что касается советского импорта в Тибет, то среди «товаров», наиболее необходимых тибетцам, Никифоров называет слитковое золото и серебро, выделанную кожу, парчу и шелк, карманные часы, перочинные ножи, разноцветные камни и, конечно же, русское стрелковое оружие — винтовки, револьверы, наганы, браунинги с боеприпасами¹⁰⁴.

Говоря об организации торговых операций в Тибете, Никифоров предлагал использовать в этих целях прежде всего буддистов-паломников. По его оценке, ежегодно из СССР и МНР в Тибет прибывает около 10 тысяч богомольцев. Некоторые из них остаются там на всю жизнь, другие живут годами, однако большинство паломников возвращаются на родину. Эти люди могли бы стать «могучим орудием» советского влияния в Тибете, если их использовать в качестве «торгово-заготовительного аппарата и пропагандиста среди тибетцев». Дальнейшую же посылку политической агентуры в Тибет «в прежнем порядке» Никифоров считал «бесплодной» и «ненужной», поскольку предшествующие поездки в Лхасу «секретных политических агентов» Борисова и Чапчаева практических результатов не дали¹⁰⁵.

22 сентября 1929 г. Никифоров подал в Политбюро докладную записку, в которой призывал руководителей Советского государства активизировать политику в Тибете: «Я считаю, что настало время отказаться нам от политики сохранения “равновесия” в Тибете и что пора перейти к политике активной, тем более что

102 Там же. Л. 7, 8. Проект докладной записки П.М. Никифорова.

103 Там же. Л. 18.

104 Там же. Л. 11.

105 Там же. Л. 10.

Англия равновесие это фактически давно нарушила. Для нашей активности в Тибете имеется большое поле: сырьевые рынки обладают достаточной мощностью и, несомненно, представляют для нас даже с экономической точки зрения огромный интерес»¹⁰⁶. Экономическое проникновение в Тибет Никифоров предлагал совершить с территории провинции Ганьсу, изолированной от иностранного влияния как со стороны Центрального Китая, так и со стороны Британской Индии и в то же время открытой «для наших торговых и политических, в настоящее время нелегальных, а в дальнейшем полулегальных и легальных мероприятий». Обосновавшись в Ганьсу, советские торговые агентства сравнительно легко могли бы распространять оттуда своё влияние и на Тибет, к его сырьевым рынкам, «где мы должны во что бы то ни стало экономически закрепиться». При этом Никифоров был убежден, что в осуществлении этой задачи англичане («наши противники») не смогут оказать СССР какого-либо сопротивления, политического или экономического, ибо влияние Англии через её «колониальных купцов» распространяется в основном на южную часть Тибета (область Цан). Закрепившись же в Тибете, «мы будем обладать такой позицией в Центральной Азии, откуда нам всего легче вести наблюдение за колониальной деятельностью Англии и откуда мы можем с помощью нашего бурятского ламства проникнуть в приграничные с Тибетом английские владения»¹⁰⁷. Предложения Никифорова, однако, не получили поддержки в Политбюро.

В конце 1920-х в Москве рассматривался и ряд других тибетских проектов научного и культурно-просветительного характера (предложены Н.И. Вавиловым, П.К. Козловым и Б.Б. Барадийном), которые в конечном счёте должны были содействовать сближению СССР и Тибета. Так, например, известный ботаник-селекционер Н.И. Вавилов хотел получить из Тибета образцы семян растений, возделываемых в плодородных долинах Южного Тибета, и со своей стороны предложил послать Далай-ламе коллекцию семян и растений, выращиваемых в СССР¹⁰⁸. П.К. Козлов собирался организовать новую экспедицию в Тибет для исследования верховьев реки Янцзы (Мур-усу) — «последнего белого пятна на карте Азии»¹⁰⁹. А Б.Б. Барадийн, глава Ученого комитета Бурят-Монголь-

106 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 90.

107 Там же.

108 ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 88, лл. 98-105.

109 ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 11, лл. 8-10; см. также: Юсупова Т.И. Неосуществленная мечта П.К. Козлова // Природа. 2003. № 9. С. 52-56.

ской республики, планировал направить в Тибет «культурно-научную» экспедицию, которая, в частности, должна была заняться оспопрививанием и санитарно-гигиеническим просвещением среди тибетцев¹¹⁰. Ни один из этих проектов, однако, не удалось осуществить. Таким образом, поездка Б. Мухарайна в Тибет (если она действительно состоялась) явилась последним контактом Москвы с Лхасой. На этом отношения между двумя странами окончательно прерываются.

Основной причиной, приведшей к свертыванию советско-тибетского диалога, вероятно, следует признать радикальные изменения во внутренней политике СССР, прежде всего переход к форсированной коллективизации, следствием которой стали массовые репрессии против бурятского и калмыцкого буддийского духовенства в 1930–1931 гг., в частности арест ряда лиц, лично известных Далай-ламе, таких как Ш. Тепкин, Г. Саперов, Д. Мункужапов. В этой обстановке дальнейшие отношения с Лхасой стали невозможными, тем более что нерешенным оставался вопрос о хувараках, более всего беспокоивший Далай-ламу, ибо от его решения зависело само существование буддийской конфессии в России.

Другой причиной была, по-видимому, смена внешнеполитического курса страны. В 1930 г. ушел в отставку «ленинский нарком» Г.В. Чичерин, долгие годы придерживавшийся ориентации на Германию, и во главе НКВД становится его давнишний соперник М.М. Литвинов¹¹¹, сторонник сближения СССР с Англией, Францией и США. Литвинов, фактически, руководил НКВД уже с 1928 г., когда Чичерин уехал на лечение в Германию. В связи с курсом на улучшение англо-советских отношений Москве пришлось отказаться от активной политики в Тибете. Советская дипломатия решила не продолжать «тибетскую игру», очевидно осознав бесперспективность дальнейшей борьбы с Лондоном за влияние в Тибете.

Наконец, следует отметить еще одну причину — поражение китайской революции. «Контрреволюционный» переворот Чан Кайши в апреле 1927 г. разрушил надежды Кремля на приход революции из Китая в Тибет. В дальнейшем, в начале 1930-х, нанкинское

110 Бурятский научный центр СО РАН. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии. Ф. 7, оп. 1, д.38, лл. 1-7.

111 См.: Соколов В.В. Неизвестный Г.В.Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 4-5; Он же. Литвинов – поборник коллективной безопасности // Исторические портреты. М., 1993. С. 207.

(чанкайшистское) правительство добилось определенных успехов в попытке завязать дружественный диалог с Лхасой, что практически оставляло Москве, предавшей анафеме своего недавнего друга Чан Кайши, мало шансов.

Несмотря на изменившиеся внешнеполитические приоритеты, в Восточном отделе НКВД — так же, как, вероятно, и в ВО ОГПУ и Разведупре Штаба РККА — продолжали пристально следить за развитием ситуации в Тибете и вокруг него. Смерть Далай-ламы в конце 1933 г. неожиданно вызвала новый всплеск интереса к этой стране у советского руководства. В советской печати появились интригующие сообщения, в которых со ссылкой на китайскую и английскую прессу говорилось, например, о решении тибетского правительства передать верховную власть в стране Панчен-ламе, о намерении последнего вернуться в Тибет при условии, если нанкинские власти предоставят ему военный эскорт, а также о «новых интригах» Англии, отправившей в Лхасу своего прежнего агента Ч. Белла¹¹². Белл действительно побывал в Тибете летом 1934 г. Однако новое тибетское правительство не допустило его в Лхасу, желая тем самым показать, что оно не стремится возобновлять прежние отношения с англичанами. В то же время тибетскую столицу в 1934 г. посетила китайская делегация генерала Хуан Мусонга, отправленная Чан Кайши формально для выражения соболезнования тибетцам, но фактически для налаживания отношений с Лхасой¹¹³. В целом ситуация в Тибете после кончины XIII Далай-ламы рассматривалась Москвой в контексте развернувшейся борьбы за власть между двумя основными политическими группировками — англофильской и китаефильской. Особенно большое внимание уделялось инциденту, имевшему место в Лхасе в 1934 г. «Англофил» и «близкий друг покойного Далай-ламы», главнокомандующий тибетской армии Лунгшар собирался провести административную реформу в стране, но был смещен со своего поста в результате «дворцового переворота», приведшего к власти «ламскую партию», стремящуюся не допустить осуществление этой реформы. Отсюда делался вывод, что нанкинское правительство, поддерживающее тибетских лам-китаефилов, стремится «восстановить свой контроль над Тибетом», но этим надеждам едва ли суждено сбыться, «до тех пор, пока Британия является империа-

112 Известия. 1933. 23 и 26 декабря; Правда. 1933. 28 декабря.

113 Song Liming. General Huang Musong's Mission to Lhasa and the Sino-Tibetan Negotiations in 1934 // Tibetan Studies. Proceedings of the 7th Seminar of the IATS, Graz 1995. Vol. II. Wien, 1997. P. 903-916.

листическим государством, а Британская Индия — империей...». Москва также довольно остро прореагировала на смерть Панчен-ламы в 1937 г., случившуюся в то время, когда он уже находился на пути в Тибет. Китаефил Панчен-лама, согласно толкованию советских политологов, должен был занять место почившего Далай-ламы до совершеннолетия его нового, 14-го, перерождения, однако «это было совершенно не в интересах Англии», и поэтому с её стороны были приняты «быстрые и решительные меры к упразднению Панчена»¹¹⁴. Таким образом, в интерпретации тибетских событий в СССР сохранялся всё тот же упрощенно-схематичный и крайне идеологизированный подход.

Сам XIII Далай-лама, насколько известно, вплоть до своей кончины не предпринимал попыток реанимировать прервавшийся диалог с СССР. В своем политическом завещании, составленном в 1932–1933 гг., он с нескрываемой неприязнью писал о «красной идеологии», приведшей к полному уничтожению буддизма во Внешней Монголии, называя ее «худшим из пяти видов упадка, присутствующих нашему времени»¹¹⁵. В то же время неутомимый Доржиев продолжал добиваться от НКВД разрешения на посылку в Лхасу представителя буддийского духовенства для поддержания религиозной связи с Далай-ламой. Доржиев был убежден, что глава Тибета, если ему станет известно о тяжелом положении буддистов в СССР — о закрытии монастырей и арестах лам в Бурят-Монголии и Калмыкии, смог бы повлиять на советское правительство, направив Кремлю «соответствующее письмо протеста». Но из этого ничего не вышло, а после ареста в 1931 г. Мункужапова и Тепкина стало ясно, что дальнейшая связь с Далай-ламой через Наркоминдел невозможна. В результате в 1932 г. Доржиев отправил в Лхасу, уже без согласования с НКВД, собственную делегацию, состоявшую из шести человек — троих бурят (ламы Эгитуевского дацана) и троих калмыков. Однако его эмиссары были арестованы при переходе монгольской границы, ставшей к тому времени непроходимой для советских буддистов¹¹⁶.

Активность Доржиева не могла не раздражать Москву, особенно его публичные проповеди в дацанах, по которым он много разъ-

114 Ферестанов Д. Английский империализм в Тибете // На зарубежном Востоке (Ташкент). 1934. № 2. С. 79; Панчен-Богдо и его контрреволюционная деятельность // Современная Монголия. 1937. № 3. С. 73-75. См. также: Известия. 1934. 8 июня (Арест англофилов в Тибете); Гулам Мирза. Наступление английского империализма в Тибете и Западном Китае // На зарубежном Востоке. 1933. № 3-4.

115 Bell Ch. Portrait of a Dalai Lama... P. 430.

116 АМБ РК. Д. 27681, л. 55.

езжал в начале 1930-х, и тесные связи с «контрреволюционным» бурятским и калмыцким духовенством. Уже в феврале 1931 г. во время очередного посещения НКИД помощник заведующего ОДВ С.С. Борисов заявил «тибетскому представителю», что «он переходит рамки, установленные для дипломатов, и занимается восставлением населения Бурятии против Советской власти», и потребовал, чтобы Доржиев прекратил свою агитацию и переехал на постоянное место жительства в Ленинград¹¹⁷. Подчинившись требованию НКИД, Доржиев, однако, продолжал негласно, из своей резиденции при буддийском храме в Ленинграде, руководить высшим бурятским и калмыцким духовенством и одновременно выполнять функции «полномочного представителя Тибета в СССР». В 1932 г. он формально воссоздал уже ненужную властям «Тибето-Монгольскую миссию в СССР», а в конце 1933 г. обратился с заявлением к председателю ЦИК М.И. Калинину, в котором вновь поднял вопрос о хуараках. «В настоящее время у прибывающих в Тибет лиц,— писал Доржиев,— Далай-лама осведомляется о положении дела. Как верховный глава буддистов он не может относиться безучастно к судьбе буддистов в пределах СССР. Поэтому лишение впредь буддистов возможности свободного удовлетворения своих духовных запросов за отсутствием надлежаще обученных людей не может не повлиять отрицательно на дружественные отношения между Тибетом и СССР»¹¹⁸.

Тем временем в Бурятии и Калмыкии продолжала усиливаться антирелигиозная (антибуддийская) кампания — повсеместно закрывались дацаны и хурулы, их имущество (книги, иконы и прочие буддийские реликвии) варварски уничтожалось, проводились аресты «контрреволюционного» ламства. Весной 1935 г. в Ленинграде также была арестована группа лам, проживавших при буддийском храме. Осознав бесполезность продолжения диалога с властями, 1 сентября 1936 г. Доржиев добровольно сложил с себя полномочия «официального представителя» Тибета при Советском правительстве «ввиду преклонного возраста», о чем уведомил дипагента в Ленинграде Г.И. Вайнштейна¹¹⁹. Это его решение ускорило развязку — уже в следующем году НКВД арестовал всех ос-

117 Справка Управления КГБ СССР по Ленинградской области в Советский фонд культуры (Ленинградское отделение) от 14 февраля 1990 г. С. 2. Личный архив автора. См. также: показания Тепкина. АМБ РК. Д. 940-р, л. 57.

118 ГАРФ. Ф. 5263, оп. 1, д. 131, л. 8. Заявление Доржиева датировано 31 октября 1933.

119 АВППФ. Ф. 100, оп. 19, пап. 19, д. 26, лл. 9-10. Текст политического завещания А. Доржиева опубликован в кн.: Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. С. 195-197.

тальных лам и других подозрительных лиц, сотрудников «контрреволюционной» Тибето-Монгольской миссии. 13 ноября 1937 г. в своём доме при Ацагатском дацане был арестован и глава миссии, А. Доржиев. Следствие обвинило его по печально известной 58-й статье УК РСФСР (пункты 1а, 2, 8, 9, 11)¹²⁰, и в ходе единственного допроса, состоявшегося 26 ноября, бывший тибетский дипломат «сознался», что является одним из руководителей «контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческо-шпионской организации»¹²¹. На другой день Доржиева перевели из камеры в тюремную больницу, где он и скончался от паралича сердца в возрасте 84 лет 29 января 1938 г.¹²²

Агван Доржиев. Фото из архивно-следственного дела А. Доржиева. Архив министерства безопасности Республики Бурятия.

120 Справка Управления КГБ СССР... С. 1.

121 Архив Министерства безопасности Республики Бурятия (АМБ РБ). Д. 2768, лл. 31-31 об.

122 Там же. Л. 182. Справка о смерти А. Доржиева. Доржиева реабилитировали в 1957 г.

Глава 6

После Большой игры: Тибетский вопрос в советско- германских, советско- китайских и российско- китайских отношениях

6.1. Переговоры с нацистской Германией: операции «Аманулла» и «Тибет», 1939 – 1940

После того как СССР на рубеже 1930-х прервал отношения с Тибетом, советское правительство лишь однажды напрямую столкнулось с тибетским вопросом. Произошло это в конце 1939 г., вскоре после подписания советско-германского пакта о ненападении, когда нацистская Германия попыталась привлечь СССР к реализации её планов по дестабилизации обстановки на северной и северо-западной границе Индии. Речь идет о двух секретных диверсионных операциях под кодовыми названиями «Аманулла» и «Тибет», разработанных германским МИД совместно с Абвером, с целью подрыва британского господства в этой стране¹. Цель операции «Аманулла» состояла в восстановлении на троне свергнутого в 1929 г. афганского эмира Амануллы-хана и последующем использовании его для поднятия антибританского восстания племен (в основном пуштунских) вдоль индо-афганской границы. Её главным разработчиком был Вернер фон Хентиг — один из руководителей германской миссии 1915–1916 гг. в Афганистан, имевшей, по сути, те же самые цели, ныне начальник ближневосточного отдела МИД. Хентиг, между прочим, рассчитывал посредством своего проекта не только развернуть подрывные действия против Британской Индии, но и привлечь Россию к более тесному военному сотрудничеству с Германией, чтобы «Гитлер более не помышлял о войне на два фронта»².

Что касается операции «Тибет», то она, по замыслу её автора немецкого натуралиста, путешественника-исследователя Тибета и одновременно штурмбанфюрера СС Эрнста Шефера, сводилась к подкупу и вооружению вождей воинственных пригамалайских и тибетских племен, опять же с целью поднять их на борьбу с колониальными властями Британской Индии³. В обоих случаях

1 Тихонов Ю.Н. Афганская война Третьего Рейха: НКВД против Абвера. М., 2003. С. 80-83; Он же: Абвер в Афганистане // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 5. С. 13; № 6. С. 13. См. также: Hauner Milan. India in Axis Strategy. Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart, 1981. P. 159-167.

2 Hauner M. India in Axis Strategy. London; Stuttgart, 1981. P. 162. Цитата взята из «Записок» (Aufzeichnungen) Хентига: Institut für Zeitgeschichte (Munich). ED 113/2. S. 31.

3 О Э. Шефере, его сотрудничестве с нацистами и экспедиции СС в Тибет в 1938–1939 гг. см.: Engelhardt Irsun. Tibetan Triangle: German, Tibetan and British Relations in the Context of Ernst Schäfer's Expedition, 1938–1939 // Asiatische Studien. Zeitschrift der Schweizerischen Asiengesellschaft. 2004. T. LVIII. № 1. F. 57-113; Idem. The Ernst-Schaefer-Tibet-Expedition (1938–1939): New Light on the Political History of Tibet in the First Half of the 20th Century // Tibet and her Neighbours: A History. London, 2003. P. 187-195. См. также: Демиденко М.И. По следам СС в Тибет. СПб., 2004 (2-е изд.). С. 179-180, 288-294, 309-315; Ch. Hale. Himmler's Crusade. The True Story of the 1938 Nazi Expedition into Tibet. London; Sydney; Auckland, 2003. P. 310-311.

Германии требовалось содействие СССР, поскольку проникновение в Афганистан и Тибет предполагалось осуществить кратчайшим путем через советскую территорию (Восточный Туркестан). В целом нельзя не отметить, что задуманные нацистами операции поразительным образом напоминали планы большевистских вождей в 1919 г.: нанесение двойного удара по Индии — с северо-запада, через Афганистан, и с севера, через Тибет и Гималаи.

В сентябре 1939 г., фактически сразу же после начала второй мировой войны, в ведомстве И. фон Риббентропа состоялось особое совещание для обсуждения этих операций. На этом совещании Шефер, совершивший к тому времени три больших путешествия по Тибету, предложил Риббентропу организовать весной 1940 г. еще одну экспедицию, через территорию СССР, а также заявил, что готов подготовить в двухлетний период тибетские горные племена к выступлению против Индии. Осуществить эту акцию Шефер собирался в духе Лоуренса Аравийского — с помощью маленькой группы германских командос, снабженной значительными денежными средствами. Лишь на более поздней стадии (приблизительно в 1941 г.), по его мнению, следовало отправить настоящую военную экспедицию в Тибет для организации ряда диверсий против Британской Индии. Риббентроп, однако, не хотел ждать и предпочитал начать действия против Индии с территории Афганистана, используя методы партизанской войны — при поддержке СССР⁴.

Российский историк Ю.Н. Тихонов, рассказывая о тибетском проекте Шефера, отмечает, что его реализация предусматривала три этапа. На первом к осени 1939 г. в Тибет были заброшены три германских агента с крупной суммой денег. На втором этапе планировалось отправить в Тибет через Афганистан отряд численностью в 10–30 человек, каждый из которых имел бы пулемет и автомат. Цель этой группы заключалась в подкупе вождей тибетских (или гималайских) горных племен, для чего агентов собирались щедро снабдить афганской, индийской и британской валютой до трёх миллионов рейхсмарок. И, наконец, на последнем этапе (в 1941 г.) Шефер намеревался организовать при содействии СССР «научную экспедицию» из 200 офицеров и унтер-офицеров СС, прошедших спецподготовку. Эта экспедиция, сформированная на специально

4 Hauner M. *India in Axis Strategy*. P. 161. См. также: Hedin Sven. *German Diary 1935–1942*. Dublin, 1951. P. 122.

созданной базе СС в одной из среднеазиатских республик СССР, должна была доставить для племен Тибета и северных районов «независимой» полосы Британской Индии крупную партию оружия, включая минометы⁵. Но такой план, строго говоря, принадлежал не Шеферу, а руководству МИД и Абвера. Сам же Шефер, насколько известно, был противником посылки в Тибет большой экспедиции. По его первоначальному замыслу, в эту горную страну с территории Китайского Туркестана следовало послать трёх человек на предварительном этапе (для рекогносцировки путей в Тибет) и затем основной экспедиционный отряд из 7–12 человек⁶. Большая экспедиция могла бы спровоцировать вооруженное столкновение с воинственными тибетскими племенами, как это случилось в своё время с Н.М. Пржевальским.

13 сентября 1939 г. германский посол в Москве граф Вернер фон Шуленбург получил инструкцию из Берлина от директора политического департамента МИД Ворманна — осторожно прозондировать позицию советского правительства в отношении восстановления на троне Амануллы-хана. При этом в отправленной послу телеграмме отмечалось, что в прошлом (в 1929 г.) советские вожди Сталин и Ворошилов оказывали «усиленную поддержку» бывшему эмиру — «снабжали его оружием, лошадьми и предлагали (послать на помощь) авиацию»⁷. Дипломатическое зондирование Шуленбурга оказалось успешным. Министр иностранных дел В.М. Молотов (сменил на этом посту М.М. Литвинова в начале 1939 г.) сообщил послу, что советское правительство не имеет «принципиальных возражений» против посылки Амануллы-хана в Афганистан, а Шефера в Тибет, но окончательное решение будет зависеть от того, каким образом Берлин планирует осуществить эти акции. Поэтому он просил предоставить ему более детальную информацию по данному вопросу. Молотов также дал понять Шуленбургу, что Аманулла и Шефер, «конечно же, должны будут передвигаться по советской территории инкогнито»⁸.

В результате 12 декабря 1939 г. германское министерство иностранных дел поручило своему сотруднику, эксперту по Восточной Европе П. Кляйсту, ведение дальнейших переговоров с Кремлем.

5 Тихонов Ю.Н. Афганская война Третьего Рейха... С. 86. См. также: Демиденко М.И. По следам СС в Тибет. С. 311–312.

6 Письменное сообщение И. Энгельхардт, 2004.

7 Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Series D (1937–1945). Vol. 8. London, 1961–1964. См.: Doc. № 60.

8 Ibid. Doc. № 369, 376 (донесения Шуленбурга в германский МИД от 18 и 20 ноября 1939).

Кляйст прибыл в Москву в середине декабря и имел ряд конфиденциальных бесед с В.М. Молотовым. Он предложил советской стороне принять участие в операции «Тибет» путем предоставления Шеферу конвоя из офицеров НКВД. Молотов вновь выразил готовность поддержать германские планы, при условии, однако, что ему будет предоставлена информация о «базе операции и методах её проведения». Только в этом случае, заявил он, можно будет подробно рассмотреть «идею отправки Шефера и Афганца в Москву»⁹. (Такой информации Кляйст не смог предоставить Молотову во время своего визита, поскольку не был посвящен своим руководством в детали обеих операций.) Риббентроп и шеф Абвера адмирал Канарис были крайне недовольны уклончивым ответом Молотова. Тем временем против операции «Аманулла» выступил глава внешнеполитического отдела НСДАП А. Розенберг, опасавшийся, что возвращение бывшего эмира может вызвать гражданскую войну в Афганистане и заставит нынешнего правителя страны Захир-шаха искать союза с Великобританией. Своё мнение он изложил в докладной записке на имя фюрера, который согласился с доводами Розенберга и отклонил (в самом конце декабря) план реставрации Амануллы.

Иначе обстояло дело с операцией «Тибет». Германский МИД и Абвер решили продолжить переговоры с СССР, для чего в феврале 1940 г. Кляйст был вновь отправлен в Москву. Именно к этому времени, по-видимому, и относится появление плана большой германской экспедиции в Тибет, состоящей из 200 эсэсовцев и 3000 вьючных животных¹⁰. Однако встретиться с Молотовым немецкому дипломату на этот раз не удалось. По сведениям германских дипломатических источников, Кляйста принял начальник германского отдела МИД некто Александров, которому Кляйст сообщил, что «афганское дело не является неотложным». Когда же речь зашла о тибетской экспедиции, то Александров тут же заявил, что это должна быть «научная экспедиция» и что в этом случае у Германии не будет никаких трудностей. Кляйст попытался объяснить своему собеседнику, что германская сторона желает лишь получить разрешение на транзитный проезд через территорию СССР и, по-возможности, также предоставление соответствующих «рекомендаций» китайским властям. При этом он добавил,

⁹ Ibid. Doc. № 965 (донесение Кляйста и Шуленбурга от 18 декабря 1939).

¹⁰ Такой план П. Кляйст изложил в докладной записке руководству германского МИД от 15 января 1940 (сообщение И. Энгельгардт).

что экспедиция «будет носить чисто научный и дипломатический характер». В ответ на это Александров вновь заверил Кляйста, что он лично не видит каких-либо трудностей для осуществления подобных планов¹¹.

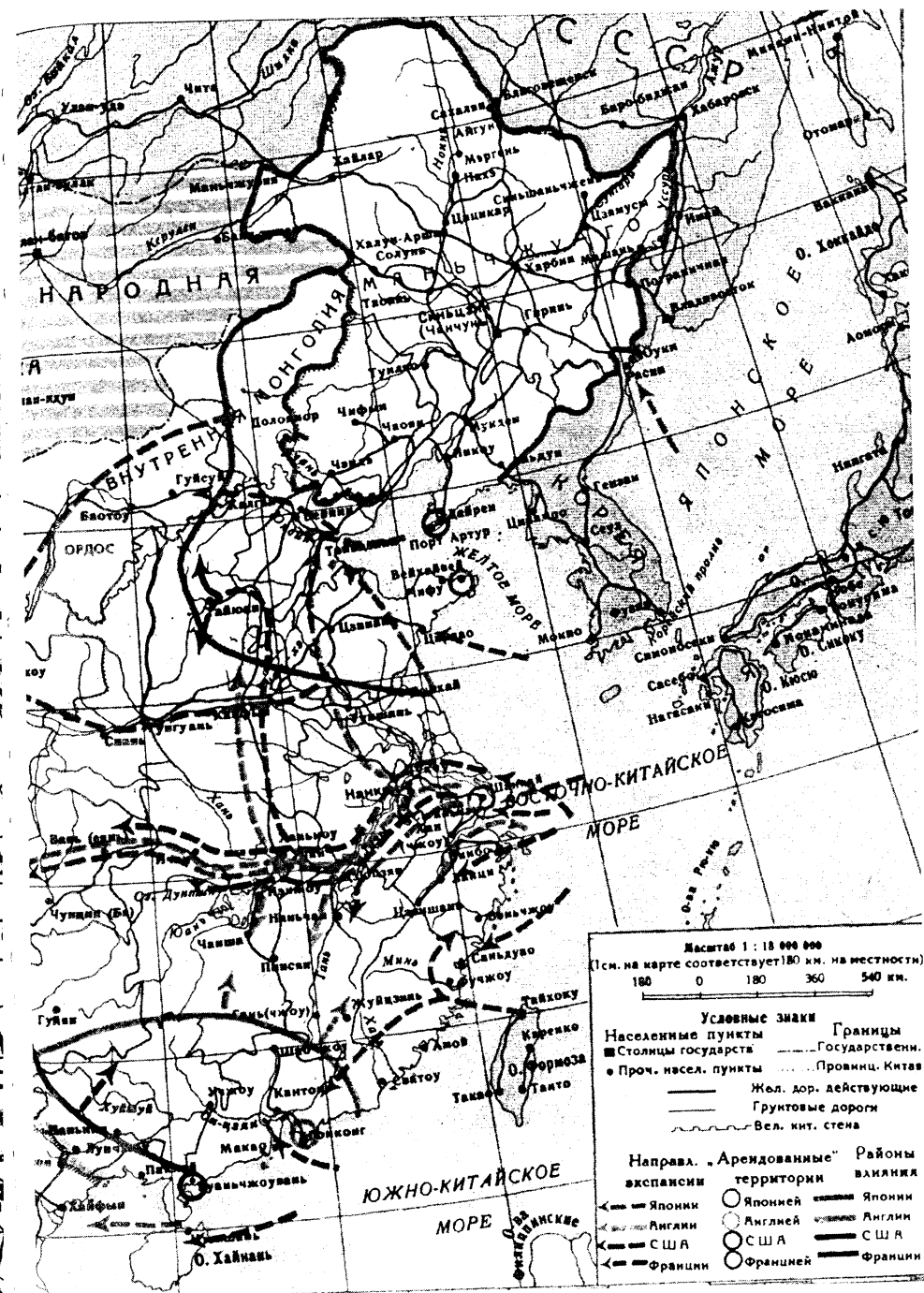
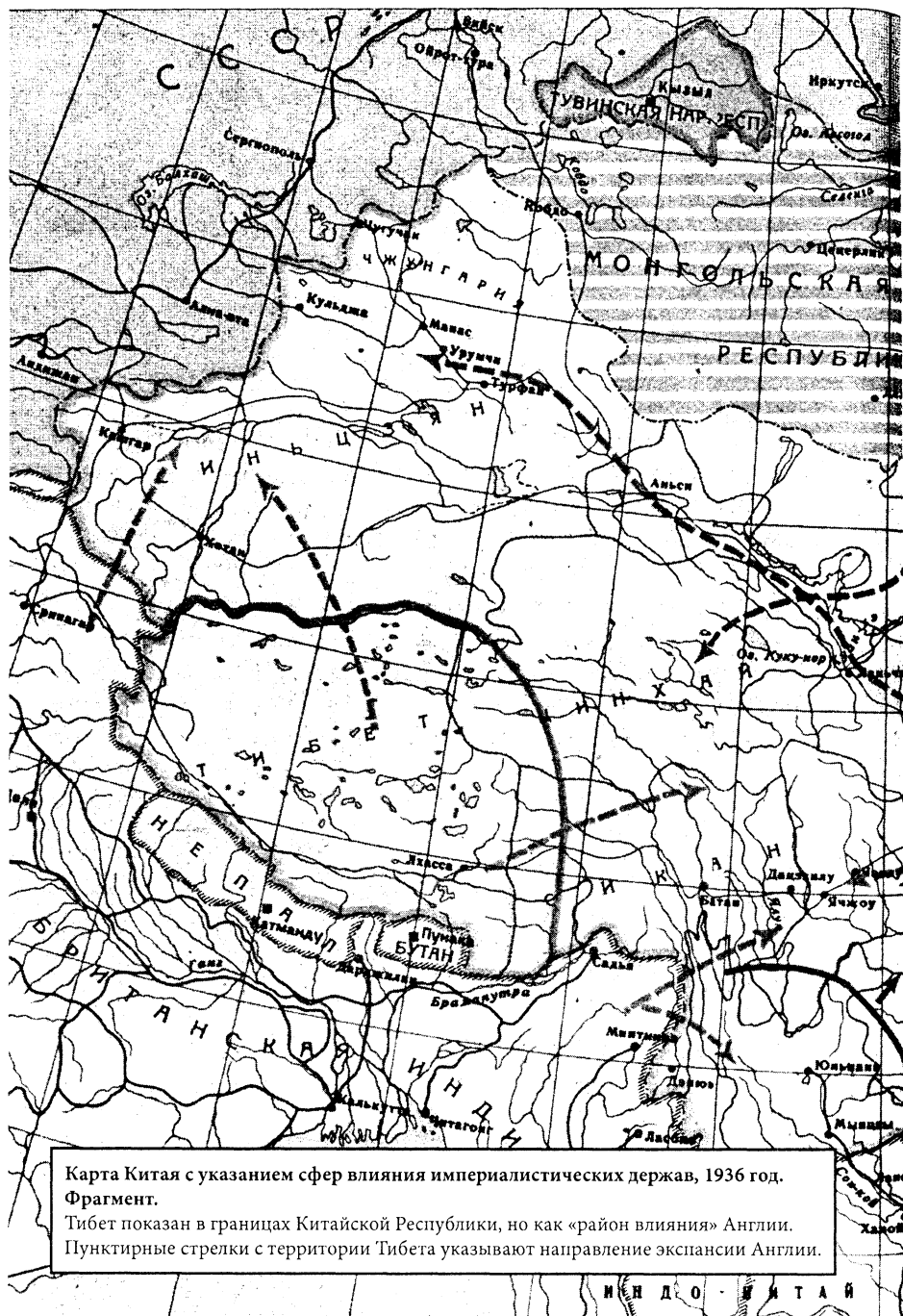
Таким образом, Берлин в начале 1940 г. формально получил согласие Москвы на проведение операции «Тибет» под видом «научной экспедиции». В этой связи возникает вопрос: насколько искренним было желание советского правительства — по сути, И.В. Сталина — оказать помощь нацистской Германии в осуществлении её антибританских диверсионных акций? Ю.Н. Тихонов считает, что переговоры с Кляйстом использовались советскими властями (советской разведкой) лишь для получения необходимой информации о планах Германии в отношении Афганистана и Индии. Операция «Тибет», утверждает он, «была выбрана руководством НКВД для сотрудничества с немцами только для отвода глаз. Она не имела больших шансов на успех, даже если бы её поддержал Советский Союз»¹². С таким выводом нельзя не согласиться: СССР, очевидно, вел двойную игру, свидетельством чего является тот факт, что Москва незамедлительно сообщила о германских планах афганскому правительству. Трудно представить себе, чтобы такой искусный политический «игрок», как Сталин, мог содействовать проникновению значительного контингента войск СС в Афганистан и Тибет, т. е. в тыл СССР, в обстановке назревающей войны с Германией.

В.М. Молотов пишет в своих воспоминаниях, что во время визита в Берлин в ноябре 1940 г. А. Гитлер пытался убедить его в необходимости «ликвидации» Англии и подталкивал СССР к вторжению в Индию через Иран. Однако советский министр раскусил хитроумный замысел фюрера: «Он (Гитлер) хотел втащить нас в авантюру, а уже когда мы завязнем там на юге, ему легче станет, там мы от него будем зависеть, когда Англия будет воевать с нами. Надо быть слишком наивным, чтобы не понимать этого»¹³. Поэтому Германии не удалось реализовать ни свой афганский, ни, тем более, тибетский проекты. В начале 1941 г. Кляйст попытался вновь посетить СССР, но ему было отказано в визе.

11 Донесение Кляйста в МИД Германии от 14 февраля 1940 (сообщение И. Энгельхардт).

12 Тихонов Ю.Н. Афганская война... С. 91.

13 Сто сорок бесед с В.М. Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 23, 25-27.

6.2. СССР и китайская аннексия Тибета

1930–1940-е годы были временем чрезвычайно бурных событий на азиатском континенте, особенно в Китае. Противостояние двух главных политических сил в стране — правящей гоминьдановской партии (ГМД) во главе с Чан Кайши и коммунистической партии Китая (КПК), возглавляемой Мао Цзэдуном, привело к длительной и кровопролитной гражданской войне, закончившейся лишь в 1949 г. В то же время Китайская Республика стала объектом широкомасштабной агрессии милитаристской Японии, которая после оккупации Маньчжурии начала (в 1937 г.) открытую войну с целью захвата всего Китая. К этому надо добавить также национальную борьбу в Синьцзяне, приведшую к двум крупным восстаниям (в 1931–1934 и в 1944) и созданию независимого китайско-дунганского государства (1-ой и 2-ой Восточно-Туркестанской Республики).

СССР на протяжении этих двух десятилетий проводил довольно непоследовательную и двойственную по своим целям политику в отношении Китая. С одной стороны, Москва активно поддерживала гоминьдановский режим, поскольку он вел борьбу с Японией, представлявшей угрозу не только для Китая, но и для Советского Союза, а с другой стороны, — китайских коммунистов, боровшихся за власть с чан-кайшистским Гоминьданом. По мнению А.М. Ледовского, Москва не хотела выступать посредником между Чан Кайши и Мао Цзэдуном и, пока шла антияпонская война, старалась предотвратить гражданскую войну путем сдерживания одной из сторон — Гоминьдана¹⁴. В Синьцзяне же во время восстания Ма Чжунина (в начале 1930-х) советское руководство было на стороне реакционно-милитаристского правительства военного губернатора Шэн Шицяя, оказывая ему вооруженную помощь в подавлении национально-освободительного движения дунган, а в 1944 г., напротив, поддержало революционные силы и созданную ими 2-ю Восточно-Туркестанскую Республику, однако затем поспешно свернуло эту поддержку¹⁵.

К Тибету, который до конца 1940-х оставался де-факто независимым государством, Москва в эти годы не проявляла большого интереса, ибо ситуация там складывалась не в её пользу. Устране-

¹⁴ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М., 1999. С. 185.

¹⁵ Зотов О.В. «Тайная» история Синьцзяна: российский ракурс // Восток (Oriens). 2003. № 1. С. 85–87.

ние англофила Лунгшара (в 1934) с политической сцены в Лхасе привело к возвышению регента Ретинга, но шесть лет спустя он неожиданно ушел в отставку. К этому времени в Тибете появился новый, 14-й перерожденец Далай-ламы Тензин Гьяцо (родился в 1935 г. и был интронизирован в 1940 г.). Ретинга сменил Тактра-римпоче, исполнявший должность регента до конца 1950 г., когда юный Далай-лама взял в свои руки бразды правления страной. Этот десятилетний период был ознаменован ожесточенной борьбой между партиями бывшего и нового регента, едва не приведшей к гражданской войне. В годы правления Тактры начались поиски нового перерождения Панчен-ламы, в результате которых в 1944 г. были найдены три претендента — двух ламы Ташилхумпского монастыря отыскали в Каме, и еще один был обнаружен сторонниками почившего Панчена в Синине, столице китайской провинции Цинхай. Споры, кто из кандидатов является истинным перерождением, продолжались несколько лет и закончились тем, что 10 августа 1949 г. представитель нанкинского правительства самолично объявил «сининского кандидата», в то время обучавшегося в монастыре Гумбум, X Панчен-ламой¹⁶.

Ослабление политической власти в Лхасе послужило толчком для, практически, одновременной активизации политики Китая и Великобритании (Индии) в отношении Тибета. В 1930-е – начале 1940-х гг. (период регентства) Тибет дважды посещали делегации нанкинского (гоминьдановского) правительства — миссии генерала Хуан Мусона (1934) и председателя комитета по делам Монголии и Тибета Ву Чунсина (1939), и шестикратно — английские миссии — Ф. Вильямсона (1933, 1935) и Б. Гоулда (1936, 1937, 1940, 1944). Целью китайских миссий было возобновить диалог с Лхасой и учредить постоянное китайское представительство в тибетской столице, аналогичное представительству маньчжурского амбана. В целом Чан Кайши рассматривал Тибет как часть Китайского государства (этой же точки зрения, по сути, придерживался и Мао Цзэдун), а потому не считал нужным вступать в переговоры с англичанами для выработки какого-либо нового соглашения по Тибету взамен недействующей Симльской конвенции. Подобная принципиальная позиция китайских лидеров, очевидно, вполне устраивала Москву. Свое отношение к статусу Тибета СССР выка-

16 См. об этом: Шакабпа В.Д. Указ. соч. С. 323; Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 683-684, 760-763, 766.

зал вполне определённо на страницах Большой советской энциклопедии в 1946 г.: «По китайской конституции Тибет составляет часть Китая... В настоящее время Тибет пользуется внутренней самостоятельностью под номинальным китайским сюзеренитетом и фактическим влиянием Англии»¹⁷.

По мнению А. Лэмба, тибетская политика английского и англо-индийского правительств не претерпела сколько-нибудь существенных изменений в годы после Симлы. Лондон и Дели были готовы признать китайский сюзеренитет над Тибетом, при условии, однако, что Китай, со своей стороны, признает «местную автономию» Тибета в определенных (заранее согласованных) границах. Эта позиция позднее была четко выражена в так называемом «меморандуме А. Идена» (1943), составленном Форин оффисом совместно с министерством по делам Индии¹⁸. В то же время Великобритания пыталась расширить своё влияние в Лхасе, напуганная советской военно-политической и экономической экспансией в соседнем с Тибетом Синьцзяне. Не меньшую тревогу у британских властей вызвало и неожиданное появление в 1934–1936 гг. в Восточном Тибете частей китайской Красной Армии, совершавших «Великий поход» — перебазирование, под натиском гоминьдановских войск, из районов Центрального и Южного Китая на северо-запад страны. Китайские коммунисты установили близкие контакты с местным тибетским населением, поскольку нуждались в обеспечении себя продовольствием, одеждой и другими необходимыми вещами. Там, где Красная Армия задерживалась на долгое время, делались попытки проведения социальных реформ, создавались новые правительства, которые назывались советскими, однако они не пользовались поддержкой тибетцев. Поэтому КПК была вынуждена поменять тактику и перейти к созданию автономных тибетских правительств, в состав которых входили как представители китайской компартии и Красной Армии, так и представители тибетских трудящихся и лица из высших слоев местных тибетских общин¹⁹.

Вторжение отрядов советской Красной Армии в Синьцзян (в 1933) и проникновение в Кам китайских красноармейцев вызвали серьезное беспокойство в Лондоне и Дели, в связи с возможностью

17 Тибет // БСЭ (1-е изд.). 1946. Т. 54. Столб. 228.

18 Lamb A. Tibet, China and India, 1914-1950. P. 323-325.

19 Клинов А.С. Политический статус Тибета и позиция держав (1914 г. – конец XX в.). Майкоп, 2002. С. 286-287. См. также: Юрьев М.Ф. Красная армия Китая, 1927–1937. М., 1958. С. 157; Титов А.С. Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК. М., 1979. С. 88.

установления контактов между советскими властями в Синьцзяне и Красными Армиями в Западном Китае. Поэтому, по мнению заместителя министра иностранных дел Олафа Кэроу, «сохранение независимого и автономного Тибета, управляемого теократическими методами, вероятно, явилось бы более сильной гарантией против советского наступления к границам Индии, чем восстановление эффективного китайского контроля над Тибетом»²⁰. Кэроу призвал английское правительство расширить британское влияние в Тибете «прежде, чем китайские националисты или коммунисты, или же советские власти в Синьцзяне, будут готовы захватить эту ключевую территорию, примыкающую к границе Британской Индии в Гималаях»²¹. Доктрина Кэроу встретила понимание и поддержку в британских правительственных кругах. Опасения за безопасность границ Индии подтолкнули Лондон к активизации политики в отношении Тибета, что привело к созданию в 1936 г., в результате посещения Б. Гоулдом Лхасы, постоянного британского представительства в тибетской столице. Правда, как отмечает А. Лэмб, это не была дипломатическая миссия «в формальном смысле», наподобие британского генконсульства в Кашгаре, и «потому её существование не подразумевало формального признания Тибета как суверенного государства». Только в 1950-е гг. после того, как Китай установил контроль над Внешним Тибетом, ставшее независимым правительство Индии превратило лхасскую миссию в генеральное консульство²². Здесь надо сказать, что Китай с середины 1930-х также имел своих неофициальных представителей в Тибете, сперва двух, а затем одного. Это были оставшиеся в Лхасе участники миссии Хуан Мусона, имевшие при себе радиопередатчик, позволявший им поддерживать прямую связь с Нанкином.

Заключение СССР договора с гоминьдановским Китаем о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г. вызвало новые опасения у британского правительства, поскольку этот договор мог иметь негативные последствия для Тибета и Индии. 30 октября военное министерство подготовило докладную записку, в которой давалась оценка возможного вторжения в Тибет СССР или Китая в ближайшие 10–15 лет. Особое внимание британских военных экспертов привлек к себе один из ближайших подступов Красной Армии к Тибету — через Синьцзян и прилегающие провинции Ганьсу и Цинхай

20 Lamb A. *Tibet, China and India, 1914-1950*. P. 242.

21 *Ibid.* P. 243.

22 *Ibid.* P. 277.

(бывш. Кукунорский округ), поскольку центральное правительство Китая осуществляло довольно слабый контроль за этими территориями. Говоря о советских целях в Тибете, автор доклада указывал, что они могут быть только стратегическими. «В Тибете мало того, что можно было бы назвать действительными военными целями в современном смысле, помимо его столицы, Лхасы, как основного духовного центра (резиденция Далай-ламы) и места сосредоточения правящей элиты. В действительности Тибет может представлять небольшую ценность для любого завоевателя, менее всего для России, с её потенциально огромными ресурсами, которыми она уже обладает. Ценность Тибета может быть лишь стратегической — выход России к границам Индии... Интересы России в Тибете, таким образом, будут заключаться, прежде всего, в обеспечении коммуникаций в южном направлении, через Тибет, пунктов в Южном Тибете, откуда коммуникации ведут в Индию и к областям, где аэродромы могли бы в конечном счете быть использованы против Индии». Что касается возможной китайской агрессии против Тибета, военное руководство Великобритании считало, что такая агрессия приведет «к оказанию международного давления на Китай, в котором мы будем играть ведущую роль, поскольку в прошлом поддерживали автономию Тибета вопреки желаниям Китая превратить эту территорию в провинцию»²³.

Определенное внимание к Тибету в 1930-е – 1940-е гг. проявляло и правительство США. В 1935 г. в Лхасе побывал известный американский путешественник Сюддам Каттинг²⁴, имевший тесную связь с семьёй президента Ф.Д. Рузвельта. Интерес же последнего к Тибету и центральноазиатскому региону, как стало недавно известно, в немалой степени подогревался Н.К. и Е.И. Рерихами²⁵. Каттинг был первым американцем, посетившим Лхасу. Он состоял в переписке с XIII Далай-ламой и в 1948 г. содействовал посещению США тибетской торговой делегацией во главе с В.Д. Шакабпой. Считается, что именно благодаря Каттингу тибетское правительство в 1935 г. вступило в контакт с американской администрацией. В годы войны

23 Public Record Office. War Office 208 / 1957. Appreciation prepared by General Staff Intelligence. 30 October 1945.

24 О С. Каттинге см.: Шакаба В.Д. Указ. соч. С. 283, 311-313; Lamb A. Tibet, China and India, 1914-1950. P. 248, 265-266, 277 et al.; Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. Washington, 1999. P. 493-508, а также воспоминания самого Каттинга: Cutting S. The Fire Ox and Other Years. London, 1947. О посещении Каттингом Лхасы в 1935 г. см.: ОИОС. L/P&C/12/4305.

25 См.: Росов В.А. Николай Рерих Вестник Звенигорода. Кн. 2: Новая Страна. М., 2004. С. 207-209, 211, 213. Там же см.: письма Е.И. Рерих Ф.Д. Рузвельту. С. 230-237, 258-259.

(1943) Лхасу также посетила миссия Брука Долана (участник первых двух экспедиций Э. Шефера) и Ильи Толстого (внук Л.Н. Толстого), отправленная Стратегической службой США (Office of Strategic Services), предшественницей ЦРУ. Это был первый официальный визит американцев в Тибет. Цели этой миссии до сих пор во многом окутаны тайной. По мнению А. Лэмба, Долан и Толстой прибыли для того, чтобы обследовать путь из провинции Цинхай в Лхасу через Джекундо и Нагчу, намечавшийся американцами в качестве основного транспортного маршрута для осуществления военных и продовольственных поставок Китайской Республике, ставшей в 1941 г. четвертой страной антигитлеровского «большого альянса». Лэмб предполагает, что сотрудники стратегической службы имели также задание выяснить возможности устройства наблюдательных пунктов в Тибете для слежения за деятельностью СССР²⁶. (Визит Долана и Толстого совпал с обострением ситуации на индийской границе после выдвижения в Цайдам дунганских войск правителя Синьцзяна генерала Ма Пуфана.) Наконец, в 1949 г. Лхасу посетили американский журналист и радиокорреспондент Лоуэлл Томас и его сын Лоуэлл Томас-младший. Главный результат их поездки — информирование американской и мировой общественности о независимом Тибете, разрушение стереотипного образа Тибета как объекта притязаний «британских империалистов» посредством многочисленных радио- и телепередач, публикаций в прессе и нескольких книг, написанных Л. Томасом-младшим²⁷.

Еще одна западная страна, проявлявшая интерес к Тибету, — Германия. Ранее уже говорилось о посещении Лхасы в начале 1939 г. германской научной экспедицией Э. Шефера, получившей на Западе широкую известность как «экспедиция СС». Этот визит положил начало германо-тибетским отношениям, в частности обмену письмами между Гитлером и регентом Ретингом²⁸.

Приведенные факты позволяют говорить о том, что Тибет определенно стремился к расширению внешнеполитических контактов и установлению более тесных связей с Западом, продолжая тем са-

26 Lamb A. *Tibet, China and India...* P. 315-316. О миссии Б. Долана – И. Толстого см. также: Goldstein M. *A History of Modern Tibet...* P. 391-397; Meyer K.E., Brysac S.B. *Op. cit.* P. 531-549, 552-553; Шакабпа В.Д. Указ. соч. С. 303-304.

27 Lowell Thomas Jr.: *Out of this World. Across the Himalayas to Tibet.* London, 1951; *Out of this World to Forbidden Tibet.* New York, 1954; *The Silent War in Tibet.* New York, 1959; *The Dalai Lama.* New York, 1961. О поездке Л. Томаса и его сына Л. Томаса-младшего см.: Lamb A. *Tibet, China and India...* P. 516, 533; Goldstein M. *A History of Modern Tibet...* P. 626; Шакабпа В.Д. Указ. соч. С. 314-315.

28 См. прим. 676.

мым антиизоляционистский курс XIII Далай-ламы. В этом же контексте следует рассматривать и отправленную Кашагом в 1946 г. в Нанкин и Дели миссию доброй воли для поздравления с победой союзников — правительств Китая и Великобритании. А в следующем году делегация Тибета посетила Дели для участия в паназиатской конференции, в работе которой участвовали также представители США и среднеазиатских республик СССР. На конференции был поднят национальный флаг Тибета, и глава тибетской делегации обратился с краткой приветственной речью к странам-участникам этого форума, предшественника Бандунгской конференции. Оба эти события, по мнению А. Лэмба, свидетельствовали о «новой тенденции» во внешней политике Тибета, которую английский историк называет «революционной» и «беспрецедентной»²⁹. Вся внешнеполитическая деятельность Тибета осуществлялась посредством Бюро иностранных дел, во главе которого находился Сурканг Дзаса (именно он в середине 1930-х вел переговоры с англичанами об условиях возвращения в Тибет Панчен-ламы).

Стремясь во что бы то ни стало сохранить свой де-факто независимый статус, Тибет во второй половине 1940-х делал основную ставку на США и Великобританию, наиболее могущественные державы западного мира. 15 августа 1947 г. Индия стала независимым государством, в результате чего британские торговые представительства в Гьянцзе, Ятунге и Гартоке, а также миссия в Лхасе стали индийскими. Осенью того же года тибетское правительство отправило торговую миссию в Индию, Китай, Великобританию и США, в составе четырех человек: министр финансов В.Д. Шакабпа (глава делегации), кенчунг Чанггым (монах, младший брат Шакабпы), Сурканг Дзаса и Пандацанг (аристократ и один из наиболее крупных предпринимателей в Тибете). Эта миссия, помимо своей основной задачи — установления торгово-экономических связей с Западом, должна была продемонстрировать миру суверенный статус Тибета. Для этого её участники были снабжены официальными тибетскими паспортами — впервые в практике путешествий тибетцев за пределами своей страны. В США посланцы Тибета намеревались приобрести золотые слитки (весом в 50 000 унций) для обеспечения тибетской национальной валюты, рассчитывая тем самым получить признание Тибета, поскольку американское министерство финансов продавало золото в слитках только суве-

²⁹ Lamb A. Tibet, China and India... P. 498.

ренным государствам. Важным также являлся и сам факт общения тибетцев с лидерами западных держав напрямую, без какого-либо посреднического контроля со стороны Китая. Эта хитроумная затея Лхасы, однако, удалась лишь отчасти. В январе 1948 г. в Нанкине члены тибетской миссии встретились с генералиссимусом Чан Кайши и другими руководителями Китайской Республики, при этом они отказались от предложения посетить Народное Собрание, которое созывалось для принятия новой конституции страны. В Англии тибетцев принял премьер-министр Великобритании, лидер лейбористской партии К. Эттли и высокопоставленные чиновники из Форин оффиса и министерства финансов, с которыми они обсудили перспективы торговли между двумя государствами. В США делегации удалось встретиться с госсекретарём Дж. Маршаллом, но не с президентом Г. Труменом из-за протеста МИД Китая. Примечательно, однако, что китайский посол в США Веллингтон Ку не был допущен на эту встречу, несмотря на его настойчивое желание присутствовать на ней в качестве лица, сопровождающего тибетцев. По окончании визита в январе 1949 г. Рут Бейкон из Дальневосточного отдела Госдепа заявила, что «Тибет, по мнению руководителей Тибетской торговой миссии, является полностью независимым /государством/ и Китайское правительство не осуществляет какого-либо контроля над внутренней или внешней политикой страны»³⁰.

То, что правительство США сочло возможным принять тибетскую делегацию на столь высоком уровне, несмотря на протесты Нанкина, свидетельствовало о несомненном интересе американской дипломатии к тибетскому вопросу. Главная причина такого интереса — стремление США укрепить свои позиции в Азии в условиях начавшейся «холодной войны» — глобальной военно-политической конфронтации с СССР, своим недавним союзником по антигитлеровской коалиции.

После окончания второй мировой войны и капитуляции Японии обстановка на Дальнем Востоке вновь резко обострилась: в Китае началась новая гражданская война — борьба между Гоминьданом и коммунистами за овладение Северным Китаем и Маньчжурией. Советское руководство, поддерживавшее гоминьдановский Китай в антияпонской борьбе и затем тесно сотрудничавшее с

30 Ibid. P. 515. Более подробно о тибетской торговой миссии Шакабпы и посещении ею Китая, США и Англии см. также: Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 570-610.

США в урегулировании противоречий между Гоминьданом и КПК, неожиданно «переориентировалось» и стало оказывать поддержку коммунистическим силам во главе с Мао Цзэдуном. Руководство же Соединенных Штатов продолжало поддерживать законное (гоминьдановское) правительство, что в конечном счете привело к столкновению интересов СССР и США в Китае³¹. А. Лэмб связывает повышенный интерес Вашингтона к Тибету с ослаблением гоминьдановского режима в конце 1940-х: американские дипломаты, занимавшиеся азиатскими проблемами, считает он, по-видимому, решили не отдавать Тибет в руки китайских коммунистов, рассчитывая, в случае их прихода к власти, превратить независимое Тибетское государство в «бастион свободного мира» в центре азиатского континента³².

К весне 1949 г. стало ясно, что Гоминьдан и Чан Кайши теряют контроль над Китаем. Обеспокоенное подобным развитием событий тибетское правительство предприняло ряд экстренных мер – прежде всего, в Лхасе была закрыта китайская миссия и её глава и сотрудники высланы из Тибета, а вместе с ними и несколько сот китайских граждан и прокитайски настроенных тибетцев. Это дало повод лидерам КПК говорить о том, что тибетские власти находятся в руках империалистических и антикитайских сил. В действительности же во Внешнем Тибете в то время находилось лишь шесть европейцев: глава британской миссии в Лхасе Х. Ричардсон, английские инженеры-контрактники Р. Фокс и Р. Форд, бывшие германские военнопленные, бежавшие из лагеря для интернированных в Дера-Дуне Г. Харрер и П. Ауфшнайтер, и русский белогвардейский офицер Недбайлов, работавший электриком в Лхасе³³. Далее, летом 1949 и в начале 1950 г. Кашаг закупил у индийского правительства небольшое количество английского стрелкового оружия (пулеметы системы Брен и Стен, минометы, винтовки) и боеприпасов, которые вместе с дополнительными войсками были отправлены в Нагчу и Кам для защиты северной и восточной границ Тибета.

Приход коммунистов к власти в Китае и создание КНР (1 октября 1949 г.) представляли собой прямую угрозу дальнейшему существованию независимого Тибета. Уже в начале сентября агентство Синьхуа заявило, что китайская Народно-освободительная армия (НОА) намерена «освободить» всю территорию Китая, включая

31 Более подробно об этом см.: Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая... С. 182-220.

32 Lamb A. Tibet, China and India... P. 515.

33 Ibid. P. 519, 534.

Тибет, Сикан, острова Хайнань и Формозу (Тайвань)³⁴. В этой ситуации лхасское правительство приняло решение об отправке специальных дипломатических миссий в США, Великобританию, Индию и Непал, которые должны были получить признание независимости Тибета правительствами этих стран, а также отдельной делегации в Гонконг для переговоров с новыми властями Китая. 4 ноября регент Тибета обратился с воззванием «ко всем народам», в котором говорилось, что Тибет является «независимым государством, имеющим духовную и светскую администрацию», и желает находиться в дружеских отношениях со своими соседями, и выражалась надежда, что «все народы» окажут ему в этом поддержку³⁵. Кроме этого, Кашаг заявил о намерении Тибета вступить в Организацию Объединенных Наций при поддержке США и Великобритании, что позволило бы тибетскому правительству легитимизировать свой де-факто суверенный статус. Эти усилия тибетцев, однако, не увенчались успехом,— Лондон и Вашингтон были против отправки Лхасой миссий доброй воли, считая, что такие миссии бесполезны и могут спровоцировать «коммунистическую агрессию» против Тибета. Равным образом англо-американская дипломатия не поддержала и идею вступления Тибета в члены ООН, полагая, что такой шаг, несомненно, вызовет противодействие со стороны постоянных членов Совета Безопасности — СССР и Китая (в данном случае гоминьдановского Китая). В то же время Государственный департамент США и лично президент Г. Трумэн выразили готовность оказать Лхасе военную помощь путем поставок тибетской армии современного американского оружия. Трумэн также намеревался использовать антисоветски настроенных синьцзянских мусульман и монгольских и тибетских буддистов в идеологической борьбе против СССР в Азии: в частности, осенью 1949 г. он предложил финансировать секретные операции ЦРУ во Внутренней Монголии, Синьцзяне и Тибете из средств Программы военной помощи (Military Assistance Program — MAP)³⁶.

Советский Союз приветствовал победу коммунистов в Китае и создание Центрального народного правительства во главе с Мао Цзэдуном и поэтому немедленно разорвал дипломатические отношения с гоминьдановским правительством, временно обосновав-

34 Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. М., 1958. С. 93.

35 Шаумян Т.Л. Тибет (Политические и военно-стратегические аспекты китайской аннексии). М., 1983. С. 14.

36 См.: Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 662-671; Laird Thomas. Into Tibet: The CIA First Atomic Spy and His Secret Expedition to Lhasa. New York, 2002. P. 120-121.

шимся в Кантоне (до отъезда на Тайвань), и потребовал удаления его представителя из ООН. Хорошо известно, что Москва оказывала военно-техническую и финансовую помощь китайским коммунистам и консультировала их по различным вопросам на заключительном этапе гражданской войны. Так, во время секретной поездки в начале 1949 г. в Сибайпо (штаб-квартира политбюро ЦК КПК на севере Китая) А.И. Микоян обсуждал с Мао среди прочего вопрос о Монголии и Синьцзяне и передал ему рекомендации И.В. Сталина в отношении национальной политики КПК. «Я передал Мао Цзэдуну,— сообщал в Москву Микоян,— что наш ЦК не советует Китайской компартии чересчур размахиваться в национальном вопросе путем предоставления независимости национальным меньшинствам и тем самым уменьшения территории Китайского государства в связи с приходом к власти китайских коммунистов. Следует дать национальным меньшинствам автономию, не независимость.— Мао Цзэдун обрадовался этому совету, но по его лицу видно было, что он не собирается давать независимости кому бы то ни было»³⁷. Во время визита в Москву в июне – августе того же года секретаря ЦК КПК Лю Шаоци вновь возник вопрос о Синьцзяне, при этом Сталин заявил, что «не следует оттягивать занятие Синьцзяна, потому что оттяжка может повлечь за собой вмешательство в дела Синьцзяна англичан». Вообще же, по его мнению, следовало «в интересах укрепления обороны Китая заселить все приграничные районы китайцами». О Тибете, насколько можно судить по доступным документам, речи прямо не велось, однако он упоминался в докладе ЦК КПК от 4 июля 1949 г., переданном Лю Шаоци Сталину. В первом разделе доклада («Современное положение китайской революции») говорилось о планах китайских коммунистов «освободить» силами Народно-освободительной армии в течение лета и осени 1949 г. основные провинции Китая, включая соседние с Тибетом Сычуань, Сикан, Цинхай. «На этом военные действия против Гоминьдана в основном закончатся,— писал Лю Шаоци.— Остается еще освободить Формозу, остров Хайнань, Синьцзян и Тибет. *Вопрос о Тибете необходимо решать политическим путем, а не путем военных действий.* Формоза, Хайнань и Синьцзян будут освобождены в течение будущего года»³⁸. Таким образом, создается впечатление, что вопрос об «освобождении» Тибета на тот момент

37 Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая... С.77.

38 Там же. С. 89.

оставался еще открытым, при этом руководство КПК отдавало предпочтение тактике мирного присоединения Тибета к Китаю путем заключения соответствующего политического соглашения с Лхасой.

К концу 1949 г. вся территория континентального Китая, фактически, уже находилась под контролем НОА, за исключением Тибета. 16 декабря в Москву прибыла китайская делегация, возглавляемая Мао Цзэдуном и проф. Чен Бода, для приветствия И.В. Сталина в связи с его 70-летием и проведения переговоров и консультаций с советским правительством. Фактически, Мао приехал в СССР, чтобы просить Сталина об оказании КНР помощи (военно-технической, экономической, кадровой и т. д.), хорошо понимая, что без неё ему едва ли удастся осуществить главную цель своей революции – завершить объединение Китая. Во время одной из бесед китайского лидера со Сталиным, состоявшейся 22 января, зашел разговор о Тибете. Мао поблагодарил Сталина за предоставление китайским коммунистам полка советских ВВС, который помог НОА в переброске войск в Синьцзян, и просил оказать такую же помощь в осуществлении НОА других военных операций, в особенности в «подчинении Пекину Тибета». Более конкретно речь шла о переброске по воздуху продовольствия войскам Лю Бочана, готовившимся к тибетской кампании. На эту просьбу Сталин ответил следующими словами: «Это хорошо, что Вы готовитесь к наступлению. *Тибетцев надо взять в руки.* По поводу авиаполка поговорим с военными и дадим Вам ответ»³⁹. Таким образом, Сталин дал добро на вторжение НОАК в Тибет, ибо Мао едва ли бы решился на такой шаг без санкции Москвы. К тому же ему требовалась советская помощь в переброске в Тибет китайских красноармейцев.

Содержание переговоров Сталина и Мао Цзэдуна по понятным причинам не освещалось советской прессой. Тем не менее, китайская тема явно доминировала в сообщениях советских газет во время трехмесячного пребывания Мао в Москве. Из этих сообщений читатель мог кое-что узнать и о тибетских делах. Так, 3 января 1950 г. «Известия» и «Правда» опубликовали новогоднее послание ЦК КПК китайской армии и народу, в котором говорилось, что НОАК «освободила весь Китай, за исключением Тибета», и что в новом 1950 г. перед народной армией поставлена задача — «осво-

39 Ледовский А.М. Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 – феврале 1950 г. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 40-41.

бодить Тайвань (Формоза), остров Хайнань и Тибет, уничтожив последние остатки войск банды Чан Кайши и завершить дело объединения Китая, не допуская, чтобы агрессивные силы американского империализма имели хотя бы один опорный пункт на нашей (т. е. китайской.— А.А.) территории». В газетах также сообщалось, со ссылкой на китайское агентство Синьхуа, о посылке властями Лхасы «так называемых “миссий доброй воли”» в США, Англию, Индию, Непал и Пекин, с целью демонстрации «независимости Тибета», при этом цитировалось заявление представителя МИД КНР: «Тибет является территорией КНР. Этот факт известен всему миру, и в этом никто никогда не сомневался. Поскольку это так, то власти Лхассы, безусловно, не имеют права самовольно посылать какие-либо “миссии” и, более того, доказывать “независимость” Тибета»⁴⁰. Такая точка зрения, несомненно, полностью разделялась и советской дипломатией. Однако, говоря о необходимости «освобождения» Тибета, Москва в то же время намекала на возможность мирного решения тибетского вопроса, путем переговоров между лхасским правительством и Пекином. Например, сообщалось о собрании «тибетских демократов и интеллигенции» в Пекине, которые «резко осудили заговор империалистов, направленный на захват Тибета», и обратились с воззванием к тибетскому народу отправить в Пекин своих представителей для переговоров о «мирном освобождении» Тибета⁴¹. КПК также пыталась использовать в пропагандистских целях Панчен-ламу и стоявшую за его спиной прокитайскую группировку в Цинхае (Кукуноре), равно как и других видных лам-китаефилов в самом Тибете. Известно, что юный Панчен-лама (род. в 1938 г.) приветствовал приход коммунистов к власти в Китае и затем (в начале февраля 1950), очевидно, под влиянием своих советников отправил телеграмму Мао Цзэдуну, в которой говорилось, что «все тибетские патриоты окажут НОА помощь в освобождении Тибета». Аналогичным образом группа кукунорских тибетцев обратилась «от имени тибетского правительства» к Мао Цзэдуну и Чжу Дэ (зампредседателю Центрального народного правительства и главкому НОАК) с просьбой «немедленно послать армию для того, чтобы освободить Тибет»⁴².

Тем временем (весной 1950 г.) в Китай через Индию выехала тибетская миссия во главе с Шакабпой для переговоров с комму-

40 Известия. 1950. 22 января.

41 Известия. 1950. 24 января и 1 февраля.

42 Известия. 1950. 10 февраля.

нистическим правительством Китая. Тибетцы, однако, не смогли получить визы на въезд в Гонконг, где предполагалось провести такие переговоры, ибо губернатор Гонконга счел их приезд нежелательным. 8 сентября Шакабпа встретился в Дели с премьер-министром индийского правительства Джавахарлалом Неру, который в целом придерживался британской позиции в вопросе о статусе Тибета. «Правительство Индии будет продолжать политику британского периода, считая Тибет внешне частью Китая, но внутренне независимым»,— заявил Неру. Индийский премьер обещал просить китайское правительство не посылать войска в Тибет, но дал при этом понять своему собеседнику, что, если тибетцы будут настаивать на полной независимости Тибета, им будет трудно достичь соглашения с Китаем⁴³. Со своей стороны, Шакабпа, пытался убедить Неру, что Тибет должен быть признан «независимым буферным государством», ибо при отсутствии буфера между двумя сильными державами (Индией и Китаем) неизбежно будут возникать трения. Поэтому сохранение суверенного Тибета должно быть выгодно Индии. Через некоторое время в Дели приехал новый китайский посол Юань Чжуньсинь, с которым Шакабпа тут же вступил в переговоры. Однако они не принесли удовлетворительного результата. Юань Чжуньсинь, который в действительности не был заинтересован в переговорах с Лхасой, поскольку решение о военном походе НОАК в Тибет уже было принято Пекином, выдвинул заведомо неприемлемые для тибетцев требования, смысл которых сводился к упразднению независимого статуса Тибета. По сути, тибетцам был предъявлен ультиматум, главные пункты которого гласили: 1) Тибет признаёт, что он является частью Китая; 2) оборона границ Тибета обеспечивается Китаем; 3) все политические и торговые отношения Тибета с зарубежными странами будут осуществляться через Китай⁴⁴. Кашаг, разумеется, не принял китайских «предложений», но, прежде чем Шакабпа успел передать ответ тибетского правительства Юань Чжуньсиню, китайские войска 7 октября неожиданно вторглись в Восточный Тибет, и таким образом началось «мирное освобождение» Тибета.

Малочисленная и плохо обученная тибетская армия не смогла оказать серьезного сопротивления бойцам НОАК. Уже через две недели пала столица Кама Чамдо, и тем самым открылся прямой

43 Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 673.

44 Ibid. P. 676. См. также: Шакабпа. Указ. соч. С. 317.

путь на Лхасу. 26 октября 1950 г. правительство Индии заявило протест Пекину в связи с вторжением китайской армии в пределы Тибета; агрессивные действия КНР осудило и английское правительство. Тем временем (7 ноября) Шакабпа направил генеральному секретарю ООН обращение Кашага и Цонгду, в котором китайская интервенция была названа «вопиющим актом агрессии». В результате представитель Сальвадора Г. Кастро предложил включить в повестку дня Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН в качестве дополнительного пункта вопрос о «вторжении в Тибет иностранных сил» — инициатива, по-видимому инспирированная США⁴⁵. 24 ноября — неделю спустя после того, как Далай-лама был объявлен светским и духовным правителем Тибета — это предложение подверглось обсуждению в рамках Генерального комитета. Великобритания и вслед за ней Индия (признавшие КНР, в отличие от США) считали, что Тибет вправе обратиться за помощью в ООН, но выступили против проведения публичных дебатов по тибетскому вопросу и предложили отложить его рассмотрение «на некоторое время». Индийский представитель, в частности, заявил, что, поскольку китайские войска, достигнув Чамдо, прекратили наступление, правительство Индии уверено, что китайско-тибетский конфликт может быть урегулирован мирным путем и такое урегулирование может обеспечить Тибету автономный статус, которым он, фактически, пользовался в течение нескольких десятилетий, сохраняя в то же время историческую связь с Китаем⁴⁶. Представитель СССР (Я.А. Малик) в принципе согласился с предложением Великобритании, но при этом счел необходимым довести до сведения ГА мнение советской делегации: «Тибет является неотъемлемой частью Китая, и его дела находятся в исключительной компетенции китайского правительства. Представитель Сальвадора... не привел каких-либо аргументов, подтверждающих, что Тибет был независимой страной, подвергшейся вторжению китайских войск. Сюзеренитет Китая над Тибетом признавался в течение длительного времени Соединенным Королевством, Соединенными Штатами и СССР. Поэтому вопрос (о Тибете) подлежит национальной юрисдикции Китая; ООН не вправе рассматривать его. В противном случае эта /организация/ будет нести ответственность за незаконное вмешательство во внутренние дела китайского

45 Клинов А.С. Политический статус Тибета и позиция держав... С. 296.

46 Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 734-735.

народа, который обрел свободу после многих столетий иноземного угнетения. А поскольку это так, советская делегация будет голосовать за то, чтобы отложить рассмотрение предложения, внесенного представителем Сальвадора, или даже полностью снять его с обсуждения»⁴⁷. (Советская пресса, естественно, обошла молчанием факт частичного обсуждения в ООН вопроса об агрессии КНР против Тибета, сосредоточив своё внимание на другом, более злободневном вопросе об «американской агрессии против Китая» — вторжении США в Тайвань и бомбардировке американской авиацией китайской территории, обсуждавшемся в тот же день на заседании Политического комитета по предложению СССР.)

После того как западные державы (США и Великобритания) отказались принять тибетскую миссию, а ООН уклонилась от рассмотрения жалобы Тибета, положение Лхасы стало безнадежным. Тибетцам не оставалось ничего другого, как вступить в переговоры с пекинским правительством и принять предложенные им условия «капитуляции». В результате глава тибетской делегации губернатор Кама Наванг Джигме Нгабо, под давлением Пекина, подписал 23 мая 1951 г. «Соглашение о мерах по мирному освобождению Тибета», более известное как «Соглашение из 17 пунктов»⁴⁸. Коммунистические власти Китая тут же обнародовали договор, не дожидаясь его ратификации Кашагом и Далай-ламой, ввиду огромного политического значения этого документа. Впрочем, подписание соглашения, по мнению английского историка Церинга Шакья, нельзя считать вполне легитимным, — Нгабо не был уполномочен

Подписание Соглашения о мерах по мирному освобождению Тибета.

Карикатура из журнала *Tibetan Bulletin*, 1997 (с. 34).

47 Ibid. P. 735-736. См. также: Клинов А.С. Политический статус ... С. 296-301.

48 Текст этого соглашения был опубликован «Правдой» 29 мая 1951. См. также: Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете, 1888-1919. М., 1956. С. 220-222; Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. М., 1958. С. 200-204; Уиннингтон А. Тибет: Рассказ о путешествии. М., 1958. С. 333-337. Об обстоятельствах, приведших к подписанию соглашения, и его подробный анализ см.: Shakya Tsering. The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947. London, 1999. P. 61-91; Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 737-772.

тибетским правительством подписывать какое-либо соглашение с Пекином, и потому «его решение подписать соглашение являлось *ultra vires*» (превышением полномочий)⁴⁹. Это дало основания Лхасе заявить о своём непризнании Соглашения, тем не менее, Кашаг не решился денонсировать его, не выслушав объяснений Нгабо.

«Соглашение из 17 пунктов» — первое формальное соглашение между Тибетом и коммунистическим Китаем, — фактически, ликвидировало независимость Тибета. По мнению А.С. Клинова, оно привело к утверждению «более эффективного и строгого контроля Китая над этим регионом, чем это имело место при Цинах в конце XIX века». Главным же итогом Соглашения явилось установление — впервые в истории китайско-тибетских отношений — суверенитета Китая над Тибетом⁵⁰. Согласно ст. 1 Соглашения, Тибет должен был «вернуться в великую семью народов матери-родины», т. е. стать частью Китая. В то же время тибетскому народу предоставлялось право на осуществление, под общим руководством Центрального народного правительства, «национальной областной автономии». Это означало, — пишет А.С. Клинов, — что «в будущем Тибет должен был стать обычным автономным районом КНР, потерять самостоятельность во внутренней политике и унифицировать свою систему по общекаитайскому образцу»⁵¹. На первых порах, однако, центральное правительство обещало не изменять политической системы Тибета, а также существующего статуса и полномочий Далай-ламы и Панчен-ламы (ст. 3, 4, 5). В Соглашении 1951 г. также оговаривалось, что «в вопросах, касающихся различных реформ в Тибете, не будет никакого принуждения со стороны центральных властей. Местное правительство должно проводить реформы добровольно, и, когда народ потребует проведения реформ, вопрос о них будет решаться путем консультации с видными деятелями Тибета» (ст. 11)⁵². Наряду с этим Пекин обещал уважать религиозные верования, обычаи и привычки тибетского народа и оказывать покровительство ламаистским монастырям, не затрагивая их доходов. Другими принципиально важными статьями договора были положения о постепенной реорганизации тибетских войск и включении их в вооруженные силы национальной обороны КНР (ст. 8) и о сосредоточении в руках центрального правительства ведения

49 Shakya Tsering. *The Dragon in the Land of Snows...* P. 71.

50 Клинов С.А. Указ. соч. С. 306.

51 Там же. С. 305.

52 Леонтьев В.П. Указ. соч. С. 221.

всех внешних дел «района Тибета» (ст. 14). Таким образом, Соглашение 1951 г. гарантировало Тибету сохранение его национальной (этнической) и социально-политической самобытности,— если бы китайцы стали строго выполнять условия договора, считает М. Голдстейн, Тибет продолжал бы пользоваться свободой в вопросах религии и культуры, Далай-лама и тибетские чиновники остались бы на своих местах, сохранилась бы и прежняя система управления страной. Однако, с другой стороны, Соглашение дало в руки Китая «механизмы» для постепенной трансформации местного тибетского правительства и реформирования социально-экономической системы Тибета. Подобное «мирное» освобождение, отмечает американский тибетолог, избежало резко негативной критики международного сообщества и в то же время оно «исключило возможность вмешательства антикоммунистических стран, таких как США, в случае возобновления военных действий»⁵³.

В самом Тибете Соглашение вызвало неоднозначную реакцию: правительство (Кашаг), Далай-лама и значительная часть тибетского населения выступили против подписанного калоном Нгабо договора, однако в стране имелись влиятельные политические элиты, считавшие Соглашение вполне приемлемым и верившие в возможность мирного сосуществования Тибета и Китая. Наибольшую поддержку Соглашению оказало ламаистское духовенство, эта «традиционная элита Тибета», которая, по мнению Ц. Шакья, руководствовалась, прежде всего, своими узко сословными интересами. Сохранение существующего социального строя, гарантирующего ему власть и привилегии, ламство рассматривало «как аналог законного статуса Тибета»⁵⁴. Сам текст Соглашения Лхаса получила лишь в июне 1951 г., когда глава китайской делегации Чжан Жинву передал его вместе с письмом Мао Цзэдуна лично Далай-ламе, удалившемуся после начала наступления НОАК в монастырь Донкер на юге Тибета. После этого Соглашение подверглось обсуждению в Цонгду и было ратифицировано. В конце концов, по совету Цонгду, его на словах одобрил и Далай-лама. 24 октября тибетцы отправили Мао Цзэдуну телеграмму, в которой говорилось, что тибетское правительство, а также духовное и гражданское население «поддерживают» Соглашение. По словам Дж. Неру, тибетцы признали Соглашение «без радости, под давлением обстоятельств»⁵⁵.

53 Goldstein M. A History of Modern Tibet... P. 772.

54 Shakya Tsering. The Dragon in the Land of Snows... P. 90.

55 Ibid. P. 91.

«Мирное освобождение» Тибета продолжилось, и уже 9 сентября передовые части НОАК вступили в тибетскую столицу. В СССР это событие не осталось незамеченным. Советские газеты, сообщая о нем (как и прежде со ссылкой на китайское агентство Синьхуа), отметили, что жители Лхасы (около 30 тысяч тибетцев, китайцев и мусульман) «горячо приветствовали» китайский отряд и что представители духовных и светских властей Тибета поднесли его командиру цветы и подарки⁵⁶. В то же время собкор «Правды» в Пекине (Л. Делюсин) подчеркнул большое политическое значение события: «Вступление войск НОА в Лхасу способствует дальнейшему укреплению мира и безопасности на границах КНР, а следовательно, способствует поддержанию мира и безопасности в Азии»⁵⁷.

Победоносный тибетский «блицкриг» китайских коммунистов всё же внушал некоторые опасения руководству СССР в связи с крайне напряженной обстановкой в Азии, чреватой столкновением с США. Основными очагами напряженности в то время являлись Корейский полуостров, где в 1950 г. вспыхнула война между КНДР и Республикой Корея (поддерживаемых соответственно СССР и США), и остров Тайвань, где назревал военный конфликт между гоминьдановскими силами и КНР, за спиной которых опять-таки стояли Вашингтон и Москва. В этой ситуации Тибет, вновь не по своей воле, оказался между двумя противоборствующими сверхдержавами. Советская пропаганда и вместе с ней политически ангажированные журналисты и ученые со всей силой обрушились на «англо-американских империалистов», якобы вступивших в заговор с лхасским правительством с целью отторгнуть Тибет от Китая, страны, которой он «всегда принадлежал». Почти сразу же после подписания китайско-тибетского соглашения «Правда» поместила на своих страницах большой справочный очерк «Тибет», составленный географом Б.В. Юсовым. В нем содержались заведомо ложные утверждения, например говорилось, что Тибет «с древних времён является составной частью Китая» и что на протяжении столетий Китай неоднократно защищал свою «западную провинцию» (!), в том числе в начале XX века, от попыток «английских колонизаторов» навязать тибетскому народу кабальные договоры с целью «отторгнуть отдельные части его территории». В послевоенные годы, утверждал Юсов, усилилось проникновение в Тибет американских империалистов. В качестве примера он упомянул направленных

56 Правда. 1951. 15 сентября.

57 Правда. 1951. 16 ноября.

туда в 1942 г. американским бюро стратегической службы «агентов для подрывной шпионской работы» (намек на миссию Б. Долана и И. Толстого). Эти «шпионы» усиленно изучали Тибет в военно-стратегическом и экономическом отношении, «устраивали заговоры и вели пропаганду за отрыв Тибета от Китая». Летом 1949 г., когда полный разгром «реакционных» гоминьдановских войск был предрешен, «англо-американские империалисты по договоренности с продажной кликой Чан Кайши инспирировали разрыв Тибета с гоминьдановским Китаем» (?!). Под их давлением местное тибетское правительство вынуждено было провозгласить «независимость Тибета от Китая». Вскоре после этого англо-американские «поджигатели войны» приступили к ускоренному строительству аэродромов и шоссейных дорог на территориях, граничащих с Тибетом; в Лхасу направлялись американские военные материалы и вооружение. Тибет стал превращаться в «опорный пункт шпионажа, диверсий и вооруженной борьбы против КНР»⁵⁸.

Написанная характерным языком эпохи «холодной войны», статья Б.В. Юсова, несомненно, служила целям оправдания китайской аннексии Тибета путем создания мифа об угрозе западных (англо-американских) империалистов Китаю и Тибету. В действительности же, как было показано выше, само тибетское правительство, без какого-либо нажима извне, обратилось к Западу с просьбой о помощи (военной и дипломатической) незадолго до начала «освободительного» похода НОАК, в результате чего Лхаса получила небольшое количество английского оружия из Индии. Весной – летом 1951 г., в разгар этого похода, тибетцы вновь просили оказать им помощь, но на этот раз их просьба была обращена только к правительству Соединенных Штатов, поскольку ни Лондон, ни тем более Дели не хотели активно вмешиваться в тибето-китайский конфликт. С этой целью всё еще находившийся в Индии тибетский министр финансов Шакабапа вошел в контакт с посольством США в этой стране, но еще ранее, в июле 1950 г., Лхасу тайно посетили участники экспедиции американского вице-консула в Урумчи Дугласа Макирнана — бежавшие из Синьцзяна Фрэнк Бессак и русский белогвардеец В. Званцев. (Сам Макирнан, которого «Правда» разоблачила как «шпиона, состоящего в тайном сговоре с бандитскими шайками в Синьцзяне»⁵⁹, был случайно застрелен на пути

58 Правда. 1951. 30 мая.

59 Правда. 1951. 1 февраля.

в Лхасу тибетскими пограничниками.) Бессаку и Званцеву удалось встретиться с Далай-ламой и регентом Тибета (Тактрой) и обсудить вопрос о поставках тибетцам американского оружия⁶⁰.

Выражая готовность предоставить военную помощь Тибету, Вашингтон, правда, ставил при этом условия: Далай-лама должен отвергнуть Соглашение с Пекином, оказывать сопротивление китайцам и заявить о своём намерении эмигрировать в Индию⁶¹. Тем самым «ястребы» в администрации США, очевидно, стремились еще более дестабилизировать обстановку в Тибете после оккупации страны НОАК и в конечном счете, вероятно, действительно помышляли о том, чтобы превратить Тибет в очаг вооруженного сопротивления китайским коммунистам. Однако реализовать эти планы было не так-то просто: поставку оружия в Тибет можно было осуществить только через территорию Индии, но это могло привести к серьезному конфликту между Индией и Китаем. В Дели же совсем не хотели обострять отношения со своим соседом. Поэтому правительство Неру, несмотря на сочувствие Лхасе, было вынуждено проводить крайне осторожную политику в отношении Тибета, и США приходилось с этим считаться.

Тем временем КНР обратилась за помощью к СССР в решении своих неотложных военно-политических и хозяйственных задач. В августе – сентябре 1952 г. в ходе визита в Москву премьер Государственного административного совета и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай просил Сталина направить в Китай дополнительное количество советских специалистов разных профилей, главным образом военных инструкторов, экономистов и преподавателей. Во время их беседы, состоявшейся 3 сентября, Чжоу Эньлай завел речь о политике Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии и Тибета, при этом он отметил, что руководство КНР придерживается мирной тактики: «войск не посылать, а воздействовать мирным путем на эти страны». Именно таким путем КНР старается воздействовать на Бирму, а также на Тибет. Точка зрения Сталина была несколько иной: «Тибет — это часть Китая. В Тибете надо иметь китайские войска», — сказал он Чжоу Эньлаю. В отношении же Бирмы посоветовал действовать осторожнее («хорошо, если бы в Бирме было прокитайское правительство. В бирманском правительстве немало жуликов, изображающих из себя каких-то

60 Laird Th. Into Tibet... P. 225, 226, 232 et al.

61 Shakya Tsering. The Dragon in the Land of Snows... P. 84.

деятелей»)⁶². Чжоу Эньлай затем сообщил Сталину, что китайские войска были введены в Тибет год назад и в настоящее время находятся на границе с Индией. «Вопрос о том, чтобы в Тибете были китайские войска, бесспорный», — твердо заявил он. В то же время китайский премьер отметил большие трудности в поддержании связи с Тибетом — обычные, двухмоторные самолеты не могут долететь до Лхасы, для этого нужны четырёхмоторные транспортные самолеты, оборудованные кислородными приборами и приборами против обледенения. КНР хотела бы заказать в Советском Союзе 20 таких самолетов. Сталин обещал помочь Китаю: «сперва мы дадим 10, а затем еще 10», в то же время он указал на необходимость постройки шоссейной дороги из Китая в Тибет. «Без дороги трудно поддерживать в Тибете должный порядок. Тибетские ламы продаются кому угодно: и американцам, и англичанам, и индусам — всем, кто больше заплатит». Чжоу Эньлай согласился, что тибетские ламы «настроены враждебно». Весной 1952 г. они готовили бунт, но китайскому народному правительству удалось подавить бунтовщиков. В результате брат Далай-ламы бежал за границу. Что же касается постройки дороги, соединяющей Китай с Тибетом, то Чжоу Эньлай отметил, что такая дорога уже строится, но что её строительство займет долгое время (весь 1953 и часть 1954 г.). В заключение беседы Сталин вновь подчеркнул важность постройки дороги в Тибет и необходимость держать в Тибете китайские войска⁶³.

Советский Союз стремился помочь Китаю в установлении полного контроля над Тибетом, ибо это отвечало его собственным военно-стратегическим интересам в азиатском регионе на раннем этапе «холодной войны», тогда как США хотели подтолкнуть тибетское правительство к оказанию вооруженного сопротивления оккупировавшим страну китайским войскам. Эта помощь Москвы относилась в основном к дипломатической и военной сферам. Сталин, скорее всего, сдержал своё обещание и предоставил Пекину авиаполк для переброски войск НОАК в Тибет и два десятка четырёхмоторных самолетов для поддержания связи с Лхасой. По сообщению М.И. Демиденко (в начале 1950-х работал в КНР в качестве военного переводчика), советские военные советники пришли в Тибет вместе с китайской Красной Армией. Затем (приблизительно

62 Ледовский А.М. Стенограмма переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе – сентябре 1952 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 80.

63 Там же.

в 1952 г.) Лхасу посетила небольшая группа инженеров, чтобы выбрать место для строительства первого в Тибете аэродрома. Они провели топографическую съёмку и разметку лётного поля в 60 км к северо-западу от Лхасы. Когда постройка аэродрома (вероятно, также по советскому проекту) была закончена, советские летчики совершили два испытательных полета в Лхасу на самолетах Ли-2, при этом один из самолетов разбился. Летом 1954 г. состоялась большая инспекционная поездка советников в Тибет — вместе с командованием НОАК, чей штаб базировался в Ланьчжоу (провинция Ганьсу). Советники проехали через всю страну, с севера на юг, посетили Лхасу и закончили поездку в Западном Тибете, выйдя к границе с Индией, где дислоцировались китайские пограничные гарнизоны⁶⁴. Приведенные факты позволяют говорить, что в начале 1950-х, в связи с обострением советско-американских отношений, Тибет вновь привлек к себе внимание советского Генштаба и военной разведки.

Сталинские рекомендации руководству КПК в тибетском вопросе и военная помощь, оказанная Москвой одному из командиров НОАК Лю Бочану, несомненно, сыграли важную, если не решающую, роль в подчинении Тибета Китаю. В этой связи, однако, следует отметить, что у китайских лидеров первоначально не было единой политической программы в отношении Тибета. Внутри руководящего ядра КПК, как показывает исследование М. Голдстейна, происходила острая полемика по вопросам политики и стратегии между двумя группировками, представленными Северо-западным и Юго-западным военно-административными бюро (комитетами), соответственно связанными с 1-м и 2-м армейскими корпусами, наступавшими на Тибет с двух разных сторон. Под контролем Северо-западного бюро (СЗБ), во главе которого стоял Пен Дехуа, находились провинции Цинхай, Ганьсу, Синьцзян, Нинься и Шаньси; Юго-западное бюро (ЮЗБ), возглавлявшееся Лю Бочаном и Дэн Сяопином, контролировало провинции Сычуань, Сикан, Юньнань, Гуйчжоу и (после 1951 г.) Тибет. Конфликт между СЗБ и ЮЗБ имел место в рамках Тибетского рабочего комитета (ТРК), созданного Пекином главного административного органа в Тибете. Собственно, сущность разногласий сводилась к вопросу — «что делать с Тибетом». Чжан Гоуа (1-й секретарь ТРК) и члены ЮЗБ

64 Устное сообщение М.И. Демиденко. Вторая поездка советников вкратце упомянута в книге: Демиденко М.И. По следам СС в Тибет. М., 2004. С. 173, 182.

являлись сторонниками относительно мягкой линии Мао Цзэдуна, который считал, что китайским коммунистам при работе в Тибете следует первостепенное внимание уделять национальному и религиозному вопросам и не торопиться с проведением реформ. Тибетскому правительству и Далай-ламе следовало «предоставить приоритет», ибо «завоевание» доверия Далай-ламы могло сыграть решающую роль в «обеспечении долговременной стабильности и безопасности Китая в Тибете». Мао также полагал, что можно отложить осуществление положений «Соглашения из 17 пунктов», которое не нравилось тибетскому правительству, в том числе создание Военно-административного бюро в Тибете⁶⁵. С другой стороны, Фан Мин (помощник 1-го секретаря ТРК) и члены СЗБ не видели смысла в попытках «завоевать» лхасскую религиозную и светскую элиты с целью реформирования Тибета. В их глазах тибетские лидеры являлись «реакционерами» и «раскольниками», и поэтому КПК следовало отобрать у них власть как можно скорее и осуществить в полном объеме Соглашение 1951 г. Главную ставку представители этой группировки делали на Панчен-ламу и его приверженцев, считая их «прогрессистами», в отличие от «реакционной» лхасской элиты. Если предоставить автономный статус владениям Панчен-ламы («Задний Тибет»), рассуждал Фан Мин, то Панчен смог бы быстро начать проведение земельных реформ на своей территории. А это побудило бы крестьян во владениях Далай-ламы («Передний Тибет») потребовать аналогичных реформ у лхасского правительства. По мнению Фан Мина и других сторонников «жесткой тактики», основной упор следовало делать не на культурно-этнических и религиозных аспектах, а на классовой борьбе, чтобы быстро трансформировать Тибет вместе с остальным Китаем⁶⁶. «Мягкая линия» Мао Цзэдуна, которую Голдстейн называет «стратегией постепенных мер» (gradualist strategy), однако, потерпела неудачу, и КПК после Лхасского восстания весной 1959 г. пришлось перейти к жестким мерам в Тибете.

Москва, судя по публикациям в «Правде» и «Известиях», поддерживала Мао Цзэдуна и его осторожную и гибкую тактику — курс на сотрудничество с тибетским местным правительством и постепенное привлечение на китайскую сторону наиболее влиятельных политических элит в Тибете, то, что получило название политики

65 Goldstein M. On Modern Tibetan History: Moving Beyond Stereotypes // Tibet and her Neighbours: A History. London, 2003. P. 219-221.

66 Там же. С. 222.

единого фронта с «верхами». Руководство СССР внимательно следило за тем, как китайские коммунисты осуществляют преобразования в Тибете. И действительно, нельзя не признать, что КПК удалось достичь немалых успехов в реализации тех статей Соглашения 1951 г., которые предусматривали развитие промышленности, сельского хозяйства и просвещения. В Тибете в 1950-е гг. возникли первые промышленные предприятия, были проложены шоссейные дороги (Сикан-Тибетское и Цинхай-Тибетское шоссе, а также дороги, соединяющие основные населенные пункты внутри страны), налажена регулярная почтово-телеграфная связь (между Чунцином, Лхасой и Шигацзе), начали работать радиостанции (в Лхасе, Шигацзе и Чамдо), открылись первые светские школы, больницы и поликлиники, началась подготовка кадровых работников-тибетцев⁶⁷. Москва, разумеется, приветствовала все эти достижения, которые в конечном счете должны были привести к интеграции Тибета в составе Китая.

В СССР в конце 1940-х – 1950-е годы, в атмосфере братской дружбы и сотрудничества с Китаем, наблюдался новый всплеск интереса к Тибету: переиздавались труды знаменитых русских путешественников по Тибету и Центральной Азии (Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский, М.В. Певцов, П.К. Козлов, Г.Н. Потанин и др.), публиковались книги и статьи отечественных и зарубежных авторов (просоветской ориентации) — ученых и журналистов, в которых рассказывалось о новом, «освобожденном» Тибете⁶⁸. В 1955 г. в Тибете впервые побывали советские журналисты — В.В. Овчинников и В.Б. Кассис, совершившие по приглашению Госсовета КНР вместе с группой корреспондентов из разных стран (ЧССР, Польша, Англия, Франция, Италия, США) большое путешествие на советских автомобилях ГАЗ-69 через юго-восточные районы страны по новому, только что построенному Цинхай-Тибетскому шоссе, по маршруту Ченду – Лхаса – Шигацзе. В опубликованных ими книгах-отчетах о поездке они нарисовали сильно приукрашенную, идеализированную картину «свободного» Тибета, строящего новое светлое будущее. Путешественникам удалось встретиться и поговорить с обоими буддийскими иерархами, Далай-ламой и Панчен-ламой, которые положительно отзывались о происшедших в Тибете

67 Богословский В.А. Тибетский район КНР (1949–1976). М., 1978. С. 52–61.

68 См.: Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете. М., 1956; Кассис В.Б. 80 дней в Тибете. М., 1956; Овчинников В.В. Путешествие в Тибет. М., 1957; Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. М., 1958. Уиннингтон А. Тибет: Рассказ о путешествии. М., 1958 (с предисловием В.П. Леонтьева).

переменах после «мирного освобождения» страны Китаем, особо отмечая прекращение старой «национальной розни», порожденной цинскими императорами и гоминьдановскими «реакционерами», которую «вдобавок» старательно разжигали «иностранные империалисты», и восстановление внутреннего единства Тибета. По словам Далай-ламы, со времени подписания в 1951 г. соглашения с Китаем тибетский народ «оставил путь, который вел к мраку, и пошел по пути, ведущему к свету...»⁶⁹. В то же время Овчинников особо подчеркнул тесное сотрудничество Панчен-ламы и его администрации (совета «Каньбу») с центральным правительством в Пекине — они оказывают активную поддержку культуре и хозяйственным начинаниям государства на юге Тибета и провели в жизнь первые мероприятия, направленные на улучшение жизни народа, аннулировав проценты, которые население выплачивало ростовщикам по долгам, существовавшим до 1951 г. Центральные власти, заявив своим зарубежным гостям Панчен-лама, строго соблюдают подписанное ими соглашение с Тибетом, они уважают религиозные чувства, нравы и обычаи тибетцев, открывают школы, больницы и магазины, которые так нужны Тибету⁷⁰.

Пекин откровенно заигрывал с Далай-ламой и Панчен-ламой, пытаясь привлечь их на свою сторону. Осенью 1954 г. оба тибетских лидера по приглашению Мао посетили Пекин для участия в торжествах, посвященных пятилетней годовщине КНР. На приеме, устроенном по этому поводу китайскими властями, Далай-лама впервые встретился с руководителями Советского государства Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным, которые, впрочем, не произвели на него большого впечатления в отличие от пандита Неру⁷¹. В своих мемуарах Далай-лама пишет о том, что сидевший рядом с ним за банкетным столом советский посол в Китае «выказал дружелюбие и интерес» к его впечатлениям о социализме. Когда Далай-лама ответил, что видит в социализме большие возможности, посол тут же пригласил его посетить СССР. Это предложение показалось Далай-ламе заманчивым, и у него возникло сильное желание совершить такую поездку в качестве рядового члена какой-нибудь делегации, которое ему, однако, не удалось осуществить⁷². Вообще же в тот период

69 Овчинников В.В. Путешествие в Тибет. С. 82-87; Он же. Вознесение в Шамбалу: Сто дней в Тибете пятидесятых и девяностых. М., 1997. С. 42, 66-67.

70 Овчинников В.В. Путешествие в Тибет. С. 168-170.

71 Свобода в изгнании: Автобиография Его Святейшества Далай-ламы Тибета. СПб., 1992. С. 95. См. также: /Dalai Lama XIV/. Freedom in Exile. The Autobiography of the Dalai Lama. New York, 1990. P. 93.

72 Свобода в изгнании... С. 96; Freedom in Exile... P. 94.

Далай-ламы XIII и Панчен-лама X во время визита в Пекин в 1954 г.
Фото из журнала News Tibet, 1995 (с. 4)

Далай-ламе, по его собственному признанию, нравился марксизм — в нем он, прежде всего, видел «систему, основанную на всеобщем равенстве и справедливости по отношению ко всем людям, что провозглашалось панацеей от всех бед». Единственным недостатком марксизма, с теоретической точки зрения, было отстаивание «чисто материалистического взгляда на человеческое существование», с которым Далай-лама не мог согласиться. Не нравились Далай-ламе и методы, которые китайцы использовали для достижения своих идеалов. Тем не менее, он выразил желание стать членом КПК. «Я был уверен — и до сих пор убежден в этом,— что возможно выработать синтез буддизма и чистого марксизма, который был бы на деле эффективным средством ведения политики», — утверждает он в своей автобиографии «Свобода в изгнании»⁷³.

В 1955 г. Пекин приступил к реформированию административной системы Тибета — по решению Госсовета КНР (по инициативе Мао Цзэдуна) было решено учредить в Лхасе Подготовительный комитет по созданию Тибетского автономного района (ПКТАР) во главе с Далай-ламой (председатель), Панчен-ламой и Чжаном Го-хуа (заместители председателя). Этот орган государственной власти, напрямую подчиненный Госсовету, должен был стать новым и, фактически, единственным правительством Тибета, заменив собой местные органы управления — администрацию Далай-ламы (Кашаг), совет «Каньбу» при Панчен-ламе и Народно-освободительный комитет Чамдо, ведавший делами Восточного Тибета⁷⁴. В состав комитета должны были войти представители этих трех

⁷³ Свобода в изгнании... С. 91-92; Freedom in Exile... P. 90.

⁷⁴ Более подробно об этом см.: Богословский В.А. Тибетский район КНР. С. 61-69.

местных тибетских правительств из «высших слоёв» общества, а также кадровые работники, направленные правительством КНР, что соответствовало политике «единого фронта». В то же время предполагалось временно сохранить Кашаг (по сути, обезглавленный в 1952 г., после вынужденной отставки двух первых министров (*силонов*) Луканва и Лобсанга Таши) и Цонгду, хотя, как отмечает Далай-лама, было ясно, что Пекин ведет дело к тому, чтобы ликвидировать эти органы местной власти в Тибете. Почти все «делегаты» ПКТАР были ставленниками Пекина, поэтому создание Подготовительного комитета, по словам Далай-ламы, было не что иное, как «цума» — очковтирательство⁷⁵. ПКТАР являлся «только фасадом тибетского представительства», реальная же власть находилась в руках китайцев. Фактически, все основные политические решения принимались другим органом власти — комитетом КПК в Тибете, в который тибетцы не входили⁷⁶. По-видимому, по подсказке этого комитета в 1955 г. президиум ПКТАР вынес решение о создании местного (тибетского) отделения Общества советско-китайской дружбы в Лхасе⁷⁷.

К проведению скороспелой административной реформы в Тибете центральное правительство Китая подтолкнули два события, оба произошедшие в 1954 г.: принятие первой конституции КНР, закрепившей положение о районной национальной автономии, и подписание китайско-индийского договора, в котором правительство Индии признало суверенитет Китая над Тибетом. Особенно важное значение имел договор с Индией — фактически, он означал официальное международное признание такого суверенитета и тем самым предоставил пекинским властям свободу действий в Тибете. Теперь они могли действовать без оглядки на Индию и западные страны и не опасаться их вмешательства на стороне тибетского правительства⁷⁸.

Создание ПКТАР вызвало большое недовольство тибетцев, которое усилилось после того, как центральное правительство, вопреки собственным заверениям и положениям Соглашения 1951 г., приступило в декабре 1955 г. к проведению земельных реформ в Тибете. Эти реформы (безвозмездная конфискация монастырских земель и введение кооперативной системы землепользования) не-

75 /Dalai Lama XIV/. Freedom in Exile... P. 108.

76 Shakabpa W.D. Tibet: A Political History. P. 310.

77 Кассис В.Б. 80 дней в Тибете. С. 92.

78 Клинов А.С. Политический статус... С. 314, 331.

избежно привели к конфронтации с ламаистским духовенством, остававшимся главной политической силой в стране. Во второй половине 1950-х начались стихийные антикитайские выступления в восточных районах Тибета, в Каме и Амдо, которые вскоре приняли характер широкомасштабных военных действий, по сути партизанской войны, с целью завоевания независимости Тибета. Потерпев поражение в боях с НОАК, отряды *кампа* и *амдова* переместились в Южный Тибет, где в районе Лока создали свою основную базу. Далай-лама и лхасские власти не препятствовали этому, но и не оказывали какой-либо помощи повстанцам, хотя и сочувствовали их борьбе. В 1958 г. в результате слияния различных повстанческих отрядов была организована так называемая «Добровольческая армия защиты буддизма» (Тенсунг дханланг магар), насчитывавшая около 80 тысяч человек⁷⁹. Эта борьба восточнотибетских племен получила поддержку США — в декабре 1955 г. американский президент Д. Эйзенхауэр разрешил шефу ЦРУ Аллену Даллесу приступить к разработке секретных операций с целью подрыва «международного коммунизма», что привело к созданию различных подпольных групп и отрядов сопротивления. Как отмечает Ц. Шакья, «в то время как Джон Фостер Даллес выступал с дипломатическими инициативами, направленными на сдерживание Китая, его брат занимался планированием тайных операций в Тибете»⁸⁰. Известно, что ЦРУ подготовило для диверсионной борьбы на базе Кэмп Хейл (Колорадо) в течение шести лет примерно 170 тибетцев, которые затем различными способами были заброшены в Восточный Тибет; американцы также доставляли камским мятежникам оружие и боеприпасы, которые сбрасывались с самолетов⁸¹. (В 1957–1961 гг. в ходе 25–30 американских «миссий помощи» в Тибет было «заброшено» 250–400 тонн оборудования: оружие, радиопередатчики, медикаменты, ручные печатные машины и др.⁸²) Поддержка США тибетских повстанцев, однако, носила ограниченный характер и не привела к их существенному усиле-

79 Там же. С. 320. О повстанческом движении в Тибете во 2-й половине 1950-х см. также: Богословский В.А. Тибетский район КНР. С. 72-78; Shakya Ts. The Dragon in the Land of Snows... P. 136-147, 163-185.

80 Shakya Ts. The Dragon ... P. 170.

81 Ibid. С. 170-184; /Dalai Lama XIV/. Freedom in Exile... P. 121-122. Клинов А.С. Политический статус... С. 321. Более подробно о деятельности ЦРУ в связи с движением сопротивления в Тибете см.: Grunfeld A.T. A Brief Survey of Tibetan Relations with the United States // Tibet and Her Neighbours: A History. Vol. II. P. 199-205; Norbu Jamyang. The Tibetan Resistance Movement and the Role of the CIA // The History of Tibet. Vol. II. P. 610-618; Laird Thomas. Into Tibet: The CIA First Atomic Spy and His Secret Expedition to Lhasa. New York, 2002; Knaus J.K. Orphans of the Cold War: America and the Tibetan Struggle for Survival. New York, 1999.

82 Grunfeld A.T. A Brief Survey of Tibetan Relations... P. 200.

нию. Объясняется это тем, что Вашингтон в своей антикитайской политике гораздо больше рассчитывал на укрепившийся на Тайване режим Чан Кайши, чем на другие оппозиционные Пекину силы, включая тибетское повстанческое движение и тибетскую эмиграцию в Калимпонге.

В марте 1959 г. в Лхасе неожиданно вспыхнуло восстание, которое затем перекинулось и на другие районы Центрального Тибета. Непосредственным толчком для него послужили слухи о том, что китайские военные власти намереваются «похитить» Далай-ламу и насильно увезти в Пекин⁸³. Восстание это было стихийным и имело сугубо антикитайскую направленность, отражавшуюся в главных требованиях восставших – «изгнать ханьцев» (этнических китайцев. — А.А.) и «восстановить независимость Тибета». Ни ЦРУ, ни тибетская эмиграция не были причастны к нему. Пекинские власти быстро и решительно подавили «мятеж» тибетцев, и 23 марта над дворцом Потала — впервые в истории Тибета — взвился пятизвёздный красный флаг КНР. Лхасское восстание имело трагические последствия для Тибета — роспуск местного правительства, заподозренного Пекином в организации мятежа, бегство Далай-ламы в Индию и массовый исход тибетцев со своей родины. К началу 1960 г., когда китайским властям удалось полностью восстановить контроль над Тибетом, страну покинули 80 тыс. тибетцев — в основном крестьяне, скотоводы и монахи, бежавшие в Индию, Бутан и Непал. (Для сравнения, всего в собственно Тибете, т. е. на территории, находившейся под непосредственной юрисдикцией лхасского правительства, которая и явилась основной ареной восстания, в то время проживали 600 тыс. тибетцев.) В ходе подавления восстания, между мартом 1959 г. и сентябрем 1960 г., в Лхасе и на остальной территории Тибета было убито 87 тыс. тибетцев, 25 тыс. человек арестовано⁸⁴. Среди арестованных оказался и 73-летний Царонг, руководитель строительного отдела ПК ТАР, который вскоре умер в лхасской тюрьме⁸⁵.

После ликвидации повстанческого движения на юго-востоке Тибета силами китайской Красной Армии повстанцы отступили в Гималаи. Там в полунезависимом княжестве Мустанг (Непал) ими в 1960 г. на средства ЦРУ была создана партизанская база, откуда

83 Более подробно о восстании в Лхасе см.: Богословский В.А. Тибетский район КНР. С. 79-87; Shakya Ts. The Dragon in the Land of Snows... P. 185-211; /Dalai Lama XIV/. Freedom in Exile... P. 123-143.

84 Богословский В.А. Тибетский район КНР. С. 86-87.

85 Об аресте и смерти Царонга см.: Tzarong Dasang Damdul. Op. cit. P. 147-148.

они стали совершать спорадические набеги на территорию Тибета. Эта партизанская война тибетцев — в целом малоэффективная, хотя и державшая в напряжении китайские пограничные гарнизоны — продолжалась до начала 1970-х, когда ЦРУ прекратило финансирование своих операций в Мустанге.

Главный итог Лхасского восстания — установление жесткого военного контроля частей НОАК над всей территорией Тибетского района и прекращение действия Соглашения 1951 г. По мнению Ц. Шакья, «восстание 1959 г. положило конец попытке добиться сосуществования между коммунистическим Китаем и буддийским Тибетом. Бегство Далай-ламы символизировало окончательную гибель Тибета как автономного субъекта в рамках Китайской Народной Республики». Соглашение 1951 г., утверждает Шакья, с самого начала было обречено на провал, поскольку подписавшие его стороны «видели в нём только то, что хотели видеть»: тибетцы — гарантию своей автономии и сохранения существующего статуса Далай-ламы, китайцы — признание Тибетом верховной власти Китая⁸⁶. Однако реализовать эти диаметрально противоположные цели на практике оказалось невозможным.

Драматические события в Тибете получили большой международный резонанс. Ведущие капиталистические страны резко осудили действия Китая с политической и гуманитарной точек зрения (нарушение прав человека). В целом они рассматривали тибетский конфликт в духе «холодной войны» и проводили параллель между тибетским и венгерским восстаниями, называя Тибет «второй Венгрией». Что касается СССР и стран соцлагеря, то они, как и следовало ожидать, выступили в защиту КНР. Позиция советского руководства была предельно четко выражена в заявлении «Правды» от 5 апреля, возложившем всю вину за случившееся на местное тибетское правительство — «реакционную верхушку» Тибета, которая, «войдя в сговор с империалистическими кругами за рубежом и чан-кайшистской бандой... пошла на открытую измену родине». При этом повторялся основной тезис Пекина о том, что Тибет является «неотъемлемой частью Китая». Бегство же Далай-ламы из Тибета интерпретировалось как его «похищение» мятежниками — версия, официально выдвинутая Пекином, чтобы снять с себя ответственность за несанкционированный отъезд из страны наиболее влиятельного тибетского лидера. Разделяя в целом точку зрения Пекина на тибетские события, Москва, однако, возде-

86 Shakya Ts. *The Dragon in the Land of Snows...* P. 208-209.

ржалась от публичной критики индийского правительства за его «вмешательство во внутренние дела Китая», как это сделали руководители КНР⁸⁷. Подобная сдержанность СССР, очевидно, объяснялась нежеланием Н.С. Хрущева портить дружеские отношения с Дж. Неру. Единственной коммунистической страной, осудившей КНР, была Югославия, которая заявила, что причиной восстания послужило «неправильное применение марксистской национальной политики» пекинскими лидерами⁸⁸.

Руководство СССР, конечно же, хорошо знало о сильных антикитайских настроениях тибетского населения и вооруженной борьбе камско-амдоских племен, но его в не меньшей степени беспокоила и тибетская оппозиция на севере Индии (в Калимпонге и Даржилинге), во главе которой находились старшие братья Далай-ламы Гьело Тондуп и Такцер Римпоче (Тубтен Джигме Норбу). 12 февраля 1959 г. — приблизительно за месяц до Лхасского восстания — Политбюро ЦК заслушало сообщение министра иностранных дел А.А. Громыко о «подрывной деятельности против КНР, проводимой западными державами на индо-китайской границе», и приняло решение о передаче этой информации «китайским друзьям». В докладе Громыко, в частности, говорилось о «сети английского шпионажа», созданной в Калимпонге и примыкающих к нему районах бывшим главой английской миссии в Лхасе Х. Ричардсоном, выехавшим из Тибета в 1951 г. К этой шпионской группе принадлежал и известный англичанин-буддист, содержавший «частный монастырь» в Гималаях, Бикшу Сангаракшита⁸⁹. «В Калимпонге и Даржилинге,— утверждал Громыко,— осела большая группа тибетцев, бежавших в Индию после прихода в Тибет Китайской Народной Армии. Реакционная деятельность этой группы, направленная против КНР, возглавляется братом Далай-ламы Gialo Tandup и бывшим министром финансов Tsipon Shakabra»⁹⁰.

В конце апреля того же года МИД разослал в дипломатические представительства СССР за рубежом специально разработанные «указания», разъясняющие официальную советскую позицию в связи с событиями в Тибете. В преамбуле документа отмечалось, что

87 Китай. Пекин, 20 мая 1959. С. 5, 7.

88 Shakyu Ts. The Dragon.... P. 212.

89 Сангаракшита — наст. имя Д.П.Е. Лингвуд (р. 1925), буддийский проповедник, создатель и глава Ордена Западных буддистов (Trailokya Vauddha Mahasangha).

90 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, лл. 93-96.

империалистические круги США и других капиталистических стран, используя «реакционный мятеж» в Тибете, развернули «широкую пропагандистскую кампанию» с целью нанести ущерб влиянию КНР и всего социалистического лагеря в странах Азии. Советским дипломатам следовало оказать противодействие этой враждебной кампании, руководствуясь следующими положениями:

«1) События в Тибете являются внутренним делом КНР, и вмешательство в тибетские дела не допустимо ни под каким предлогом. Советский Союз полностью поддерживает мероприятия китайских друзей, направленные на ликвидацию мятежа и на осуществление демократических преобразований в Тибете.

2) В необходимых случаях давать отпор враждебным или ошибочным высказываниям по этому вопросу и разъяснять истинный характер тибетских событий и наше отношение к ним на основе статьи «Правды» от 5 апреля с. г., не вызывая, однако, по своей инициативе излишних дискуссий и противодействуя расширению инспирированной империалистическими кругами шумихи вокруг так наз. «тибетского вопроса».

3) При проведении этой работы следует поддерживать тесный контакт с послами и другими представителями КНР, имеющимися в стране пребывания.

4) Представительству СССР в ООН выступать против любых попыток поставить в ООН в той или иной форме «тибетский вопрос», квалифицируя это как проявление грубого вмешательства во внутренние дела КНР.

5) Необходимо внимательно следить за настроениями в политических, общественных и религиозных кругах страны пребывания в связи с событиями в Тибете, за происками реакционных сил и их попытками использовать национальные и международные организации и конференции для раздувания враждебной КНР кампании.

Своевременно информировать Центр об относящихся к этому фактах, заслуживающих внимания»⁹¹.

Западные державы, прежде всего США, со своей стороны, стремились оказать поддержку и помощь тибетской оппозиции, что кажется вполне закономерным в условиях глобального противостояния двух политических систем. В конце 1959 г. создаются первые общественные организации помощи тибетским беженцам (Central Relief Committee в Индии и American Emergency Committee for Ti-

⁹¹ Там же. Лл. 98-100.

betan Refugees в США). Летом того же года в Женеве весьма авторитетная Международная комиссия юристов (МКЮ) обнародовала предварительные результаты своего расследования тибетских событий в виде доклада «Тибетский вопрос и правопорядок» (полностью опубликован в 1960 г.⁹²) Этот документ способствовал формированию общественного мнения на Западе в отношении Тибета и тибетской политики руководства КНР. Главный вывод, сделанный членами МКЮ, заключался в том, что Тибет в 1911–1950 гг. являлся де-факто независимым государством. Юристы также признали законными решения Симльской конвенции 1914 г., установившей статус Тибета как автономного государства под сюзеренитетом Китая. При этом они отметили, что такой статус, по сути, являлся номинальным. Соглашение 1951 г. было навязано Тибету силой, и потому естественно, что Кашаг в ходе мартовского 1959 г. восстания провозгласил (11 марта) восстановление независимости Тибета. Окончательный же вердикт по вопросу о политическом статусе Тибета, по мнению МКЮ, может быть вынесен только ООН. В то же время комиссия юристов сделала крайне важное заключение по вопросу о состоянии прав человека в Тибете, признав, что власти КНР осуществляют в Тибете политику геноцида против тибетцев как этнической и религиозной группы⁹³.

Тем временем бежавший в Индию Далай-лама 9 сентября направил послание генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршельду. В нём, напоминая об отложенном в ноябре 1950 г. рассмотрении на Генеральной Ассамблее вопроса об агрессии Китая против Тибета в надежде на мирное урегулирование конфликта, Далай-лама сообщал о том, что эта агрессия до сих пор не закончилась, а, напротив, приобрела более широкие масштабы, фактически охватив всю территорию Тибета. «В этих обстоятельствах и ввиду бесчеловечного обращения и преступлений против человечности и религии, которым подвергается тибетский народ, я прошу немедленного вмешательства ООН»⁹⁴. В результате в повестку дня XIV сессии ГА ООН, по инициативе представителей Малайзии и Ирландии, был включен вопрос о нарушении Китаем прав человека в Тибете, и затем канцелярия генсека распространила письмо

92 International Commission of Jurists. The Question of Tibet and the Rule of Law. Geneve, 1959; Tibet and the Chinese People's Republic: Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Committee on Tibet. Geneve, 1960.

93 Клинов А.С. Политический статус... С. 328–331.

94 Shakyas Ts. The Dragon in the Land of Snows... P. 225–226.

Далай-ламы среди государств-членов ООН и сделала его достоянием прессы. В СССР вполне ожидали подобного развития событий. Ещё в начале августа представитель СССР в ООН В.В. Кузнецов направил в МИД записку «О мероприятиях в связи с возможностью обсуждения «тибетского вопроса» на XIV сессии ГА»⁹⁵. А месяц спустя Политбюро утвердило «директивы» делегации СССР в ООН по вопросам, подлежащим рассмотрению на ГА, в том числе и по тибетскому — на случай возможных «провокационных выступлений» против КНР в связи «с реакционным мятежом в Тибете». В соответствии с этими инструкциями, советской делегации следовало «выступать против любых попыток поставить в той или иной форме в ООН так называемый «тибетский вопрос», квалифицируя это как проявление грубого вмешательства во внутренние дела КНР, несовместимого с основными принципами ООН, в частности с п. 7 ст. 2 Устава ООН». Давая отпор «враждебным высказываниям» по этому вопросу, делегаты должны были «разъяснять истинный характер тибетских событий, подчеркивать, что затеянная определенными кругами тибетская авантюра является попыткой вмешаться во внутренние дела социалистических государств и обострить международную напряженность». В случае же включения «тибетского вопроса» в повестку дня, делегации СССР надлежало «принять участие в прениях, возражать и голосовать против любых предложений, направленных на вмешательство во внутренние дела Китая». Ещё один важный пункт директив касался индо-китайских отношений, резко обострившихся в связи с бегством Далай-ламы в Индию и с пограничным конфликтом, имевшим место в начале сентября в ассамских Гималаях: «Если делегация Индии заявит, что Индия хотела бы установить контакт с КНР по тибетскому вопросу, и попросит нас выступить посредником между Индией и Китаем, ответить, что наиболее правильным было бы установление прямых контактов между Индией и КНР»⁹⁶. Москва, очевидно, не хотела быть втянутой в обсуждение тибетской проблемы и стремилась содействовать примирению Дели и Пекина. В то же время представитель СССР при ООН (В.В. Кузнецов) получил указание — посетить Д. Хаммаршельда и заявить ему, что СССР считает неприемлемым его намерение распространить в качестве документа XIV сессии ГА поступившую из Индии теле-

95 АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, лл. 117-122. Записка В.В. Кузнецова датирована 6 августа 1959.

96 Там же. Лл. 123-124.

грамму Далай-ламы, поскольку Далай-лама — «частное лицо», а не «официальный представитель»⁹⁷.

Несмотря на противодействие СССР и стран советского блока, XIV сессия ГА ООН рассмотрела тибетский вопрос в плане нарушения китайскими коммунистами прав человека в Тибете, которое представитель США характеризовал как «зверства, равносильные преступлению геноцида». Державы, однако, не решились поставить этот вопрос в плоскости политического статуса Тибета (к чему, по сути, и сводится тибетская проблема), против чего решительно возражал представитель Тайваня, заявивший, что «Тибет — часть Китая». Глава делегации СССР, строго следуя полученным инструкциям, также выступил против обсуждения тибетского вопроса, приведя основные аргументы советской стороны: 1) такое обсуждение будет способствовать росту напряженности в мире и помешает начинающемуся улучшению международных отношений и 2) постановка вопроса о нарушении прав человека в Тибете будет означать вмешательство во внутренние дела Китая, что противоречит положениям Устава ООН. Тем не менее, 21 октября XIV сессия ГА ООН большинством голосов приняла резолюцию, в которой выражалась озабоченность по поводу «поступающих сообщений, включая официальные заявления... Далай-ламы, о том, что тибетский народ насильственно лишен основных прав и свобод», и содержался призыв к Китаю уважать основные права тибетского народа, а также его культуру и религию⁹⁸.

Китай и СССР реагировали на это решение довольно болезненно. 25 октября «Правда» опубликовала заявление правительства КНР, в котором утверждалось, что XIV сессия ГА ООН «незаконно обсуждала» так называемый «тибетский вопрос» и приняла резолюцию, в которой содержалась «клевета на КНР». Тибет — это «территория Китая», заявляли пекинские лидеры. «Ликвидация мятежа реакционных элементов Тибета и проведение демократических реформ в Тибетском районе являются исключительно внутренним делом Китая, в него не имеет право вмешиваться США и любое другое государство или любая международная организация». В то же время Пекин, со своей стороны, обвинил в нарушении прав человека тибетскую оппозицию: «кучка тибетских мятежников, всемерно стремящихся сохранить темный, жестокий, варварский

97 Там же. Л. 126.

98 Клинов А.С. Политический статус... С. 337-341; Тибет: Права человека и законность. Официальное заключение Международной юридической комиссии. Дхарамсала (Индия), 1998. С. 25 (приложение 3).

крепостной строй в Тибете, пытается лишить человеческих прав подавляющее большинство тибетского народа» (!).

Поведение делегации СССР при обсуждении тибетского вопроса Генеральной Ассамблеей ООН и пропагандистские публикации в советской прессе в 1959 г. свидетельствовали о безусловной поддержке Кремлем политики Китая в Тибете. В действительности, однако, советское руководство во главе с Н.С. Хрущевым было недовольно тем, как китайские коммунисты решают тибетскую проблему. Это недовольство являлось одной из причин начавшегося во второй половине 1950-х гг. ухудшения советско-китайских отношений, в основе которого лежали идейно-политические расхождения руководства двух братских стран и партий по ряду ключевых вопросов современности (вопросы войны и мира, развития мировой социалистической системы и др.). По сути, это было столкновение возросших политических амбиций Москвы и Пекина, которое в личном плане сводилось к конфликту Н.С. Хрущева и Мао Цзэдуна. Хрущев откровенно пытался руководить коммунистическим строительством в Китае, не слишком считаясь с национальными чувствами китайцев. Мао же хотел идти своим собственным, «китайским путем»: его не устраивала роль «младшего брата», послушно исполняющего указания Кремля, и всё более раздражал «русский национализм», принижающий значение великой китайской нации, что проявлялось в высокомерно-пренебрежительном отношении к китайцам некоторых советских советников. Стратегическая цель внешней политики Мао Цзэдуна и его сподвижников состояла в том, чтобы «утвердить Китай в качестве “срединной” мировой державы, окруженной послушной периферией, и добиться мирового господства»⁹⁹. Как справедливо отмечает О.А. Трояновский, «Китай, который по праву считал себя великой державой, не мог в течение долгого времени оставаться на вторых ролях в каком-либо ансамбле. Между тем в союзе с СССР он был обречен именно на такую роль»¹⁰⁰.

В начале октября 1959 г. во время правительственного визита делегации СССР в Пекин на празднование десятилетия образования КНР между Н.С. Хрущевым и Мао Цзэдуном произошла перепалка, поводом для которой послужило заявление ТАСС в связи с вооруженным конфликтом на индо-китайской границе.

⁹⁹ История внешней политики СССР. Т. 2: 1945–1975. М., 1976. С. 376.

¹⁰⁰ Трояновский О.А. Через годы и расстояния. М., 1997. С. 347.

Мао возложил вину за пограничный инцидент на индийское правительство, в частности на Дж. Неру, Хрущев же, напротив, виноватыми считал китайцев, допустивших кровопролитие (убийство нескольких индийских пограничников) и чрезмерно раздувших затем конфликт локального масштаба («пустяковый инцидент», по словам М.А. Суслова). Разговор невольно перешел на другую острую тему — о Тибете. Хрущев заявил, что тибетские события — «это вина Коммунистической партии Китая», а не вина Неру, как утверждал Пекин. Китайцам не следовало допускать ухода Далай-ламы из Тибета. «Будь мы на вашем месте, мы бы не дали ему уйти», добавив при этом цинично: «Лучше бы, если бы он был в гробу». Бегство Далай-ламы в Индию, с точки зрения советского лидера, было чревато неприятными последствиями: находившийся в Индии Далай-лама мог в любое время отправиться в США и тем самым нанести ущерб социалистическим странам. Мао парировал эти обвинения, отметив, что Китай не мог воспрепятствовать уходу Далай-ламы, «ибо граница Индии имеет большую протяженность и он мог перейти её в любом пункте». Такой довод, однако, не убедил Хрущева: «Вы господствовали в Тибете, должны были там иметь свою разведку и знать о планах и намерениях далай-ламы»¹⁰¹. Тибетская тема затем еще несколько раз всплывала в ходе беседы. Так, Хрущев критиковал Китай за непроведение в Тибете радикальных реформ, но Мао оправдывался: «Решение об отложении преобразований было принято раньше, до того, как Далай-лама побывал в Индии (в 1956–57 гг. — А.А.). Мы не могли без повода начать там наступление»¹⁰².

В то же время как государственный деятель Хрущев отнёсся сочувственно, с пониманием, к позиции Дж. Неру в тибетском вопросе, исходившего из соображений национальной безопасности Индии. В своих мемуарах он писал: «Индия заняла тогда антикитайскую и протибетскую позицию. Она, хотя и не прямо, но довольно явно выражала симпатии тибетцам. Я говорил китайским товарищам, что следует отнестись к этому факту терпимо и с пониманием. Ведь Неру политически трудно поддерживать Китай в тибетском деле. Надо иметь в виду, что Тибет граничит с Индией, которой более всего выгоден независимый Тибет, слабая страна, не

101 Зубок В.М. Переговоры Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля – 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 99, 100.

102 Там же. С. 103.

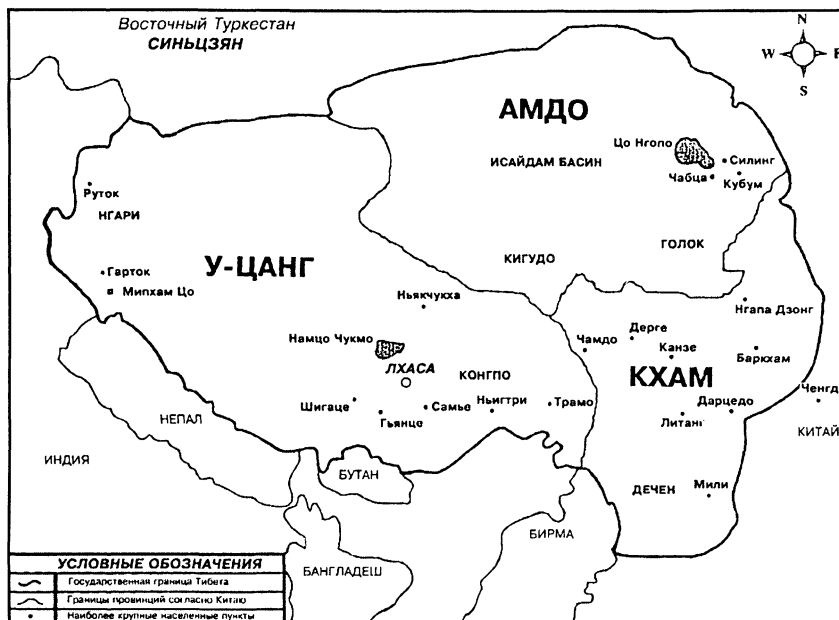
представляющая никакой угрозы для Индии. Китайский же Тибет мозолит ей глаза»¹⁰³.

Таким образом, в конце 1950-х, в связи с Лхасским восстанием и бегством Далай-ламы в Индию, Москва стала проявлять определенное недовольство политикой Китая в Тибете, что отчасти являлось отражением начавшихся трений между двумя государствами. При этом, однако, советская критика китайских властей за допущенные ошибки не была публичной и не выходила за рамки внутреннего советско-китайского диалога. Вместе с тем позиция СССР по вопросу о статусе Тибета оставалась неизменной: Кремль продолжал считать Тибет неотъемлемой частью Китая и был готов оказать всемерную поддержку КНР в этом вопросе на международной арене.

6.3. Тибет в советско-китайских отношениях, 1960-е – 1980-е гг.

Годы 1959–1965 были переломными в истории Тибета. После подавления восстания в Лхасе пекинские власти приступили к проведению коренных преобразований в политической и социальной структуре тибетского общества. Согласно постановлению Госсовета КНР от 28 марта 1959 г., функции ликвидированного местного тибетского правительства были целиком переданы ПК ТАР. Исполняющим обязанности председателя комитета — на период, пока XIV Далай-лама «будет находиться в руках мятежников» — стал Панчен-лама. Подвергся реорганизации и сам Подготовительный комитет, в котором был создан ряд новых отделов в дополнение к имеющимся. Однако реальная власть в стране находилась в руках армии (повсеместно созданных комитетов военного контроля) и партийных органов, которые возглавляли в основном китайцы. В задачи военных комитетов входило не только «подавление мятежа» и «защита народа», но и организация местных органов управления всех ступеней. В июле 1965 г. в Тибете были проведены выборы депутатов в собрания народных представителей (волостные, уездные и в высшее Собрание народных представителей ТАР), после чего Госсовет КНР 23 августа принял решение об образовании Тибетского автономного района. Этим шагом был завершен продолжавшийся почти пятнадцать лет про-

¹⁰³ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 3. М., 1999. С. 85.

Вверху: Тибет накануне китайского вторжения

Внизу: Административные границы Тибета после китайского вторжения

Из брошюры «Тибет. Общий обзор», с. 16-17.

цесс создания автономии у тибетцев КНР. В ТАР вошли территории, подчиненные до 1959 г. правительствам Далай-ламы и Панчен-ламы, а также район Чамдо. За пределами автономного района остались населенные тибетцами обширные области Восточного Тибета (Кам и Амдо), которые были включены в состав китайских провинций Ганьсу, Цинхай, Сычуань, Юньнань. В результате площадь ТАР (1,2 млн. кв. км) составила немногим более половины территории расселения тибетцев (2 млн. кв. км), а население района (1200 000 человек) — даже менее половины всех тибетцев, проживавших в то время в КНР (3 млн. человек)¹⁰⁴. (Сам Далай-лама считает, что общее число тибетцев, населяющих КНР, составляет приблизительно 6 млн. человек.)

В тот же период в Тибете были проведены коренные социальные преобразования — была осуществлена аграрная реформа, ликвидировавшая феодальную собственность на землю и средства производства, уничтожена феодальная личная зависимость непосредственных производителей. Началось кооперирование крестьян. Эти реформы проводились китайскими властями «сверху», в условиях массовых репрессий и разрушения традиционных институтов тибетского общества¹⁰⁵. Реформа буддийской церкви в Тибете, проводившаяся наряду с реформой органов управления и аграрной реформой, привела к резкому сокращению числа духовенства и закрытию абсолютного большинства монастырей, которое нередко сопровождалось их разрушением, уничтожением предметов культа и наиболее почитаемых тибетцами реликвий. Десятки тысяч монахов были убиты, репрессированы или бежали за границу. Жестоким гонениям подверглись и многие представители высшей церковной иерархии, в том числе и сотрудничавший с властями Панчен-лама. В августе 1964 г. в Лхасе состоялся публичный суд над Панченом, обвиненном в «измене» и организации «реакционного заговора». Позднее (в декабре) официально «изменником» был объявлен и Далай-лама, что повлекло за собой снятие его со всех формально сохранявшихся за ним постов, в том числе с поста председателя ПК ТАР. В середине 60-х в Тибете стали создаваться первые «народные коммуны», однако массовый характер «коммунизация» тибетской деревни приняла только во время «культурной революции». Введение системы «коммун» — в большинстве случаев насильствен-

104 Богословский В.А. Тибетский район КНР. С. 88-93.

105 Там же. С. 95-106.

ное — позволило пекинским властям усилить свой контроль над Тибетом и в то же время окончательно разрушить тибетскую традиционную (феодалную) экономическую систему.

В эти переломные годы тибетский вопрос продолжал находиться в центре внимания мировой общественности и дважды (в 1961 и 1965) рассматривался на Генеральной Ассамблее ООН, в обоих случаях, как и в 1959 г., преимущественно в плоскости нарушения прав человека в Тибете. 20 октября 1961 г. XVI сессия ГА приняла резолюцию 1723, в которой КНР (не названная, впрочем, по имени) вновь призывалась «к прекращению нарушения основных прав и свобод тибетского народа, включая право на самоопределение». Резолюция 2079, принятая на XX сессии ГА 18 декабря 1965 г., осудила «продолжающиеся нарушения прав и свобод тибетцев», отметив при этом, что «подавление уникальных культурных и религиозных проявлений тибетского народа ведет к росту международной напряженности и осложнению отношений между народами во всем мире»¹⁰⁶. Советская делегация оба раза голосовала против резолюций по Тибету, повторив свой основной тезис о недопустимости вмешательства во внутренние дела КНР. В 1961 г. представитель СССР, в частности, заявил, что Тибет является частью Китая, поэтому обсуждение тибетской проблемы в Генеральной Ассамблее ООН будет нарушением суверенитета КНР¹⁰⁷. (Как и в 1959 г., в Президиуме ЦК КПСС в начале 1961 г. были разработаны «мероприятия» с целью недопущения обсуждения на ГА «венгерского» и «тибетского» вопросов¹⁰⁸, т. е. вопросов о «коммунистической агрессии» против Тибета и Венгрии.) Не ограничиваясь этим, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, действуя методами закулисной дипломатии, достиг договоренности с рядом видных деятелей США о взаимных уступках советской и американской сторон в интересах разрядки. Одна из уступок заключалась в снятии тибетской проблемы с повестки дня XVI сессии ГА ООН. Подобная «сделка», однако, вызвала серьезные возражения среди конгрессменов США, считавших, что отказ от обсуждения венгер-

¹⁰⁶ Цит. по: Тибет: Права человека и законность. С. 26-27. См. также: Question of Tibet. Resolution of the General Assembly. 16-th Session (1961) // Tibet in the United Nations. 1950-1961. New Delhi, 1962. P. 311; Пленарное заседание № 1403. Тибетский вопрос. Резолюция № 2079 (XX). 18. 12. 1965 // ООН. Генеральная Ассамблея. Двадцатая сессия. Резолюции. Дополнение № 14 (A/6014). Нью-Йорк, 1966. С. 4.

¹⁰⁷ Клинов А.С. Политический статус... С. 341.

¹⁰⁸ АПРФ. Ф. 3, оп. 65, д. 739, лл. 151-157 (Постановление Президиума ЦК: О мероприятиях с целью снятия с повестки дня ГА «венгерского» и «тибетского» вопросов, 3 февраля 1961; Выписка из приложения к постановлению Президиума ЦК: О тибетском и венгерском вопросах, 18 февраля 1961; Постановление Президиума ЦК: О директивах делегации СССР на 2-ой части сессии ГА и о составе делегации, 24 февраля 1961).

ского и тибетского вопросов будет выгоден лишь коммунистическим странам, и настаивавших на их рассмотрении на высшем международном уровне¹⁰⁹. Как отмечает А.С. Клинов, резолюция ГА ООН 1723 (XVI) явилась шагом вперед по сравнению с принятой двумя годами ранее резолюцией 1353 (XIV) — она уделила серьезное внимание вопросу о политическом статусе Тибета, открыто признав право тибетского народа на самоопределение¹¹⁰.

Что касается резолюции 2079 (XX), то она была принята уже после создания тибетской автономии, что, впрочем, не изменило негативного отношения международного сообщества к политике китайских властей в Тибете. Резолюция 2079 от 18 декабря 1965 г., по существу, не признала суверенитет Китая над Тибетом, подтвердила право тибетского народа на самоопределение и санкционировала международную помощь тибетской оппозиции¹¹¹. Принятые ООН в 1961 и 1965 гг. резолюции, однако, имели сугубо рекомендательный характер и потому в практическом плане не могли ничего изменить в положении Тибета. В дальнейшем тибетский вопрос постепенно отходит на второй план, чему в немалой степени способствовали рост международного престижа коммунистического Китая и нежелание Вашингтона обострять отношения с Пекином после начавшегося в 1970-е гг. сближения между США и КНР.

Тем временем бежавший в Индию Далай-лама сформировал в 1960 г. в гималайском селении Дхарамсала (штат Химачал Прадеш) правительство Тибета в эмиграции. Поначалу это вызвало большое недовольство главы индийского правительства Дж. Неру, опасавшегося, что такой шаг поведет к дальнейшему ухудшению индо-китайских отношений. И, действительно, Пекин рассматривал предоставление Индией убежища Далай-ламе и тысячам тибетских беженцев как недружественный акт и нарушение принципов Панча Шилы (Пять принципов мирного сосуществования), положенных в основу индо-китайского договора 1954 г. Поэтому официальный Дели заявил о непризнании «какого-либо отдельного тибетского правительства, функционирующего в Индии». Сам Неру в это время занимал двойственную позицию: с одной стороны, он стремился поддерживать дружественные отношения с со-

109 Клинов А.С. Политический статус... С. 341.

110 Там же. С. 341-342.

111 О дискуссиях в ГА ООН по тибетской проблеме в 1959–1965 гг. и принятых ею резолюциях о политическом статусе Тибета см.: Клинов А.С. Политический статус... С. 337-344, 350, 359-362, 374-379, 390-391.

седним Китаем, с другой — искренне симпатизировал тибетцам и лично Далай-ламе, хотя и был против создания независимого тибетского государства. Являясь сторонником автономного Тибета «под сюзеренитетом Китая» (формула Симлы), он считал, что Далай-ламе следовало активно сотрудничать с пекинскими властями с целью реализации «Соглашения из 17 пунктов», гарантировавшего Тибету национальную автономию. Впрочем, позиция Неру и его кабинета существенно изменилась после того, как индийские войска в 1962 г. потерпели сокрушительное поражение от НОАК в ходе нового индо-китайского пограничного конфликта в Ассамских Гималаях. Правительство Индии стало оказывать помощь тибетским беженцам — выделять им средства на «реабилитацию» и земельные участки для расселения на индийской территории. Дели также ослабил свой контроль над деятельностью тибетцев и позволил Далай-ламе создать сложную систему управления делами тибетской диаспоры, хотя так и не признал «администрацию Далай-ламы» в качестве законного правительства Тибета¹¹². В этой связи хотелось бы еще раз подчеркнуть важность признания Индией китайского суверенитета над Тибетом: это решение в большой степени предопределило отношение держав к статусу Тибета, поскольку в лице Индии они видели законного преемника Великобритании, что в конечном счете и решило судьбу тибетского государства и народа.

Дальнейшее ухудшение советско-китайских отношений побудило Москву пересмотреть своё отношение к тибетскому вопросу. Во второй половине 1960-х, после начала культурной революции в Китае (1966–1976), в СССР появился ряд публикаций (книги и статьи в периодической печати), содержавших необычайно острую критику национальной политики маоистского руководства Китая («Мао Цзедуна и его группы») в районах, населенных некитайскими (неханьскими) народами, прежде всего во Внутренней Монголии, Синьцзяне и Тибете. Эта критика, являвшаяся частью развернувшейся в эти годы яростной идеологической полемики между КПСС и КПК, продолжалась до начала 1980-х, однако исходила она в основном не от партийных идеологов, а от авторитетных ученых, главным образом сотрудников Института Дальнего Востока АН СССР, ангажированных для этих целей,— китаеведа, заведующего сектором национальных проблем, Т.Р.Рахимова и его коллеги ти-

112 Shakya Ts. The Dragon in the Land of Snows... P. 223, 235.

бетолога В.А. Богословского. В целом в публикациях Т.Р. Рахимова, В.А. Богословского и других авторов¹¹³ давалась вполне объективная и правдивая картина маоистских реформ в Тибете, являвшаяся полной противоположностью тому, что писалось в СССР о тех же реформах в 1950-е гг., в период «великой дружбы» с Китаем. Маоисты, утверждал Т.Р. Рахимов, проводят в отношении малых народов Китая — чжуаней, уйгуров, монголов, маньчжуров, тибетцев и др., проживающих на площади, составляющей около 60% всей территории КНР — «традиционную великодержавную националистическую политику», суть которой состоит в *насильственной ассимиляции и китаизации* этих народов. Эта политика, прежде всего, проявляется в вопросе государственного устройства не китайских народов, которые лишены права на самоопределение и создание своей национальной государственности, что является грубым нарушением основных принципов марксистско-ленинского учения по национальному вопросу. Мао Цзэдун и его сподвижники отбросили ленинские лозунги самоопределения и федерации, объявив в конституции 1954 г. Китай унитарным государством. Созданные же в КНР «территориальные национальные автономии» — это лишь «ширма для прикрытия политики насильственной ассимиляции»¹¹⁴.

Другой чрезвычайно важный вывод, сделанный Рахимовым и Богословским, касался политического статуса Тибета — до конца XVIII века, утверждали они, Тибет являлся независимым государством, за исключением краткого периода правления монгольской династии Юань в Китае. Цинам удалось установить контроль над Тибетом в 1792 г., однако местное управление осталось в руках тибетского правительства. Это правительство собирало налоги, выпускало деньги и содержало войско, обладало судебной властью. Синьхайская революция в Китае и антиманьчжурские выступления

113 См.: Рахимов Т.Р. Национализм и шовинизм – основа политики группы Мао. М., 1968; Он же. Великодержавная политика Мао Цзэдуна и его группы в национальном вопросе // Опасный курс: По поводу событий в Китае. Вып. 1. М., 1969. С. 193-200; Он же. Трубадуры шовинизма: Маоисты насаждают политику притеснения малых народов // Комсомольская правда. 1969. 20 мая; Он же. Судьбы неханских народов КНР. М., 1981; Богословский В.А. Горькая судьба тибетцев // Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975. С. 102-125; Он же. «Тибет», статья в БСЭ (3-е изд.). Т. 25. М., 1976. С. 541; Он же. Тибетский район КНР (1949–1976). М., 1978. Впервые критика национальной политики маоистского руководства КНР в Тибете прозвучала в книге историка Б.Г. Гафурова – Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Тибете. М., 1967. С. 133-134. Из других публикаций на эту тему см.: Юрченко М. Великоханьский курс Пекина // Известия. 1972. 12 февраля; Барнабеков М. Осенние мухи из Гуанмин Жибао // Литературная газета. 1973. 7 ноября; Актуальные проблемы борьбы с маоистскими фальсификациями в области истории. Материалы конференции. М., 1979; Маоизм и национальный вопрос: Сб-к статей. М.: Ин-т Дальнего Востока АН СССР, 1980. (Информационный бюллетень АН СССР. № 17.)

114 Рахимов Т.Р. Национализм и шовинизм – основа политики группы Мао. С. 67.

ния тибетского народа «избавили тибетцев от китайских войск и чиновников». Вернувшись в Лхасу, XIII Далай-лама провозгласил независимость Тибета, и в дальнейшем, с 1912 г. по 1949 г., Тибет «был, фактически, независим от центрального правительства». Таким образом, маоисты сфальсифицировали историю тибетского народа¹¹⁵. Созданная в 1921 г. Компартия Китая вплоть до 1949 г. стояла «в основном» на правильных позициях, поддерживая принципы самоопределения и федерации. Так, 2-й съезд КПК (май 1922) поставил в качестве ближайшей цели революции создание Китайской демократической федеративной республики на основе равноправия различных наций, живущих на территории Китая. А в 1945 г. КПК поддержала национальную политику Сунь Ятсена, предусматривавшую признание права наций на самоопределение и создание будущего Китая на основе федерации. Однако, придя к власти, Мао Цзэдун изменил свою точку зрения и отказался от данных им ранее обещаний. «Мао-цзедуновская группа» в действительности не выполнила ни одного из пунктов Соглашения 1951 г., предусматривавшего предоставление тибетскому народу национальной автономии. Так, маоисты отказались от объединения всех тибетцев в рамках одной автономной единицы, распределив их между ТАР и девятью автономными округами соседних китайских провинций, т. е., фактически, искусственно «расчленили» тибетский народ. Далее, массовое переселение китайцев в национальные районы не только существенно изменило их этнический состав (например, в Тибете, где китайцев прежде почти не было, они составляют ныне — в конце 1960-х — примерно половину всего населения!), но и привело к пагубным последствиям для экономики этих районов. Сельское хозяйство пришло в упадок, продукция промышленных предприятий резко сократилась; начался голод, охвативший целые области.

Рахимов и Богословский отмечали также и другие крайне негативные явления в Тибете, порожденные «великодержавным шовинизмом» маоистов: принудительные браки между тибетцами и китайскими переселенцами и солдатами, репрессии против представителей буддийского духовенства, преследование национальных кадров — фактически, их уничтожение, под предлогом борьбы с «местным национализмом». Ответной реакцией тибетцев на проводимую Пекином политику явились массовые антикитайские

¹¹⁵ Там же. С. 53, 68; Богословский В.А. Горькая судьба тибетцев. С. 103.

выступления и вооруженные восстания, происшедшие во второй половине 1950-х. Говоря о мартовском 1959 г. Лхасском восстании, В.А. Богословский, в частности, отметил, что этот «мятеж» был не изолированным явлением, «а лишь частью антикитайского движения, в котором участвовали широкие слои населения Тибета»¹¹⁶. А «Литературная газета» пошла еще дальше, назвав это движение «национально-освободительным движением тибетского народа»¹¹⁷.

Начало культурной революции в Тибете в августе 1966 г., по мнению советских критиков маоизма, ознаменовалось дальнейшим наступлением на национальные обычаи и традиционную буддийскую культуру тибетцев. Кафедральный собор в Лхасе и другие крупные монастыри подверглись разгрому. Запылали костры, на которых сжигались священные изображения и книги. Вместо буддийских текстов ламам предписывалось читать цитатник Мао. Тибетская письменность стала повсеместно заменяться китайской. Репрессии против малочисленной тибетской интеллигенции и духовенства привели к тому, что на свободе не осталось ни одного светского или религиозного лидера тибетского народа¹¹⁸.

После смерти в 1976 г. Мао Цзэдуна в тибетской политике КНР, однако, наметились некоторые позитивные перемены. Взяв курс на модернизацию страны, постмаоистское руководство Китая осудило культурную революцию и её эксцессы и, как следствие этого шага, сняло ряд ограничений, распространявшихся на религиозную сферу, культуру и образование «малых народов», включая тибетцев. В Тибете стали открываться монастыри, было реабилитировано несколько тысяч политзаключенных, в том числе Панчен-лама и другие видные представители тибетского духовенства. Помимо этого, китайские власти обратились к Далай-ламе и тибетской диаспоре за рубежом с призывом вернуться на родину, что положило начало контактам между Дхарамсалой и Пекином. В 1979–1980 гг. ТАР посетили три официальные экспертные делегации, отправленные правительством Тибета в эмиграции. Сам Далай-лама отнесся положительно к идее переговоров с новым китайским руководством, надеясь, что они приведут к окончательному

116 Богословский В.А. Горькая судьба тибетцев. С. 106.

117 Барнабеков М. Осенние мухи из Гуанмин Жибао // Литературная газета. 1973. 7 ноября.

118 Рахимов Т.Р. Национализм и шовинизм... С. 77-90; Богословский В.А. Горькая судьба тибетцев... С. 116 и далее.

разрешению тибетской проблемы. Этого, однако, не произошло, поскольку тибетская и китайская стороны продолжали находиться на своих прежних диаметрально противоположных позициях: Пекин хотел, чтобы Далай-лама признал Тибет частью Китая (чего тот, разумеется, не мог сделать по принципиальным соображениям), а Дхарамсала — предоставления тибетцам права на национальное самоопределение (чего принципиально не мог допустить Пекин).

Советско-китайские отношения на рубеже 70-х – 80-х гг. XX века продолжали оставаться крайне напряженными. В 1976 г., вскоре после смерти «великого кормчего», Москва сделала примирительный жест в адрес Пекина, заявив о своей готовности нормализовать отношения с КНР «на принципах мирного сосуществования». Выступая на XXV съезде КПСС, Л.И. Брежнев подчеркнул: «...в отношении Китая, как и других стран, мы твердо придерживаемся принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы». На съезде было также заявлено о желании Советского Союза восстановить добрые отношения между СССР и КНР, отвечающие принципам социалистического интернационализма¹¹⁹. Однако улучшения в советско-китайских отношениях не произошло. В результате Москва возобновила свою критику Пекина, к которой в начале 1980-х добавилось новое обвинение — в усиленной милитаризации национальных районов КНР, прежде всего пограничных Синьцзяна и Тибета. «Развитие национальных районов пекинские лидеры рассматривают лишь сквозь призму военно-стратегических интересов Китая,— писал в 1981 г. Т.Р. Рахимов.— Синьцзян, Внутренняя Монголия, Тибет всё более превращаются в военные полигоны»¹²⁰. Автор с нескрываемой тревогой отмечал, что в национальных районах КНР, включая ТАР, создаются в первую очередь предприятия военных отраслей. Усилилось строительство военных аэродромов, стратегических транспортных коммуникаций, убежищ и других военных объектов. В Тибете строится крупный ракетный комплекс¹²¹. К этой критике подключились и историки-китаеведы соцстран (ПНР, СРВ, МНР), особое беспокойство которых вызывало то, что милитаризация национальных районов

119 См.: Зубаков В. Китайская Народная Республика // Международный ежегодник: Политика и экономика. М., 1977. С. 95.

120 Рахимов Т.Р. Судьбы неханьских народов КНР. С. 124.

121 Там же. С. 127.

КНР создает реальную угрозу миру и безопасности соседних с Китаем стран — СССР, МНР, Вьетнама (СРВ) и Индии¹²². В частности, говоря о Тибете, монгольские ученые Пурэв и Маам приводили весьма тревожные цифры — на территории ТАР (к началу 1980-х) размещается более 350 тыс. регулярных войск КНР, и уже действуют 13 военно-воздушных ракетно-ядерных и сухопутных баз. Оснащённые ядерными боеголовками с дальним радиусом от 600 до 2500 миль ракеты в Тибете «в любой момент могут быть запущены в сторону Индии и Афганистана»¹²³.

По мнению известного историка и политолога Дава Норбу, возросшее (после 1959 г.) стратегическое значение Тибета объясняется тем, что здесь Китай столкнулся со своими главными соперниками («врагами № 1 и № 2») на азиатском континенте — СССР и Индией. В интересах этих стран, образующих геополитический альянс в противовес альянсу КНР и Пакистана, чтобы Тибет был независимым и образовывал нейтральную буферную зону. Китай же, опираясь на свою военную мощь в «стратегическом Тибете», стремится подорвать влияние Индии в гималайском регионе, для чего пытается перенести бывшие буферные функции Тибета на малые пригималайские государства (Непал, Бутан и Сикким). Его конечная цель — создать цепочку таких буферов (вполне дружественных Пекину), разделяющих двух «азиатских гигантов». По этой причине КНР поощряет создание сильных независимых националистических режимов в этих странах, лежащих между Тибетом и Индией. С другой стороны, советское влияние на субконтиненте является фактором, обостряющим индо-китайское соперничество в Гималаях, и в этом смысле, утверждал Д. Норбу, последнее может рассматриваться как одно из следствий советско-китайских разногласий. Интересы собственно СССР в тибетско-гималайском регионе, однако, выходят за рамки этих разногласий (по сути, пропагандистской «войны слов»). Являясь соседом Синьцзяна, Советский Союз имеет *определённые национальные и стратегические интересы во Внутренней Азии*, где ныне доминирует Китай. Тесное советско-индийское сотрудничество серьёзно пугает Пекин, поскольку обе державы, с его точки зрения, заинтересованы в независимом Тибете. И потому Китай, несмотря на улучшение индо-китайских

122 Ширендыб Б. Вступительное слово // Маоизм и национальный вопрос: Сб-к статей. С.5; Бира Ш. Маоизм и национальный вопрос в КНР // Там же. С. 12-15, 16.

123 Пурэв Д., Маам Д. Милитаризация Тибета и экспансионистская политика маоистов в отношении соседних стран // Маоизм и национальный вопрос: Сб-к статей. С. 189.

отношений во второй половине 1970-х, едва ли «ослабит свою бдительность» в Тибете. «До тех пор, пока советское влияние на (Индийском) субконтиненте не уменьшится и пока не прекратится советско-китайский спор,— делал вывод Норбу,— Тибет останется юго-западным «форпостом» Китая, обращенным к его врагам. Индо-советская дружба и сотрудничество, особенно при том, что обе страны имеют законные интересы в Тибете, представляют определенную угрозу китайской оккупации Тибета. Таким образом, Тибет, скорее всего, останется главной китайской военной базой на много лет вперед»¹²⁴. Насколько оправдан такой вывод, мы увидим в дальнейшем.

Тем временем летом 1979 г. Далай-лама посетил СССР — впервые в трехсотлетней истории российско-тибетских отношений. Направляясь в Улан-Батор на паназиатскую буддийскую конференцию по вопросам мира, он провел несколько дней (с 12 по 14 июня) в Москве и Улан-Удэ. И хотя его контакты носили чисто религиозный характер, в них, принимая во внимание обостренные отношения между Москвой и Пекином, невольно проглядывал политический подтекст. В целом Далай-лама остался доволен поездкой. Особенно большое впечатление на него произвело посещение Иволгинского дацана, резиденции бандидо-хамбо-ламы. «Хотя не было возможности иметь с кем-либо непосредственный контакт... я обнаружил, что мы можем очень хорошо общаться при помощи глаз», — вспоминал он позднее. — «Когда я вошел в монастырь, то заметил, что многие из монахов и мирян были в слезах. Именно к такому спонтанному выражению чувств склонны тибетцы, и я ощутил нашу близость»¹²⁵. В 1982 г. Далай-лама посетил Советский Союз вновь, на этот раз по приглашению Центрального Духовного управления буддистов (ЦДУБ СССР).

Значение этих визитов буддийского иерарха трудно переоценить, ибо они дали толчок к возрождению прервавшихся в 1930-е годы традиционных религиозных и культурных связей между Россией и Тибетом. В 1981 г. ЦДУБ заключил договор с Департаментом религии и культуры тибетского правительства в изгнании об обучении в советских вузах небольшой группы тибетских студентов. В результате в следующем году в СССР из Индии были отправлены три тибетца (Наванг Рабгьял, Наванг Гелек и Таши). В течение

124 Norbu Dawa. Strategic Development in Tibet: Implications for its Neighbours // Asian Survey. 1979. Vol. 19 (3). March. P. 258-259.

125 Далай-лама XIV. Свобода в изгнании. С. 228.

учебного года 1982-1983 гг. они изучали русский язык на подготовительном отделении Киевского государственного университета, после чего двое из них (Н. Рабгьял и Н. Гелек) были приняты в тот же университет по специальностям «международные отношения» и «международное право», а третий (Таши) — в Ставропольский университет для изучения истории зарубежных стран. (Впоследствии — в 1990-е гг. — все трое стали представителями Далай-ламы в Российской Федерации, странах СНГ и Монголии¹²⁶.)

В то же время визиты Далай-ламы в СССР, как кажется, подтолкнули Москву к тонкой политической интриге, мишенью для которой являлся Пекин. В начале 1980-х в индийской прессе появилось несколько сенсационных статей, в которых говорилось о готовности СССР оказать помощь тибетской оппозиции. Так, например, по сообщению правительственного официоза «Таймс оф Индия», 30 апреля 1980 г. на пресс-конференции в Нью-Дели один из членов советской делегации, прибывшей для открытия в Индии фотовыставки «Религиозная жизнь в СССР», Л.В. Щербаков (глава отдела информации Совета по делам религии при Совмине СССР), отвечая на вопрос, как он относится к тибетской проблеме, заявил, что «СССР всегда готов помочь народу, борющемуся за независимость и справедливость». Другой член делегации дид-хамбо-лама Ж. Эрдынеев, со своей стороны, упомянул о посещении Дхарамсалы для получения благословения Далай-ламы, отметив при этом, что буддийский иерарх с удовольствием вспоминает о своей поездке в СССР и оказанном ему там радушном приёме¹²⁷.

Далее, в конце августа 1982 г. — фактически, накануне второго визита Далай-ламы в СССР — газета «Хиндустан Таймс» опубликовала на первой полосе заметку своего лондонского корреспондента Ракшата Пури под броским заголовком «СССР поддерживает самоуправление Тибета». В ней, со ссылкой на высокопоставленного тибетского чиновника Пема Гьялпо, сопровождавшего Далай-ламу в поездке по странам Юго-Восточной Азии, говорилось, что Советский Союз заявил о своей поддержке борьбы Тибета за самоопределение и предложил тибетцам военную помощь, но Далай-лама не выразил по этому поводу энтузиазма. В заметке не сообщалось, кто именно из советских представителей и при каких обстоятельствах сделал подобное предложение, что ставит под сомнение достовер-

126 Н. Рабгьял находился в этой должности в 1993-1997 гг., Н. Гелек — в 1997-2002 гг., Таши — с декабря 2002 г. вплоть до наст. времени (июль 2005).

127 Times of India. 1980. May 1 ("USSR ready to help Tibetans").

ность обнаруженного факта. Автор заметки, однако, счел необходимым отметить, что советское предложение было сделано в тот самый момент, когда глава КПК Ху Яобан вновь призвал к борьбе с «советским гегемонизмом» и когда индо-китайские переговоры об улучшении межгосударственных отношений зашли в тупик, а также «в разгар не вполне ясных, но еще продолжающихся контактов между Далай-ламой и пекинским режимом»¹²⁸.

Советское предложение помощи тибетской оппозиции — если, конечно, оно действительно имело место — скорее всего преследовало цель оказания политического нажима на Пекин. Москва разыграла «тибетскую карту» в наиболее подходящий для этого момент, чтобы сделать пекинских лидеров более сговорчивыми. Кремлевское руководство, несомненно, было встревожено усиленной милитаризацией Тибета, превращением маоистами ТАР в плацдарм для нападения на соседние государства, в первую очередь на Индию¹²⁹, однако оно едва ли всерьез намеревалось вооружать тибетскую оппозицию и оказывать ей помощь в борьбе за независимость. Напротив, в интересах СССР было ликвидировать этот новый очаг напряженности в Азии (наряду с уже существующими в Афганистане и Кампучии), добиться снижения китайского военного присутствия в ТАР. Советскому Союзу был нужен мирный, немилитаризованный Тибет и в то же время находящийся под контролем Пекина, но Пекина неэкспансионистского, дружественного, а не враждебного Москве.

Американский аналитик Томас Уэрстоу также считает, что СССР в 1970-е гг. (и позднее) не имел намерения «сделать нечто большее, чем раздражать китайцев своей критикой». Он не предпринял никаких шагов для вооружения или военного обучения тибетских эмигрантов и не выступил в защиту «независимого Тибета» в ООН. Советская критика — намеки на то, что тибетцы имеют право на самоопределение вплоть до отделения от КНР и создание своего отдельного государства — была, скорее всего, средством подтолкнуть Пекин к переговорам, нежели официальной позицией СССР по вопросу о правовом статусе Тибета. «Намекая на то, что они поддерживают Далай-ламу и могут “освободить” Тибет, (советские лидеры) тем самым оказывают на Пекин давление, чтобы побудить его к большему сотрудничеству с Москвой. Такая такти-

128 Hindustan Times. 1982. August 26 (“USSR supports Tibet self-rule. Soviet offer on Tibet indicates new move”).

129 О существовании такой угрозы прямо говорилось в закрытой публикации: Шаумян Т.Л. Тибет. С. 30-32.

ка в действительности представляет собой скрытую угрозу, но она даёт советским правителям возможность отступить и в конечном счете поддержать либо китайскую, либо тибетскую сторону»¹³⁰.

Руководство КНР, как и следовало ожидать, отнеслось к «контактам» Дхарамсалы и Москвы с большим подозрением. Китайская пропаганда утверждала, что озабоченность Москвы положением тибетцев в действительности вызвана «территориальными притязаниями» СССР, а газета «Женьминь Жибао» назвала советские «заигрывания» с Далай-ламой проявлением «нереализованных планов бывшего царского режима с целью вторжения в Тибет и его захвата»¹³¹.

Начатая М.С. Горбачевым в середине 1980-х перестройка — курс на реформирование тоталитарной системы СССР — радикально изменила внешнюю политику Советского государства. Сделав своими главными приоритетами «глобальную разрядку», укрепление всемирной безопасности и развитие всеобщего международного сотрудничества, Советский Союз перешел от конфронтации к диалогу с Западом, что привело к потеплению советско-американских отношений и окончанию «холодной войны». Москва также стремилась к нормализации отношений с КНР, проявляя большой интерес к проводимым в стране (с конца 1970-х) экономическим реформам — рыночной модернизации Китая с помощью западного капитала. Окончательное примирение и восстановление дружественных отношений СССР и КНР произошло в мае 1989 г. во время официального визита М.С. Горбачева в Пекин и его встречи с Дэн Сяопином, главным идеологом китайской модернизации. Советско-китайское сближение стало возможным во многом благодаря совпадению стратегических интересов и целей двух соседних государств, нашедших отражение в концепции «нового политического мышления» М.С. Горбачева и идее «нового международного политического порядка» Дэн Сяопина. Китайский лидер заявил, что Китай и СССР должны «покончить с прошлым и открыть будущее», начать новый этап отношений. В ходе советско-китайских переговоров в 1988–1989 гг. (во время посещения Москвы в мае 1988 г. министром иностранных дел КНР Цянь Цичэном и визитов в Пекин Э.А. Шеварднадзе и М.С. Горбачева, соответственно в феврале и мае 1989 г.) обсуждался широкий круг вопросов, в том

130 Wersto Th. J. Tibet in Sino-Soviet Relations // Asian Affairs. 1983. # 10 (3). P. 77.

131 Цит. по: Radio Liberty Research Bulletin. RL 407/82. 1982. October 7.

числе наиболее острые на тот момент проблемы кампучийского и афганского урегулирования (вывод вьетнамских войск из Кампучии и ситуация в Афганистане в связи с эвакуацией советских войск). Обсуждению подвергся и монгольский вопрос — военное присутствие СССР в Монголии. Стремясь к налаживанию отношений с Пекином, Москва согласилась вывести из МНР 75 % своих войск (три дивизии и авиационные группировки). В совместном советско-китайском коммюнике, опубликованном по завершении переговоров, обе стороны также сделали заявление о Тайване: Китай подтвердил, что Тайвань является неотъемлемой частью территории КНР, а Советский Союз — что он поддерживает эту позицию китайского правительства¹³². Что касается другого крайне болезненного для Китая вопроса — тибетского, то он не затрагивался на переговорах, несмотря на то, что еще недавно Москва проявляла большое беспокойство по поводу усиленной милитаризации ТАР и «ассимиляторской» политики Пекина в отношении тибетцев. Кремль (как и предсказывал в начале 1980-х Т. Уэрстоу) — во имя разрядки с Китаем — вынужден был отступить от своей принципиальной позиции и принять сторону Пекина в тибетском вопросе. Советская дипломатия без больших колебаний делает новый *volte-face* — поворот на 180°. В том же 1989 г. (в преддверии визита М.С. Горбачева в Пекин) советские СМИ обрушились с острой критикой на тибетских «сепаратистов» в связи с массовыми антикитайскими выступлениями в Тибете, приуроченными к тридцатилетней годовщине Лхасского восстания¹³³. (И это несмотря на то, что М.С. Горбачев в своей книге «Перестройка и новое мышление» (1987) ратовал за предоставление нациям права на самоопределение, утверждая, что «за всеми народами должно быть оставлено право выбора собственного пути развития, право распоряжаться своей судьбой, своей территорией, человеческими и природными ресурсами»¹³⁴.) Впрочем, в этой критике проскальзывали некоторые примирительные нотки — надежда на мирное разрешение тибетской проблемы путем переговоров Дхарамсалы и Пекина. «Разбой, учиненный сепаратистами,— свидетельство слепой ненависти,— говорилось в «Известиях».— А между тем сейчас нужна ответственность для рационального диалога и решения проблем,

132 См.: Вестник МИД СССР. 1989. № 11 (45). 15 июня. С. 26

133 См.: Известия. 1989. 7, 8 марта; Правда. 1989. 8 марта.

134 Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 184.

практические шаги для исправления урона, нанесенного годами бедствий “культурной революции”»¹³⁵.

Несмотря на некоторое улучшение ситуации в Тибете в 1980-е гг., особенно в сфере образования и светской культуры, благодаря значительной либерализации тибетской политики Пекина в «эпоху Дэна», тибетская проблема в целом оставалась нерешенной. Начиная с 1983 г. приток китайских переселенцев в Тибет усилился и достиг беспрецедентных размеров, что стало причиной большой социальной напряженности в ТАР и вызвало новую волну протестов в 1987–1989 гг. Китайские власти ответили на эти стихийные выступления тибетцев новыми репрессиями. Пытаясь найти выход из создавшегося положения, Далай-лама в эти годы вновь обратился за поддержкой к западным державам и мировой общественности. 21 сентября 1987 г., выступая в заседании Конгресса США по правам человека, он выдвинул так называемый «Мирный план» (известный также как «План мира», Peace Plan). Этот план состоял из пяти пунктов: 1) превращение всей территории Тибета в зону мира (путем вывода оттуда китайских войск и уничтожения расположенных в Тибете китайских военных объектов); 2) прекращение китайской политики переселения, угрожающей уничтожить тибетцев как самостоятельный народ; 3) уважение основных прав человека и демократических свобод тибетского народа; 4) восстановление и охрана окружающей среды и прекращение китайской политики использования Тибета для производства ядерного оружия и хранения радиоактивных отходов; 5) начало серьезных переговоров о будущем статусе Тибета и об отношениях между тибетским и китайским народами¹³⁶.

Мирный план был обнародован Далай-ламой, практически, одновременно с публикацией в СССР и на Западе знаменитой книги М.С. Горбачева о перестройке и оказался необычайно созвучным многим горбачевским идеям. Превращение Тибета в «зону мира», по словам Далай-ламы, должно было восстановить историческую роль Тибета «как миролюбивой и нейтральной буддийской нации и буферного государства между великими державами континента» (Индией и Китаем)¹³⁷. Но это подразумевало изменение политического статуса Тибета — фактическую ликвидацию суверенитета

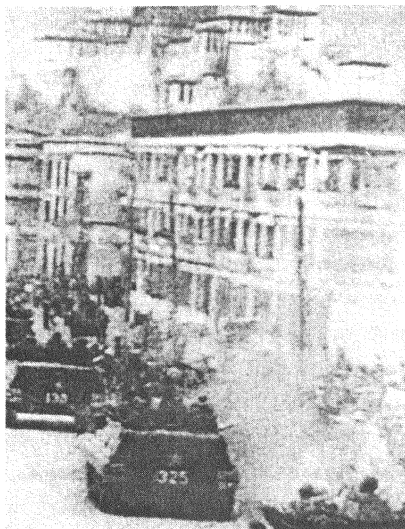
135 Савенков Ю. К положению в Лхасе // Известия. 1989. 10 марта.

136 См.: Клинов С.А. Политический статус... С. 409. См. также: Биография, План мира Его Святейшества Далай-ламы XIV // Путь к себе. 1995. № 1. С. 22-31.

137 Клинов С.А. Политический статус... С. 409-410.

Китай, то, с чем пекинские лидеры, разумеется, не могли согласиться. Поэтому Пекин отверг предложения Далай-ламы. Что касается Москвы, то она также оставила Мирный план без внимания. В контексте намечавшейся разрядки с Пекином СССР, очевидно, предпочитал видеть Тибет (равно как и Тайвань) в составе КНР, а не как нейтральную «буферную зону». Критикуя тибетских «сепаратистов», Москва явно давала понять Пекину, что она не поддерживает стремление тибетцев к независимости.

Следующая инициатива Далай-ламы — обращение 15 июня 1988 г. к Европарламенту в Страсбурге. В нем он повторил свой Мирный план и сформулировал новые предложения в качестве основы для решения тибетской проблемы. Их смысл сводился к тому, чтобы преобразовать Большой Тибет (У-Цан, Кам и Амдо) в автономную территорию под сюзеренитетом Китая. Далай-лама отказывался от намерения добиваться полной независимости Тибета, что было несомненной уступкой Пекину, и соглашался сохранить Тибет в составе Китая в качестве «самоуправляемого демократического политического образования». При этом ключевые вопросы обороны и внешней политики должны были находиться в ведении правительства КНР, а все остальные — в ведении тибетского правительства, в их числе вопросы, относящиеся к сферам торговли, образования, культуры, религии, науки, туризма, спорта и т. д. То есть речь, фактически, шла о замене китайского суверенитета над Тибетом на сюзеренитет. Этот новый пакет предложений Далай-ламы также оказался неприемлемым для Пекина. Правительство КНР решительно заявило, что «недопустимо отрицать суверенитет Китая над Тибетом, недопустимыми являются как независимость, так и полу-

Войска НОАК вступают в Лхасу для подавления восстания тибетцев в марте 1989 г. Фото с листовки Тибетской информационной службы в Лондоне.

независимость либо завуалированная независимость Тибета»¹³⁸. В результате два года спустя, так и не дождавшись позитивного отклика Пекина на свои предложения, Далай-лама объявил их утратившими силу и вернулся к своему первоначальному проекту — Мирному плану. На этом, фактически, закончился продолжавшийся около десяти лет диалог Джарамсалы и Пекина.

В отличие от руководства КНР, мировая общественность приветствовала инициативы XIV Далай-ламы, его настойчивый поиск мирного решения тибетского вопроса в рамках политического диалога с Пекином. Актом признания этой его миротворческой деятельности явилось присуждение Далай-ламе Нобелевской премии мира 1989 г. При её получении в Осло (11 декабря 1989 г.) Далай-лама произнес речь, в которой конкретизировал свой Мирный план, выдвинув проект «Зоны ахимсы» (ненасилия). Этот проект сводился к следующим основным пунктам:

- все Тибетское нагорье должно быть демилитаризовано;
- производство, испытание и хранение ядерного оружия и других вооружений на Тибетском нагорье должно быть запрещено;
- Тибетское нагорье должно стать крупнейшим в мире природным или биосферным парком;
- следует запретить производство и использование ядерной энергии и других технологий, имеющих временные отходы;
- национальные ресурсы и политика (этого региона) должны быть направлены на действенное поддержание мира и охраны окружающей среды;
- следует поощрять создание в Тибете международных и религиозных организаций, выступающих за расширение прав человека и в их защиту.

По мнению Далай-ламы, географическое положение и размеры Тибета (сопоставимые с размерами Европейского сообщества), а также его уникальная история и богатое духовное наследие являются идеальными предпосылками для выполнения Тибетом роли «приюта мира» в стратегическом центре Азии. При этом Далай-лама подчеркивал важность создания в азиатском регионе подобных демилитаризованных буферных зон, которые разделяли бы «мощнейшие державы континента и потенциальных противников» (СССР, Китай, Индию). Например, «зоной мира» могла бы также

¹³⁸ Там же. С. 412.

Визит Далай-ламы XIV в Ленинград летом 1986 г. Посещение Эрмитажа. Слева направо: Б.М. Нормаев, Г.А. Леонов, Его Святейшество Далай-лама XIV, Б.Б. Пиотровский, Н.В. Дьяконова, М.Л. Пчелина. Архив В.М. Монтлевича.

стать и Монголия после полного вывода из неё советских войск. Это помогло бы уменьшить напряженность и возможность конфронтации между СССР и Китаем¹³⁹.

Эти идеи Далай-ламы, при всей их несомненной прогрессивности и близости горбачевской концепции «нового мышления», однако, не нашли поддержки у советского руководства. Официальная Москва не комментировала ни одно из предложений Далай-ламы. Восстановив дружественные отношения с КНР, советская политическая элита неожиданно полностью утратила интерес к тибетской проблематике, равно как и к проблемам других нацменьшинств в Китае. В то же время начавшееся в перестроечные годы оживление деятельности буддийской церкви в СССР сделало неизбежным возобновление религиозных контактов между советскими буддистами и тибетскими ламами, прежде всего Далай-ламой, а это, фактически, означало возрождение отношений между «буддийской Россией» и Тибетом. В сентябре 1986 г.— в самом начале перестройки — Далай-лама посетил СССР в третий раз. Этот его приезд, как и два предыдущих, происходил в обстановке секрет-

¹³⁹ Тензин Гьяцо Далай-лама XIV. План Доброты. Лекция при получении Нобелевской премии мира 11 декабря 1989 // Путь к себе. 1995. № 3. С. 2-6.

Тибетский лама Кушог Бакула Римпоче с общиной ленинградских буддистов 14 июля 1989 . Архив В.М. Монтлевича.

Бакула Римпоче, неофициально курировавший буддийскую конфессию в СССР и Монголии. Он встретился с группой буддистов-европейцев и совершил молебен на частной квартире¹⁴¹. А еще через год (28 июня 1989 г.) Совет по делам религий зарегистрировал новую буддийскую общину в Ленинграде — Ленинградское общество буддистов. Эта община состояла в основном из буддистов-европейцев, и её регистрация стала важным юридическим прецедентом, давшим толчок возникновению аналогичных буддийских общин по всей стране. Именно этой общине летом 1990 г. решением исполкома Ленгорсовета народных депутатов было передано в аренду «для молитвенных целей» здание буддийского храма. Почти сразу же после этого Ленинград посетила небольшая тибетская делегация, включавшая несколько иерархов буддийской церкви и государственного оракула Нейчунга. Эти тибетские ламы провели очистительные ритуалы в храме и затем приняли участие в трехдневной службе, на которой присутствовало несколько сот человек.

140 Любопытно, что по окончании этого визита глава Тибетского конгресса молодежи Лхасанг Церинг обратился (в декабре 1986) с открытым письмом к М.С. Горбачеву, в котором призвал советского лидера оказать поддержку «движению тибетского народа за свободу» В этом письме был также задан вопрос - почему СССР хранит молчание относительно «вторжения и оккупации Китаем Тибета, Внутренней Монголии, Восточного Туркестана и Маньчжурии». См. Tibetan Review. 1986. December. P. 18.

141 См.: Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. С. 171-172; Повесть об Учителе: Бакула Римпоче в России. СПб.: Нартанг, 2003.

ности и не освещался прессой¹⁴⁰. Особенность этой поездки состояла в том, что Далай-ламе удалось осуществить его давнее желание — съездить в Ленинград и осмотреть здание бывшего буддийского храма, который до сих пор считается в Тибете далай-ламской «собственностью». По воспоминаниям очевидцев, состояние храма, где с начала 1960-х размещались лаборатории Зоологического института АН СССР, произвело на Далай-ламу удручающее впечатление. Два года спустя (в июле 1988 г.) Ленинград, по просьбе буддийского иерарха, посетил высокочтимый тибетский лама Кушог

30 июня 1990 г. Далай-лама — согласившийся к тому времени стать духовным главою буддийского храма в Ленинграде в ответ на просьбу местной буддийской общины¹⁴² — направил приветственное послание советским буддистам, в котором говорилось: «Я посылаю вам свои самые теплые пожелания. Буддисты СССР и Монголии — наши братья. Вы всегда близки нам, тибетцам, и постоянно находитесь в наших мыслях, особенно в эти волнующие дни перемен — перемен к лучшему. Меня вдохновляют эти перемены, потому что они сулят не только большие возможности для буддистов, но также и большую свободу и счастье для народов СССР»¹⁴³.

Проявляя большой интерес к перестройке в СССР и к возрождению буддизма в местах его традиционного распространения, Далай-лама летом 1991 г. вновь приехал в нашу страну. Формальным поводом для визита послужила юбилейная дата — 250-летие официального признания буддизма в России¹⁴⁴. В одном из первых интервью советской прессе Далай-лама заявил: «Давно и внимательно слежу за событиями в вашей стране и сейчас хочу своими глазами увидеть, какие изменения происходят у вас в ходе перестройки, в особенности в области прав и свободы личности...»¹⁴⁵. В России высокого тибетского гостя на этот раз принимали совершенно открыто, с неподдельным радушием и величайшим почетом. Во время трехдневного пребывания в Москве Далай-лама встретился с представителями Советского фонда мира, Лингвистического университета, Союза писателей России, беседовал с известными учеными, академиками Г.М. Бонгард-Левиним, Б.В. Раушенбахом, Б.А. Рыбаковым, Е.П. Чельшевым. Затем он совершил поездку по буддийским районам России — Бурятии, Агинскому Бурятскому автономному округу и Калмыкии (которую посетил впервые), где принял участие в юбилейных торжествах, совершил ряд публичных молебнов-благословений в Улан-Удэ, Агинском и Элисте, на которых присутствовали тысячи людей разных национальностей. В столицах Бурятской и Калмыцкой автономных республик Далай-лама также имел возможность встретиться с представителями общественности и, что особенно показательно, с рядом официальных лиц — членами правительств и депутатами республиканских Вер-

142 См.: Терентьев А. Учитель ушел из храма // Буддизм России. 1996 (осень). № 26. С. 21-22.

143 Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. С. 180-181.

144 За точку отсчета был принят 1741 г., когда по распоряжению вице-губернатора Иркутской губернии К. Ланга все монгольские и тибетские ламы в Забайкалье были приведены к присяге на верноподданство России.

145 Бараев В. Встреча в Москве // Буддизм. 1992. № 1. С. 4.

ховных Советов. В ходе этих встреч выявилась взаимная заинтересованность в практическом сотрудничестве — Далай-лама выразил готовность оказать всяческую помощь бурятам и калмыкам в возрождении буддизма на их земле, в частности обещал послать им тибетских лам-учителей, буддийские священные книги, принять на обучение в тибетских школах и монастырях Индии бурятских и калмыцких детей. Была также достигнута договоренность об обмене монахами тибетских монастырей и калмыцких хурулов. Кроме этого Далай-лама лично пожертвовал 2000 долларов на строительство монастыря в Элисте¹⁴⁶.

Пекин реагировал довольно болезненно на этот новый визит Далай-ламы в СССР. Накануне поездки Китай косвенно предупредил М.С. Горбачева, что ему не следует встречаться с Далай-ламой, когда «этот ссыльный буддийский лидер» посетит Москву, ибо руководство КНР считает его «политическим активистом, чья деятельность направлена на раздел Китая». «Для китайского правительства неприемлемо, чтобы официальные лица любых других стран встречались с Далай-ламой в любом качестве», — заявил представитель МИД Китая¹⁴⁷. В результате МИД СССР сделал заявление дипломатическому корреспонденту ТАСС, что визит Далай-ламы в Советский Союз осуществляется по приглашению Центрального духовного управления буддистов СССР и связан с участием в торжествах, посвященных 250-летию введения буддизма в Бурятии и Калмыкии. В заявлении далее говорилось: «В Советском Союзе рассматривают далай-ламу исключительно как религиозного деятеля, частное лицо. Советские официальные организации к его приезду не имеют какого-либо отношения. — Что касается позиции СССР в отношении Тибета, то она носит принципиальный характер, является последовательной и неизменной. Эта позиция базируется на признании и поддержке территориальной целостности Китая, строгом невмешательстве в его внутренние дела. Мы рассматриваем Тибет неотъемлемой частью Китая»¹⁴⁸.

Совсем иначе к визиту Далай-ламы отнеслись общественные круги перестроечной России. Так, популярнейший в те годы еженедельник «Московские новости» опубликовал заметку под ироничным заголовком «Зачем нам Далай-лама?» Её автор историк, специалист по русско-тибетским связям Н.С. Кулешов напомнил

146 Более подробно об этом визите см.: Буддизм. 1992. № 1. С. 4-16; Правда Бурятии. 1991. 10 июля.

147 Известия. 1991. 6 июля (заметка: «С далай-ламой не встречаться»).

148 Известия. 1991. 13 июля («К приезду далай-ламы в СССР»).

читателям о том, что XIV Далай-лама родился и вырос в «независимом Тибете» и стал продолжателем дела, которому его предшественник посвятил свою жизнь. Оккупация Тибета китайскими войсками в 1950 г. была воспринята им как личная трагедия и трагедия всего тибетского народа. «Назначенные Пекином власти показали себя преемниками прежней империалистической политики, они разрушали буддийские монастыри, репрессировали деятелей буддийской культуры, унижали национальное достоинство тибетцев». «Годы «культурной революции» в Китае отозвались в Тибете гонениями и репрессиями монахов, повсеместным сокрушением монастырей, превращением в руины памятников культуры». Деятельность нынешнего духовного лидера тибетцев, отмечал Н.С. Кулешов, получила всеобщее признание и пользуется поддержкой международных общественных организаций, таких как International Alert (Мировая тревога). В этой связи позиция СССР по тибетскому вопросу не может не вызывать недоумения. «Речь вовсе не идет об однозначной поддержке позиций Далай-ламы, или идеи независимости Тибета от Китая,— писал в заключение Н.С. Кулешов.— Но участие в поддержке тибетского движения за права человека могло бы стать делом чести возрождающейся демократической России»¹⁴⁹.

Таким образом, в тибетской политике СССР на рубеже 1990-х намечались две линии: официальная дипломатическая, сводившаяся к признанию суверенных прав Китая в Тибете и умышленному дистанцированию от тибетской проблемы как таковой, включая её чисто гуманитарный аспект, и неофициальная, выражавшаяся в стремлении российских буддистов и их организационных структур к более тесным религиозным и культурным связям с высшим тибетским духовенством, прежде всего с Далай-ламой. Потребность в таких связях обуславливалась задачами социального, национального возрождения бурятского, калмыцкого и тувинского народов, которое ассоциировалось его идеологами прежде всего с возрождением их традиционной религии и духовной культуры. К установлению контактов с тибетскими ламами-учителями стремились также и оформившиеся в эти годы на территории РФ и Прибалтики многочисленные группы европейцев-необуддистов, занимавшиеся различными буддийскими (в том числе тибетскими) практиками. Это быстро набиравшее силу буддийское движение исподволь под-

¹⁴⁹ Кулешов Н. «Зачем нам Далай-лама?» // Московские новости. 1991. 28 июля. № 30. С. 13.

талкивало СССР — буддийскую Россию — к сближению с Тибетом, но, что важно отметить, Тибетом далай-ламским, т. е. с кругами тибетской эмиграции в Индии. Процесс этот, естественно, создавал определенные неудобства для советской дипломатии, однако власти перестроечной России, при всём своём желании, уже не могли его контролировать.

На фоне очевидного спада интереса к Тибету со стороны официальной Москвы ведущие западные державы (США, Германия, Франция) — которые, заметим, как и Россия, признавали суверенитет Китая над Тибетом,— напротив, проявляли в 1980-е – начале 1990-х гг. большое внимание к тибетской проблеме. С 1987 г. Конгресс США принял целый ряд резолюций по Тибету — объявил Тибет «оккупированной страной», создал службу «Голоса Америки» для вещания на тибетском языке, одобрил многие из требований тибетской оппозиции, в том числе поддержал Мирный план Далай-ламы, ассигновал 500 тыс. долларов для нужд тибетской эмиграции¹⁵⁰. Усилия США были в основном направлены на то, чтобы обеспечить тибетцам право на самоопределение в рамках защиты прав человека в Тибете, что, по мнению С.А. Клинова, «означает фактическое устранение китайской стороны от решения вопроса о политическом статусе этого района КНР и представляет собой эффективную поддержку Вашингтоном тибетской оппозиции, показывая его заинтересованность в достижении Тибетом независимости»¹⁵¹. Но в США также было немало и тех, кто занимал более умеренную позицию, сторонников восстановления политического статуса Тибета как автономного государства под сюзеренитетом Китая. Важно, однако, иметь в виду, что политика Вашингтона в тибетском вопросе была напрямую связана с интересами американского бизнеса в Китае и в то же время с определенными геостратегическими интересами США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Тибетский вопрос, фактически, являлся составной частью китайской политики Соединенных Штатов, чем и объяснялась некоторая двойственность в подходе Вашингтона к этому вопросу. Так, несмотря на резкое осуждение Китая за нарушение прав человека в Тибете, американская администрация в 1990 г., под давлением влиятельных деловых кругов, решила отменить дискриминационные меры против Пекина вскоре после их принятия, восстановив КНР в режиме наиболее благоприятствуемой нации.

150 См.: Клинов С.А. Политический статус... С. 428.

151 Там же. С. 425.

Что касается стран Западной Европы, то Китай также занимал важное место в планах европейского бизнеса, что, естественно, отразилось на подходе этих стран к тибетскому вопросу. В целом, однако, следует отметить, что идея независимости Тибета имела гораздо меньше сторонников в Западной Европе, чем в США, ибо западноевропейские политические элиты более склонялись в пользу предоставления Тибету широкой автономии в рамках КНР. Поэтому не случайно Мирный план, в котором проводилась идея независимости Тибета, был обнаружен Далай-ламой в Соединенных Штатах, а более поздние предложения об автономном статусе Тибета — в Западной Европе¹⁵².

Главное, чего удалось добиться тибетской оппозиции во главе с Далай-ламой в этот период, это интернационализировать тибетский вопрос. В США и странах Западной Европы к концу 1980-х стала набирать силу кампания в поддержку Тибета. Тибетский вопрос обсуждался в Конгрессе США, парламентах ряда западноевропейских государств и Европарламенте. В это десятилетие Далай-лама много путешествовал по миру, неоднократно посещал страны, проявлявшие наибольший интерес к тибетскому вопросу: США, Великобританию, Германию, Францию, Швейцарию, Италию, Ватикан, Японию¹⁵³. Тибетское правительство в эмиграции, хотя и непризнанное странами Запада, получило возможность открыть свои представительства в ряде крупнейших городов мира — в Нью-Йорке, Вашингтоне, Лондоне, Цюрихе, Токио. Их целью являлось в основном распространение информации о Тибете и тибетской эмиграции, о политике КНР в отношении Тибета и инициативах Далай-ламы, направленных на мирное урегулирование тибетской проблемы.

Еще одним фактором, косвенно способствовавшим привлечению внимания мирового сообщества к Тибету, стал значительный рост интереса к буддизму, наблюдавшийся в эти годы повсеместно на Западе, особенно среди студенческой молодежи. В роли миссионеров-проповедников выступали, как правило, буддийские монахи из стран Юго-Восточной Азии и тибетские ламы, совершавшие регулярные «учительские поездки» в западные страны, в ходе которых они выступали с лекциями, проводили коллективные медитации и «ритриты»-затворничества, давали посвящения в различные буд-

¹⁵² Там же. С. 432.

¹⁵³ См.: His Holiness the XIV Dalai Lama of Tibet. Office of Information & International Relations: Dharamsala. 1989 (repr.). P. 10.

дийские практики. Нельзя не отметить также и активной прозелитической деятельности учителей-европейцев, таких, например, как датский проповедник Оле Нидал, создавший к тому времени около сотни буддийских центров по всему миру, включая Россию.

6.4. Тибетская политика постсоветской России

Распад СССР привел к появлению группы суверенных среднеазиатских государств – новых геополитических субъектов в зоне соприкосновения России и Китая, являвшейся в прошлом ареной англо-русского соперничества. В результате Китай получил широкие возможности для экономического и политического проникновения в постсоветскую Среднюю Азию — «мягкое подбрюшье» России, хотя в то же время китайских лидеров не могла не пугать перспектива образования в этом регионе межгосударственного союза на основе идеи экономической и культурно-религиозной интеграции «Великого Туркестана»¹⁵⁴. Такой союз мог бы усилить сепаратистские настроения неханьских национальностей Синьцзяна, этнически и конфессионально родственных среднеазиатским народам. Что касается Российской Федерации, то она, выступая в роли государства-преемника СССР, объявила среднеазиатский регион зоной своих национальных интересов. В начале 1993 г. Россия декларировала в качестве приоритетной задачи своей внешней политики «формирование пояса добрососедства по всему периметру российской границы», имея в виду прежде всего бывшие республики СССР (так называемое «ближнее зарубежье»), а также государства Азиатско-Тихоокеанского региона — Китай, Японию, Индию и др.¹⁵⁵. В действительности, однако, новая Россия с самого начала сделала ставку на быструю экономическую и политическую интеграцию с Западом (США), и эта её преимущественно прозападная (проамериканская) внешнеполитическая ориентация сохранялась до середины 1990-х гг., когда российское правительство, под влиянием внутренних и внешних причин (неудача в проведении рыночных реформ и возникшая напряженность в российско-американских отношениях), перешло к более активному взаимодействию со

¹⁵⁴ Шахрай С. Необходима стратегия отношений с Китаем // Известия. 1994. 20 мая.

¹⁵⁵ Козырев А.В. Россия: Год минувший и год наступивший // Дипломатический вестник. 1993 (январь). № 12. С. 3.

странами АТР. По мнению западных политологов, ельцинское руководство начало разыгрывать «евроазиатскую карту», стремясь к установлению более тесных отношений с восточными соседями – прежде всего с Китаем, Индией и Японией¹⁵⁶.

Этот «поворот» во внешней политике России — активизация российской дипломатии на восточном направлении — наметился в ходе визитов председателя КНР Цзян Цзэмина в Москву (2–6 сентября 1994) и президента РФ Б.Н. Ельцина в Пекин (24–26 апреля 1996). Российско-китайские отношения вышли на новый, более высокий уровень *стратегического партнерства*, которое в дальнейшем становится важным контрбалансом партнерству России и Запада. Таким образом, Российская Федерация, по мнению министра по делам национальностей С.М. Шахрая, продолжила «традицию Российской империи и СССР в многовековых отношениях со Средним государством»¹⁵⁷. В то же время всестороннее обсуждение реалий и перспектив российско-китайских отношений в ходе парламентских слушаний в Государственной Думе весной 1994 г. выявило ряд негативных моментов нового российско-китайского взаимодействия, таких как нелегальная миграция китайцев, контрабандная деятельность, проникновение криминальных элементов («китайской мафии») на территорию России. Кроме этого, серьёзную опасность для Российского государства, как было отмечено в выступлении востоковеда-китаиста П.М. Иванова, могут представлять демографический и экологический взрывы в Китае, возможности внутренней политической дестабилизации, возникновения гражданской войны и центробежные тенденции, связанные с тем, что некоторые регионы Китая, возможно, будут стремиться к отделению от КНР. Наибольшие опасения в этой связи внушал Синьцзян — мусульманский район, где очень сильны фундаменталистские тенденции, развивающиеся во взаимодействии с теми процессами, которые происходят в бывшей советской Средней Азии и в странах Центральной Азии. Этот набор факторов, по мнению П.М. Иванова, «безусловно, должен вызвать беспокойство и настороженность России как крупнейшего соседа Китая»¹⁵⁸.

156 Blacker C.D. *Russia and the West // The New Russian Foreign Policy* / Ed. M. Mandelbaum. [New York]: A Council on Foreign Relations, 1998. P. 181.

157 См. прим. 153.

158 Думский вестник. 1994. № 2. С. 105–113. Парламентские слушания «О проблемах российско-китайских отношений и перспективах их решения» были проведены Комитетом Государственной Думы по международным делам и Комитетом Совета Федерации по международным делам 25 апреля 1994 г. – за месяц до приезда в Москву Далай-ламы.

Столь же взрывоопасным районом Китая, вероятно, следует считать и Тибет, хотя на слушаниях о нем и не шла речь. Обстановка в Тибете заметно ухудшилась, после того как к власти в Китае пришли сторонники «жесткой линии» во главе с Цзян Цзэмином (председатель КНР с 1993 г.). На III рабочем форуме по Тибету, состоявшемся в Пекине в апреле 1994 г., были разработаны две важнейшие стратегии: 1) ускорение экономического развития Тибета путем привлечения в регион значительных капиталовложений и рабочей силы и 2) реформирование тибетского буддизма и культуры, с тем «чтобы они стали соответствовать социалистическому обществу»¹⁵⁹. На деле это означало новый приток китайских переселенцев на Тибетское плато и еще более решительную борьбу с буддийской религией, в которой власти видели основу тибетского «национализма» и «сепаратизма». «С точки зрения Пекина,— пишет Ц. Шакья,— новые преобразования в Тибете не были попыткой решения местных проблем: единственный вопрос, стоявший перед властями, это как обуздать стремление националистов к независимости». Эта новая политика предполагала, прежде всего, «усиление мер безопасности» — «подавление любых признаков инакомыслия и поощрение любых акций, которые ослабляют сепаратистские настроения или идеологию (тибетцев)»¹⁶⁰. Новая волна репрессий китайских властей против буддийского монашества, а также тибетских и китайских диссидентов, позволила тибетской оппозиции громко заявить о том, что в Тибете началась «вторая культурная революция». Отношения между Пекином и Дхарамсалой еще более обострились после того, как Далай-лама объявил в 1995 г. шестилетнего тибетца Гедуна Чокьи Ниму реинкарнацией Х Панчен-ламы, скончавшегося в 1989 г. Этот мальчик и его родители затем бесследно исчезли (в действительности были арестованы), после чего Пекин назначил своего кандидата перерожденцем Панчена, не считаясь с мнением Далай-ламы и большинства тибетцев¹⁶¹.

Напряженная ситуация в Тибете в середине 1990-х совпала по времени с Чеченской войной в России — полномасштабными во-

159 Более подробно о III рабочем форуме и его решениях см.: Современная политика Китая в Тибете. Доклад департамента информации и международных отношений Центральной тибетской администрации, 29 сентября 2000. Дхарамсала, 2000. С. 5-17. О новых проектах экономического развития Тибета см.: Construction boom to precede 30th anniversary of the TAR // Tibet Press Watch. 1994 (October – November). P. 13, 15.

160 Shakya Ts. The Dragon in the Land of Snows... P. 432. О тайных операциях китайских спецслужб в Тибете см.: Eftimiades N. Chinese Intelligence Operations. Naval Institute Press (USA), 1994. Краткий обзор книги: Chinese Undercover Operations // Tibet Press Watch. 1994 (March). P. 20-21.

161 News Tibet. 1995 (May – August). P. 27-32; Новости Тибета. 1996 (весна). № 2. С. 1-2; 1996 (лето). № 3. С. 2.

енными действиями федеральных войск против вооруженных формирований чеченских сепаратистов, что не могло не отразиться на переговорах Б.Н. Ельцина и Цзян Цзэмина в Пекине весной 1996 г. В результате в опубликованной по их окончании совместной российско-китайской декларации появились следующие пункты: китайская сторона заявила, что «поддерживает меры и действия, предпринимаемые Российской Федерацией в целях защиты единства страны, и считает чеченскую проблему внутренним делом России», а российская сторона, в свою очередь, подтвердила, что «правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай», и что «Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая», а также, что Россия *«неизменно признает, что Тибет — неотъемлемая составная часть Китая»*¹⁶².

Пекинский договор 1996 г., в котором обе стороны провозгласили свою решимость «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке», открыл новую главу в истории российско-китайских отношений. Чрезвычайно важным в контексте нашего исследования является то, что Россия в этом договоре еще раз подтвердила свою принципиальную позицию в тибетском вопросе, которая в дальнейшем — после отставки в 1999 г. Б.Н. Ельцина — останется неизменной.

Тем временем — особенно в первой половине 1990-х — продолжал самостоятельно и довольно интенсивно развиваться «по буддийской линии» диалог трех субъектов РФ (Бурятии, Калмыкии и Тувы) с XIV Далай-ламой и тибетским правительством в эмиграции. В 1992 г. Далай-лама дважды посетил Россию. Во время первой поездки (с 16 по 22 августа) он принял участие в международной конференции «Перед лицом третьего Апокалипсиса: харизма власти и священная война». Участники конференции тепло приветствовали Далай-ламу и в промежутке между заседаниями с большим интересом просмотрели и обсудили посвященный ему фильм «Страдание в изгнании», снятый американским кинематографистом М. Лемке. Во время конференции произошло примечательное событие: впервые встретились два лауреата Нобелевской премии мира — Далай-лама и бывший президент СССР М.С. Горбачев. По-

162 Дипломатический вестник. 1996 (май). № 5. С. 18. Совместная российско-китайская декларация, 25 апреля 1996 г.

мимо участия в конференции, тибетский гость дал ряд аудиенций и интервью, посетил вдову академика А.Д. Сахарова Е. Боннер, выступил с лекцией в Доме писателей, совершил освящение земли для строительства комплекса Центра традиционной медицины, в рамках которого планировалось возведение первого в Москве буддийского храма¹⁶³. Осенью того же года (с 13 по 26 сентября) Далай-лама совершил новую поездку в Калмыкию и Бурятию и впервые посетил Туву, где его принимали на государственном уровне. В аэропорту Кызыла Далай-ламу встречало высшее руководство Республики Тува — президент Ш.Д. Ооржак и председатель Верховного Совета К.А. Бичелдей, которые преподнесли «живому богу» традиционное национальное угощение. На протяжении всего пути от аэропорта до резиденции люди стояли вдоль дороги на коленях, со слезами на глазах приветствуя «Владыку Дхармы». В тот же день на центральной площади Кызыла была устроена встреча Далай-ламы с народом, на которой присутствовало не менее 40 тысяч человек. С не меньшим почетом Далай-ламу встречали в Бурятии и Калмыкии¹⁶⁴. Кульминацией визита в Туву стало заключение соглашения между правительством Республики Тува и Далай-ламой о культурном и религиозном сотрудничестве на период 1993–1995 гг. В этом соглашении тибетская сторона взяла на себя обязательство оказать помощь тувинцам в возрождении буддийской религии на их родине (восстановление монастырей, снабжение буддийской атрибутикой и литературой, обучение молодёжи в религиозных и светских школах в Индии и т. д.).

В ходе поездок в Россию в 1991–1992 гг., несмотря на их сугубо религиозный характер, Далай-ламе неизбежно пришлось коснуться и злободневных политических проблем. Так, отвечая на вопросы на встречах с калмыцкой общественностью, он говорил о нарушении прав человека в Тибете, о систематически проводимом Китаем геноциде в отношении тибетской культуры, о разрушении окружающей среды на Тибетском плато. В Тибете, по его словам, сложилась «критическая ситуация» — «постигшие тибетцев неисчислимые беды и лишения представляют собой острейшую политическую проблему, которую надо решать политическими методами»¹⁶⁵.

163 См.: Нартанг бюллетень / Narthang Bulletin. СПб., 1992 (август). № 2. С. 2-3.

164 См.: Тувинская Правда. 1992 20 сентября; Нартанг бюллетень. 1992 (сентябрь). № 3. С. 2-3; 1992 (октябрь). № 4. С. 2-4; Мандала (Элиста). 1993. № 2. С. 2-7.

165 Мандала (Элиста). 1993. № 2. С. 4.

В конце 1992 г. Дхарамсалу официально посетила делегация Республики Калмыкия во главе с членом Верховного Совета РФ, первым заместителем председателя Совета министров Калмыкии М.Б. Мукубенковым. Целью поездки являлось дальнейшее укрепление традиционных религиозных и культурных связей между тибетским и калмыцким народами. Это был первый визит официальных представителей одного из субъектов РФ к главе буддийской церкви и одновременно правительства Тибета в эмиграции¹⁶⁶. Вскоре после этого (в феврале 1993 г.) произошло еще одно знаменательное событие — в Москве была учреждена общественная организация под названием «Центр тибетской культуры и информации» (Tibet Culture & Information Center), по сути, неофициальное представительство Далай-ламы в России. Возглавил Центр тибетский ученый д-р Наванг Рабгьял, который заявил корреспондентам, что видит своей главной задачей осуществление «дипломатии через культуру»¹⁶⁷. Этот Центр стал регулярно издавать на русском языке и распространять в России информационный бюллетень «Новости Тибета» и другую литературу, подробно освещающую ситуацию в Тибете и позицию Далай-ламы по тибетскому вопросу. Одновременно с Н. Рабгьялом Далай-лама направил в Россию (в апреле того же года) буддийского монаха геше Джампа Тинлея для оказания помощи населению Бурятии, Тувы и Калмыкии в возрождении буддизма в их национальных автономных республиках¹⁶⁸. Кроме этого, тибетское издательство Нартанг (Narthang Publications) при отделе информации и международных отношений администрации Далай-ламы открыло в С.-Петербурге (в 1992 г.) свое русское отделение, которое приступило к публикации «Нартанг бюллетеня» (Narthang Bulletin) — двуязычного (русско-английского) информационного обзора деятельности буддистских организаций на территории бывшего СССР (с 1995 г. выходит только по-русски в виде большого журнала «Буддизм России»). Это издание также уделяло внимание тибетской теме, рассказывая о приездах в Россию тибетских учителей, визитах Далай-ламы и инициативах западных стран в поддержку Тибета.

166 См.: Нартанг бюллетень. 1993 (март). № 3 (9). С. 25-26.

167 Tibetan Bulletin. The Official Journal of the Tibetan Administration. Dharamsala, 1993 (January - February). P. 14. Центр был зарегистрирован Минюстом РФ 16 июня 1993 г. № 178. См.: Новости Тибета. 1996 (лето). № 3. С. 7.

168 О Дж. Тинлее и его деятельности в России см.: Путь к себе. 1995. № 5. С. 50 (интервью с Дж. Тинлеем); Буддизм России. 1999 (весна). № 3. С. 44.

Далай-лама посетил Россию вновь в 1994–1995 гг. Весной 1994 г. он приехал в Москву по приглашению Российской Академии наук и Фонда за выживание и развитие человечества для участия в так называемом «молитвенном завтраке» (breakfast prayer) и научном семинаре по разрешению конфликтов на национальной и религиозной почве. 19 мая Далай-лама встретился с депутатами Государственной Думы (на встрече присутствовало около 60 депутатов), дал пресс-конференцию журналистам в международном пресс-центре (гостиница «Славянская») и выступил с публичной лекцией о ненасилии и терпимости в повседневной жизни, организованной обществом «Мир через культуру». В этой лекции он вскользь коснулся тибетской проблемы, подчеркнув, что её решение «должно произойти ненасильственным путем». Далай-лама также имел возможность встретиться с рядом видных религиозных, общественных и государственных деятелей России, включая президента Калмыкии К.Н. Илюмжинова и председателя Народного хурала Тувы К. Бичелдея¹⁶⁹. Во время «молитвенного завтрака» (состоялся 20 мая в гостинице «Пента» при участии высших церковных иерархов России, академиков и депутатов Думы) он выступил с краткой речью, основная мысль которой сводилась к тому, что в нынешнем мире все народы и страны тесно связаны друг с другом и несут общую ответственность за все, что происходит на Земле. Поэтому люди и правительства не должны оставаться на узко эгоистических позициях. Нужно перейти на иной уровень межэтнических и межгосударственных отношений, следует распространить демократические принципы на всех людей и все народы мира, и эти принципы также должны укорениться в сфере внешней политики. По воспоминанию А.А. Терентьева, присутствовавшего на встрече в качестве переводчика, Далай-лама в то время считал, что развал СССР неизбежно повлечет за собой распад всей тоталитарной системы, включая Китай, и возлагал большие надежды на процесс демократизации России. «Тибетцы, буряты и калмыки — народы-братья, которые находятся в одинаковой ситуации, — говорил он. — Мы, тибетцы, не имеем возможности пока возрождать свою культуру и потому хотим помочь вам в России»¹⁷⁰.

В следующем году, направляясь в Монголию, Далай-лама остановился на один день в Москве (29 июля) — выступил с проповедью перед представителями монгольской общины, дал несколько

169 Нартагн биюлетень, 1994. № 2 (20). С. 14–15. Этот визит Далай-ламы состоялся 18–21 мая 1994 г.

170 Интервью с А.А. Терентьевым, 16 декабря 2004 г.

интервью (монгольскому, российскому и калмыцкому ТВ) и принял ряд посетителей, в том числе делегацию депутатов Госдумы, ЦДУБ РФ, президента Калмыкии, а также приехавших в Москву необуддистов — популярного американского актера и филантропа Ричарда Гира и российского рок-музыканта Б.Гребенщикова¹⁷¹.

В результате этих визитов Далай-ламы тибетский вопрос начал привлекать к себе внимание широких общественных кругов новой, демократической России. В центральной прессе появился целый ряд публикаций на тибетскую тему, авторы которых резко критиковали Китай за проводимую им политику в отношении Тибета и отзывались с похвалой о миротворческих усилиях Далай-ламы, игнорированных Пекином. По мнению собкора «Московских новостей» Д. Радышевского, Далай-лама — «лидер без страны» — оказался единственным политиком в мире (после Махатмы Ганди), способным делать сегодня народно-освободительное движение ненасильственным. Более того, разрабатывать свою собственную политическую программу, которая начала объединять супердержавы. Программа называется «Зона Ахимсы» — «расширение полностью демилитаризованной зоны ненасилия, которой он предлагает сначала сделать Тибет, до размеров земного шара»¹⁷². В российских газетах прямо говорилось об оккупации коммунистическим Китаем Тибета в 1950 г. и о том, что нынешние китайские власти проводят «репрессивную политику в Тибете против местного населения». Китай опутал Тибет сетью тюрем и трудовых лагерей, заключенные подвергаются пыткам и психологическому унижению. За годы китайской оккупации в стране было закрыто и разрушено более 6 тысяч монастырей (90 % их общего числа), и в Тибет переселилось 7,5 миллионов китайских колонистов. Перспективы разрешения тибетской проблемы, однако, оценивались по-разному: так, в 1992 г., в атмосфере всеобщей эйфории в стране, «Известия» предсказывали, что в ближайшие 5–10 лет коммунистический режим в Китае падет и Тибет станет независимым, а два года спустя, когда ельцинские реформы начали пробуксовывать и в то же время наметилось более тесное сотрудничество Москвы и Пекина, та же

171 См.: Буддизм России (С.-Петербург). 1995 (осень). № 24. С. 23-24.

172 Радышевский Д. Земной Будда: лидер без страны // Московские новости. 1994. 15-22 мая. С. 14 См. также: Паклин Н. Тибет будет независимым, а Китай повторит путь СССР // Известия. 1992. 1 мая; Чудодеев А. Полицейский участок на «Крыше мира» // Новое время. 1993. № 8. С. 34-36; Савенков Ю., Скосырев В. Живой Будда устал от непонимания // Известия. 1994. 24 мая; Фэрклоу С. Голос с крыши мира // Новое время. 1994. Май (№ 21). С. 24-25.

газета писала уже довольно пессимистично о том, что «надежды добиться самоопределения для Тибета становятся призрачными»¹⁷³.

Та же смена настроений, как кажется, произошла и среди российских парламентариев. Если в начале 1990-х депутаты Верховного Совета горячо приветствовали Далай-ламу и тибетский вопрос даже обсуждался в комитете по правам человека, то их интерес к Тибету значительно ослабел в середине 1990-х (в чем, вероятно, можно усмотреть определенное влияние российско-китайского диалога). Так, в 1995 г. представительница Тувы в Госдуме К.Д. Аракчаа (партия «Новая региональная политика») внесла на обсуждение нижней палаты парламента проект резолюции ГД «О ситуации в Тибете». В этом документе содержалось осуждение политики Китая в отношении Тибета и выдвигался ряд конкретных требований: с одной стороны, к правительству КНР — «немедленно прекратить организуемую и поощряемую им массовую миграцию китайского населения в Тибет» и «положить конец нарушениям прав человека и гарантировать уважение основных прав тибетского народа и личности», с другой — к правительству РФ — «немедленно признать Далай-ламу и членов тибетского правительства в изгнании в качестве подлинных и законных представителей тибетского народа» и «способствовать любой инициативе, направленной на решение китайско-тибетской проблемы путем политического диалога». Кроме этого, в проекте резолюции выражалась полная поддержка «усилий Далай-ламы по мирному восстановлению культурных и религиозных свобод тибетского народа, а также его *права на самоопределение*» и высказывалась надежда «на установление тесных связей между Тибетским Парламентом в изгнании и Государственной Думой»¹⁷⁴. Инициативу К.Д. Аракчаа, однако, поддержала лишь небольшая часть депутатского корпуса — всего 103 человека (при трех воздержавшихся и 344 не принявших участие в голосовании). Свою неудачу Аракчаа объяснила тем, что в Думе сложилось «устойчивое большинство депутатов, которые не хотят трений по тибетскому вопросу с правительством, считающим отношения с Китаем чрезвычайно важными и готовым закрывать глаза на нарушение прав человека в этой стране». Эти депутаты уже дважды «проваливали» её другие предложения по тибетскому вопросу, внесенные в Госдуму в конце мая и в июне 1995 г.: послать думс-

173 См.: Известия. 1992. 1 мая; 1994. 24 мая.

174 Буддизм России. 1995 (осень). № 24. С. 60-61.

кую делегацию в Вильнюс на Всемирный конгресс парламентариев, посвященный Тибету, и направить обращение китайскому правительству в связи с исчезновением Гедуна Чьоки Нима, признанного Далай-ламой реинкарнацией Х Панчен-ламы¹⁷⁵.

Впрочем, российское правительство и парламент, несмотря на своё явное нежелание вовлекаться в обсуждение столь щекотливой для них — и крайне болезненной для Пекина — тибетской проблемы, не препятствовали развивающимся контактам российских буддистов со своим духовным пастырем, при том, что этим контактам открыто покровительствовали высшие властные структуры в трех «буддийских республиках» РФ. Так, летом того же 1995 г. в Дели на празднование 60-летия Далай-ламы беспрепятственно отпраздновали делегации от Бурятии, Тувы и Калмыкии, возглавляемые соответственно новым бурятским хамбо-ламой Дамба Аюшиевым, председателем тувинского парламента К.А. Бичелдеем и госсенатором президента Калмыкии В.Н. Илюмжиновым. По случаю своего юбилея Далай-лама также получил поздравления от главных мировых лидеров, включая Дж. Картера, В. Гавела, епископа Д. Туту и М.С. Горбачева. 4–5 июля российские делегаты приняли участие в приуроченном к торжествам Международном симпозиуме, посвященном современным проблемам человечества и роли буддизма в их разрешении¹⁷⁶. Далее, осенью 1995 г. в Москве и С.-Петербурге с большим успехом прошли «Дни тибетской культуры». Их программа включала лекции, дискуссии, выступления тибетских фольклорных ансамблей, показ фильмов.

Наиболее тесные контакты с Дхарамсалой удалось установить правительству Калмыкии, которое пыталось таким образом возродить существовавшую в XVII–XVIII веках традицию прямого общения калмыцких ханов и буддийского духовенства с тибетскими Далай-ламами. Главную роль в этом процессе сыграл молодой и энергичный президент Республики Калмыкия К.Н. Илюмжинов, впервые встретившийся с Далай-ламой в 1991 г. Уже на инаугурационной церемонии (в апреле 1993 г.) он заявил, что готов «от имени калмыцкого народа» пригласить Его Святейшество XIV Далай-ламу в Калмыкию и предоставить ему политическое убежище, а также выделить землю для строительства автономного монастырского комплекса и «буддийского Ватикана», подобного резиденции рим-

175 См.: Там же. С. 60.

176 Буддизм. Информационный бюллетень ЦДУБ. 1996. № 1. С. 3, 6.

ских пап. 21–24 ноября 1994 г. К.Н. Илюмжинов впервые посетил Дхарамсалу с официальным визитом во главе большой калмыцкой правительственной делегации. Тибетская диаспора горячо приветствовала калмыцкого президента как первого в мире государственного главу, посетившего «столицу Тибета в изгнании». По сообщениям обозревателей, во время встречи К.Н.Илюмжинова с Далай-ламой была сделана попытка заключить «нечто вроде дипломатического соглашения между Дхарамсалой и Калмыкией», однако она не увенчалась успехом из-за вмешательства министра иностранных дел Индии¹⁷⁷. Три года спустя (31 июля – 1 августа 1997 г.) президент Калмыкии вновь побывал в Дхарамсале, где встретился с Далай-ламой и министрами тибетского правительства в эмиграции (Кашага). На обеде, устроенном Кашагом в его честь, калмыцкий президент заявил, что Калмыкия, несмотря на то, что она объединена на федеративных началах с Россией, *сохраняет глубокое родство с Тибетом*, и выразил надежду, что отношения между двумя странами будут и далее развиваться. «Хотя мы добились некоторого успеха в решении материальных задач, нам предстоит многому научиться у тибетцев в духовной области», — сказал К.Н. Илюмжинов¹⁷⁸.

По мере возрождения буддизма в России и развития религиозных контактов российских буддистов — традиционных (бурят, тувинцев и калмыков) и новых буддистов-европейцев — с Дхарамсалой, с начала 1990-х годов в стране начало набирать силу общественно-политическое движение в поддержку Тибета. Его главная цель состояла в том, чтобы привлечь внимание российской общественности к современному положению в Тибете и побудить правительство КНР к возобновлению прерванного диалога с Далай-ламой. Застрельщиками этого движения выступили возникшие в постсоветский период в С.-Петербурге, Москве и других городах России общества «Друзей Тибета» (ОДТ) — информационно-культурные центры, аналогичные существующим на Западе «группам поддержки Тибета» (Tibet support groups) и целиком разделявшие их идеологию и методы работы. Серьезную озабоченность ситуацией в Тибете стали проявлять и различные российские правозащитные организации, а также некоторые политические партии, такие, например, как «Яблоко» или Радикальная партия (РП). Деятельность этих сил была самой разнообразной по форме — обсуждение

177 Tibetan Review. 1994 (January). Vol. 29 (1). P. 7. Kalmyk President Visits Dharamsala.

178 Tibetan Bulletin. 1997 (September-October). Vol. 1 (3). P. 33. Kalmyk President Urges Closer Kalmykia-Tibet Relations.

тибетской проблемы на дискуссионных «круглых столах», с участием ученых и представителей общественности, организация фестивалей и других культурных мероприятий, посвященных Тибету, а также сугубо политические акции — митинги, демонстрации, пикетирование китайского посольства в Москве и консульства в С.-Петербурге, обращение с петициями к российским политикам, ученым и парламентариям. Так, 9 марта 1997 г. на Пушкинской площади в Москве прошла манифестация «За свободу оккупированного Китаем Тибета», организованная Радикальной партией совместно с ОДТ и приуроченная к 38-й годовщине Лхасского восстания. Участие в манифестации приняли около двухсот человек, включая проживающих в Москве тибетцев. На митинге у памятника Пушкину было объявлено о начале петиционной кампании «Площадь свободного Тибета» по сбору подписей москвичей под обращением к мэру Москвы Ю.М. Лужкову с призывом назвать одну из улиц или площадей столицы в честь свободного Тибета или духовного лидера тибетского народа Далай-ламы¹⁷⁹.

Приведенные выше факты убедительно свидетельствуют о значительно возросшем в 1990-е годы интересе к Тибету — тибетской религии, культуре и истории со стороны различных слоёв российского общества и в то же время о несомненной озабоченности российских граждан нынешним трагическим положением Тибета. Этому во многом способствовали как начавшийся процесс демократизации России, так и частые визиты в Москву и буддийские регионы РФ (в первой половине 1990-х) харизматичного тибетского лидера. Далай-лама в эти годы, безусловно, находился в центре всеобщего внимания и вызывал к себе большую симпатию и уважение. То, что более всего привлекало к нему жителей обновленной России (равно как и стран Запада), это его гуманистическая философия ненасилия, пристальное внимание к проблемами экологии, призывы к созиданию нового — ненасильственного — миропорядка, основанного на принципах демократии и уважения прав человека. Для России, однако, Далай-лама имеет гораздо большее значение, чем для западных стран, в силу нахождения в её составе трех буддийских народов, для которых тибетский лидер служит символом национального и культурного возрождения. Что касается самого Далай-ламы, то он, как и его предшественник, обнаруживает явное тяготение к России. В частных беседах и интервью российским

¹⁷⁹Пресс-релиз Радикальной партии, 9 марта 1997 г.

газетам он неоднократно подчеркивал тот факт, что между Тибетом и Россией исторически, еще со времен XIII Далай-ламы, сложились «особые отношения» по сравнению с другими странами. Россия воспринимается тибетцами «как могущественная держава, испытывающая дружественные чувства к Тибету, поскольку в ней проживает буддийское население». А так как буддизм в настоящее время быстро возрождается на российской почве, «Россия в будущем может стать одной из ведущих буддийских стран, откуда учение Будды будет распространяться по всему миру». Более того, в России (или Монголии) в будущем может произойти новое, пятнадцатое перерождение Далай-ламы¹⁸⁰.

Дальнейшее сближение Москвы и Дхарамсалы, однако, стало невозможным после того, как российская дипломатия во второй половине 1990-х приняла явно прокитайский крен. Уже в 1996 г. Далай-лама не смог совершить запланированную поездку в Россию с очередным пасторским визитом из-за невыдачи ему въездной визы. Практически, на целое десятилетие высший буддийский иерарх становится «персоной нон-грата» в России — лишь в конце 2004 г. МИД РФ разрешило ему совершить двухдневную поездку в Калмыкию, оговорив при этом, что она не будет носить политического характера¹⁸¹. Таким образом, налицо явное противоречие между государственными интересами РФ и интересами её отдельных субъектов (Бурятия, Калмыкия, Тува): одним из главных приоритетов внешней политики нынешней России является тесное торгово-экономическое и политическое сотрудничество с Китаем, в то время как её буддийские регионы настойчиво стремятся к более тесным контактам с Далай-ламой и тибетским правительством в эмиграции. Эти контакты, хотя и в сильно ослабленной форме, все же продолжают медленно развиваться. Однако Далай-ламу Пекин считает злейшим врагом, и потому Россия, во имя дружбы («стратегического партнерства») с Китаем, вынуждена занять столь непоследовательную и двусмысленную позицию в отношении тибетского лидера.

Ситуация в Тибете еще более осложнилась после начала в 1996 г. пекинскими властями новых политических кампаний — «Патрио-

180 См.: Известия. 2004. 29 марта. Интервью Далай-ламы с обозревателем «Известий» С. Лесковым: «Я чувствую, я знаю, что мир становится лучше и добрее».

181 Об этом новом отношении российской дипломатии к Далай-ламе см.: Буддизм России. 2002 (осень). № 36. С. 44-53. Хроника текущих событий: «МИД РФ отказал Далай-ламе во въездной визе»; «Далай-ламу опять не пустили в Россию» и др. материалы. См. также: Чудодеев А. Первосвященная война: Почему два самых «культурных» в мире персонажа — папа Римский и далай-лама оказались для России персонами нон-грата // Итоги. 2004. 23 ноября. № 47 (441). С. 26-29.

тического воспитания», «Духовной цивилизации» и «Жесткого удара», взявших на вооружение директивы III рабочего форума. Целью «Жесткого удара» являлось искоренение тибетского «сепаратизма» как главной угрозы «единства Родины». Остриё кампании было направлено, прежде всего, против Далай-ламы и его «клики» и политически нелегального буддийского духовенства в ТАР. Монахам и монастырям строго запрещалось иметь у себя или публично вывешивать портреты Далай-ламы и поклоняться им, что квалифицировалось властями как проявление сепаратизма — деяние, уголовно наказуемое. Начались гонения на «сепаратистов» — аресты и изгнания монахов и монахинь из монастырей и мест затворничества. В Тибете в этот период также продолжали наблюдаться и другие случаи нарушения прав человека, как-то: дискриминация по расовому признаку, избиение и пытки заключенных в тюрьмах, ограничение рождаемости тибетцев путем насильственной стерилизации и контрацепции тибетских женщин¹⁸².

Официальный Пекин, естественно, отрицал и продолжает отрицать, что в Тибете имеют место какие-либо нарушения прав человека. Еще в сентябре 1992 г. Пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала так называемую «белую книгу» («Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека»), в которой обосновывались тесные исторические связи Тибета с Китаем, говорилось о прогрессе и успехах современного Тибета в области защиты прав человека. В феврале 1998 г. Пекин издал на русском языке брошюру «Новый прогресс в защите прав человека в Тибете», которая в настоящее время распространяется посольством КНР в России вместе с другой литературой о Тибете откровенно пропагандистского содержания¹⁸³. Автор этой брошюры утверждал, что с начала 1990-х гг. в области прав человека в Тибете был достигнут значительный прогресс, при этом речь велась исключительно о коллективных «правах народа» — на существование и развитие, образование, культуру, здравоохранение, из числа которых, по понятной причине, исключалось право народа

182 Более подробно о нарушении прав человека в Тибете во второй половине 1990-х см.: Китай в Тибете: «Жесткий удар» по правам человека. Дхарамсала, 1997; Тибет: Права человека и законность. Официальное заключение Международной юридической комиссии. Дхарамсала, 1998; Современная политика Китая в Тибете... С. 8-28; Тибет под властью коммунистического Китая: 50 лет. Дхарамсала, 2000; Human Rights Update. 1999 (December). Vol. 4. № 18. P. 1-4; 2000 (February). Vol. 5. № 2. P. 4 (годовой отчет Госдепа США о состоянии прав человека в Китае и Тибете, 25 февраля 1999).

183 См., например: Чжань Тяньлу. Китай: Прошлое, нынешнее и будущее состояние населения в Тибете. Пекин, 1994; Тибет глазами тибетцев. Пекин, 1995.

на самоопределение. В брошюре также говорилось, что после «мирного освобождения» Тибета китайское правительство «неизменно проводит там политику уважения и защиты свободы вероисповедания народных масс Тибета»: вкладывает значительные средства в реставрацию храмов и монастырей, издает священные религиозные книги, уважает институт перерождения «живого Будды». Следуя исторической традиции тибетского буддизма, Управление по делам религии при Госсовете КНР в 1992 г. утвердило кандидатуру живого Будды Кармапы XVII, а в 1995 г. с санкции того же Госсовета в Тибете проводились поиски и идентификация мальчика-перерожденца почившего Панчена-Эртни X и затем были совершены интронизация и ритуал пострига Панчена-Эртни XI. Что касается Далай-ламы, то Пекин не скрывал своего резко негативного отношения к нему, утверждая, например, что он «всячески клеветет и нападает на прогрессирующий Тибет, не гнушаясь выдумками и ложью в целях обмана мировой общественности». Впрочем, порицая деятельность Далай-ламы, автор брошюры все же признавал, что «общий уровень социально-экономического развития Тибета пока остается невысоким» и потому «положение с правами человека в Тибете пока оставляет желать лучшего»¹⁸⁴.

Прервавшиеся контакты между Пекином и Дхарамсалой оставались до конца 1990-х главным препятствием на пути окончательного урегулирования тибетского вопроса. На протяжении всего десятилетия Далай-лама настойчиво стремился к возобновлению диалога с китайскими властями, хорошо понимая, что решить проблему Тибета можно только путем политических переговоров. В своих публичных выступлениях он уже не требовал предоставления независимости Тибету и говорил лишь о необходимости обеспечить тибетскому народу *подлинную автономию*, которая позволила бы сохранить его «культурное, религиозное и языковое единство», «уникальный путь социально-культурного развития»¹⁸⁵. Наибольшее беспокойство Далай-ламы, как и прежде, вызывала массовая миграция китайцев на территорию Тибета, в результате чего тибетцы постепенно становятся «незначительным меньшинством» в собственной стране. Его основные усилия были направлены на сохранение тибетской культуры и национальной идентичности, находящихся под угрозой полного уничтожения.

184 Новый прогресс в защите прав человека в Тибете. Пекин, 1998. С. 30-34, 36.

185 Буддизм России. 1999 (весна). № 31. С. 65. Заявление Далай-ламы 10 марта 1999 г. к 40-ой годовщине Тибетского национального восстания.

Такая позиция Далай-ламы не могла не вызывать симпатий и сочувствия в странах Запада (в Европе и в США), где давно укоренились и сильны демократические традиции. В течение 1990-х тибетский вопрос (главным образом в его гуманитарном аспекте) неоднократно обсуждался в парламентах европейских стран, Европарламентом, а также Конгрессом США, и выносились резолюции, осуждавшие Китай за проводимую им политику «культурного геноцида» в Тибете. Так, в 1991 г. подкомитет по предотвращению дискриминации и защите национальных меньшинств при Комиссии по правам человека ООН в Женеве вновь выразил озабоченность в связи «с сообщениями о нарушениях основных свобод и прав человека в Тибете, результатом чего является угроза культурной, религиозной и национальной идентичности тибетского народа»¹⁸⁶. В 1997 и 1999 гг. Дания и США еще раз попытались внести тибетский вопрос на рассмотрение этой Комиссии, однако их предложения были заблокированы представителем КНР. В то же время главы правительств многих государств мира и влиятельные политические деятели открыто принимали Далай-ламу, выступали с заявлениями в защиту основных прав тибетского народа, поднимали вопрос о нарушении прав человека в Тибете во время переговоров с китайскими лидерами, не опасаясь при этом испортить отношения с Китаем.

Этот повышенный интерес Запада к Тибету, однако, не вызвал серьёзного беспокойства в Пекине. Китайские лидеры, по мнению Ц. Шакья, хорошо понимают, что западный блок не имеет стратегических или экономических интересов в Тибете. Тибетский вопрос используется Западом преимущественно как «раздражитель» Пекина и «средство в дипломатическом торге» (*device in diplomatic bargaining*) для получения экономических уступок со стороны Китая, и «едва ли станет когда-нибудь приоритетным в политике западных держав»¹⁸⁷. Тем не менее, растущая мировая поддержка Далай-ламы и тибетской оппозиции Западом оказалась достаточно сильным «раздражителем», побудившим Пекин развернуть в 1990-е гг. ответную пропагандистскую кампанию с целью дискредитации Далай-ламской «клики» и создания привлекательного в глазах западной общественности образа неуклонно «прогрессирующего» Тибета благодаря проводимым в нем Китаем экономическим и социальным реформам¹⁸⁸.

186 Тибет: Права человека и законность... С. 5.

187 Shakya Ts. The Dragon in the Land of Snows... P. 435.

188 См.: Новая стратегия международной пропаганды // Современная политика Китая в Тибете... С. 36-42.

Президент США Б. Клинтон приветствует Далай-ламу XIV в Белом доме, 28 апреля 1994. Фото из журнала Tibet Press Watch, 1994. (с. 1)

Наиболее активную, хотя и не всегда последовательную, политику в отношении Тибета в 1990-е годы проводили администрация и Конгресс США, особенно в период президентства Б. Клинтона, поставившего вопрос о предоставлении Китаю торгового статуса наиболее благоприятствуемой нации в зависимости от соблюдения КНР прав человека в Тибете. Б. Клинтон и вице-президент А. Гор неоднократно принимали Далай-ламу в Белом Доме, публично заявляли о своей поддержке требований тибетской оппозиции, призывали китайское руководство к возобновлению диалога с Дхарамсалой¹⁸⁹. Пекин, однако, не торопился садиться за стол переговоров с Далай-ламой. По мнению Дхарамсалы, китайские лидеры умышленно затягивают обсуждение тибетской проблемы (вопроса о статусе Тибета): увязывая существование тибетского вопроса с личностью Далай-ламы, они рассчитывают, что со смертью тибетского лидера этот вопрос разрешится сам собой¹⁹⁰.

Сдвиг в этой почти что тупиковой ситуации наметился лишь в самое последнее время в связи с отставкой Цзян Цзэмина и приходом к власти в Китае нового руководства. В сентябре 2002 г. Пекин посетило представительство Далай-ламы во главе с влиятельным Лоди Гьяри (глава базирующейся в Вашингтоне и пользующейся

189 Tibet Press Watch. 1994. May. Vol. 6 (2). P. 1-6.

190 Современная политика Китая в Тибете... С. 44.

поддержкой американского правительства «Международной кампании за Тибет» — International Campaign for Tibet). За ним в мае 2003 г. последовала еще одна делегация, направленная Далай-ламой, вступившая в переговоры с китайским правительством. Накануне её отправки Далай-лама вновь заявил: «Я не добиваюсь отделения или независимости Тибета от КНР. Всё, что я хочу, — это истинное самоуправление Тибета внутри Китая»¹⁹¹. Комментируя эти новые контакты Дхарамсалы и Пекина, И. Гарри отмечает: «Думается, что при сохранении новым руководством Китая курса либерализации по-прежнему сохраняется надежда на мирное разрешение тибетской проблемы, которое потребует от обеих сторон очень большого компромисса. Очевидно, однако, что решение тибетского вопроса будет происходить в пределах единого Китайского государства»¹⁹². С этим выводом нельзя не согласиться.

В условиях продолжающегося активного диалога Далай-ламы с Западом и перспектив нового раунда переговоров Дхарамсалы с китайским руководством пассивная и политически слишком ориентированная на Пекин позиция МИД РФ в тибетском вопросе, несомненно, наносит урон имиджу России как демократического государства в глазах остального мира. Эта позиция, как нам кажется, нуждается в существенной корректировке, принимая во внимание исторические и фактически существующие на сегодняшний день тесные связи буддийского населения Бурятии, Тувы и Калмыкии с Далай-ламой, исключительно дружеское расположение буддийского иерарха к России и ту немаловажную роль, которую он играет с конца 1980-х гг. в национальном и духовном возрождении народов этих трех автономных республик, субъектов РФ. Кроме того, новой России, заявившей о своей приверженности демократическим ориентирам, вероятно, также следовало бы выразить своё отношение к одному из наиболее острых аспектов тибетской проблемы — нарушению Китаем прав человека в Тибете, как это делают другие державы.

191 Гарри И. Хроника взаимоотношений Далай-ламы XIV и Центрального правительства КНР // Буддизм России. 2003. № 33. С. 58.

192 Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История российско-тибетских отношений насчитывает почти три столетия и восходит к началу XVIII в., когда в состав Российской империи вошли два полукочевых монголоязычных народа — буряты и калмыки. Являясь буддистами по исповеданию, они традиционно поддерживали тесную связь с высшими буддийскими иерархами Тибета, Далай-ламой и Панчен-ламой, регулярно посещали Лхасу и другие религиозные центры в стране как паломники или для получения высшего конфессионального образования. Эти контакты бурят и калмыков со своей духовной метрополией превалили в самом конце XVIII в., после того как тибетские власти перестали допускать в свою страну подданных иностранных государств, что привело к полной изоляции Тибета от остального мира почти на целое столетие. Такое решение было принято теократическими правителями Лхасы не самостоятельно, но в большой степени под давлением правящей в Китае (с середины XVII в.) маньчжурской династии Цинов, стремившейся оградить Тибет, одну из своих вассальных «внешних территорий», от чужеземного влияния.

В послепетровскую эпоху русское правительство предпринимало определенные усилия как для сбора сведений о Тибете, так и для завязывания отношений с его правящей элитой, главным образом с целью установления торгового обмена между Россией и Тибетом. Для этого, в частности, пытались использовать регулярно посещавшие Тибет религиозные посольства калмыцких ханов. Попытки завязать торговые отношения с Тибетом делались и в начале XIX в., свидетельством чего являются инструкции, данные гр. Ю.А. Головкину в связи с его посольством в Пекин в 1805 г., и деятельность купца-дипломата Мехти Рафаилова, неоднократно посещавшего в 1810-е – 1820-е гг. Кашмир и Ладак (Малый Тибет).

В дальнейшем в течение длительного времени Россия не проявляла интереса к Тибету до тех пор, пока обострившееся англо-русское соперничество в Азии, так называемая Большая игра, не побудило Петербург вновь обратить взоры к этому крупнейшему пригималайскому государству. С 70-х гг. XIX в. Тибет становится объектом интенсивных географическо-рекогносцировочных исследований России и Англии, которыми руководили соответственно Императорское Русское географическое общество и Главная

геодезическая служба (Great Trigonometrical Survey) в Дера-Дуне (Индия). Русские путешественники исследовали в основном северную и северо-восточную окраины Тибетского нагорья, а англо-индийские разведчики-«пандиты» — его южные части, примыкающие к Индии. В 1880-е – 1890-е гг. это научное соперничество переместилось в политическую сферу, когда Россия и Англия почти одновременно пытались завязать отношения с Далай-ламой и его теократическим режимом. Россия делала такие попытки неоднократно в 1880-е гг. с помощью экспедиций Н.М. Пржевальского. Со своей стороны, Англия, воспользовавшись соглашением с Китаем (Чифуская конвенция 1876 г.), отправила в 1885 г. в Лхасу торговую миссию во главе с К. Маколеем. Однако тибетские власти не допустили ни русских, ни англичан в свою столицу. О стремлении как Англии, так и России распространить на Тибет свою коммерческо-торговую деятельность и через неё установить политические контакты с Лхасой говорят заключенные Англией с Китаем договоры о Сиккиме и Тибете (1890 и 1893) и проект присоединения к России «монголо-тибетско-китайского Востока» П.А. Бадмаева (1893). В 1895 г. Лхасу под видом паломников посетили бурятские агенты Бадмаева, которые вступили в контакт с фаворитом и ближайшим советником XIII Далай-ламы (1876–1933) бурятом Агваном Доржиевым. Являясь убежденным русофилом, Доржиев (1853/54–1938) создал прорусскую группировку в тибетских верхах и сумел убедить правителя Тибета, что только Россия, могущественная держава «белого царя», покровительствующая бурятско-калмыцким буддистам и враждебная Англии, может защитить Тибет от посягательств англичан. Под влиянием Доржиева Далай-лама постепенно пришел к мысли о переориентации с политически ослабевшего к тому времени Цинского Китая на сильную Россию в качестве нового, западного, сюзерена-патрона Тибета.

Проект П.А. Бадмаева, несмотря на его авантюрный характер, получил поддержку Александра III и влиятельного министра финансов С.Ю. Витте, одного из идеологов русской экспансии на Дальнем Востоке и в Китае. В 1896 г., по возвращении из Лхасы бадмаевских агентов, С.Ю. Витте впервые заявил о том, что Тибет представляет политический интерес для Российского государства, и сформулировал главную цель «тибетской политики» России — противодействие установлению английского протектората над Тибетом. В Петербурге не без оснований опасались, что,

установив контроль над Лхасой, англичане смогут оказывать влияние на бурятских и калмыцких буддистов, равно как и на мусульман в Русском Туркестане через соседний с Тибетом Синьцзян, где также имело место англо-русское соперничество. Таким образом, предложенная Витте политика России в отношении Тибета являлась, по сути, *политикой сдерживания* Англии. Другая составляющая этой политики — признание Тибета подвластной Китаю территорией, поскольку Витте выступал за сохранение целостности и неприкосновенности Китая в эпоху, когда клонившаяся к закату империя Цинов стала объектом территориальных притязаний и захватов империалистических держав. Витте никогда не ставил вопроса о законности *сюзеренитета* Китая над Тибетом, поскольку такой сюзеренитет также служил цели сдерживания Англии.

Тибет привлек к себе внимание политических лидеров царской России, прежде всего, своим географическим положением между Китаем и Британской Индией. В то же время Тибет представлял собой естественный (природный) буфер между сферой русских интересов в Китайском Туркестане (Синьцзяне) и азиатскими владениями Англии в Индии и Бирме и, подобно двум другим государствам-буферам (Афганистану и Персии), неизбежно должен был стать объектом англо-русского соперничества. Мы полностью разделяем точку зрения военного географа-востоковеда А.Е. Снезарева, утверждавшего, что любой из буферов, вне зависимости от его размеров и географического положения, играл одинаковую «политико-стратегическую роль». Англия и Россия, в силу своего давнего антагонизма и взаимной хронической подозрительности, однако, не были заинтересованы в Тибете как нейтральном буфере — рано или поздно тибетский буфер должен был перейти либо в английскую, либо в русскую сферу влияния. Это означало не столько территориальный контроль или протекторат одной из двух держав над Тибетом, сколько доминирующее — русское или английское — влияние на лхасскую правящую верхушку (элигу), прежде всего Далай-ламу, так же, как это имело место в случае с другими восточными правителями, например афганским эмиром и персидским шахом. Именно в этом смысле можно говорить о борьбе Англии и России за «господство над Тибетом» (по выражению Т.Л. Шаумян).

России был нужен дружественный ей, прорусский Тибет, ибо таким образом она могла бы, во-первых, сдерживать английскую

экспансию в Центральной Азии и, во-вторых, при необходимости оказывать на Англию политическое давление через русофильскую элиту в Лхасе. Россия, по существу, не имела каких-либо агрессивных замыслов в отношении Тибета, равно как и планов использования тибетской территории в качестве плацдарма для нападения на Индию. Но и Англия, со своей стороны, стремилась не к захвату или аннексии Тибета, а лишь к удержанию соседней страны в сфере своего преобладающего влияния, чтобы таким образом препятствовать потенциальной «русской экспансии» в направлении Индии и прикрывающего Индию пояса малых буддийских буферов (Непала, Бутана и Сиккима). В конечном счете главным «призом» Большой игры в Тибете являлся не сам Тибет, малопривлекательный с торгово-экономической или военной точек зрения, а его верховный правитель и буддийский иерарх, Далай-лама.

В результате напрашивается довольно парадоксальный на первый взгляд вывод: не имея сколько-нибудь существенных торговых или военных интересов в Тибете, Россия, тем не менее, вступила — не могла не вступить — в борьбу с Англией за Тибет. Эта борьба, суть которой сводилась к закулисной дипломатической дуэли с Лондоном, однако, была не долгой и завершилась полюбовно подписанием в 1907 г. англо-русской конвенции по тибетским делам. Факт заключения такого соглашения, одновременно с соглашениями по Персии и Афганистану, подтверждает правильность буферной теории А.Е. Снесарева и в то же время показывает несостоятельность тезиса Н.С. Кулешова об отсутствии у России самостоятельной тибетской политики, равно как и самого англо-русского соперничества из-за Тибета.

России удалось первой завязать дипломатические отношения с Тибетом, во многом благодаря усилиям А. Доржиева, трижды (в 1898, 1900 и 1901) посетившего Петербург в качестве личного посланника Далай-ламы. В результате в 1901 г. МИД принял решение об учреждении русского консульства вблизи границ Тибета (г. Дацзянлу в китайской провинции Сычуань) — формально для поддержания «непосредственных и постоянных сношений» с буддийскими властями Тибета, фактически же для наблюдения за деятельностью Англии в этой части Азии. В то же время военный министр А.Н. Куропаткин обещал Тибету военную помощь — оружие и инструкторов, что должно было помочь тибетцам противостоять английской экспансии, факт, до сих пор не нашедший

отражения в отечественной историографии. Ответные действия Англии не заставили себя долго ждать — встревоженный сообщениями о «посольствах» Доржиева в Петербург новый вице-король Индии Д. Керзон отправил в 1903 г. в Тибет дипломатическую миссию, которая вскоре превратилась в военную экспедицию. Главной целью Керзона являлось заключение торгового договора с Далай-ламой — акция, с помощью которой он, прежде всего, пытался расстроить «русскую интригу» в Тибете, пока она «не зашла слишком далеко». Это соперничество России и Англии имело драматические последствия для Тибета — бегство Далай-ламы из Лхасы и активизацию в последующие годы тибетской политики Пекина, стремившегося вернуть себе утраченный контроль над Лхасой.

Наиболее активная фаза русско-тибетского диалога приходится на 1900–1904 гг. и совпадает с периодом широкой экспансии России на Дальнем Востоке, прежде всего в Маньчжурии. Российская дипломатия пыталась сохранить изолированное положение Тибета, поскольку это позволяло удерживать Тибет в сфере русского влияния, по причине открытого тяготения Далай-ламы к России. В январе 1904 г. Куропаткин отправил в Лхасу группу калмыков-разведчиков во главе с подъяесаулом Н. Улановым и в то же время он взвешивал возможность посылки в Тибет военно-дипломатической экспедиции, которая должна была «добиться для русских тех же привилегий, каких добивается Англия своей экспедицией». Затем весной 1904 г., еще до того, как экспедиция Ф. Янгхазбенда достигла Лхасы, Петербург совершил дипломатическую сделку с Лондоном в связи с Тибетом — заявил о своей поддержке так называемого «Хедивиального декрета» в обмен на письменные гарантии лондонского кабинета о сохранении статус-кво в Тибете. Вступление англичан в Лхасу и подписание ими договора с тибетцами в сентябре 1904 г., однако, радикально изменили ситуацию. Отныне Тибет становится уже «английской сферой», и Россия, завязнув в войне с Японией, бессильна помешать этому.

Бегство Далай-ламы от англичан во Внешнюю Монголию (летом 1904 г.) и его двухлетнее пребывание в этой стране явились серьёзным испытанием для российской дипломатии. Политически ослабленная японской войной и революцией, Россия не могла более проводить активную политику в Центральной Азии. Не желая обострять отношения с Лондоном из-за Тибета и откровенно тяготясь присутствием Далай-ламы вблизи российской границы, МИД

стремилось удалить тибетского лидера из Монголии и вернуть в Лхасу, поскольку его «водворение» в Тибете позволяло России в какой-то мере восстановить своё пошатнувшееся влияние на тибетские дела. В то же время представители военных кругов, ламаистское духовенство и некоторая часть влиятельных востоковедов во главе с акад. С.Ф. Ольденбурггом призывали российское правительство к более активным действиям, считая, что Россия должна использовать «исторический момент» появления Далай-ламы в соседней Монголии. Строились планы переселения Далай-ламы в Россию (в Забайкалье), что должно было привести к возникновению нового религиозного центра северного буддизма в противовес оказавшейся под контролем англичан Лхасе. В этом столкновении двух линий в тибетском вопросе верх в конце концов одержала умеренно-осторожная линия дипломатического ведомства, которое хотело, с одной стороны, примирить Далай-ламу с Пекином (и тем самым вернуть Тибет под формальный сюзеренитет Китая), а с другой — договориться с Лондоном по тибетскому и другим спорным вопросам, разделявшим обе соперничающие державы, т. е. положить конец Большой игре. Петербург не сочувствовал сепаратистским настроениям Далай-ламы – его стремлению отложиться от Китая и создать независимое тибетское государство при поддержке России и других западных держав, ибо такой шаг послужил бы толчком к началу распада Китая.

Заключение англо-русской конвенции 1907 г. явилось переломом в русско-тибетских отношениях. Россия была вынуждена признать преимущественные интересы Англии в Тибете, обусловленные географическим положением Индии, и особые права, предоставленные ей Лхасской конвенцией. В то же время с помощью этого соглашения России удалось связать свободу действий англичан в Тибете и тем самым поставить заслон на пути английской экспансии на этой окраине Цинской империи, поскольку обе державы взаимно признали сюзеренитет Китая над Тибетом и обязались «сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства». При этом российские буддисты сохранили своё право «входить в непосредственные сношения с Далай-ламой» на религиозной почве, что оставляло в руках России этот важный инструмент влияния на политику Лхасы.

Начиная с 1905 г., российско-тибетский диалог постепенно переходит в плоскость личных отношений между российским МИД

и Далай-ламой. Дипломатическое ведомство стремилось ограничить контакты тибетского лидера с представителями военных кругов, открыто симпатизировавших ему, и блокировало (в 1905 и в начале 1906) поддержанный Генштабом и лично царем проект П.К. Козлова о военном эскорте из русских казаков-буддистов, который должен был сопроводить Далай-ламу из Монголии в Тибет. Летом 1908 г. российское правительство, по настоянию МИД, распорядилось о выдаче Далай-ламе ссуды (в ответ на его просьбу), зная о намерении буддийского первосвященника посетить Пекин для переговоров с маньчжурским императором. Эта акция носила сугубо политический характер – Россия хотела сохранить дружественное расположение Далай-ламы, ибо это отвечало целям как её внутренней политики (возможность влияния с его помощью на бурятско-калмыцких буддистов), так и внешней (поддержание российских интересов в Китае).

Связи России с Далай-ламой не прервались и в годы его второй, индийской эмиграции (1910–1912), вызванной вторжением в Тибет китайских карательных войск. Цинское правительство, занимавшее довольно пассивную позицию во время военной экспедиции Ф. Янгхазбенда, значительно активизировало свою тибетскую политику в последующие годы, стремясь не только восстановить свой контроль над Тибетом, но и превратить это буферное государство в одну из китайских провинций, воспользовавшись тем, что Россия и Англия взаимно отказались от проведения активной политики в отношении Тибета. Обе державы не откликнулись на призывы Далай-ламы о помощи, поскольку конвенция 1907 г. налагала запрет на их прямое вмешательство в тибетские дела. Столь же неприемлемой для них была и идея совместного англо-русского протектората над Тибетом, которую Далай-лама безуспешно пытался реализовать в 1911–1913 гг. с помощью осевшего в Петербурге Доржиева, продолжавшего выступать в качестве его представителя и фактического посредника в сношениях Тибета с Россией. Россия ограничилась лишь выражением Далай-ламе «нравственной поддержки», шаг, свидетельствовавший об утрате ею интереса к Тибету.

Синьхайская революция, приведшая к падению Цинской династии и установлению республиканского строя в Китае, ускорила разрешение затянувшегося тибетского кризиса. Вернувшийся в Лхасу в начале 1913 г. Далай-лама провозгласил независимость Тибета, и

это событие стало поворотным в судьбе тибетского народа. Разрыв отношений тибетского правительства с Пекином и изгнание маньчжурских резидентов (амбаней) из Лхасы создали совершенно новую ситуацию, на которую Англия и Россия реагировали по-разному. Англия стремилась сохранить буферный Тибет в сфере своего влияния, не нарушая при этом статей англо-русской конвенции. Английская дипломатия продолжала признавать «сюзеренитет» республиканского Китая над Тибетом, но была категорически против превращения страны в китайскую провинцию, в соответствии с указом президента Китайской республики Юань Шикая (1912). Лондон хотел добиться от Пекина соблюдения англо-китайских договорных актов (1906 и 1908 гг.), определявших статус Тибета и не позволявших Китаю вмешиваться во внутренние дела этой страны. Признание же Англией независимости Тибета, как этого хотела некоторая часть чиновников в аппарате англо-индийского правительства, исключалось англо-русской конвенцией 1907 г.

Что касается России, то она, в отличие от Англии, находилась в положении стороннего наблюдателя. Отстранившись от тибетских дел, российская дипломатия сосредоточила своё внимание в предвоенные годы на более актуальном для неё монгольском вопросе, ибо Внешняя Монголия также объявила (в конце 1911 г.) о своём отделении от Китая. Правителем независимого (теократического) монгольского государства был провозглашен Джебзун-дамба Хутухта, высший иерарх буддийской церкви Монголии и третье лицо в ламаистском мире после Далай-ламы и Панчен-ламы. В 1912 г. Россия подписала в Урге договор с монгольскими князьями о создании автономной Внешней Монголии под фактическим русским протекторатом. В то же время Петербург, признав приоритет английских интересов — политических и экономических — в Тибете, не возражал против заключения Англией нового соглашения с далай-ламским правительством. Свои собственные интересы в этой стране министр иностранных дел России С.Д. Сазонов ограничил чисто религиозной сферой (связь российских буддистов с Далай-ламой). Точка зрения Сазонова свидетельствовала о дальнейшем, вполне сознательном, отходе России от тех позиций, которые она занимала в тибетском вопросе в 1906–1907 гг., её желании передать свободу действий в Тибете в руки Англии.

Эта новая позиция Петербурга, фактически, вела к ревизии англо-русской конвенции, что давало России право требовать от Анг-

лии компенсации или уступок в вопросах, затрагивающих русские интересы в большей степени, чем тибетский вопрос. В мае – июне 1914 г., на завершающей стадии Симльской конференции и согласования текста трехсторонней (англо-тибето-китайской) конвенции с российским МИД, Сазонов сделал попытку заключить новую дипломатическую сделку с англичанами, путем размена уступками между российским и английским правительствами в тибетском и афганском вопросах по принципу *quid pro quo*. Петербург был готов согласиться на посещение английским торговым агентом Лхасы (что запрещалось конвенцией 1907 г.) за соответствующую компенсацию — согласие Англии на посылку Россией своих агентов в Афганистан, страну, где Россия имеет гораздо бóльшие экономические интересы, чем в Тибете. Сделка «Тибет на Афганистан», однако, сорвалась в самый последний момент из-за неумеренных амбиций Сазонова, как показывает исследование американского историка Дж. Сигел (2001).

Эпизод тайных переговоров Сазонова с Бьюкененом является чрезвычайно важным для понимания сущности англо-русского соперничества из-за Тибета. Окончание этого соперничества, фактически, превратило Тибет в «разменную монету» на заключительном этапе Большой игры. Поэтому тезис Н.С. Кулешова о том, что Россия не участвовала в Большой игре в Тибете, поскольку не имела каких-либо интересов в этой стране, следует признать несостоятельным — сам факт таких переговоров красноречиво свидетельствует об обратном.

Новый этап российско-тибетских отношений начался вскоре после Октябрьского переворота, когда большевистское правительство России стало проявлять заметный интерес к Тибету в связи с планами мировой социальной революции. В 1918–1919 гг. появился ряд проектов нанесения ударов по Индии – «цитадели мирового империализма» — через территории окружающих её буферов (Персии, Афганистана, Тибета и малых пригималайских государств). Это позволяет говорить о том, что Тибет рассматривался поначалу идеологами большевизма как один из плацдармов для вторжения в Индию.

Демонстративная, чисто пропагандистская денонсация советским правительством ряда соглашений, заключенных ранее царским и временным правительствами России с западными державами, в том числе и англо-русской конвенции 1907 г., по сути,

являлась вызовом, брошенным британской дипломатии. Острейшее идеологическое противостояние Англии и Советской России не прекратилось и после окончания гражданской войны и восстановления дипломатических отношений между двумя странами, и Тибет играл в нём далеко не последнюю роль, как показывает проведенное исследование. Именно эта борьба — «скрытая война», по выражению Г.В. Чичерина — и предопределила подход большевиков к тибетскому вопросу. Сущность политики СССР в отношении Тибета, сформулированной в начале 1920-х гг. тем же Чичериным, сводилась к двуединой задаче — восстановлению дружественных отношений с тибетским правительством, в первую очередь с XIII Далай-ламой, бывшим другом России, и одновременному подрыву английского влияния в Тибете. Это позволяет говорить об определенной преемственности тибетской политики Советской России. В то же время, в отличие от периода «классического» англо-русского соперничества, это была уже не столько «политика сдерживания» Англии — крайне осторожная и нерешительная, с постоянной оглядкой на Лондон, сколько агрессивно-наступательная политика — политика активного противодействия Англии, прямого вмешательства в тибетскую ситуацию, изначально подчинённая целям глобальной революционной экспансии большевиков. В этом, на наш взгляд, состоит коренное различие в подходе к тибетскому вопросу царской и ранней советской дипломатии.

Начало советско-тибетскому диалогу положил визит в Лхасу весной 1922 г. рекогносцировочно-дипломатической миссии В.А. Хомутникова, отправленной Наркоминделом РСФСР совместно с Дальневосточным секретариатом ИККИ. Этот визит оказался достаточно успешным, позволив Москве завязать непосредственные отношения с Далай-ламой и его ключевыми министрами (Царонг Шапе и Лончен Шолкан), но, главное, рассеять опасения правящей верхушки Тибета в отношении большевистской России, представить в выгодном свете национальную и религиозную политику Советского государства. В дальнейшем дипломатическое ведомство прилагало немалые усилия к тому, чтобы укрепить связи СССР с Тибетом — создать там официальное советское представительство и перевести отношения с Лхасой на договорную основу. В 1924 и 1927 гг. политические агенты С.С. Борисов и А.Ч. Чапчаев вели трудные переговоры с Далай-ламой, настойчиво стремясь убедить его в выгоды сотрудничества с СССР. Тибету предла-

галась помощь в военной, экономической и культурной областях, с целью ослабить его зависимость от Англии. Одновременно Москва пыталась привлечь к диалогу с Лхасой правительство МНР, зная о тесных религиозно-культурных и торговых связях Монголии и Тибета. В этом можно усмотреть еще одну особенность тибетской политики Советов. Большевики, в отличие от царского правительства, стремились не разъединить, а соединить родственные, с их точки зрения, монгольский и тибетский вопросы, использовать просоветскую Монголию в качестве посредника и передаточного канала для распространения революционной идеологии в Тибет и далее в Индию и страны Индокитая. Об этом, в частности, свидетельствует одобренный в 1926 г. Политбюро план создания в Лхасе неофициального представительства СССР «под видом представительства МНР», разработанный Г.В. Чичериным.

Подход СССР к тибетскому вопросу не претерпел сколько-нибудь существенных изменений между 1922 и 1927 гг. Неурегулированность тибетско-китайских отношений ставила большевистскую дипломатию в довольно трудные условия — признавая на словах право тибетского, как и других восточных народов, на самоопределение, она в то же время не могла приветствовать фактической независимости Тибета, полагая, что «независимый Тибет» выгоден лишь английским империалистам. Решением тибетской дилеммы могла стать китайская революция (1925–1927), однако ставка Москвы на неё не оправдала себя. Тибетцы не проявили интереса к национальной программе Гоминьдана, основанной на суньятсеновской формуле «объединения пяти народов Китая». Не осуществились и планы по сближению Тибета с революционной Монголией с целью создания своего рода блока двух государств в качестве противовеса английской экспансии в Центральной Азии. Отсутствие официальных контактов с Лхасой после 1927 г. привело к стагнации и фактическому прекращению советско-тибетских отношений на рубеже 1930-х.

Говоря о советско-тибетском диалоге в 1920-е гг., необходимо иметь в виду, что он завязывался и развивался параллельно с намного более интенсивным и продуктивным англо-тибетским диалогом. Лондон и Калькутта активизировали свою политику в отношении Тибета, равно как и двух других государств-буферов, Персии и Афганистана, в те же самые годы, что и Москва, в ответ на революционную экспансию большевиков, представлявшую пря-

мую угрозу британским интересам в этой части Азии. Возобновлению Большой игры на том же самом геополитическом пространстве в немалой степени способствовало одностороннее расторжение советским правительством англо-российской конвенции, которая, хотя уже и не соответствовала новым политическим реалиям, после крушения китайской и российской империй, все же оказывала сдерживающее влияние на англичан. В конце концов Лондон также признал конвенцию недействующей, что позволило ему отправить в Лхасу, в ответ на приглашение Далай-ламы, своего представителя — «политического резидента в Сиккиме» Ч. Белла. Этот визит послужил толчком к дальнейшему экономическому и политическому сближению между Великобританией (Индией) и Тибетом. Сделав ставку на англичан в модернизации Тибета, Далай-лама, как кажется, не имел серьёзных намерений в то же время завязывать тесные отношения с их антагонистами, «красными русскими». Поэтому его заявления, сделанные на этот счет В.А. Хомутникову в 1922 г., едва ли были искренними. И все же правитель Тибета не спешил отвергать «ухаживания» эмиссаров Красной России, понимая, что в их лице он имеет дело с могущественной и грозной державой, подчинившей своему влиянию Внешнюю Монголию и стоящей за спиной революционных сил в соседнем Китае. Положение Далай-ламы было особенно щекотливым и двусмысленным летом 1924 г., когда Лхасу, практически одновременно, посетили английская и русская миссии. Оказавшись «между двух огней», тибетский лидер, возможно, втайне надеялся, что англичане и русские рано или поздно придут к согласию по тибетскому вопросу, как это уже имело место в начале века. И для этого, действительно, имелись некоторые основания, как свидетельствуют инструкции НКВД, данные главе советской миссии С.С. Борисову. Согласно этим инструкциям, СССР в принципе считал допустимым заключение англо-советского договора по Тибету, но непременно при участии центрального правительства Китая «на почве федеративной программы», поскольку будущее «независимого» Тибета виделось советским вождям не иначе, как в составе объединенного и суверенного (избавившегося от кабалы империалистических держав), *федеративного* Китайского государства, в качестве одной из его национальных автономий. Тех же взглядов, по сути, придерживалось и руководство созданной в 1921 г. Коммунистической партии Китая (КПК).

Отношение Далай-ламы к СССР во второй половине 1920-х, однако, стало определенно негативным под влиянием той информации, которую он регулярно получал из различных источников, свидетельствующей о гонениях на буддийскую веру в СССР и МНР. Тем не менее, его письма в Москву тех лет были составлены в дружеских и подчеркнуто дипломатичных тонах, порождавших у советских руководителей иллюзии, что Далай-лама искренне стремится к сближению с СССР и МНР.

Представления советских лидеров о характере взаимоотношений Тибета с Англией во многом не соответствовали действительности. Англичане не стремились навязать Тибету свой протекторат и, тем более, не вынашивали каких-либо аннексионистских планов в его отношении. В то же время Лондон, безусловно, рассматривал Тибет как законную сферу английского влияния и как политический буфер, прикрывающий с северо-востока подступы к Британской Индии. Такая точка зрения определяла тибетскую политику Англии в 1920 – 1930-е гг., сущность которой сводилась к удержанию Лхасы в своей орбите, но не путем прямого давления на неё, а через своего рода дружескую опеку — оказание помощи в модернизации страны и консультировании лхасской правящей верхушки, прежде всего Далай-ламы и его фаворита, главного тибетского реформатора Царонга, по вопросам внутренней и внешней политики. В этом смысле мы присоединяемся к выводу В.А. Богословского и А.А. Москалева: «Она (Англия) пользовалась значительным влиянием, как на правительство, так и отдельных представителей верхов Тибета, активно помогала и содействовала модернизации, в том числе созданию регулярной тибетской армии. Однако в Тибете (в отличие от многих других районов Китая) никогда не было английских концессий, консульств; таможенные сборы принадлежали исключительно тибетской казне... Говорить о Тибете как о “колонии” в строгом смысле не приходится» (Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 66).

То, что СССР удалось завязать и в течение ряда лет поддерживать диалог с Лхасой, стало возможным лишь благодаря посреднической деятельности бывшего «посланца Далай-ламы» в России Агвана Доржиева. В конце 1922 г. НКВД признал Доржиева неофициальным представителем Тибета в Советской Республике и санкционировал создание под его руководством «тибетской миссии» при буддийском храме в Петрограде, предоставив ей право экстер-

риториальности, подобно другим дипломатическим представительством. Доржиев, являясь убежденным сторонником русско-тибетского сближения как средства, единственно способного обеспечить Тибету сохранение его государственности, оказал НКИД большую помощь в организации его трех «тибетских экспедиций». В частности, он снабжал их руководителей рекомендательными письмами к Далай-ламе и другим политическим деятелям Тибета, что значительно облегчало советским эмиссарам не только доступ в запретную Лхасу, но и установление первоначальных контактов с представителями тибетских верхов. Ответные письма Далай-ламы к советскому правительству также направлялись Доржиеву, который затем передавал их в НКИД. В то же время Доржиев выступал в качестве консультанта советского дипломатического ведомства по вопросам, касающимся Тибета. В 1926 г. НКИД одобрил предложенный им проект создания почтовой (уртонной) связи между Монголией и Тибетом.

Несмотря на сотрудничество с властями, Доржиев не был послушной марионеткой в их руках. Он критически относился к религиозной политике Москвы, открыто выражал своё недовольство ею главе НКИД Г.В. Чичерину. В начале 1930-х, после того как власти обрушили репрессии на бурятское и калмыцкое буддийское духовенство, он пытался связаться с Лхасой помимо НКИД, чтобы побудить Далай-ламу выступить в защиту своих единоверцев в СССР.

Особенность советско-тибетского диалога состояла в том, что он носил сугубо конспиративный характер. Москва пыталась сохранить свои дипломатические акции в тайне, прежде всего от Англии. По этой причине она направляла в Лхасу своих эмиссаров под видом буддийских паломников, в соответствии с разработанным в НКИД сценарием. Необходимость прибегать к конспирации и камуфляжу вызывалась также и тем, что участники советских миссий выполняли задания не только НКИД, но и таких учреждений, как Разведуправление Красной Армии и ОГПУ. Во время пребывания в Тибете они занимались военной, экономической и политической разведкой и попутно вели антибританскую и просоветскую агитацию, хотя она не носила публичного характера, а служила преимущественно средством индивидуальной идеологической обработки нужных им лиц. Тибетским экспедициям отпускались определенные средства для приобретения информации и подкупа влиятель-

ных тибетских чиновников. Подобная, достаточно традиционная для Востока, форма неофициального «воздействия» на лхасскую политическую элиту, однако, не привела к желаемым результатам.

Главная причина неудачи советской дипломатии на тибетском направлении, судя по доступным на сегодняшний день документам, кроется не столько в её сугубо дипломатических промахах и просчетах (хотя они также имели место), сколько во внутринеополитическом курсе Советского государства. Насильственная коллективизация вызвала сильную оппозицию со стороны буддийского духовенства в Бурят-Монголии и Калмыкии, что повлекло за собой массовые репрессии властей против лам-участников антисоветских выступлений. В этой обстановке продолжение диалога Москвы с Лхасой стало невозможным. Другой причиной следует считать уход в 1930 г. со своего поста Г.В. Чичерина, главного архитектора советско-тибетского сближения, и последовавшую затем смену внешнеполитических приоритетов СССР. Курс на улучшение англо-советских отношений, сторонником которого являлся сменивший «германофила» Чичерина «англофил» М.М. Литвинов, исключал проведение Советским Союзом активной политики в отношении Тибета.

Несомненно, сдерживающее влияние на советско-тибетский диалог оказал также и неблагоприятный географический фактор. Значительная удаленность Тибета от российских границ крайне затрудняла общение советских и тибетских лидеров. Согласно геополитической теории Х. Маккиндера в интерпретации современного американского политолога Дж. Ледонна, Куэньлунские горы и Тибетское плато являлись непреодолимым препятствием для экспансии как царской, так и Советской России в направлении Тибета и Индии. Этот природный барьер, однако, не испугал ни советское правительство, ни руководство Коминтерна, ни командование Красной Армии, при этом аналитики Разведупра РККА оценивали возможности действия «европейских войск» на тибетском театре как «вполне удовлетворительные». Тем не менее, проникновение в Лхасу «северным маршрутом» (через Монголию и Западный Китай) было сопряжено с огромными трудностями как для политических агентов большевиков, так и для буддийских паломников — монголов, бурят и калмыков. Попытки же Москвы создать канал эффективной и относительно быстрой двусторонней связи с Лхасой не увенчались успехом. Это не могло не стать «источником

фрустрации» для советских лидеров, говоря словами Ледонна, тем более что трижды посещавшие Лхасу «экспедиции» Наркоминдела так и не смогли склонить Далай-ламу к сотрудничеству с Советской Россией. Но даже если бы Москва и сумела решить проблему связи с Лхасой (путем установления радиотелеграфного сообщения и создания советского представительства в тибетской столице, как это планировалось вначале), ей едва ли бы удалось закрепиться в Тибете и тем более превратить страну в антибританский буфер, принимая во внимание параллельную активность англичан. Отсюда можно сделать вывод: геополитическая теория Х. Маккин-дера – Дж. Ледонна в целом столь же справедлива, как и буферная теория Е.А. Снесарева. Русская экспансия на Тибет, как показывает история российско-тибетских отношений в её двух основных этапах, не имела реальных перспектив и в конечном счете была чревата военной конфронтацией с Англией, что не входило в планы ни царского, ни советского правительств России.

Подводя итоги недолгому советско-тибетскому диалогу, следует признать, что он оказался бесплодным для обеих сторон. Большевики не смогли завоевать доверие Далай-ламы и сделать его своим другом с тем, чтобы в дальнейшем использовать буддийского иерарха в своей тотальной борьбе с Англией. Но и тибетцы не сумели извлечь сколько-нибудь ощутимой выгоды из своего вынужденного «флирта» с возрождавшимся колоссом новой России — Советской империи. Правда, Лхасе удалось с помощью Доржиева отправить на учебу в Ленинград и Москву около десятка тибетских юношей, но нам ничего не известно о том, нашли ли приобретенные ими в России знания какое-то применение на их родине, как это имело место в случае с обучавшимися в Индии и Англии тибетцами.

Прервав отношения с Лхасой, Москва, однако, продолжала пристально следить за развитием событий в Тибете и вокруг Тибета. В 1939–1940 гг. советское правительство вновь напрямую столкнулось с тибетским вопросом в связи с попыткой нацистской Германии привлечь СССР к осуществлению её планов по дестабилизации обстановки на северной и северо-западной границе Индии с помощью воинственных пригамалайских, тибетских и афганских (пуштунских) пограничных племен. СССР проявил интерес к этим планам и даже выразил на словах готовность оказать им содействие, однако в действительности советская сторона не была заин-

тересована в проведении антибританской диверсии и пыталась использовать переговоры с Германией только для того, чтобы выведать о намерениях Гитлера.

Начавшаяся в послевоенные годы «холодная война» побудила Москву вновь активизировать свою политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Советский Союз оказал помощь китайским коммунистам в их борьбе с Гоминьданом и после прихода КПК к власти в Китае поддержал выдвинутую Мао Цзедуну программу национального объединения страны, одним из пунктов которой являлось «освобождение» Тибета и его последующее присоединение к КНР (под лозунгом «воссоединения тибетцев с матерью-родиной»). В 1950–1952 гг. тибетский вопрос обсуждался И.В. Сталиным с Мао Цзедуну и Чжоу Эньлаем, при этом Сталин, фактически, дал добро на оккупацию Тибета Китаем. Имеющиеся источники также позволяют говорить о том, что Советский Союз активно содействовал проведению широкомасштабной военной операции войск Народно-освободительной армии Китая против Тибета и в дальнейшем оказал китайским лидерам мощную политическую и дипломатическую поддержку на международной арене, что помогло им удержать Тибет под своим контролем.

Позиция Москвы по вопросу о статусе Тибета существенно изменилась после его аннексии КНР — если до конца 1940-х СССР признавал номинальный китайский сюзеренитет над де-факто независимым (после 1913) Тибетским государством, то теперь советские лидеры впервые признали суверенитет Китая над Тибетом. Эта новая позиция была предельно четко сформулирована в 1950 г. представителем СССР в ООН: Тибет — неотъемлемая часть Китая, и его дела находятся в исключительной компетенции китайского правительства. Реализуя эту позицию, СССР приветствовал Соглашение между центральным китайским правительством и тибетскими властями (1951), фактически легитимировавшее китайскую аннексию Тибета. Советское правительство также одобрило проводимые китайским руководством в 1950-е гг. социально-экономические преобразования в Тибете с целью интеграции этого региона в составе КНР и безоговорочно поддержало ликвидацию силами НОАК весной 1959 г. Лхасского восстания — массового антикитайского выступления тибетцев, квалифицировав его как акцию, всецело инспирированную империалистическими кругами Запада. Подобная тактика СССР кажется вполне закономерной в

условиях «холодной войны», когда США и другие западные державы выступали с осуждением КНР за совершенную ею агрессию в отношении Тибета, а ЦРУ, кроме того, тайно оказывало военную помощь тибетскому повстанческому движению в Восточном Тибете (Каме).

Ухудшение советско-китайских отношений в начале 1960-х дало повод советскому руководству пересмотреть своё отношение к тибетскому вопросу, использовать этот вопрос в качестве инструмента политического давления на Пекин. В период «культурной революции» в Китае (1966–1976) в СССР появилось большое количество публикаций с необычайно резкой критикой пекинских лидеров («группировка Мао Цзедуна») за проводимую ими «великодержавную националистическую политику» в отношении нацменьшинств Китая, в том числе и тибетцев, суть которой, по мнению Москвы, состояла в *насильственной ассимиляции и китаизации* этих народов. СССР впервые публично признал, что вплоть до конца XVIII века Тибет являлся независимым государством, но и позднее, после того, как Цины установили над ним свой *сюзеренитет*, местное управление в стране оставалось в руках тибетского правительства. В этих публикациях также отмечалось, что китайские коммунисты в 1920-е – 1940-е гг. стояли в основном на марксистско-ленинских позициях в национальном вопросе, поддерживая принципы самоопределения наций и федеративного устройства будущего единого и демократического Китайского государства. Однако, придя к власти, они отбросили эти принципы, объявив Китай унитарным государством. Созданные же Пекином «территориальные национальные автономии» — это «ширма для прикрытия политики насильственной ассимиляции». «Мао-цзедуновская группа» в действительности не выполнила ни одного из пунктов Соглашения 1951 г., предусматривавшего предоставление тибетскому народу национальной автономии. Маоисты отказались от объединения всех тибетцев в рамках одной автономной единицы, распределив их между Тибетским автономным районом (ТАР) и девятью автономными округами соседних китайских провинций, т. е., фактически, искусственно «расчленили» тибетский народ. Столь же жесткой критике была подвергнута и проводимая китайскими властями политика массового переселения ханьских китайцев в Тибет и другие национальные районы, равно как и подавление ими прав и свобод тибетцев.

После смерти Мао Цзедунa и неудачных попыток Москвы нормализовать отношения с Пекином, СССР добавил к своей критике новое обвинение — в усиленной милитаризации национальных районов КНР, прежде всего пограничных Синьцзяна и Тибета. Имеются также сведения, что в начале 1980-х советские руководители косвенно — через западные СМИ — заявили о своей поддержке борьбы тибетской оппозиции во главе с XIV Далай-ламой (бежавшим из Тибета в 1959 г.) за независимость и «самоуправление» Тибета и даже предложили тибетцам военную помощь. Подобные заявления, скорее всего, являлись средством пропагандистского контрвоздействия на Пекин с целью обуздания проводимой им экспансионистской внешней политики, представлявшей угрозу для безопасности стран Центральной и Юго-Восточной Азии, входивших в советскую «сферу влияния» (МНР, СРВ и Индия).

Нормализация советско-китайских отношений в конце 1980-х, ставшая возможной благодаря радикальным переменам в руководстве СССР и КНР и начатому М.С. Горбачевым и Дэн Сяопином курсу на политико-экономическое реформирование своих стран, привела к тому, что Москва прекратила критику Пекина и вновь заняла жёсткую и бескомпромиссную — пропекинскую — позицию в тибетском вопросе. Эта позиция, озвученная МИД СССР летом 1991 г. накануне приезда в Россию с пастырским визитом XIV Далай-ламы, базировалась на признании и поддержке территориальной целостности Китая, строгом невмешательстве в его внутренние дела, при этом вновь подчеркивалось, что *СССР рассматривает Тибет неотъемлемой частью Китая*. Стремясь к восстановлению дружественных, партнерских отношений с Китаем, советские лидеры не комментировали инициативы Далай-ламы как главы тибетского правительства в эмиграции («Мирный план», Страсбургские предложения), с которыми он выступил в конце 1980-х с целью достичь политического компромисса в решении тибетского вопроса, приемлемого как для тибетской, так и китайской стороны. При этом Москва явно ориентировалась на мнение Пекина — китайские же лидеры категорически отказывались вести какие-либо переговоры с Далай-ламой о пересмотре существующего статуса Тибета, отвергая даже предложенный им вариант предоставления Тибету широкой культурной автономии в рамках КНР, которая позволила бы тибетцам сохранить свою культуру и этническую идентичность. В отличие от Советского Союза, ведущие

западные державы, напротив, приветствовали миротворческую деятельность тибетского лидера и поддержали его усилия, направленные на мирное урегулирование разногласий с Пекином. Таким образом, тибетская политика СССР на заключительном этапе перестройки вернулась к своей исходной точке и вновь была поставлена Кремлем в зависимость от его стратегически приоритетной китайской политики.

В то же время на рубеже 1990-х, в связи с начавшимся в перестроечные годы в трех «буддийских регионах» России — Бурятии, Калмыкии и Туве — процессом национального и культурного возрождения, наметилась тенденция к установлению тесных религиозно-культурных контактов между российскими буддистами — традиционными (буряты, калмыки, тувинцы) и нетрадиционными (буддисты-европейцы) и их организационными структурами, с одной стороны, и высшими тибетскими буддийскими иерархами и учителями-проповедниками, прежде всего с главой тибетской буддийской церкви Далай-ламой, с другой.

Эти две противоположные линии в тибетском вопросе сохранились и после распада СССР и возникновения на его месте нового геополитического субъекта — Российской Федерации. Подписание в 1996 г. в Пекине российско-китайского договора дало толчок к еще большему сближению двух соседних стран, которые заявили о своем намерении «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». Это неизбежно повлекло за собой дипломатическую сделку — размен уступками в наиболее болезненных для России и Китая вопросах — чеченском и тибетском: Китай заявил, что считает чеченскую проблему «внутренним делом России», а Россия, в свою очередь, подтвердила, что она по-прежнему признает Тайвань и Тибет неотъемлемыми частями КНР.

Тибетский вопрос, однако, имеет не только политический, но и гуманитарный аспект, при этом последний сохранил в 1990-е гг. свою остроту в связи с проводимой тоталитарными властями Китая репрессивной внутренней политикой, направленной на искоренение «национального сепаратизма» в Тибете как главной угрозы «единства Родины» и сделавшей своей основной мишенью буддийское духовенство и те социальные группы тибетцев, которые считают Далай-ламу своим национальным лидером и добиваются предоставления Тибету независимости или же особого авто-

номного статуса в составе КНР. Именно этот аспект привлек к себе наибольшее внимание и вызвал озабоченность общественных и правозащитных организаций новой России, некоторых политических партий, а также представителей буддийской общины. Визиты Далай-ламы в Россию в 1992–1995 гг. способствовали дальнейшему укреплению российско-тибетских культурно-религиозных связей, но эта стихийная, идущая изнутри общества, тенденция к сближению с Дхарамсалой — центром тибетской диаспоры в Индии и резиденцией тибетского правительства в эмиграции явилась вызовом официально проводимой российским правительством линии на умышленное дистанцирование от тибетской проблемы как таковой, включая её чисто гуманитарный аспект.

Таким образом, на пороге XXI века — как и столетие назад — тибетская проблема стала камнем преткновения для российской дипломатии, которая вновь оказалась в чрезвычайно щекотливом и откровенно двусмысленном положении. Заявив в начале 1990-х о своей приверженности демократическим ориентирам, постсоветская Россия, тем не менее, вынуждена закрывать глаза на систематические нарушения китайскими властями основных прав и свобод тибетского народа во имя выгодного ей стратегического партнерства с динамически развивающимся, экономически и политически сильным Китаем.

Главный вывод, который позволяет сделать проведенное исследование, состоит в следующем: Россия проявляла политический интерес к Тибету и пыталась использовать тибетский вопрос в качестве инструмента силовой политики только в периоды обострения отношений с Англией в эпоху Большой игры (в конце XIX – начале XX века и в 1920-е гг.) и с США на раннем этапе «холодной войны» (конец 1940-х – 1950-е гг.), а также с Китаем во время идеологической конфронтации в 1960-е – начале 1980-х. По окончании глобального англо-русского и затем американско-советского соперничества и урегулирования разногласий между СССР и КНР (конец 1980-х) постсоветская Россия полностью утратила интерес к Тибету и тибетской проблеме, несмотря на то, что последняя сохраняет свою актуальность и остроту и поныне, и обеспокоена лишь тем, чтобы традиционные религиозные связи российских буддистов с Далай-ламой и другими тибетскими учителями-проповедниками не носили политического характера и не осложняли её отношений с Пекином.

Другой не менее важный вывод — Тибет в период 1913–1950 гг. являлся де-факто независимым от Китая государством. Это подтверждается не только уже известными фактами о существовавших в 1920-е – 1940-е гг. двусторонних отношениях между Тибетом и Англией и Тибетом и Непалом, но также и свидетельствами российских источников о посещениях Лхасы в первое послереволюционное десятилетие официальными дипломатическими миссиями СССР и о прямых переговорах их руководителей с XIII Далай-ламой и его министрами — без какого-либо посредничества китайских властей. Эти новые свидетельства полностью опровергают утверждения правящих кругов КНР и современной китайской историографии о том, что Тибет в прошлом никогда не существовал как независимое, отдельное от Китая, государственное образование.

Источники и литература¹

1. Документы и материалы

- Бадмаев П.А.* За кулисами царизма. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 207 с.
- Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882. XII. 565 с.
- «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов. М.: ИВ РАН, 2005. 318 с.
- Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. 198 с.
- ВКПб, Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1: 1920–1925. (Ред. Го Хэньюй, М.Л. Титаренко.) М.: РЦХИДНИ, 1994. 768 с.; Т. 2: 1926–1927. Ч. 1. (Ред. М.Л. Титаренко, М. Лейтнер) М.: Буклет, 1996. 524 с.
- Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Институт востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. 218 с.
- Далай-лама XIV.* Лекция при получении Нобелевской премии мира 11 декабря 1989 г. // Далай-лама XIV. Буддизм Тибета. М.; Рига: Нартанг — Угунс, 1991. С. 87-103.
- Депеша уполномоченного в Урге Д.С. Коростовца от 6 января 1913 // Известия МИД. 1913. Кн. 1. С. 50–51.
- Документы Внешней политики СССР. Т. I-XXIV. М.: Госполитиздат, 1957–2000. Т. III. 1959. 723 с.; Т. IV. 1960. 836 с.; Т. VI. 1962. Т. VII. 1963. 760 с.
- [Документы по истории русско-тибетских отношений из Архива внешней политики Российской Федерации, 1900–1914] // Шаумян Т.Л. Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом. Приложения. № 1-33. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001. С. 251–339.
- За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. (Ред. и вступ. статья В.Н. Семенникова.) Л.: Гос. изд-во, 1925. XXXIV, 175 с.
- Записка подполковника Генерального Штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности 1906 г. Публ., пред., прим. Е.А. Белова // Восток. 1966. № 4. С. 136–141.
- Записки Мехти Рафаилова // Российские путешественники в Индии, XIX – начало XX в. Документы и материалы. М.: Наука, 1990. С. 31–80.
- Заявление А. Доржиева председателю ЦИК М.И. Калинину, 31 октября 1931: Андреев А.И. Агван Доржиев и судьба буддийской религии в СССР // Реверс. Философско-религиозный и литературный альманах. СПб., 1992. С. 207–209.
- Из бумаг графа Ю.А. Головкина. Документы о посольстве гр. Головкина в Китай. (Из архива светлейшей княгини Е.А. Салтыковой-Головкиной). СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1898. 33 с.
- Китайская Народная Республика: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1984. 470 с.
- Ключников Ю.В., Сабанин А.В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1-3. М.: Литиздат НКВД, 1925–1929. Ч. 1. 1925. VI, 441 с.; Ч. 2. 1926. V, 464 с.

¹ В библиографию включена не только непосредственно цитируемая, но и другая использованная автором литература.

Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М.: Наука, 1986. 317 с.

Лангер К.Г. Полный географический лексикон, содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание всех частей света из новейших и достоверных сведений собранный. Ч. I–III. М., 1791–1792. Ч. 1: 443 с.; Ч. 2: 476 с.; Ч. 3: 383 с.

Ледовский А.М. Переговоры Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 – феврале 1950 // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 23–47.

Ледовский А.М. Стенограмма переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе – сентябре 1952 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 69–86.

Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: «Памятники исторической мысли», 1999. 340 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений 1685–1691. Сборник документов. (Сост. Г.И. Слесарчук.) М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 488 с.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 2. Т. 19. Ч. 2. [М.; Л.]: Госполитиздат, 1939. 551 с.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 2. Т. 20. Ч. 1. [М.]: Госполитиздат, 1939. 482 с.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 2. Т. 20. Ч. 2. [М.]; Л.: Госполитиздат, 1939. 520 с.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 3. Т. 2. М.; Л.: Госоцэкономиздат, 1933. 560 с.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 3. Т. 3. М.; Л.: Госоцэкономиздат, 1933. 467 с.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 3. Т. 4. М.; Л.: Госоцэкономиздат, 1939. 423 с.

Монголо-тибетский договор, 29 декабря 1912 // Известия МИД. 1913. Кн. 2. С. 51–53.

[Муравьев М.Н.]. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел. О задачах России по отношению Турции, Персии, Афганистана и на Дальнем Востоке, 1900 // Красный Архив. 1926. Т. 5 (18). С. 4–18.

О тибетском вопросе. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 309 с.

Отчет № 2 деятельности разведывательного отделения Управления Генералквартирмейстера при главнокомандующем с 4 марта 1905 по 31 августа того же года // Павлов Д.Б., Петров С.А.. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы. (Сост. И.В. Деревянко.) М.: «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1993. С. 179–229.

Перевод тибетско-монгольского письма Далай-ламы, доставленного тибетским посольством, прибывшим в Санкт-Петербург 17 июня 1901 г. // Дамдинов А.В. Агван Доржиев: Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Приложение № 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1999. С. 115.

Перевод с тибетского письма Гэлунов и Чомчиб-Хамбо на имя Государя Императора, Петербург 26 июня 1901 г. // Дамдинов А.В. Агван Доржиев: Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Приложение № 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1999. С. 116.

Переговоры Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля – 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. (Предисл. и прим. В.М. Зубка) // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 100–128; № 2. С. 94–106.

Письмо А. Доржиева в Восточный отдел НКВД РСФСР, 1 октября 1920 г. // Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. Приложения. СПб.: Нартанг, 2004. С. 188–192.

Письмо-завещание Агвана Доржиева, 1 октября 1936 г. // Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. Приложения. СПб.: Нартанг, 2004. С. 195–197.

Письмо министра финансов [С.Ю. Витте] министру иностранных дел [М.Н. Муравьеву], 10 / 23 февраля 1900 // Красный Архив. 1926. Т. 5 (18). С. 18–21.

Письмо Н.И. Вавилова Далай-ламе // Вавилов Н.И. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 180.

Письмо Николая II Далай-ламе XIII, 4 июля 1901 г. Приложение к: Андреев А.И. Визит чрезвычайного тибетского посольства в Россию в 1901 г. // Буддизм России. 2005. № 39. С. 92–93.

Письмо П.А. Столыпина А.П. Извольскому, 18 июня 1908 // Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. Приложения. Улан-Удэ: Агентство ЭкоАрт, 1992. С. 67.

Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог. Т. 1. 1919–1929. М.: РОССПЭН, 2000. 831 с.

Российские путешественники в Индии. XIX – начало XX в. Документы и материалы. М.: Наука, 1990. 301 с.

Россия – Сиам 1863–1917. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1997. 317 с.

Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 527 с.

Секретная телеграмма и донесение тит. советника Шнейдера. Коломбо, 18 и 19 мая 1901 г. // Дамдинов А.В. Агван Доржиев: Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Приложение № 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1999. С. 113–114.

Синяя книга. Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывш. МИД, (Ред. и введение К.М. Трояновского.) М.: Наркомат по иностранным делам, 1918. 115 с.

Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. 467 с.

Советско-монгольские отношения 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1–2. 1921–1974. М.; Улан-Батор: Международные отношения, Улсын хэвлэлийн газар, 1975, 1979. Т. 1: 1921–1940. 590 с.

Соглашение между центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета // Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете, 1988–1919. Приложения. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 221–222.

Содержание собственноручного письма Далай-ламы Его Императорскому Величеству [1913] // Дамдинов А.В. Агван Доржиев: Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Приложение № 3. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 1999. С. 117–118.

Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993. 115 с.

Тибет под властью коммунистического Китая: 50 лет. Дхарамсала: Департамент информации и международных отношений Центральной тибетской администрации, 2001. 160 с.

Тибет: Права человека и законность. Официальное заключение Международной юридической комиссии. Дхарамсала: Департамент информации и международных связей Центральной тибетской администрации, 1998. 33 с.

Уланов Н. Проект записки о путешествии в Тибет, 30 мая 1903 // Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в 1-й половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). С.-Петербург; Самара; Прага: ООО «Агни», 1997. С. 51–60.

Уложения китайской палаты внешних сношений. Т. 1-2. СПб.: типография Департамента народного просвещения, 1828. Т. 1: 362 с.; Т. 2: 319 с.

Щербатской Ф.И. Краткий отчет о поездке в Ургу; Из записей во время путешествия в Ургу (1905); Краткий отчет о командировке в Индию // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1989. С. 250–265.

Щербатской Ф.И. Письма // Российские путешественники в Индии, XIX – начало XX в. Документы и материалы. М.: Наука, 1990. С. 290–298.

Great Britain. Papers relating to Tibet, presented to both Houses of Parliament by Command of His Majesty. Cd. 1920. London: H.M.S.O., 1904. X, 314 p.

Great Britain. Further papers relating to Tibet, presented to both Houses of Parliament by Command of His Majesty. Cd. 2054. London: H.M.S.O., 1904. IV, 29 p.

Great Britain. Papers relating to Tibet, presented to both Houses of Parliament by Command of His Majesty. Cd. 2370. London: H.M.S.O., 1905. XXI, 277 p.

The Legal Status of Tibet. Three Studies by Leading Jurists. Dharamsala, India: Office of Information & International Relations, 1989. 121 p.

The Teachings of Sun Yat-Sen: Selections from his writings. Ed by N. Gangulee. London: Sylvan Press, 1945. – XL, 133 p.

The Trotsky Papers, 1917–1922. Ed. by J.M. Meijer. Vol. 1-2. The Hague, Paris: Mouton, 1964–1971. Vol. 1.: XV, 858 p.; Vol. 2: VII, 894 p.

2. Дневники, мемуары

Барадийн Б.Б. Путешествие в Лавран. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1908. 50 с.

Барадийн Б. Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник буддийского паломника 1906–1907 гг. Улан-Удэ; Улан-Батор, 1999. 294 с.

Беседовский Г. На путях к термидору. М.: «Современник», 1997. 460 с.

Бимбаев М.Т. Судьба моя военная. Воспоминания о друзьях однополчанах. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1983. 157 с.

Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927 гг. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 301 с.

- Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары. Т. 1-2. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. Т. 1: 799 с.; Т. 2: 798 с.
- Давид-Неэль А.* Путешествие парижанки в Лхасу. М.: Армада-пресс, 2000. 347 с. [Далай-лама XIV]. Свобода в изгнании: Автобиография Его Святейшества Далай-ламы Тибета. СПб.: Нартанг, 1992. 271 с.
- Далин С.А.* Китайские мемуары 1921–1927. М.: Наука, 1975. 359 с.
- Дас Сарат Чандра.* Путешествие в Тибет. СПб.: Изд-во картограф. заведения А. Ильина, 1904. XLIX, 356 с.
- Декроа Н.* (Кордашевский Н.В.) Тибетские странствия полковника Кордашевского. С экспедицией Н.К. Рериха по Центральной Азии. (2-е изд.). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. 343 с.
- Демиденко М.И.* По следам СС в Тибет. (2-е изд.) СПб.: Изд. дом. «Нева», 2004. 319 с.
- Домогацких М.* Утро Тибета. М.: Молодая гвардия, 1962. – 176 с.
- Доржиев Агван.* Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света. Автобиография. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003. 159 с.
- [*Доржиев А.*] «Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ, 1994. 121 с.
- Дылыков С.Д.* Страницы жизни // Altaica. 2000. Вып. IV. С. 27–38.
- Кассис В.* 80 дней в Тибете. М.: Географ. изд-во, 1956. 94 с.
- Кобеко Д.Ф.* Поездка митрополита Хрисанфа к Далай-ламе в 1792 г. // XXV Лет. Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 385–398.
- Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926. (Ред. Т.И. Юсупова, А.И. Андреев). Серия «Научное наследство». Т. 30. СПб.: Наука, 2003. 1038 с.
- Козлов П.К.* Дневник по поездке в Монголию, апрель 1905 г. // Козлов П.К. Тибет и Далай-лама. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. С. 97–137.
- Куропаткин А.Н.* Дневники // Красный Архив. 1922. № 2. С. 5–112.
- Ламздорф В.Н.* Дневник 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. 453 с.
- Мак-Говерн В.М.* Переодетым в Лхасу. Секретная экспедиция. М.; Л.: «Молодая гвардия», 1929. 296 с.
- Нольде Б.Я.* Коростовец в Монголии // Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж: Изд-во «Современные записки», 1930. С. 71–77.
- Овчинников В.* Путешествие в Тибет. М.: Гос. изд-во «Детская литература», 1957. 222 с.
- Овчинников В.* Вознесение в Шамбалу. Сто дней в Тибете пятидесятых и девяностых. М.: Изд. дом «Довгань», 1997. 96 с.
- Портнягин П.К.* Современный Тибет. Миссия Николая Рериха. Экспедиционный дневник 1927–1928 // Ариаварта. 1998. № 2. С. 11–106.
- Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН – «Школа-Пресс», 1995. 335 с.
- Рокхиль В.В.* В страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету. СПб., 1901. 196 с.
- Рябинин К.Н.* Развенчанный Тибет 1828. Самара: «Амрита-Урал», 1996. 731 с.
- С интернациональной миссией. Воспоминания участников Монгольской Народной революции. Элиста, 1970. 143 с.
- Сазыкин А.Г.* Описание Тибета, сделанное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. 1989. Вып. 26. С. 117–125.

Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-дербетского База-бакши. Калм. текст, пер. и прим. А. Позднеева. СПб., 1897. XVIII, 260 с.

Снафарий Н.М. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая. Дорожный дневник. СПб.: Тип. Киришбаума, 1882. 215 с.

Стрелков А. Тибетский дневник. Нижний Новгород: Изд-во «Деком», 1999. 176 с.

Трояновский О.А. Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997. 380 с.

Уннингтон А. Рассказ о путешествии. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958. 342 с.

Уоддэль О. Лхасса и её тайны. Очерк тибетской экспедиции 1903–1904. СПб.: П.Ф. Пантелеев, 1906. 344 с.

Фоздик З.Г. Мои учителя. Встречи с Рерихами. По страницам дневников, 1922–1934. М.: «Сфера», 1998. 800 с.

Фоздик З.Г. В Москве и на Алтае с Рерихами // Рериховский Вестник. 1992. № 4. С. 28–37.

Хрущев Н.С. Время, люди, власть. Т. 1–4. Т.3. М.: ИКК «Московские новости», 1999. 703 с.

Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.И. Чуева. М.: «Терра» – Terra, 1991. 604 с.

Хижняк О.С. Б.Б. Барадийн о Далай-ламе XIII Тубтене Гьяцо (по материалам дневника путешествия 1905–1907 гг.) // Труды Государственного Музея истории С.-Петербурга. 1998. Вып. 3. С. 130–141.

Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. Ч. 1. Путь в Тибет // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987. С. 125–144; Ч. 2. У святынь Тибета // Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988. С. 135–153.

Цыбиков Г. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 гг. Пг.: Издание РГО, 1918. 472 с.

Цыбиков Г. Буддист-паломник у святынь Тибета // Цыбиков Г. Избранные труды в 2-х т. 2-е изд. Т. 1. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 35–254.

Цыбиков Г. Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // Цыбиков Г. Избранные труды в 2-х т. 2-е изд. Т. 2. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 121–151.

Bhutan and Tibet. The Travels of George Bogle and Alexander Hamilton 1774–1777. Vol. 1. Bogle and Hamilton: Letters, Journals and Memoranda. (Ed. by A. Lamb.) Roxford Books, 2002. 479 p.

Biography of the Senior Tsanit-Khambo, attached to the person of the Dalai Lama, Lharambo Agvan Dorjiev: Andreyev A. An Unknown Russian Memoir by Aagvan Dorjiev // Inner Asia. Cambridge. 2001. № 2. P. 34–39.

Byron R. First Russia, then Tibet. (A personal evocation of Russia, India, and Tibet in the 1930s). London, Harmondsworth: Penguin Books, 1985. 254 p.

Chapman F.S. Memoirs of a Mountaineer: Helvellyn to Himalaya, and Lhasa, the Holy City. London, 1945. 446 p.

[*Dalai Lama XIV*]. My Land and My People. London, 1962. 272 p.

[*Dalai Lama XIV*]. Freedom in Exile: The Biography of the Dalai Lama. New York: Harper Perennial, 1990. 288 p.

Deniker J. Trois voyages a Lhasa (1898–1901) par Ovche Narzunov, peleren kal-mouk // Le Tour du Monde. N. S. 1904. T. X. № 19. P. 217–228; № 20. P. 229–240.

- Filchner W.* Sturm über Asien: Erlebnisse eines diplomatischen Geheimagenten. Berlin: Verlag Neufeld & Henius, 1924. 311 S.
- [*Hackman, J.F.*]. Nachrichten betreffend die Erdbeschreibung, Geschichte und natürliche Geschaffenheit von Tybet // Neue nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. St Petersburg; Leipzig, 1783. Bd. IV. S. 271–308.
- Harer H.* Seven Years in Tibet. London: Pan Books Ltd., 1953. 267 p.
- Hedin S.* Von Peking nach Moskau. Leipzig: FAB, 1924. 321 S.
- Hedin S.* Central Asia and Tibet. Towards the Holy City of Lhasa. London, 1903. Band I: XVII, 608 S.; Band II: XIV, 664 S.
- Kawaguchi Ekai.* Three Years in Tibet. Madras; Benares; London, 1909. XV, 719 p.
- Korostovets I.Ya.* Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik. Berlin; Leipzig, 1926. 351 p.
- Mannerheim C.G.* Across Asia from West to East in 1906–1908. Vol. 1. Helsinki, 1940. 741 p.
- Markham C.R.* Narratives of the Mission of G. Bogle to Tibet and of the Journey of T. Manning to Lhasa. London: Trubner & Co, 1876. 354 p.
- McDonald D.* Twenty Years in Tibet. London: Seeley, 1932. 318 p.
- McGovern W.* To Lhasa in Disguise: A Secret Expedition Through Mysterious Tibet. New York; London: The Century Co, 1924. 462 p.
- Nebesky-Wojkowitz R.* Where the Gods are Mountains: Three Years Among the People of the Himalayas. London: Weidenfeld & Nicolson, 1956. 256 p.
- Norbu Thubten J.* Tibet is My Country. London: Rupert Hart – Davis, 1961. 238 p.
- Norbu Thubten J., Martin D.* Dorjiev: Memoirs of a Tibetan Diplomat // Hokke Bun-ka Kenkyu. 1991. № 17. P. 3–105.
- Pallas P.S.* Nachrichten von Tibet, aus Erzählungen tangutischer Lamen unter den selenginskischen Mongolen // Neue nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. St Petersburg; Leipzig, Bd. I. 1781. S. 201–222.
- Pratap Mahendra (Raja).* My Life Story of Fifty-Five Years. Dehradun: World Federation, 1947. 358 p.
- Roerich G.* Trails to Inmost Asia. Five Years of Exploration with the Roerich Central Asian Expedition. New Haven: Yale University Press, 1931. XX, 504 p.
- Roerich N.* Altai – Himalayas: A Travel Diary. New York: F.A. Stokes, 1929. XIX, 407 p.
- Teichman E.* Travels of a Consular Officer in Eastern Tibet (together with a history of the relations between China, Tibet and India). Cambridge University Press, 1922. 248 p.
- Tsering Dorje Geshe.* New Tibet. Memoirs of a Graduate of the Peking Institute of National Minorities. Dharamsala: Information Office of HH the Dalai Lama, 1980. 132 p.
- Turner S.* An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama in Tibet, Containing a Narrative of a Journey Through Bootan and Part of Tibet. London: Bulmer, 1800. XXVIII, 473 p.
- Waddell L.A.* Lhasa and its Mysteries, with a Record of the Expedition of 1903–1904. London, Methuen & Co, 1905. 530 p.
- Ward F.* In Long-Forbidden Tibet // National Geographic. 1980. Vol. 157 (2). P. 218–259.

3. Периодическая печать

3.1. Журналы, информационные бюллетени

- Буддизм.** Культурно-исторический журнал. 1992. № 1.
- Буддизм.** Инф. бюллетень Центрального духовного управления буддистов РФ. 1996. № 1, 3.
- Буддизм России.** 1995. № 24. Драма XI Панчен-ламы, Визит Далай-ламы в СССР; 1996. № 26. А. Терентьев. Учитель ушел из храма, Обращение Его Святейшества Далай-ламы к членам Европарламента, 23 октября 1996; 1998. № 29-30; 1999. № 31. Заявление Далай-ламы к 40-й годовщине Тибетского национального восстания; 2002. № 36. Хроника событий: МИД РФ отказал Далай-ламе во въездной визе, Далай-ламу опять не пустили в Россию.
- Буддист** (Санкт-Петербург). 1996. № 4. Бакаева Э.П. Из истории одного несостоявшегося визита к его святейшеству Далай-ламе XIII. С. 131–135.
- Вестник МИД СССР.** 1989. 15 июня.
- Дипломатический вестник.** 1993. № 1-2. Козырев А.В. Россия: год минувший и год наступивший, Совместная советско-китайская декларация, 18 декабря 1992; 1996. № 5. Совместная российско-китайская декларация, 25 апреля 1996.
- Думский вестник.** 1994. № 2. О проблемах российско-китайских отношений и перспективах их решений.
- Итоги.** 2004. 23 ноября. № 47. Чудодеев А. Первосвященнная война: Почему два самых «культовых» в мире персонажа – папа римский и далай-лама оказались для России персонами нон-грата. С. 26–29.
- Китай.** Иллюстрированный журнал (Пекин). 1959. 20 мая.
- Мандала** (Элиста). 1993. № 2; 1994. №4, 5.
- Нартаг бюллетень.** 1992. № 1, 2, 3, 4; 1993. № 3, 1994. № 2.
- Новое время.** 1993. № 8. Чудодеев А.. Полицейский участок на Крыше мира. С. 34-36; 1994. № 21. С. Фэрклоу. Голос с Крыши мира. С. 24–25.
- Новости разведки и контрразведки.** 1997. № 5, 6. Тихонов Ю.Н. Афганская война Третьего Рейха: НКВД против Абвера.
- Новости Тибета.** Newsletter of Tibet Culture & Information Centre (Москва). 1996. № 1-4; 2000. № 14.
- Пресс-релиз Радикальной партии.** 1997. 9 марта.
- Путь к себе** (Москва). 1995. № 3. Далай-лама. Лекция при получении Нобелевской премии мира, 11 декабря 1989; 1995. № 5; 1996. № 1. Терентьев А. Судьба: Как я стал переводчиком Далай-ламы.
- Разведчик** (С.-Петербург). 1903. 19 августа. № 669. Русские в Тибете. С. 716.
- Шамбала** (Элиста). 1997. № 5-6. Бакаева Э. Лувсан Шараб Тепкин и его время. С.9-17.
- Эхо планеты.** 1990. № 1. Низамутдинов А. Карма Тензин Гьятсо. С.14-18; 1991. № 30. Андреев П. «Изгоняйте злобу и ненависть». С.17.
- China's Tibet** (Beijin). 1992. Autumn. L. Geleg. On the Status of Tibet. P. 2-5; Jedun. The Establishment of the High Commissionership. P. 42-44.
- Human Rights Update.** Tibetan Centre for Human Rights and Democracy (Dharamsala). 1998. Vol. III. № 17, 18; 1999. Vol. IV. № 5, 7, 8, 14-18; 2000. Vol. V. № 1, 2, 9.

News Tibet. Office of Tibet (New York). 1995. May-August. HH the Dalai Lama Recognizes the New Panchen Lama.

New Times (Moscow). 1950. November 22. № 47. Liberation of Tibet. P. 21-22.

Tibetan Bulletin. The Official Journal of Tibetan Administration (Dharamsala). 1993. January-February; 1993. May-June. "Proving truth from facts". P. 8-13; 1997. July-August; 1997. September-October.

Tibetan Review (New Delhi). 1981. March; 1986. March. Statement of HH the Dalai Lama on the 27th Anniversary of the Tibetan National Uprising Day; 1986. May. TYC appeal for Soviet help; December. Tibetan party seeks Soviet support for freedom movement; 1994. January. Kalmyk President Visits Dharamsala; 1997. September-October. Kalmyk President Urges Closer Kalmykia-Tibet relations.

Tibet Press Watch. A Publication of the International Campaign for Tibet (Washington, D.C.). 1994. May. Clinton Renews MFN Despite Appaling Human Rights Conditions, Dalai Lama Meets President Clinton, Vice President Gore, Chinese Undercover Operations; 1994. October-November. China Build a Railway to Tibet, Construction Boom to Precede 30th Anniversary of the TAR, China Admits to Policy of Promoting Chinese Migration to Tibet.

3.2. Газеты

Биржевые ведомости. 1911. 15 февраля. Посланец Далай-ламы в Петербурге.

Бурят-монгольская правда. 1927. 10 июня. 88 лам под судом; 23 июля. Дело о 88 ламах.

Голос Москвы. 1913. 3 марта. Письма Далай-ламы.

Жизнь на восточной окраине (Чита). 1896. 2 июня. Английская политика в Азии.

Жизнь национальностей. 1919. 26 мая. Амур-Санан А.М. Ключи Востока; 13 июля. Ойратский. Монголия как ворота буддийского Востока; 1922. 6 марта. В колониях и полукolonиях: В Тибете.

Известия. 1918. 27 сентября. Алек А.В Индии и Тибете; 1919. 15 ноября. В. Сибиряков-Виленский. Борьба за независимость среди народов Дальнего Востока; 1924. 20 мая. Антибританское движение: В Тибете; 1925. 12 августа. Чичерин Г.В. Новый успех Востока; 1933. 23 декабря. Политическая игра вокруг Тибета; 26 декабря. Положение в Тибете; 1934. 8 июня. Арест англофилов в Тибете; 1989. 7, 8, 10 марта; 1991. 6 июля. С Далай-ламой не встречается; 13 июля. К приезду Далай-ламы в СССР; 1992. 1 мая. Паклин Н. Тибет будет независимым, а Китай повторит путь СССР; 1994. 20 мая. Шахрай С. Необходима стратегия отношений с Китаем; 24 мая. Савенков Ю. Скосырев В. Живой Будда устал от непонимания; 2004. 29 марта. Лесков С. Его Святейшество далай-лама XIV Тензин Гьяцо: Я чувствую, я знаю, что мир становится лучше и добрее.

Известия Улан-Батор Хото. 1925. 21 июня.

Колокол. 1913. 28 февраля. Идолослужение в Петербурге.

Комсомольская правда. 1969. 20 мая. Рахимов Т.Р. Трубадуры шовинизма. Маоисты насаждают политику притеснения малых народов.

Красная газета. Веч. вып. 1925. 4 мая. Тибетский Бисмарк.

Красная звезда. 1925. 2 августа. Конфликт между Тибетом и Англией.

Куранты. 1933. 26 августа. *Латышев А.* Факел революции в Индию — через Тибет.

- Литературная газета.** 1973. 7 ноября. Барнабеков М. Осенние мухи из Гуанмин Жибао.
- Молодежь Калмыкии.** 1922. 12, 21 сентября.
- Московские новости.** 1991. 28 июля. Кулешов Н.С. Зачем нам Далай-лама?; 1994. 15-22 мая. Радышевский Д. Земной Будда: лидер без страны.
- Московский комсомолец.** 1994. 21 июня.
- Невское время.** 1996. 26 апреля. Логинов М. Ельцин в Китае: своевременный визит.
- Независимая газета.** 1991. 18 июля. Георгиев О. Святилище мира в стратегическом сердце Азии. Почему визит Далай-ламы вызвал неудовольствие китайских верхов.
- Новое время.** 1901. 19 июня. Тибетские гости: письмо в редакцию П.А. Бадмаева; 20, 21, 22, 24, 27 июня, 3, 5, 10, 11, 12, 18, 19 июля; 1903. 25 декабря; 1904. 3, 4, 7, 9, 16, 18, 21 января; 1907. 13 сентября.
- Одесские новости.** 1901. 12, 13, 15, 27 июня.
- Одесский листок.** 1901. 18 июня.
- Правда.** 1933. 28 декабря; 1951. 1 февраля, 5, 10, 14, 15, 16, 22, 23, 24, 25, 28 апреля, 29, 30, 31 мая, 15 сентября, 16 ноября; 1959. 5 апреля, 25 октября; 1989. 8 марта.
- Правда Бурятии.** 1988. 30 октября. Трусов В. Дело «панмонголистов»; 1991. 10 июля.
- Правительственный вестник.** 1901. 24 июня.
- Рассвет.** 1905. 28 апреля.
- Речь.** 1910. 15 марта.
- Русская молва.** 1913. 22 февраля.
- Русское слово.** 1910. 30 декабря. Поездка Далай-ламы в Петербург; 1913. 27 февраля. Независимый Тибет.
- Санкт-Петербургские ведомости.** 1903. 28 мая; 1906. 1 июня. В таинственном Тибете.
- Сегодня.** 1994. 7 мая. Шишкин О. Далай-лама в США; 21 мая. Шишкин О. Лидер изгнанников; 11 июня. Держатель тайной мантры; 13 августа. Шишкин О. Улыбка – знак свободы (интервью с Чоки Нима Римпоче).
- Тувинская правда.** 1992. 19, 22, 24 сентября.
- Hindustan Times.** 1982. August 26. Rakshat Puri. USSR Supports Tibet Self-rule.
- Indian Express.** 1973. March 27.
- Journal de St. Petersbourg.** 1900. Octobre 2.
- Morning Post.** 1924. September 11; 1925. July 31.
- Pioneer (India).** 1912. December 22.
- The Daily Telegraph.** 1922. January 12. Sir Bell's Mission; 1925. July 1. Civil War in Tibet: Modernism v. Lamaism.
- The Standard.** 1907. September 24,25.
- The Times.** 1919. December 12. The Bolsheviks and India; 1921. October 31. Tibet Tired of Seclusion Ready to Open Country.
- Times of India.** 1980. May 1. USSR Ready to Help Tibetans.

4. Неопубликованные источники

- 4.1. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ).**
Ф. 143 (Китайский стол), оп. 491, д. 563, 575, 598, 670, 743, 744, 1448, 1449, 1454, 1455, 1458, 1466, 1474, 1480, 1481.
Ф. 154 (Азиатский департамент), оп. 710/2, д. 153, 159, 190, 281, 349.
- 4.2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ).**
Ф. 100 (Референтура по Китаю), оп. 1, пап. 1, д. 1, 7, 10, 11, 13.
Ф. 100, оп. 1, пап. 6, д. 6.
Ф. 100, оп. 19, пап. 19, д. 26.
Ф. ОДВ НКВД, оп. 1, пор. 35, пап. 4.
Ф. Секретариат Л.М. Карахана, оп. 10, пор. 178, пап. 32.
Ф. Референтура по Монголии, оп. 8, пор. 52, пап. 122.
Ф. Референтура по Тибету, оп. 1, пор. 35, пап. 4.
- 4.3. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВ и ВС, С.-Петербург).**
Ф. 6 (Главное артиллерийское управление), оп. 8/2, д. 149.
- 4.4. Архив Министерства безопасности Республики Бурятия.**
Архивно-следственные дела: 2217, т. 1 (Д. Мункужапов), 2768 (А. Доржиев), 5565 с. (С. Цыденов).
- 4.5. Архив Министерства безопасности Республики Калмыкия.**
Архивно-следственные дела: 422-р (А.Ч. Чапчаев), 940-р (Ш. Тепкин, Г.О. Огджаев, К. Эренценов, Г.С. Саперов и др.), 1121-р, 1132-р.
- 4.6. Архив Музея-квартиры П.К. Козлова (С.-Петербург).**
Ф. 1 (П.К. Козлов), оп. 3, д. 7/58, д. 15/73.
Ф. 1, оп. 6 (Письма П.К. Козлова к Е.В. Пушкаревой, 1911), д. 119/984, 121/258, 132/269, 164/301, 179/316, 181/318, 235/360, 281/1059.
- 4.7. Архив президента Российской Федерации.**
Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС), оп. 65, д. 739 (Китай, КНР – О Тибете, 8.II. 1922 – 30.VIII.1962).
- 4.8. Архив Русского географического общества (РГО).**
Р. 97 (Монголия), оп. 1, д. 11.
Ф. 1 (Канцелярия РГО) (1869), оп. 1, д. 10.
Ф. 1 (1903), оп. 1, д. 12.
Ф. 1 (1923), оп. 1, д. 9.
Ф. 13 (Н.М. Пржевальский), оп. 1, д. 68, 116.
Там же, оп. 3, д. 5, 9, 37.
Ф. 18 (П.К. Козлов), оп. 1, д. 12, 40, 41, 42, 43, 87, 94, 134, 153, 204.
Там же, оп. 2, д. 60, 75, 86, 94, 96, 97, 98, 99, 107, 108.
Там же, оп. 3, д. 36, 74, 184, 198, 211, 214, 223, 265, 286, 319, 427, 465, 502, 505, 536, 552, 589, 595, 596, 622, 629, 647, 698, 766, 783, 804, 806.
Там же, оп. 4, д. 20, 21, 24, 97.
Там же, оп. 5, д. 14, 68.
Там же, оп. 7, д. 224, 225, 226, 1274.
- 4.9. Архив С.-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук (СПб Ф ИВРАН).**

- Р. I, оп. 3 (Монголия, Тибет), д. 113.
Р. II (Буряты, калмыки), оп. 1, д. 47.
Ф. 44 (А.М. Позднеев), оп. 1, д. 18, 19, 23, 203.
Ф. 100 (Е.Е. Обермиллер), оп. 1, д. 62.
Ф. 115 (Е.А. Снесарев), оп. 1, д. 6, 154, 161.
Ф. 134 (В.Ф. Минорский), оп. 4, д. 118.

4.10. Архив С.-Петербургского филиала Российской Академии наук (СПб Ф РАН).

- Ф. 6 (вел. кн. Константин Константинович), оп. 1 (1905), д. 26, 27.
Ф. 148 (Русский комитет по изучению Восточной и Средней Азии), оп. 1, д. 71, 97, 103, 106, 107.
Ф. 208 (С.Ф. Ольденбург), оп. 1, д. 145, 146, 151.
Там же, оп. 3, д. 28, 33, 118, 123, 129, 170, 196, 210, 243, 274, 502, 598, 599, 685, 713.
Ф. 722 (А.П. Семенов-Тянь-Шанский), оп. 2, д. 500.
Ф. 725 (Ф.И. Щербатской), оп. 1, д. 129
Там же, оп. 3, д. 34, 38, 64, 119, 166, 267, 270, 273, 279.
Там же, оп. 4, д. 74.

4.11. Архив Управления Федеральной Службы Безопасности по С.-Петербургу и Ленинградской области.

Справка в Советский фонд культуры (Ленинградское отделение) № 10/28-16970 от 14 февраля 1990.

Архивно-следственные дела: П-51636. Т. 1; П-63020. Т. 1-2; П-31482.

4.12. Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии.

Ф. 7 (Б.Б. Барадийн), оп. 1, д. 38.

4.13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 130 (СНК РСФСР), оп. 2, д. 657.

Ф. 5263 (Постоянная центр. комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР), оп. 1, д. 60, 131, 160.

Ф. 5446 (СНК СССР – Совет Министров СССР), оп. 37, д. 9, 10, 11, 88.

Ф. 8429 (СНК СССР: Комиссия по содействию работе АН СССР), оп. 2, д. 13.

Там же, оп. 4, д. 37, 38, 41.

Ф. А-2307 (Главнаука, Наркомпрос РСФСР), оп. 2, д. 79.

4.14. Национальный архив Республики Бурятия (НА РБ).

Ф. 1 (Бурят-Монгольский областной комитет ВКПб – Буробком), оп. 1, д. 197, 364, 569а, 591, 657, 872.

Ф. 643 (А. Доржиев), д. 1, 2, 3, 4, 5, 7.

4.15. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Р-3 (Центр. исполком Калмыцкой АССР), оп. 2, д. 80, 375, 399, 508а, 510.

Р-137 (Х.Б. Кануков), оп. 1, д. 2.

Ф. 150 (Коллекция личных фондов), оп. 1, д. 4а.

4.16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 2 (В.И. Ленин), оп. 2, д. 183.

Ф. 17, оп. 84, д. 244, 331, 504, 715.

Ф. 17, оп. 85, д. 54.

- Ф. 17, оп. 163, д. 367, 371, 378.
Ф. 62 (Среднеазиатское бюро ЦК ВКПб), оп. 2, д. 245.
Ф. 89 (Е.М. Ярославский), оп. 4, д. 162, 171.
Ф. 144 (П.М. Никифоров), оп. 1, д. 7, 40, 42, 149, 173.
Ф. 372 (Дальбюро ЦК РКПб), оп. 1, д. 1206.
Ф. 495 (ИККИ), оп. 152, д. 3, 157.
Ф. 495 (ИККИ), оп. 154, д. 4, 9, 87, 91, 93, 97, 110, 252, 283.
Ф. 532 (КУТВ), оп. 4, д. 343.
- 4.17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).**
Ф. 47с (Торгпредство СССР в Монголии, 1924–1926), д. 1, 2, 3, 4.
- 4.18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).**
Ф. 165 (А.Н. Куропаткин), оп. 1, д. 1036, 1943, 1993, 5304а,
Ф. 400 (Азиатская часть Главного штаба), оп. 1, д. 1626, 1799, 3413, 5045.
Ф. 401 (ВУК), оп. 5, д. 51, 52, 104, 158.
Ф. 447 (Китай), оп. 1, д. 77.
Ф. 2000 (ГУГШ), оп. 1, д. 1567, 4125, 4198, 4199, 6604, 7668, 7915.
- 4.19. Российский государственный военный архив (РГВА).**
Ф. 25895 (Управление Среднеазиатского военного округа), оп. 1, д. 666, 832, 842, 845.
Ф. 39499 (Штаб Верховного главнокомандующего Всероссийского правительства, 1918–1920), оп. 1, д. 113.
- 4.20. Российский государственный исторический архив (РГИА).**
Ф. 13 (Департамент министра коммерции), оп. 1, д. 319.
Ф. 40 (Всеподданнейшие доклады по части торговли и промышленности), оп. 2, д. 121.
Ф. 468 (Кабинет Е.И.В.), оп. 14, д. 666.
Ф. 472 (Канцелярия министерства императорского двора), оп. 194/2682, д. 61.
Ф. 476 (Гофмаршальская часть), оп. 1, д. 197.
Ф. 516 (Камер-фурьерские журналы, 1898), оп. 2, д. 103.
Ф. 538 (Контора двора вел. кн. Елизаветы Маврикиевны и вел. кн. Константина Константиновича), оп. 1, д. 77, 83.
Ф. 560 (Министерство финансов), оп. 28, д. 64, 101, 176, 218, 313, 369, 406, 438, 455, 456, 1243.
Ф. 565 (Деп-т гос. казначейства), оп. 8, д. 29725.
Ф. 821 (Деп-т духовных дел иностранных исповеданий), оп. 133, д. 408, 446, 448, 523.
Там же, оп. 138, д. 115.
Там же, оп. 150, д. 476.
Ф. 932 (кн. А.М. Дондуков-Корсаков), оп. 1, д. 526.
Ф. 948 (Казнаков Н.Г.), оп. 1, д. 131.
Ф. 971 (Д.В. Кочубей), оп. 1, д. 181.
Ф. 1072 (кн. Э.Э. Ухтомский), оп. 2, б, 266, 479.
Ф. 1102 (Коллекции документов разных лиц), оп. 2, д. 110.
Ф. 1264 (Первый Сибирский комитет), оп. 1, д. 319.
Ф. 1276 (Совет министров), оп. 3, д. 704.
Там же, оп. 9, д. 842.

Ф. 1487 (Планы и чертежи водных и шоссейных дорог), оп. 1, д. 359, 360 (карты Тибета).

Ф. 1622 (С.Ю. Витте), оп. 1, д. 269.

4.21. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

Ф. 590 (Д.М. Позднеев), д. 80.

4.22. Центральный государственный архив С.-Петербурга (ЦГА СПб).

Ф. 8 (Лен. губ. отдел. раб.-крест. инспекции), оп. 1, д. 80.

Ф. 1000 (Петрогубисполком), оп. 7, д. 49. Ф. 36, оп.1, д. 5.

Ф. 2551 (Комиссариат просвещения коммун Сев. обл.), оп. 1, д. 134.

Ф. 7179 (Леноблисполком), оп. 3, д. 139.

Ф. 7222 (Петроградский / Ленинградский институт живых восточных языков), оп. 8, д. 1, 12, 13.

Там же, оп. 9, д. 8.

Там же, оп. 10, д. 7а, 10.

Там же, оп. 30, д. 97, 181, 220, 224, 750.

Там же, оп. 38, д. 2.

Там же, оп. 38с, д. 5.

Ф. 7384 (Лен. гор. совет народных депутатов), оп. 18, д. 669, 671.

4.23. Личный архив А.И. Андреева. Интервью:

М.Т. Бимбаев (участник советско-монгольской миссии в Тибет, 1926–1928 гг.). Элиста, апрель 1993.

Х.П. Хомутников (внук В.А. Хомутникова, руководителя первой советской разведывательной экспедиции в Тибет, 1921–1922 гг.). Элиста, апрель 1993.

М.И. Демиденко (военный советник в КНР, начало 1950-х). С.-Петербург, июль 2001.

А.А. Терентьев (издатель журнала «Буддизм России», переводчик Далай-ламы в 1991–1995 гг.). С.-Петербург, декабрь 2004.

С.А. Ковалев (бывш. председатель Комитета по правам человека Верховного Совета РФ). С.-Петербург, март 2005 (по телефону).

4.24. Личный архив Ю.О. Оглаева: Ф.В. Баханов. Сквозь империалистическую блокаду. (Машинописная рукопись.)

4.25. Oriental and India Office Collection and Records (OIOC), London.

L/P & S/ 10 / 836, 1088, 1108, 1113, 1145, 1146.

L/P & S/ 11 / 277.

L/P & J/ 12 / 291.

Mss Eur. F 157 / 213, 214, 214а, 240, 245, 251.

4.26. Public Record Office (PRO), Kew.

FO (Foreign Office) 371 / 10291, 10403, 10481.

WO (War Office) 208 / 1957.

5. Монографии, статьи

Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в 1-ой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). С.-Петербург; Самара; Прага: ООО «Агни», 1997. 338 с.

- Андреев А.И.* Неизвестная страница из истории Большой игры. Дело о посылке русского агента в Тибет (1869–1873) // Ариаварта. 1999. № 3. С. 120-133.
- Андреев А.И., Юсупова Т.И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51-74.
- Андреев А.И.* Храм Будды в Северной столице. СПб.: «Нартанг», 2004. 221 с.
- Андреев А.И.* П.А. Бадмаев и русско-тибетское сближение // Третьи восточные чтения БГУЭП, посвященные жизни и деятельности П.А. Бадмаева. Иркутск, 2004. С. 23-29.
- Андреев А.И.* Визит чрезвычайного тибетского посольства в Россию в 1901 г. // Буддизм России. 2005. № 39. С. 86-93.
- Батенин Э.С.* Тибет. Послесловие к кн.: Мак-Говерн В. Переодетым в Лхассу. М.; Л., 1929. С. 225-295.
- Белов Е.А.* Тибетская политика России (1900–1914 гг.). (По русским архивным документам) // Восток. 1994. № 3. С. 99-109.
- Белов Е.А.* На заре российско-тибетских отношений // Азия и Африка сегодня. 1994. № 4. С. 64-66.
- Бембеев В.Ш.* Василий Хомутников. Элиста, 1991. 51 с.
- Бембеев В.Ш.* Человек из легенды. Исторический очерк. М.; Элиста, 1991. 188 с.
- Берлин Л.Е.* Англия и Тибет // Новый Восток. 1922. № 2. С. 355-366.
- Берлин Л.Е.* Хамбо-Агван-Доржиев. (К борьбе Тибета за независимость) // Новый Восток. 1923. № 3. С. 139-156.
- Беспрозванных Е.Л.* Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII – XVIII вв. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. университета, 2001. 354 с.
- Бичурин (Иакинф) Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1991 (перепеч.). 127 с.
- Богословский В.А.* Буддийская церковь в Тибете и её современное положение // История и культура Востока Азии. Т. 1: Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции. Новосибирск: Изд-во Наука, 1972. С. 101-106.
- Богословский В.А.* Тибетский район КНР. М.: Наука, 1978. 200 с.
- Богословский В.А.* Горькая судьба тибетцев // Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. (Отв. ред. М.И. Сладковский). М.: Политиздат, 1975. С. 102-125.
- Богословский В.А.* Тибет после Мао Цзэдуна. М., 1996. 102 с.
- Богословский В.А.* Политика XIII Далай-ламы в Тибете. М.: ИВ РАН, 2002. 140 с.
- Богословский В.А., Москалёв А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, 1984. 264 с.
- Вампилов Б.* Об антирелигиозной работе в Бурят-Монголии // Антирелигиозник. 1938. № 8-9. С. 27-30.
- Васильков Я.В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И. Щербатского // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1989. С. 178-223.
- Вашкевич В.* Ламаиты в Восточной Сибири. СПб.: Тип. МВД, 1885. 144 с.
- Венюков М.И.* Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1878. 22 с.

- Виленский (Сибиряков) В.Д. Современная Монголия. Харьков: «Пролетарий», 1925. VI, 7-58 с.
- Витухновский А.Л. Из истории англо-русских отношений на Среднем Востоке в начальный период англо-бурской войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 1958. Вып. 1. Т. 7. С. 115-130.
- Воловиков В.Г. Путешествия российского купца-дипломата // Российские путешественники в Индии. XIX – начало XX в. Документы и материалы. М.: Наука, 1990. С. 10-30.
- Гарри И. Хроника взаимоотношений Далай-ламы XIV и центрального правительства КНР // Буддизм России. СПб. 2003. № 38. С. 49-58.
- Гафуров Б.Г. Октябрьская революция и национально-освободительное движение. М.: Мысль, 1967. 151 с.
- Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1964. 179 с.
- Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб.: В. Березовский, 1909. X, 380 с.
- Грум-Гржимайло Г.Е. Тибет // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 41. Ч. VIII. [1924]. Стлб. 11-45.
- Гулам Мирза. Наступление английского империализма в Тибете и Западном Китае // На зарубежном Востоке. 1933. № 3-4. С. 129-139.
- Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1958. 212 с.
- Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 31-50.
- Далай-лама XIV. Буддизм Тибета. М.; Рига: Нартанг – Угунс, 1991. 103 с.
- Дамдинов А.В. Агван Доржиев: Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1999. 135 с.
- Доржиев Агван // Большая советская энциклопедия. 1-е изд. 1931. Т. 23. Стлб. 290.
- Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Гомбожаб Цыбиков. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1990. 236 с.
- Дубровин Н.Ф. Н.М. Пржевальский. Биографический очерк. СПб: Воен. тип., 1890. 628 с.
- [Ермаков Н.А.]. Подъесаул Уланов и лама Ульянов // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1-6. Т. 1. М.: Международные отношения, 1996. С. 183-191.
- Ермашев И. Сунь Ят-сен. М.: «Молодая гвардия», 1964. 318 с.
- [Ефремов Ф.]. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствие и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786. 224 с.
- Жуковская Н.Л. Бурятия: Жаркий июль 1991 г. // Буддизм. 1992. № 1. С. 15-19.
- Зарницкий Г.В., Сергеев А.Н. Чичерин. 2-ое изд. М.: «Молодая гвардия», 1975. 288 с.
- Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине // Международная жизнь. 1965. № 1. С. 96-107.
- Заятуев Г.Н. Цанид-хамбо Агван Доржиев, 1853–1938 гг. Улан-Удэ, 1991. 46 с.
- Зотов О.В. «Тайная» история Синьцзяна: Российский ракурс // Восток (Oriens). 2003. № 1. С. 80-94.

- Ивин А. Предисловие к кн.: Мак-Говерн В. Переодетым в Лхассу. М.; Л., 1929. С. 5-10.
- Каллиников А. Национально-революционное движение в Монголии. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. 118 с.
- Каллиников А. Революционная Монголия. М.: Госиздат, [1925]. 96 с.
- Капица М. С. КНР: Три десятилетия — три политики. М.: Политгиздат, 1976. 576 с.
- [Керзон Георг]. Положение, занимаемое Индией в Британской империи. Ташкент: Управ. окр. ген.-квартирмейстера штаба Туркестанского военного округа, 1911. 44 с.
- Клинов А. С. Политический статус Тибета и позиция держав (1914 г. – конец XX в.) Майкоп: Изд-во Майкопского гос. технологического института, 2000. 543 с.
- Кобеко Д. Поездка митрополита Хрисанфа к Далай-ламе // XXV лет. Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 385-398.
- Козлов П. К. Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901. Т. 1-2. СПб.: ИРГО, 1905–1906. Т. 1. Ч. 1. По Монголии до границ Тибета. XII, 256 с.; Т. 1. Ч. 2. Кам и обратный путь. X, 257-734 с.
- Козлов П. К. Английская экспедиция в Тибет // Исторический вестник. 1907. Т. 5. С. 522-539.
- Козлов П. К. Монголия и Тибет // Военный сборник. 1913. Т. 5. С. 157-160.
- Козлов П. К. Тибет и Далай-лама. Пг., 1920. 100 с.
- Козлов П. К. Тибет и Далай-лама. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. 137 с.
- Козлов П. К. Тибет // Новый мир. 1928. № 2. С. 256-267.
- Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.: ОГИЗ, 1948. 328 с.
- [Колбнев Э. К.]. Первые зарубежные партнеры // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1-6. Т. 2. М.: Международные отношения, 1996. С. 264-270.
- Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека. Пекин: Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 1992. 103 с.
- Коростовец И. Я. От Чингис-хана до Советской Республики. (Краткая история Монголии с учетом новейшего времени). Улан-Батор: Изд-во Адмон, 2004. 560 с.
- Котвич В. Л. Введение к кн.: Дас С. Ч. Путешествие в Тибет. СПб., 1904. С. IX-XXXVII.
- Кузьмин Ю. В. П. А. Бадмаев: дипломат, политик, предприниматель. Иркутск, 2002. 105 с.
- Кулешов Н. С. Россия и тибетский кризис начала XX века // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 152-160.
- Кулешов Н. С. Россия и Тибет в начале XX века. М.: Наука, 1992. 273 с.
- Кулешов Н. С. Как Монголия и Тибет признали обоюдную независимость: О внешнеполитической деятельности Агвана Доржиева // Священный Байкал (Улан-Удэ). 1995. Спецномер. С. 18-19
- Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги Страны снегов. Очерки истории Тибета и его культуры. М.: Наука, 1975. 304 с.
- Ладыгин В. Ф. Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1902 гг., снаряженной ИРГО // Известия ИРГО. Т. XXXVIII. № 4. С. 371-466. (Отдельный оттиск: СПб., 1902. С. 1–96).

- Ленин В.И.* Тетради по империализму. (Тетрадь «ни») // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 474–519.
- Ленин В.И.* О сепаратном мире // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1962. Т. 30. С. 184–192.
- Леонтьев В.П.* Иностранная экспансия в Тибете в 1888–1919. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 224 с.
- Леонтьев В.П.* Вступ. статья к кн.: Уннингтон А. Рассказ о путешествии. М., 1958. С. 5–18.
- Ломакина И.И.* Великий беглец. М., 2001. 288 с.
- Лукоянов И.В.* Дальневосточная авантюра П.А. Бадмаева. К вопросу о внешнедомственных влияниях во внешней политике России. (Неопубликованная рукопись). СПб.: СПб филиал Института истории РАН, 1992. 30 с.
- Маоизм и национальный вопрос. М.: Институт Дальнего Востока АН СССР (Информационный бюллетень АН СССР. № 17), 1980. 237 с.
- Мартенс Ф.Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Издание книгопродавца Эмиля Гартье, 1880. 91 с.
- Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века: Политические взаимоотношения в 1911–1946. М., 2000. 268 с.
- Мартынов А.С.* Статус Тибета в XVII – XVIII в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 282 с.
- Мендельсон В.И.* Англо-русские противоречия в Афганистане в начале XX века // Исторические записки. 1969. Т. 83. С. 144–258.
- Мировицкая Р.А.* Советский Союз и национально-освободительное движение в Китае (1923–1927). М.: Наука, 1969. 232 с.
- Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е гг.). М.: Наука, 1990. 234 с.
- Мировицкая Р.А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. М.: «Памятники исторической мысли», 1999. 311 с.
- Митрохин Л.В.* Противодействие английских властей влиянию Октябрьской революции на Индию. (По материалам Национального архива Индии) // Народы Азии и Африки. 1969. № 5. С. 128–132.
- Москалев А.А.* К оценке позиции КПК по вопросу о самоопределении наций // Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы. Тезисы докладов IV Международной научной конференции, Москва 1993 г. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1993. С. 123–125.
- Муханова А.С.-Д., Балданов С.С.* Из истории жизни Будды Рабданова // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук СО РАН, 1995. С. 93–98.
- Наберухин А.И.* Араши Чапчаев. Краткий биографический очерк. Элиста, 1990. 40 с.
- Новейшая история Китая, 1917–1970. М.: Глав. ред. соц-эконом. лит-ры, 1972. 437 с.
- Новейшее и достоверное описание Тибетского государства // Академические известия. СПб. Ч. 1. 1779. С. 257–280.
- Новый прогресс в защите прав человека в Тибете. Пекин: Пресс-канцелярия Госсовета КНР, февраль 1998. 37 с.

О'Коннор Т.Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика, 1918–1930. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Ольденбург С.Ф. Новейшая литература о Тибете. Papers relating to Tibet. Саратов Чандра Дас // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. 356. Отд. II. С. 129–168.

Ольденбург С.Ф. Англо-индийский поход в Тибет 1904 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. 360. Отд. II. С. 197–227; Ч. 361. С. 134–150.

Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 г.: Влияние русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977. 277 с.

Остриков П.И. Империалистическая политика Англии в Китае в 1900–1914 годах. М.: Изд-во «Наука», 1978. 228 с.

Очерки истории МНРП. Изд. 3-е. (Ред. Б. Лхамсурэн) М.: Политиздат, 1987. 343 с.

Павлович М.П. Англия и Россия // Вестник НКВД. 1922. № 1-3. С. 20-59.

Певцов М.В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-луню, северным окраинам Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889–1890 гг. СПб.: ИРГО, 1895. XIV, 424 с.

Пескова Г.Н. Становление дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем, 1917–1924 // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 105–134.

Пескова Г.Н. Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924–1929 // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 106–119; № 2. С. 66–68.

Попов А.К истории возникновения русско-сиамских отношений // Новый Восток. 1924. № 6. С. 31–42.

Попов А. Россия и Тибет // Новый Восток. 1927. № 18. С. 101–119; 1928. № 20-21. С. 33–54.

Попов А. От Босфора к Тихому океану // Историк марксист. 1934. № 3 (37). С. 3–28.

Попов А.Л. Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897–1905 гг. // Красный Архив. 1926. Т. 6 (19). С. 53–63.

Потанин Г.Н. Путь из Урги в Хлассу через кочевья Голуков // Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. 1893. Т. XXIV. Ч. 2. С. 38–43.

Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральной Монголии. М.: Гос. издат-во геогр. лит-ры, 1950. 652 с.

Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Т. 1-2. СПб.: ИРГО, 1875–1876. Т. 1.: X, 383 с.; Т. 2.: 428 с.

Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб.: ИРГО, 1883. IV, 476 с.

Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб.: ИРГО, 1888. IV, 537 с.

Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 1. СПб.: Изд. Главного штаба, 1883. С. 293–321.

Пубаев Р.Е. Дневники путешествия Будды Рабданова в Восточный Тибет (1903–1904) // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1983. С. 21–28.

Рахимов Т.Р. Национализм и шовинизм – основа политики группы Мао. М.: Мысль, 1968. 120 с.

Рахимов Т.Р. Великодержавная политика Мао Цзедуна и его группы в национальном вопросе // Опасный курс. Вып. 1. М.: Политиздат, 1969. С. 193–200.

- Рахимов Т.Р.* Судьба неханьских народов в КНР. М.: Мысль, 1981. 158 с.
- Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. Самара: Изд. дом «Агни», 1999. 361 с.
- Роборовский В.И.* Экскурсии по Тибету и Кашгарии. СПб.: А.С. Суворин, 1892. 27 с.
- Роборовский В.И.* Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. Труды экспедиции РГО по Центральной Азии в 1893–1895. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1949. 492 с.
- Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. М.; Улан-Батор, 1978. 263 с.
- Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Кн. 1: Великий план. СПб.: «Алетейя СПб», «Ариаварта-Пресс», 2002. 270 с.
- Руиз А.* Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. М., 1924. 133 с.
- Сазыкин А.Г.* Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамбо-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. 1989. Вып. XXVI. Кн. 3. С. 117-125.
- Сведения, касающиеся стран сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. XLIX. № 1-2. Ташкент, 1904. С. 23-34.
- Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. VI, 173 с.
- Снесарев А.Е.* Англо-русское соглашение. СПб.: Экон. типолит., 1908. 30 с.
- Снесарев А.Е.* Военная география России. СПб.: Изд. авт., 1909. 88 с.
- Снесарев А.Е.* Авганистан. Т. 1. М.: Госиздат, 1921. VIII, 244.
- Современная политика Китая в Тибете. [Дхарамсала], 2000. 44 с.
- Соколов В.В.* Неизвестный Г.В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 3-18.
- Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Свет с Востока // Родина. 1995. № 11. С. 30-33.
- Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Несостоявшийся Кортес: Имперские амбиции Н. Пржевальского // Родина. 2002. № 6. С. 36-40.
- Сувиоров Н.И.* Тибет. СПб, 1905. 137 с.
- Теплов В.* Английская экспедиция в Тибет // Русский вестник. 1904. Т. 290. Март. С. 393-415; Апрель. С. 784-831.
- Теплов В.* Английская экспедиция в Тибет. [Отдельный оттиск]. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1904. Б/п.
- Тибет // Большая советская энциклопедия. Т. 54. 1946. Стлб. 218-229.
- Тибет // Дальневосточное обозрение. Вып. 1. СПб., 1910. С. 1-43.
- Тибет глазами тибетцев. Пекин: Изд-во «Синьсин», 1995. 26 с.
- Тибет. Общий обзор. [М.]: Центр тибетской культуры и информации, б/г. 40 с.
- Тибет сегодня: Всеобщая ответственность. СПб.: Общество друзей Тибета, 1993. 23 с.
- Тибет: Правда, основанная на фактах. М.: Голарт, 1994. 117 с.
- Титов А.С.* Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК. М.: Наука, 1979. 151 с.
- Третьякова О.Д.* Политические и экономические отношения Советского государства и Афганистана в 1919–1929 гг. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. ист. н. Владимир: Владимирский гос. пед. институт, 1996. 18 с.

- [Пучковский Л.С.]. Панчен-Богдо и его контрреволюционная деятельность // Современная Монголия. 1937. № 2 (21). С. 57-66; № 3 (22). С. 67-76.
- Трояновский К.М. Восток и революция: Попытка построения новой политической программы для туземных народов Востока – Индии, Персии и Китая. М.: Изд. ВЦИК СРСК и КД, 1918. 71 с.
- Ульянов Д. Предсказание Будды о Доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб.: Центр. типолит., 1913. 118 с.
- Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма. К походу англичан в Тибет. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1904. 129 с.
- Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношении Запада и России к Востоку. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1900. VIII, 87 с.
- Ф. Ф. А. [Рецензия на книгу П.К. Козлова «Тибет и Далай-лама»] // Новый Восток. 1922. № 2. С. 662-663.
- Ферестанов Д. Английский империализм в Тибете // На зарубежном Востоке. Ташкент. 1934. № 2. С. 70-80.
- Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
- Цыбииков Г. О Центральном Тибете // Цыбииков Г. Избранные труды в 2-х т. 2-е изд. Т. 2. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 8-26.
- [Чжан Тяньлу]. Китай: Прошлое, нынешнее и будущее состояние населения в Тибете. Пекин: Изд-во «Синьсин», 1994. 33 с.
- Чимитдоржиев Ш.Б., Пурбуева Ц.П. Дамба-Даржа Заяев – первый Бандидо-хамбо-лама бурятских дацанов // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук СО РАН, 1995. С. 75-80.
- Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Соцэкгиз, 1961. 516 с.
- Шакабпа цепон В.Д. Тибет: Политическая история. СПб.: «Нартанг», 2003. 428 с.
- Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 182 с.
- Шаумян Т.Л. Тибет в международных отношениях начала XX в. М.: Наука, 1977. 231 с.
- Шаумян Т.Л. Тибет. (Политические и военно-стратегические аспекты китайской аннексии Тибета.) Разработка для использования советских общественных организаций. М., 1983. 47 с.
- Шаумян Т.Л. Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001. 344 с.
- [Шишмарев Я.П.]. Маршрут из Урги в Хлассу // Известия ИРГО. 1873. № 6. С. 185-191.
- Юдин В.И. У истоков монгольской народной революции // Монгольский сборник: Экономика, история, археология. М., 1959. С. 105-125.
- Юзефович Л. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. М.: Эллис Лак, 1993. 271 с.
- Юрвев М.Ф. Красная армия Китая, 1927–1937. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1958. 195 с.
- Юсов Б.В. Тибет. Физико-географическая характеристика. М.: Гос. изд-во. геогр. лит-ры, 1958. 223 с.

- Юсупова Т.И. Неосуществленная мечта П.К. Козлова // Природа. 2003. № 9. С. 52-56.
- Adamec L.W. Afghanistan 1900–1923: A Diplomatic History. Berkeley; Los Angeles: University of California, 1967. VII, 245 p.
- Addy Premen. Tibet on the Imperial Chessboard: The Making of British Policy towards Lhasa, 1899–1925. Calcutta: Academic Publishers, 1985. X, 364 p.
- Andreyev A.I. Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy. Leiden; Boston: Brill, 2003. 433 p.
- Andreyev A. Russian Buddhists in Tibet, from the End of the 19th Century – 1930 // Journal of the Royal Asiatic Society. 2001. Series 3. Vol. 11 (3). P. 349-362
- Andreyev A. Indian Pundits and the Russian Exploration of Tibet: An Unknown Story of the Great Game Era // Central Asiatic Journal. 2001. № 45 (2). P. 163-180.
- Andreyev A. The Tsar's Generals and Tibet // Tibet and her Neighbours: A History. Hansjorg Mayer, London, 2003. P. 167-173.
- Andrustang Gompo Tashi. Four Rivers, Six Ranges. (A True Account of Khampa Resistance to Chinese in Tibet.) Dharamsala: Information and Publicity Office of HH the Dalai Lama, 1973. 114 p.
- Baabar. Twentieth Century Mongolia. Cambridge: The White Horse Press, 1999. 448 p.
- Bartlett C.J. The Global Conflict. The International Rivalry of the Great Powers, 1880–1990. London; New York, 1994. VIII, 238 p.
- Bawden C.R. The Modern History of Mongolia. London: Paul Kegan International, 1989. 476 p.
- Belka L. The Revival of Tibetan Buddhism in Inner Asia // Asian and African Studies. 2002. Vol. 11 (1). P. 15-36.
- Belka L. The Restoration of Buddhism in Buryatia: The Current State // Religions in Contact: Selected Proceedings of the Special IAHR Conference, Brno 1994. Brno, 1996. P. 163-177.
- Bell C. Portrait of a Dalai Lama: The Life and Times of the Great Thirteenth. London: Wisdom Publications, 1987. 467 p.
- Bell C. Tibet: Past and Present. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2000. 326 p.
- Bormanshinov A. A Secret Kalmyk Mission to Tibet in 1904 // Central Asiatic Journal. 1992. Vol. 36. № 3-4. P. 161-185.
- Christie C. Great Britain, China and the Status of Tibet, 1914–1921 // Modern Asian Studies (UK). 1976. Vol. 10 (4). P. 481-508.
- Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London, 1889. 477 p.
- Davidson-Houston J.V. Russia and China. From the Huns to Mao Tsetung. London: Robert Hale Ltd., 1960. 192 p.
- Elleman B.A. Diplomacy and Deception: The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917–1927. Armonk; New York; London, 1997. 322 p.
- Engelhardt I. The Closing of the Gates: Tibetan – European Relations at the end of the 18th C. // Tibet, Past and Present: Proceedings of the 9th seminar of the IATS. Leiden: Brill, 2000. P. 229-245.
- Engelhardt I. Tibetan Triangle: German, Tibetan and British Relations in the Context of Ernst Schaefer's Expedition, 1938–1939 // Asiatische Studien / Etudes Asiatiques. 2004. Vol. LVIII. № 1. P. 57-113.

- Fleming P.* Bayonets to Lhasa: The First Full Account of British Invasion of Tibet in 1904. London: R. Hart-Davis, 1961. 319 p.
- Forsyth J.* A History of the Peoples of Siberia, Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1992. 455 p.
- French P.* Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer. London: Harper Collins Publishers, 1994. 424 p.
- Gillard D.* The Struggle for Asia, 1828–1924: A Study in British and Russian Imperialism. London: Methuen & Co, 1977. 214 p.
- Goldstein M.* A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1989. 898 p.
- Goldstein M.* The Snow Lion and the Dragon: China, Tibet and the Dalai Lama. Berkeley: University of California Press, 1977. – 152 p.
- Grunfeld T.* The Making of Modern Tibet. Armonk; New York: M.E. Sharpe, 1987. 277 p.
- Grunfeld T.* A Brief Survey of Tibetan Relations with the United States // Tibet and her Neighbours. A History. Ed. by A. McKay. London: Edition Hansjorg Mayer, 2003. P. 197-205.
- Hale Ch.* Himmler's Crusade: The True Story of the 1938 Nazi Expedition into Tibet. London; Toronto; Sydney; Auckland, 2003. 422 p.
- Hauner M.* India in Axis Strategy. London; Stuttgart, 1981. 750 p.
- Hauner M.* What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. London; New York, 1992. 264 p.
- Henze P.B.* The Strategic Significance of Recent Events in Tibet // Journal of the Royal Central Asian Society. 1953. Vol. XL. P. 169-173.
- Hopkirk P.* Setting the East Ablaze: On Secret Service in Bolshevik Asia. Oxford: Oxford University Press, 1984. 252 p.
- Hopkirk P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. London: John Murray (Publishers) Ltd, 1990. 562 p.
- Hopkirk P.* Trespassers on the Roof of the World: The Secret Exploration of Tibet. New York; Tokyo; London: Kodansha International, 1995 (2nd edition). 276 p.
- Hundley H.* Tibet's Part in the "Great Game" // History Today. Oct. 1993. P. 45-52.
- Jagou F.* Le 9e Panchen Lama (1883–1937), enjeu des relations sino-tibétaines. Paris: EFFEO / De Boccard. Monografie № 191, 2004. 431 p.
- Kawaguchi Ekai.* Russia's Tibetan Policy // The Open Court. 1916. Vol. 30 (6). P. 370-380.
- Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A Study in Imperialism. New Haven: Yale University press, 1968. 711 p.
- Knaus J.K.* Orphans of the Cold War: America and the Tibetan Struggle for Survival. New York: Public Affairs, 1999. – 384 p.
- Kolmas J.* Tibet and Imperial China: A Survey of Sino-Tibetan Relations up to the End of the Manchu Dynasty of 1912. Canberra: The Australian National University, 1967. 81 p.
- Kuleshov N.S.* Russia's Tibet File. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1996. XVIII, 144 p.
- Kuleshov N.* Agvan Dorjiev, the Dalai Lama's Ambassador // Asian Affairs. 1992. Vol. 23 (1). P. 20-33.
- Laird Th.* Into Tibet: The CIA's First Atomic Spy and his Secret Expedition to Lhasa. New York: Grove Press, 2002. 364 p.

- Lamb A.* Some Notes on Russian Intrigue in Tibet // The Journal of the Royal Central Asian Society. 1959. Vol. 46 (1). P. 46-65.
- Lamb A.* Britain and Chinese Central Asia: The Road to Lhasa 1767 to 1905. London: Routledge & Paul Kegan, 1960. 387 p.
- Lamb A.* The MacMahon Line. Vol. 1-2. London: Routledge & Paul Kegan, 1966. 656 p.
- Lamb A.* British India and Tibet, 1766–1910. London; New York: Routledge & Kegan Paul, 1986 (2nd edition). 353 p.
- Lamb A.* Tibet, China and India 1914–1950: A History of Imperial Diplomacy. Hertingfordbury (U.K.): Roxford Books, 1989. 594 p.
- Lattimore O.* Pivot of Asia. Boston, 1950. 288 p.
- LeDonn J.* The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. New York; Oxford, 1997. 394 p.
- McKay A.C.* The Cinderella of the Foreign Service: The Role of the British Trade Agents in Tibet 1910–1920 // South Asia Research. 1992. Vol. 12 (2). P. 119-134.
- McKay A.* A Very British Coup Attempt? // Journal of the Royal Asiatic Society. Series 3. 1997. Vol. 3 (3). P. 411-424.
- McKay A.C.* Tibet and the British Raj: The Frontier Cadre 1904–1947. Richmond: Curzon Press, 1997. 293 p.
- Mehra P.* Tibet and Russian Intrigue // Journal of the Royal Central Asian Society. 1958. Vol. 45 (1). P. 28-42.
- Mehra P.* The Mongol-Tibetan Treaty of January 11, 1913 // Journal of Asian History. 1969. Vol. 3 (1). P. 1-22.
- Mehra P.* Tibetan Polity, 1904–1937: The Conflict between the 13th Dalai Lama and the 9th Panchen. 1903–1937. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976. 94 p.
- Mehra P.* The Younghusband Expedition: An Interpretation. New Delhi: Gyan Publishing House, 2005. 418 p.
- Meyer K.E., Brysac S.B.* Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. Washington, D.C., 1999. 646 p.
- Morgan G.* Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. London: Frank Cass, 1981. XIX, 264 p.
- Nicolson H.* Curzon: The Last Phase, 1919–1925: A Study in Post-War Diplomacy. London: Constable and C^o, 1934. XVI, 416 p.
- Norbu Dawa.* Strategic Development in Tibet: Implications for its Neighbours // Asian Survey. 1979. Vol. 19 (3). P. 245-259.
- Norbu Dawa.* Imperialism and Inner Asia, 1775–1907: How British India and Imperial China Redefined the Status of Tibet // Ethnicity and Politics in Central Asia. New Delhi, 1992. P. 21-61.
- Norbu Dawa.* China's Tibet Policy. Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. 470 p.
- O'Connor T.E.* G.V. Chicherin and Soviet Foreign Affairs, 1918–1930. Iowa State University Press, Ames, 1988. 250 p.
- Palace W.* The British Empire and Tibet, 1900–1922. London; New York: Routledge Curzon, 2005. 194 p.
- Poppe N.N.* The Buddhists in the USSR // Religion in the USSR (Munich). Series 1. 1960. № 59. P. 168-179.
- Praag M.C. v. W.* The Status of Tibet: History, Rights, and Prospects in International Law. Boulder; Colorado, 1987. 382 p.

- Rank M.* Frank Ludlow and the English School in Tibet, 1923–1926 // *Asian Affairs*. 2003. Vol. XXXIV. № 1. P. 33-45.
- Rank M.* Buddhism Under Threat in Tibet // *Frontier*. Oxford: Keston Institute. 2004. № 3. P. 31-33.
- Rayfield D.* Dream of Lhasa: The Life of Nikolay Przhevalsky. London: Elek, 1976. 221 p.
- Richardson H.E.* Tibet and its History. London: Oxford University Press, 1962. X, 308 p.
- Rupen R.A.* Mongols of the 20th Century. Vol. 1-2. Bloomington, 1964. Vol. 1: 570 p.; Vol. 2: 167 p.
- Rupen R.A.* Mongolia, Tibet and Buddhism or, a Tale of two Roerichs // *Canada-Mongolia Review*. Saskatchewan. 1979. Vol. 5 (1). P. 1-36.
- Sarkisyanz E.* Communism and Central Asian Utopianism in Central Asia // *The Review of Politics*. Notre Dame (Indiana, USA). 1958. Vol. 20 (4). P. 623-633.
- Schimmelpenninck van der Oye D.* Russia's Great Game in Tibet // *Tibetan Review*. 1994. Vol. XXIX (1). P. 13-20.
- Schimmelpenninck van der Oye D.* Tsarist Intelligence and the Younghusband Expedition of 1904. (Неопубликованная рукопись.) 31 p.
- Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2001. 329 p.
- Schimmelpenninck van der Oye D.* Tournament of Shadows: Russia's Great Game in Tibet // *The History of Tibet*. Vol. I-III. Vol. III. London; New York: Routledge Curzon, 2003. P. 43-56.
- Siegel J.* *Endgame*. Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. London; New York: I.B. Tauris Publishers, 2002. 273 p.
- Shakabpa W.D.* Tibet: A Political History. New York: Potala Publications, 1988. 369 p.
- Shakya Ts.* The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet Since 1947. London: Pimlico, 1999. 574 p.
- Shaumian T.* Tibet: The Great Game and Tsarist Russia. New Delhi: Oxford University Press, 2000. 223 p.
- Snelling J.* Agvan Dorjiev: Eminence Grise of Central Asian Politics // *Asian Affairs*. 1990. Vol. 21 (1). P. 36-43.
- Snelling J.* Buddhism in Russia: The Story of Agwan Dorjiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Shaftsbury, Dorset, 1993. 320 p.
- Song Liming.* The Younghusband Expedition and China's Policy towards Tibet, 1903–1904 // *Tibetan Studies: Proceedings of the 6th Seminar of the IATS, Fagernes 1992*. Vol. 2. Oslo, 1994. P. 789-800.
- Song Liming.* General Huang Musong's Mission to Lhasa and the Sino-Tibetan Negotiations in 1934 // *Tibetan Studies: Proceedings of the 7th Seminar of the IATS, Graz 1995*. Vol. 2. Wien, 1997. P. 903-916.
- Spence H.* Tsarong II, the Hero of Chaksam, and the Modernisation Struggle in Tibet, 1912–1931 // *The Tibet Journal*. 1991. Vol. 16 (1). P. 34-57.
- Spence H.* Britain: Protector of Tibet? 1912–1933 // *Tibetan Studies: Proceedings of the 7th Seminar of the IATS, Graz 1995*. Vol. 2I. Wien, 1995. P. 917-922.
- Spengen W van.* Tibetan Border Worlds: A Geohistorical Analysis of Trade and Traders. London; New York: Kegan Paul International, 2000. 307 p.

Sperling E. The Chinese Venture in K'am, 1904–1911, and the Role of Chao Erh-feng // *The Tibet Journal*. 1976. Vol. I (2). P. 10-36.

Stanwood F. War, Revolution and British Imperialism in Central Asia. London: Ithaca Press, 1983. 261 p.

Swinson A. Beyond the Frontiers: The Biography of Colonel F.M. Bailey, Explorer and Special Agent. London, 1971. XIII, 246 p.

The History of Tibet. Vol. I-III. Ed. A. McKay. Vol. III: The Modern Period: 1895–1959. London; New York: Routledge Curzon, 2003. 737 p.

The Mongols and Tibet. A Historical Assessment of Relations between the Mongol Empire and Tibet. Dharamsala: Department of Information and International Relations, 1996. 36 p.

The New Russian Foreign Policy. Ed. by Mandelbaum. New York: A Council of Foreign Relations, 1998. 202 p.

Tibet // *The Indian Year Book*. Bombay: The Times Press, 1922. P. 176-178.

Tibet // *The Indian Year Book*. Bombay: The Times Press, 1927. P. 244-246.

Tibet and her Neighbours. A History. (Ed. A. McKay). London: Hansjorg Mayer, 2003. 240 p.

Tibet: From 1951 to 1991. Beijing: New Star Publishers, 1991. 138 p.

Tibet. The Position in International Law. Report of the Conference of International Lawyers on Issues Relating to Self-Determination and Independence for Tibet, London 1993. London: Serindia; Stuttgart – London: Edition Hansjorg Mayer, 1994. 237 p.

Tsarong Dundul Namgyal. In the Service of His Country. The Biography of Dasang Damdul Tsarong, Commander General of Tibet. Ithaca; New York: Snow Lion Publications, 2000. 149 p.

Verrier A. Francis Younghusband and the Great Game. London, 1991. XVIII, 238 p.

Waller D. Pundits: British Exploration of Tibet and Central Asia. Lexington: University Press of Kentucky, 1990. 327 p.

Walt van Praag van M.C. The Status of Tibetan History, Rights and Prospects in International Law. Boulder, Colorado: Westview Press, 1987. 382 p.

Wang Fureng, Suo Wenqing. Highlights of Tibetan History. Beijing: New World Press, 1984. 206 p.

Warikoo K. Central Asia and Kashmir. A Study in the Context of Anglo-Russian Rivalry. New Delhi: Gyan Publishing House, 1989. X, 264 p.

Wersto Th.J. Tibet in Sino-Soviet Relations // *Asian Affairs*. An American Review. 1983. Vol. 10 (3). P. 70-85.

Younghusband F. India and Tibet. A History of the Relations which have Subsisted between the two Countries from the time of W. Hastings to 1910, with a Particular Account of the Mission to Lhasa of 1904. London: Murray, 1910. XVII, 455 p.

Zhong Zangwen. China's Tibet. Beijing: China Intercontinental Press, 1995. 94 p.

Zhukovskaya N.L. Buddhism and Problems of National and Cultural Resurrection of the Buryat Nation // *Central Asian Survey*. 1992. Vol. 11 (2). P. 27-41.

Список титульных иллюстраций:

К главе 1

Дворец Далай-ламы Потала. Вид с горы Чакпори.

К главе 2

Агван Доржиев. С.-Петербург, ок. 1900. Архив квартиры-музея П.К.Козлова.

К главе 3

«Карта, показывающая положение Тибета относительно России, Индии и Китая» из кн.: L.A.Waddell. Lhasa and its Mysteries. London, 1906.

К главе 4

Ленин и Восток. Заставка из журнала «Новый Восток»
худ. В.С. Орлов. 1924.

К главе 5

А. Доржиев в Бурятии, сер. 1920-х. Архив Музея истории Бурятии, Улан-Удэ.

К главе 6

Великая дружба. И.В. Сталин и Мао Цзедун. (1951). Фрагмент с картины Д.Л. Налбандяна.

Оглавление:

Вместо предисловия.....	6
Введение. Историография проблемы и обзор источников	11
Глава 1. Россия и Тибет в XVIII – XIX вв.	42
1.1. Попытки завязывания отношений с Тибетом в XVIII – начале XIX в.....	43
1.2. Тибет и Большая игра в Центральной Азии	52
Глава 2. Русско-тибетское сближение, 1898 – 1906.....	76
2.1. Миссии А. Доржиева в Россию: начало русско-тибетского диалога	77
2.2. Английская военная экспедиция	105
в Тибет (1903-1904) и её последствия	105
2.3. Пребывание Далай-ламы в Монголии	132
Глава 3. Англо-русское размежевание в Азии и тибетский вопрос, 1906 – 1914.....	154
3.1. Англо-русская конвенция 1907 г. и её влияние на тибетскую политику России	155
3.2. Тибетский вопрос в англо-русских	
отношениях в предвоенные годы	179
3.3. Независимость Тибета и Симльская конференция	206
Глава 4. Советская Россия в поисках сближения с Тибетом, 1918 – 1925	218
4.1. Революция в России и Тибет.....	219
4.2. Рекогносцировочная экспедиция В.А. Хомутникова, 1921 – 1922	227
4.3. Миссия С.С.Борисова – Б.В. Вампилона, 1923 – 1925.....	247

Глава 5. Кризис в советско-тибетских отношениях, 1926 – 1929	272
5.1. Советско-монгольское посольство, 1926 – 1928	273
5.2. «Посольство западных буддистов» Н.К. Рериха, 1927 – 1928	300
5.3. Последние попытки установления отношений с Тибетом	309
Глава 6. После Большой игры: Тибетский вопрос в советско-германских, советско-китайских и российско-китайских отношениях	324
6.1. Переговоры с нацистской Германией: операции «Аманулла» и «Тибет», 1939 – 1940	325
6.2. СССР и китайская аннексия Тибета	332
6.3. Тибет в советско-китайских отношениях, 1960-е – 1980-е гг.	370
6.4. Тибетская политика постсоветской России	396
Заключение	414
Источники и литература	436
Список титульных иллюстраций	462

Научное издание

Андреев Александр Иванович

**Тибет в политике царской,
советской и постсоветской России**

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Светлов Р.В.*

Издательство «Нартанг»
Ответственный редактор *Терентьев А.А.*
Редактор *Разумова Г.А.*
Художественное оформление, верстка:
дизайн-студия ТОЧКИ:
www.fullstops.ru
Обложка художника *Соловьевой Е.А.*

Подписано в печать 02.11.2005. Формат 60 x 90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ.л. 29,25. Тираж 1000 экз. Заказ № 48

Издательство СПбГУ.
199004, С.-Петербург, 6-я линия, 11/21.
тел.(812) 328-96-17, факс (812)328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru

Издательство А.Терентьева «Нартанг».
С.-Петербург, Таврическая, 45-82.
тел.(812) 710-00-12
E-mail: editor@BuddhismofRussia.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
предлагает учебники, учебные пособия, научную
и научно-популярную литературу по

*истории,
экономике,
психологии,
философии,
филологии,
языкознанию,
естественным и точным наукам*

студентам, преподавателям, научным сотрудникам, а
также учителям, школьникам — всем, кому интересен
мир книги.

Книги можно приобрести в магазинах Издательства,
а также через отдел реализации:

199034, С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Книги Издательского дома Санкт-Петербургского государственного университета можно приобрести в магазинах Издательства по адресам:

Магазин № 1 «Vita Nova»:

Университетская наб., 7/9

Тел. 328-96-91; E-mail: vitanova@it13850.spb.edu

Филиал № 2:

Петродворец, Университетский пр., 28

Тел. 428-45-91

Филиал № 3:

В. О., 1-я линия, 26

Тел. 328-80-40

Филиал № 5:

Петродворец, Ульяновская ул., 1

(физический факультет)

Филиал № 6 «АКМЭ»:

В.О., Менделеевская линия, дом. 5

(здание исторического и философского факультетов)

Филиал № 7:

В. О., наб. Макарова, 6

(факультет психологии)

Филиал № 8:

Университетская наб., 11

(в холле филологического факультета)

В наших магазинах Вы найдете учебную и научную литературу и других издательств по всем отраслям знаний

«КНИГА-ПОЧТОЙ»

Наша служба «Книга—почтой» предлагает широкий ассортимент научной и учебной литературы по всем университетским дисциплинам. Вы можете заказать как вышедшую, так и готовящуюся к изданию литературу более чем 100 издательств Москвы и Санкт-Петербурга. Информацию о новинках этих издательств можно найти в газете «Книжное обозрение» (подписной индекс: 50051). Мы работаем с частными лицами и организациями.

Условия оплаты — в зависимости от региона и выбора клиента.

- **СНГ, дальнее и ближнее зарубежье** — только предоплата (отправка книг заказной корреспонденцией).
- **Россия** — наложенный платеж или предоплата по выбору клиента.

В соответствии с заказом мы комплектуем ценные бандероли весом до 2 кг. В сумму оценки входит примерно 30% от стоимости заказанных книг на почтовые расходы. Отправка книг осуществляется в течение месяца после получения заказа.

E-mail: post@unipress.ru

Подробнее — на нашем сайте
www.unipress.ru

Исследование петербургского историка посвящено 300-летней истории российско-тибетских связей. А.И. Андреев рассказывает о зарождении этих связей в XVIII в. благодаря религиозным контактам с Лхасой российских буддистов — калмыков и бурят, анализирует наиболее активные фазы политического диалога с Тибетом Российской империи и затем молодой Советской республики, подробно характеризует тибетскую политику СССР и Российской Федерации во 2-ой половине XX века, после аннексии Тибета коммунистическим Китаем, а также нынешнее состояние тибетской проблемы. Автор использует обширный фактологический материал, включая уникальные документы из архива Президента РФ и британских архивов.

9 785288 038136 >